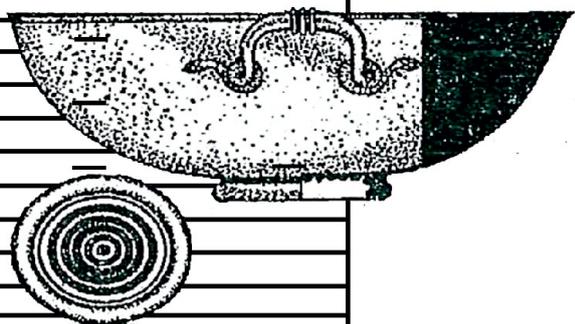

Древности Кубани

2020

Министерство культуры Краснодарского края

ГБУК КК «Краснодарский государственный историко-археологический
музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына»

ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция»

ДРЕВНОСТИ КУБАНИ

Выпуск 24

Сборник научных трудов

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2020

УДК 930.26
ББК 63.48(2)
Д73

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.В. Верещагин (ответственный редактор);
Ю.В. Зеленский;
Р.Б. Схагум – кандидат исторических наук;
В.В. Улитин – кандидат исторических наук;
Л.Э. Голубев – кандидат исторических наук;
А.В. Пьянков

Д73 Древности Кубани. Выпуск 24 : сборник научных трудов ; отв. ред. В.В. Верещагин. – Ростов-на-Дону – Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. – 302 с.

ISBN 978-5-9275-3737-2
DOI 10.18522/801286003

Сборник научных трудов по археологии включает в себя статьи по древней и средневековой истории Западного Кавказа, Нижнего Дона и Крыма.

Издание адресовано археологам, историкам, музейным работникам, преподавателям и студентам вузов, а также всем, кто интересуется историей и археологией Евразии от бронзового века до средневековья.

УДК 930.26
ББК 63.48(2)

ISBN 978-5-9275-3737-2

© КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына, 2020
© ООО «Ростовская Археологическая
Экспедиция», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

.....

Абрамова А.Н., Горошников А.А., Горошникова З.В. Предварительный палеоантропологический анализ населения поздней бронзы Таманского полуострова по материалам поселения Панагия 1	5
Черкасов А.Н. Погребения ямной культурно-исторической общности Северо-Западного Крыма.....	12
Сазонов А.А., Исайкин В.М. Находка бронзового навершия древнемеотского скипетра близ станицы Азовской	43
Шевченко Н.Ф. Грунтовый могильник «Мезмай 1»	47
Скаков А.Ю. Клад из селения Пшاپ (Абхазия).....	89
Бацанюк И.С. Жертвенно-погребальная конструкция на могильнике Старокорсунского городища № 3	100
Ларенок В.А., Ларенок П.А. Поселение «Сонино I» (материалы раскопок 2020 г. в зоне реконструкции автодороги Азов – Староминская)	104
Круглов Е.В. Раннесредневековый горизонт курганного могильника у с. Старица (Астраханская область)	111
Нечипорук А.А., Дедюлькин А.В. Раннесредневековое погребение на реке Маныч.....	118
Пьянков А.В. Кенотаф всадника из поздней группы погребений могильника Бжид-1	123
Гончаров С.А., Шаов А.Р. Разведки на городище Гунделен-2 на Среднем Баксане в 2019 г.	128
Крайсветный М.И. Мастер-лучник (материалы косторезной мастерской из раскопок Золотовского городища на острове Куркин)	138
Верещагин В.В. Половецкое святилище в Сарпинском районе Калмыкии	146
Евглевский А.В. Кочевническое изваяние XIII в. с вторичным знаком из города Изобильный: скрытый смысл иконографии	155

Волков И.В., Лопан О.В. О некоторых находках предметов вооружения и конского снаряжения из Азова: к вопросу о султанских украшениях узды золотоордынского времени	165
Нарожный Е.И. Кочевническое захоронение у сел. Каменка на Донбассе: его датировка, аналогии и этнокультурная атрибуция	194
Баринов Д.Г., Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н. Средневековое погребение кочевника у станицы Курчанская Краснодарского края.....	205
Голубев Л.Э. О влиянии кочевников «половецкого времени» на погребальный обряд племен Северо-Восточного Причерноморья	213
Королева И.А., Схатум Р.Б. К этнической и хронологической атрибуции средневекового могильника «Потомственный»	221
Попов А.Р., Схатум Р.Б. Всадник с левобережья р. Иль (Западное Закубанье)	232
Яцюк Д.А., Иванов А.В. Материалы из раскопок кургана в Анапском районе	261
Нарожный Е.И. «Новое» как напрочь забытое «старое»?	280

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

Памяти И.Н. Анфимова	286
Памяти Н.Е. Беспалой	291
Памяти А.П. Кононенко	292
Памяти М.И. Крайсветного	295
Сведения об авторах	299

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ПАНАГИЯ 1*

Эпоха поздней бронзы Северного Кавказа, Крыма, Украины и Юга России представлена большим количеством погребальных памятников. Это и курганы, и грунтовые могильники, которые вот уже второе столетие привлекают археологов. Их раскопки дали значительный краниологический материал, отраженный в палеоантропологических работах разных лет (см., наприм. Зиневич, 1967; Зиневич, Круц, 1968; Круц, 1984; Батиева, 2011). Отдельные палеоэкологические аспекты населения, проживавшего на территории Прикубанья, были отражены в работе М.В. Добровольской (Добровольская, 2005). Однако костные останки человека, происходящие с данных территорий, чаще всего представлены весьма фрагментированными, а подчас и полностью разрушенными скелетами. Связано это и с природно-климатическими особенностями, и с древностью самих объектов исследования. Плохая сохранность скелетов чаще всего становится непреодолимой преградой в изучении древних популяций. В результате население бронзового века, проживавшее на территории современного Юга России в древности, антропологически изучено довольно слабо, а что касается населения территории Таманского полуострова, то оно не изучено вовсе.

Поселение эпохи поздней бронзы Панагия 1 расположено в юго-западной части Таманского полуострова (рис. 1). Памятник находится в урочище Холодная долина, на возвышении. Рельеф местности спокойный, ровный. В советское время здесь располагался виноградник, и вся территория подвергалась плантажной распахке.

История выявления и изучения памятника развивалась следующим образом. В 2014 году И.В. Цокур был выявлен и поставлен на учет курган Панагия 1, раскопанный одним из ав-

торов в 2017 году. В процессе проведения работ по исследованию насыпи было установлено, что данный курган представляет собой кучу жженой лозы, образовавшуюся при ликвидации виноградников. Однако в границах раскопанной территории были обнаружены объекты поселенческого типа. Также в процессе проведения визуальной разведки были выявлены насыпи № 1 и № 2 курганной группы Панагия 2, которая была поставлена на учет и впоследствии раскопана в 2017 году.

Поселение Панагия 1 выявлено и поставлено на учет также в 2017 году в процессе проведения разведочных работ на участке, подлежащем хозяйственному освоению для строительства объектов ЗАО «Таманьнефтегаз». Был снят топографический план памятника, выполнено определение границ его территории. Выявлена и поставлена на учет курганная группа Панагия 3, состоящая из трех насыпей и расположенная на территории поселения.

В 2018 году экспедиция ООО «Кубаньархеология» исследовала юго-восточную часть поселения общей площадью 30 340 м² (рис. 2). В ходе работ южная и восточная границы территории памятника были скорректированы в сторону их увеличения. Итогом работ стало полное исследование юго-западной, южной и восточной частей памятника. На раскопанной территории было зафиксировано значительное количество археологических объектов: каменных набросков, остатков фундаментов построек, хозяйственных ям и т.д. Также исследовано 17 погребений, относящихся к эпохе поздней бронзы. Два погребения совершены в заполнении хозяйственных ям. Кроме того, отдельные черепа и фрагменты костей скелета встречались в культурном слое памятника, в заполнении хозяйственных ям и котлованов на разных уровнях.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00469А.

Рис. 1. Месторасположение поселения Панагия 1 на карте ресурса OSM

Раскоп 2019 года общей площадью 31 410 м² был заложен в западной и центральной частях памятника. Наряду с поселенческими объектами на исследованной территории было зафиксировано 14 погребений, относящихся к периоду существования памятника в эпоху поздней бронзы. По аналогии с предыдущим годом раскопок фрагменты костей человека встречались как в культурном слое, так и в заполнении хозяйственных ям и котлованов. Одно из погребений было совершено непосредственно в котловане для добычи глины, второе – на горизонт выше уровня зачистки котлована. Отдельную группу образуют погребения, расчищенные под камнями жилых построек.

Палеоантропологическое исследование населения памятника проводится параллельно с археологическими работами на поселении. За два года раскопок непосредственно участка поселения (в 2018 и 2019 годах) на анализ было передано 38 скелетов различной степени сохранности, чаще всего очень плохой. Что касается погребений,

обнаруженных в процессе раскопок курганной группы Панагия 2 в 2017 году, то из-за крайне плохой сохранности костной ткани выполнить какие-либо определения не удалось.

Цель данной работы заключается в предварительной палеоантропологической характеристике населения, в эпоху поздней бронзы проживавшего на территории поселения Панагия 1. В задачи входило проведение половозрастного анализа индивидов, а также морфологическое описание черепов, полученных в ходе раскопок памятника в 2018 году.

При определении пола и возраста изучались как признаки черепа, так и посткраниального скелета (Добряк, 1960; Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Пашкова, Резников, 1978; Ubelaker, 1978). В условиях плохой сохранности костной ткани использовались широкие возрастные интервалы, предложенные Д.В. Пежемским (Пежемский, 2003; 2010). Неполная комплектность скелетов, а также особенности самих погребальных сооружений,

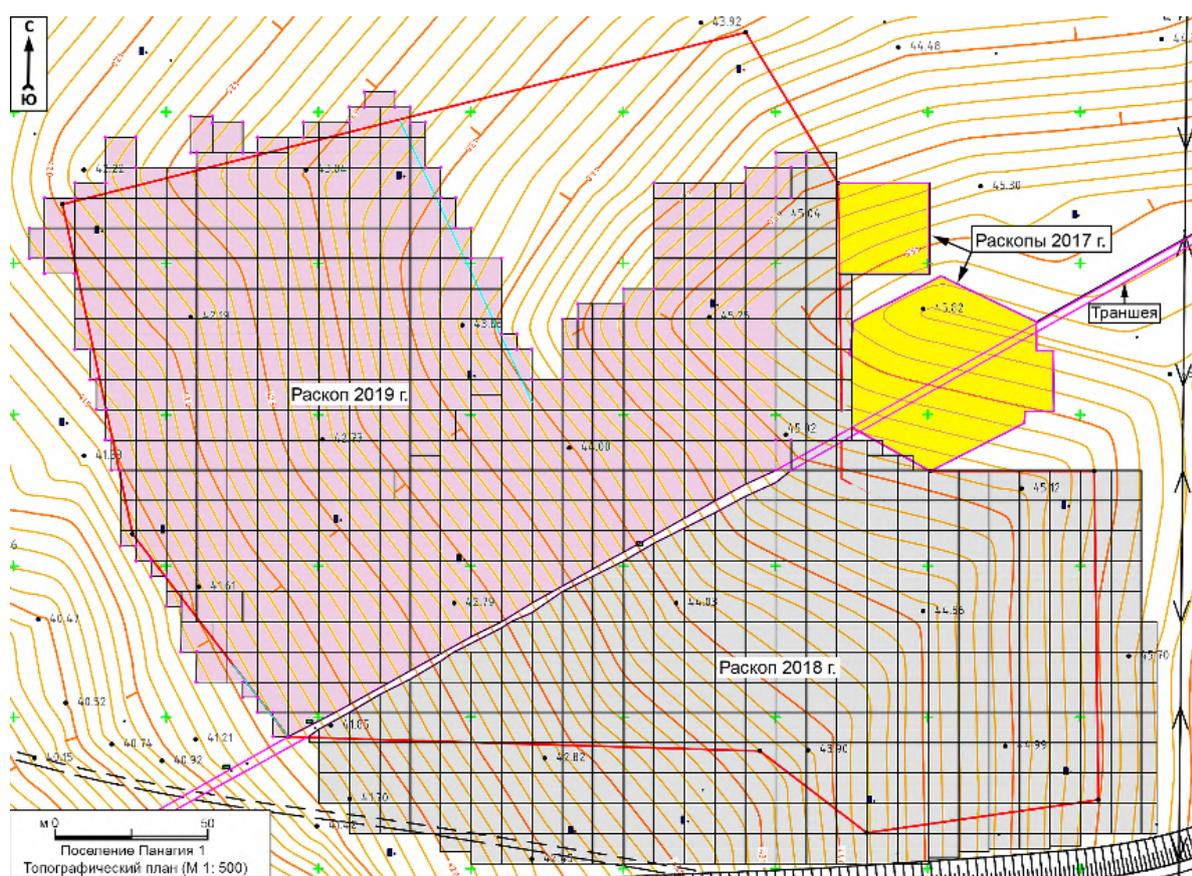

Рис. 2. Топографический план поселения Панагия 1 с обозначенными раскопами 2017–2019 гг.

по-видимому, частично разрушенных еще в древности, стали причиной того, что на сегодняшний день удалось отреставрировать и изучить по стандартной краниометрической программе лишь 6 нейрокраниумов (Дебец, 1935; Алексеев, Дебец, 1964; Martin, 1928). Для тех индивидов, у которых удалось измерить наибольшую длину бедренной кости, была реконструирована длина тела, расчет которой проводился с использованием нескольких регрессионных формул разных авторов (Stevenson, 1929, p. 310; Fujii, 1960; Kouchi, 1987, p. 26; Genovés, 1967, p. 76; Trotter, Gleser, 1958; Nath, Badkur 2002, p. 112; Pearson, Lee, 1897; Pearson, 1899; N. de Mendonça, 2000, p. 43).

Пол и возраст удалось определить для 33 скелетов (табл. 1). Примечательно, что большинство из них – мужчины (18 индивидов). При этом основная часть умерла в возрасте старше 45 лет. Только пятеро индивидов были отнесены к более ранним возрастным интервалам – 25–35 и 35–45 лет.

Из пяти женщин, погребенных на данном поселении, только одна умерла в возрасте 35–45 лет, смерть остальных пришлось на значительно более ранний период. Конечно, высокая смертность среди молодых женщин древнего населения не раз отмечалась палеоантропологами (см., наприм.: Алексеев В.П., 1972; Алексеева и др., 2003). Возможно, и в данном случае она была связана с осложнениями, вызванными беременностью и родами. Однако вопрос естественной смерти этих женщин не так однозначен.

Детские останки представлены девятью индивидами, что составляет почти четверть от всех изученных скелетов. Примечательно, что семеро происходят из групповых погребений (табл. 1). Три ребенка умерли до трех лет, один в возрасте первого детства, еще трое – в интервале, соответствующему возрасту *infantilis II*. Два других ребенка, погребенных в одиночных могилах, умерли в интервале 1–3 года. Также был зафиксирован скелет одного подростка 13–

18 лет, пол которого из-за плохой сохранности скелета определить не удалось. Заметим, что из всех детских скелетов не было зафиксировано ни одного ребенка, умершего до года, что достаточно необычно, учитывая высокую младенческую смертность среди древних популяций. Связано ли это с общей плохой сохранностью скелетов, когда хрупкие кости младенцев полностью истлевают, или же с особенностями погребального обряда, пока сказать сложно.

Плохая сохранность и неполная комплектность скелетов затруднили фиксацию травм и патологий. Однако в большинстве случаев никаких значительных травматических повреждений не наблюдалось. Что касается патологий, то большая их часть связана с зубочелюстной системой и возрастными изменениями на суставных поверхностях и позвонках.

При краниометрическом исследовании плохая сохранность черепов привела к тому, что из всех индивидов, которые были изучены в 2018 году, только для шестерых удалось отреставрировать и измерить область нейрокраниума (табл. 2).

Погребение 2, раскоп 1 (2018 год). Череп принадлежал женщине 35–45 лет. Для продольного диаметра характерны большие размеры. Лобная и теменная хорды, а также теменная и затылочная дуги описываются средними значениями. Затылочная хорда и лобная дуга больших размеров.

Реконструируемая длина тела индивида составила 156–158 см.

Погребение 14, раскоп 1 (2018 год). Также женщина, умершая в возрасте 20–25 лет. Череп характеризуется мезокранией и средними величинами большинства изученных размеров, кроме лобной и теменной хорд, теменной дуги и верхней ширины лица, описывающихся большими значениями.

Погребение 5, раскоп 1 (2018 год). Долихокраний череп женщины 25–35 лет. Большинство доступных для изучения размеров были отнесены к малым и очень малым категориям, продольный диаметр, теменные хорда и дуга – очень большим, а ширина основания черепа и ушная ширина среднего значения. Сохранность посткраниального скелета позволила ре-

конструировать длину тела, которая составила 165–166 см.

Погребение 11, раскоп 1 (2018 год). Мужской череп с очень малыми значениями черепного указателя (долихокrania), что обеспечивается очень большим продольным диаметром и очень малым поперечным. Лобные и теменные дуги и хорды большие и очень большие, в то время как размеры, описывающие ширину лобной кости, характеризуются средними значениями, а верхняя ширина лба – малыми. Длина тела данного индивида реконструируется в пределах 169–170 см.

Погребение 12, раскоп 1 (2018 год). Сохранность черепа этого мужчины 25–35 лет оказалась очень плохой, в результате чего удалось изучить только теменно-затылочную область. Продольный диаметр, теменная дуга и хорда описываются очень большими размерами, а затылочная область очень малыми, что говорит об укороченной затылочной кости.

Погребение 13, раскоп 1 (2018 год). Также череп мужчины, умершего в преклонном возрасте, старше 55 лет. Все швы черепа были полностью облитерированы. Зафиксированы сильные краевые разрастания на позвонках, возрастные изменения на суставных поверхностях, а также сильная стертость жевательной поверхности зубных коронок. В области второго премоляра с левой стороны – апикальный абсцесс.

Продольный диаметр черепа характеризуется очень большими значениями продольного диаметра, наименьшей ширины лба и верхней ширины лица, все остальные изученные размеры относятся к большим категориям. Для этого индивида также удалось реконструировать длину тела, которая составила 169–171 см.

Плохая сохранность черепов не позволяет нам провести полноценный внутригрупповой сравнительный анализ. Мы можем констатировать, что все изученные размеры сильно различны для каждого индивида, однако говорить о неоднородности населения на внутригрупповом уровне на данном этапе исследования преждевременно.

Значительное преобладание мужчин зрелого возраста на данном памятнике дает возмож-

ность предположить, что на территории поселения захоранивалась лишь незначительная группа индивидов, возможно, имеющих определенный статус в обществе. При этом молодой возраст женщин, преклонный возраст мужчин и полное отсутствие детей до 1 года и старше 10 лет, вероятнее всего, объясняется ритуальным характером данных погребений. По-видимому, основная часть населения захоранивалась в каком-то другом месте, тогда как на территории поселения погребались лишь отдельные индивиды. Какой именно критерий лежал в основе отбора кандидатов для захоронения на территории данного памятника, сказать трудно. Отсутствие каких-то значительных травм и преклонный возраст большинства мужчин дает нам возможность предположить, что они не имели воинского статуса. Однако здесь необходимо помнить о плохой сохранности большинства скелетов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.
- Алексеев В.П., 1972. Палеодемография СССР // Советская археология. № 1. С. 3–21.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука.
- Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.
- Батиева Е.Ф., 2011. Антропологические материалы из срубных погребений междуречья Дона и Чира // Ша-рафутдинова Э.С., Житников В.Г. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Средне-го Подонья). СПб. С. 162–176.
- Дебец Г.Ф., 1935. К унификации краниологических исследований // Антропологический журнал. № 1. С. 118–124.
- Добровольская М.В., 2005. Население эпохи бронзы в Прикубанье: некоторые аспекты изучения антропологического источника // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. С. 95–112.
- Добряк В.И., 1960. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев.
- Зиневич Г.П., 1967. Очерки палеоантропологии Украины. Киев.
- Зиневич Г.П., Круц С.И., 1968. Антропологічна характеристика давнього населення території України. Київ.
- Круц С.И., 1984. Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья (эпоха бронзы). Киев.
- Пашкова В.И., 1963. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.
- Пашкова В.И., Резников Б.Д., 1978. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов.
- Пежемский Д.В., 2003. Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 года. Тезисы докладов. М. С. 255.
- Пежемский Д.В., 2010. Половозрастная структура населения Петровского конца средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 47–55.
- Fujii A., 1960. On the relation of long bone lengths of limbs to stature // Juntendo Daigaku Taiiku Gakubu Kiyo. Vol. 3. P. 49–61. 44–91.
- Genovés S., 1967. Proportionality of the long bones and thier relation of stature among Mesoamericans // AJPA. Vol. 26. P. 67–78.
- Kouchi M., 1987. Which Equations Should be Used to Estimate the Stature of Ancient Japanese Populations? // Bulletin of the National Science Museum (Tokyo). Ser. D – Anthropology. Vol. 13. P. 21–46.
- Martin R., 1928. Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung. Bd. II. Kraniologie. Osteologie. Jena.
- Mendonça M.C. de, 2000. Estimation of Height from the Length of Long Bones in a Portuguese Adult Population // AJPA. Vol. 112. P. 39–48.
- Nath S., Badkur P., 2002. Reconstruction of Stature from Long Bone Lengths // Anthropology: Trends and Applications – Anthropologist. Sp. Issue, № 1. P. 109–114.
- Pearson K., 1899. Mathematical contributions to the theory of evolution. V. On the reconstruction of the stature of prehistoric races // Phil. Transact. R. Soc. Ser. A. Vol. 192. P. 169–244.
- Pearson K., Lee A., 1897. Mathematical contributions to the theory of evolution. On the relative variation and correlation in civilised and uncivilised races // Proc. R. Soc. Vol. 61, No. 378. P. 343–357.
- Stevenson P.H., 1929. On racial differences in stature long bone regression formulae, with special reference to stature reconstruction formulae for the Chinese // Biometrika. Vol. 21. P. 303–318.
- Trotter M., Gleser G.C., 1958. A reevaluation of estimation of stature based on measurements of stature taken during life and of long bones after death // AJPA. Vol. 16. P. 79–123.
- Ubelaker D.H., 1978. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Chicago.

Таблица 1. Половозрастная характеристика индивидов, погребенных на территории Панагия 1 и датированных эпохой поздней бронзы

Номер погребения и год раскопок	Пол и возраст погребенных
Погребение 1, 2018	Пол и возраст определены не были
Погребение 2, 2018	Пол: женский, возраст: <i>maturus</i> I (35–45 лет) Ребенок, возраст: <i>infantilis primus</i> (2–3 года) Ребенок, возраст: <i>infantilis</i> I (5–6 лет) Ребенок, возраст: <i>infantilis</i> II (8–10 лет)
Погребение 4, 2018	Пол: мужской, возраст: <i>maturus</i> II (45–55 лет)
Погребение 5, 2018	Пол: мужской, возраст: <i>maturus</i> II (45–55 лет)
Погребение 6, 2018	Пол: мужской, возраст: <i>maturus</i> I (35–45 лет)
Погребение 7, 2018	Пол: мужской, возраст: <i>senilis</i> (старше 55 лет)
Погребение 8, 2018	Пол: мужской?, возраст: <i>maturus</i> II (45–55 лет)
Погребение 9, 2018	Пол: женский, возраст: <i>adultus</i> (25–35 лет)
Погребение 10, 2018	Пол определить не удалось, возраст: <i>maturus</i> (35–55 лет)
Погребение 11, 2018	Пол: мужской, возраст: <i>adultus</i> (25–35 лет)
Погребение 12, 2018	Пол: мужской, возраст: <i>adultus</i> (25–35 лет)
Погребение 13, 2018	Пол: мужской, возраст: <i>senilis</i> (старше 55 лет)
Погребение 14, 2018	Пол: женский, возраст: <i>juvenilis</i> II (20–25 лет)
Погребение 15, 2018	Пол и возраст определить не удалось
Погребение 17, 2018	Пол: мужской, возраст: <i>adultus</i> (25–35 лет)
Погребение 19, 2018	Ребенок, возраст: <i>infantilis primus</i> (1–3 года)
Погребение 21, 2018	Пол: женский?, возраст: <i>juvenilis</i> II (20–25 лет) Пол: мужской, возраст: <i>maturus</i> I (35–45 лет)
Погребение 1, 2019	Пол: мужской, возраст: <i>senilis</i> (старше 55 лет)
Погребение 5, 2019	Пол: женский?, возраст: <i>adultus</i> (25–35 лет)
Погребение 6, 2019	Пол: мужской, возраст: <i>maturus</i> II (45–55 лет)
Погребение 7, 2019	Пол: мужской, возраст: <i>maturus</i> II (45–55 лет)
Погребение 8, 2019	Пол: мужской, возраст: <i>maturus</i> II (45–55 лет)
Погребение 9, 2019	Пол: мужской?, узкую границу возраста установить не удалось: взрослый
Погребение 14, 2019	Ребенок, возраст: <i>infantilis</i> II (6–9 лет) Ребенок, возраст: <i>infantilis primus</i> (1–3 года) Ребенок, возраст: <i>infantilis</i> II (6–9 лет)
Погребение 17, 2019	Пол: мужской, возраст: <i>senilis</i> (старше 55 лет) Ребенок, возраст: <i>infantilis primus</i> (2–3 года)
Погребение 18, 2019	Пол: женский, возраст: <i>maturus</i> II (45–55 лет)
Погребение 23, 2019	Подросток, возраст: <i>juvenilis</i> I (13–18 лет)
Погребение 26, 2019	Пол: мужской, возраст: <i>maturus</i> I (35–45 лет)
Погребение 27, 2019	Пол: мужской, возраст: <i>senilis</i> (старше 55 лет)
Погребение 29, 2019	Ребенок, возраст: <i>infantilis primus</i> (2–3 года)
Погребение 30, 2019	Пол и возраст определить не удалось

Таблица 2. Индивидуальные краниометрические данные по материалам 2018 года

Погребение	П. 2	П. 14	П. 5	П. 11	П. 12	П. 13
Пол	жен.	жен.	жен.	муж.	муж.	муж.
Возраст, лет	35–45	20–25	25–35	25–35	25–35	стар. 55
1. Прод. дм.	177	174	189	200	189	188
8. Попр. дм.	–	137	130	133?	–	–
9. Наим. шир. лба	–	94	102	98	–	105
10. Наиб. шир.	–	114	115	116	–	–
11. Шир. основания	–	–	124	–	–	–
12. Шир. затылка	–	101,5	102	–	–	114
20. Ушн. шир.	–	–	109	–	–	–
29. Лобная хорда	109	110	101	122	–	–
30. Теменная хорда	106,5	114	131	122,5	127	118
31. Затылочная хорда	97	92	89,5	–	77	100,5
23. Горизонт. окр.	–	–	300	–	–	–
24. Попр. дуга	–	–	–	–	–	–
26. Лобная дуга	129	132	116	137	–	–
27. Теменная дуга	121	131	150	144	146	133
28. Затылочная дуга	113	107	107	–	90	121
43. Верх. шир. лица	–	105	–	101,5	–	112
8:1. Черепной ук-ль	–	78,7	68,8	66,5	–	–

ПОГРЕБЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА*

.....

Крым по праву считается колыбелью русской археологии. С изучения памятников Крыма начались первые археологические исследования в России, на крымских памятниках были разработаны методики проведения раскопок, Крым дал первые археологические артефакты, являющиеся жемчужинами коллекций российских музеев.

Археологическое наследие русского Крыма богато всеми эпохами – от палеолита до средневековья, но так получилось, что основной акцент в изучении региона был сделан на памятниках античного времени. Остальным внимание уделялось в меньшей степени.

Это касается памятников эпохи бронзы, которые не так хорошо изучены, а если и изучены, то не опубликованы в необходимом объеме. Этот период крымской истории является до сих пор «белым пятном», хотя степи и предгорья Крыма богаты погребальными и поселенческими памятниками эпохи бронзы (рис. 1).

Археологические исследования памятников эпохи бронзы начались в 70-е годы XIX века. Исследования курганных древностей Крыма: как раскопки, так и их анализ – связаны с такими именами, как Д.Я. Самоквасов, Н.И. Веселовский, А.А. Спицын, Арне Тальгрэн. Значительный вклад в изучение курганных древностей был сделан во второй половине XX века в связи с охранными археологическими работами. Тут можно отметить деятельность Северо-Крымской экспедиции Института археологии Академии наук Украинской Советской Социалистической Республики, работавшей с 1962 по 1993 год, а также созданной в 1967 году Крымской охранно-археологической экспедиции Крымской организации общества охраны памятников истории и культуры. Обеими экспедициями руководил А.А. Щепинский, который внес серьезный вклад в изучение крымских древностей.

Комплексы эпохи бронзы в 70–80-е годы XX века также изучали Донузлавская экспедиция ИА АН СССР, Крымская экспедиция кафедры археологии исторического факультета МГУ под Евпаторией, Крымско-степная экспедиция ИА АН СССР, Феодосийско-Михайловская экспедиция ИА АН СССР и многие другие.

К сожалению, не все полученные результаты работ археологических экспедиций были введены в научный оборот. Впрочем, это характерно практически для всех экспедиций, работающих в 70–80-е годы XX века в СССР: при огромном объеме работ они просто не успевали публиковать итоги своих исследований.

Тем не менее определенный объем данных по изучению эпохи бронзы Крыма был опубликован. Помимо отдельных статей и изданий, необходимо отметить публикации результатов работ Северо-Крымской экспедиции, подготовленные и опубликованные на Украине в 1984, 1994, 1998, 2000 годы. К сожалению, качество монографий, опубликованных уже после распада СССР и получения Украиной независимости в 1990-е годы, не очень хорошее. Издания представляют собой сведенные вместе данные полевых отчетов, не всегда проверенные, со множеством фактических ошибок. Однако, зная ситуацию, которая сложилась в науке и на Украине и в России в постсоветское время, а именно – отсутствие финансирования и какой-либо поддержки археологической науки, необходимо отметить, что введение материалов многолетних работ в научный оборот является серьезным достижением.

Накопленный материал позволил исследователям сделать определенные выводы о древностях эпохи бронзы Крыма. По мере накопления материала итоги изучения были представлены последовательно в работах А.А. Щепинского и Е.Н. Черепановой «Северное Присивашье в V–I тысячелетии до нашей эры», в 1 томе «Археологии Украинской ССР», где эпохе бронзы Крыма посвящены соответствующие главы, а

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-090-00742.

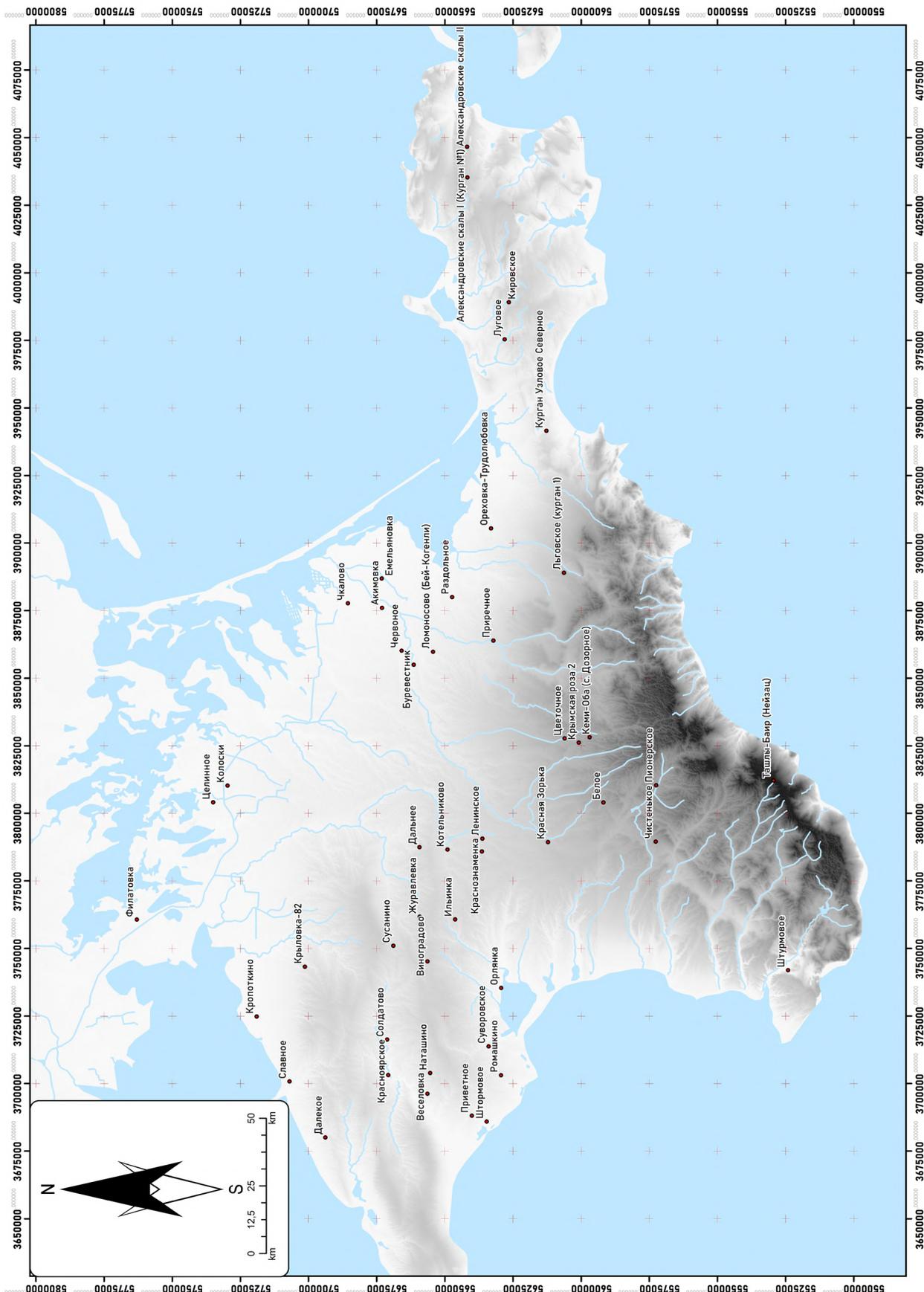

Рис. 1. Карта памятников эпохи бронзы Крыма

также в книге Г. Тощева «Крым в эпоху бронзы», в которой подведены итоги более чем столетнего изучения древностей эпохи бронзы Крыма.

В последние годы, в связи с вхождением Крыма в состав России, археологическое изучение полуострова возобновилось в новых, не виданных ранее объемах, что связано как с началом грандиозных строительных работ, которым сопутствуют спасательные археологические исследования, так и с общим ростом финансирования науки в Крыму.

Проведение современных археологических работ позволит продолжить изучение эпохи бронзы Крыма на новом научном уровне благодаря внедрению новых методик и технологий. Однако это не отменяет необходимости продолжения изучения опубликованных данных, введения в научный оборот результатов раскопок прошлых лет, их анализа.

В данной работе представлены результаты изучения ямных погребений Северо-Западного Крыма. Исследование проводилось Центром палеоэтнологических исследований в рамках выполнения научного проекта «Население Северо-Западного Крыма в эпоху бронзы и раннего железного века: территория расселения, материальная культура и антропологические особенности», поддержанного грантом РГНФ № 18-09-00742.

Для решения этой задачи был осуществлен сбор данных о древних погребениях Крыма от энеолита до поздней бронзы. При создании базы данных не ограничивались только погребениями конкретного региона – Северо-Западного Крыма, учитывались данные по всему полуострову. Это выходило за рамки грантовой работы, но давало перспективу для дальнейших исследований, а также позволило сравнить древности Северо-Западного Крыма со всем полуостровом.

В первую очередь использовались описания погребений, опубликованные в литературе, к которой на данный момент имеется доступ. Также были использованы отчеты археологических экспедиций, сохранившиеся в Крыму.

Основным источником данных по Северо-Западному Крыму стали публикации результатов работ Северо-Крымской экспедиции:

Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. Запорожье. 1994; Колтухов С.Г., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. II. Запорожье, 1998; Колотухин В.А., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. III. Запорожье. 2000. Другими источниками стали полевые отчеты Степного отряда Крымской археологической экспедиции МГУ имени М.В. Ломоносова и Крымской степной экспедиции ИА АН СССР. Общее количество курганных памятников, в которых встречались погребения эпохи бронзы, составило 49¹.

При сборе информации учитывались данные по каждому погребенному, а не по погребениям, в которых могло быть одновременно и несколько погребенных. В базу данных включено по Северо-Западному Крыму 108 погребенных, относящихся к ямной культуре, обнаруженных в 30 курганах 10 курганных памятников (рис. 2).

Это курганные памятники:

1. Далекое.
2. Колоски.
3. Красноярское.
4. Кропоткино.
5. Крыловка.
6. Наташино.
7. Орлянка.
8. Ромашкино-II.
9. Суворовское.
10. Штормовое.

Общая характеристика ямных погребений Северо-Западного Крыма

Из 108 погребенных ямной культуры, рассмотренных в памятниках Северо-Западного Крыма, 27 относятся к основным погребениям, 79 – к впускным, по двум нет данных.

Треть погребенных была обнаружена в центре курганов – 37, из которых 21 – основные погребения, 15 – впускные. В юго-западном секторе – 21 случай, в южном – 11, в восточном – 8, северо-восточном – 6, северном и в юго-западно-западном – по 4 случая, на осталь-

¹ Работа по картографии полученных данных и созданию карт проведена Иваном Горячевым, старшим научным сотрудником Центра палеоэтнологических исследований.

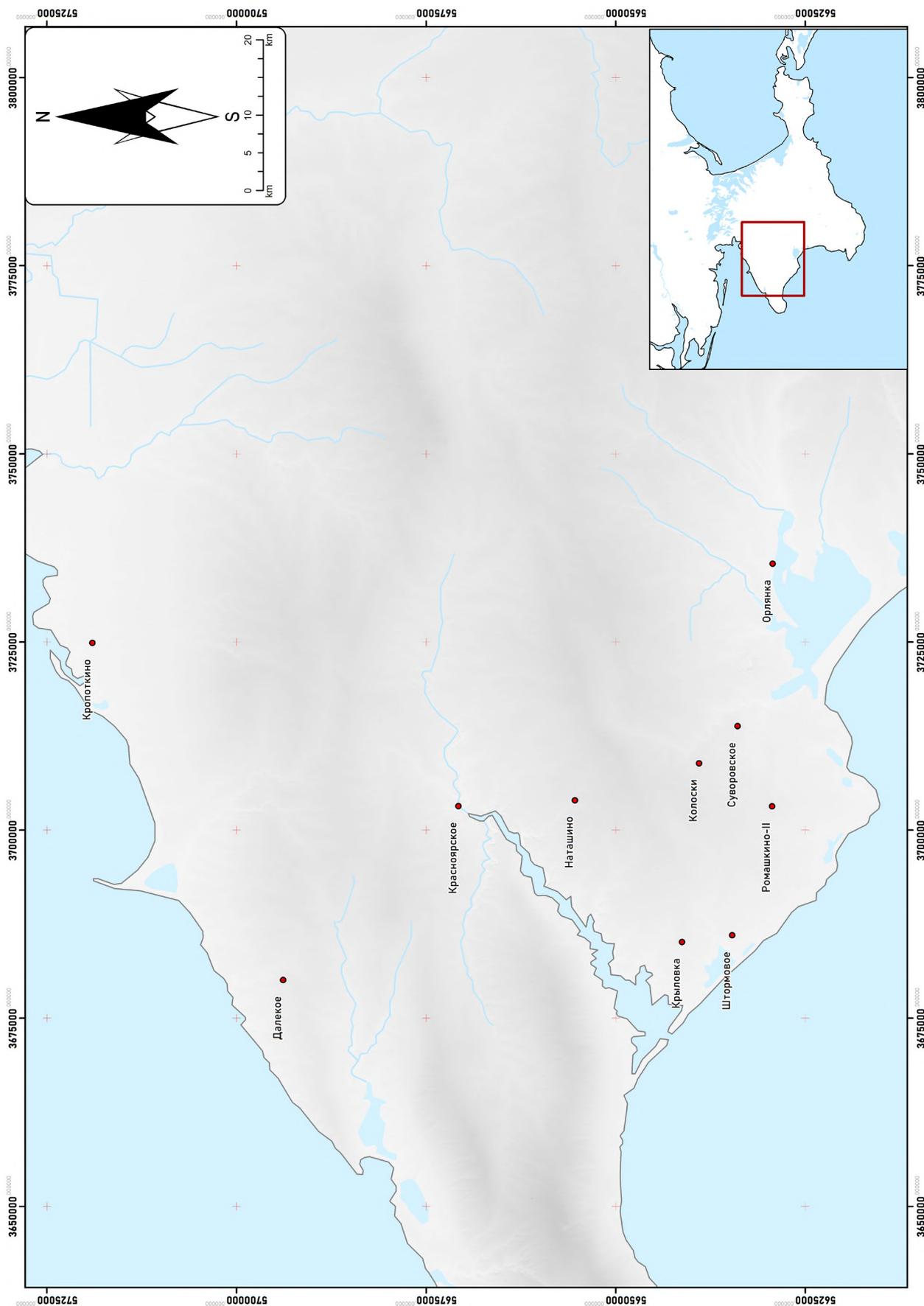

Рис. 2. Памятники с погребениями ямной культуры в Северо-Западном Крыму

ные направления приходится по одному-двум случаям (рис. 3).

Таким образом, население ямной культуры предпочитало размещать погребения либо в центральной части, либо в юго-западном – южном секторах кургана.

Положение в кургане

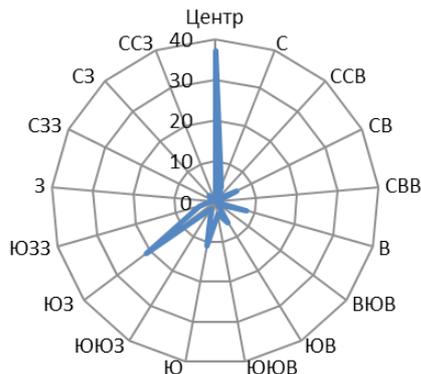

Рис. 3. Диаграмма распределения расположения погребений ямной культуры Северо-Западного Крыма в кургане по сторонам света

Из 108 случаев чуть меньше половины – 48 погребений – с перекрытиями, из них 43 – каменные перекрытия в виде плит и каменных закладов, 5 – деревянные.

Погребения совершались преимущественно в прямоугольных или подпрямоугольных ямах – 75 случаев, 11 случаев – захоронения в овальных ямах, 12 – случаев, когда яма не была зафиксирована. На единичные случаи приходятся ямы других форм.

Большая часть – 82 из 108 – это одиночные погребения, 3 парных погребения, одно тройное погребение, в 17 случаях тела погребенных не зафиксированы.

К сожалению, при исследованиях не проводилось определение пола погребенных, поэтому невозможно ничего сказать о гендерных особенностях погребального обряда.

Погребальный обряд

Наиболее важными характеристиками для определения погребального обряда являются ориентировка погребенных по сторонам света и их поза. Для ямных погребений Северо-Западного Крыма ориентировка погребенных определена в 80 случаях, в 28 случаях она не

известна из-за отсутствия скелетов, из-за того, что скелеты располагались не в анатомическом порядке при погребении или были потревожены впоследствии.

Наиболее часто встречающаяся ориентировка погребенных – северо-восточная. Таковых 44 случая – больше половины из всех известных. Затем 9 случаев северо-восточно-восточной ориентировки и 9 случаев восточной ориентировки. Зафиксировано 5 случаев северо-северо-восточной ориентировки и 4 случая юго-восточной ориентировки. Случаи других ориентировок значительно уступают в количестве: юго-западно-западная – 3, северо-западная – 2, северная – 1, восточная-юго-восточная – 2, юго-западная – 1.

Таким образом, наиболее доминирующее направление ямных погребений Северо-Западного Крыма – северо-восточный сектор. Если объединить северо-восточное направление (44) с северо-восточно-восточным (9) и северо-северо-восточным (5), в сумме это получится 58 случаев, что составляет почти три четверти от всего объема (рис. 4, 5).

Ориентировка

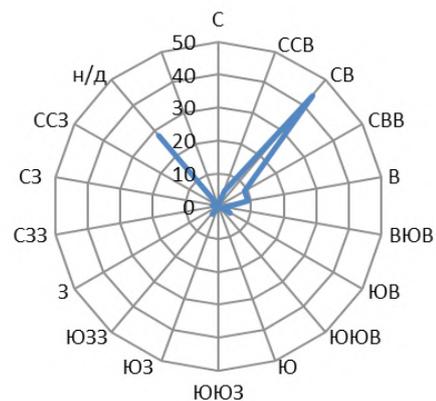

Рис. 4. Диаграмма распределения ориентировки по сторонам света погребенных ямной культуры Северо-Западного Крыма

Можно предположить, что это отражает обряд погребения с ориентировкой покойного на точку солнечного солнцестояния. Это вряд ли точка восхода солнца на момент погребения, потому что тогда получилось бы, что большая часть смертей приходится на летний период,

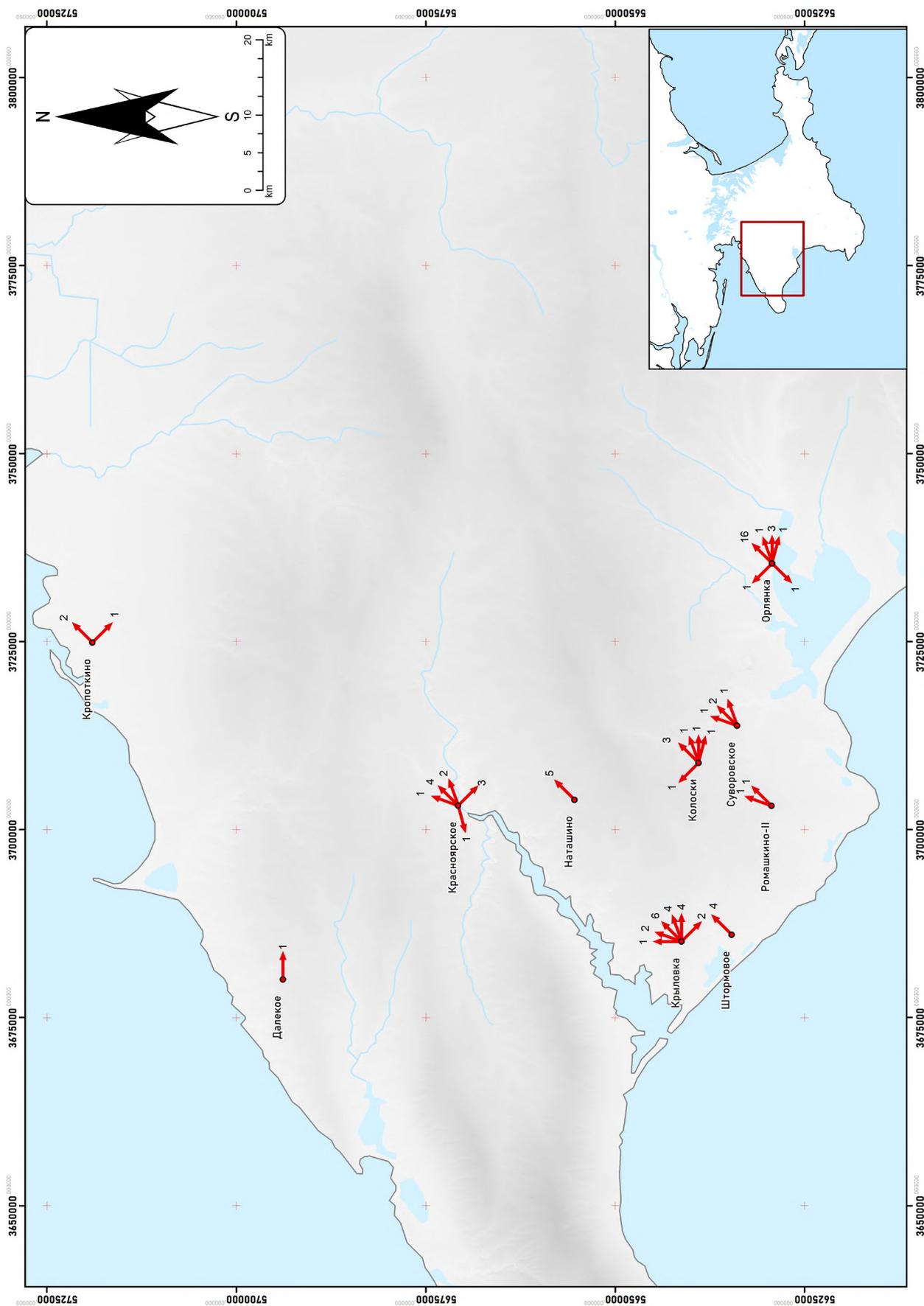

Рис. 5. Ориентировка по сторонам света погребенных ямной культуры Северо-Западного Крыма

что сомнительно. Скорее всего, это является отражением солярного культа с акцентом на важность даты солнечного солнцестояния, в самый длинный день в году.

Другая важная характеристика погребенных – поза. Данные о позе погребенных имеются в 78 случаях. Из них выделяются три группы по 20 случаев – скорченно на спине, скорченно на спине с наклоном вправо, скорченно на правом боку. В два раза меньше случаев скорченно на левом боку – 10. «Пакетированных» погребений – 4 случая, скорченных на спине с наклоном влево – 2 случая, по одному случаю погребений вытянутых на спине и скорченно на животе (рис. 6).

31 случай, когда в могиле не было погребенных и поза не определима. Из них 12 исследователи определили как кенотафы, в остальных случаях скелеты или разрушены, или не сохранились.

Таким образом, для ямных погребений Северо-Западного Крыма характерны три основные позы: скорченно на спине, скорченно на спине с наклоном вправо и скорченно на правом боку. Для всех них преобладает ориентировка в северо-восточном секторе.

Для уточнения было проанализировано соотношение в погребениях «поза-ориентировка». Самой доминирующей оказалась группа скорченных на спине с наклоном вправо с северо-восточной ориентировкой.

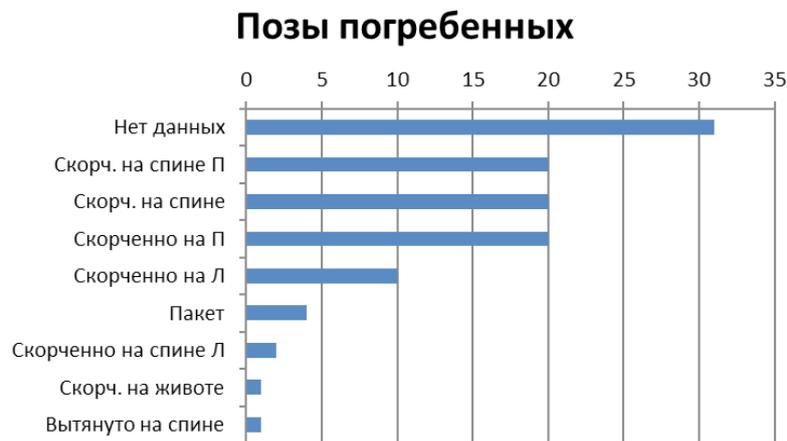

Рис. 6. Диаграмма распределения поз погребенных ямной культуры Северо-Западного Крыма

Рис. 7. Диаграмма распределения погребенных ямной культуры Северо-Западного Крыма по соотношению «поза-ориентировка»

ро-восточной ориентировкой – 15 случаев. Затем зафиксированы скорченные на правом боку с северо-восточной ориентировкой – 12 случаев. Затем – скорченные на спине с северо-восточной ориентировкой – 10 случаев. И по 4 случая: скорченные на спине с восточной ориентировкой, скорченные на спине с северо-восточной ориентировкой и скорченные на правом боку с восточной ориентировкой (рис. 7).

В отличие от ориентировки, где она стандартна для большинства погребенных, по позе выделилось несколько равных групп.

При рассмотрении распределения поз погребенных по памятникам получилось следующее.

Скорченно на спине: Крыловка – 10, Наташино – 4, Колоски – 3, Далекое – 1, Красноярское – 1, Орлянка – 1.

Скорченно на спине с наклоном вправо: Красноярское – 5, Орлянка – 4, Штормовое – 3, Крыловка – 3, Кропоткино – 2, Ромашкино-II – 1, Суворовское – 1, Колоски – 1.

Скорченно на правом боку: Орлянка – 12, Колоски – 3, Суворовское – 2, Красноярское – 1, Крыловка – 1, Наташино – 1.

Скорченно на левом боку: Орлянка – 3, Красноярское – 2, Крыловка – 2, Колоски – 1, Ромашкино-II – 1, Суворовское – 1.

Можно только отметить преобладание позы скорченно на спине в памятниках Крыловка, Наташино и равную долю среди других поз на памятнике Колоски. Также можно отметить преобладание погребений с позой скорченно на правом боку на памятнике Орлянка.

При общем взгляде на карту можно с определенной условностью отметить, что погребения с позами скорченно на спине и скорченно на спине с наклоном вправо преобладают в западной части карты памятников – к Донузлаву, а погребения с позой скорченно на правом боку – к юго-восточной – к озеру Сасык (рис. 8).

Основные погребения

К сожалению, уровень публикаций не позволяет рассмотреть стратиграфические позиции погребений, чтобы получить какую-либо хронологическую шкалу развития погребального обряда. Поэтому были отдельно рассмотрены основные погребения, стратиграфия которых

предполагает более раннюю позицию по сравнению с впускными погребениями.

Из 108 погребений зафиксировано 27 основных. Половина – 14 из 27 – демонстрируют присутствие перекрытия могильной ямы в виде каменных плит, каменного заклада и деревянного перекрытия. В 4 случаях погребение сопровождается кромлехом. 16 погребений – больше половины – включают в себя посыпку охрой.

В основных погребениях доминирует северо-восточная ориентировка – 16 случаев, что почти две трети, затем северо-восточно-восточное направление – 5 случаев, восточное – 2 случая. Также отмечен один случай юго-западного направления и один случай северо-западного направления. В двух случаях нет данных.

Таким образом, основные погребения более выражено подтверждают для ямного населения Северо-Западного Крыма отмеченную выше ориентировку погребенных – северо-восток и северо-восточный сегмент в целом (рис. 9).

Распределение поз в основных погребениях отличается от всей совокупности ямных погребений: скорченные на спине преобладают – 11 случаев, скорченные на спине с наклоном вправо почти вдвое меньше – 6 случаев, еще меньше скорченно на правом боку – 4, скорченно на левому боку – 2. Есть один случай скорченно на животе. В трех случаях нет данных (рис. 10).

Таким образом, можно предположить, что поза скорченно на спине является характерной для ранних погребений ямной культуры Северо-Западного Крыма. Она преобладает именно среди основных погребений (11), численность же впускных (9) – немного уступает. С другими позами ситуация иная, они преобладают именно во впускных, которые можно интерпретировать как более поздние погребения: скорченно на спине с наклоном вправо – 14 впускных против 6 основных, скорченно на правом боку – 16 впускных против 4 основных, скорченно на левом боку – 8 впускных против 2 основных.

Таким образом, можно предположить, что обряды скорченно на спине с наклоном вправо, скорченно на правом боку, скорченно на левом боку – более поздние по сравнению с позой скорченно на спине. При этом надо повторить,

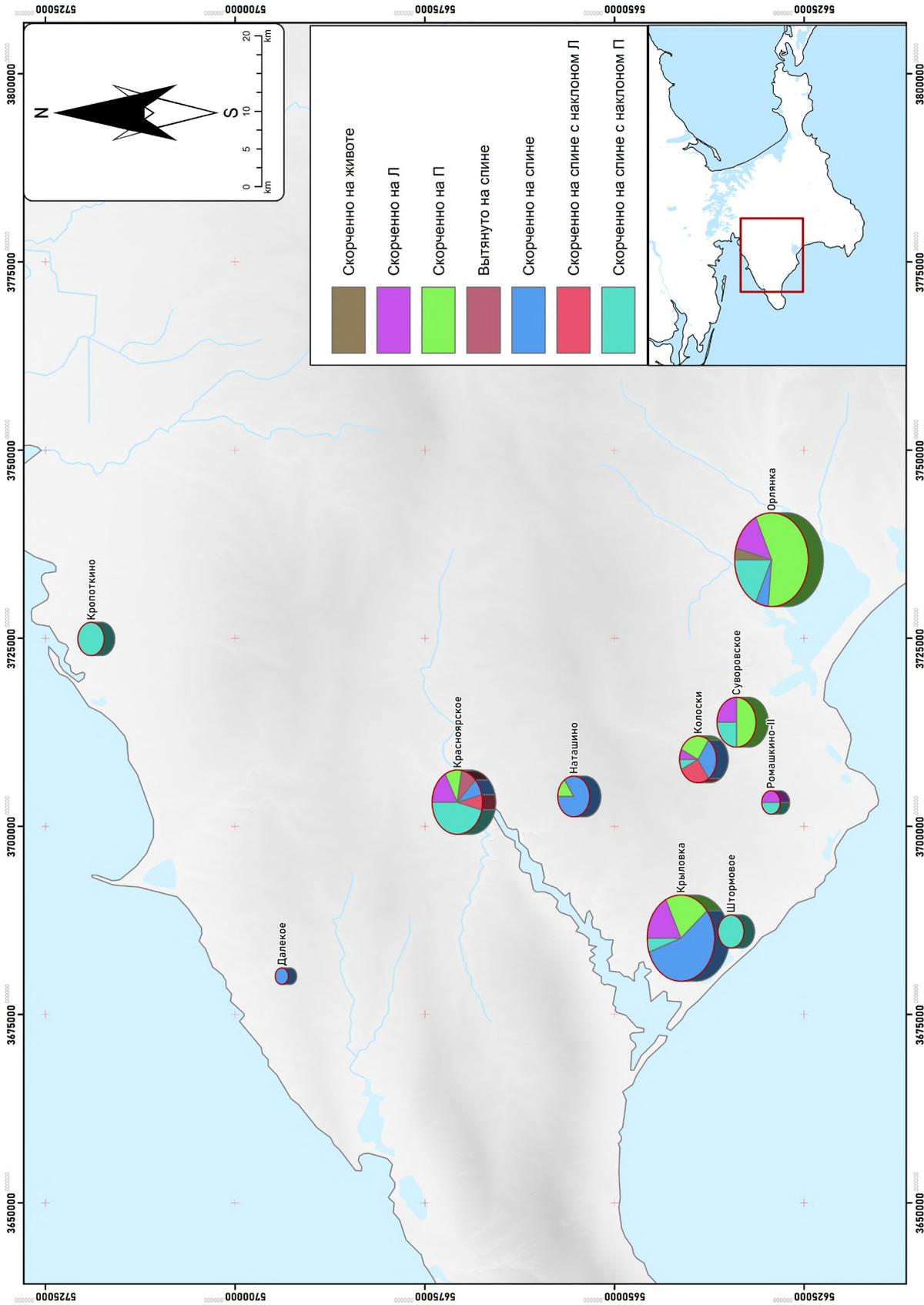

Рис. 8. Распределение поз погребенных в погребениях ямной культуры Северо-Западного Крыма

Ориентировка

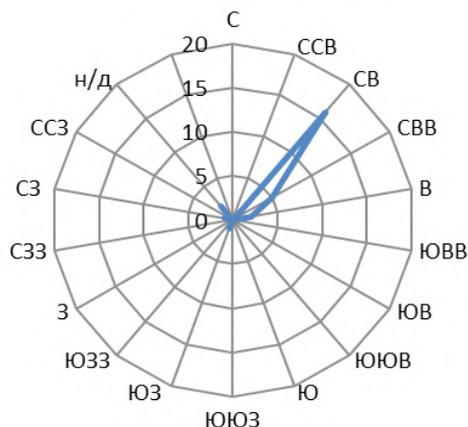

Рис. 9. Диаграмма распределения ориентировок по сторонам света погребенных основных погребений ямной культуры Северо-Западного Крыма

Позы погребенных

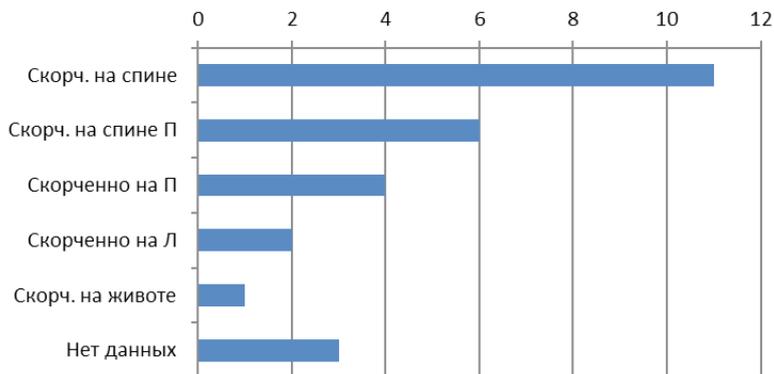

Рис. 10. Диаграмма распределения поз погребенных основных погребений ямной культуры Северо-Западного Крыма

что для них всех доминирующей является северо-восточная ориентировка.

Данные ямных погребений Северо-Западного Крыма подтверждают отмеченные исследователями наблюдения по поводу характерных особенностей погребений ранних подкурганых памятников, с которыми связывают формирование ямной культуры: поза скорченно на спине с северо-восточной ориентировкой¹.

Распределяются позы основных погребений по памятникам следующим образом.

Скорченно на спине: Крыловка – 3, Наташино – 3, Колоски – 2, Далекое – 1, Красноярсское – 1, Орлянка – 1.

Скорченно на спине с наклоном вправо: Красноярсское – 1, Кропоткино – 1, Орлянка – 1, Ромашкино – 1, Суворовское – 1, Штормовое – 1.

Скорченно на правом: Суворовское – 2, Наташино – 1, Орлянка – 1.

Скорченно на левом: Орлянка – 2.

Скорченно на животе: Орлянка – 1.

По такой характеристике, как позы основных погребений, также отмечено равномерное распределение практически всех типов по всему Северо-Западному Крыму. Надо отметить, что в Крыловке основные погребения зафиксированы только с позой скорченно на спине. Воз-

никает вопрос, можно ли его воспринимать как «предковый» памятник по отношению к другим памятникам ямной культуры этого субрегиона, и считать, что с него началось распространение ямного населения и развитие обряда.

Можно обратить внимание на Орлянку – только там в основных погребениях встречаются такие редкие позы, как «скорченно на левом» и «скорченно на животе».

Если сравнить характеристики основных ямных погребений Северо-Западного Крыма с данными основных погребений по всему Крыму, то здесь идентичные данные и по ориентировке, и по позе.

В 73 случаях основных погребений ямной культуры преобладает северо-восточная ориентировка – 31 случай, затем идет восточная ориентировка – 13 случаев, затем северо-восточно-восточная – 11 случаев (рис. 11).

Такая же ситуация с позами погребенных. Среди ямных погребений Крыма, являющихся основными, чуть меньше половины – положение скорченно на спине (27). Почти в три раза меньше погребенных в позе скорченно на спине с наклоном вправо – 11, практически столько же в позе скорченно на спине с наклоном влево – 10. Скорченно на правом боку – 7 случаев, скорченно на левом боку – 7. Один случай – скорченно на животе. По 10 случаям нет данных (рис. 12).

¹ Моргунова Н.Л. Истоки и культурная основа формирования ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2014. С. 6.

Ориентировка погребенных

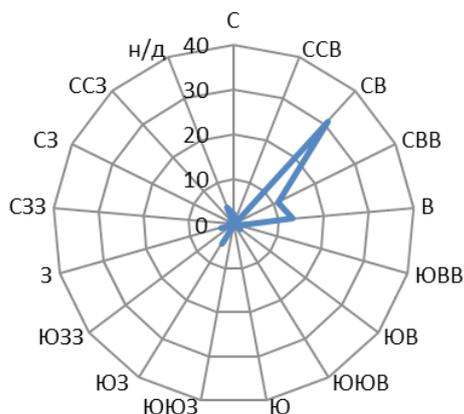

Рис. 11. Диаграмма распределения ориентировок по сторонам света погребенных основных погребений ямной культуры Крыма

Также сравним с данными по всем ямным погребениям Крыма – впускным и основным. Всего в исследовании отражено 269 погребенных ямной культуры. Из них по 48 погребенным нет данных. Как и в рассмотренных выше случаях, преобладает северо-восточная ориентировка – 85 случаев, то есть более трети. Затем следует восточная ориентировка – 33 случая, северо-восточно-восточная – 23 случая. В абсолютном исчислении значительно число погребений с ориентировкой в южном секторе: юго-восточная ориентировка – 16 случаев, юго-западная – 11,

юго-восточно-восточная – 10. Затем следует северо-западная ориентировка – 9 и северная – 9, затем северо-северо-восточная – 7 (рис. 13).

Среди поз погребенных по ямным памятникам Крыма преобладает поза скорченно на спине – 60 случаев. Затем в чуть меньшем объеме поза скорченно на правом боку – 48 случаев, затем, почти в равном объеме, поза скорченно на спине с наклоном вправо – 45 случаев. Скорченно на левом – 29 случаев, скорченно на спине с наклоном влево – 21 случай (рис. 14). По 64 случаям нет данных. Если по Северо-Западному Крыму позы погребенных скорченно на спине, на спине с наклоном вправо и скорченно на правом боку образуют три равные группы (по 20 случаев), то в целом по Крыму поза скорченно на спине преобладает.

Инвентарь

Для ямных погребений не характерен богатый погребальный инвентарь. Это является одной из причин, вынуждающей исследователей при изучении ямной культуры обращаться в первую очередь к изучению особенностей обряда. Тем не менее инвентарь присутствует, что позволяет рассмотреть его в связи с особенностями обряда ямных погребений.

Для начала можно рассмотреть основные погребения, как самые ранние по стратиграфии. Из 27 случаев погребений только 9 –

Позы погребенных

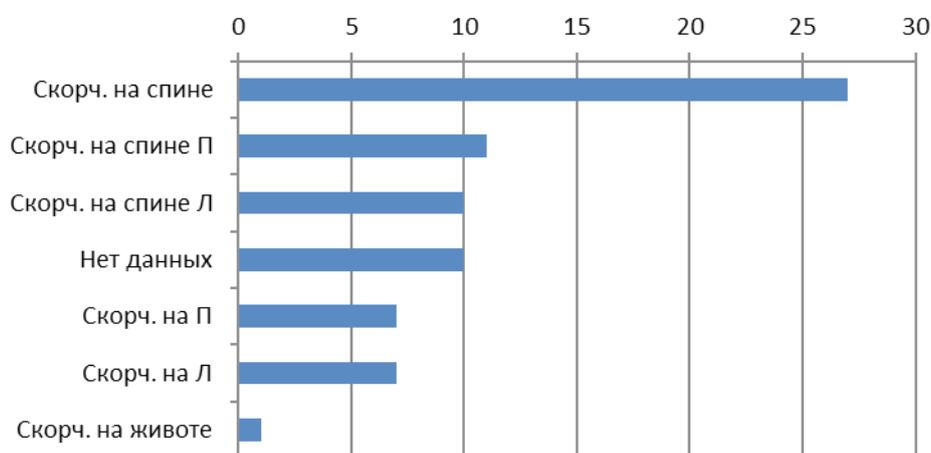

Рис. 12. Диаграмма распределения поз погребенных из основных погребений ямной культуры Крыма

треть – сопровождаются инвентарем, из них в двух случаях из инвентаря только куски охры, один случай – фрагмент кремневой пластины из засыпки ямы.

Самое яркое погребение – в курганной группе у с. Красноярское, курган 11, погребение 30. В нем были обнаружены кремневый скребок, наконечник стрелы, бронзовый нож, кремневая ножевидная пластина, четырехгранное бронзовое шило, пластинчатый обломок кремня, обломок каменного топора и диоритовый голыш (рис. 15).

В остальных основных погребениях инвентарь менее богатый.

Крыловка: курган 9, погребение 8 – фрагмент сосуда; курган 12, погребение 10 – комо-

Ориентировка погребенных

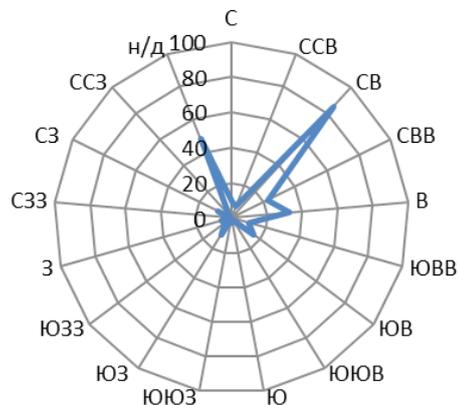

Рис. 13. Диаграмма распределения ориентировок по сторонам света погребенных из погребений ямной культуры Крыма

Позы погребенных

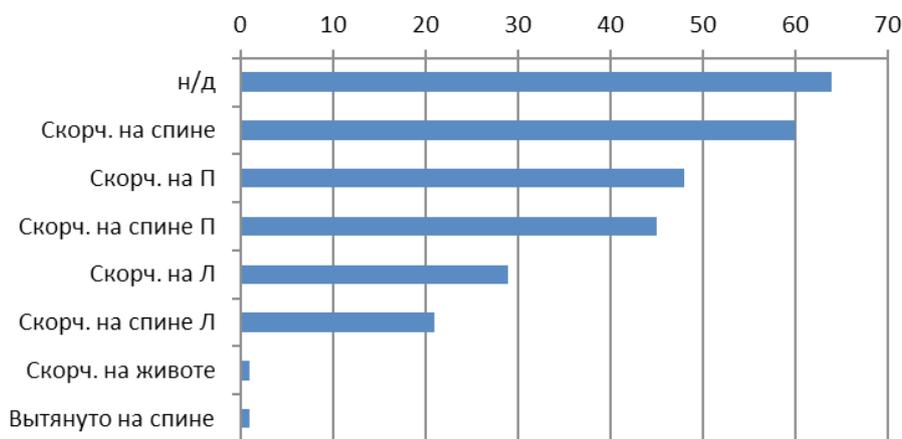

Рис. 14. Диаграмма распределения поз погребенных из погребений ямной культуры Крыма

чек охры у колен; курган 15, погребение 2 – кость крупного животного.

Наташино: курган 10, погребение 8 – в парном погребении бронзовый нож и кремневая пластина; курган 13, погребение 8 – два терочника и кости животного (рис. 19).

Орлянка: курган 3, погребение 1 – комочек охры и два дисковидных терочника (рис. 22).

Штормовое: курган 19, погребение 11 – фрагмент каменного топора, уплощенный кусок песчанника (рис. 25).

Основные погребения ямной культуры Северо-Западного Крыма подтверждают ха-

рактерную для этой культуры нетипичность размещения инвентаря. Шесть случаев размещения каменного инвентаря, из них три случая – это кремневый инвентарь, которые в двух случаях дополнены престижными бронзовыми предметами – ножом и стрелой. Три случая размещения кусков охры, два из которых дополнены каменным инвентарем. Также один случай с керамикой, один раз присутствует кость крупного животного.

В немногочисленном инвентаре преобладают личные престижные вещи: терочники, оружие; лишь три случая (фрагмент сосуда и ко-

сти) можно интерпретировать как размещение ритуальной еды.

Впускные погребения отличаются большей долей встречаемости инвентаря по сравнению с основными погребениями. Из 79 впускных больше половины (45) – с инвентарем, из которых треть – 24 погребения – с керамикой.

Если рассмотреть все погребения – и основные, и впускные – по типам, то можно отметить, что среди погребенных скорченно на спине (20 случаев) встречаются 13 погребений с инвентарем. Это каменный и бронзовый инвентарь, размещение костей животных, кусков охры, а также два случая керамики, один из которых – остродонный сосуд с яйцевидным туловом и отогнутым наружу венчиком, традиционно относящийся к архаичным (Красноярское, курган 11, погребение 30 – рис. 15; Крыловка, курган 9, погребение 2, рис. 17; Крыловка, курган 9, погребение 9 – рис. 17; Наташино, курган 10, погребение 8 – рис. 19; Наташино, курган 13, погребение 4 – рис. 19). Таким образом, инвентарь подтверждает большую древность этой группы погребений.

Погребения со скорченными на спине с наклоном вправо (20) включают инвентарь всего шесть раз: кости животных, фрагмент топора, кремневые отщепы и два сосуда, один из которых круглодонный (Красноярское, курган 11, погребение 7 – рис. 16; Красноярское, курган 11, погребение 18 – рис. 16; Штормовое, курган 19, погребение 8 – рис. 25; Штормовое, курган 19, погребение 11 – рис. 25).

Погребения скорченно на правом (20) включают погребения с инвентарем в 12 случаях, в том числе кости животных, комки охры, в двух случаях – это терочки, один раз – костяная булава и бронзовые накладки и три случая с керамикой (Наташино, курган 13, погребение 8 – рис. 19; Орлянка, курган 1 погребение 16 – рис. 21; Орлянка, курган 2,

погребение 5 – рис. 21; Орлянка, курган 2, погребение 7 – рис. 21), Орлянка, курган 3, погребение 1 – рис. 22; Орлянка, курган 4, погребение 3 – рис. 22).

Погребения скорченно на левом боку (10) – три погребения с керамикой и одно с кремневыми отщепами, каменным пестом и бронзовым ножом (Крыловка, курган 13, погребение 9 – рис. 17; Крыловка, курган 13, погребение 12 – рис. 18; Ромашкино-II, курган 4, погребение 13 – рис. 23; Суворовское, курган 17, погребение 1 – рис. 24).

Пакетированные погребения (4): одно включало зуб животного, другое – сосуд (Крыловка, курган 14, погребение 6 – рис. 18).

Достаточно много погребений – 31, в которых скелеты отсутствуют. 12 погребений из них исследователи определили как кенотафы. 7 из них включают инвентарь из сосудов. В некоторых кенотафах было более одного сосуда, в результате из 7 кенотафов происходит 11 сосудов (Наташино, курган 18, погребение 2 – рис. 19; Орлянка, курган 1, погребение 11 – рис. 20; Орлянка, курган 2, погребение 10-А – рис. 22; Суворовское, курган 1, погребение 5 – рис. 24; Суворовское, курган 14, погребение 3 – рис. 24; Суворовское, курган 14, погребение 6 – рис. 24; Суворовское, курган 20, погребение 1 – рис. 24).

В остальных 19 погребениях без скелетов присутствует в 12, в том числе 10 сосудов, два случая с комком охры, встречен фрагмент бронзовой проколки, два кремневых скребка и зуб животного (Красноярское, курган 2, погребение 2 – рис. 16; Красноярское, курган 2, погребение 5 – рис. 16; Красноярское, курган 11, погребение 29 – рис. 16; Крыловка, курган 17, погребение 2 – рис. 18; Орлянка, курган 1, погребение 14 – рис. 20; Орлянка, курган 1, погребение 15 – рис. 20; Орлянка, курган 2, погребение 3 – рис. 21; Штормовое, курган 19, погребение 3 – рис. 25).

Рис. 15. Красноярское. Находки

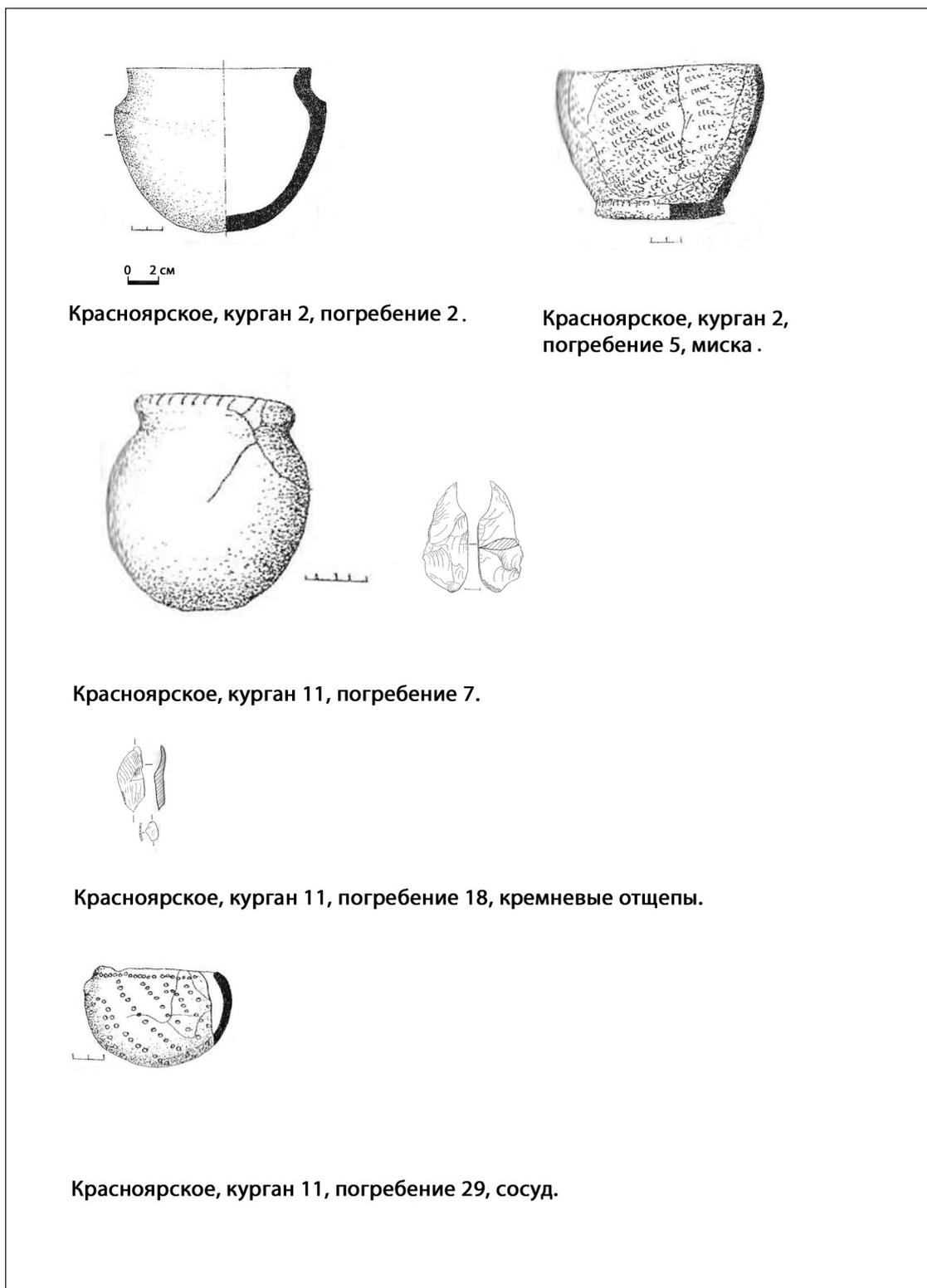

Рис. 16. Красноярское. Находки

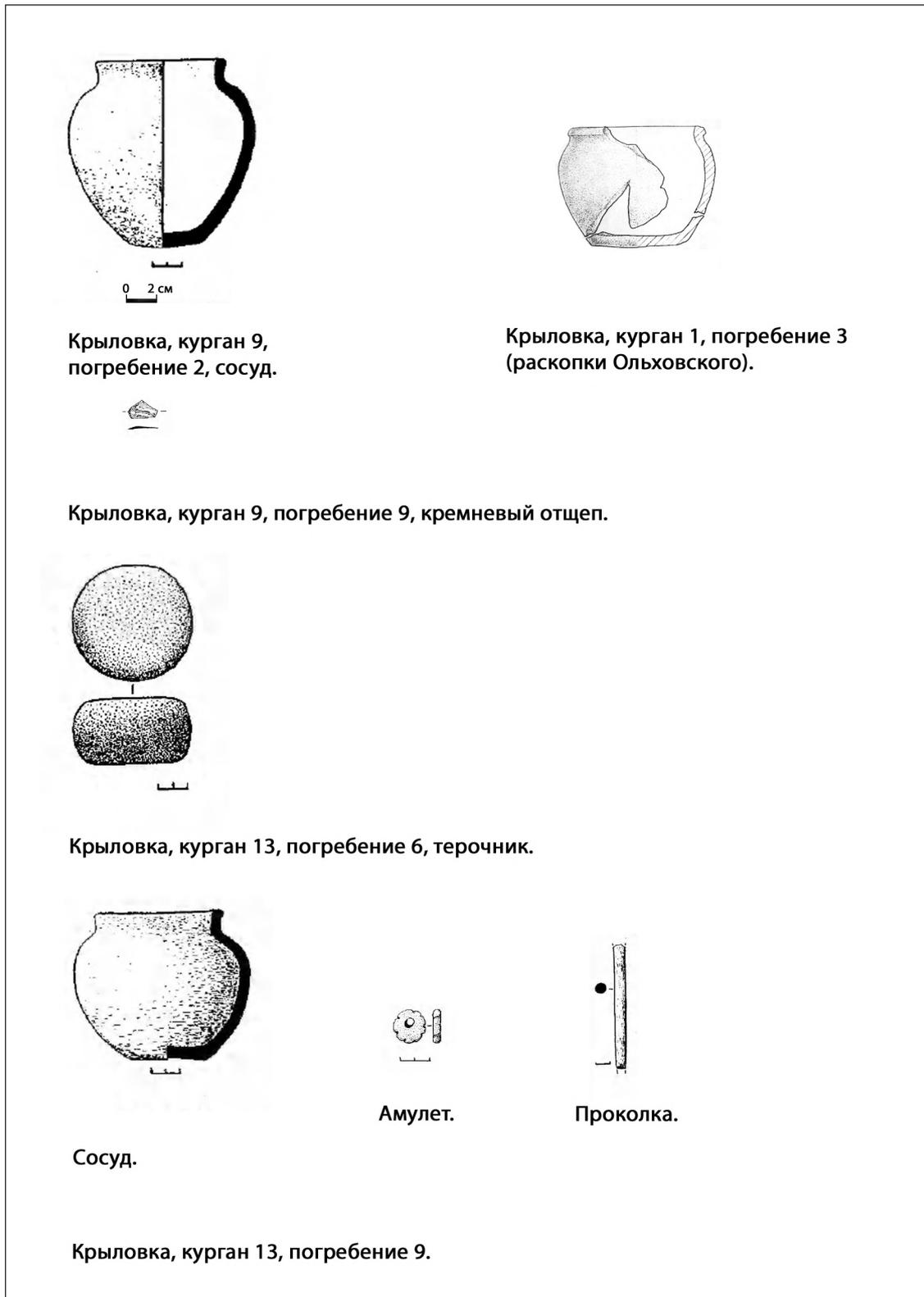

Рис. 17. Крыловка. Находки

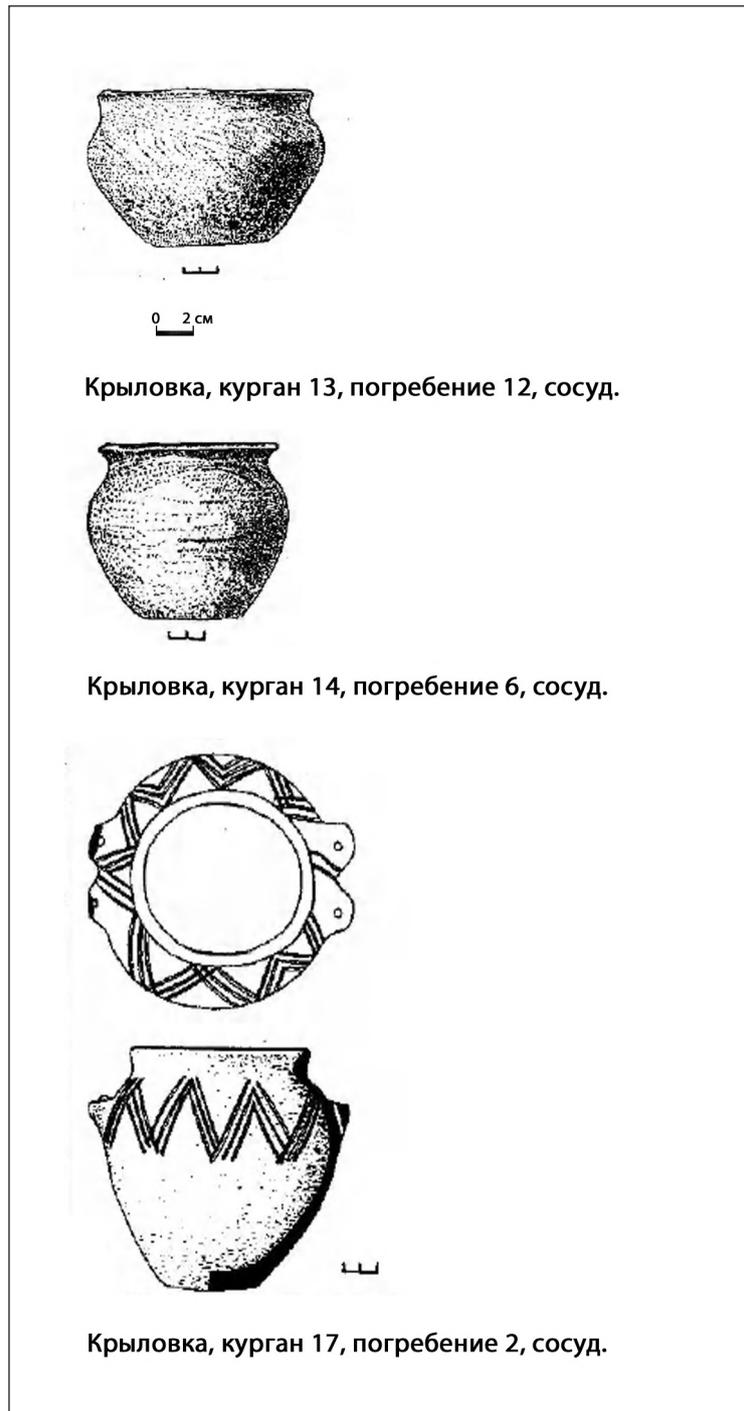

Рис. 18. Крыловка. Находки

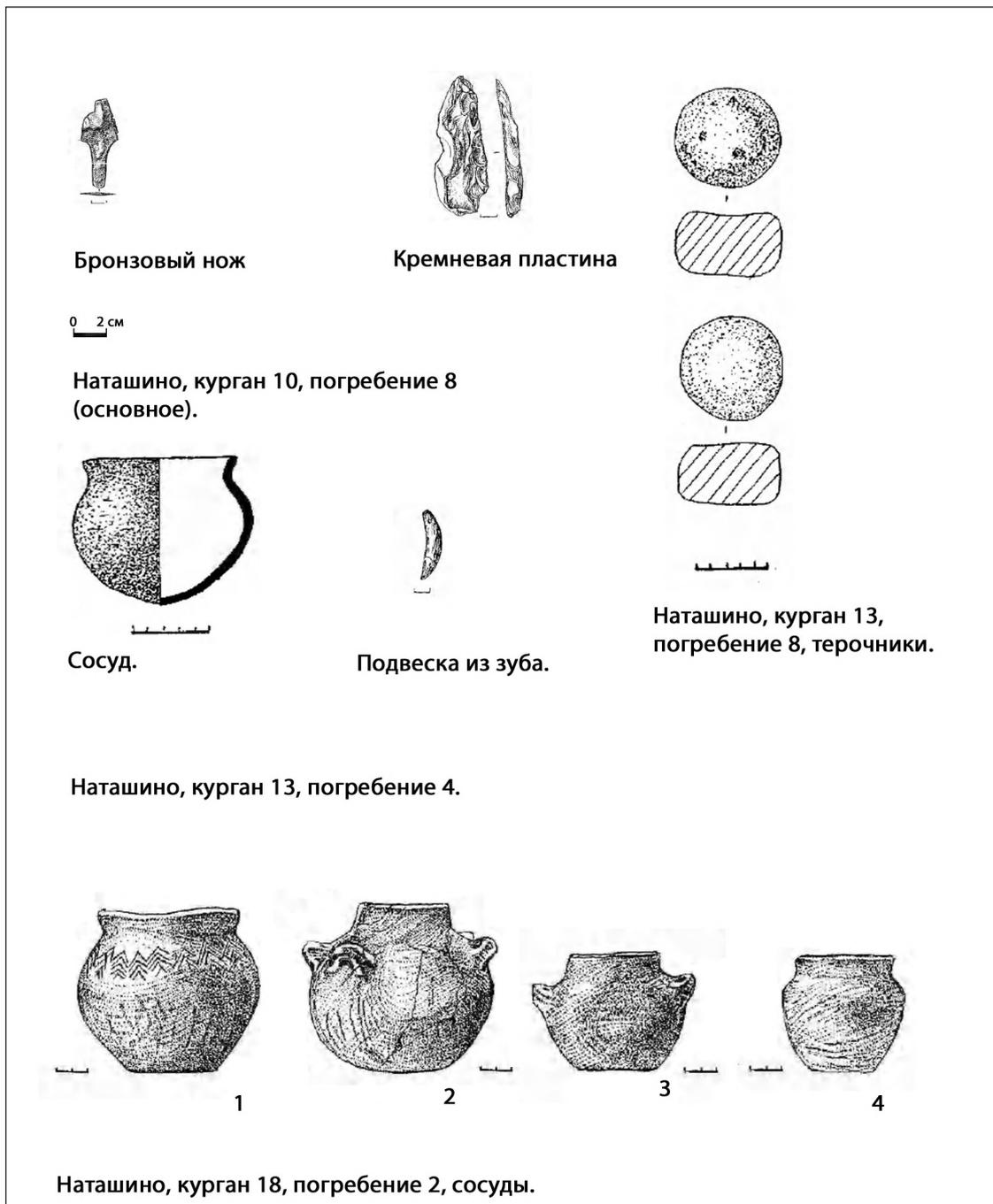

Рис. 19. Наташино. Находки

Рис. 20. Орлянка. Находки

Рис. 21. Орлянка. Находки

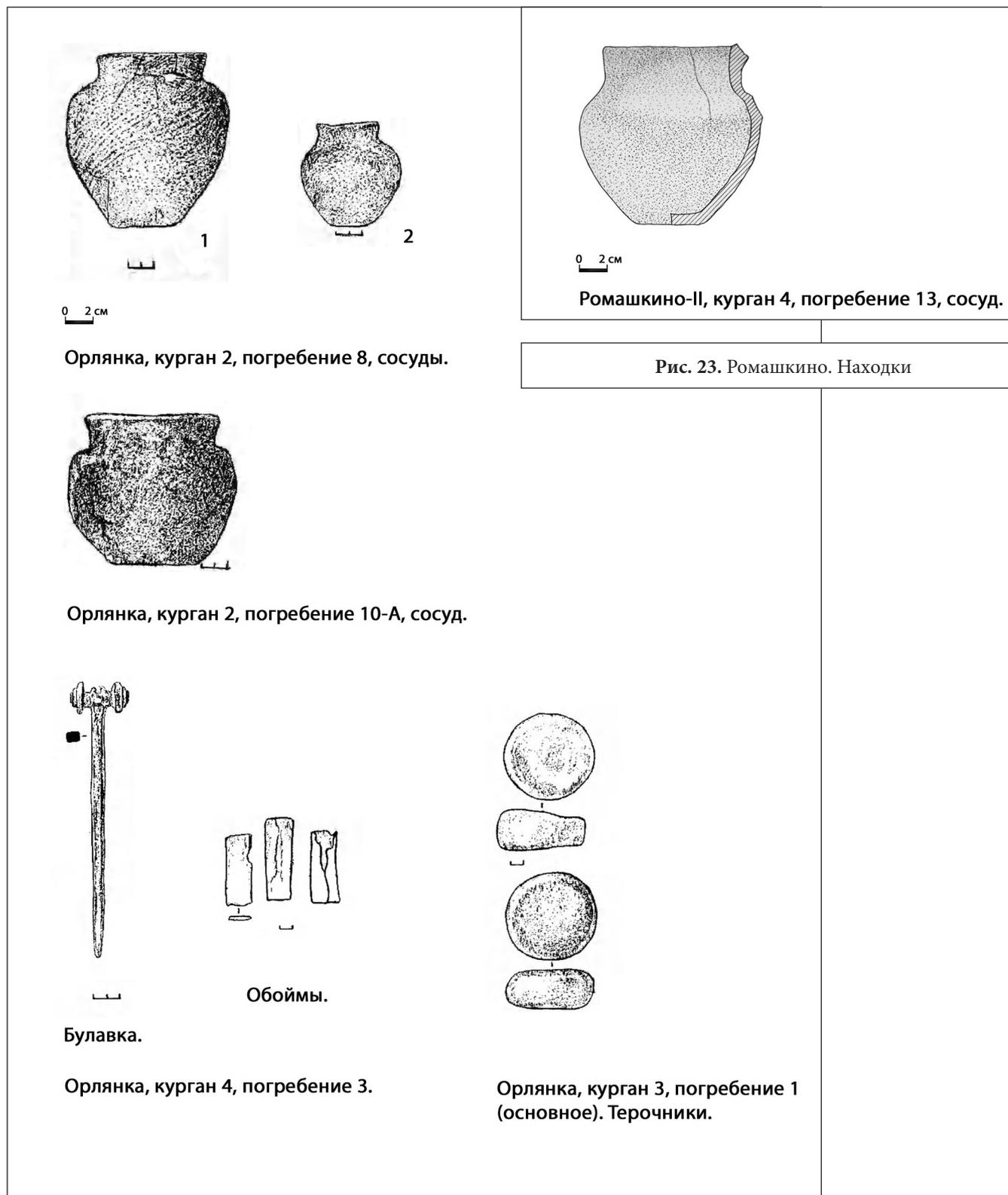

Рис. 23. Ромашкино. Находки

Рис. 22. Орлянка. Находки

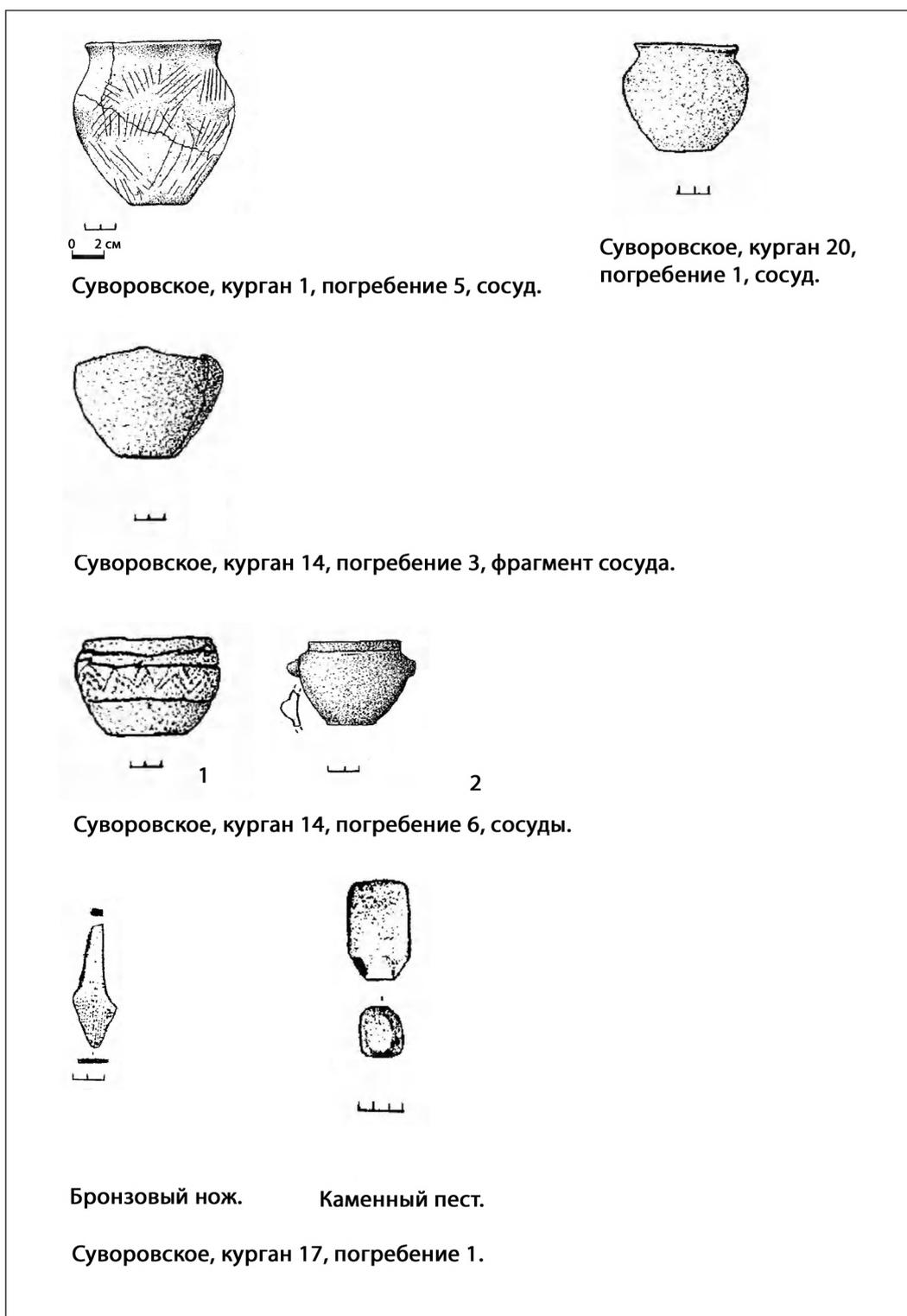

Рис. 24. Суворовское. Находки

Рис. 25. Штормовое. Находки

Анализ форм сосудов

Формы целых глиняных сосудов были изучены по методике Бобринского – Цетлина сотрудником Центра палеоэтнологических исследований П.Р. Холошиным.

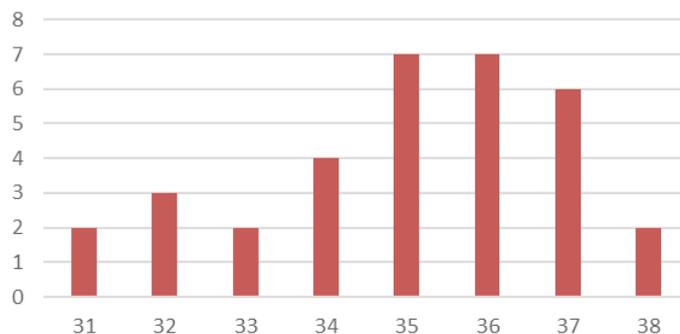

Рис. 26. Количество сосудов в соответствии с общей пропорциональностью форм

Группа	Вид	Кол-во
4-частные	Г+П/ПП+Т+ОТ	1
	Г+ПП+Т+ОТ	3
5-частные	Г+П/ПП+ПП+Т+ОТ	1
	Г+Ш+П/ПП+Т+ОТ	8
	Г+Ш+П+Т+ОТ	1
	Г+Ш+ПП+Т+ОТ	8
	Г+Щ/Ш+П/ПП+Т+ОТ	1
	Г+Щ/Ш+ПП+Т+ОТ	2
6-частные	Г+Щ+ПП+Т+ОТ	1
	Г+Ш+П/ПП+ПП+Т+ОТ	1
	Г+Ш+П+ПП+Т+ОТ	6

Рис. 27. Количество сосудов в соответствии с естественной структурой форм

Был проведен общий анализ форм сосудов на двух уровнях: общей пропорциональности (ОПП) форм на основании соотношения диаметра и высоты (рис. 26) и их естественной структуры в соответствии с функциональными частями, формирующими сосуд (рис. 27)¹. По данной методике на первом уровне анализа отчетливо выделились две категории посуды: сосуды средних/низких пропорций «горшки-миски» (31–32 ступени по методике Бобринского – Цетлина) – 5 экземпляров (рис. 28) и «горшковидные» сосуды средних пропорций (33–38 ступени по методике Бобринского – Цетлина) – 28 сосудов (рис. 29–31). Локальный минимум распределения, то

¹ Функциональные части, образующие естественную структуру сосуда, представлены в таблице с сокращениями: Г – губа, Щ – щека, Ш – шея, П – плечо, ПП – предплечье, Т – тулово, ОТ – основание тулова.

есть зона перехода из одной категории в другую, приходится на ступень 33 (2 сосуда). Видно, что «горшковидные» сосуды средних пропорций преобладают количественно. Обе группы присутствуют по всему Северо-Западному Крыму.

По естественной структуре формы выделяется 11 видов конструкций, среди которых доминируют варианты с шеей и предплечьем – 24 экземпляра, затем следуют варианты с плечом/предплечьем – 5 экземпляров (рис. 27).

Самые массовые – 5-частные, таковых 22 сосуда. Среди них выделяются две группы по 8 сосудов: группа с конструктивными элементами Г-Ш-П/ПП-Т-ОТ (рис. 33) и группа Г-Ш-ПП-Т-ОС (рис. 34). Возможно, эти группы отражают разные керамические традиции, у второй группы угол наклона части, располагающейся над туловом («предплечья»), выражен слабее.

4-частные конструкции с предплечьем (Г-ПП-Т-ОС) характерны для низких форм 31–32 ступеней, таковых три сосуда: два сосуда из памятника у Красноярского, один – Суворовского. К этой группе также близок сосуд с конструктивными элементами Г-П/ПП-Т-ОТ из Орлянки (рис. 32).

Также имеется группа сложных сосудов 6-частной конструкции (рис. 35). Они выделены среди «горшковидных» сосудов средних пропорций (35–38 ступеней). Из семи сосудов шесть представлены группой Г-Ш-П-ПП-Т-ОТ. Все сосуды этой группы представлены только на одном памятнике – Орлянка. Седьмой сосуд немного отличается – Г-Ш-П/ПП-ПП-Т-ОТ – и представлен на II курганной группе Ромашкино. Эти сложные сосуды высоких форм представлены в погребениях с правобокими и левобокими позами и в кенотафах.

Семь сосудов имеют дополнительные функциональные части – ручки. По группам они распределены следующим образом: один сосуд в группе 6-частных сосудов, шесть – в группе 5-частных сосудов.

Представленные сосуды различных форм и пропорций распределены по всем памятникам Северо-Западного Крыма и по все типам погребений. Однако выделилась группа 6-частных

сосудов, сложных по конструкции и высоких по пропорциям, которые характерны в основном для одного памятника – Орлянки (рис. 35). Вообще, в Орлянке преобладают сосуды высоких пропорций, 35–38 ступеней разных конструкций.

Выше уже было отмечено, что могильник Орлянка выделяется среди других могильников по позе погребенных: в Орлянке преобладают погребенные скорченные на правом боку и скорченные на левом боку, на других могильниках меньше распространенные (рис. 8). Для Орлянки не характерны погребения, относящиеся к ранним горизонтам ямной культуры, – скорченные на спине, таковое там всего одно. Таким образом, и по обряду, и по инвентарю могильник Орлянка выделяется среди остальных памятников, можно предположить его более позднюю хронологическую позицию по отношению к ним, а также отнесение к локальному варианту ямной культуры в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Курганы степного Крыма, 1984.* Курганы степного Крыма. Киев.
- Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н., 1994.* Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991–1992 гг.). Запорожье.
- Колтухов С.Г., Тощев Г.Н., 1998.* Курганные древности Крыма. II (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993–1995 гг.). Запорожье.
- Колотухин В.А., Тощев Г.Н., 2000.* Курганные древности Крыма. III (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983–1986 гг. Сакский район Крымской области). Запорожье.
- Отчет о работе Крымской Степной экспедиции... 1985.* Отчет о работе Крымской степной экспедиции Института археологии АН СССР в 1985 г. В.С. Ольховский / Открытый лист 125/65.
- Отчет о работе Крымской Степной экспедиции... 1986.* Отчет о работе Крымской Степной экспедиции Института археологии АН СССР в 1986 году. В.С. Ольховский // Открытый лист 97/125.
- Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969.* Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь.
- Археология Украинской ССР... 1985.* Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев.
- Тощев Г.Н., 2007.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье.
- Формы глиняных сосудов... 2018.* Формы глиняных сосудов как объект изучения. М.

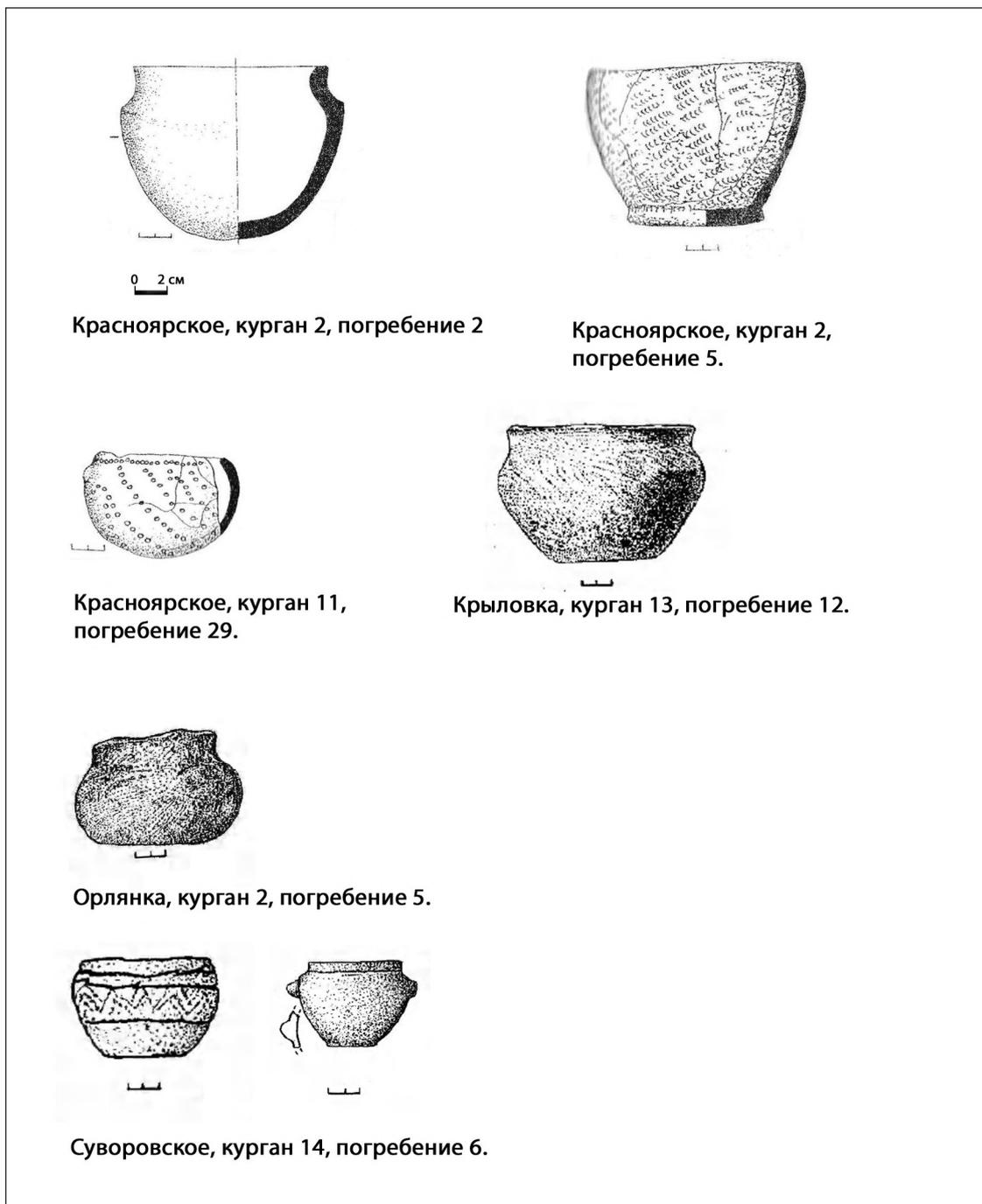

Рис. 28. Сосуды средних/низких пропорций «горшки-миски»

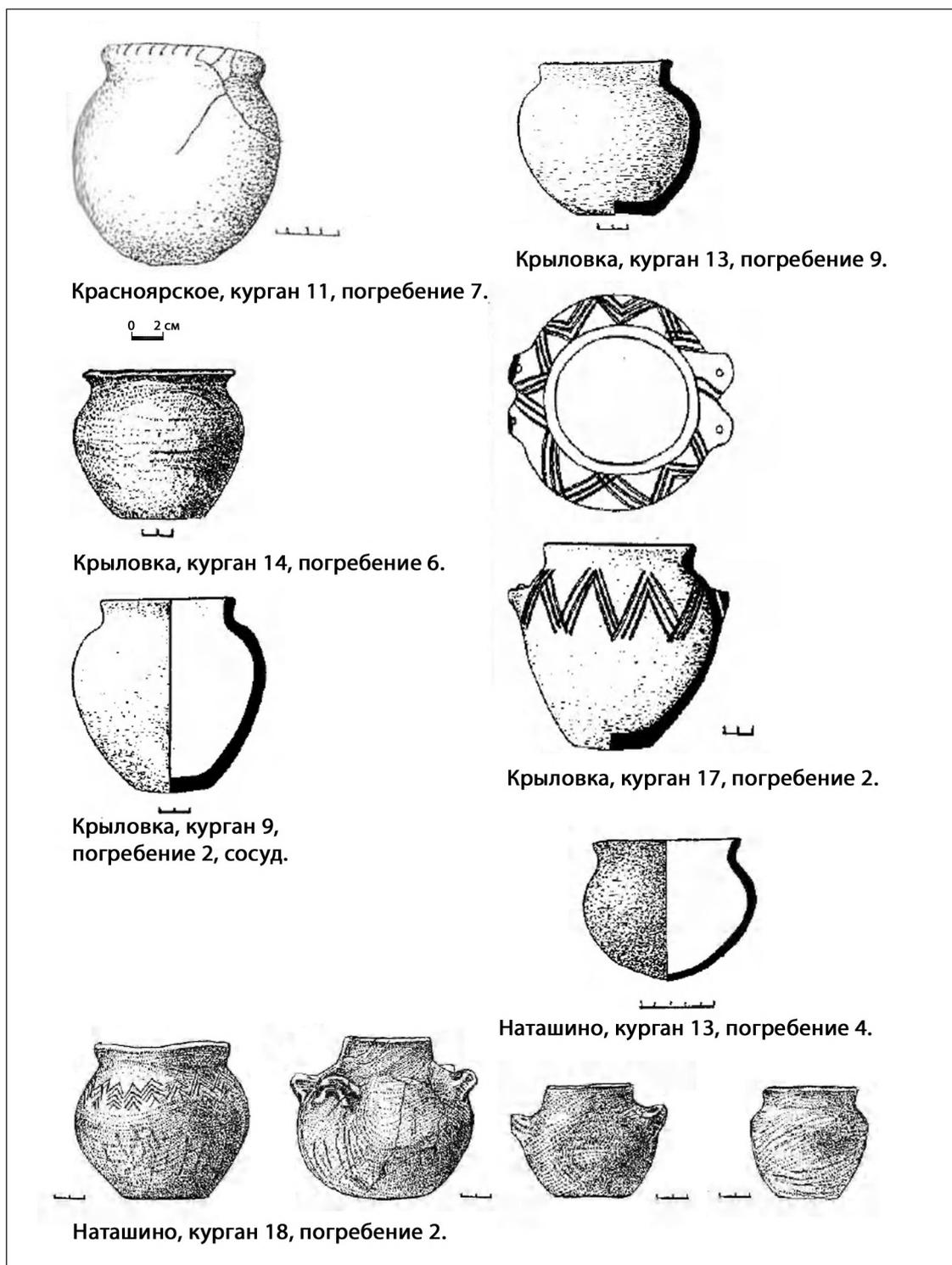

Рис. 29. «Горшковидные» сосуды средних пропорций

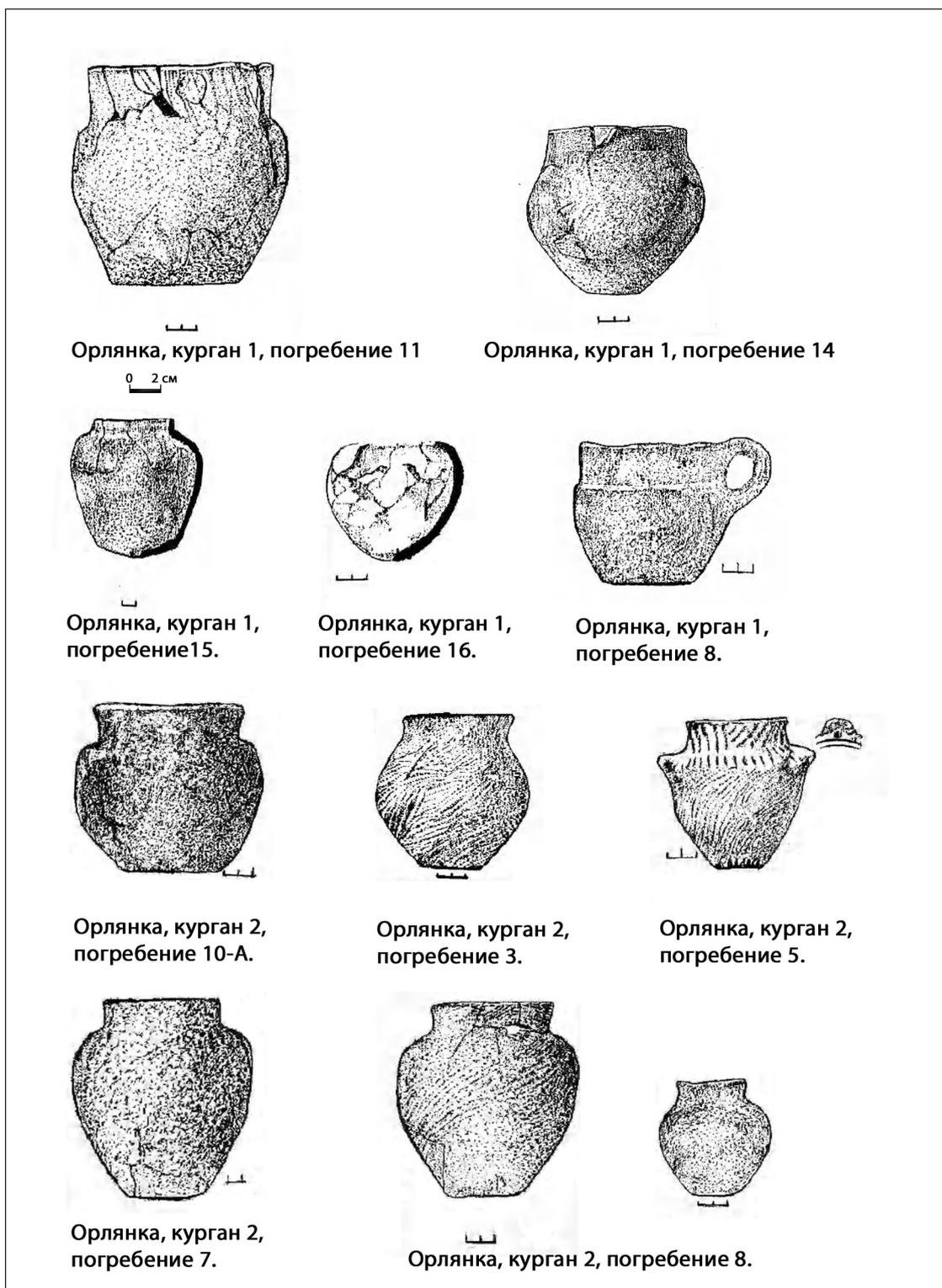

Рис. 30. «Горшковидные» сосуды средних пропорций

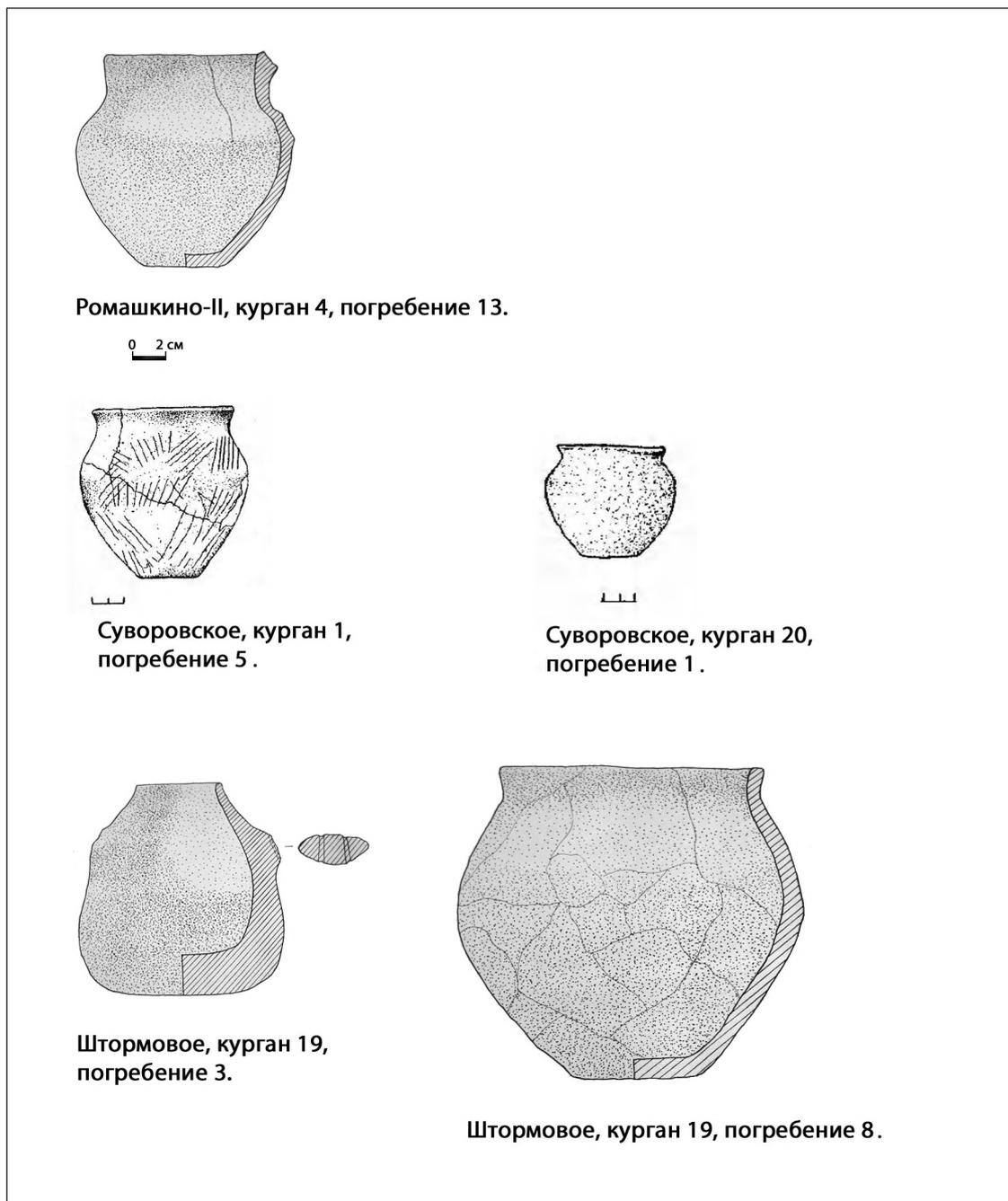

Рис. 31. «Горшковидные» сосуды средних пропорций

Рис. 32. Сосуды с 4-частной конструкцией

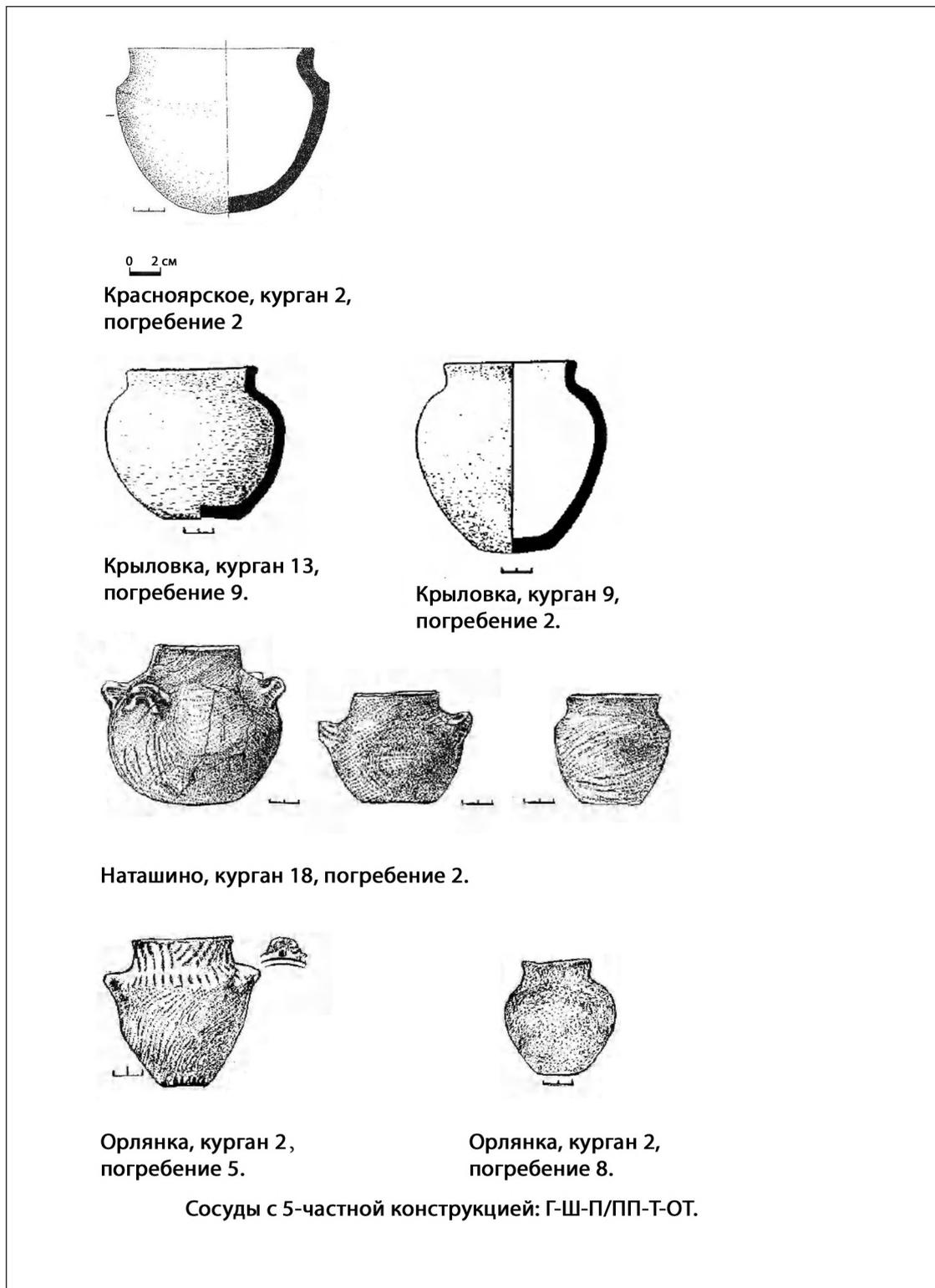

Рис. 33. Сосуды с 5-частной конструкцией: первая группа

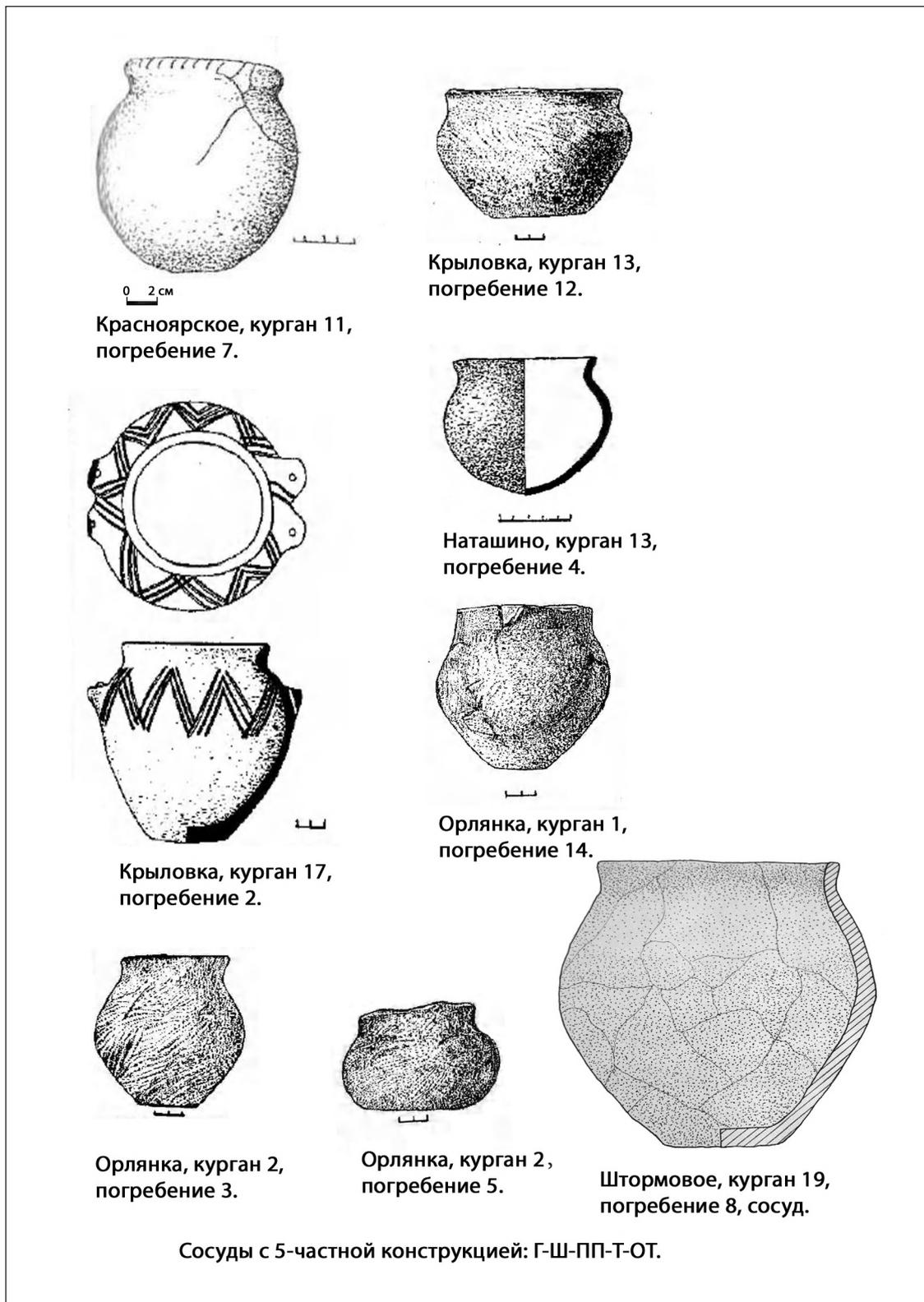

Рис. 34. Сосуды с 5-частной конструкцией: вторая группа

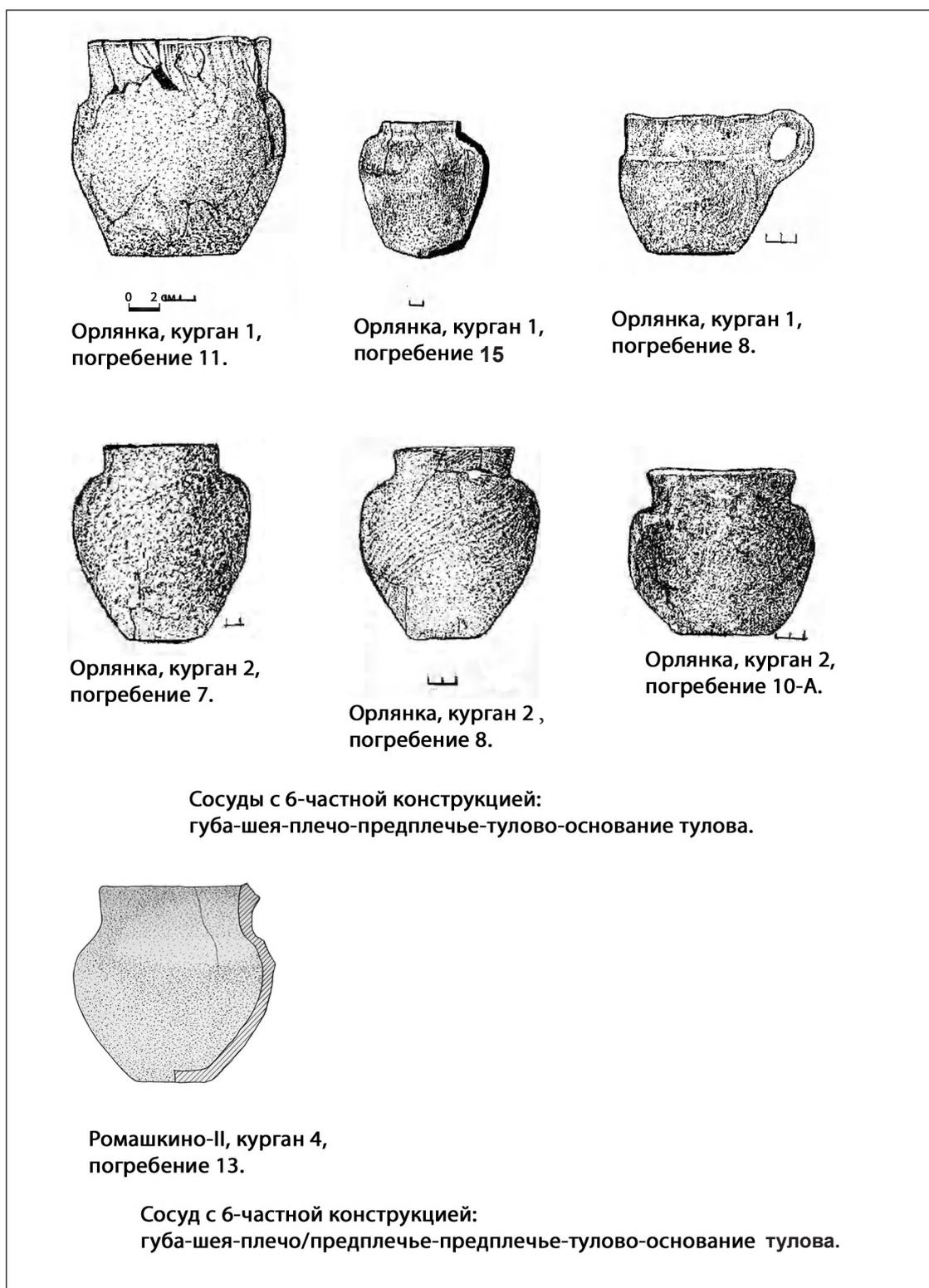

Рис. 35. Сосуды с 6-частной конструкцией

НАХОДКА БРОНЗОВОГО НАВЕРШИЯ ДРЕВНЕМЕОТСКОГО СКИПЕТРА БЛИЗ СТАНИЦЫ АЗОВСКОЙ

.....

Весной 2018 г. В.М. Исайкиным, одним из авторов данного исследования, во время пешеходной экскурсии по окрестностям станицы Азовской Северского района Краснодарского края было случайно найдено бронзовое навершие скипетра, предварительно отнесенное к эпохе начала раннего железного века¹. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот данного изделия.

Исследуемый предмет был найден случайно, в грунтовой колее стихийно накатанной лесной дороги, на гребне длинной и пологой, частично облесенной возвышенности. Топография места находки дает основания гипотетически связать ее с разрушенным грунтовым или курганным захоронением. Однако предварительный визуальный осмотр собственно места обнаружения и ближайших окрестностей результатов не дали.

Навершие скипетра представляет собой сравнительно миниатюрное изделие (рис. 1). Максимальная длина – 10,9 см. Вес – 131 г. Форма навершия в целом соответствует так называемому «архиерейскому посоху» – известному в православной обрядности символу духовной власти, с формой навершия в виде перекладки с «рожками», напоминающего перевернутый якорь. «Рожки» круглые (округло-овальные) в сечении, почти симметричны (5,3 см – против 5,6 см при замерах от отверстия крепления к рукояти), слегка расширяющиеся к окончанию. Одно из окончаний перекладки опущено к древку чуть более, чем второе, в связи с чем предполагается деформация восковой модели перед формовкой. Крепление к рукояти оформлено в виде глухой короткой втулки, обозначенной снизу выступающим на 3 мм краем, с двумя боковыми отверстиями для фиксации

рукояти. Отверстие втулки в поперечном сечении овальное (ближе к овально-прямоугольному). На вершине скипетра, по оси втулки, имеется небольшая петля для подвешивания (крепления темляка или украшения). Петля с округло-сегментовидной проушиной, сегментовидная в поперечном сечении дужки.

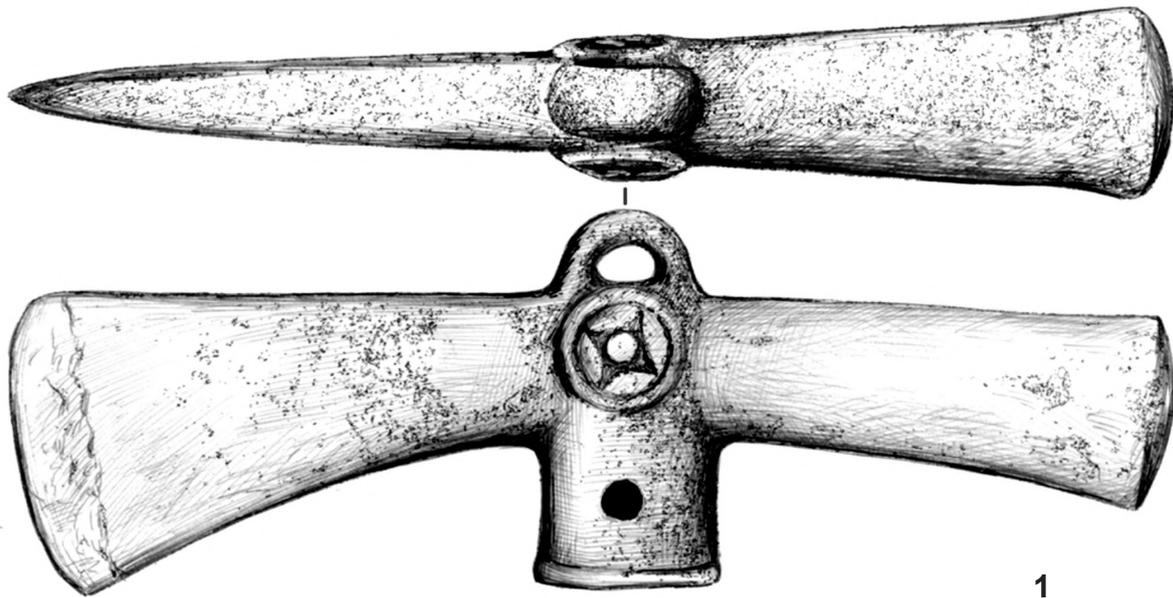
В части технологии изготовления очевидно, что изделие цельнолитое по выплавляемой восковой модели, сформованной вручную с некоторыми нарушениями симметрии. Признаки литейных швов отсутствуют. На дне глухой втулки под древко (рукоять) имеется небольшое (3 × 2 мм) технологическое отверстие, выходящее с внутренней стороны петли подвеса, предназначенное, очевидно, для отвода воздуха в процессе литья. Большая часть поверхности навершия покрыта мелкими раковинами гидроокислов меди. Слой гидроокислов (пatina) в значительной мере вытерт и покрыт относительно свежими царапинами по всей площади изделия, вероятно, оставленными в настоящее время транспортом, проезжавшим непосредственно по месту залегания навершия. Также современным воздействием мы объясняем деформированный и частично обломанный край втулки под одним из боковых отверстий крепления рукояти. На поверхности изделия, вдоль одной из боковых сторон и в нижней части, сохранились небольшие участки благородной плотной патины, со следами тщательной полировки изделия в период его изготовления и функционирования.

Ближайшие аналогии рассматриваемого изделия связывают его прежде всего с кругом древнемеотских могильников. В числе опубликованных находок, это известный топор-скипетр из погребения № 50 Кубанского могильника (Усть-Лабинский район Краснодарского края, раскопки Н.В. Анфимова) (рис. 2, 1). Данный экземпляр значительно больше и тяжелее описываемого в настоящей статье, украшен

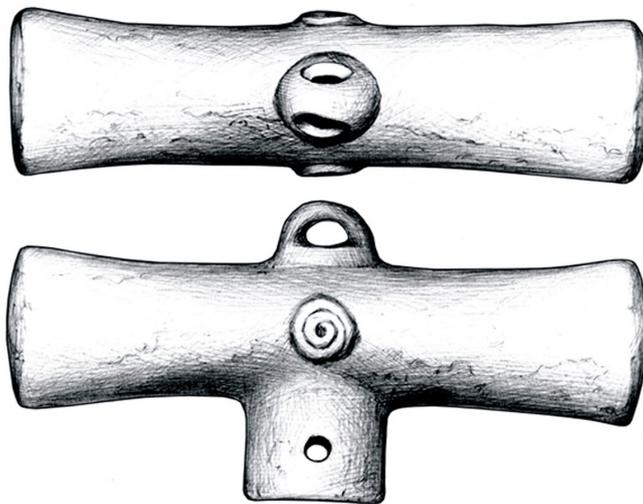
¹ После всестороннего визуального обследования, обмеров и фотосъемки предмет был передан в Государственный музей Республики Адыгея для пополнения имеющейся коллекции бронзовых изделий древнемеотского круга.

Рис. 1. Бронзовое навершие скипетра, найденного близ станции Азовской

1

2

Рис. 2. Бронзовые скипетры из протомеотских могильников: 1 – мог. Кубанский, п. 50; 2 – мог. Казавовский, подъемный материал из разрушенных захоронений (по статье А.А. Сазонова «Бронзовые скипетры протомеотских вождей»)

солярными символами – «глазами», в отличие от исследуемого экземпляра, но, безусловно, общими признаками являются наличие у обоих выраженной втулки под древко (рукоять), петли подвеса вверху и формы крестовин (в варианте Кубанского скипетра – формы обушной части).

Типологически близким исследуемому в той же мере является молоточковидный скипетр (рис. 2, 2) из разрушенного погребения Казановского грунтового могильника (южный берег Кубанского водохранилища). Данный экземпляр имеет симметричные цилиндрические, слабо расширяющиеся к торцам ударные части, втулку с отверстием под крепление и петлю для подвешивания. Боковины втулки украшены выпуклыми орнаментальными «глазами», подобно Кубанскому скипетру.

По археологическому контексту находок данного типа скипетров, судя по единственной в настоящее время документированной комплексной находке подобного типа изделия в п. 50 могильника х. Кубанского, можно предполагать, что период их бытования ограничивался концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. (Сазонов А.А., 2006).

В части возможных предположений о социокультурных причинах изготовления и использования данного скипетра, считаем достаточным отметить, что он как по месту находки, так и по функциональным и типологическим признакам в полной мере подтверждает суще-

ствующие представления о местной древнемеотской традиции использования статусных патриархальных и воинских символов в виде скипетров, созданных путем уменьшения и стилизации моделей всех известных в регионе и далеко за его пределами образцов боевых топоров и молотов (Сазонов А.А., 2006). Это обстоятельство, как и указывалось ранее в той или иной мере многими исследователями (Сазонов, А.А. 2006; 2014; Дударев С.Л., Сазонов А.А., Беляев Л.А., 2007; Эрлих, 2007 и др.), определенно свидетельствует о высокой степени стратифицированности и милитаризованности местного населения, а также о его активной вовлеченности в военные и торговые походы киммеро-меотской эпохи в границах VIII – начала VII в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Дударев С.Л., Сазонов А.А., Беляев Л.А., 2007. Бронзовые изделия предскифского времени из предгорных и высокогорных районов Закубанья // XIII чтения по археологии Средней Кубани. Армавир.

Сазонов А.А., 2006. Бронзовые скипетры протомеотских вождей // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 6. Армавир.

Сазонов А.А., 2014. Киммеро-меоты Центрального Закубанья // IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар.

Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК «МЕЗМАЙ 1»

.....

Со времени первых исследований, проведенных на могильнике «Мезмай 1» в 2005 году, вышла целая серия работ, посвященных публикации ярких элитных комплексов и отдельных находок из этого памятника (Шевченко Н.Ф., 2010; Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011; Шевченко Н.Ф., 2014; Дедюлькин А.В., Шевченко Н.Ф., 2017; Шевченко Н.Ф., 2020). Однако неоднократно упомянутый в описаниях рядовой материал до сих пор полностью не опубликован, и восполнению этого пробела посвящена настоящая работа. Могильник расположен в горах Западного Кавказа в долине реки Курджипс на высоте около 800 м от уровня моря и определен как дружинный некрополь (рис. 1, 1). Исключительное богатство и разнообразие материалов, полученных при этих работах, обилие импорта, а также расположение в районе перевалов, соединяющих степи Нижнего Прикубанья с Закавказьем, поставили могильник в ряд маркерных объектов эпохи раннего железного века, при этом размеры и структура памятника требуют уточнения.

Первые захоронения были зафиксированы на площадке заросшего горного склона, уступами спускающегося в ущелье с перепадом высоты почти в 200 м. Лишь позже выяснилось, что его территория кустами распространяется почти на весь склон и включает локальные участки с датировкой от конца III в. до н.э. как минимум до I в. н.э. (рис. 1, 2)¹. Изначально выявленная площадь памятника была плотно изрыта ямами, которые грабители закладывали, используя современные металлодетекторы, точно фиксирующие цветной металл. Разрушенная поверхность в сочетании с большими деревьями, горным рельефом и каменистым грунтом делала процесс раскопок очень медленным. Раскопы сплошной площадью чаще

всего попадали на свободные участки или фиксировали ограбленные погребения с ритуальными площадками и тризнами. Только три элитных комплекса сохранились непотревоженными, что можно отчасти объяснить нестандартностью обрядов. В общей сложности в могильнике было исследовано 12 погребений разной степени сохранности, при этом большинство комплексов, включавших оружие и изделия из цветного металла, были разграблены современными копателями².

Погребение № 1 (рис. 3, 2). Открыто в раскопе № 2 (2005 г.) в –0,26 м от 0 и на глубине около 0,30 м от уровня современной поверхности. Могильная яма имела форму неправильного овала, вытянутого по линии СВ-ЮЗ, и с юго-западной стороны прорезана входным колодцем погр. 2. Максимальная ширина составляет 0,63 м, стенки сохранились в высоту до 0,15 м. Костяк взрослого человека средней сохранности. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на СЗ. На левом крыле таза расчищены фрагменты железного однолезвийного ножа с прямой спинкой и черешковой рукоятью накладки, на которую крепились с помощью поперечного штифта. Длина сохранившейся части – 8,3 см (рис. 3, 3).

Погребение № 2 (рис. 4, 1). Открыто в раскопе № 2 (2005 г.) в –0,90 м от 0 и на глубине около 1,0 м от уровня современной поверхности. Комплекс частично разрушен грабительской ямой и корнями дерева. Захоронение совершено по катакомбному обряду. Входная яма имела подквадратную форму с размером 1,80 × 1,80 м, стенки отвесные прослежены в высоту до 0,30 м. Дно плавно понижается к северо-западу и через пологую ступеньку переходит в камеру, вытянутую по линии СЗ-ЮВ. Ширина камеры в районе ступеньки, вероятно, соответствует размеру входной ямы, но дальше она

¹ К сожалению, предполагаемые границы могильника были установлены только по распространению грабительских ям уже после завершения работ и раскопки по всей территории не проводились.

² Материалы из захоронений 3, 5, 11 полностью опубликованы (Шевченко Н.Ф., 2010; Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011; Шевченко Н.Ф., 2020) и в работе не приводятся.

может сужаться. Длина камеры около 1,90 м. Возле восточного угла входной ямы зафиксирована придонная часть толстостенного лепного сосуда. Донце находилось сразу под слоем дерна и, вероятно, было установлено в небольшое углубление. Тесто плохо промешанное, в изломе черного цвета. Поверхность бугристая, серо-коричневого цвета, с пятнами кострового обжига. Диаметр (Д) донца = 21,5 см (рис. 4, 3).

Во входной яме открыты два костяка взрослых особей лошади.

Костяк 1 зафиксирован под СВ стенкой, судя по расположению костей, туша была уложена в яму на правом боку, головой на СЗ. Голова откинута в сторону и сползла в камеру, между зубами найдены фрагменты железных двухчастных удил с загнутыми в кольца концами грызел (рис. 4, 1). Под черепом лежала круглая пастовая бусина синего цвета, белые глазки выделены рельефно и цветовыми кругами. Размер 3,0 × 3,0 см (рис. 5, 9).

Костяк второй лошади лежал параллельно первому, но туша была помещена на левом боку вплотную к первой, так что согнутые ноги оказались переплетенными. Голова тоже сползла по ступеньке в камеру, между зубами найдены железные двухчастные удила с кольцами на концах и фрагмент псаля (рис. 4, 1). Под черепом расчищены крупная пастовая бусина с желтыми глазками на черном фоне, размер 2,8 × 1,7 см (рис. 5, 10); цилиндрическая бусина синего цвета с четырехликими пучеглазыми масками. Размер 3,8 × 2,3 см (рис. 5, 11).

От костяка взрослого человека сохранились только длинные кости ног, судя по их расположению, погребенный лежал вдоль северной стенки камеры вытянуто на спине головой на СЗ. Между бедренными костями расчищен фрагмент клинка железного обоюдоострого меча. Длина сохранившейся части = 0,40 м (рис. 5, 7). Под левой бедренной костью найдено около тридцати железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел. Длина = 2,3 см (рис. 5, 5). Здесь же лежали фрагменты около 10 железных втульчатых четырехгранных наконечников стрел, для них характерен очень маленький диаметр втулки – около 2–3 мм, длина общая = 4 см (рис. 5, 4).

Возле стоп, поперек длинной оси погребения, лежал второй железный меч плохой сохранности. Металл на концах навершия разрушился, но очевидно, что оно имело серповидную форму. Клинок линзовидного сечения имеет максимальную ширину возле рукояти, переход оформлен под прямым углом. Перекрестье представляет собой раскованное утолщение пяты клинка, не выступающее за пределы клинка. Длина общая = 74 см (рис. 5, 8). На металле сохранился древесный тлен от ножен, в котором найден бронзовый стержень с шаровидными утолщениями на концах. Стержень лежал поперек клинка примерно в 20 см от острия и, вероятно, являлся частью португальского крепления меча. Длина = 5 см (рис. 5, 3). Возле меча расчищены фрагменты 15 железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел. Длина общая = 3,5 см (рис. 5, 6).

Между вторым мечом и правой берцовой костью находился сопроводительный набор, состоящий из четырех сосудов:

– патера бронзовая кованная. Край устья отогнут наружу, дно плоское. На венчике две диаметрально расположенные петли для подвижных ручек. Н = 1,8 см, Д венчика = 16,2 см, Д донца = 11,0 см, толщина стенки = 1,0 мм (рис. 4, 6).

– миска кружальная на высоком кольцевом поддоне с загнутым внутрь бортиком. Тесто в изломе оранжевого цвета. Н = 8,5 см, Д венчика = 18,3 см, Д донца = 6,9 см (рис. 4, 5).

– кувшин кружальный грушевидной формы с ойнохоевидным сливом. Донце оформлено в виде кольцевого поддона. Тесто в изломе светло-серого цвета, поверхность светло-коричневая, аккуратно заглаженная. Н = 14,5 см, Д венчика = 8,3 см, Д донца = 6,8 см (рис. 4, 4).

– Канфар трехручный с профилированным туловом на коническом поддоне. Кружальный, тесто в изломе темно-серого цвета, с примесью речного песка. Поверхность красно-коричневая с серыми пятнами. Н = 12,5 см, Д венчика = 13,3 см, Д донца = 6,2 см (рис. 4, 2).

Кувшин (рис. 4, 4) может быть сопоставлен с сосудами типа 5, выделенного в материалах Тенгинского могильника с датировкой в пределах первой половины II в. до н.э. (Беглова Е.А.,

Эрлих В.Р., 2018, с. 140). Канфар (рис. 4, 2) датируется второй половиной III – первой половиной II в. до н.э. (Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 2018, с. 142; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2005, с. 237). Частично сохранившийся меч (рис. 5, 8) можно отнести к группе меотских мечей с серповидным навершием (Эрлих В.Р., 1991, с. 83; Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 2018, с. 148–149). Крупные пастовые бусы широко использовались на территории Закубанья как украшения конской упряжи в IV–II вв. до н.э. (Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 2018, с. 160). Редкой находкой является цилиндрическая бусина с четырехсторонним изображением человеческих лиц (рис. 5, 11). Е.М. Алексеева датирует подобные изделия VI–II вв. до н.э. (Алексеева Е.М., 1982, с. 34). Очень близкая по стилистике бусина была найдена в кургане № 3 у ст. Михайловской и датирована IV–III вв. до н.э. (Античное наследие Кубани 2010, с. 49, рис. 87; Гуляев В.И., 2018, с. 291)¹. Бронзовая патера (рис. 4, б) близка чашам из погребений 19, 39 Тенгинского некрополя, датированных второй половиной II – началом I в. (Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 2018, с. 169).

Комплекс датируется первой половиной II в. до н.э.

Погребение № 3. Опубликовано (Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011).

Погребение № 4 (рис. 6). Открыто в раскопе № 3 (2006 г.) в –0,82 м от 0 и на глубине около 1,02 м от уровня современной поверхности, частично разрушено грабительским шурфом. Погребение совершено по катакомбному обряду. Входная яма подквадратная, практически сориентированна по сторонам света, размеры 1,50 × 1,40 м. Стенки прослежены в высоту до 0,50 м. Дно имело незначительный уклон к северу и через отвесную ступеньку под северо-западной стенкой переходило в камеру. Погребальная камера имела подпрямоугольную форму и была вытянута по линии СЗ-ЮВ. Размер 0,80 × 2,30 м.

На дне входной ямы открыты два костяка взрослых особей лошади.

Лошадь № 1 была уложена вдоль северо-восточной стенки на левом боку головой на ЮВ, однако шею животного неестественно выгну-

ли, положив голову поверх туловища мордой на СЗ. У пасти найдены железные кольчатые удила с крестовидными псалиями. Длина = 22 см (рис. 8, 1). Рядом лежала круглая пастовая бусина синего цвета с желто-сине-белыми глазками, Д = 2,5 см (рис. 8, 2).

Лошадь № 2 лежала вдоль южной стенки ямы на груди головой к востоку поверх ног первой лошади. Голова находилась поверх ребер лошади № 1. В 15 см к югу от черепа лежали железные кольчатые удила с крестовидными насадками. Длина около 24 см (рис. 8, 3). У основания черепа и возле нижней челюсти зафиксированы две пастовые бусины белого цвета с сине-желтыми глазками, Д = 2,3 см (рис. 8, 4, 5). Глубина колодца составляет около 0,75 м от поверхности, поэтому при погребении лошади, практически лежавшие друг на друге, были едва присыпаны землей.

Костяк взрослого человека был разрушен современным грабительским шурфом, не потревоженными сохранились только берцовые кости ног. Судя по их расположению, погребенный лежал вытянуто на спине головой на ССЗ.

Возле стоп расчищены:

– кружальный коричневоглиняный сосуд с ойнохоевидным сливом. Поддон кольцевой, ручка уплощенная с желобком. Тесто плотное, светло-серого цвета. Н = 15,7 см, Дв = 8 см, Дд = 6,5 см (рис. 7, 2).

– фрагменты железных трехлопастных втульчатых наконечников стрел. Количество около 15 экз. Длина = 3,4 см (рис. 7, 4).

– фрагменты железного ножа с горбатой спинкой и черешковой рукоятью. Длина сохр. части = 7,2 см (рис. 7, 5).

Возле коленного сустава левой ноги лежал фрагмент кружальной плоскодонной миски. Поверхность светло-серого цвета, грубо заглаженная. Тесто в изломе темно-серое. Н = 6,6 см, Дв = 16 см, Дд = 7 см (рис. 7, 6).

Под восточной стенкой открыт крупный необработанный камень, возле которого находились два сосуда: 1. Кружальный красноглиняный кувшин с кольцевым поддоном и витой ручкой. Тесто плотное, в изломе оранжевого цвета без видимых примесей. Н = 24,5 см, Дв = 8,7 см, Дд = 9,8 см (рис. 7, 1). Рядом с кувшином расчищен фрагмент кости животного (овца?).

¹ Автор благодарит Н.Е. Берлизова, любезно ознакомившего его с неопубликованным материалом.

2. Сосуд лепной плоскодонный. Тулово биконическое, орнаментированное вертикальными желобками, сведенными в пучки по три штуки сближением верхних концов. Тесто плотное, в изломе черного цвета, поверхность аккуратно заглажена. Н = 10,2 см, Дв = 4,5 см, Дд = 5 см (рис. 7, 3).

Кувшин с ойнохоевидным сливом (рис. 7, 2) относится тому же типу, что и сосуд из погребения 2. Красноглиняный кувшин с витой ручкой может быть сопоставлен с керамикой боспорского производства, массовое распространение которой в степях правобережья Кубани приходится на вторую половину II – начало I в. до н.э. (Шевченко Н.Ф., 1993а, с. 36). Лепной сосудик с каннелюрами не имеет характерных ручек-выступов и галек с углями внутри, но форма, орнаментация и размеры позволяют условно отнести его к разряду курильниц, выделенных в тип II, вариант 26 (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2006, с. 136). Курильницы с каннелюрами, вероятно, имели северокавказское происхождение в пределах IV–III вв. до н.э., но могли существовать в разных модификациях (Меньшикова В.А., 2012, с. 109).

Крестовидные псалии имеют плохую сохранность, но круглое сечение стержней позволяет отнести их к типу II, вариант 16 с датировкой в пределах последней трети III – II в. до н.э. (Марченко И.И., 1996, с. 74).

Комплекс может быть датирован серединой – второй половиной II в. до н.э.

Погребение № 5. Опубликовано (Шевченко Н.Ф., 2010).

Погребение № 6 (рис. 9). Открыто в раскопе № 3 (2006 г.) в –0,55 м от 0 и на глубине около 0,90 м от уровня современной поверхности, частично разрушено двумя грабительскими шурфами. Захоронение совершено по катакомбному обряду. Входная яма имеет форму неправильного овала, вытянутого по линии СЗ-ЮВ, размер 1,60 × 1,50 м. Стенки прослежены в высоту до 0,45 м. Заполнение состояло из щебенки, перемешанной с глиноземом и крупными камнями. Погребальная камера имела форму неправильного овала и расположена под СЗ стенкой на одной оси с линией входного колодца. Переход оформлен через отвесную ступеньку высотой 0,20 м. Размер камеры 2,70 × 0,85 м.

На дне входной ямы открыты скелеты двух взрослых особей лошадей и коровы.

Лошадь № 1 лежала вдоль юго-западной стенки на левом боку с подогнутыми ногами, головой ко входу в камеру.

Лошадь № 2 лежала вдоль северо-восточной стенки на правом боку с подогнутыми ногами, головой ко входу в камеру.

Корова была помещена в центр входной ямы между лошадьми на правом боку головой ко входу в камеру. Головы всех животных были снесены узким грабительским шурфом (рис. 9)¹. В заполнении не потревоженной части камеры между шурфами прослежены фрагменты костяка еще одной взрослой особи лошади. Наиболее хорошо сохранился позвоночник и часть ребер, остальные части скелета встречались в заполнении грабительского шурфа на разных уровнях. Судя по расположению сохранившихся фрагментов, лошадь лежала на правом боку, головой на СЗ, при этом она была уложена поверх человека.

От человеческого костяка сохранился только фрагмент левого плеча и берцовые кости. Судя по их расположению, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Между костями ног лежал фрагмент клинка железного меча. Сечение линзовидное. Рукоять и верхняя часть клинка были срублены грабителями. Длина сохр. части = 0,63 м (рис. 10, 8). Рядом с берцовыми костями левой ноги лежал кружальный сероглиняный кувшин с кольцевым поддоном. Ручка уплощенная с желобком. Н = 19,8 см, Дв = 8,7 см, Дд = 7,3 см (рис. 9, 2). Под ЮЗ стенкой найдена кружальная красноглиняная миска на кольцевом поддоне. Тесто плотное, в изломе оранжевого цвета. Н = 5,9 см, Дв = 14,8 см, Дд = 8,1 см (рис. 10, 1). Возле миски лежал фрагмент железного однолезвийного ножа. Длина сохр. части = 6,8 см (рис. 10, 3). Под северо-восточной

¹ Погребальная камера была ограблена современными поисковиками дважды. Первый шурф достиг дна ямы и уничтожил человеческий костяк, за исключением голени. Судя по тому, что в заполнении ямы были найдены фрагменты человеческого черепа со следами сильного бронзового окисла, грабители вытащили бронзовый шлем. При последующем ограблении металлодетектор, вероятно, сработал на железные удила. Их вытащили посредством узкого шурфа, уничтожив головы животных, при этом до дна ямы грабители не докопали.

стенкой на уровне дистального эпифиза левой бедренной кости найден нащечник, откованный из тонкого бронзового листа. Верхний край фигурно вырезан и загнут внутрь под шарнирное крепление. Лицевая сторона вдоль внешнего края украшена рядом пуансонного орнамента, прочеканенного изнутри. Размер 12,5 × 9,7 см (рис. 10, 4). В юго-западном углу камеры найдена крупная гагатовая бусина круглой формы. Д = 2,7 см (рис. 10, 5). Бусина, вероятно, является украшением упряжи лошади № 1.

В заполнении большого грабительского шурфа были найдены предметы, брошенные поисковиками и присыпанные землей:

1. Кувшин кружальный коричневоглиняный. Ручки двустольные с зооморфным налетом на сгибе. Основание горла орнаментировано горизонтальными желобками, между которыми заключен ряд ногтевых вдавлений. Н = 15,6 см, Дв = 6,5 см, Дд = 7,3 см (рис. 9, 3).

2. Кружка кружальная сероглиняная с пятнами неровного обжига. Поддон кольцевой. Ручка уплощенная с желобком. Н = 8,3 см, Дв = 9 см, Дд = 5 см (рис. 10, 2).

3. Железный наконечник копья. Перо пламевидной формы с линзовидным сечением, втулка отбита. Длина сохр. части = 23 см (рис. 10, 6).

4. Фрагмент железного четырехгранного наконечника стрелы. Способ крепления к древку уверенно не определяется. Длина сохр. части = 3,8 см (рис. 10, 7).

По морфологическим признакам оба кувшина относятся к типу сосудов, распространение которых в варварских комплексах степного Прикубанья происходит не ранее второй половины II в. до н.э. и связано с боспорским производством. Серия красноглиняных кувшинов с налечами фиксируется в могильнике пос. Виноградный 1, материалы из которого датируются концом II – первой половиной I в. до н.э. (Шевченко Н.Ф., 2013, с. 462). В Усть-Лабинском могильнике кувшины с налечами на изгибе включены в группу погребений I в. до н.э. – I в. н.э. (Анфимов Н.В., 1951, рис. 16, 3).

Бронзовый нащечник (рис. 10, 4) находит близкие параллели среди нащечников от клепанных шлемов из частных коллекций (Коллекция Сергея Кораковского, 2006, с. 7, кат. № 11; Античное наследие семьи Карисаловых,

2018, с. 145, кат. № 82). То есть нащечник, скорее всего, может быть сопоставлен со шлемами типа «Даховская – Мезмай», максимальное распространение которых приходится на II–I вв. до н.э. (Дедюлькин А.В., 2013, с. 51).

Комплекс может быть предварительно датирован концом II – первой половиной I в. до н.э.

Погребение № 7 является частью тризновского комплекса, представляющего собой небольшую насыпь, состоящую из камней вперемешку с землей, фрагментами керамики и костями животных. Визуально наброска четко выраженного контура не имеет и выглядит как естественное возвышение, но в разрезе хорошо читается ее курганообразный контур. Размер 5 × 6 м, максимальная высота от уровня материковой щебенки до 0,70 м (рис. 11, 1). Поверх и между материковыми валунами диаметром более 1 м были уложены принесенные известняковые сколы и булыжники, при этом керамика и кости животных распределялись по всей площади наброски от материка до поверхности.

Под камнями на глубине +2,21 м от 0 были зафиксированы фрагменты перевернутого вверх дном толстостенного кружального сосуда типа лутерия с четырьмя горизонтальными ручками под венчиком. Донце оформлено в виде кольцевого поддона. Тесто плотное, в изломе серого цвета. Н = 24,7 см, Д венчика = 48 см, Д донца = 17,4 см (рис. 12, 1).

Погребение, определенное в сквозной нумерации могильника как № 7, открыто у юго-восточного края наброски под слоем камней (раскоп № 4 2007 г.) (рис. 11, 2). Уровень от 0 составляет +1,42 м, глубина от современной поверхности – около 0,70 м. Узкая могильная яма имела подпрямоугольную форму и была вытянута по линии ЮВ-СЗ. Размер 1,73 × 0,50 м. Стенки прослежены на глубину до 0,15 м. Костяк взрослого человека удовлетворительной сохранности. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на СЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты и в голени сведены вместе. Отсеченный череп вместе с нижней челюстью лежал лицевой частью вниз у локтевого сгиба поверх левой половины груди. Вещей нет. Погребение, вероятно, является человеческим жертвоприношением и составляет единый комплекс вместе с остатками тризны и каменной наброской.

В общей сложности в каменном развале найдено 95 фрагментов керамики и 72 фрагмента костей животных (лошадь, овца).

Кружальная посуда представлена 33 фрагментами:

– двадцать один фрагмент относится к посуде, имеющей плотное тесто оранжевого или светло-коричневого цвета. В изломе одноцветное или с серым закалом. Поверхность шершавая, с примесью крупного речного песка;

– двенадцать фрагментов имеют плотное тесто серого или серо-коричневого цвета, с примесью речного песка. Поверхность без следов лощения.

Профильные части:

1. Фрагмент венчика кружального кувшина с воронковидным горлом. Поверхность оранжевая, тесто в изломе трехцветное (рис. 13, 1).

2. Фрагмент венчика кружального серо-глиняного кувшина с воронковидным горлом. Тесто плотное, с примесью песка. Поверхность заглажена без следов лощения (рис. 13, 2).

3. Фрагмент ручки и венчика кружального оранжевоглиняного сосуда. Ручка уплощенная с покатым изгибом. Тесто плотное, оранжевого цвета, с известковыми включениями (рис. 13, 3).

4. Фрагмент венчика кружального сосуда. Тесто рыхлое, красно-коричневого цвета, в изломе трехцветное (рис. 13, 4).

5. Фрагмент венчика кружальной тонкостенной миски. Тесто плотное, в изломе бежевого цвета (рис. 13, 5).

6. Фрагмент венчика кружальной тонкостенной миски. Тесто плотное, в изломе коричневого цвета, поверхность серая (рис. 13, 6).

7. Фрагмент донца кружального плоскодонного сосуда. Тесто плотное, с примесью песка, в изломе темно-серого цвета (рис. 13, 7).

8. Фрагмент донца кружального плоскодонного тонкостенного сосуда. Тесто плотное однородное, в изломе светло-серого цвета (рис. 13, 8).

9. Кружок, сделанный из стенки кружального оранжевоглиняного сосуда. Тесто плотное, в изломе оранжевого цвета (рис. 13, 9).

Лепная керамика представлена 62 фрагментами. Тесто черного или серо-коричневого цвета с примесью дресвы. Поверхность грубо заглажена, с пятнами кострового обжига.

Профильные части:

Основную массу составляют фрагменты крупных горшков с низким слабоотогнутым наружу венчиком. Диаметр от 17 до 34 см (рис. 12, 2–7). Один фрагмент принадлежит небольшому тонкостенному сосуду с реповидным туловом и низким отогнутым наружу венчиком (рис. 12, 8). Донца лепных сосудов плоские, иногда рельефно выделенные (рис. 12, 9–10).

Узкая датировка жертвенно-ритуального комплекса не представляется возможной, однако массовый тризновый материал находит явные параллели среди керамики из тризны погребения 3 мезмайского некрополя (Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011, с. 120). Сосуд с четырьмя ручками (рис. 12, 1) может быть сопоставлен с вазой из могильника Старокорсунского городища № 2 (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2005, рис. 32, 1).

Погребение № 8 (рис. 14, 1). Открыто в раскопе № 4 (2007 г.) в +0,82 м от 0 и на глубине около 0,30 м от уровня современной поверхности. Могильная яма узкая, подпрямоугольной формы, вытянута по линии СВ-ЮЗ. Ширина 0,50 м. Стенки неровные, сохранились в высоту до 0,15 м. Заполнение состояло из плотной щебенки с включениями камней. Костяк взрослого человека слабой сохранности, череп раздавлен, позвоночник и часть ребер отсутствуют. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая была согнута в локте и уложена кистью в область таза, ноги в голених сведены вместе. Под ребрами возле дистального эпифиза левой плечевой кости найдены три кремневые орудия: 1) приостренная с торцов пластина. Плоскости сглажены, а края обработаны мелкой ретушью. Размер 3,8 × 1,4 (рис. 14, 6а); 2) кремневый отщеп с тремя сколами от вторичной обработки, ретушь отсутствует. Размер 3 × 1,7 см (рис. 14, 6б); 3) кремневый отщеп со следами вторичной обработки. Размер 2,9 × 1,2 (рис. 14, 6в). Под костями предплечья левой руки лежал фрагмент железного серпа со штыревидной уплощенной рукоятью. Длина сохранившейся части = 15,7 см, ширина лезвия 2,4 см (рис. 14, 5). Рядом с серпом лежал каменный оселок с круглым отверстием для подвешивания. Размер 7,8 × 1,7 см (рис. 14, 7). На левом

крыле таза лежали сильно корродированные фрагменты железной пряжки с прямоугольной рамкой и подвижным язычком. Форма полностью не восстанавливается (рис. 14, 4). Под СЗ стенкой в районе коленного сустава левой ноги расчищен железный втульчатый наконечник дротика, лежавший острием к востоку. Перо треугольное линзовидного сечения. Длина общая = 14 см (рис. 14, 3). В СВ углу ямы вдоль берцовых костей левой ноги острием к СВ лежал железный втульчатый наконечник копья. Перо узкое, вытянутое, с расширением в основании и хорошо выраженным продольным ребром. Длина = 34 см (рис. 14, 2).

Наконечник копья по классификации И.И. Марченко входит в отдел III, тип 4, вариант 2 с широкой датировкой от второй половины II в. до н.э. до начала II в. н.э. (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2006, с. 73). Наконечник дротика с треугольным пером и короткой втулкой (рис. 14, 3) близок железному дротику из кургана 10 ст. Тифлисская (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, табл. 25, 246). Комплекс с подобным типом дротика датирован I в. н.э. (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2012, с. 414). Не противоречит этой дате фрагмент железной пряжки с прямоугольной рамкой и подвижным язычком.

В целом комплекс может быть широко датирован в пределах второй половины I в. до н.э. – I в. н.э.

Погребение № 9 (рис. 15, 1). Открыто в 2008 году при исследовании свежей грабительской ямы, зафиксированной на расстоянии 41 м к СЗ от ЦР, азимут 299°. Грабители обнаружили металлодетектором наличие в земле металла и довольно точно расположили шурф по контуру могилы. По мере углубления они сузили яму и вышли на дно в районе левого предплечья и черепа погребенного. При этом половина меча и часть костяка были разрушены, возможно, изъяты кольчуга и шлем. Железный наконечник копья был зацеплен лопатой, но подрываться в этом направлении черные поисковики не стали и до половины забросали шурф щебенкой и камнями. Таким образом, несмотря на ограбление, большая часть могилы на уровне дна не пострадала и была исследована.

Захоронение совершено в грунтовой яме неправильной формы, вытянутой по линии СЗ-

ЮВ. Размер 2,25 × 0,93 м, глубина от поверхности около 1,0 м. Стенки прослежены в высоту до 0,40 м. Яма имеет скругленные углы и сильно расширяется в юго-восточной части. В месте расширения стенка скошена как «пандус» с углом наклона около 40°. Костяк взрослого человека частично разрушен грабителями, череп отсутствует. Погребенный лежал на спине, головой на ЮЗ. Правая рука вытянута вдоль туловища, кости запястья находились под тазом. Позвоночный столб был заметно искривлен, а головки бедренных костей неестественно развернуты в одну сторону. Поверх берцовых костей человека в заполнении ямы лежал огромный необработанный известняковый валун. Размер 0,80 × 0,60 м. Возможно, камень был сброшен на ноги еще живому человеку, поэтому кости неестественно вывернуты. Поверх и рядом с камнем расчищены фрагменты костяка взрослой особи лошади, разрушенного грабительским шурфом. Вероятно лошадь лежала частично на камне, а частично в расширении ямы, при этом ее ноги перекрывали бедренные кости человека и были снесены грабителями¹. После истлевания связок часть костей лошадиного скелета просела в рыхлом грунте вокруг валуна.

Возле правого плеча погребенного стояла кружальная красноглиняная миска на низком кольцевом поддоне. Н = 5 см, Д венчика = 14 см, Д донца = 6,3 см (рис. 15, 2). Вдоль левой бедренной кости лежали фрагменты железного меча. На поверхности металла сохранились следы древесного тлена от ножен. Клинок линзовидного сечения. Длина сохранившейся части = 23 см (рис. 15, 3). В северо-восточном углу могильной ямы расчищен железный втульчатый наконечник копья, лежавший у черепа острием к СЗ. Перо вытянутое, пламевидной формы, с высоким продольным ребром. Длина сохранившейся части = 29 см. Д втулки = 2,4 см (рис. 15, 4).

Наконечник копья (рис. 15, 4) может быть предварительно сопоставлен с наконечниками отдела II, тип 4, подтип IV, вариант 1 с датировкой в пределах II–I вв. до н.э. (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2006, с. 163).

¹ Фрагменты конечностей лошади были разбросаны в отвалы вокруг ямы.

Погребение № 10 (рис. 16, 1). Открыто в раскопе № 6 (2009 г.) в $-0,24$ м от 0 и на глубине около $0,70$ м от уровня современной поверхности. Захоронение прорезано грабительским шурфом, уничтожившим верхнюю половину костяка. Судя по точности расположения ямы, комплекс был выявлен с помощью металлодетектора. Могильная яма не прослежена. От костяка взрослого человека сохранились только фрагмент таза и кости ног. Погребенный лежал на спине, головой на север, ноги были слабо согнуты в коленях. Возле обеих бедренных костей зафиксированы фаланги пальцев, что позволяет предполагать, что руки были вытянуты вдоль туловища. В заполнении грабительской ямы найден фрагмент грызла от железных удил с кольцами на концах и крестовидными насадками. На концах крестовины сделаны рельефно выделенные шаровидные утолщения. Длина сохранившейся части = 9 см (рис. 16, 2).

Удила по Марченко тип 1, вариант 16, датируются второй четвертью III – первой четвертью II в. до н.э. (Марченко И.И., 1996, с. 73).

Погребение № 11. Опубликовано (Шевченко Н.Ф., 2020).

Погребение № 12 (рис. 16, 3, 4). Открыто в раскопе № 7 (2009 г.) в $-4,28$ м от 0 и на глубине около $0,30$ м от уровня современной поверхности. Могильная яма не прослежена, погребенный лежал сразу под слоем дерна, головой на ССЗ. Костяк взрослого человека плохой сохранности, череп, правая ключица и проксимальный эпифиз правой руки отсутствуют. Сохранившиеся кости правой руки неестественно смещены книзу, это могло произойти, если тело поместили в могилу сразу после отсечения головы, и удар меча разрубил связки плечевого пояса. Человек, вероятно, был принесен в жертву, и погребение носило ритуальный характер. Вещи отсутствуют.

Тризна (рис. 17, 1, 2). Открыта в раскопе № 3 (2006 г.) в $-0,20$ м от 0 и на глубине около $0,40$ м от уровня современной поверхности. Объект расположен на уровне материковой щебенки и представляет собой площадку неправильной формы, грубо вымощенную в один слой камнями разного размера. Размер $1,90 \times 0,70$ м. Среди камней расчищены фрагменты керамики и кости животных.

1. Фрагмент кружальной коричневоглиняной миски (рис. 17, 6).

2. Фрагмент кружального коричневоглиняного сосуда (рис. 17, 7).

3. Фрагмент кружального сероглиняного пифоидного сосуда (рис. 17, 8).

4. Фрагмент кружального сероглиняного кувшина с ребром на горле (рис. 17, 3).

5. Фрагмент кружального сероглиняного высокогорлого кувшина с ребром под венчиком (рис. 17, 4).

6. Фрагмент донца плоскодонного лепного сосуда (рис. 17, 9).

7. Фрагмент венчика лепного горшка (рис. 17, 5).

Материал, собранный в отвалах грабительских ям

2005 год

1. Фрагменты чаши металлической, полусферической формы, откована из тонкого серебряного листа. Венчик оформлен в виде загиба стенки внутрь. С одной стороны на венчике двумя бронзовыми заклепками укреплен атташ в виде согнутой подпрямоугольной пластины. Сквозь расширение в месте сгиба продето подвижное железное кольцо. Фрагмент стенки с ручкой на противоположной стороне не сохранился. Д венчика = $16,5$ см, $h = 4,7$ см, Д кольца около $6,0$ см (рис. 24, 1).

2. Фрагмент железного меча. Клинок обоюдоострый, прямой, с началом сужения в нижней трети, сечение линзовидное, переход к рукояти выполнен под прямым углом. Перекрестье оформлено в виде тонкой наваренной пластины, почти равной по ширине пятке клинка. Навершие серповидной формы с шаровидными утолщениями на концах, выделенными валикообразными манжетами. Длина сохранившейся части = $56,8$ см, ширина клинка в основании = $5,0$ см (рис. 18, 1).

3. Фрагмент меча железного. Клинок обоюдоострый, от пятки быстро сужается к острию, сечение линзовидное, перекрестье отсутствует. Навершие серповидной формы с шаровидными утолщениями на концах. Длина сохранившейся части = $59,0$ см, ширина клинка в основании = $5,5$ см (рис. 18, 2).

4. Фрагмент меча железного. Клинок обоюдоострый, почти прямой с незначительным сужением к острию, сечение линзовидное, перекрестье отсутствует. От рукояти сохранился небольшой штыревидный фрагмент. Длина сохранившейся части = 46,6 см, ширина клинка в основании = 3,8 см (рис. 18, 3).

5. Фрагмент меча железного. Клинок обоюдоострый, имеет незначительное сужение к острию, сечение линзовидное, перекрестье отсутствует. Вдоль продольного сечения клинка от пятки к острию вытянуты два параллельных дола. Навершие фрагментировано, предположительно серповидной формы. Длина сохранившейся части = 47,2 см, ширина клинка в основании = 4,2 см (рис. 18, 4).

6. Фрагмент меча железного. Клинок обоюдоострый, прямой, обломлен в районе острия, сечение линзовидное. Рукоять прямоугольного сечения, штыревидная, обломлена у верхнего края. Навершие бронзовое, литое, в сечении ромбовидной формы с отверстием для надевания через стержень рукоятки. Длина сохранившейся части меча = 56,0 см, ширина клинка в основании = 3,3 см (рис. 18, 5).

7. Фрагмент зеркала бронзового, кованного, круглой формы, с бортиком по краю. Из-за утраты наличие или отсутствие ручки не прослеживается. Диаметр = 14,8 см (рис. 22, 3).

8. Нащечник бронзовый, откован из тонкого листа металла. В верхней части сделаны три выступа, загнутые в петли, для шарнирного крепления к шлему. Внешняя поверхность украшена прочеканенным пуансонным орнаментом, имитирующим лист. В нижней части нащечника сделано круглое отверстие, вероятно, для крепления завязки. Размер 7,5 × 12,0 см (рис. 20, 2).

9. Фрагменты железного треножника. Представляет собой круглый в сечении железный стержень, раскованный в нижней части на три прогнутые ножки. Лапки уплощенные. Навершие, вероятно, представляло собой крестовину с зооморфными и растительными украшениями, которые сохранились в виде небольших обломков. Н базы = 24,0 см. Общая высота треножника не менее 80 см (рис. 22, 1).

10. Обрывок железной цепи. Звенья крупные, восьмерковидной формы. Сечение подквадратное. Длина звена от 6 до 7 см (рис. 22, 5).

2006 год

11. Миска кружальная, коричневоглиняная, с низким кольцевым поддоном. Поверхность красно-коричневого цвета, аккуратно заглажена. Н = 6,7 см, Дв = 16,6 см, Дд = 8,3 см (рис. 23, 2).

12. Удила железные, двусоставные, с колесовидными псалиями. Ременная петля широкая, овальной формы, расположена на кольце псалия. Сечение грызел подквадратное. Длина общая около 17,0 см (рис. 21, 3).

13. Фрагмент меча железного. Клинок обоюдоострый, плоского сечения, перекрестье отсутствует, навершие полукольцевое. Длина сохранившейся части = 18,7 см, ширина клинка в основании = 4,2 см (рис. 18, 8).

14. Канфар-кубок кружальный, сероглиняный, с шипами в верхней части ручек. Н = 16,2 см, Дв = 11,0 см, Дд = 5,9 см (рис. 23, 1).

2007 год

15. Меч железный. Клинок обоюдоострый, линзовидного сечения, перекрестье отсутствует. Клинок имеет максимальное расширение у пятки и, сужаясь, снова расширяется в нижней трети перед сужением к острию. Навершие полукольцевое, подквадратного сечения. Длина = 56,5 см, Ширина клинка в основании = 4,5 см, Максимальная ширина в нижней трети = 3,5 см (рис. 18, б).

16. Фрагмент меча железного. Клинок обоюдоострый, сечение линзовидное, перекрестье отсутствует. Навершие полукольцевое. Длина сохранившейся части = 11,5 см, ширина клинка в основании = 5,3 см (рис. 18, 9).

17. Фрагмент меча железного. Клинок обоюдоострый, линзовидного сечения, перекрестье отсутствует. Рукоять штыревидная, без следов навершия, сечение прямоугольное. Длина сохранившейся части = 23,4 см, ширина клинка в основании = 3,6 см, длина рукояти = 12,8 см (рис. 18, 10).

18. Наконечник копья железный, втульчатый. Перо сильно фрагментированное и условно может быть отнесено к листовидной форме с продольным ребром жесткости. Втулка короткая, переход в перо выполнен под тупым углом. Длина сохранившейся части = 52,8 см, ширина пера в основании = 5,3 см, длина втулки = 11,2 см (рис. 19, 1).

19. Наконечник копья железный, втульчатый. Перо листовидной формы с продольным ребром жесткости. Втулка обломлена, переход в перо выполнен под тупым углом. Длина сохранившейся части = 30,5 см, ширина пера в основании = 4,8 см (рис. 19, 2).

20. Наконечник копья железный, втульчатый. Перо сильно фрагментированное и, возможно, имело ромбовидную форму с продольным ребром жесткости. Втулка длинная, ход в перо выполнен под тупым углом. Длина сохранившейся части = 36,5 см, ширина пера в средней части около 4,0 см, длина втулки около 12,5 см (рис. 19, 3).

21. Удила железные, двусоставные, с кольчатыми окончаниями и колесовидными псалиями. Общая длина грызел около 21,0 см (рис. 21, 4).

22. Удила железные, двусоставные, с кольчатыми окончаниями и колесовидными псалиями. Грызла сильно корродированы, и псалии сохранились в виде фрагментов. Общая длина грызел около 21,0 см (рис. 21, 5).

23. Удила железные, двусоставные, с кольчатыми окончаниями и колесовидными псалиями. Общая длина грызел около 21,0 см (рис. 21, 6).

24. Обрывок железной цепи. Звенья крупные, восьмерковидной формы. Длина звена = 6,7 см (рис. 22, 6).

25. Фрагмент зеркала бронзового, кованного, круглой формы, без бортика по краю. Из-за утрат наличие или отсутствие ручки не прослеживается. Диаметр = 12,5 см, толщина диска = 1,5 см (рис. 22, 4).

26. Фрагменты железного ритуального жезла в виде втока или треножника. Представляет собой детали навершия в виде кольца, откованного из пластины, к плоскости которой прикреплено древовидное украшение типа «бурбонской лилии» на высокой ножке. Судя по окислам на поверхности пластины, на ней по кругу еще располагались подобные насадки. Д кольца = 29,0 см, h насадки = 7,8 см (рис. 22, 2).

27. Изделие из песчаника клиновидной формы со сточенными со всех сторон продольными плоскостями. Предмет, возможно, является камнем для затачивания наконечников копий и дротиков. Высота = 41,0 см, максимальная ширина = 13,2 см, максимальная ширина стачиваемого сектора около 5,0 см (рис. 24, 3).

2008 год

28. Фрагмент меча железного. Клинок обоюдоострый, сечение линзовидное, перекрестье отсутствует, и пятка клинка под тупым углом переходит к рукояти. Клинок имеет максимальное расширение у пятки и, сужаясь, снова расширяется в нижней трети перед сужением к острию. Навершие полукольцевое. Длина сохранившейся части = 45,0 см, ширина клинка в основании = 3,8 см, ширина клинка в нижней трети = 3,2 см (рис. 18, 7).

29. Фрагмент кинжала железного. Клинок обоюдоострый, сечение линзовидное, перекрестье отсутствует, и пятка клинка под тупым углом переходит к рукояти. Навершие кольцевое (навершие в месте находки отсутствовало, но идеально подходящий по размерам и характеру окислов фрагмент найден рядом под корнями дерева). Длина сохранившейся части = 15,5 см, ширина клинка в основании = 2,6 см (рис. 18, 11).

30. Наконечник копья железный, втульчатый. Перо листовидное, с линзовидным сечением. Втулка обломлена, переход в перо выполнен под тупым углом. Длина сохранившейся части = 25,5 см, ширина пера в основании = 4,1 см (рис. 19, 4).

31. Наконечник копья железный, втульчатый. Перо листовидное, с продольным ребром жесткости. Края лопастей имеют с одной стороны как минимум три искусственных вреза, превращающих копье в подобие гарпуна. Втулка короткая. Длина сохранившейся части = 25,5 см, ширина пера в основании = 4,1 см (рис. 19, 5).

32. Наконечник дротика железный, втульчатый с длинным стержнем. Перо удлиненное, с выступающими жальцами. Длина сохранившейся части = 15,5 см (рис. 19, 6).

33. Фрагменты свернутой в пакет железной кольчуги. Пакет разбит грабителями на несколько кусков. В свертке прослеживается бронзовый окисел от накладных пластин, хотя их форма и место расположения на доспехе на прослеживаются. Д кольчужного кольца = 0,5 см (рис. 20, 1).

34. Удила железные, двусоставные, с кольчатыми на концах, в которые продеты двудырчатые псалии. Концы псалиев уплощены, и утраченная часть представляла собой кольцо или подо-

бие «ласточкиного хвоста». Общая длина грызел с кольцами около 18,5 см (рис. 21, 1).

35. Удила железные, двусоставные, с кольцами на концах. Фрагменты псалиев уверенно не определяются и могут относиться как к крестовидным, так и колесовидным насадкам. Общая длина грызел с кольцами около 22,0 см (рис. 21, 2).

36. Миска кружальная, коричневоглиняная, на ложнокольцевом поддоне. Тесто плотное, в изломе коричневого цвета, с примесью мелкого речного песка. Д венчика = 21,7 см, Д донца = 8,5 см, h = 7,5 см (рис. 23, 3).

37. Миска кружальная, коричневоглиняная, на кольцевом поддоне, с двумя горизонтальными ручками на ребре бортика. Поверхность серая, без следов лощения, тесто в изломе коричневого цвета. Д венчика = 11,1 см, Д донца = 5,0 см, h = 4,0 см (рис. 23, 4).

38. Серп железный. Лезвие клиновидное, с мелкими зубчиками на режущей части. Рукоять уплощенная, с круглым отверстием в верхней раскованной части. На рукояти сохранились железные скобы для крепления деревянных накладок. Скобы соединены между собой железным штифтом. Длина общ. = 21,0 см (рис. 24, 2).

Анализ материала

Предметы вооружения

Данная категория находок широко представлена в коллекции и, несомненно, их многочисленность является одной из характеризующих черт могильника. На двенадцать погребений, включая ограбленные и безинвентарные, приходится 9 мечей (11 подобрано); 8 наконечников копий (5 подобрано); 9 наконечников дротиков (1 подобран), 3 шлема¹ (3 подобрано); 2 кольчуги (3 подобраны); 1 топор. В пяти комплексах зафиксированы наконечники стрел.

Все определяемые мечи из комплексов, и большинство подобранных, принадлежат к типу, отнесенному К.Ф. Смирновым к дериватам т.н. синдо-меотских мечей, появившихся под влиянием прохоровских (Смирнов К.Ф., 1980, с. 43) и выделенные В.Р. Эрлихом в подраздел II (Эрлих В.Р., 1991, с. 83). В Прикубанье

¹ В погребении 6 был найден нащёчник и фрагменты черепа в бронзовом окисле, что позволяет уверенно говорить о наличии шлема.

варианты этого типа оружия характерны для погребений II в. до н.э. (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2005, рис. 19, 6; 23, 3; 46, 3; Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 2018, рис. 180, 1, 3, 4, 10). Длина сравнительно хорошо сохранившихся мечей из погребения № 3 от 0,70 до 0,90 м, размеры остальных могут быть реконструированы в пределах 0,60–0,75 м. Среди находок зафиксированы мечи как с серповидными, так и с полукольцевыми навершиями, преимущественно без перекрестий, которые отмечены всего на трех экземплярах и оформлены в виде наваренных пластин или откованного выступа. Шарики на концах «серпа» встречаются у мечей как с перекрестьями, так и без них. Клинки в основном имеют максимальное расширение у рукояти и сужаются к острию. Только во одном случае у меча характерный «прохоровский» облик (рис. 18, 1). К редкой разновидности относится меч с выраженным расширением клинка у пятки и в нижней трети перед сужением к острию (рис. 18, 6). В сечении клинки линзовидные, реже уплощенные, без нервюр, трижды отмечены продольные параллельные желобки. Показательно, что долы имели место сразу на двух мечах из элитного погребения № 3, и при этом на обоих были перекрестья (Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011, рис. 13, 3, 4). То есть при производстве дорогих штучных образцов технологические сложности, послужившие причиной исчезновения перекрестий (Эрлих В.Р., 1991, с. 86), не принимались в расчет, и кузнецы легко сочетали псевдо-серповидное навершие с перекрестьем и другими деталями.

Общее количество мечей, найденных в некрополе, по отношению к числу открытых погребений очень велико, при этом мечи зафиксированы по несколько штук как в элитных захоронениях, так и в могилах простых воинов (погр. 2 – 2 меча, погр. 3 – 4 меча). Если количество оружия говорит об очень высоком уровне кузнечного производства, то сочетание в комплексах мечей с разными вариантами оформления наверший указывает на поиск новой формы, возможно, вызванный популярностью в степи мечей «прохоровского типа». Аморфная группа т.н. дериватов может включать навершия типа «ласточкин хвост», полу-

кольцевые, серповидные и, возможно, простые антенновидные. Для определения вариантов, создававшихся в ходе этого процесса, можно использовать уже сложившийся термин «полукольцевидные» (Эрлих В.Р., 1991, с. 83), хотя более корректно определять их как «псевдо-серповидные».

Проблемы с классификацией таких мечей, подмеченные М.П. Абрамовой (Абрамова М.П., 2004, с. 19 и сл.), вряд ли могут быть решены в рамках принятых схем и должны стать темой отдельного исследования.

Среди случайных находок на могильнике присутствуют фрагменты мечей, имеющих широкие датировки и связанных с разными культурными традициями. Короткий меч с кольцевым навершием без перекрестья (рис. 18, 11), возможно, маркирует продолжение старой традиции, не получившей широкого распространения (Смирнов К.Ф., 1980, с. 43; Абрамова М.П., 1993, рис. 24, 19). Фрагмент меча без перекрестья с длинной штыревидной рукоятью относится к типу 3 по А.М. Хазанову (Хазанов А.М., 1971, с. 17). По находкам на территории Прикубанья И.И. Марченко датирует их II–III вв. н.э. (Марченко И.И., 1996, с. 58). По мнению А.С. Скрипкина, мечи без навершия и перекрестья известны в реннесарматских памятниках, хотя ведущей формой становятся в позднесарматское время (Скрипкин А.С., 1990, с. 133).

Особый интерес представляет собой длинный всаднический меч со штыревидной рукоятью и ромбовидным бронзовым перекрестьем (рис. 18, 5). Меч найден в отвалах в центре исследованной части могильника и может быть отнесен к типу 7 по классификации А.С. Скрипкина (Скрипкин А.С., 1990, с. 130). Подобные мечи появляются в сарматской среде под влиянием китайского оружия и бытуют со II в. до н.э. по III в. н.э. (Скрипкин А.С., 2000, с. 20). Однако контекст находки позволяет отнести его к ранней группе и датировать в пределах II в. до н.э.

Коллекция наконечников копий, собранных в грабительских отвалах на территории могильника, включает крупные образцы с вытянутым листовидным пером и, как правило, хорошо выраженным продольным ребром. Обилие мелких, часто спекшихся, обломков

говорит о том, что копья и дротики были наиболее массовыми предметами вооружения, которые за счет положения пучками легко определялись металлодетектором и, разрушенные, оставались грабителями на месте. В непотревоженных воинских комплексах меч сочетается с копьем или набором копий и дротиков. Наконечники обычно лежат у головы или в ногах погребенного, упираясь остриями в торцевую стенку. Учитывая наличие следов дерева во втулках, можно полагать, что в могилу клались целые дротики и копья с обломанными по размеру ямы древками. Интересен наконечник копья с вторичными, грубо сделанными вырезами на лопастях пера, превратившими его в подобие гарпуна (рис. 19, 5). В погребении № 3 в наборе из шести копий и шести дротиков один был в деревянном футляре типа ножен с вырезом под центральное ребро. На дереве сохранились следы красной краски (Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011, с. 132).

Наконечники стрел в виде колчанного набора отмечены только в двух комплексах (№ 2 и 4), хотя это, скорее всего, обусловлено сохранностью памятника (в погр. 6 наконечник найден вместе с другими вещами в заполнении грабительского шурфа). Большинство наконечников относится к вариантам, широко распространенным в Прикубанье, – железным втульчатым с трехлопастной боевой головкой (Ждановский А.М., 1988; Марченко И.И., 1996; Шевченко Н.Ф., 1993; Эрлих В.Р., 2017). Однако надо отметить находки четырехгранных наконечников как минимум в двух комплексах. В колчане из погребения 2 находилось около 30 трехлопастных и 10 четырехгранных. Для последних характерен очень маленький диаметр отверстия втулки (3,0 мм) при сравнительно крупной боевой головке, что делает сложным стрельбу на большое расстояние (рис. 5, 4). Четырехгранные наконечники сравнительно редки на территории Прикубанья и, как правило, малым числом входят в наборы с трехлопастными, явно имея специальное назначение. Это позволило предполагать использование их как «бронбойных» (Шевченко Н.Ф., 1993, с. 42, 43). В данном случае короткий и тонкий черешок стрелы мог быть удобен для поражения защищенного противника вблизи и среди деревьев.

В погребении № 3 наконечник зафиксирован поверх погребенного, что может быть связано с охранительными ритуалами (Шевченко Н.Ф., 1993б, с. 49).

Наряду с обычными предметами вооружения в могильнике «Мезмай 1» открыта целая выборка таких редких в погребениях вещей, как шлемы и кольчуги, однако этот материал не требует развернутых комментариев – его публикации посвящен ряд работ (Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011, с. 141–144; Дедюлькин А.В., 2013, с. 48–55; Дедюлькин А.В., Шевченко Н.Ф., 2017, с. 47, 56). Многочисленность предметов паноплии выделяет мезмайский некрополь в ряду синхронных меотских памятников на территории Закубанья. При этом следует особо отметить, что в Гуамском ущелье и на прилегающих территориях речь идет о группе памятников, ставших известными «благодаря» размаху грабительских работ и маркируемых ярким археологическим материалом. Мы знаем о находках кольчуг и бронзовых пластин от доспеха в районе ст. Темнолесской, могильников «Полгоры» и «Пологие поляны». Близкий материал зафиксирован на разрушенном могильнике «Хопры 2» у восточной окраины г. Нефтегорска Апшеронского района. Халкидский шлем (тип V) по классификации Г. Пфлюга (Pflug H., 1988, s. 145) найден в районе п. Каменноостровский и еще один – под Хадзыженском. Иллюстрацией этой тенденции служит определение клепаных бронзовых шлемов, предположительно местного производства, как тип «Даховская – Мезмай» (Дедюлькин А.В., 2013, с. 52).

Предварительное представление о характере памятников, сосредоточенных на этой территории, дают материалы раскопок могильника «Мезмай 1» и хронологически близкого комплекса Псенафа, включающих святилища с человеческими жертвоприношениями, конские захоронения, предметы вооружения и яркий импорт (Эрлих В.Р., 2012, с. 251; Эрлих В.Р., 2016, с. 179). Территориально речь идет о долинах рек Белая и Курджипс, где действительно можно предполагать формирование некоего ремесленного центра (Дедюлькин А.В., 2014, с. 181), в котором регулярное поступление импорта подпитывало развитие собственного производства. К образцам таких новаций – на-

ряду со шлемами и кольчугами, но отражающим восточное влияние – можно отнести наконечники стрел с квадратной боевой головкой и меч с бронзовым ромбовидным перекрестьем (рис. 18, 5). Установить реальный размер «особого района предгорий» сложно в связи со слабой изученностью территории, но несомненно, что он оформился в конце III–II вв. н.э. в районе перевалов, т.н. меото-колхидской дороги (Смирнов К.Ф., 1953, с. 22).

Предметы конской упряжи

Все удила, найденные в погребениях, железные, имеют крестовидные псалии с гладкими стержнями круглого сечения, но утолщения на концах прослеживаются не везде. Предварительно их можно сопоставить с вариантом 16 типа II по классификации И.И. Марченко (Марченко И.И., 1996, с. 73). Удила в большинстве случаев сочетаются в наборе с крупными глазчатыми бусами, служившими амулетами (Дзnelадзе Е.С., Симоненко А.В., 2012, с. 315).

Подборка удил из подъемного материала включает преимущественно удила с колесовидными псалиями. Пара удил хорошей сохранности (рис. 21, 4, б) переданы экспедиции местным жителем, который указал, что нашел предметы во время выпаса животных в районе могильника. Выгонные тропы проходят вдоль юго-восточной не исследованной части памятника, где нами во время работ 2007 года тоже были найдены сильно окисленные удила (рис. 21, 5), что позволило предварительно отнести эту часть могильника к римскому времени.

Индивидуальные находки

Серебряная чаша с подвижными ручками-кольцами (рис. 24, 1) может быть сопоставлена с полусферическими чашами, характерными для эпохи позднего эллинизма (Pfrommer M., 1993, p. 43, 20, 21). По форме ближайшими аналогиями являются бронзовые чаши из Артюховского кургана (Максимова М.И., 1979, рис. 32; кат. Арт. № 93, 112). Надо отметить, что атташ приклепан сравнительно небрежно и, возможно, является кустарной доработкой (Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю., 2007, с. 32).

Бронзовое плоское кованое зеркало передано местными жителями без точного указания

места находки (рис. 22, 4). Фрагмент бронзового кованого зеркала с треугольным в сечении бортиком по краю найден в 2005 году в СВ части могильника на склоне под корнями деревьев. Условно фрагмент можно сопоставить с зеркалами тип I, вариант 2 и тип II, вариант 2 по классификации И.И. Марченко (Марченко И.И., 1996, с. 15 и сл). В могильнике зеркала зафиксированы как в мужском (погр. 3), так и в женском погребениях (погр. 11).

Среди находок в грабительских отвалах, расположенных непосредственно в зоне работ, присутствуют фрагменты двух ритуальных жезлов (рис. 22, 1, 2), еще один хранится в частной коллекции (Шевченко Н.Ф., 1996, рис. 1, 5) и один открыт в погребении № 3. Подобные ритуальные предметы характерны для элитных погребений на территории Прикубанья и в большинстве неоднократно опубликованы (Абрамова М.П., 2007, с. 43; Шевченко Н.Ф., 2006, с. 141–154). В классификации жезлы разделены на два типа. Тип 1 – «втоки»; тип 2 – треножники. Три жезла из могильника «Мезмай 1» могут быть уверенно отнесены ко второму типу. На момент публикации наиболее ранние жезлы происходили из комплексов I в. до н.э. (Шевченко Н.Ф., 2006, с. 145). Однако более поздняя находка биметаллического треножника в погребении 3 (Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011, рис. 19, 1а) позволяет датировать появление этих изделий началом II или даже концом III в. до н.э. Публикуя известные на тот момент жезлы, большинство из которых происходят из кубанских подкурганых захоронений, автор делал акцент на появлении и развитии традиции почитания облика мирового древа в сарматской кочевой среде. Однако облик атрибута в виде железного треножника с зооморфной крестовиной и древовидным навершием сформировался в среде оседлых племен Закубанья и, возможно, связан с упомянутым выше ремесленным центром. Сарматским походным усовершенствованием мог стать «вток», заменивший базу в виде треножника.

Необычной находкой, сделанной на территории могильника в 2007 году, является камень с неравномерно сточенными продольными гранями (рис. 24, 3). Аналогии автору не из-

вестны, но следы сработанности показывают, что он использовался для затачивания длинных узких предметов, коими могут быть мечи, копья и дротики. Если это так, то предмет является чем-то вроде универсального переносного точила для разных видов оружия.

Структура могильника и погребальный обряд

На современном этапе разрушенности могильника «Мезмай 1» грабителями понятно, что его размеры значительно больше, чем виделось изначально, и он представляет собой комплекс погребений, формировавшийся на ограниченной горной территории в течение нескольких столетий и, вероятно, имевший сложную внутреннюю структуру. Если форма и размеры могильника определялись в первую очередь рельефом местности, то облик разных участков некрополя мог формироваться с учетом социальных и половозрастных характеристик захораниваемых здесь людей. Данный тезис подтверждают результаты раскопок, которые проводились на горном отроге только в верхней части некрополя, что стало понятно теперь, и дали в основном захоронения взрослых мужчин с оружием. Это позволило в первых публикациях определять могильник как дружинный, хотя реальность, скорее всего, интереснее, и дальнейшие работы могут выявить нюансы гендерной и социальной стратификации общества, проявившиеся в погребальном обряде.

Тем не менее на могильнике был изучен блок из 12 древних захоронений, большинство из которых относится к эпохе эллинизма, тяготея ко II в. до н.э. Собранный в ходе работ коллекция предметов, брошенных или не замеченных копателями, позволяет расширить датировку памятника от конца III в. до н.э. до I в. н.э.¹

В процессе раскопок было зафиксировано четыре типа захоронений, характеризующихся особенностями погребальных конструкций, наборами инвентаря и обрядовыми особенностями. При этом почти все захоронения совер-

¹ Все подобранные предметы были найдены в районе раскопок, но это не исключает возможности того, что часть из них была добыта копателями ниже по склону и принесены в места их стоянок.

шены по обряду ингумации, вытянуто на спине и имеют устойчивую северо-западную ориентировку.

1. «Элитные» комплексы. В эту группу можно включить два захоронения № 3 и 5 (рис. 2). Они совершены в больших овальных ямах, уступообразно понижающихся в глубину, и с погребениями животных (лошади, корова) в заполнении. Сюда же можно условно отнести женское погребение I в. н.э. с ярким инвентарем, имеющее явные параллели с комплексами эллинистического времени (Шевченко Н.Ф., 2020, с. 66–84).

2. «Дружинные» захоронения. К этой категории относятся комплексы № 2, 4, 6, 9 (рис. 2). Три из них совершены в катакомбах, и в одном случае конструкцию можно трактовать как подбой. Катакомбы имеют достаточно устойчивую конструкцию с овальной или подпрямоугольной входной ямой, от которой к северо-западу через ступеньку отходит камера. Во входных колодцах головами ко входу в камеру уложены по две взнузданные лошади (в погребении № 4 третьим был костяк коровы).

3. Представителей этой группы можно условно определять как «общинники». Комплексы № 1, 8, 10 (рис. 2). Сюда входят погребения, совершенные в простых грунтовых ямах подпрямоугольной формы с глубиной не более 0,40 м. Сопутствующие захоронения лошадей отсутствуют. Предметы вооружения малочисленны и представлены только наконечником копья и дротика. Керамика отсутствует, зато в набор входят орудия труда: кремневые отщепы, нож, оселок, серп.

4. Группу составляют захоронения людей, вероятно, низшего социального слоя, который можно условно определять как «рабы». Комплексы № 7, 12 (рис. 2). Костяки лежат или в узкой яме, или практически под дерновым слоем. В обоих исследованных захоронениях прослеживаются следы декапитации. В одном случае голова отсутствует в могиле и есть следы ее отчленения на плечевой кости, в другом она уложена на левую руку погребенного. Скорее всего, оба погребения связаны с человеческим жертвоприношением, при этом костяк из комплекса 7 лежит под каменной курганообразной наброской со следами тризны (рис. 11, 1).

Центром, вокруг которого сложился данный блок захоронений, бесспорно, является погребение № 3, подробно опубликованное и, несомненно, относящееся к разряду наиболее ярких аристократических комплексов Западного Кавказа (Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011, с. 115–152) (рис. 2). Погребение № 5 по форме могильного сооружения относится к тому же типу и является образцом элитного «полукенотафа». В огромной яме захоронен череп человека с приставленным вместо туловища мечом и набором инвентаря (Шевченко Н.Ф., 2010, с. 365). Детали обряда этих погребений в виде больших ям, каменного ящика, каменной оградки и лошадиных жертвоприношений находят широкие параллели на территории Западного Кавказа (Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011, с. 137). Однако сочетание признаков дает конструкцию, которая практически не имеет аналогов. При этом надо отметить наличие ритуальных действий, подчеркивающих особый статус погребенных. В погребении 3 зафиксированы следы имитации огненного ритуала, характерного для святилищ (Эрлих В.Р., 2002, с. 9), а погребение 5 является наиболее яркой из известных иллюстраций целого ряда верований, связанных с декапитацией и манипуляциями с отсеченной головой человека (Бурков С.Б., 2018, с. 167; Шевченко Н.Ф., 2010, с. 365).

Захоронения 2, 4, 6 представляют собой группу воинских комплексов, выделяющихся общим обрядом и схожим набором инвентаря. Могилы вытянуты в ряд на небольшом расстоянии друг от друга и, судя по расположению, сопутствуют элитным (рис. 2). Все они однотипно ограблены с выходом шурфа на череп, где, видимо, находился шлем и, возможно, кольчуга. Погребения совершены по катакомбному обряду, с лошадьми во входной яме и камерой, которая находится на одной оси с ямой либо отходит под углом. Столь выразительное сочетание катакомбной конструкции с явно воинским характером захоронений встречается не часто, однако нет оснований считать их признаком узкой социальной или профессиональной принадлежности погребенных, хотя подобные попытки предпринимались неоднократно. Скорее катакомбно-подбойная тради-

ция погребения использовалась широко, возможно, маркируя страту свободного населения. Например, в могильнике Виноградный 1 подбой составляют большинство могил, несмотря на малую глубину, обусловленную уровнем грунтовых вод (Шевченко Н.Ф., 2013, с. 463). Проблемы с фиксацией не позволяют точно установить время появления катакомб и их процент в меотских некрополях, однако даже имеющийся материал показывает достаточно частое и разнообразное применение обряда (Анфимов Н.В., 1947, с. 157; Бацанюк И.С., см. статью в настоящем сборнике; Берлизов Н.Е., Анфимов И.Н., 2005, с. 120; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2011, с. 186–209; Раев Б.А., Марченко И.И., 2005, с. 230). Полагаю, что по мере увеличения прослеженных конструкций доля камерных могил в меотских некрополях будет возрастать. Обилие лошадиных костей в отвалах, а также предметов упряжи и оружия, брошенных грабителями, показывают, что воинские погребения составляли большинство в могильнике.

Погребения, условно сопоставленные с представителями «общинного населения», малочисленны (№ 1, 8, 10). Они расположены в разных местах и существенно отличаются друг от друга. Более того, погребение 8 единственное среди исследованных имеет ЮЗ ориентировку и это позволяет предполагать, что группа могла включать не только соплеменников низкого статуса, но людей иного происхождения, пленных и т.п. Объединяющими признаками являются узкие неглубокие ямы, наличие орудий труда (в одном случае удила, но без лошади) и отсутствие керамики. В наборе вещей погребения № 8 наряду с орудиями труда были найдены наконечники копья и дротика, указывающие на то, что человек был инкорпорирован не просто в хозяйственную, но и в военную структуру сообщества. Малочисленность группы рядового населения может объясняться как элитарностью некрополя, так и особенностями быта, при которых дружина, практически находящаяся в походе, не требовала широкого хозяйственного обеспечения. Возможно, представители этого слоя (земледельцы, коневоды, ремесленники) в узко специализированной среде выполняли роль ополчения.

Захоронения обезглавленных людей № 7, 12, скорее всего, являются человеческими жерт-

воприношениями и относятся к разряду ритуальных объектов, связанных с тризнами. Такие комплексы можно назвать одной из характеризующих черт могильника и выделить среди них несколько разновидностей.

1. Тризна совершена на лежащей у края могильной ямы каменной плите (Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011, с. 118).

2. Тризна совершалась одновременно с насыпкой ямы, поэтому керамика и кости животных находятся в заполнении (Шевченко Н.Ф., 2020, с. 74).

3. Тризна совершена на сравнительно небольшой выложенной мелкими камнями площадке (рис. 17, 1, 2).

4. Тризна связана с курганообразной каменной наброской диаметром около 6 метров, под которой находился костяк человека с отсеченной головой (погр. 7) (рис. 11, 1, 2). С подобным комплексом может быть связано открытое разведочной траншеей погребение 12.

Курганообразная каменная наброска, в сочетании с остатками тризны и человеческим жертвоприношением, скорее всего, создана для отправления общественных культов и может быть определена как святилище первого вида по Эрлиху (Эрлих В.Р., 2001, с. 116). Остальные, скорее всего, отражают обряды, связанные с индивидуальными захоронениями.

Тризные комплексы, в первую очередь на территории Закубанья, известны широко и имеют ряд общих черт, выделенных Е.А. Бегловой (Беглова Е.А., 2000, с. 15; Беглова Е.А., 2018, с. 132). В Тенгинском грунтовом некрополе и в погребении 50 могильника IV Новолабинского городища исследованы яркие ритуальные комплексы с человеческими жертвоприношениями, датирующиеся в пределах второй половины III – первой половины II в. до н.э. (Беглова Е.А., 2005, с. 9–12; Беглова Е.А., 2004, с. 88–106; Раев Б.А., Беспалый Г.Е., 2006, с. 30–34), в том числе многократного использования.

Картографирование открытых на могильнике «Мезмай 1» захоронений показывает, что большинство из них сосредоточено на очень маленькой площади и при этом принципиально различается погребальными конструкциями и наборами сопроводительного инвентаря (рис. 2). Концентрация объектов просто пораз-

ительна – рядом расположены могилы, которые можно определять как «аристократические», «дружинные», «общинные», здесь же ритуальные конструкции с человеческими жертвоприношениями. Такое сочетание дает комплекс с редкими возможностями для реконструкций социальной стратификации общества, проявившейся в погребальной обрядности. Уже неоднократно говорилось о том, что могильник «Мезмай 1» оставлен дружинами, которые контролировали караванные пути через Кавказ в Малую Азию, и близкими племенам меотского круга. При стабильных источниках дохода племена длительный срок не только сохраняли традиционные устои, но в замкнутом горном сообществе воплощали систему сложных иерархических отношений, сложившуюся в среде оседлых племен Нижнего Прикубанья. И хотя реальный статус местных вождей вряд ли был высок, они сформировали мир, в котором присутствовали все известные атрибуты величия. Концентрированному проявлению их в погребальной обрядности способствовало быстрое накопление богатств и, возможно, особенности рельефа.

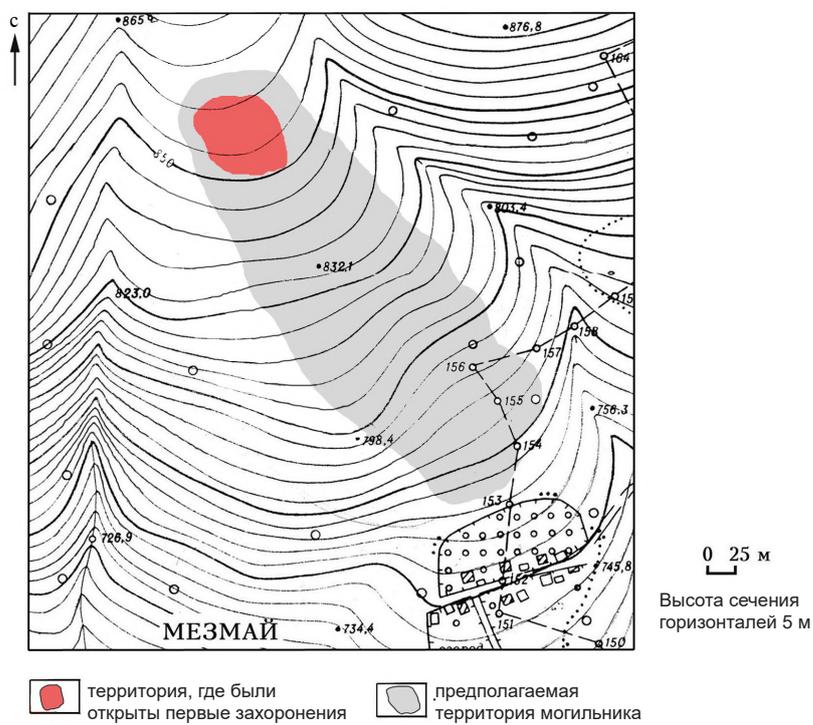
ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П., 1969. Мечи и кинжалы центрального района Северного Кавказа в сарматское время // Древности Восточной Евразии. М.
- Абрамова М.П., 2004. О мечях синдо-меотского типа // Археологические памятники раннего железного века юга России. (МИАР). № 6. М.
- Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Археология эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья. Вып. 2. М.
- Абрамова М.П., 2007. Курганные могильники Северо-Западного Кавказа первых веков нашей эры. Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. М.
- Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М.
- Античное наследие Кубани, 2010. Античное наследие Кубани. Т. III. М.
- Античное наследие семьи Карисаловых, 2018. Античное наследие семьи Карисаловых. М.
- Анфимов Н.В., 1947. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. XVI. М.; Л.
- Анфимов Н.В., 1951. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // МИА. 23. М.
- Беглова Е.А., 2000. О культовых комплексах в меотской культуре Закубанья // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.
- Беглова Е.А., 2004. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М.
- Беглова Е.А., 2005. Второй ритуальный комплекс из Тенгинского грунтового могильника // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника. М.
- Берлизов Н.Е., Анфимов И.Н., 2005. Могильники Среднего Прикубанья эпохи позднего эллинизма и римского времени (по материалам рукописного архива Н.В. Анфимова) // МИАСК. Вып. 5. Армавир.
- Бурков С.Б., 2018. Археологические свидетельства манипуляции с черепами в погребально-поминальной традиции у населения Кавказа и Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке // XXX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Карачаевск.
- Гуляев В.И., 2018. Финикийские торговцы в скифии («лицевые» бусы-амулеты) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону.
- Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Дедюлькин А.В., 2013. Меотские шлемы эпохи эллинизма. Проблемы генезиса // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар.
- Дедюлькин А.В., 2014. Защитное снаряжение местного производства населения Северо-Западного Кавказа в эллинистическую эпоху // Stratum plus. № 3. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест.
- Дедюлькин А.В., Шевченко Н.Ф., 2017. Доспех из погребения рубежа эр могильника Мезмай 1. Кольчуги на Северном Кавказе // Между Лимесом и Поднебесной: центры власти и производства // Stratum plus. № 4. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест.
- Дзюладзе Е.С., Симоненко А.В., 2012. Бусы – воинские амулеты III–II вв. до н.э. // Золото, конь и человек: сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев.
- Ждановский А.М., 1988. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар.
- Коллекция Сергея Кораковского, 2006. Коллекция Сергея Кораковского // Античное собрание. Новые поступления. М.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани // МИАК. Вып. 5. Краснодар.

- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2006. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // МИАК. Вып. 6. Краснодар.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2011. Подбойно-катакомбные погребения из меотских могильников правобережья Кубани. Погребальный обряд ранних кочевников Евразии // Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Международная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории». Ростов-на-Дону.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2012. Меотские дротики // Золото, конь и человек: сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев.
- Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.
- Меньшикова В.А., 2012. Лепные курильницы с каннелюрами Северо-Восточного Приазовья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю., 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. Т. 1. Симферополь; Бонн.
- Раев Б.А., Марченко И.И., 2005. Катакомбы и подбойи меотского грунтового могильника городища «Спорное 1» // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Раев Б.А., Беспалый Г.Е., 2006. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону.
- Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.
- Скрипкин А.С., 2000. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Вып. 3. Волгоград.
- Смирнов К.Ф., 1953. Северский курган // Памятники культуры. 11. М.
- Смирнов К.Ф., 1980. О мечах синдо-меотского типа // КСИА. № 163. М.
- Шевченко Н.Ф., 1993а. Некоторые аспекты боспоро-сарматских отношений в Восточном Приазовье. III в. до н.э. – II в. н.э. // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар.
- Шевченко Н.Ф., 1993б. Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар.
- Шевченко Н.Ф., 2006. «Сарматские жрицы», или Еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. № 1. М.
- Шевченко Н.Ф., 2010. «Полукенотаф» эпохи раннего железного века в грунтовом могильнике Мезмай 1. (Краснодарский край) // XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас.
- Шевченко Н.Ф., 2013. Могильник поселения «Виноградный-1» в свете его необычных обрядов // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2011. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // ВДИ. № 1. М.
- Шевченко Н.Ф., 2014. Особенности социальной стратификации древнего общества (по материалам могильника Мезмай 1) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. М.
- Шевченко Н.Ф., 2020. Элитное женское погребение в могильнике Мезмай 1 // ИАА. 15. Армавир; Краснодар; Москва.
- Хазанов А.М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Эрлих В.Р., 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
- Эрлих В.Р., 2001. Святилища в меотской культуре Закубанья скифского времени (к постановке проблемы) // Боспорский феномен. Часть 2. Материалы научной конференции. СПб.
- Эрлих В.Р., 2002. Новое меотское святилище в Закубанье // ИАА. 8. Армавир; Москва.
- Эрлих В.Р., 2012. Археологический комплекс Псенафа – новый памятник меотской культуры // XXVII крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала.
- Эрлих В.Р., 2016. Богатое погребение I в. до н.э. из могильника Псенафа // XXIX крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный.
- Эрлих В.Р., 2017. Железные наконечники стрел из Прикубанья: Проблемы типологии и технологии // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. М.
- Pflug H., 1988. Chalkidische Helme // Antike Helme. (RGZM Monographien, 14). Mainz.
- Pfrommer M., 1993. Metalwork from the Hellenized East. Catalogue of the collections. Malibu.

1

2

Рис. 1. 1 – Карта Краснодарского края с указанием могильника Мезмай 1;
 2 – Топографическая съемка территории могильника Мезмай 1

Рис. 2. Топографическая съемка с указанием границ раскопов с погребениями и объектами

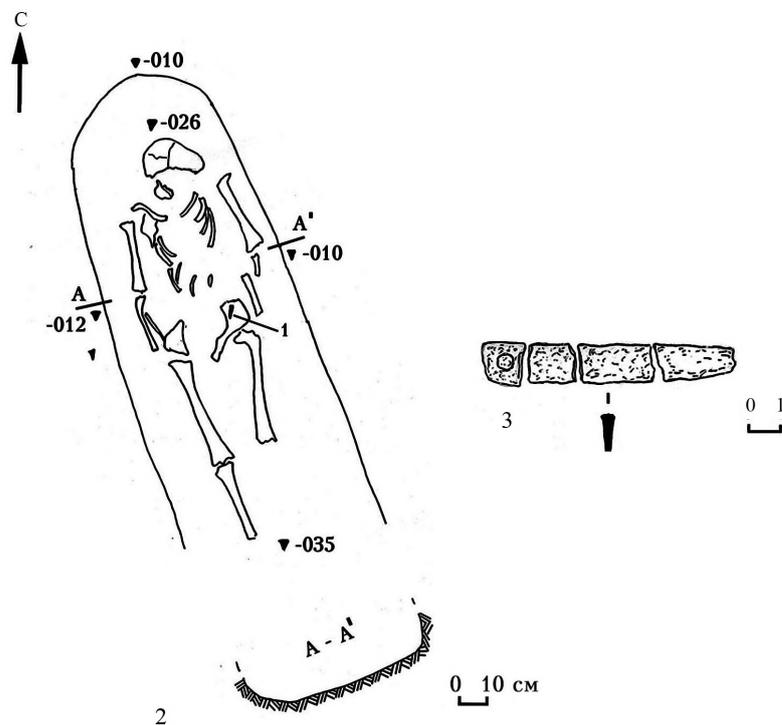

Рис. 3. 1 – Вход в Гуамское ущелье со стороны п. Мезмай с указанием места расположения могильника; 2, 3 – погр. 1, 3 – железо

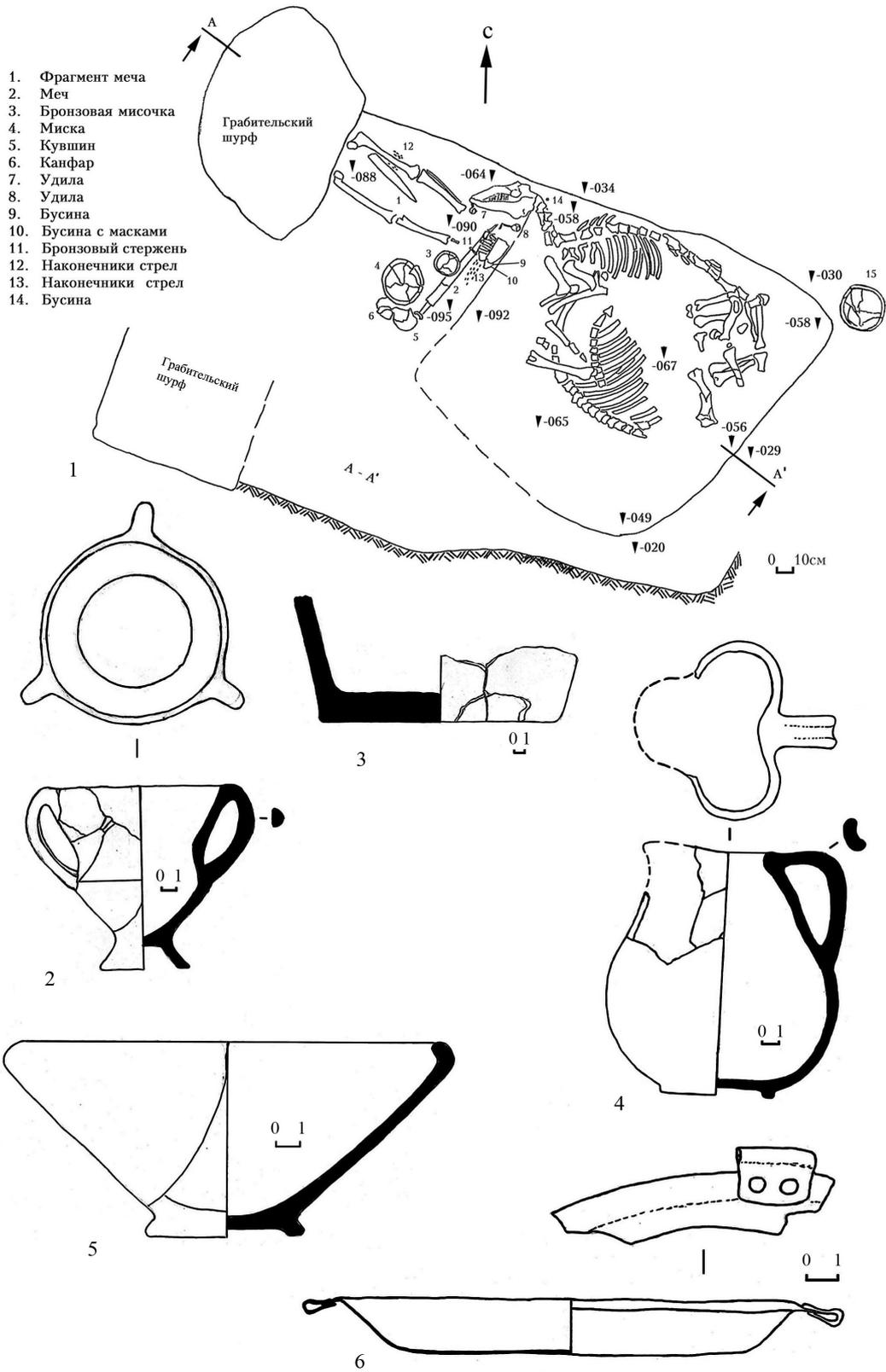

Рис. 4. 1-6 – погр. 2, 2-5 – керамика, 6 – бронза

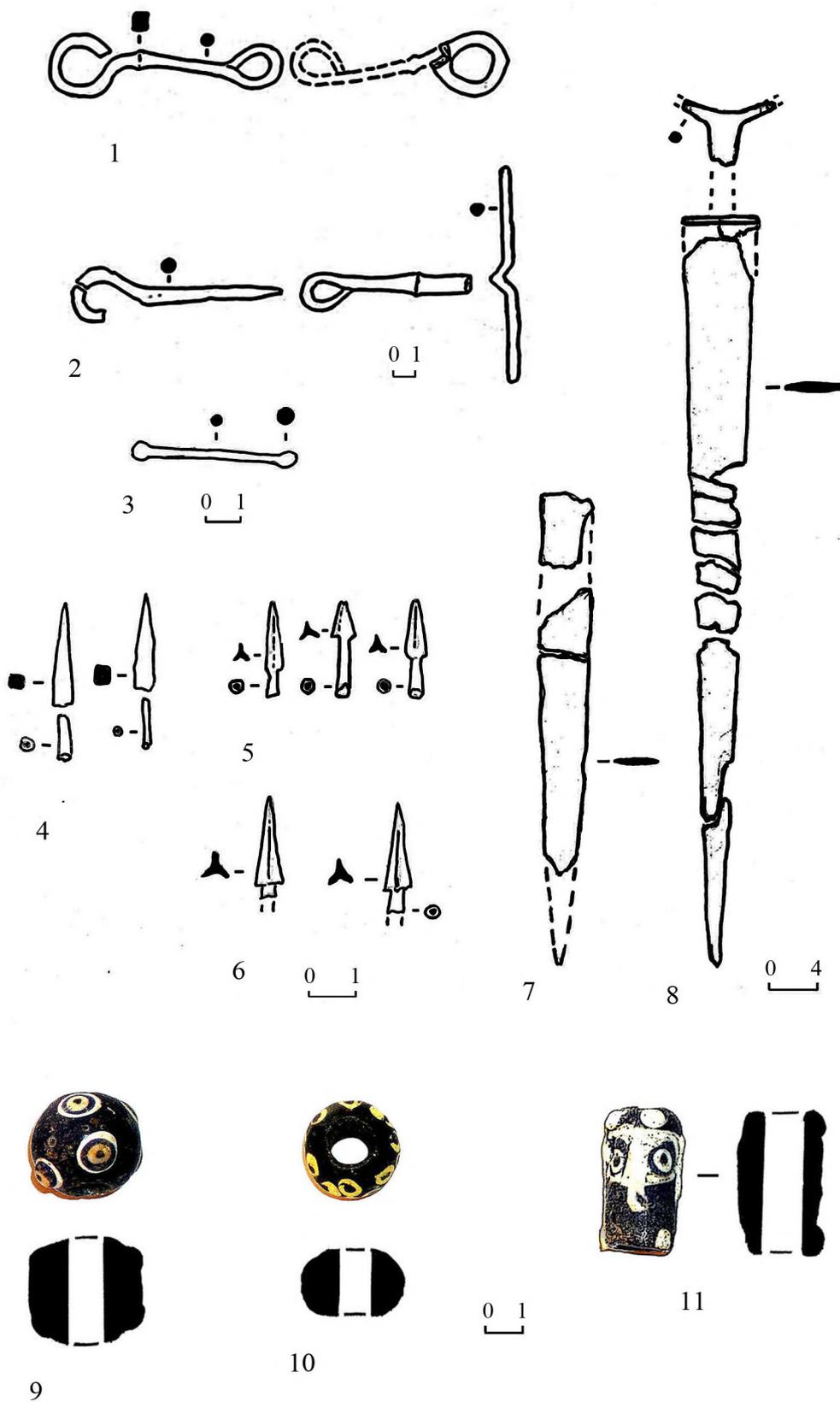

Рис. 5. 1-11 – погр. 2, 1, 2-4-8 – железо, 3 – бронза, 9-11 – стеклянная паста

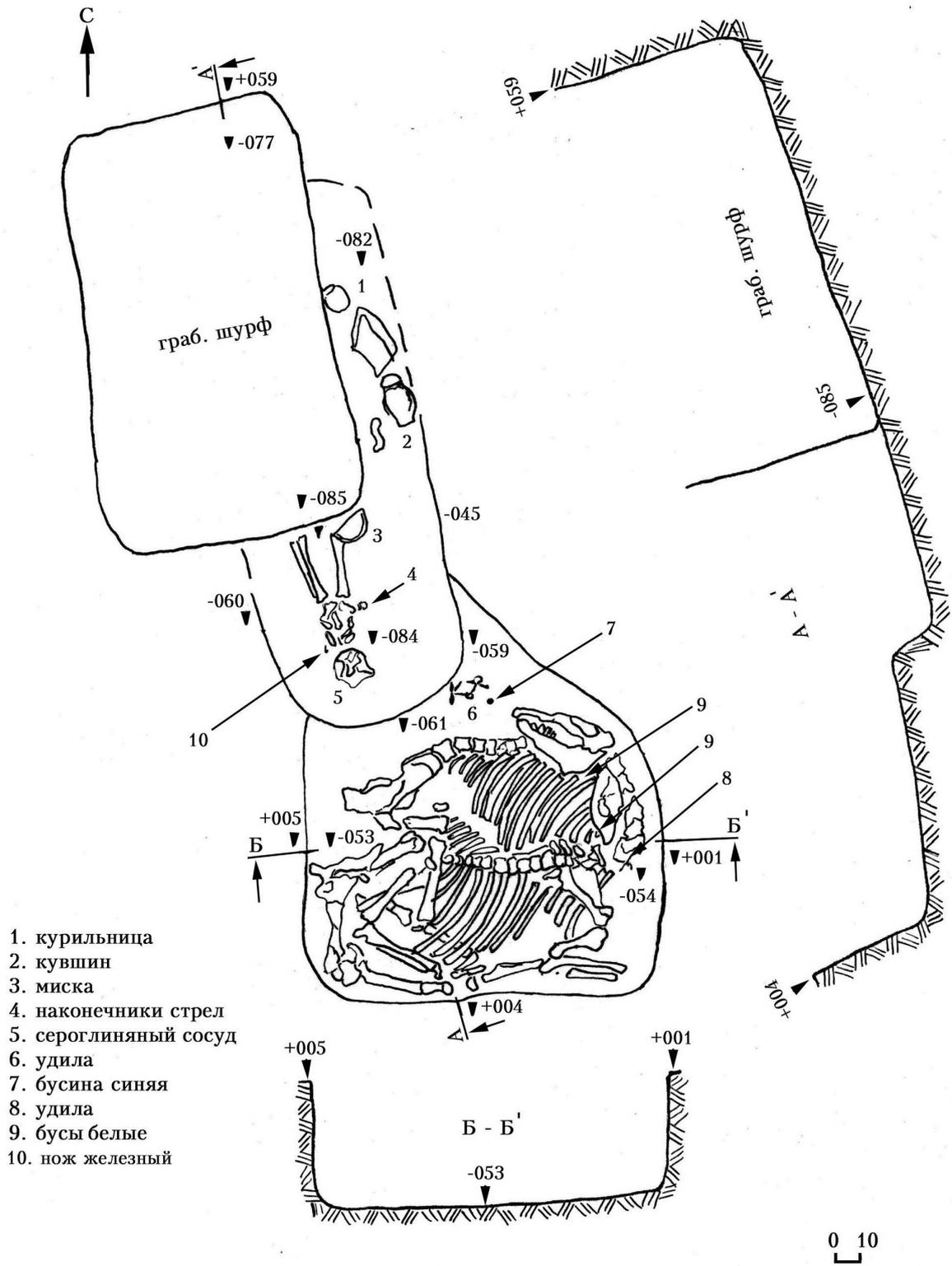

Рис. 6. Погр. 4. План

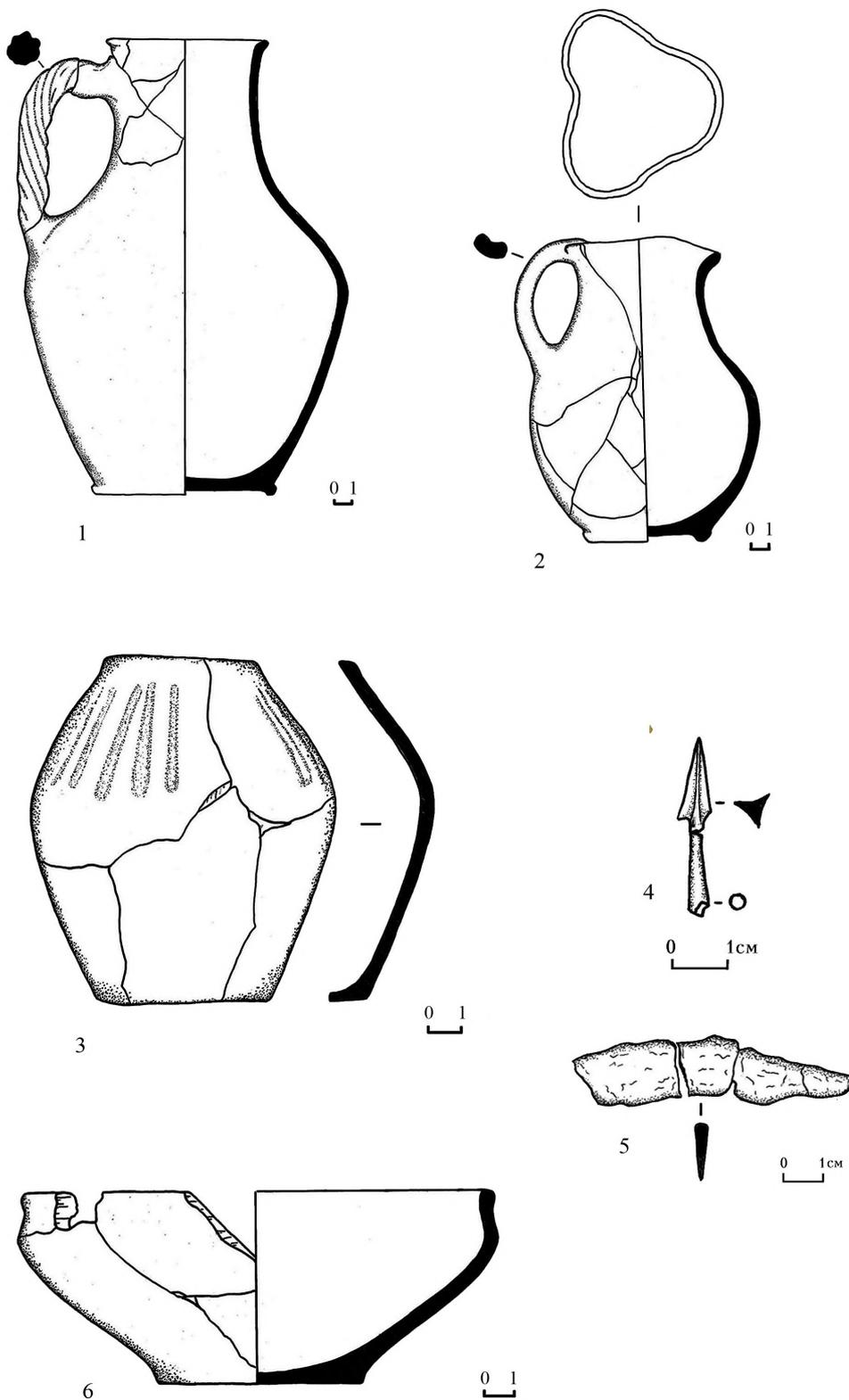

Рис. 7. 1-5 – погр. 4, 1, 2, 3, 6 – керамика, 4, 5 – железо

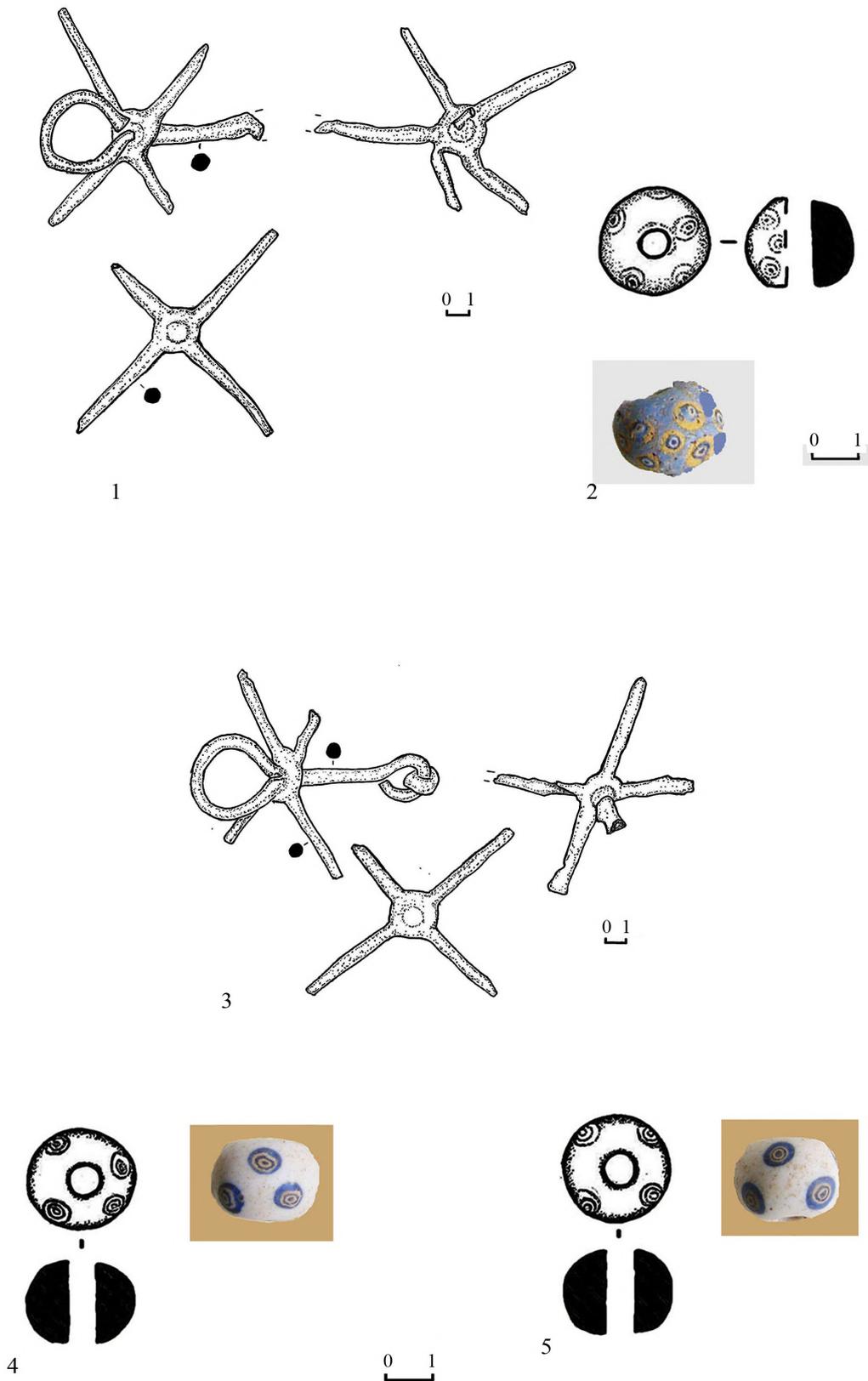

Рис. 8. 2-5 – погр. 4, 1, 3 – железо, 2, 4, 5 – стеклянная паста

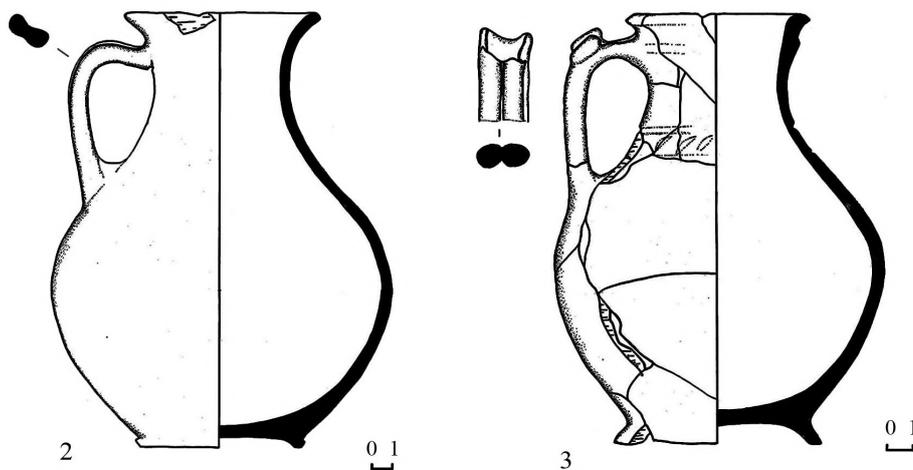
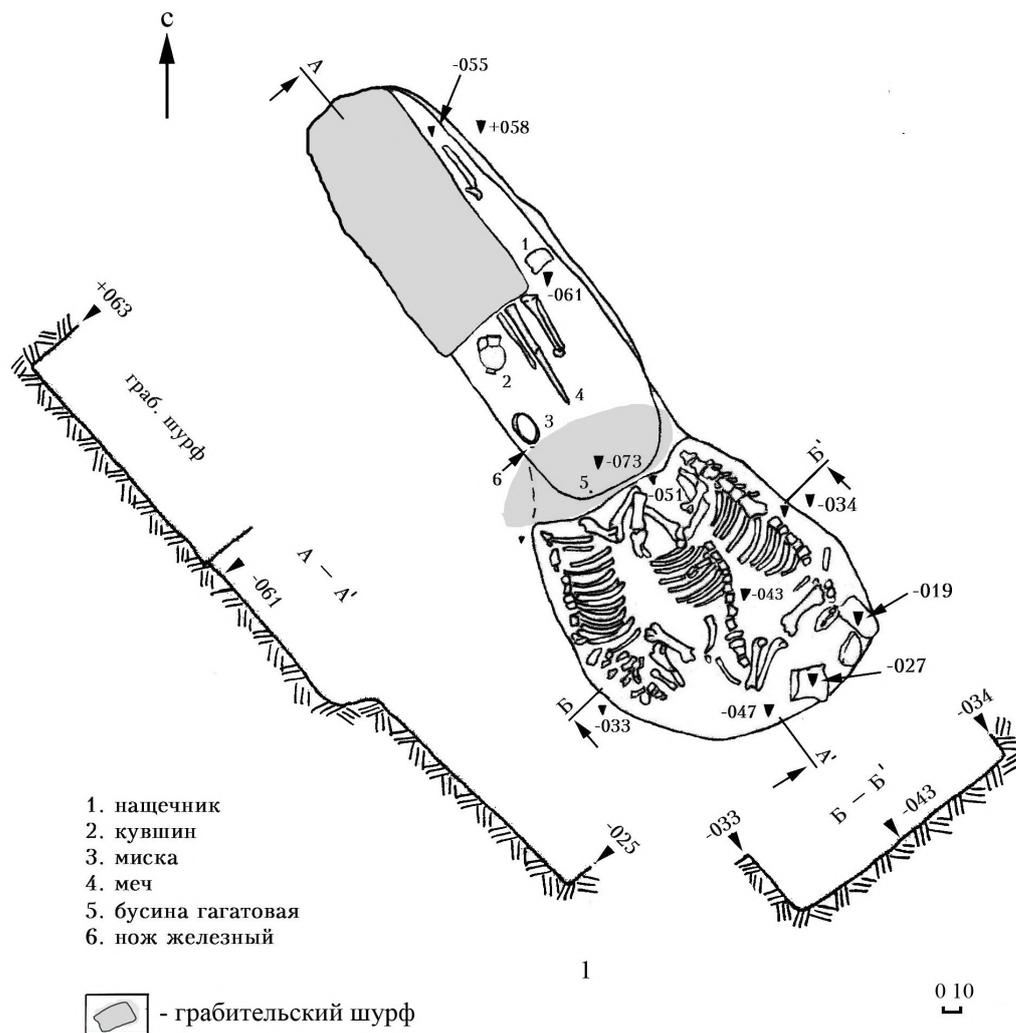

Рис. 9. 1, 2, 3 – погр. 6, 2, 3 – керамика

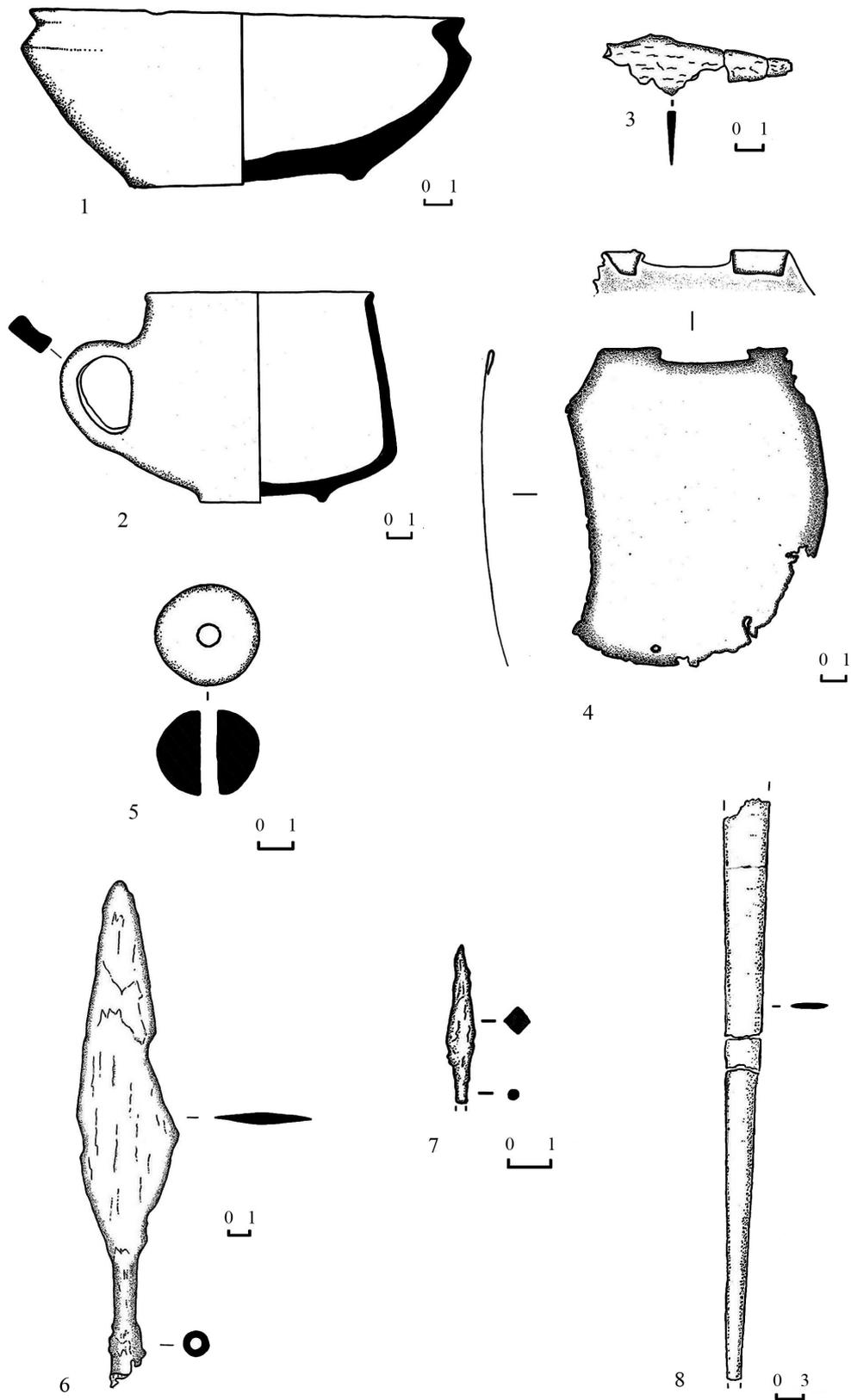

Рис. 10. 1–8 погр. 6, 1, 2 – керамика, 3, 6, 7, 8 – железо, 4 – бронза, 5 – гагат

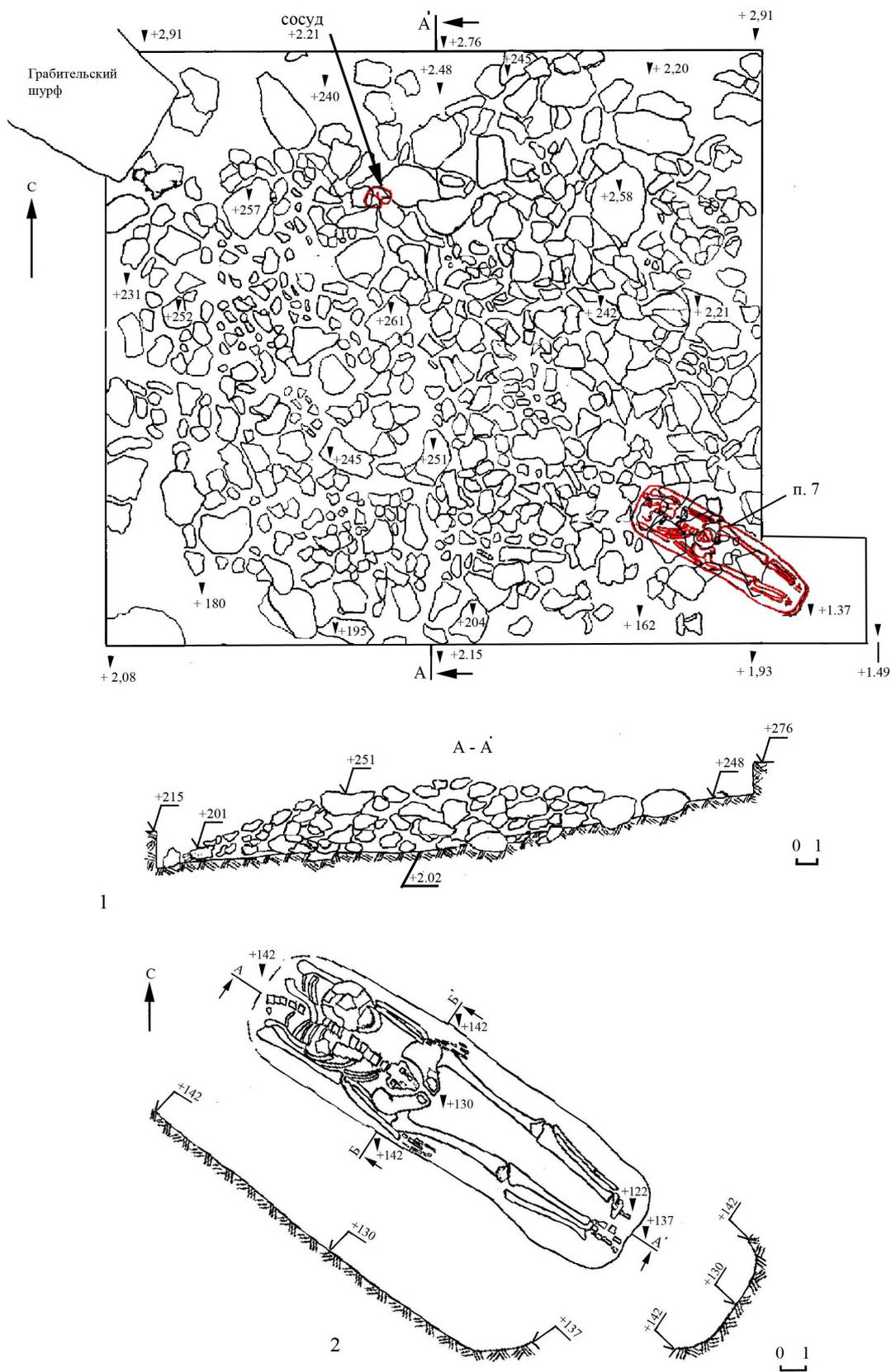

Рис. 11. 1 – каменная насыпь тризнового комплекса; 2 – погребение 7

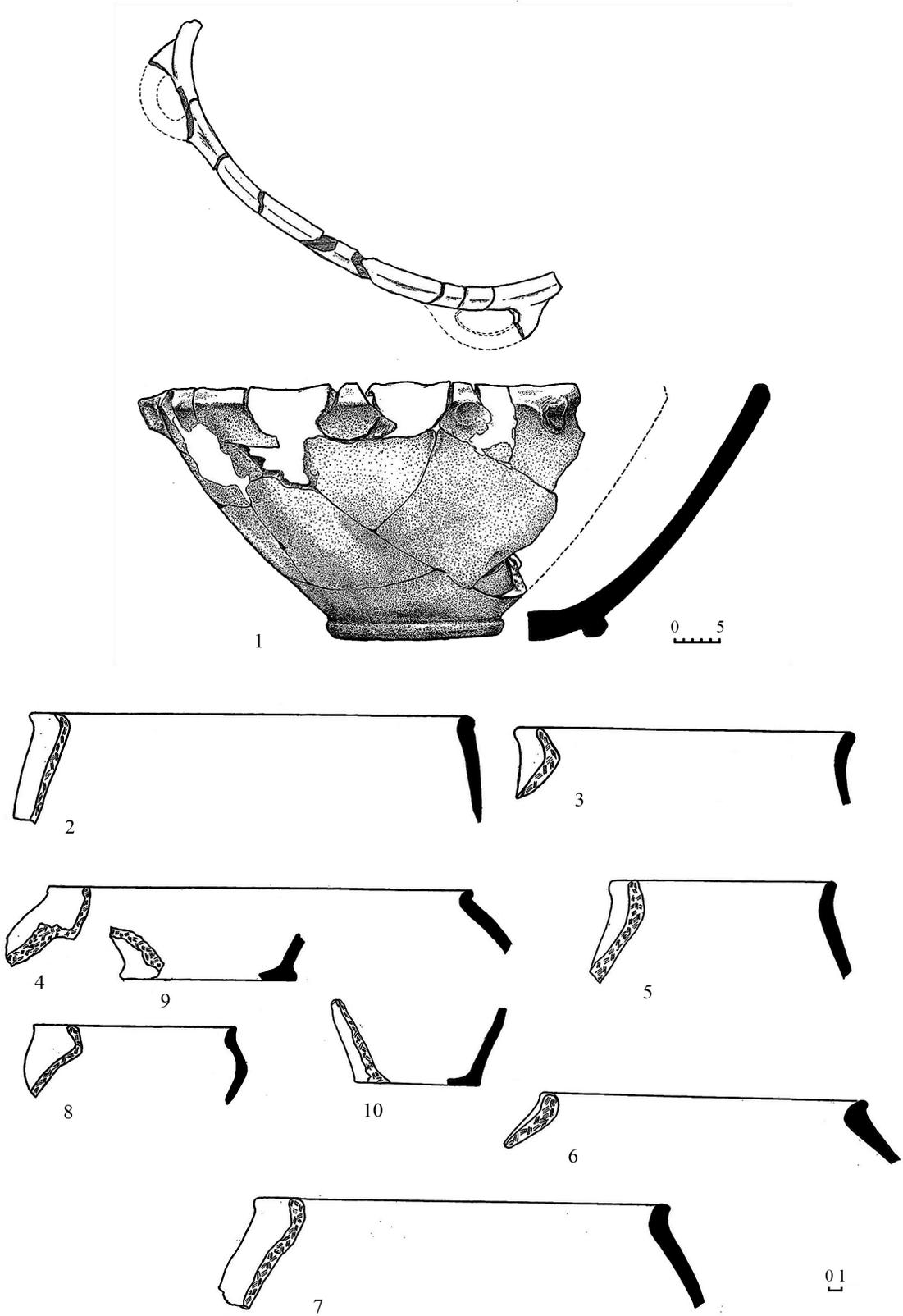

Рис. 12. 1-10 – тризновый комплекс, 1-10 – керамика

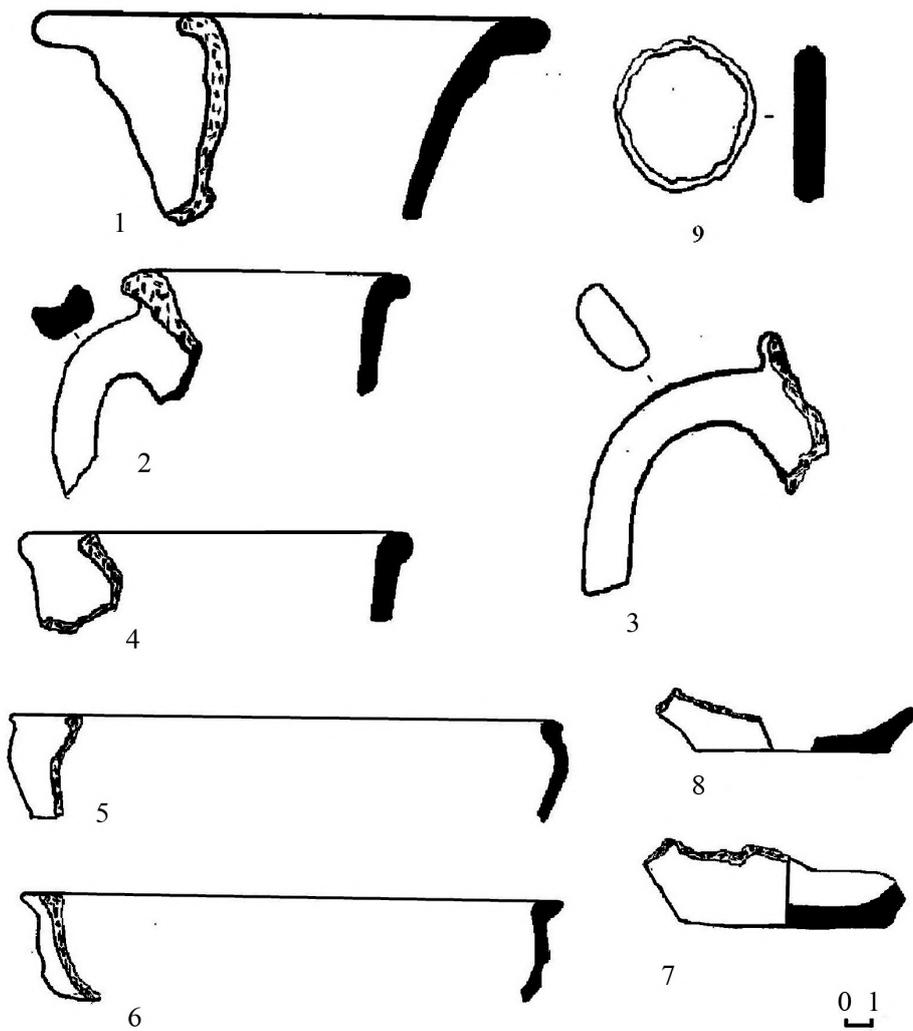

Рис. 13. 1-9 – тризновый комплекс, 1-9 – керамика

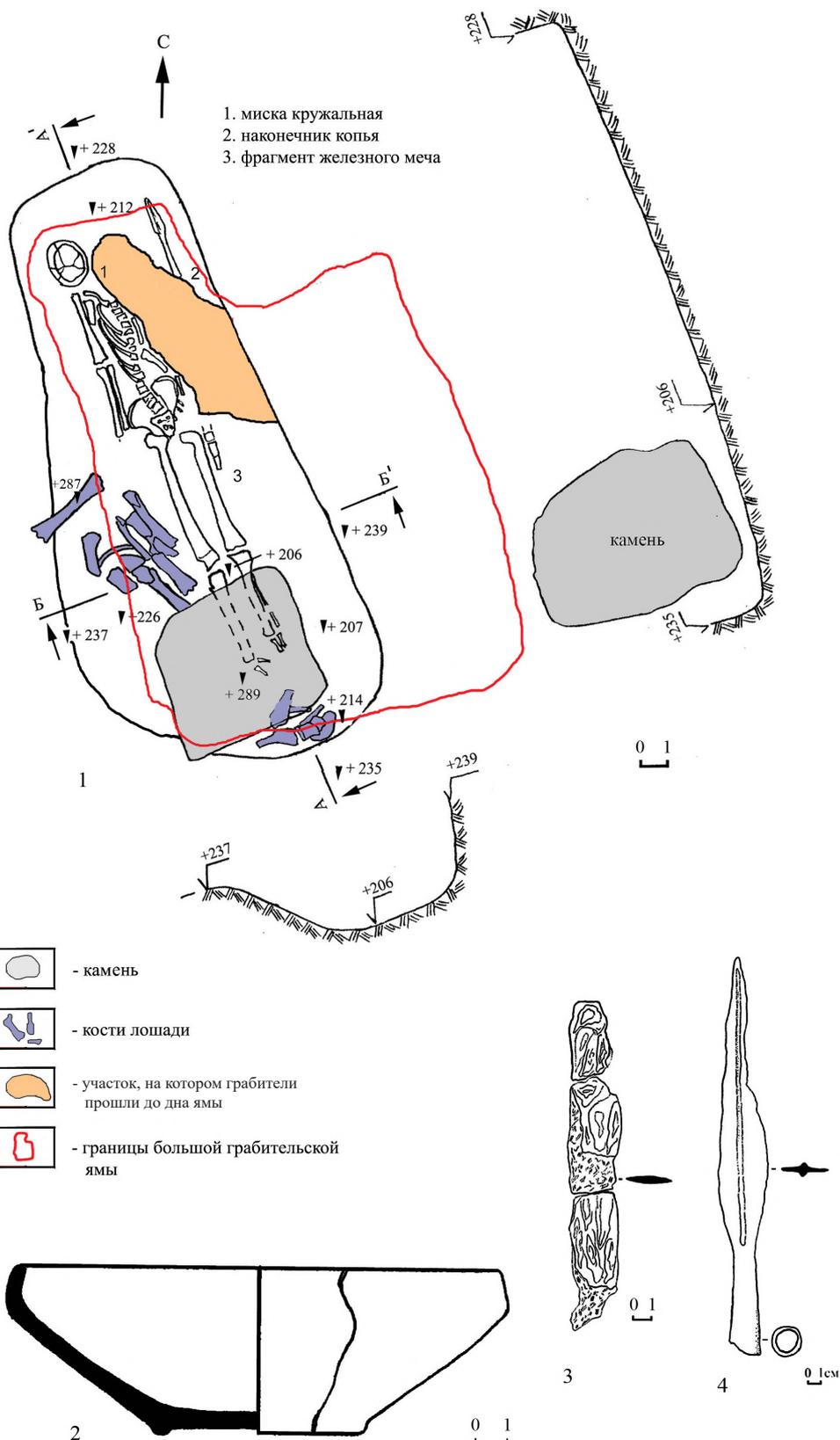

Рис. 15. 1-4 – погр. 9, 2 – керамика, 3, 4 – железо

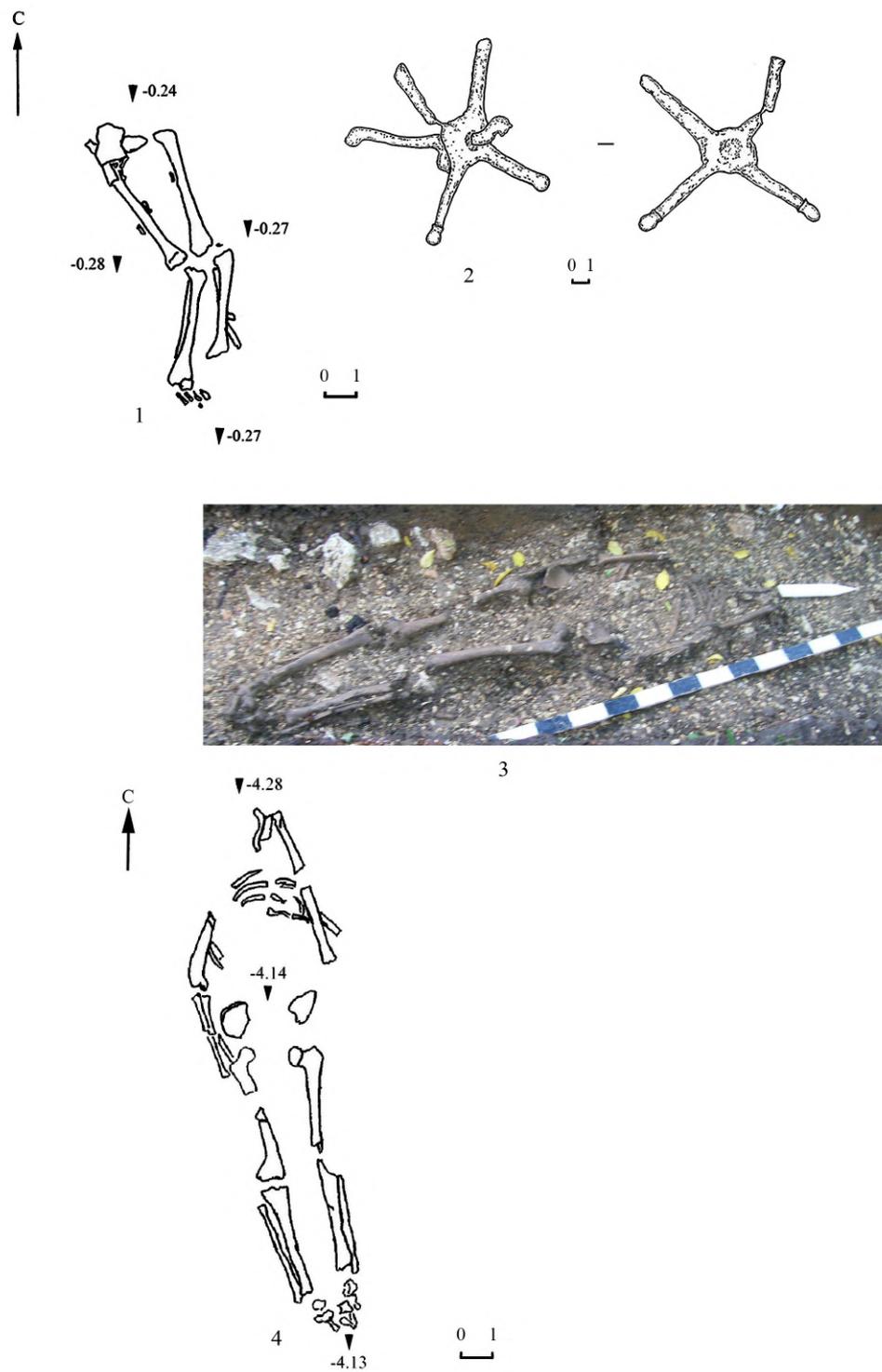
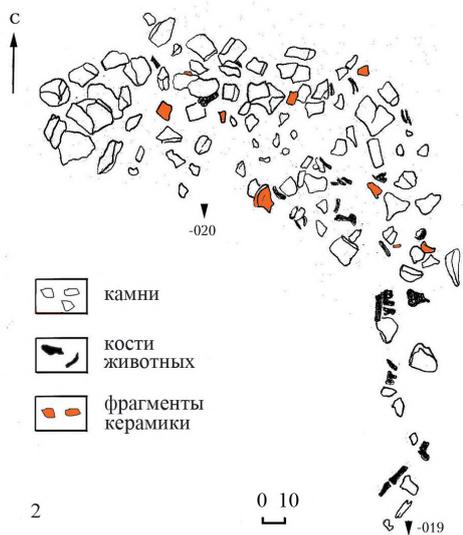

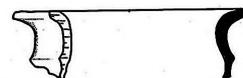
Рис. 16. 1, 2 – погр. 10, 3, 4 – погр. 12, 2 – железо

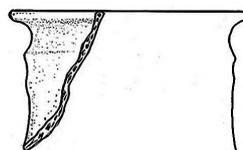
1

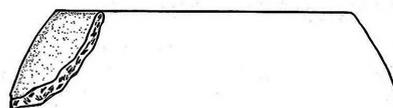
2

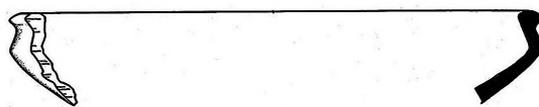
3

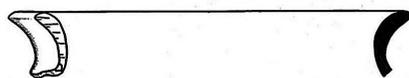
4

5

6

7

8

9

0.1

Рис. 17. 1-2 – тризновая площадка, 3-9 – керамика

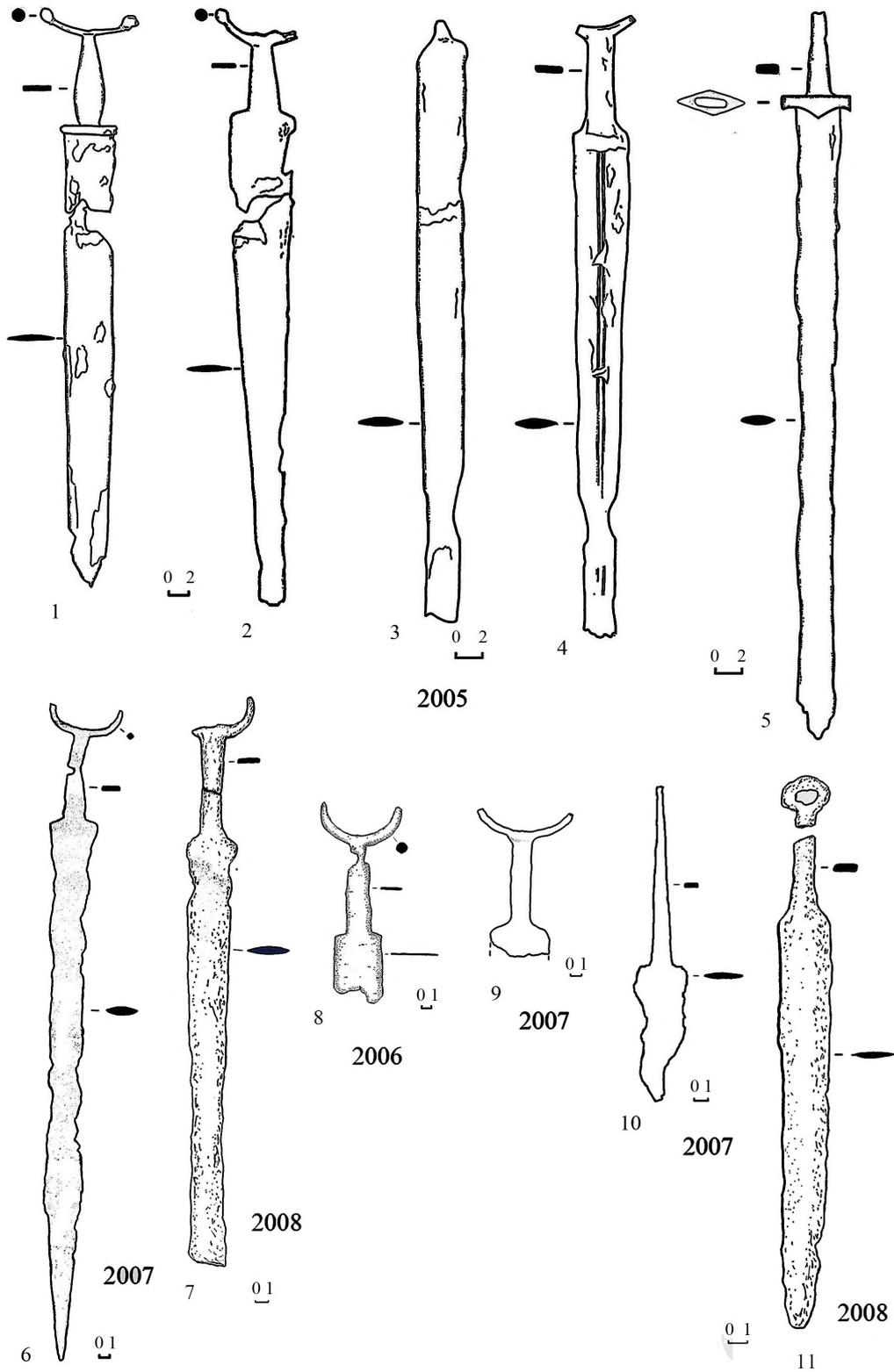
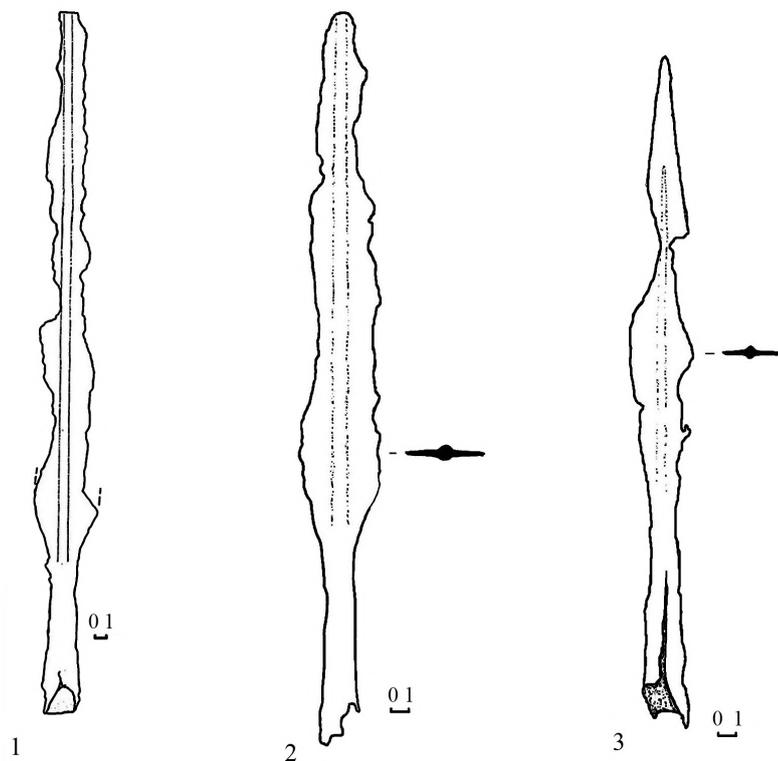
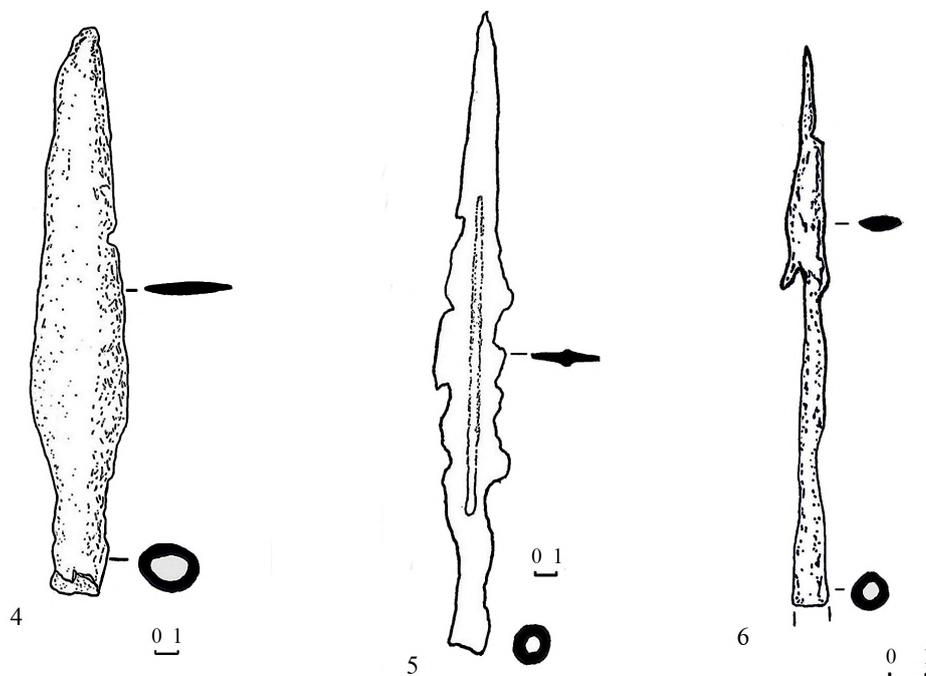

Рис. 18. Подъемный материал. 1-11 – железо

2007

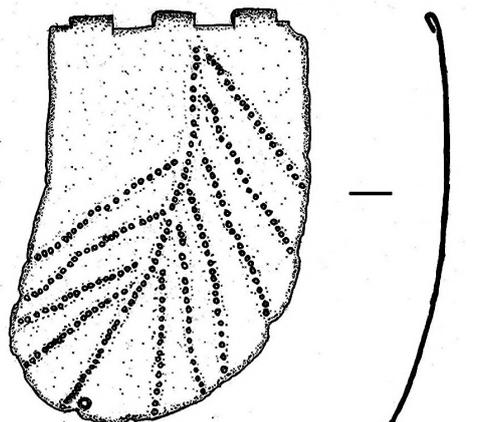
2008

Рис. 19. Подъемный материал. 1-6 – железо

1

2008

2

2005

0 1

Рис. 20. Подъемный материал. 1 – железо, бронза, 2 – бронза

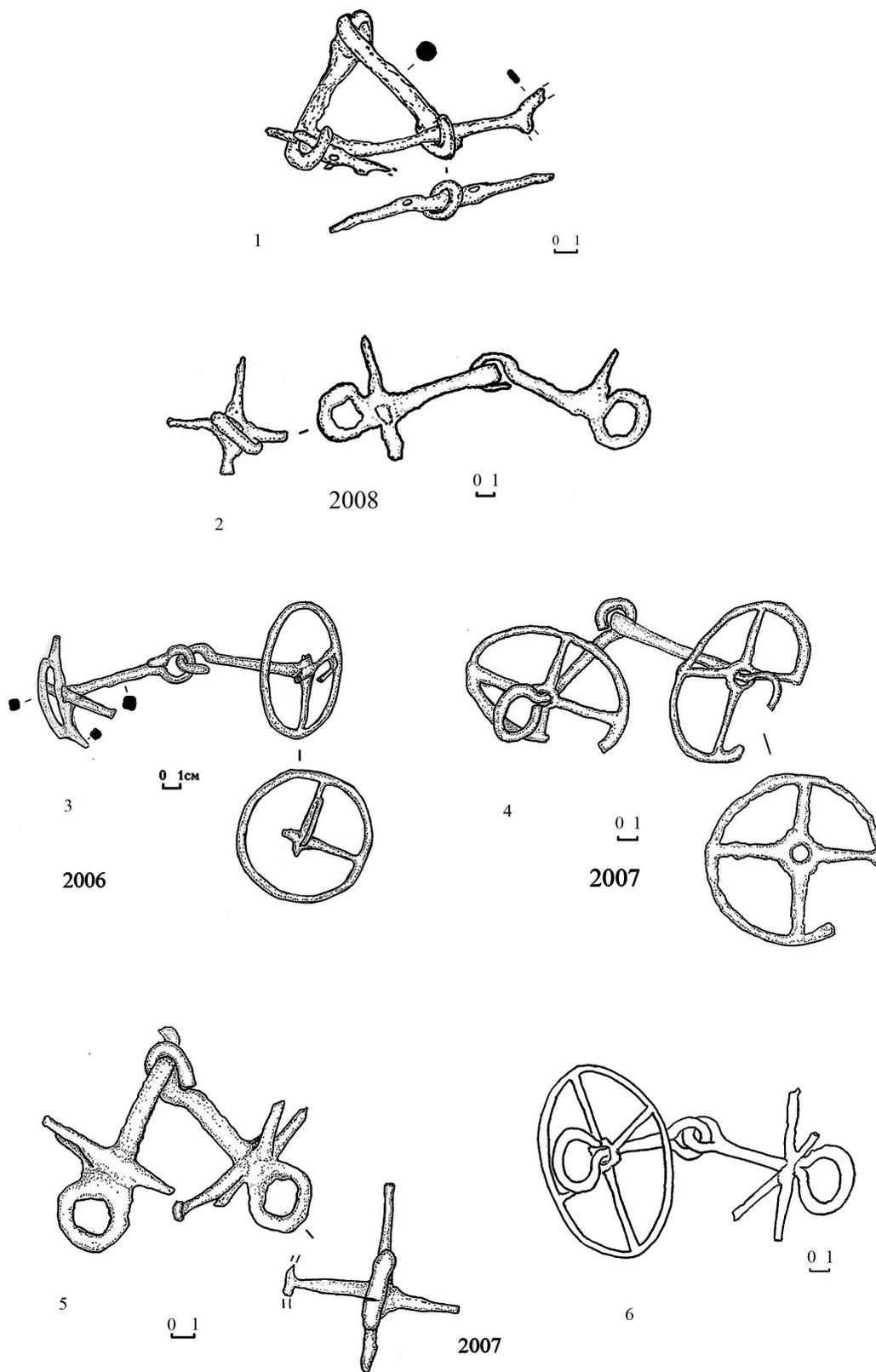

Рис. 21. Подъемный материал. 1-6 – железо

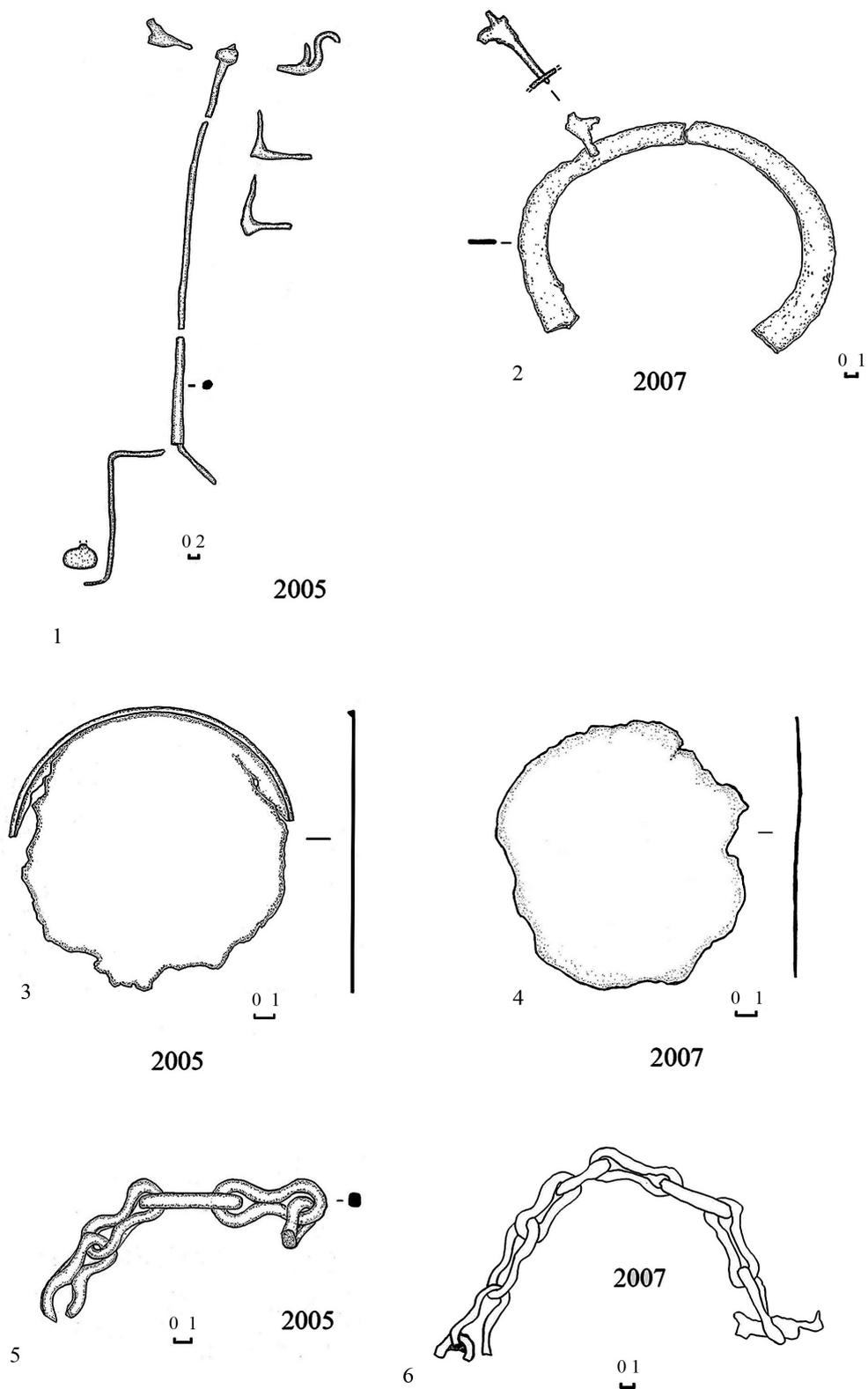

Рис. 22. Подъемный материал. 1, 2, 5, 6 – железо, 3, 4 – бронза

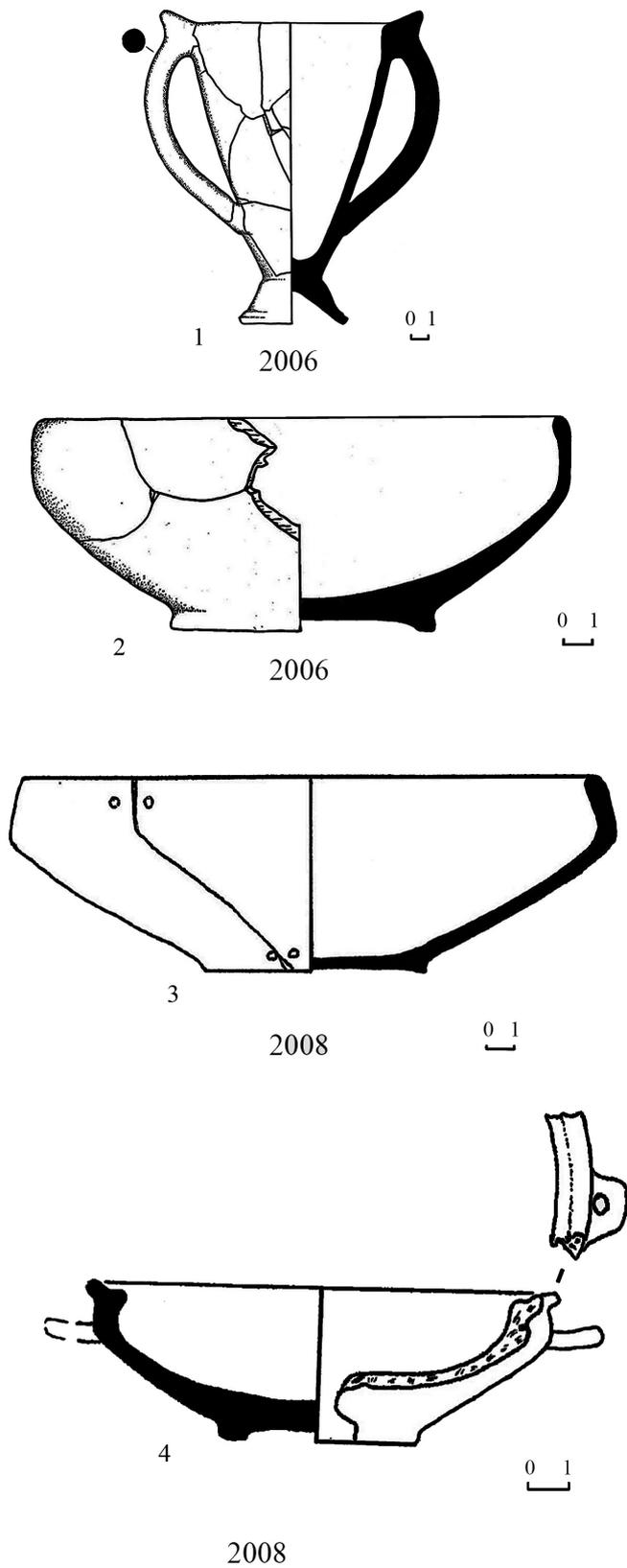
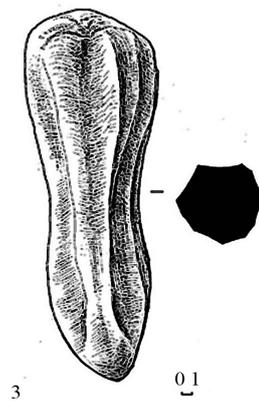
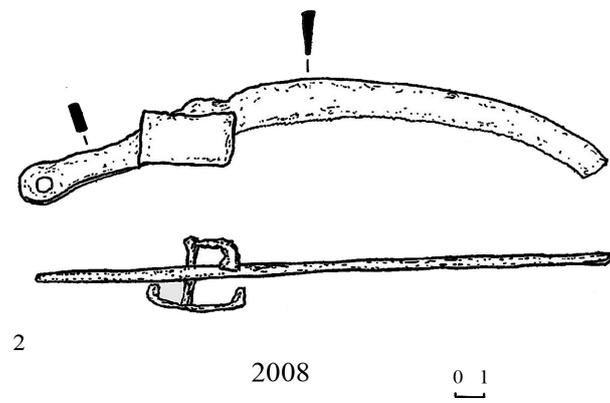
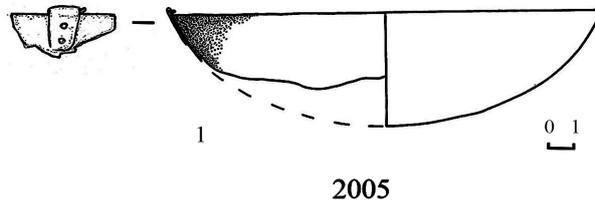

Рис. 23. Подъемный материал. 1-4 – керамика

2007

Рис. 24. Подъемный материал. 1 – серебро, 2 – железо, 3 – камень

КЛАД ИЗ СЕЛЕНИЯ ПШАП (АБХАЗИЯ)

.....

В 1963 г. «на границе селений Пшаш и Богопошта» был обнаружен клад из 52 бронзовых предметов, поступивший в Абхазский государственный музей. В настоящее время селение Пшаш находится в Гулрипшском районе Республики Абхазия, рядом с селом Дранда, на берегу р. Пшаш (или Азапшь), в 3–5 км от берега моря. Селение Богопошта нам неизвестно, видимо, здесь имелся в виду поселок Багажашта, входящий в состав села Пшаш (Кварчия В.Е., 2006, с. 123). Единственная публикация этого клада имеется в «Археологической карте Абхазии» Ю.Н. Воронова 1969 г. (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36, № 233). Там же помещены и достаточно схематичные рисунки части вещей. Изучить весь клад в фондах Абхазского государственного музея пока что не представлялось возможным, хотя такая задача перед нами стоит. Пока что предлагаю заинтересованному читателю рисунки части вещей клада, полученные нами в Архиве ИИМК. Надеюсь, это обратит внимание на почти забытый яркий и необычный комплекс.

Клад был помещен в глиняном сосуде. По словам Ю.Н. Воронова, «поверхность сосуда хорошо сглажена, красная снаружи и черно-коричневая изнутри. В изломе две резкие полосы – красная и черная. Дно плоское, диаметром 8,6 см» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36). На самом деле, клад был помещен, видимо, в два сосуда, поскольку мы имеем нижние части двух горшков или горшка и пифоса небольшого размера. Тот сосуд, который упоминал Ю.Н. Воронов, имел диаметр донной части 12,8 см, был круговым, хорошо обожженным, глина в изломе имела кирпичный цвет (рис. 3, 1). Второй сосуд имел поверхность, красноватую снаружи, а изнутри темную, был лощеным, диаметр его дна – 10 см (рис. 2, 2).

Дадим характеристику предметам из клада, приводя при этом их описание, данное Ю.Н. Вороновым, и уточняя его.

1. «Округлая пряжка с прорезными отверстиями треугольной формы по кругу, у сре-

занной части с тыльной стороны по краю три парных гвоздеобразных выпуклины, а на противоположной стороне обломанный крюк. Размеры пряжки 6 × 6,4 см, толщина 0,2 см» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36, табл. XXXIX, 26). Парные гвоздеобразные выпуклины – это остатки трех выступающих петель для крепления пряжки, они обломаны так же, как и крюк, размеры пряжки – 5,8 на 6,4 см (рис. 1, 4).

2. «Пряжка в виде овального кольца диаметром 3,7–5,2 см из стержня сечением 0,8 см. На одной стороне кольца гвоздеобразный (фаллический?) выступ. Диаметр шляпки 2,1 см. С тыльной стороны у пряжки две петли и крюк» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36, табл. XXXIX, 25). В качестве уточнения: внутри овального кольца и под ним сохранился спекшийся металл, видимо, остатки самого пояса. Само бронзовое изделие практически не повреждено, поэтому говорить о следах кремации нет оснований. Диаметр грибовидной головки у выступа – 1,6 на 1,8 см (рис. 1, 5).

3. «Пряжка в виде птицы с отломанной головой. Снаружи инкрустацией белым металлом показаны крылья. С тыльной стороны две петли и обломанный крюк» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36, табл. XXXIX, 23). Рисунка этого предмета у нас нет, поэтому будем исходить из его изображения у Ю.Н. Воронова (рис. 1, 3).

4. «Пряжка треугольной формы с двумя прорезами в пластинке, в задней части которой три фигурки баранов, имеющие с обеих сторон туловища по головке, фактура шерсти показана поперечными врезками. Под баранчиками три отверстия. Спереди с тыльной стороны пряжки массивный крюк, основание которого, выступающее снаружи, обломано. Длина пряжки 7,2 см, ширина основания 5,8 см, толщина пластинки 0,4 см. Высота баранов до 2,5 см» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36, табл. XXXIX, 20). В это описание можно внести небольшие коррективы: прорезы в корпусе пряжки имеют подтреугольную форму, из трех двухголовых баранов («тяни-толкай» – хорошо представ-

ленный в кобано-колхидском искусстве образ) у одного обломана одна голова, у другого отломана часть морды. Три отверстия находятся в широкой части пряжки, в узкой ее части над крюком имеется выступ (высотой 1,4 см), видимо, обломанный. Небольшой выступ имеется и перед крюком. По контуру как самой пряжки, так и прорезей проходят полосы декора в виде насечек (веревочный орнамент). Ширина основания пряжки 5,5 см (рис. 1, 1).

«Обломок расщепленной тульи копья» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36, табл. XXXVIII, 19). Размеры этого предмета: длина 6,3 см, диаметр незамкнутой трубочки 1,1–1,3 см (рис. 1, 2).

«Топор с клиновидным обухом, слегка опущенным лезвием, длина 18 см, ширина лезвия 6,5 см» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36, табл. XXXIV, 24). Длина этого топора, скорее, 17,7 см, ширина очень небольшого лезвия – 6,7–6,8 см. Его особенность – вытянутое проушное отверстие восьмерковидной формы, при этом следы деформации топора внешне отсутствуют (рис. 6, 1).

«Другой топор того же типа с обломанной обушной частью. Ширина лезвия 6,8 см» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36, табл. XXXV, 10). У этого топора лезвийная часть большего размера, чем у предыдущего (рис. 6, 2).

«9 целых сечек (табл. XXXVII, 20–24, 28–30, 32). Тыльная часть плоская или выпуклая, сужается к концу либо сохраняет ширину от лезвия до тыла. Ширина тыльной части 2–3,2 см, у перехода к лезвию 4–5 см, длина тыльной части 3,7–5,5 см. Длина сечек 6,4–11,5 см. Ширина лезвия 8,8–12 см. У части сечек один конец лезвия более заостренный, чем другой» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36).

«Вотивная сечка длиной 1,8 см, шириной лезвия 3,8 см» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36, табл. XXXVII, 27).

Рисунок вотивной сечки у нас отсутствует, приведем данные по тем сечкам (сегментовидным орудиям), которые нам доступны. Может быть выделено несколько типов сегментовидных орудий (об их назначении уже давно ведется бесплодная дискуссия (Трубникова Н.В., 1947; Хоштария Н.В., 1951; Лордкипанидзе Г.А., 1977; Техов Б.В., 1977, с. 113–115), хотя типологические построения здесь затруднены из-за

наличия переходных форм. Г.А. Лордкипанидзе выделял три группы «сегментов» исключительно по размерам и весу (1977, с. 12), но, как он сам признает, «уловить определенную весовую систему пока не удается». Как нам кажется, типы здесь следует выделять по соотношению длины и ширины лезвия, то есть, по сути, по форме лезвия – полуовального (тип I), полукруглого (тип II), укороченного (тип III). В этом случае варианты выделяются по оформлению плечиков сегмента: скошенным (вариант 1), прямым (2), немного приподнятым (3), приподнятым (4). Я вполне отдаю себе отчет в условности разделения на «немного приподнятые» и «приподнятые», но в условиях недостаточного количества относительно качественных публикаций и отсутствия как нормальных рисунков, так и метрических данных, другого выхода у нас нет. Кроме того, изредка встречаются сегментовидные орудия с асимметричным лезвием, когда одно плечико немного приподнято, одно скошенное (варианты 1–3, 2–3 и т.д.). Еще одним определяющим признаком может являться характер черенка – массивного, вытянутого или укороченного. Кроме того, черенок может быть почти равномерной ширины, а может сужаться к верхней части.

У нас в наличии изображения десяти сегментовидных орудий различной степени сохранности. Дадим их краткую характеристику:

1. Сегментовидное орудие типа III, варианта 2–3, с массивным черенком, первоначальная ширина лезвия (один из краев обломан) – около 9 см, общая длина 6,2 см, длина лезвия 2,6 см, длина черенка 3,6 см, ширина черенка 3 см (рис. 4, 1). Неточный рисунок этого орудия был опубликован и Г.А. Лордкипанидзе (1977, рис. 2, ГМА, 1-64/10).

2. Сегментовидное орудие типа II, варианта 1–3, с вытянутым черенком, ширина лезвия 11,4 см, общая длина 11,2 см, длина лезвия 6,1 см, длина черенка 5,1 см, ширина черенка от 3,8 до 2 см с сужением к верхней части (рис. 4, 2).

3. Сегментовидное орудие типа II (переходное по длине лезвия к типу III), варианта 3, с вытянутым черенком, ширина лезвия 10,6 см, общая длина 8,7 см, длина лезвия 4 см, длина черенка 4,7 см, ширина черенка 2,5 см (рис. 4, 3).

4. Сегментовидное орудие типа II, варианта 2–3, с вытянутым черенком, ширина лезвия 11,3 см, общая длина 9,2 см, длина лезвия 4,7 см, длина черенка 4,5 см, ширина черенка 2,7 см (рис. 4, 4).

5. Сегментовидное орудие типа III, варианта 1, с массивным черенком, ширина лезвия 9,7 см, общая длина 8,9 см, длина лезвия 3,3 см, длина черенка (немного обломанного) 5,6 см, ширина черенка 2,9 см (рис. 5, 1).

6. Сегментовидное орудие типа III, варианта 2–3, с вытянутым черенком, ширина лезвия 11,2 см, общая длина 8,7 см, длина лезвия 4 см, длина черенка 4,7 см, ширина черенка от 3,9 до 2,2 см с сужением к верхней части (рис. 5, 2). Г.А. Лордкипанидзе также опубликовал достаточно приблизительный рисунок этого орудия (1977, рис. 2, ГМА, 1-64/16).

7. Сегментовидное орудие типа III, варианта 2, с вытянутым черенком, ширина лезвия 10,8 см (один из краев чуть-чуть обломан), общая длина 9 см, длина лезвия 3,9 см, длина черенка 5,1 см, ширина черенка 3,3–2,6 см с незначительным сужением к верхней части (рис. 5, 3).

8. Сегментовидное орудие типа III, варианта 2–3, с массивным черенком, ширина лезвия 12,6 см, общая длина 8,5 см, длина лезвия 3,5 см, длина черенка 5 см, ширина черенка 2,9–3,1 см с незначительным расширением в верхней части (рис. 5, 4).

9. Сегментовидное орудие типа II, варианта 2, с несохранившимся черенком, ширина лезвия 10,9 см, длина лезвия 5,1 см, ширина сохранившегося основания черенка 3,5 см (рис. 7, 3).

10. Сегментовидное орудие с асимметричным лезвием, возможно, подвергшимся переделке. В этом случае первоначальное орудие относилось к типу II, варианту 3. Ширина лезвия 12,2 см, общая длина 8,5 см, длина черенка 4 см, ширина черенка 2,9 см (рис. 7, 4). Рисунок этого орудия как происходящего из «Гульрипшского клада» опубликовал Г.А. Лордкипанидзе (1977, рис. 2, ГМА 1-64/19).

Как мы видим, особенностью клада из Пшапа является доминирование сегментовидных орудий типа III (или переходного к нему типа), то есть с укороченным лезвием (6 из 10). Тип II, то есть орудия с полукруглым лезвием, представлен в меньшей степени (4 из 10). К приме-

ру, в кладе 1996 г. из Куачиры (находка 1996 г., Абхазский государственный музей, готовится нами к публикации совместно с А.И. Джопуа) набор типов иной: из 12 сегментовидных орудий 6 относится к типу II (с полукруглым лезвием), 3 – к типу I (с полуовальным лезвием) и 3 – к типу III (с укороченным лезвием).

Обратимся в этой связи к другим находкам сегментовидных орудий на территории Абхазии, оговорив предварительно, что на территории бзыбской колхидской культуры, то есть северо-западнее Сухума, они отсутствуют. Эти изделия, безусловно, относятся к специфическим маркерам игуро-рионской колхидской культуры, встречаясь на иных территориях лишь эпизодически. Район современного Сухума (междуречье Гумисты и Келасура) являлся контактной зоной между двумя культурами и локальным вариантом в рамках бзыбской колхидской культуры, поэтому здесь находки сегментовидных орудий также известны.

Предлагаемая сводка носит предварительный характер. Клад из Чубурисхинджи (1890 г.) – два бронзовых орудия, одно из них типа II, второе, несмотря на плохую сохранность лезвия, вероятно, также (Воронов Ю.Н., 1969, с. 41, № 307, табл. XXXVII, 31, 38). Клад из Гали (1962 г.) – 6 орудий типа II и одно с несохранившимся черенком, вероятно, типа I, о форме еще одного орудия по имеющемуся в публикации изображению его фрагмента судить сложно (Апакидзе Д.Б., 1991, с. 33, табл. СХ, 3–10). Клад из Тагилони (Таглан) – 3 орудия, из них два типа II и одно, с обломанным лезвием, возможно, типа III (Воронов Ю.Н., 1969, с. 41, № 303, табл. XXXVII, 14–16). «Клад литейщика» с поселения Гагида – одно орудие типа II и 4 фрагментированных орудий (Шамба Г.К., 2000, с. 13, табл. 6, 1–4, 10). Клад из Моквы – орудие типа II (Воронов Ю.Н., 1969, с. 40, № 281, табл. XXXVII, 34). Находки из Тамышского поселения – два орудия переходного типа между II и III, варианта 1 (Габелия А.Н., 2014, с. 100–101, табл. XXXVIII, 1–2). Клад с Сухумской горы – орудие с сильно поврежденным лезвием, возможно, типа III (Каландадзе Ал., 1953, с. 74, 76, табл. I, 18). Погребение 8 могильника Гуадику – два орудия типа II (Трапш М.М., 1969, с. 24, рис. 5). Эшерское городище – одно орудие типа II

(Шамба Г.К., 1980, с. 45, табл. LVII, 1). Клад на горе Чернявского на участке Какуба в Сухуме – одно орудие типа I, опубликованное Б.А. Куфтиным (1949, с. 221, рис. 42), одно орудие типа I и пять орудий типа II в фондах Абхазского государственного музея (рисунки из фонда А.А. Иессена, Архив ИИМК). Как видим, в регионе, безусловно, доминируют орудия типа II, единичными находками представлены тип I и переходный тип II–III, наличие также единичных орудий типа III можно только предполагать.

К нашему комплексу в некоторой степени близок по своему составу клад 1957 г. из Очамчиры – шесть орудий типа III (Воронов Ю.Н., 1969, с. 40, № 289, табл. XXXVII, 17–19, 26, 33, 39), одно переходное между типами II и III (Воронов Ю.Н., 1969, табл. XXXVII, 25), одно – типа II (Воронов Ю.Н., 1969, табл. XXXVII, 40). Впрочем, здесь есть одно важное отличие – четыре сегментовидных орудия типа III из Очамчирского клада имеют сильно расширенный в верхней части черенок (Воронов Ю.Н., 1969, с. 40, № 289, табл. XXXVII, 17–18, 33, 39). Пока что ничего не указывает на то, что эти отличия имеют хронологический характер. Скорее всего, это особенности изготовления однотипных изделий различными, хотя и родственными группами населения.

Еще один относительно близкий комплекс – клад (1974 г.) из с. Лекумхара (Пирвели Гали) Гальского района (Апакидзе Д.Б., 1985; Он же, 1991, с. 33, табл. CXI, 4–13). Здесь доминируют сегментовидные орудия типа II (7 экз.), тремя экземплярами представлен переходный тип между II и III, одно орудие относится к типу III. Достаточно близок и набор орудий из клада на Очхомурском поселении в Мегрелии (из 69 найденных здесь сегментовидных орудий 35 поддавались типологическому определению): здесь доминируют сегментовидные орудия типа III и переходного типа между II и III (Апакидзе Д.Б., 1991, с. 31, табл. XXVII–XXVIII, Arakidze Joni, 2009. Taf. 103–104).

Опять же, ничего пока не указывает на то, что сегментовидные орудия типа III и переходные к ним формы являются, к примеру, более поздними. Исключать этой возможности также нельзя. Но, как мы видим, «клады» Запад-

ного Закавказья с их стандартным в большинстве случаев набором изделий поддаются более подробному анализу. Возможно, в будущем такой анализ и максимально полная публикация самих кладов позволят прийти и к выводам об их хронологии.

Показательно отсутствие на территории Абхазии одного из типов сегментовидных орудий, изделий с подтреугольным лезвием (Трубникова Н.В., 1947, рис. 10, 2). Видимо, они характерны для более восточных районов Западного Закавказья. Одно такое орудие входит в состав клада из Очхомурского поселения в Западной Грузии (Апакидзе Д.Б., 1991, табл. XXVIII; Arakidze Joni, 2009. Taf. 103, 1).

1. «Еще 10 обломков сечек и около сечек» (?) (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36). Имеются изображения трех черенков от сегментовидных орудий, два из них вытянутые (рис. 3, 4; 7, 1), один имеет почти симметричные небольшие расширения на боковых гранях в средней части (рис. 7, 2). Еще имелись, как написано на рисунке, четыре небольших фрагмента, вероятно, черенков сегментовидных орудий.

Ю.Н. Воронов не обратил внимания на наличие в этом комплексе двух бронзовых серпов, пусть и фрагментированных (рис. 3, 2, 3).

2. «Около 30 небольших слитков и их обломков» (Воронов Ю.Н., 1969, с. 36). Один из слитков имеет трапециевидную форму и выемку в основании, ширина основания – 14 см, ширина верхней части – 7,3 см, высота – 6,3–6,9 см (рис. 2, 1). Как написано на рисунке, имелись еще 22 бесформенных и ошлакованных слитка.

С одной стороны, мы видим вроде бы типичный для Западного Закавказья т.н. клад литейщика. Мы уже неоднократно отмечали (Скаков А.Ю., 2009, с. 154–155; Он же, 2018, с. 331–334) вслед за В.С. Бочкаревым (Бочкарев В.С., 2002, с. 45–54) и рядом западноевропейских авторов (Хансен Свенд, 2013, с. 279–289 и др.), что эти комплексы, во-первых, только условно могут быть названы «кладами», а во-вторых, что они не имеют прямого отношения к древним литейщикам. Это форма «обмена дарами», приношения богам, возможно, имеющими и поминальное значение. Показательно, что в тех регионах, где в изобилии

встречаются клады, крайне немногочисленны погребальные памятники. Напротив, в регионах с большим количеством погребальных памятников количество кладов незначительно. В противном случае, оставаясь на позициях выделения «кладов литейщиков», мы должны будем предположить, что практически все литейщики эпохи поздней бронзы – раннего железа на Кавказе жили в регионе Западного Закавказья, и они парадоксальным образом снабжали разнотипными металлическими изделиями различные регионы кобано-колхидской культурно-исторической общности.

Наличие в составе кавказских кладов предметов с литейным браком или же просто слитков бронзы не должно нас смущать. Если посмотреть в более широком контексте, в votивных комплексах нередко помещались предметы вооружения с литейным браком или негодные к употреблению (Хансен Свенд, 2013, с. 283–284, ил. 4,5). Тем самым предмет лишался присущей ему культовой силы, и в этой связи можно вспомнить многократно зафиксированное ритуальное «уничтожение» оружия в погребениях, когда мечи и копья стигались, порой многократно. В свою очередь, «самым последним исследованиям удалось доказательно продемонстрировать, что фрагментация бронзовых предметов, как правило, не связана с их повреждениями при использовании, а была осуществлена намеренно» (Хансен Свенд, 2013, с. 286). С одной стороны, предметы делались непригодными к употреблению, с другой – «часть заменяет целое», то есть ритуальное приношение того или иного предмета могло быть неоднократным и производиться в различных целях. Как отмечал Свенд Хансен, в кладах «редко присутствуют части одного и того же предмета, а все фрагменты одного предмета в одном кладе можно обнаружить только в исключительных случаях» (2013, с. 286).

Обращаясь ккладам Кавказа интересующего нас времени, необходимо особо выделить и отдельно рассматривать крупные культовые комплексы – приношения в святилища, функционировавшие в течение значительного интервала времени. Это, в первую очередь, комплекс с Бамборской поляны 1910 г. и Каз-

бекский клад, а также клады из Пасанаури и Чобарухи. По своему характеру к ним близки святилища Восточной Грузии, которым повезло: они были археологически исследованы и система размещения предметов фиксировалась. Особенность этих комплексов – значительные серии культовых предметов, включая бронзовую пластику. К сожалению, подавляющее большинство кладов и культовых комплексов было найдено случайно, не при археологических исследованиях, и информация об условиях обнаружения, об их полном составе и контексте, как правило, отсутствует.

Клады Западного Закавказья по большей части достаточно однотипны и содержат повторяющийся набор предметов. Это бронзовые сегментовидные орудия, топоры, мотыги, слитки бронзы. Единичными экземплярами представлены копья, долота, серпы, еще реже встречаются бронзовые сосуды. Аналогичная картина прослежена для регионов Европы II тыс. до н.э.: «Однородность состава кладов в каждом из регионов является доказательством наличия строгих правил их организации» (Хансен Свенд, 2013, с. 284).

Впрочем, у рассматриваемого нами комплекса есть своя специфика. Если мы посмотрим на состав клада из Пшапа, кроме стабильно встречаемых предметов-символов (сегментовидные орудия, топоры, слитки бронзы) мы увидим серию уникальных (хотя и имеющих некоторые аналогии) предметов – фигурные поясные пряжки четырех различных типов. Вполне очевидно культово-ритуальное значение этой серии изделий.

Полуовальная пряжка с вырезами, не имея полных аналогий, входит в группу хорошо известных на территории Абхазии полуовальных и круглых умбоновидных пряжек с инкрустацией (Скаков А.Ю., 2012, с. 136–137). При этом они, за немногими исключениями, характерны для района современного Сухума, составляя тем самым специфику локального варианта в рамках бзыбской колхидской культуры.

Пряжка с грибовидной головкой имеет только отдаленные аналогии, к примеру, привеску в виде птицы из с. Камунта в Дигории, с дуговидной рамкой и перекла-

диной, датированную А.П. Мошинским IV–III вв. до н.э. (Мошинский А.П., 2010, № 202, с. 197). Еще одна также уникальная пряжка иной формы с грибовидными головками и с фигурками баранов была обнаружена в кургане в с. Эшера (Воронов Ю.Н., 1969, с. 28, № 147, табл. XXXIX, 21). Аналогии пряжке в виде фигурки птицы мне пока неизвестны.

Наиболее любопытной в этой серии предметов является ажурная пряжка с шнуровым орнаментом и фигурками двухголовых баранов. С одной стороны, она имеет прототипы – кобанские ажурные пряжки полуовальной формы с фигурным изображением головы животного над крюком, украшенные шнуровым орнаментом. Мною уже было обращено внимание на сложно объяснимое противоречие: наличие двух подобных практически одинаковых пряжек в явно разновременных комплексах – погребении 290 Тлийского могильника (Техов Б.В., 1985, рис. 184, 4) и погребении 9 кромлеха 10 в Стырфазе (Техов Б.В., 2000, с. 84, рис. 62, 6, 87, 1). Первое из них датируется VI в. до н.э., второе – XI в. до н.э. (Скаков А.Ю., 2002, с. 226; Он же, 2012, с. 136–137). Как написал публикатор, «это может показаться удивительно непонятным или неприемлемым, но факты – вещь упрямая» (Техов Б.В., 2000, с. 84). Странно то, что в погребении из Стырфаза эта пряжка была найдена у костей голени, то есть в той части скелета, где пояс вроде бы не мог находиться (Техов Б.В., 2000, с. 22). При этом ни один из предметов данного комплекса не указывает на позднюю дату.

Из приведенных Б.В. Теховым нескольких аналогий только одна может считаться таковой – пряжка из Кумбулты, хотя имеющаяся у автора ссылка ошибочна (Уварова П.С., 1900, табл. LXXXIX, 1). Однако у этой пряжки нет шнурового орнамента. Еще несколько подобных пряжек известно из Фаскау или Кумбулты (Motzenbäcker Ingo, 1996, taf. 36, 5–7), а также из Верхней Рутхи (Motzenbäcker Ingo, 1996, taf. 63, 8–9). На территории Абхазии единственная такая пряжка найдена в с. Аацы Гудаутского района (Воронов Ю.Н., 1969, с. 25, № 118, табл. XXXIX, 22). Более близкой аналогией является еще одна пряжка из Кумбулты (Верхней Рутхи), с шнуровым орнаментом (Крупнов Е.И., 1960,

табл. XLVII, 5), а также пряжка с шнуровым орнаментом и двумя бараньими головками из Верхней Рутхи (коллекция Коссниерской) (Motzenbäcker Ingo, 1996, taf. 29, 12). Судя по всему, такие пряжки в различных вариациях являются маркером именно дигорской группы кобанских древностей. Все эти находки не являются комплексными, так что использовать их затруднительно. Таким образом, они, фактически, не могут нам помочь в определении хронологического местаклада из Пшапа.

Но есть и вторая сторона, очень важный и достаточно очевидный нюанс: типологически эти пряжки явно предшествуют бронзовым «эгреткам» бзыбской позднекопидской культуры (Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2004). Общая подтреугольная форма, наличие двух или 4–6 (расположенных 2–3 парами, друг за другом) вырезов, шнуровой орнамент, парные изображения бараньих головок – всё это сближает нашу пряжку с бронзовыми «эгретками». Напомню об известных на сегодня находках «эгреток» и их хронологии: два экземпляра из Бамборской поляны (Лукин А.Л., 1941, табл. XXII, XXIII, 1), один из них по найденному вместе с ним донцу чернолакового аттического скифоса может быть датирован второй четвертью V в. до н.э. (Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2004, с. 27)¹, Абгархук (Лукин А.Л., 1941, с. 71), Джирхуа (Воронов Ю.Н., 1969, с. 44, № 23), погребение (1968 г.) второй-третьей четверти IV в. до н.э. возле Эшерского городища (Шамба Г.К., 1972; Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2004, с. 27–28), погребение № 2 (1990 г.) второй четверти – конца V в. до н.э. в поселке Цоухуа в Ачандаре (Скаков А.Ю., Джопуа А.И., с. 29–30, рис. 1), комплекс (1989 г.) V в. до н.э. из с. Хуап (Скаков А.Ю., Джопуа А.И., с. 34, рис. 3), экземпляр из с. Хуап (Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2008, рис. 3, 2), слой V–IV вв. поселения на Холме Верещагина (с. Нижняя Эшера, находка 2005 г.) (Джопуа А.И. и др., 2007, рис. 66; Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2008, с. 7, рис. 1, 2), погребение (2018–2019 гг.) второй половины V в. до н.э.

¹ Парадоксальным образом О.А. Брилева, приводя датировку этого изделия, как и ряда других, ссылается в данном случае на А.Л. Лукина, который никакой определенной датировки не давал (Брилева О.А., 2012, с. 511). Дата по античному импорту была обоснована нами (Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2004, с. 27 и далее).

из поселка Цоухуа с. Ачандара (Скаков А.Ю., 2019). «Эгретка» из погребения 69 могильника Гуадику не имеет скульптурных изображений и не является ажурной (Трапш, 1969, с. 38, 73, табл. III, 1; Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2004, с. 29). Еще одна аналогия, пусть и более отдаленная, – бляхи по краям пояса из погребения № 1 (1959 г.) с горы Яштхва (пос. Н. Яштух, ныне Яштхуа) (Квирквелиа Г.Т., 1978, с. 80, табл. 28, 1). Мы в свое время уже обращали внимание на типологическую близость между бляхами из Яштхуа, пряжкой из Пшапа и «эгретками» (Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2004, с. 34–35).

Как видим, бронзовые «эгретки» датируются в рамках V–IV вв. до н.э. Погребение из Яштхуа мы в свое время предположительно датировали V в. до н.э. (Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2004, с. 35), в дальнейшем скорректировали дату до V – первой трети IV в. до н.э. (Скаков А.Ю., 2008, с. 94). Именно эти даты, на наш взгляд, указывают на относительно позднюю датировку клада из Пшапа. Ранее мы, исходя из вышеприведенной аналогии в Стырфазе и учитывая мнение В.И. Козенковой, относившей клад из Пшапа (Богопошты) к рубежу II–I тыс. до н.э. (1982, с. 52)¹, считали его достаточно ранним, предлагая широкую дату в рамках первой трети I тыс. до н.э. (Скаков А.Ю., 2012, с. 136). Но, видимо, аналогии между рассмотренной выше пряжкой и «эгретками» заставляют склониться к более поздней дате, в рамках VII–VI вв. до н.э. Как мы отмечали ранее, «ничто более в этом комплексе не указывает на раннюю датировку» (Скаков А.Ю., 2012, с. 137).

Таким образом, комплекс из Пшапа может предположительно считаться одним из позднейших в группе кладов бронзовых изделий с территории Западного Закавказья. Вероятно, именно этим объясняется его специфика.

ЛИТЕРАТУРА

Апакидзе Д.Б., 1985. Клад из Лекумхара // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Том 117. № 3. Март 1985. Тбилиси. На груз. яз., русск. резюме.

Апакидзе Д.Б., 1991. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Тбилиси.

¹ Впрочем, в дальнейшем В.И. Козенкова отнесла клад из Пшапа (Богопошта) к группе древностей IX–VI вв. до н.э. (2013, с. 76).

Бочкарев В.С., 2002. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб. С. 45–54.

Брилева О.А., 2012. Комментарии к статье Б. Тержан «В поисках Медеи – исследование по раннему железному веку Кавказа» // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб. С. 507–516.

Воронов Ю.Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми.

Габелия А.Н., 2014. Абхазия в предантичную и античную эпоху. Сухум.

Джопуа А.И., Ксенофонтова И.В., Шамба Г.К., Эрлих В.Р., 2007. Исследования в селе Нижняя Эшера // Археологические открытия 2005. М. С. 573–575.

Каландадзе Ал., 1953. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми. На груз. яз., русск. резюме.

Кварчия В.Е., 2006. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум.

Квирквелиа Г.Т., 1978. Погребение раннеантичного времени на горе Яштхва // Вопросы археологии Грузии. Тбилиси. На груз. яз., русск. резюме. С. 74–80.

Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. Археология СССР. САИ. Вып. В2-5. М.

Козенкова В.И., 2013. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.

Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.

Курфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Том I. Тбилиси.

Лордкипанидзе Г.А., 1977. О домонетной форме денежного обращения в Колхиде // Нумизматический сборник. Тбилиси. С. 5–14.

Лукин А.Л., 1941. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Труды Отдела истории первобытной культуры ГЭ. Том I. Л. С. 17–97.

Мошинский А.П., 2010. Древние бронзы Кавказа. М. ГИМ.

Скаков А.Ю., 2002. К вопросу о хронологии Красномаякского могильника // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы Международной научной конференции. Часть 2. СПб. С. 220–232.

Скаков А.Ю., 2008. Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // Revista Arheologică (Археологический журнал). Serie noua. Vol. IV. № 2. Chişinău. (Кишинев). С. 74–99.

Скаков А.Ю., 2009. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. Вып. 223. М. С. 143–172.

Скаков А.Ю., 2012. Об одной группе поясных пряжек кобано-колхидской культурно-исторической общности // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1 / отв. ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Корневский. М. С. 132–147.

Скаков А.Ю., 2018. Могильники эпохи раннего железа на территории Абхазии: погребальные памятники и погребальный обряд // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. М. / отв. ред. М.В. Андреева. С. 328–365.

Скаков А.Ю., 2019. Древности горы Джантух в Абхазии // Новые археологические проекты. Воссоздавая прошлое / под ред. Н.А. Макарова. М. С. 46–49.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2004. Комплексы V–IV вв. до н.э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь. С. 27–46.

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2008. Бронзовые «эгретки» из Абхазии // Труды Абхазского государственного музея. Вып. VI. Сухум. С. 3–25.

Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.

Техов Б.В., 1985. Тлийский могильник. Том III. Тбилиси.

Техов Б.В., 2000. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии. Владикавказ; Цхинвал.

Трани М.М., 1969. Древний Сухуми. Труды в четырех томах. Том IV. Сухуми.

Трубникова Н.В., 1947. К вопросу о назначении «кобанских сечек» // КСИИМК. Вып. XVIII. С. 49–53.

Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. М.

Хансен Свенд, 2013. Клады в Европе эпохи бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. СПб. С. 279–289.

Хоштариа Н.В., 1951. Об одном бронзовом орудии из Колхиды // КСИИМК. Вып. XXXVI. С. 177–180.

Шамба Г.К., 1980. Эшерское городище. (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси.

Шамба Г.К., 2000. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры (по данным письменных и археологических источников). Сухум.

Apakidze Joni, 2009. Die spätbronze- und früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur 1600-700 v. chr. (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Band 24. Teil 1). Randen/Westf.

Motzenbäcker Ingo, 1996. Sammlung Kosznienska. Der Digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandskataloge, 3. Berlin.

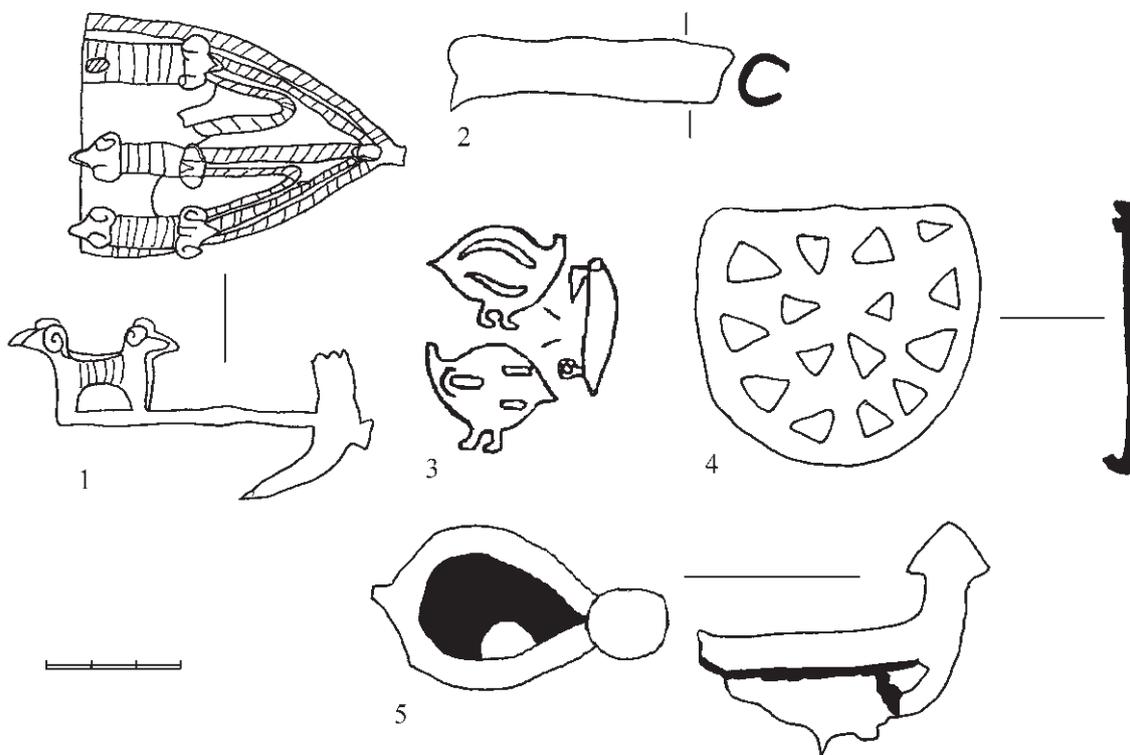

Рис. 1. 1, 4, 5 – бронзовые пряжки; 2 – фрагмент бронзовой втулки копья (?); 3 – бронзовая пряжка (по Ю.Н. Воронову)

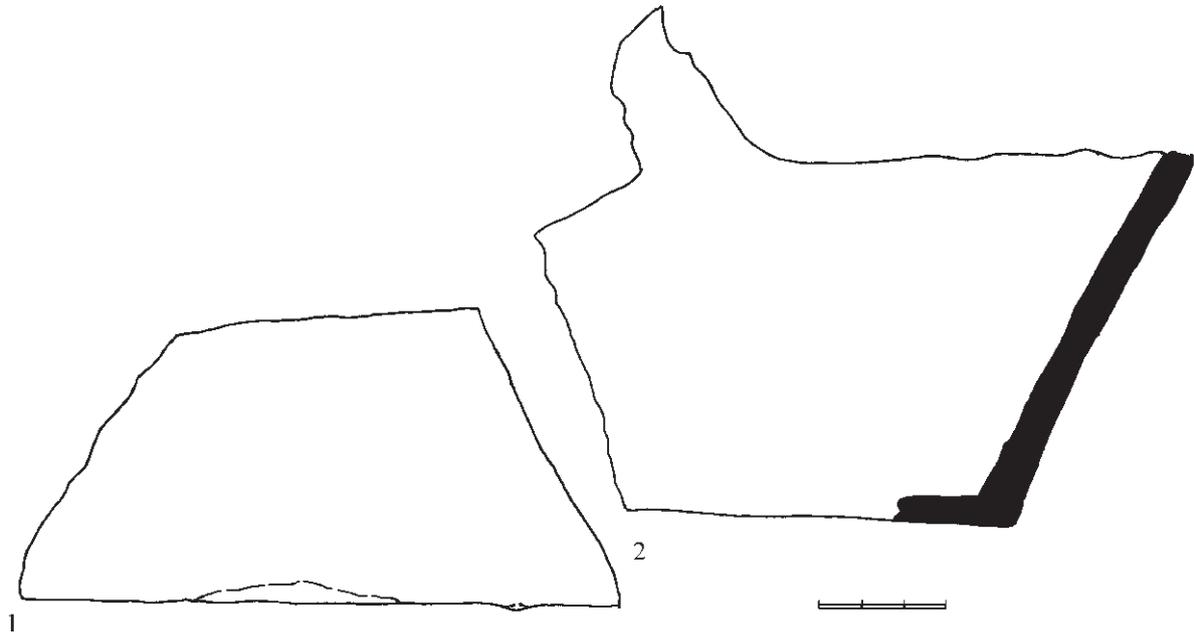

Рис. 2. 1 – слиток бронзы; 2 – фрагмент глиняного сосуда

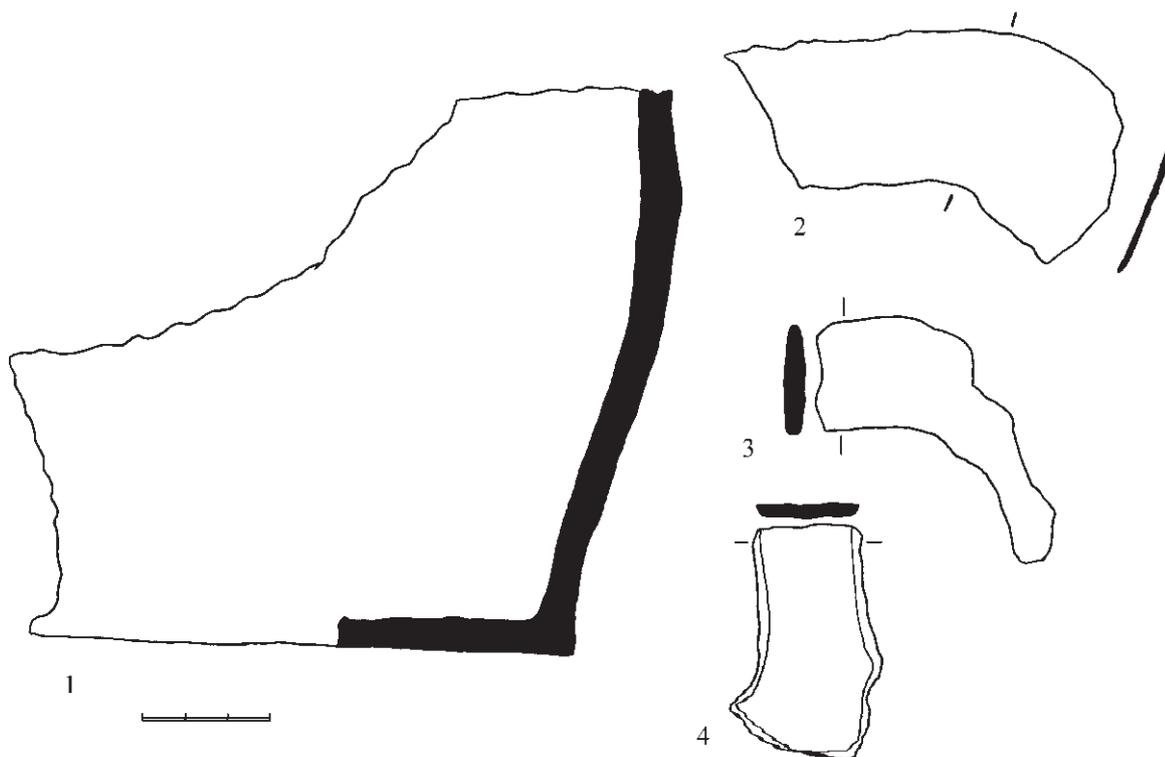

Рис. 3. 1 – фрагмент глиняного сосуда; 2, 3 – фрагменты серпов; 4 – фрагмент сегментовидного орудия

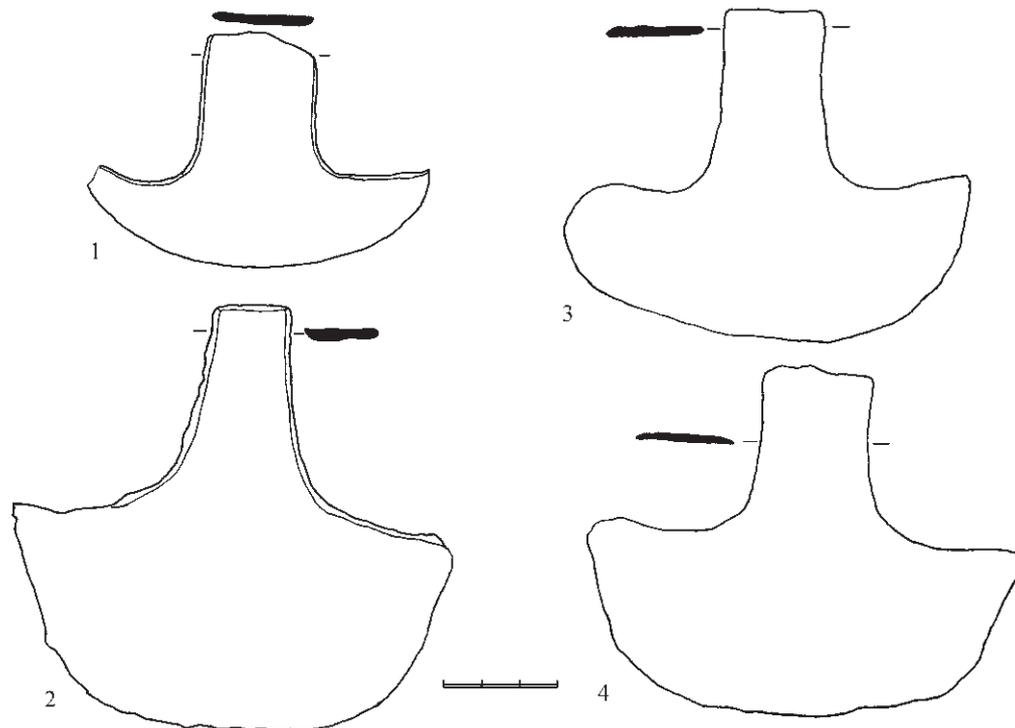

Рис. 4. 1-4 – сегментовидные орудия

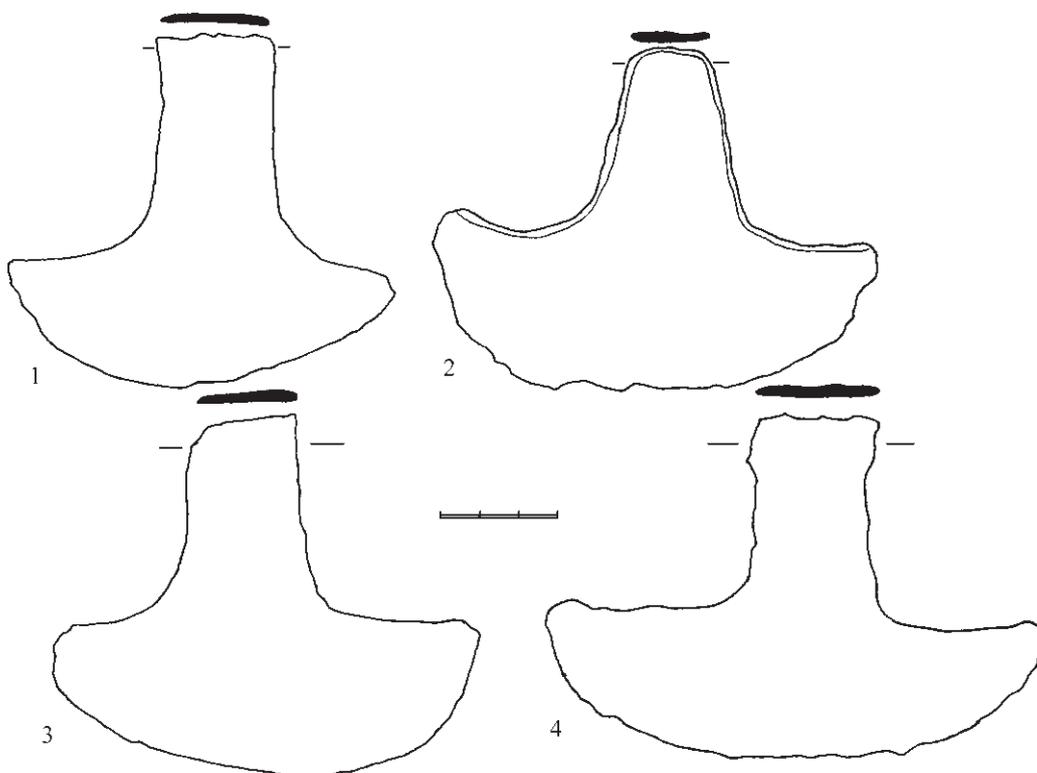

Рис. 5. 1-4 – сегментовидные орудия

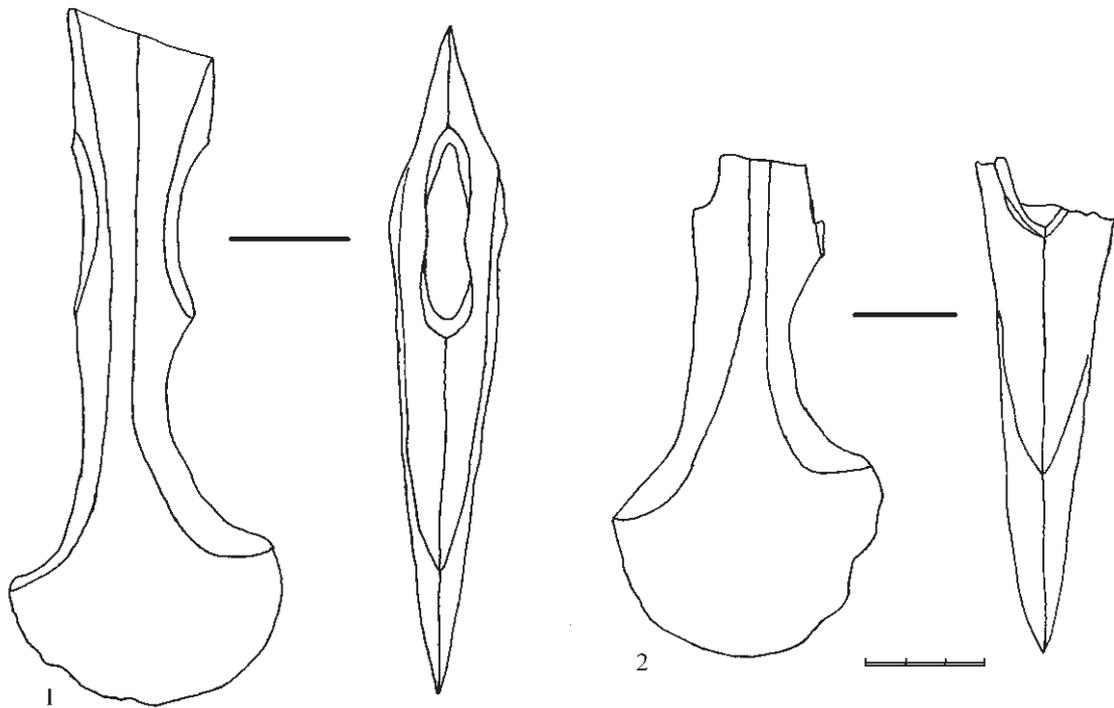

Рис. 6. 1-4 – сегментовидные орудия

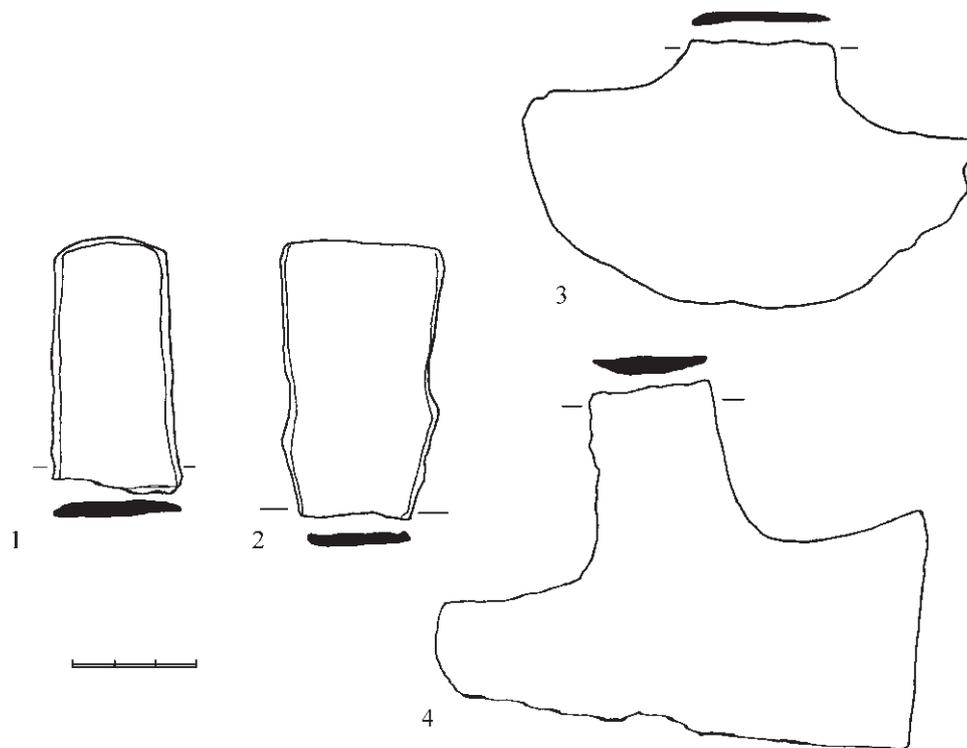

Рис. 7. 1-3 – фрагменты сегментовидных орудий; 4 – сегментовидное орудие

ЖЕРТВЕННО-ПОГРЕБАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ СТАРОКОРСУНСКОГО ГОРОДИЩА № 3

.....

Могильник Старокорсунского городища № 3 исследовался экспедицией под руководством А.В. Кондрашева¹ в 1986, 1988–1990 гг. и В.А. Тарабанова в 1987 г. (рис. 1, 1). За это время было открыто более 500 различных погребений, датирующихся с V в. до н.э. по III в. н.э. При этом в столь обширной выборке крайне редки зафиксированные погребальные конструкции, что объясняется структурой грунта. Среди наиболее полно прослеженных комплексов грунтового могильника числится погребение № 62, явно выделяющееся особенностями обряда.

Комплекс открыт в 1986 году в северной части некрополя на берегу Кубанского водохранилища (Кондрашев А.В., 1986, с. 72–73) и зафиксирован в слое светлого материкового суглинка на глубине около 1,70 м от поверхности. Захоронение имеет сложную конструкцию, которую можно сопоставлять с катакомбой, где камера с входной ямой образуют фигуру в виде восьмерки. Входная яма имела округлую форму и зафиксирована на глубине 1,14 м, по пятну заполнения, состоящего из темно-серого гуммированного суглинка. Диаметр пятна – 1,40 м, стенки прослежены в высоту до 0,15 м. Дно входного колодца плавно понижается в сторону камеры с перепадом высоты около 5,0 см. Погребальная камера имела форму неправильного круга с диаметром по линии СЗ-ЮВ около 2,40 м. По периметру камеры сделано углубление типа ровика, окружающего центральную площадку тоже округлой формы. Глубина ровика от уровня центральной площадки около 0,40 м, глубина от края входной ямы – 0,27 м. Ширина ровика в основной части 0,40–0,45 м, но напротив входа он сужается до 0,23 м. Центральная площадка в камере имеет размер – 1,38 × 1,22 м и почти на 0,15 м выше нижнего уровня входного колодца (рис. 1, 2).

В камере на поверхности центральной площадки расчищен костяк взрослого человека. Погребенный изначально лежал слабо скорчено на правом боку, головой на СЗ. Руки были согнуты в локтях, и кисти сведены над тазом.

¹ Автор благодарит А.В. Кондрашева, любезно позволившего опубликовать материалы работ.

После истлевания связок верхняя половина туловища завалилась на спину, что привело к смещению ребер, костей таза и развороту черепа. Столь значительные постпогребальные смещения, как правило, возможны при наличии свободного внутреннего объема (непроевшивший свод подбоя или катакомбы).

В ровике вокруг погребенного расчищены кости от нескольких взрослых особей лошади: слева от входа в камеру находился полный скелет лошади. Животное было уложено в ровик на правом боку с поджатыми ногами головой ко входу в камеру. Шея изогнута и череп развернут лицевой частью назад. Справа от входа в перемешанном состоянии лежали отдельные кости ног, шейные позвонки в сочленениях и фрагменты четырех черепов лошадей.

Находки

1. Фрагмент кружальной сероглиняной плоскодонной миски с острореберным бортиком и выделенным валикообразным венчиком. Дно вогнутое. Тесто плотное с примесью мелкого песка и известковых включений. Поверхность со следами лощения. Н = 8,2 см, диаметр венчика = 23,0 см, диаметр дна = 10,0 см (рис. 2, 2). Найден среди костей в ЮВ части ровика.

2. Плитка керамическая прямоугольной формы с круглым сквозным отверстием. По верхней грани расположено 11 цилиндрических углублений глубиной до 1,0 см. Глина коричневого цвета, комковатая, с примесью шамота. Размер: 17,0 × 12,6 × 2,4 см (рис. 2, 1). Найдена под костями в западной части ровика.

Датирующие возможности имеющегося материала ограничены. Миски данного типа распространены очень широко, но плоское дно у них фиксируется в комплексах не ранее конца II в. до н.э. (Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2005, с. 235). В материалах Усть-Лабинского могильника они отнесены к группе погребений I в. до н.э. – II н.э. (Анфимов Н.В., 1951, с. 194). Керамические плитки типа найденной в ровике близки к образцам, приведенным в работе Э.И. Соломоник (Соломоник Э.И., 1979, с. 171, рис. 3, 123). Большая серия совершенно анало-

гичных плиток происходит из раскопок поселенческой части Краснобатареиного городища, где основные напластования датируются II в. н.э.¹ Плитки подобного вида можно отнести к ритуальным предметам, но они почти никогда не встречаются в погребениях.

Таким образом, погребение 62 можно предварительно и широко датировать второй половиной I – II в. н.э.

Катакомбные погребения на меотских некрополях известны давно (Анфимов Н.В., 1947, с. 157; Берлизов Н.Е., Анфимов И.Н., 2005, с. 120; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2011, с. 186–209; Раев Б.А., Марченко И.И., 2005, с. 230), но наличие в камере рва и круглой входной ямы отмечено впервые. На нынешнем этапе изученности меотских памятников Прикубанья подобное сочетание не имеет аналогов. Рвы, окружающие погребение человека или курган, хорошо известны в погребальных памятниках Северного Причерноморья (Безуглов С., Захаров А., 1988, с. 11; Максименко В.Е., 1998, с. 90; Ольховский В.С., 1991, с. 64; Горбенко А.А., Косяненко В.М., 2016, с. 147–148; Ларенок В.А., 2016, с. 2–22). Подобные конструкции, вероятно, несут ритуальную нагрузку – отделение умершего от внешнего мира или создание сцены для ритуальных действий (Кульчар В., 1997, с. 129–131). Жертвенные животные, уложенные в ров вместе с вещами, окружали круглую площадку, на которой находился костяк человека. Погребенный лежал в слабо скорченном положении, головой ко входу в камеру, при этом сопровождающий инвентарь на площадке отсутствовал.

По обрядовым характеристикам комплекс может быть сопоставлен с жертвенно-ритуальными площадками, широко известными на территории Закубанья, включающими в себя тризны, захоронения лошадей, человеческие жертвоприношения, ровики и т.д. (Беглова Е.А., 2000, с. 15). Разнообразие подобных объектов может быть очень велико: от крупных площадок на Тенгинском некрополе (Беглова Е.А., 2004, с. 88–106; Беглова Е.А., 2005, с. 9–12) до отдельных захоронений (см. статью Н.Ф. Шевченко в настоящем сборнике). Таким образом, комплекс с человеческим жертвоприношением в катакомбе может отражать неизвестные нюансы духовной жизни меотского сообщества.

¹ Благодарю Н.Ф. Шевченко за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов Н.В., 1947. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. XVI. М.; Л.

Анфимов Н.В., 1951. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. № 23. М.

Беглова Е.А., 2000. О культовых комплексах в меотской культуре Закубанья // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск.

Беглова Е.А., 2004. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника. Историко-антропологический сборник "Opus". Вып. 3. М.

Беглова Е.А., 2005. Второй ритуальный комплекс из Тенгинского грунтового могильника // Четвертая кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар.

Безуглов С., Захаров А., 1988. Могильник Журовка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов-на-Дону.

Берлизов Н.Е., Анфимов И.Н., 2005. Могильники Среднего Прикубанья эпохи позднего эллинизма и римского времени (по материалам рукописного архива Н.В. Анфимова) // МИАСК. Вып. 5. Армавир.

Горбенко А.А., Косяненко В.М., 2016. Новые открытия в Крепостном городище и некрополе // XXIX Крупновские чтения. Грозный.

Кондрашев А.В., 1987. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника в ст. Старокорсунской в 1986 г. Краснодар, 1987 // НА ИА РАН. № Д.11370.

Кульчар В., 1997. Некоторые характерные черты погребального обряда сарматов Карпатского бассейна // Донские древности. Вып. 5. Азов.

Ларенок В.А., 2016. Погребальные комплексы с ровиками (некрополь Кобыкова городища) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани. МИАК. Вып. 5. Краснодар.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2011. Подбойно-катакомбные погребения из меотских могильников правобережья Кубани // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. 3. Международная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории». Ростов-на-Дону.

Максименко В.Е., 1998. Сарматы на Дону // Донские древности. Вып. 6. Азов.

Ольховский В.С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степей Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.

Раев Б.А., Марченко И.И., 2005. Катакомбы и подбой меотского грунтового могильника городища «Спорное 1» // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Соломоник Э.И., 1979. Кубанские керамические плитки // СА. № 4.

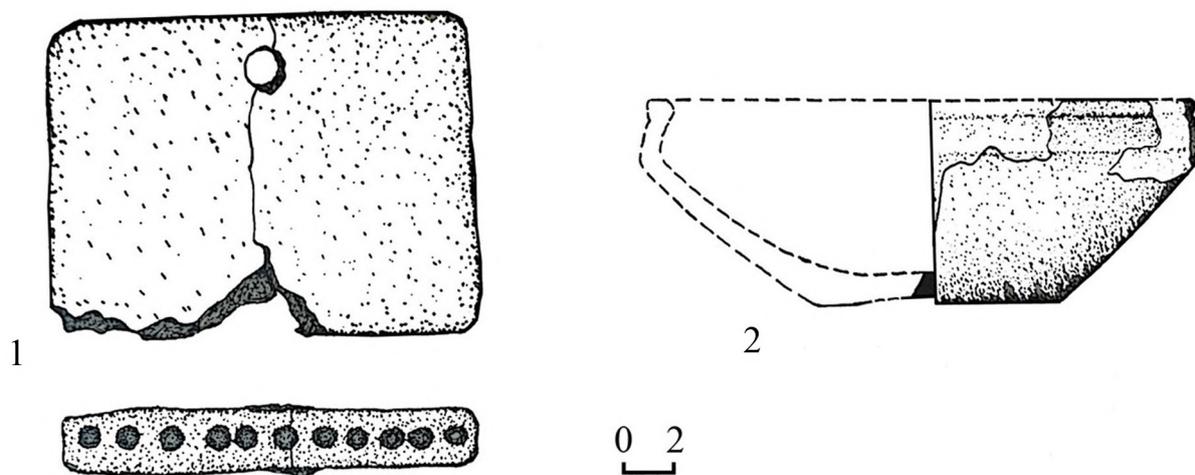

Рис. 2. Керамика: 1 – плитка, 2 – фрагментированная сероглиняная миска

ПОСЕЛЕНИЕ «СОНИНО I»
(материалы раскопок 2020 г. в зоне реконструкции
автодороги Азов – Староминская)

.....

На юге Азовского района Ростовской области по реке Ея проходит административная граница между Краснодарским краем и Ростовской областью. Этот рубеж пересекает автострада «Азов – Староминская», в зоне реконструкции которой в 2020 году были проведены охранные археологические раскопки на поселении «Сонино I». Этот памятник был выявлен в 2016 году сотрудниками ЗАО «ОКН – проект» в ходе обследования по проекту реконструкции автодороги. Отметим, что поселенческие памятники в нижнем течении р. Ея не раскапывались в отличие от курганных могильников (Прокофьев Р.В., 2012, с. 289), и были известны по материалам разведок.

В 1963 году С.А. Плетнева провела археологическую разведку по южному побережью Таганрогского залива и реке Ее. Была открыта серия раннесредневековых кочевий салтово-маяцкой культуры (Плетнева С.А., 1967, с. 15). В Ростовском музее хранится коллекция сборов С.Н. Братченко по рекам Ее и Манычу (КП3363). Отчет об этой разведке нам не известен. Сведения о найденных памятниках сохранились на полевых этикетках, написанных карандашом и датированных ноябрем 1964 года. Эти сборы продолжительное время находились в хранилище музея и были описаны и поставлены на учет только в начале 80-х годов XX века.

Коллекция, собранная С.Н. Братченко, охватывает 2 разные территории:

Правобережье реки Маныч

1. Правый берег реки Маныч к северо-западу от автодороги Сальск – Пролетарск у 65 км – «Поселение 1», на котором выделены северный и южный холмы в 5 км к северо-западу от автодороги. Это фрагменты под номерами 1–96. Собранный материал датируется эпохой поздней бронзы и VIII–IX вв.

2. Под № 257–400 записаны сборы у хутора Кировский, «Поселение 2», располагавшееся

на 1 км ближе к автодороге, чем «Поселение 1». Часть находок на этом памятнике собрана по траншее строившегося газопровода. В сборах представлены отдельные находки энеолита – ранней бронзы: кремневый нож на длинной пластине № 258. Основная же масса находок это фрагменты керамики эпохи поздней бронзы. Часть материалов датируется VIII–IX вв.

3. Долина реки Ея.

4. Сборы у Ейских хуторов¹ – № 97–123. Находки № 97–114 имеют паспорт-этикетку «Ейские хутора, балка против хуторов с западной стороны, левый борт». Материал датируется VIII–IX вв. № 106–114 относятся к эпохе поздней бронзы.

5. Этикетка «Ейские хутора» относится к находкам № 115–121: фрагменты амфор VIII–IX вв. и № 121 – фрагмент кувшина XIV века. Под № 123 – в коллекции представлена ручка кувшина с фигурным выступом у верхнего прилепа первых веков нашей эры, найденная на правом берегу у Ейских хуторов в районе курганов за балкой.

6. № 124–126 – на этикетке надпись: «Обнажение на правом берегу против х. Ея (крайний западный)» – фрагменты амфор и лепного сосуда VIII–IX вв.

7. № 127–136 – это находки у хутора Красная Ея, карьер у железнодорожного моста – начало XIX века, и фрагменты керамики поздней бронзы. Находки с № 133–136 снабжены этикеткой «Правый берег, обнажение против восточного конца хутора Красная Ея». Это фрагменты амфор VIII–IX вв. (№ 133 и 134) и лепных сосудов этого времени (№ 135, 136). Под № 137 хранится венчик лепного сосуда эпохи поздней бронзы с паспортом «Ейские хутора».

8. Интересная группа находок (№ 138–192), датирующаяся в основном VIII–IX вв. и еди-

¹ Видимо, это место соответствует поселку Ейский по линии железной дороги Батайск – Староминская на правобережье р. Ея к северо-востоку от ст. Канеловская.

ничными фрагментами керамики XIV века и, возможно, первых веков н.э., снабжена этикеткой «р. Ея, левый берег против с. Елизаветовка в районе курганной группы». Это территория Краснодарского края.

9. Также на территории Краснодарского края по левому берегу р. Ея собраны фрагменты керамики эпохи поздней бронзы № 193–211 с привязкой «левый берег р. Ея, против МТФ с. Елизаветовка, в районе курганной группы».

10. Сборы на территории Ростовской области в с. Елизаветовка, на правом берегу р. Ея, на огородах по адресам пер. Южный 61, 63. № 212–252 – фрагменты амфор, столовой лощеной и лепной керамики VIII–IX вв. Очевидно, к сборам с этого поселения относится и материал под № 253–256 с паспортом «Елизаветовка 1».

11. № 253 – фрагмент амфоры VIII–IX вв. имеет паспорт «Елизаветовка 2», «с. Елизаветовка, пр. берег (дорога) на Машино, пойма, район курганной группы».

Таким образом, в 1964 году С.Н. Братченко нашел первые поселенческие памятники к западу от современной автодороги «Азов – Староминская».

Поселение «Сонино I» расположено на первой террасе и высокой пойме правого берега р. Ея к западу от поселка Сонино. Территория памятника повреждена линией межпоселкового водопровода и грунтовыми дорогами с глубокими колеями, одна из которых проложена параллельно шоссе, а другая от шоссе пролегла на запад между полей. Эти дороги в зависимости от дождей смещались на свободные нераспаханные участки сенокоса. Площадь для сенокоса в свою очередь образовалась на месте раскорчеванной лесополосы.

В 2016 году территория поселения была определена по итогам шурфовочных работ и зачистки участка траншеи для прокладки водопровода. Три шурфа № 2, 3 и 6 – были заложены к востоку от автодороги «Азов – Староминская». Археологические материалы в них не найдены, за исключением шурфа № 6, где обнаружены мелкие комочки обожженной глиняной обмазки.

Находки были только в двух шурфах, заложённых к западу от автодороги, в северной ча-

сти поселения. Это шурфы № 1 и 5. Шурф 5 был заложен в 5 м к западу от шурфа 1. Насыщенность небольшая: в шурфе 1 – 1 фрагмент керамики, 7 обломков костей животных и 4 обломка обожженной глиняной обмазки; в шурфе 2 – 4 фрагмента керамики, среди которых обломок верхней части орнаментированного сосуда (венчик), 16 обломков костей животных. Фрагмент венчика позволил датировать керамику поселения эпохой поздней бронзы. Но следует подчеркнуть, что практически все находки: как керамика, так и костные остатки – имели размеры, не превышающие 3 см.

Стратиграфические разрезы шурфов 2016 года показали, что находки сохранились в предматериковом слое серо-коричневого суглинка или темного коричневого суглинка. Таким образом, был выявлен памятник с разрушенным культурным слоем. Разрушение напластований поселения связано со срезкой грунта на насыпь шоссе после раскорчевки лесополосы, распашкой и прокладкой водопровода.

При осмотре территории поселения практически отсутствовал подъемный материал. Найдены фрагмент нижней части красноглиняной рифленой амфоры VII–IX вв. на пахотном поле в 200 м северо-западнее границы поселения, по данным 2016 года, и фрагмент крупного серолощеного гончарного раннесредневекового кувшина, в 50 м к ЮЗ от границы поселения.

Раскоп 2020 года был заложен с западной стороны автодороги «Азов – Староминская», вскрыта площадь в 1500 квадратных метров. Стратиграфические разрезы отразили процессы разрушения памятника. Мы предполагаем, что в середине XX века при подъеме целины, распашке подвергались не только залежные земли Казахстана, но, луга до берегового уреза рек на юге восточноевропейской части СССР. В дальнейшем была возведена дамба без твердого покрытия – насыпь дороги к мосту через реку Ея. При возведении этого сооружения выполнена масштабная срезка грунта, а потом рекультивация участка. Затем была насажена лесополоса, часть которой через какое-то время была выкорчевана. Таким образом «читались» следующие слои.

Слой рекультивации – чернозем мощностью от 20 до 50 см.

Слой серо-коричневого суглинка светлеющего книзу, с корнями растений в верхней части – так называемый предматерик. Мощность от 10 до 60 см. На отдельных участках фиксировались западины от мест посадки деревьев, где в слое комковатого чернозема находились сгнившие корни.

Материк – светло-коричневый суглинок. В южной части поселения отмечены в суглинках солевые включения, связанные как с образованием карбонатов в нижнем горизонте почв, так и с корневой системой тростника и камыша.

Незначительная насыщенность находками определила их фиксацию двумя планами. План 1 – это фиксация находок в верхней части слоя серо-коричневого суглинка после снятия чернозема (слоя рекультивации времени строительства шоссе). Так, при зачистке верхней части слоя серо-коричневого суглинка на площадях 1 и 2, т.е. на 200 квадратных метров было зафиксировано всего 7 находок. На всей площади раскопа в 1500 квадратных метров в плане 1 обнаружено 35 находок.

Фиксация находок при дальнейшей разборке слоя серо-коричневого суглинка проведена как план 2. Количество находок (мелкие фрагменты керамики, комки обожженной обмазки и обломки костей животных) составило на всей вскрытой площади 33 единицы.

Насыщенность находками невелика и в заполнении объектов – ям и котлованов постройки (объект 8). Так, в заполнении ямы – объект 5 – найден только 1 фрагмент светлоглиняной амфоры первых веков н.э., в заполнении ямы объекта 9 – один обломок обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев. В котловане постройки – объект 8 – 16 находок. Выделяется только яма объекта 11, где в засыпи собраны кальцинированные кости животных (около 30 штук), 2 фрагмента стенок лепных сосудов и 4 мелких комка обожженной глиняной обмазки.

На поселении обнаружено 10 ям и котлован заглубленной в материк постройки. Шесть ям без находок, скорее всего, результат деятельности грызунов и остатки посадочных ям от деревьев лесополосы. В верхней части заполнения объекта 6, на границе со слоем пахоты, найден фрагмент светлоглиняной амфоры первых веков нашей эры, вероятно, занесен грызунами.

К комплексам поселения можно отнести следующие объекты.

Объект 5 – зерновая яма, округлая в плане, колоколовидная в разрезе. Диаметр по верхнему краю – 1,8 м, диаметр дна – 1,8–1,90 м, прослеженная высота стенок до 1,1 м. Глубина – 2,04 м. Заполнение – серый суглинок, с характерными мелкими солевыми частицами, изрытый норами грызунов. В 8–10 см выше дна прослежен горизонт гари (черная прослойка сажи от сгоревшего тростника).

Объект 7 – зерновая яма, округлая в плане, колоколовидная в разрезе. Диаметр верхней части – 1,2 м, диаметр дна – 1,7 м, прослеженная высота стенок до 90 см. Глубина – 1,87 м. Заполнение – серый суглинок, изрытый норами грызунов. У дна прослойка черной сажи от сгоревшего тростника.

Объект 9 – хозяйственная (?) яма овальной в плане формы: 1,54 × 1,92 м, вытянута по оси С-Ю, прослеженная высота стенок до 80,0 см. Глубина – 1,80 м. Заполнение – серо-коричневый суглинок, изрытый норами грызунов. В засыпи у дна ямы найден обломок обожженной глиняной обмазки с отпечатками жердей и стеблей тростника.

Объект 11 – хозяйственная яма, округлая в плане. Диаметр 1,20 м, прослеженная высота стенок до 60 см. Глубина – 1,60 м. Заполнение – серый суглинок с включениями обломков обожженных костей животных. Также в засыпи найдено 2 фрагмента (скола) лепных сосудов и мелкие комки обожженной глиняной обмазки.

Объект 8 – котлован постройки, заглубленной в материк, в плане овальный, вытянут по оси ССВ-ЮЮЗ, размеры: 10 × 7,8 м. Вероятно, первоначальная форма постройки была близка к прямоугольной, ориентированной углами по странам света. Глубина – 1,01 м. Заполнение – комковатый коричнево-серый суглинок, в котором зафиксированы обломки костей животных, лепной керамики и обожженной глиняной обмазки.

Комплекс находок на поселении. Обломки костей животных, собранные во время раскопок, по предварительному полевому определению относятся к крупному рогатому скоту (быкам), часть костей принадлежит лошади и баранам.

Костей рыбы нет. Вторая по количеству часть находок – это фрагменты керамических сосудов. Выделяются две хронологические группы: лепные сосуды эпохи поздней бронзы и гончарные (амфоры) и лепные сосуды раннего средневековья (табл. 1).

Таблица 1

Керамический комплекс поселения «Сонино I»

Пласт	Поздняя бронза	Раннее средневековье			
		амфоры	котлы	горшки	обмазка
1	6	4	2	10	5
2	5		1	9	2
Объект 8				3	

Фрагменты сосудов эпохи поздней бронзы маловыразительны. Из профильных частей найдены фрагмент дна и стенка с характерными расчесами на внешней поверхности. В отличие от раннесредневековой керамики черепки поздней бронзы более плотные. Видимые примеси: мелкий песок и мелкие известковые частицы (дресва).

Фрагменты амфор в раннесредневековой керамике единичны. По составу теста гончарную тарную посуду можно отнести к сосудам VII–VIII вв. В группе этого времени преобладают обломки лепной кухонной посуды. Кухонная раннесредневековая керамика представлена обломками котлов с ушками для подвешивания и слабопрофилированными горшками. Характерные примеси в тесте лепной посуды – дробленая ракушка, мелкий песок и разномерная известковая дресва.

Особенностью лепных котлов поселения «Сонино I» является их форма. Они принадлежат к группе горшковидных котлов с горизон-

тальными однодырчатыми ушками по классификации (Лопан О.В., 2007, с. 255). Время их появления на Северном Кавказе относится к середине VII – рубежу VII–VIII вв. За пределами Северного Кавказа подобные котлы пока известны только на территории аланских лесостепных памятников Среднего Дона, куда они попадают в процессе миграции северокавказского населения в первой половине VIII века (Лопан О.В., 2007, с. 255). Котлы на поселении «Сонино I» – это первые находки сосудов данной группы в Северо-Восточном Приазовье.

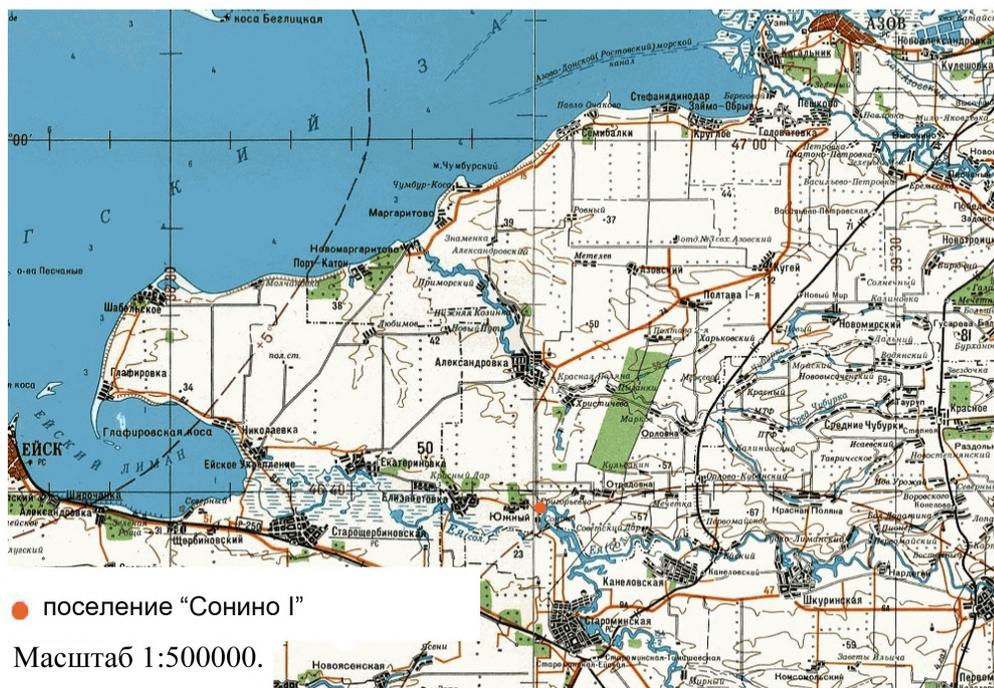
Таким образом, нами получены новые материалы о миграционных потоках в раннем средневековье. Поселение «Сонино I», на наш взгляд, относится к раннесредневековым кочевьям Приазовья, появление которых на этой территории происходит в VII веке. Незначительное количество обломков амфор на памятнике, видимо, отражает начальный этап развития торговых отношений с провинциями Византии. Позднее, в VIII–IX вв. отмечается резкий рост поставок вина в амфорах в Приазовье. Для археологических объектов, таких как «полосы обитания», сезонные кочевья, амфорные черепки в этот период дают до 90 % находок.

ЛИТЕРАТУРА

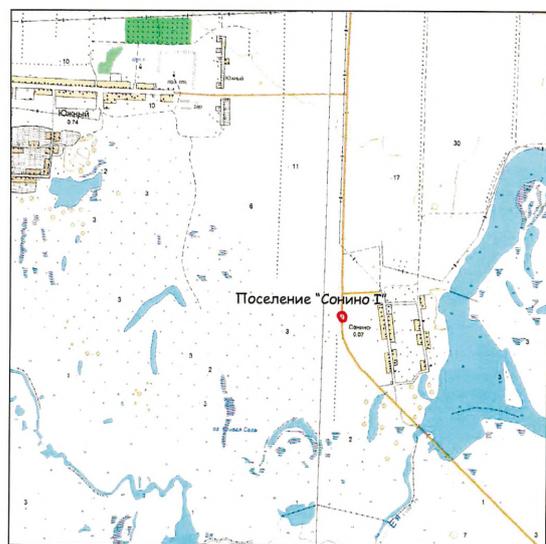
Лопан О.В., 2007. Средневековые глиняные подвесные котлы с внутренними ручками-ушками // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II. Москва; Иерусалим.

Прокофьев Р.В., 2009. Очерки истории изучения памятников археологии Азовского района // Археологические записки. Вып. 6. Ростов-на-Дону.

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. М.

1

2

● - поселение "Сонино I"

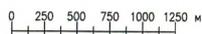

Рис. 1. 1 – фрагмент топографической карты СССР 1984 года. Масштаб: 500 000.

2 – поселение «Сонино I»

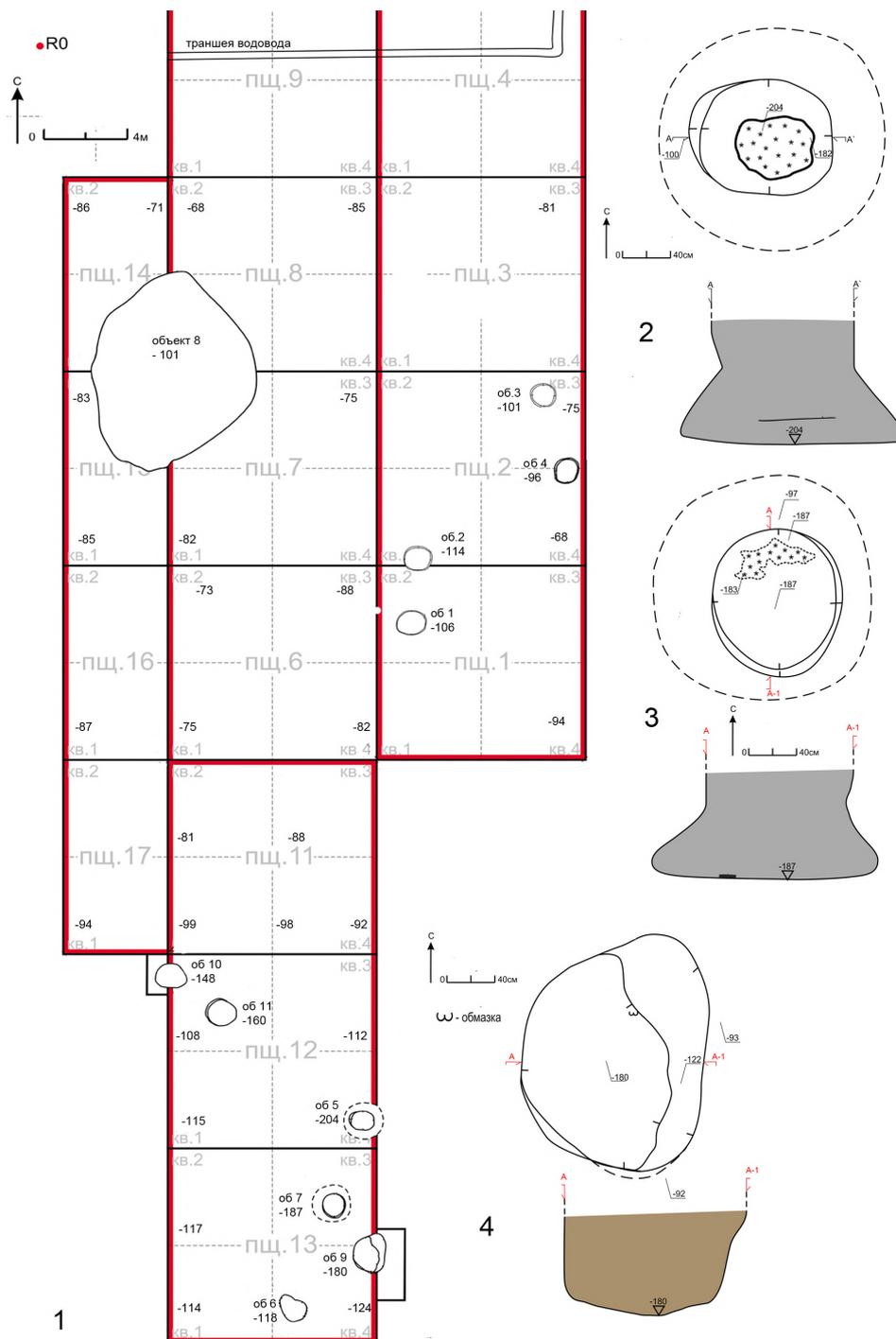

Рис. 2. 1 – поселение «Сонино I», общий план. Хозяйственные ямы VII–VIII вв.: 2 – объект 5, 3 – объект 7, 4 – объект 9

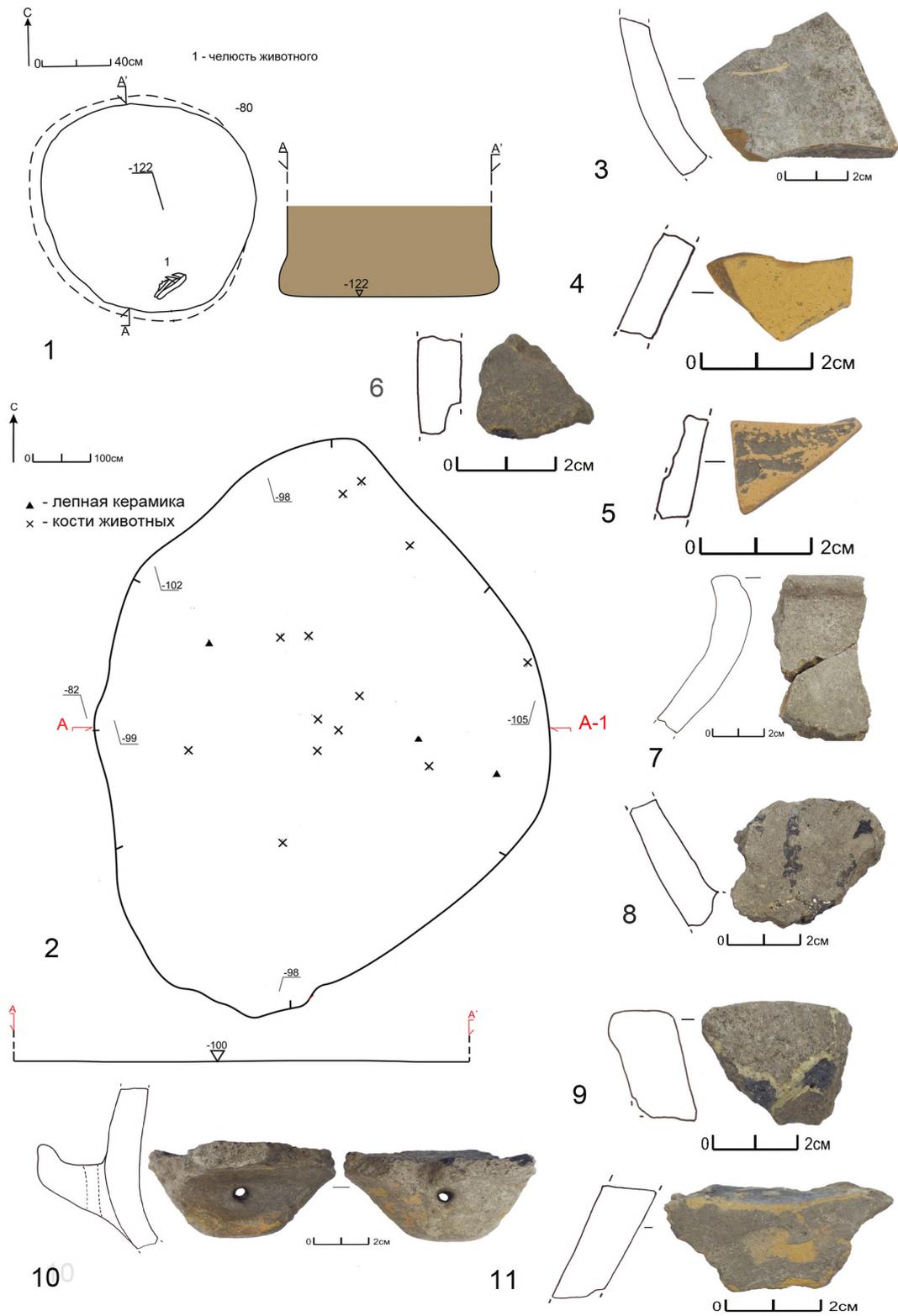

Рис. 3. 1 – хозяйственная яма – объект 11, 2 – помещение – объект 8, 3–5 – фрагменты амфор, 6–8 – фрагменты лепных горшков, 9 – фрагменты лепных котлов

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРИЗОНТ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У С. СТАРИЦА (АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ)*

.....

Село Старица Черноярского района Астраханской области располагается на расстоянии 6–7 км от современного берега р. Волга в пойме правой стороны ее старого пересохшего русла. В 1954 г. в 150–200 м к западу от села на высокой надпойменной коренной террасе, изрезанной небольшими, но многочисленными оврагами, к.и.н. В.П. Шиловым было выявлено значительное скопление древних курганов. Они не составляли единый могильник и располагались отдельными группами как вдоль края террасы, так и на довольно значительном расстоянии от него. Если в северной и юго-восточной частях могильника насыпи курганов размещались на самом краю коренной террасы, то в центральной и юго-западных частях они находились на некотором удалении от нее и в глубине степи (рис. 1).

В 1960 и 1961 гг. под руководством В.П. Шилова курганный могильник у с. Старица был исследован Астраханской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН). Насыпи получали порядковые номера по мере раскопок, без привязки к конкретным группам. Всего в районе с. Старица было исследовано 76 курганов (Шилов В.П., 1960; Он же, 1961). Считается, что могильник раскопан полностью. Обнаруженные древние погребения относились к разному времени, начиная от эпохи энеолита до позднего средневековья. Материалы, полученные в ходе этих раскопок, постоянно находятся в центре внимания специалистов, но до настоящего времени в основном продолжают оставаться неопубликованными.

Целью данной статьи является введение в научный оборот раннесредневековых погребений 8, 15 и 16, обнаруженных в 1960 г. в кургане № 7. Полевые работы сезона этого года проводились в северной и центральной частях могильника. В северной группе были исследованы первые

шесть насыпей, в том числе – курган № 4, являвшийся наибольшим во всем могильнике. Его высота составляла 4,2 м. Южнее, за небольшим оврагом, были исследованы первые четыре насыпи центральной группы, в том числе и курган № 7, имевший у местных жителей собственное индивидуальное название – «Прощальный». Он располагался на самом краю террасы и фактически находился на спуске с нее в пойму. Рядом с насыпью этого кургана проходила грейдерная дорога из с. Старица в с. Вязовка. Во время дождей дорога размывалась, а колея проходила также и через курган № 7. В результате насыпь приобрела «лепешкообразную» форму, сильно расплывшуюся под воздействием дождей, ветров и, главным образом, грейдерной дороги, существенно изменившей первоначальные размеры и внешний вид этого кургана. Его высота на момент проведения раскопок составляла 1,80 м. Диаметр по линии север – юг был равен 36,75 м, по линии запад – восток 38,5 м. Структура насыпи состояла из темно-коричневого суглинка, перекрытого дерновым слоем мощностью 0,20–0,25 м. В результате раскопок в насыпи, на уровне древнего горизонта и в материке было обнаружено 30 захоронений (рис. 2, 1). Древнейшими являлись погребения эпохи ранней бронзы: 3, 6, 25 и 26, относившиеся к ямному времени, из которых основным было погребение 25. К катакомбному времени относились могилы 1, 5, 13, 14, 17, 19. К срубной культуре – погребение 12. С эпохой раннего железа были связаны сарматские могилы: 2, 4, 7, 9, 10–11, 20–24, 27–30. Наиболее поздними являлись захоронения эпохи раннего средневековья, из которых три (8, 15 и 16) относились к раннехазарскому времени (2-я половина VII – начало VIII в.), а одно (18) – к огузскому (X в. – начало XI в.).

Погребение 8 было обнаружено в северо-западном секторе насыпи кургана № 7 на глубине

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00471 «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)».

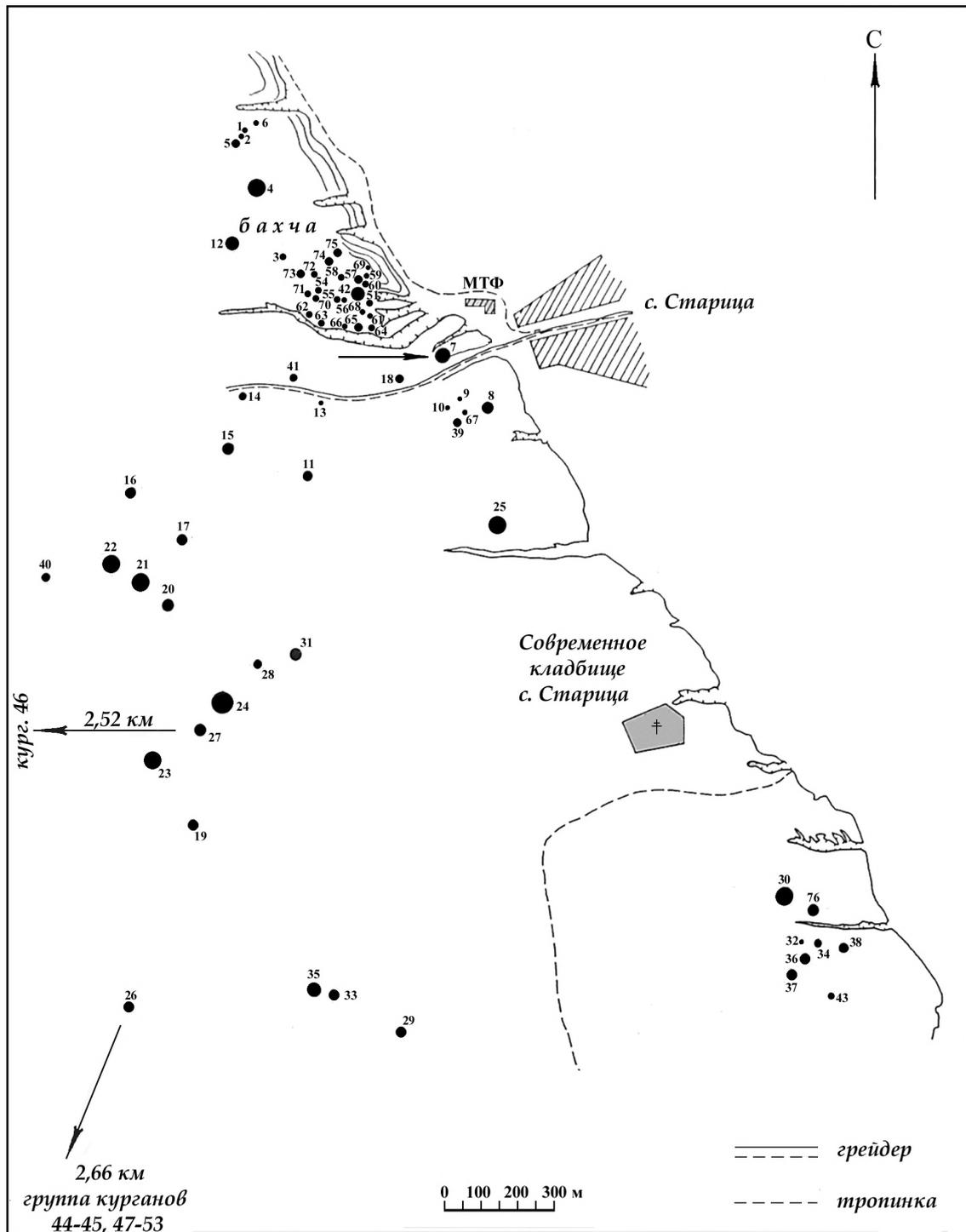

Рис. 1. Курганный могильник у с. Старица Черноярского района Астраханской области. Исследования Астраханской археологической экспедиции 1960–1961 гг., по (Шилов В.П., 1961)

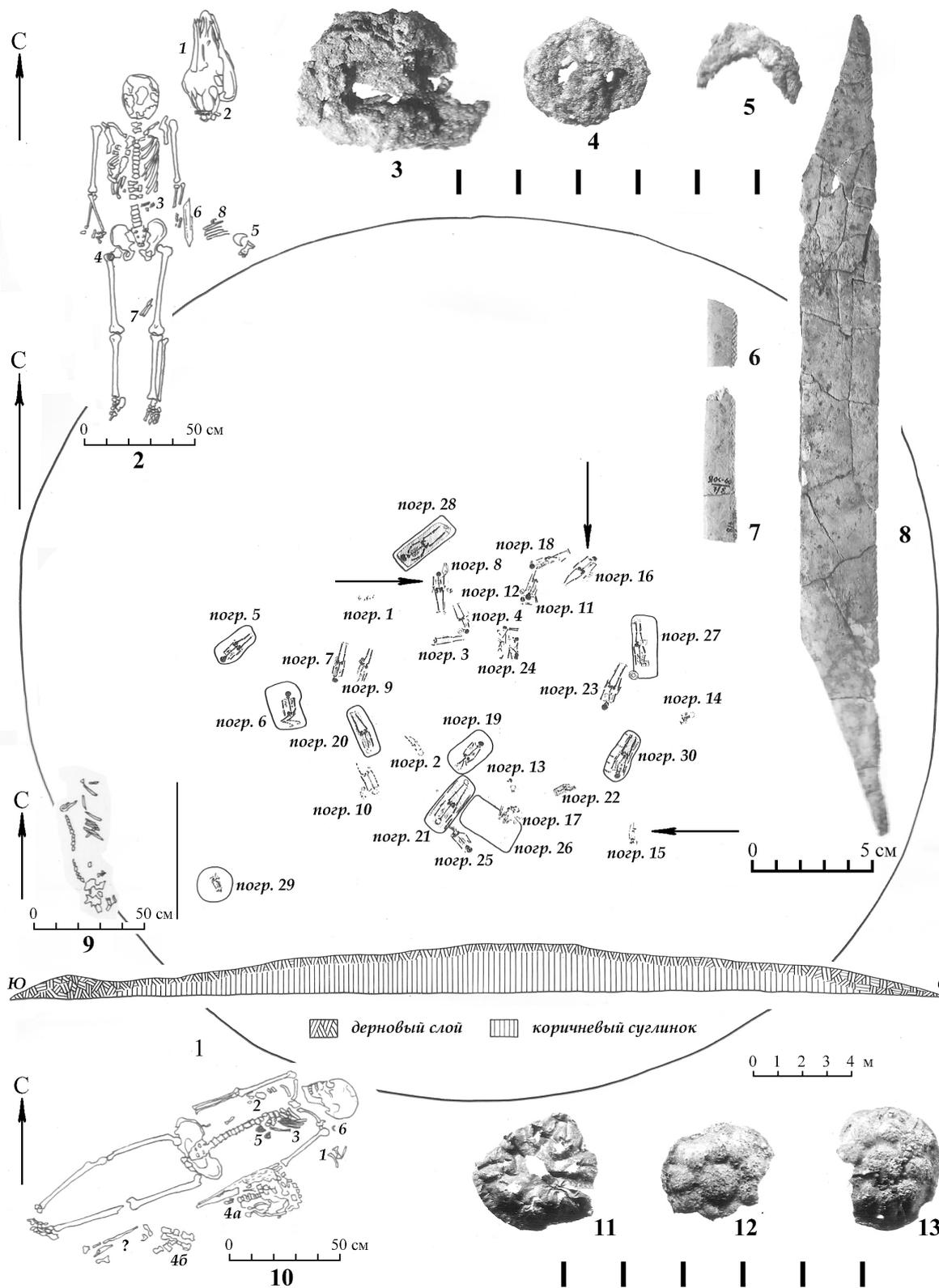

Рис. 2. Курганный могильник у с. Старица. 1 – план кургана № 7; 2–8 – план и инвентарь погребения 8; 9 – план погребения 15; 10–13 – план и инвентарь погребения 16; 3–5 – железо, 6–8 – кость (рог), 11–13 – бронза, позолота; 1–13 – по (Шилов В.П., 1960)

1,45 м от современной поверхности. Форма могильной ямы не прослеживалась. Скелет взрослого мужчины располагался в положении на спине, вытянуто. Головой он был ориентирован в направлении на север (азимут 0/360°). Кости скелета имели плохую сохранность (рис. 2, 2).

На глубине 1,05–1,40 м над останками погребенного, на участке между плечевыми и тазовыми костями, фиксировалась тонкая прослойка древесного угля.

1)¹ Слева от черепа погребенного на одном с ним уровне располагался череп лошади, лежащий основанием вниз, а рецовой частью обращенный на север (план 1).

2) Под затылочными костями черепа лошади находились обломки железного предмета не установленного назначения. Один обломок представлял собой полукольцо диаметром 1,8 см, сечение прута 0,4 см (план 2, инв. 97С) (рис. 2, 5). Вероятнее всего, данные обломки являлись остатками кольца удила.

3) Несколько выше тазовых костей погребенного, слева² от позвонков нижнего отдела позвоночного столба были зафиксированы обломки железного ножа или кинжала с приставшими волокнами дерева на поверхности (план 3, инв. 98С).

4) На головке правой бедренной кости погребенного располагалась железная кольцевидная овальной формы поясная пряжка с подвижным язычком, её размеры 1,8 × 2,1 см (план 4, инв. 99С) (рис. 2, 4).

5) Слева³ от тазовых костей погребенного находились кости лошади: копыто, скаковая путовая фаланга и три ребра (план 5).

6) С наружной стороны предплечевых костей левой руки погребенного обнаружены «обломки срединных накладок на лук» (Шилов В.П.,

1960, с. 48)⁴. Пластина, воспроизведенная В.П. Шиловым на фотографии в Приложении к отчету, имела выраженную трапециевидную форму общей длиной около 32,8 см, а шириной 3,3 см. Ее боковые стороны были косо срезаны. На оборотной стороне, а также по торцевому краю нанесены косые насечки (план 6, инв. 100С) (рис. 2, 8).

7) Между бедренными костями ног погребенного были найдены еще два небольших фрагмента концевых боковых накладок на лук. Один из них имел размеры 1,2–1,5 × 6,2 см, второй – 1,3 × 2,8 см. Продольный край пластин был срезан и покрыт косыми и пересекающимися насечками, оборотная поверхность – шероховатая (план 7, инв. 101С) (рис. 2, 6, 7).

8) Среди ребер лошади (план 5) обнаружена железная, частично фрагментированная кольцевидная овальной формы пряжка с подвижным язычком. Ее длина не была определена, а ширина составляла 2,2 см (план 8, инв. 102С) (рис. 2, 3).

Погребение 15 обнаружено в насыпи в юго-восточном секторе кургана № 7 на глубине 1,20 м от современной поверхности. Форма могильной ямы не прослеживалась. Захоронение было разрушено колеями дороги, проходившей прямо над ним. *In situ* сохранились только одни позвонки. Судя по их расположению, скелет подростка был уложен головой, направленной на север. Вещей с ним не было (рис. 2, 9).

Погребение 16 обнаружено в северо-восточном секторе кургана № 7 на глубине 1,70 м от современной поверхности (уровень древнего горизонта). Форма могильной ямы также не прослеживалась. Скелет взрослого человека, мужчины, лежал на спине, вытянуто, головой на северо-восток (рис. 2, 10). Череп был повернут вправо. Кости левой руки, слегка согнутые в локте, отведены в сторону. Данное захоронение явно не было ничем потревожено, однако автор раскопок зафиксировал в отчете личное наблюдение, что в данном погребении «частично отсутствуют кости грудной клетки» (Шилов В.П., 1960, с. 51).

¹ Номера соответствуют номерам планов, указанных в тексте и на рисунке данного комплекса в научном отчете В.П. Шилова.

² Местоположение находки с левой стороны от скелета зафиксировано на рисунке данного погребения (рис. 2, 2). В тексте отчета, вероятно ошибочно, расположение предмета указано «справа» (Шилов В.П., 1960, с. 48).

³ Местоположение костей коня слева от останков погребенного зафиксировано на рисунке данного захоронения (рис. 2, 2). В тексте отчета, вероятно ошибочно, их местонахождение указано «справа» (Шилов В.П., 1960, с. 48).

⁴ Текст воспроизведен в редакции автора отчета – во множественном числе. Но на фотографии, размещенной В.П. Шиловым в приложении к научному отчету, помещено изображение только одной срединной боковой пластины (Шилов В.П., 1960, табл. XXXIX, 1).

Под скелетом, слева от позвонков грудной клетки, прослеживался тлен дерева, оставшийся, вероятно, от гробовища.

Отдельные детали, в частности, отмеченные на прорисовке слева от берцовых костей левой ноги погребенного, в отчете о раскопках не получили комментария и остаются не вполне понятными (рис. 2, 10, план «?»).

1) Слева от плечевой кости левой руки погребенного лежали три кости животного.

2) Между плечевой костью правой руки и ребрами верхней части грудного отдела скелета были найдены три бронзовые полусферические бляшки с оттиснутым изображением пальметки в виде дуги из толстой ложной зерни. По внешнему краю бляшек проходит бордюр, украшенный косыми насечками. Здесь же устроены два отверстия для пришивания. Лицевая поверхность бляшек плакирована золотой фольгой. Диаметр бляшек 2,1 см, толщина 0,4 см (план 2, инв. 111С) (рис. 2, 11–13).

3) На костях грудной клетки прослеживались отдельные кусочки кожи с отпечатками бронзовых бляшек, упомянутых выше (план 3, инв. 113С).

4) Вдоль предплечевой кости левой руки погребенного, частично заходя и на нее, располагался череп лошади (рис. 2, 10, план 4а). Слева от бедренной кости левой ноги находились кости конечностей лошади (рис. 2, 10, план 4б). На рисунке данного погребения визуально опознаются выложенные пальцевые фаланги (копыта и путовые части) четырех скаковых конечностей.

5–6) На рисунке погребения на костях грудной клетки и слева от черепа погребенного также указано местоположение находок и с номерами 5 и 6 (рис. 2, 10), но какая-либо информация о них в научном отчете отсутствует.

В рассматриваемых материалах предметы оружия представлены несохранившимся железным ножом (кинжалом) и остатками рукояти и одного из краев сложносоставного лука из погребения 8. Комплектность и степень реальной сохранности накладок лука достаточно проблематична и не позволяет говорить о целостности этого оружия. Уже изначально оно могло быть сломанным и помещено в

могилу без одного плеча (Круглов Е.В., 2005, с. 83). Концевые боковые пластины В.П. Шилову зафиксировать полноценно при расчистке не удалось, а срединная боковая накладка рукояти уже в момент ее обнаружения находилась в крайне неудовлетворительном состоянии (рис. 2, 6–8). Длина рукояти, равная 32,8 см, является характерной особенностью двух типов луков: огуро-савирского и раннего варианта тюрко-хазарского. Для оружия обоих этих вариантов была характерна и трапециевидная форма роговых пластин рукояти (Круглов Е.В., 2005, с. 74–79, 104–125). Некоторые морфологические особенности (более грацильная форма и отсутствие выделенных характерных технологических площадок на краях) с некоторой долей условности все же позволяют нам считать лук из Старицы оружием раннего варианта тюрко-хазарского типа (Круглов Е.В., 2005, с. 83). Именно это оружие дальнего боя было основным для воинов Хазарского каганата на раннем этапе его существования, в середине – 2-й половине VII в. В качестве возможной аналогии для лука из Старицы можно указать на лук из погребения 12 кургана 13 могильника Рисовое (Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969, с. 218, рис. 83, 8–11; Круглов Е.В., 2005, с. 110, рис. 11, 6–8). Происхождение данной разновидности оружия связывается нами с районами Центральной Азии, а появление подобных образцов в степях Восточной Европы – с непосредственным перемещением сюда в раннехазарское время значительных групп населения центральноазиатского происхождения (Круглов Е.В., 2005, с. 78–79).

Пояс погребенного из могилы 8 сопровождался простой железной кольцевидной пряжкой овальной формы (рис. 2, 4) и каких-либо дополнительных украшений из более престижных металлов он, к сожалению, не имел. Но именно железные пряжки являлись основным типом сбруйных, поясных и обувных пряжек в подкурганых погребениях кочевников Восточной Европы 2-й половины VII – начала VIII в. (Комар А.В., 2006, с. 104).

Бронзовые полусферические бляшки с оттиснутой пальметкой в виде крупных выпуклин, имитирующих ложную зернь и плаки-

рованных золотой фольгой из погребения 16 (рис. 2, 11–13), обычно считаются украшениями поясных наборов. В качестве аналогий этим украшениям можно указать на поясные бляшки с личиной из погребения 1 кургана № 8 у станицы Старонижестеблиевской (Атавин А.Г., 1996, с. 262, табл. 25, 2) и на бронзовые с позолотой бляшки из катакомбы 29 (Флёров В.С., 2000, с. 140, рис. 39, 25). В погребении 16 Старицкого могильника местоположение найденных бляшек было связано не с поясом, а с грудной частью скелета. Но отсутствие в рассматриваемой могиле поясной пряжки и указание В.П. Шилова о «частичном отсутствии костей грудной клетки» погребенного позволяют нам предполагать для данного случая возможность практики постпогребальных обрядовых действий, выразившихся в виде изъятия из могилы наиболее ценного предмета – поясного ремня с позолоченными украшениями, а вместе с ним и части костей скелета.

Использование штампованных украшений в погребальном обряде кочевников раннехазарского времени в настоящее время считается характерным для древностей вознесенского хронологического горизонта (конец VII – начало VIII в.) (Комар А.В., 2006).

Рассматриваемые в данной статье захоронения оставлены рядовыми кочевниками с невысоким социальным статусом и относятся к кругу древностей перещепинской археологической культуры раннехазарского времени (2-я половина VII – начало VIII в.).

Расположение кургана № 7 Старицкого могильника – край надпойменной террасы – один из характерных признаков местонахождения захоронений этого времени (Круглов Е.В., 2009, с. 269–273). Рядовые погребения, как правило, практиковались в насыпях уже существующих курганов и могильные ямы прослеживались не часто.

Останки погребенных из могил 8, 15 и 16 ориентированы головами в стандартном для рядовых захоронений перещепинской археологической культуры направлении – на север и северо-восток. В двух случаях из трех они сопровождаются костями коня – черепом и скаковыми конечностями. Местоположение останков коня – слева от погребенных, на од-

ном с ними уровне – один из практикуемых вариантов. Характер останков коня по весьма лаконичному описанию и не очень ясным и слишком мелким рисункам, к сожалению, не поддается однозначному определению. В погребении 8 (рис. 2, 2) были зафиксированы копыто и нижняя фаланга лишь одной скаковой конечности. Фаланги из погребения 16 (рис. 2, 10), скорее всего, были преднамеренно отчленены и специально выложены на дне могилы. Предметы сбруи представлены, предположительно, железными удилами и пряжкой из погребения 8 (рис. 2, 3, 5). Подобный обряд в целом являлся характерным для периода V–VII вв., когда распространение совместных погребений человека с конем в евразийских степях только лишь начиналось. Отсутствие с костями коня железных стремян, появившихся в VI в., следует считать более чем показательным.

Погребения 8 и 16 из кургана № 7 могильника Старица являются однокультурными, но разновременными относительно друг друга. Более ранним является погребение 8, датирующееся серединой – 3-й четвертью VII в. и связываемое с перещепинским хронологическим горизонтом. Погребение 16 датируется последней четвертью VII в. – началом VIII в. и связывается уже с вознесенским хронологическим горизонтом. Связь с этими двумя комплексами погребения 15 достаточно условна и основывается лишь на совпадении ориентировки. Тем не менее такая связь вполне допустима. Группирования могил воинов и подростков зафиксированы, в частности, в кургане 10 могильника Танаис (Чалый В.В., 1974; Он же, 1976; он же, 1977), в могильниках Рябовка (Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2001) и Таганский (Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004).

В целом публикация раннесредневековых комплексов могильника у с. Старица призвана несколько расширить достаточно малочисленный слой источников по археологии древностей раннехазарского времени Нижнего Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

Атавин А.Г., 1996. Погребения VII – начала VIII в. из Восточного Приазовья // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Комар А.В., 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк.

Круглов Е.В., 2005. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего Средневековья // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк.

Круглов Е.В., 2009. Об отражении палеоклиматических условий в географии и топографии археологических памятников степных кочевников раннехазарского времени // Донские древности. Вып. 10. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Фёдорова-Давыдова. Азов, 30 сентября – 3 октября 2008 г. Азов.

Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004. Таганский грунтовый могильник // Археологические памятники Донского бассейна. Вып. 6. Воронеж.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2001. Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворксле // Археологічний літопис Лівобережної України. Т. 1. Полтава.

Флёров В.С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.

Чалый В.В., 1974. Отчет о спасательных археологических исследованиях на западном участке некрополя Танаиса в 1974 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5626, а.

Чалый В.В., 1976. Отчет о спасательных археологических раскопках курганного некрополя Танаиса в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6357, а.

Чалый В.В., 1977. Отчет об археологических спасательных раскопках курганного некрополя Танаис в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6602, а.

Шилов В.П., 1960. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1960 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2155. 76 л. № 2155, а.

Шилов В.П., 1961. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2380, а.

Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969. Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА РЕКЕ МАНЫЧ

.....

Весной 2016 года авторами данной статьи была получена информация от А.М. Шеффера¹, заместителя командира поискового отряда «Тихий Дон» (г. Ростов-на-Дону), о том, что в ходе обследования останков человека в х. Тузлуков Багаевского района Ростовской области было обнаружено захоронение, сопровождавшееся гончарными сосудами. Поисковым отрядом данная находка была отнесена к разряду археологических. Исходя из сложившейся ситуации и учитывая опасность разрушения и разграбления данного комплекса, было принято решение о его скорейшем исследовании.

Погребение располагалось на участке высокой поймы левого берега р. Маныч, на северо-западной окраине х. Тузлуков Багаевского района Ростовской области (рис. 1). Оно было обнаружено рабочими, копавшими столбовые ямы для установки ограждения по периметру огорода. В одной из ям они наткнулись на человеческий череп, о чем сообщили сотрудникам полиции. Череп был изъят, а на место вызваны поисковики отряда «Тихий Дон».

Во время нашего выезда на место была обнаружена присыпанная грунтом яма, выкопанная днем ранее членами поискового отряда, ориентированная длинной осью по линии СЗ-ЮВ. После удаления рыхлого грунта, для стратиграфических наблюдений были зачищены борта ямы и произведена расчистка погребения.

Погребение находилось на глубине -0,78–0,81 м от современной дневной поверхности. Пятно ямы слабо выделялось на перемешанной норами грызунов кровле материка и имело темно-коричневое гумусированное заполнение. Яма подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами, длинной осью ориентирована по линии СЗ-ЮВ (рис. 2).

Погребенный – мужчина старше 35 лет². Костяк лежал на спине, черепом к ЮВ (рис. 2).

¹ Авторы выражают искреннюю признательность А.М. Шефферу за информацию о находке.

² Антропологические определения выполнены сотрудником Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника к.б.н., с.н.с. Е.Ф. Батиевой.

Кости рук вытянуты вдоль туловища, кисти не сохранились. Кости ног вытянуты прямо.

Погребенный сопровождался следующим инвентарем³:

1. У правой плечевой кости располагался фрагмент острия клинка с односторонней заточкой лезвия (рис. 3, 1)⁴. Размеры: 8,8 × 2,5 × 0,7 см. В сечении клиновидный, плавно сужается к острию, спинка прямая. Клинок находился в деревянном футляре или ножнах, остатки которых сохранились на самом изделии;

2. У костей стоп, вплотную к стенке ямы, находился гончарный коричневоглиняный горшок (рис. 3, 2). Тесто плотное, с примесью песка. Обжиг неравномерный, черепок от темно-серого до коричневого оттенков. Венчик отогнут наружу и орнаментирован косыми оттисками зубчатого штампа. Горло низкое. Тулово шаровидной формы, покрыто сплошным врезным линейным орнаментом, выполненным гребенчатым штампом. Дно плоское, с небольшими вмятинами. Высота горшка – 17,8 см, диаметр венца – 12,4 см, наибольший диаметр – 17,8 см, диаметр дна – 10,2 см.

3. У костей стоп, вплотную к стенке ямы, рядом с вышеописанным горшком, находился гончарный сероглиняный лощеный кувшин (рис. 3, 3). Тесто плотное, с примесью песка и известковых включений. Обжиг неравномерный, поверхность от темно-серого до коричневого оттенков. Внешняя поверхность на отдельных участках отслоилась. Венчик раструбный, не профилирован, оттянут наружу, образуя узкий клювовидный слив, боковые края которого завернуты внутрь. Горло слегка расширяется книзу, плавно переходя в покатое плечо. Тулово усеченно-конической формы с широким дном. Место перехода стенок в дно подрезано ножом. Ручка овальная в сечении, нижним прилепом крепится к нижней части плеча, верхним – к горлу, под венчиком.

³ Находки переданы на постоянное хранение в ГБУК РО «Новочеркасский музей истории донского казачества».

⁴ Реставрация находки выполнена сотрудником ГАУК РО «Донское наследие» К.С. Сергеевым.

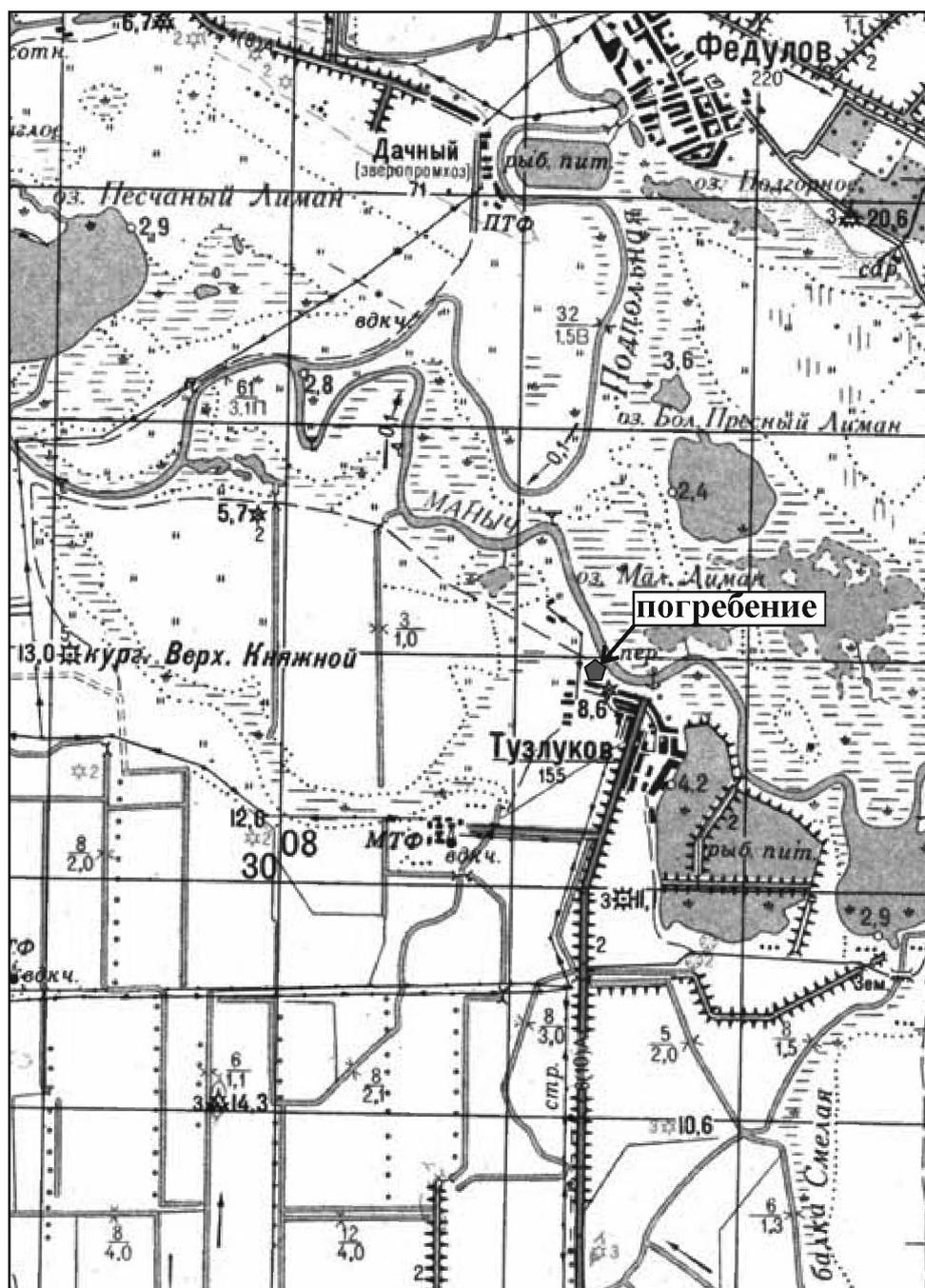

Рис. 1. Место обнаружения погребения в х. Тузлуков Багаевского района Ростовской области

Дно плоское, с небольшими вмятинами. Тулово кувшина покрыто четырьмя горизонтальными пролощенными бороздками, а также вертикальными и косыми линиями, образующими елочный орнамент. На внутренней поверхности горла сохранились остатки лощения. Высота кувшина – 21,3 см, диаметр венца (без слива) – 10,2 см, наибольший диаметр – 17,3 см, диаметр дна – 13,9 см.

Судя по найденным предметам, погребение относится к салтово-маяцкой культуре и датируется VIII–X вв. н.э.

Поскольку яма погребения оказалась частично разрушена, ее конструктивные особенности (прежде всего наличие заплечиков) проследить не удалось.

Горшок из погребения относится к массовому типу находок на всех поселениях и мо-

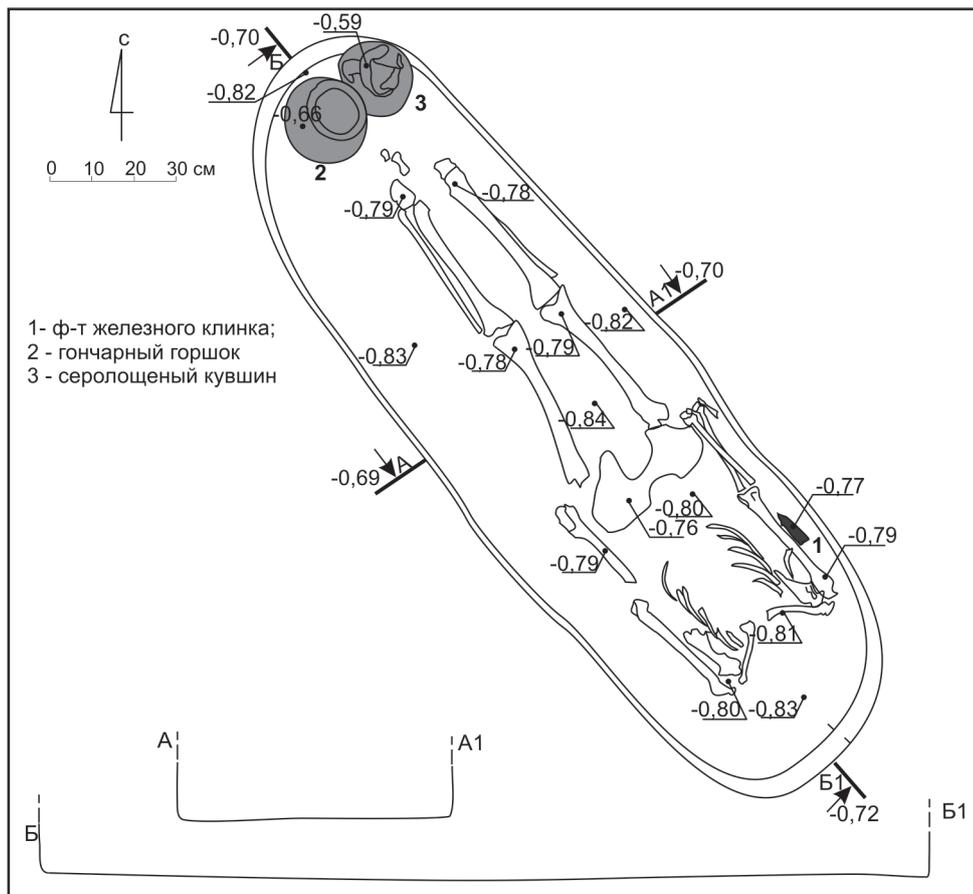

Рис. 2. Погребение в х. Тузлуков Багаевского района Ростовской области

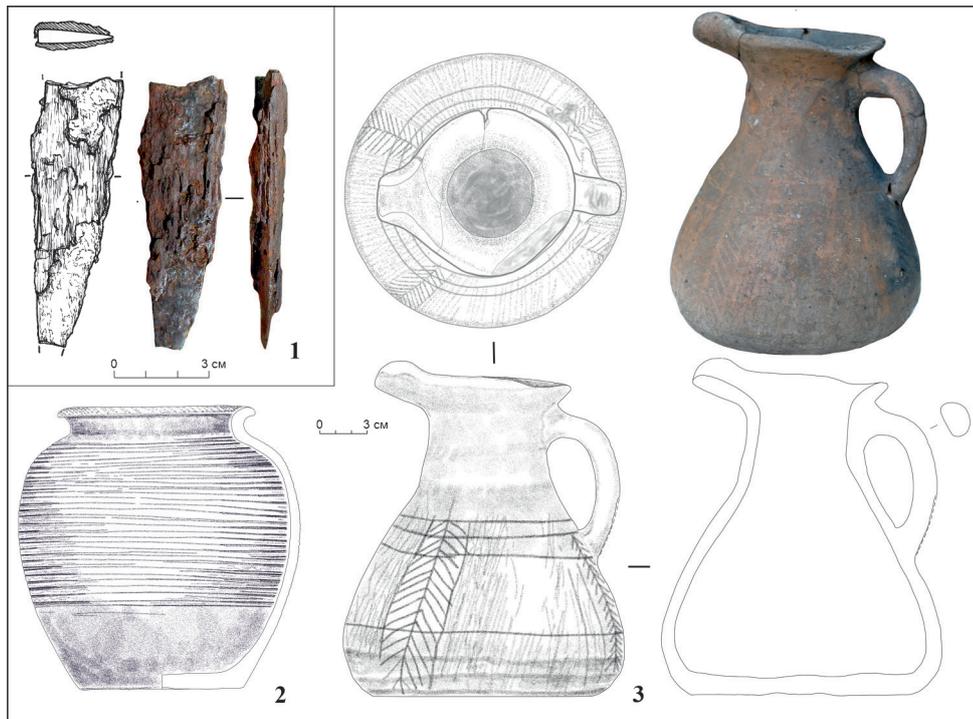

Рис. 3. Инвентарь погребения из х. Тузлуков: 1 – фрагмент клинка; 2 – гончарный горшок; 3 – гончарный кувшин

гильниках Нижнего Дона и в целом всей территории Хазарского каганата. Сероглиняные лощеные кувшины в общей массе салтово-маяцкой столовой посуды имели наибольшее распространение (Флеров В.С., 1981, с. 171) и также широко представлены на территории каганата. Небольшой размер фрагмента клинка не позволяет точно определить тип оружия. Важно, что в погребение поместили не целый предмет, а фрагмент клинка, находящийся в обломке ножен или футляре.

В целом погребение в подпрямоугольной или подовальной яме является типичным для нижнедонских грунтовых могильников салтово-маяцкой культуры (Братченко С.Н., Швецов М.Л., 1984, с. 214–219; Парусимов И.Н., Прокофьев Р.В., 2003, с. 50–62; Савченко Е.И., 1986, с. 70–101; Трубников В.В., 2013, с. 210–226). Нестандартной для данных погребений является ориентировка погребенного в исследованном комплексе. Как правило, в могильниках этого времени преобладает западная ориентировка с сезонными отклонениями. Также нетипичным является расположение сосудов в ногах погребенного. Тем не менее отдельные погребения с подобными признаками встречаются на всей территории Хазарского каганата. Похожее погребение с юго-восточной ориентировкой и расположенными в ногах сосудами было исследовано у с. Новохарьковка Воронежской области (Сарапулкин В.А., 2000, с. 120). Погребения с той же ориентировкой известны среди катакомбных захоронений Дмитриевского могильника в бассейне Северского Донца (Плетнева С.А., 1989, с. 184, 185, рис. 94, 95), в Старокорсунском могильнике на Кубани (Каминский В.Н., 1987, с. 188–198, рис. 1–10), в Фанагории (Чхаидзе В.Н., 2012, с. 546, рис. 156). На Нижнем Дону погребения с юго-восточной ориентировкой известны в Багаевском могильнике (Братченко С.Н., Швецов М.Л., 1984, с. 217, рис. 3) и в Монастырском урочище (Рогудеев В.В., 2002, с. 107).

Без дополнительных работ определить, было ли погребение одиночным или входило в состав грунтового могильника, невозможно.

Река Маныч с древности являлась транспортной артерией, связывающей Подонье с

Северным Кавказом и прикаспийскими степями (Ларенок П.А., 2000, с. 84; Нечипорук А.А., 2018, с. 207–208). Ее долина была густо заселена и в хазарское время. К сожалению, большое количество памятников оказалось затопленным каскадом водохранилищ. Тем не менее в ходе разведок по Западному Манычу был выявлен целый ряд поселений и местонахождений (Артамонов М.И., 1937, с. 93, 128, 130; Археологические исследования ... 1941, с. 201–204; Беспалый Е.И., 1985; Глебов В.П., 1998, с. 54–55; Глебов В.П., Цыбрий А.В., 2000, с. 80–84; Посегун А.А., 2012, с. 218–250). На многих из них представлены материалы салтово-маяцкой культуры. В отличие от значительных по объему раскопок курганов в долине Маныча (Потапов В.В., 2007, с. 115–116), грунтовые могильники, за исключением могильника у ст. Багаевской (Братченко С.Н., Швецов М.Л., 1984, с. 214–218), а также частично разрушенные погребения у хут. Федулов (Беспалый Е.И., 1985, с. 6) и у ст. Багаевской (Колесник Т.В., 2004, с. 476), остались не исследованы. Представленный нами материал дополняет сведения о погребальных памятниках хазарского времени в этом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И., 1937. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. // СА. № 4. М.; Л.
- Археологические исследования ... 1941. Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л.
- Беспалый Е.И., 1985. Работы Приморского отряда // АО-1983. М.
- Братченко С.Н., Швецов М.Л., 1984. Средневековый могильник у станции Багаевской // СА. № 3.
- Глебов В.П., 1998. Археологические разведки в Веселовском районе Ростовской области // ИАИАИАНД – 1995–1997. Вып. 15. Азов.
- Глебов В.П., Цыбрий А.В., 2000. Сборы на левобережье Маныча // ИАИАИАНД – 1998. Вып. 16. Азов.
- Каминский В.Н., 1987. Алано-болгарский могильник близ станции Старокорсунской на Кубани // СА. № 4.
- Колесник Т.В., 2004. Новый погребальный комплекс салтово-маяцкого времени на Нижнем Дону // ИАИАИАНД – 2003. Вып. 20. Азов.
- Кочкаров У.Ю., 2010. Кинжалы Северо-Западного Предкавказья VIII–X вв. // РА. № 1.
- Ларенок П.А., 2000. Хазария и Нижний Дон // Światowit. Tom 2 (43).
- Нечипорук А.А., 2018. Об одной из дорог в коммуникационной сети Хазарского каганата // VIII Анфимов-

ские чтения по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 30 мая – 1 июня 2018 г.). Краснодар.

Парусимов И.Н., Прокофьев Р.В., 2003. Новый салтовский могильник в окрестностях Цимлянска // VI Донские археологические чтения. Ростов-на-Дону.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Посегун А.А., 2012. Новые данные о поселенческих памятниках левобережья Западного Маныча // ИАИАИАНД – 2010. Вып. 26. Азов.

Потапов В.В., 2007. Курганы Западного Маныча // Археологические записки. Вып. 5. Ростов-на-Дону.

Розудеев В.В., 2012. Исследования в Аксайском, Красносулинском и Тарасовском районах Ростовской области в 2001 году // ИАИАИАНД – 2010. Вып. 26. Азов.

Савченко Е.И., 1986. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.

Сарапулжин В.А., 2000. Раннеболгарское погребение у с. Новохарьковка Воронежской области // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего Средневековья. Вып. 14. Воронеж.

Трубников В.В., 2013. Новый грунтовый могильник VIII–IX веков в низовьях Северского Донца // Хазарские древности. Аксай.

Флеров В.С., 1981. Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска-Преслав. Т. 2. София.

Чхаидзе В.Н., 2012. Фанагория в VI–X веках. М.

КЕНОТАФ ВСАДНИКА ИЗ ПОЗДНЕЙ ГРУППЫ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА БЖИД-1

.....

Могильник Бжид-1 был открыт в 1982 г. в Туапсинском районе на правом берегу реки Бжид в 700 м от ее впадения в Черное море, на нижней части склона горы Плоский Бжид.

В 1990 и 1992 гг. могильник исследовался археологической экспедицией Краснодарского музея-заповедника, после чего работы были остановлены из-за прекращения финансирования. За 2 сезона было вскрыто около 10 000 кв. метров, исследовано 175 погребений, 3 захоронения коней, 6 разновременных объектов и плиточный дольмен. Все погребения и объекты можно разделить на два хронологических блока. Первый количественно преобладал, он включал 148 погребений, 3 захоронения коней, несколько объектов и датировался серединой III – серединой VII в. н.э. Сведения о памятнике и о захоронениях раннего блока уже публиковались (см.: Пьянков, 1998. С. 48–52; Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 189, 190, 193, 194. Табл. 74, 76, 77).

Второй блок погребений объединяет 27 поздних комплексов разного погребального обряда, инвентарь одного разрушенного захоронения, один объект и несколько случайных находок, датирующихся в пределах XII–XV вв. Практически все поздние погребения разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, что, вероятно, свидетельствует о существовании первоначально курганных насыпей, впоследствии разрушенных плантажной вспашкой.

Особый интерес представляет кенотаф всадника из поздней группы захоронений, поскольку в последнее время у исследователей вызвала особый интерес проблема этнической атрибуции всаднических погребений в ареале расселения средневековых адыгов (Дмитриев А.В., 1988, с. 63, 64; Армарчук Е.А., 2001, с. 37–43; Он же, 2003, с. 225; Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Схатум Р.Б., 2011, с. 186–189; Дружинина И.А., 2019, с. 21; Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019, с. 599–635 и т.д.). По этой

причине комплекс с конем заслуживает отдельной публикации.

Погребение 99 (кенотаф) открыто в 132,5 м к северу – северо-западу (аз. 76°) от Ро на глубине 10,03 м от Ро и 1,3 м от поверхности земли в слое гумусированного суглинка средней плотности, серого цвета, с примесью щебня. Форма погребального сооружения не прослежена.

Погребение представляло собой скопление камней из колотых плит и речного булыжника, вытянутого по линии северо-запад – юго-восток размерами 216,92 × 101,5 см и мощностью до 25 см в 1–3 камня (рис. 1, I). Размеры камней от 15 × 10 × 8 см до 49 × 26 × 9 см. Камни заброски были повреждены плантажной вспашкой и сдвинуты с первоначальных мест. Например, плиты и валуны в восточной части заброски были сдвинуты южнее до 1 м.

Под скоплением камней лежал на левом боку костяк коня с подогнутыми конечностями черепом на запад, вытянутый по линии запад – восток (рис. 2, II). Дно погребения было размерами не меньше 210 × 160 см и понижалось с запада на восток на 5–6 см. Рядом с костяком открыты следующие находки: на 6 см выше камней заброски и в 55 см севернее костяка коня находилось скопление костей черепа человека, не имеющих отношения к погребению (рис. 1, II₁); у передних конечностей коня стоял раздавленный красноглиняный кувшин (рис. 1, II₂); в пасти черепа коня находились железные кольчатые удила (рис. 1, II₃); из-под окончания пасти черепа с западной стороны выглядывала железная пряжка от упряжи (рис. 1, II₆); с западной стороны у средней части черепа коня лежали два фрагмента арочных стремян (рис. 1, II₅); в 6 см юго-восточнее черепа коня находилась железная подпружная пряжка (рис. 1, II₆). При разборке погребения под костями грудной клетки коня обнаружено железное стремя арочной формы, аналогичное упомянутому. Других деталей погребального обряда не зафиксировано.

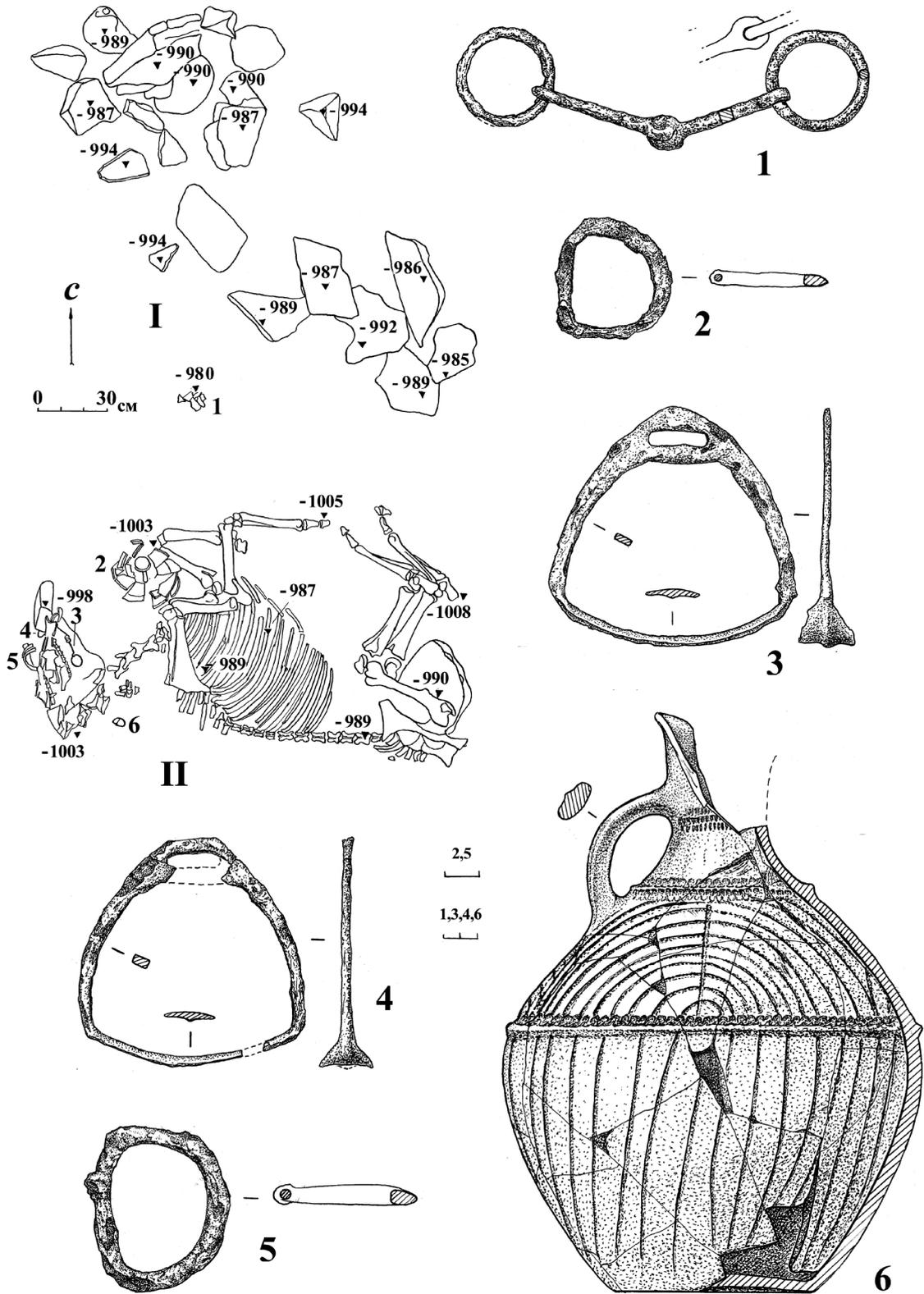

Рис. 1. Могилиник Бжид-1, погребение 99: I – план каменной заброски; II – план костяка коня (1 – скопление фрагментов черепа человека, 2 – керамический сосуд, 3 – удила железные, 4, 6 – пряжки железные, 5 – стремя железное); 1 – удила, 2, 5 – пряжки, 3, 4 – стремена, 6 – кувшин; 1-5 – железо, 6 – керамика

Инвентарь:

1. Пряжка железная (рис. 1, II₄, 2), бесщитковая с арочной рамкой, сечение прута пятиугольное, язычок утерян, коррозирована. Размеры 3,6 × 3,5 × 0,5 см.

2. Пряжка железная (рис. 1, II₆, 5), аналогичная № 1, но более крупная, язычок утерян, коррозирована. Размеры 4,9 × 4 × 0,7 см.

3, 4. Стремена железные (рис. 1, 3, 4) арочной формы с треугольным расширением в верхней части, в котором имеется щель для путалища, подножка узкая, слегка выпуклая, с ребром жесткости с внешней стороны, одно стремя сохранилось в двух фрагментах. Размеры стремя: 1) 13 × 13 × 2,9 см, 2) 13,5 × 14,2 × 3,2 см.

5. Удила железные (рис. 1, 1), двукольчатые, ассиметричные, звенья в сечении прямоугольные. Размеры: 15,7 × 0,9 × 0,7 см, d дополнительных колец – 6 см, d прутьев дополнительных колец – 0,6 см.

6. Кувшин кружальный красноглиняный (рис. 1, б) с узким высоким горлом, расширенным вверх, венчик отогнут наружу и закруглен, тулово округлое, дно слегка вогнутое, ручка вертикальная, овального сечения с продольным валиком с внешней стороны, поверхность покрыта тремя горизонтальными валиками орнаментированными частыми вдавлениями округлой палочки с одной или двух сторон и с арочным линейным лощением с длинными окончаниями. Сосуд склеен, горло у венчика частично утрачено. Черепок на изломе трехслойный: красный – серый – красный. Тесто плотное, отошитель – шамот и дресва. Поверхность сосуда с легкой шероховатостью. Размеры: h – 33 см, d тулова – 23,2 см, d горла – 6,1 см, d дна – 11 см.

Таким образом, инвентарь представлен снаряжением коня и керамическим столовым кувшином, которые могут быть использованы для датировки комплекса.

Удила железные ассиметричные с неподвижными внешними кольцами звеньев, которые имеют прямоугольное сечение, и с крупными дополнительными подвижными кольцами круглого сечения по классификации Г.А. Федорова-Давыдова выделены в тип ГII (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 18, рис. 2, ГII). Они встречаются в средневековых древностях

степей Восточной Европы в широкий хронологический период от IX в. (Танкеевский могильник) до XIV в. (Аткарский могильник) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 20). Но конкретные комплексы с железными удилами с большими кольцами имеют более определенную дату, как погребение адыгского воина второй половины XIII – первой половины XIV в. из одиночного кургана Иль-2 (Яцук Д.А., 2013, с. 160–164, рис. 2, 10). А погребение коня (объект № 39) с такими же удилами было найдено в слое поселения XIII–XV вв. «Железнодорожное-1» (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, с. 200; рис. 1, 1). Оба этих погребения происходят из Западного Закубанья. То есть удила не дают нам узкой даты.

А С.А. Плетнёва склонна была датировать подобные удила с крупными кольцами в пределах XII–XIII вв. (Плетнева С.А., 1973, с. 15, 18; 1990, с. 49). По классификации Е.А. Армарчук подобные удила отнесены к отделу Б, подотделу I, типа 2, подтипа б (четвертой градации) (Армарчук Е.А., 2006, с. 42–47, рис. 25, 2,3; 26, 1–4; 27, 2–4). Исследовательница датировала удила типа BI-26 в пределах X–XIV вв. (Армарчук Е.А., 2006, таб. IV). Правда, автор сделала выводы несколько не уверенно. Это может объясняться тем, что классификация не опиралась на прочную хронологическую шкалу, поскольку ее нет, а для хронологических изысканий был использован метод аналогий.

Арочные стремяна с щелью в уплощенной дужке и с узкой слегка, выпуклой наружу подножкой с ребром жесткости в классификации Г.А. Федорова-Давыдова не учтены. Заметим, что стремяна из погребения 99 могильника Бжид-1 имеют характерные конструктивные особенности и конфигурацию. Например, у Федорова-Давыдова не были учтены стремяна с дужкой, равномерно сужающейся к подножке.

Полной аналогии нет и в классификации стремян, предложенной Е.А. Армарчук. Наиболее близкими публикуемыми по этой классификации можно назвать стремяна из кургана 4 могильника Ленинский Путь и из погребения 2 могильника в Архипо-Осиповке, которые отнесены исследовательницей к типу IV-4 (Армарчук Е.А., 2006, с. 29, 30, рис. 17, 4, б). Правда, отдельные конструктивные особенности от-

личают наши стремена от упомянутых автором. Очевидно, что боковые пластины наших стремян более плоские и постепенно сужаются сверху вниз (рис. 1, 3, 4). Е.А. Армарчук датирует стремена типа IV-4 двумя веками: XII–XIII вв. (Армарчук Е.А., 2006, табл. VI).

Железные пряжки арочной формы известны в погребении 3 кургана 1 и в погребении лошади 2 кургана 4 Цемдолинского курганно-грунтового могильника (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, рис. 43, 9). Первое погребение датировано авторами XII–XIII вв., а второе – концом XI–XII вв. (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, табл. 6). Кроме того, такие пряжки были найдены в могильнике Успенском-2 в Новоалександровском районе Ставропольского края в погребении 1 кургана 6 (Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2019, с. 8, 3; 9, 15). Датировано это погребение авторами публикации золотоордынским временем (Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2019, с. 108).

Наши пряжки близки железным сегментовидным пряжкам по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, где они выделены в тип ПА-II (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 46; рис. 7, А-II). Эти пряжки датируются довольно широко, в пределах VIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 46). У Е.А. Армарчук такие пряжки названы полукруглыми железными и датированы XI – первой половиной XIII в. (Армарчук Е.А., 2006, с. 38, 39, рис. 21, 2, 7–8).

Узкогорлый кувшин с лощёным орнаментом правильной симметричной формы входит в большую группу кружалной красноглиняной керамики с тестом, содержащим большое количество шамота и с шероховатой поверхностью. Такая посуда, преимущественно столовая (кувшины, кружки) и кухонная (водоносы, корчаги), была распространена на Северо-Западном Кавказе в X – первой половине XIII в. (см. Пьянков А.В., 1993, с. 125–127; рис. 2, 1, 7, 11–13; 3, 4–6; 4, 3, 14; 5, 1; 6, 1–3; 8, 1, 2, 6, 7, 19; 9, 3, 15, 37; 10, 1, 36; 11, 6, 7; 2000, с. 17, 19, 21, 22; рис. 4, 24; 5, 10; 2018, с. 117; рис. 1, 2; 2, 3).

Учитывая всё вышеприведенное, более вероятная дата публикуемого кенотафа из могильника Бжид-I определяется в пределах второй половины XII – первой половины XIII в.

Что касается погребального обряда захоронения № 99, в нашем случае кенотафа, то в грунтовых и курганных могильниках Северо-Западного Кавказа погребения лошадей или двух, на боку, с конечностями, подогнутыми в разной степени, часто сопровождаемые керамическими сосудами, предметами вооружения и воинского снаряжения (часто поломанными), представлены широко (см. Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с. 94, 95; рис. 4; 9–12; Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, с. 200; рис. 1, 1); Новичихин А.М., 2008, с. 26–36; рис. 1–5; Пьянков А.В., 1987, с. 164–165; рис. 485–488 и т.д.).

Публикация всаднического комплекса пополнит базу данных по погребениям с конем в Западном Закубанье и приблизит окончательное решение вопроса их этнического определения.

По моему мнению, погребения позднего блока могильника Бжид-1 оставлены средневековыми адыгами, о чем свидетельствует погребальный обряд и инвентарь в курганных могильниках Западного Закубанья и Черноморского побережья Краснодарского края (см. Алексеева Е.П., 1964, с. 146–155, 170–184, 195–212; Стрельченко М.Л., 1960, с. 140, 141, 155–157; Пьянков А.В., 1997, с. 439; Тешев М.Г., 1985, с. 146; Носкова Л.М., 2010, с. 181).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.П., 1964. Материальная культура черкесов в средние века (По данным археологии) // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института / отв. ред. Э.А. Джанибеков. Вып. IV. Ставрополь.
- Армарчук Е.А., 2001. О половцах на Северо-Западном Кавказе // Поволжье в средние века. Нижний Новгород.
- Армарчук Е.А., 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / отв. ред.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнёва. 2003. М.
- Армарчук Е.А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовой могильник. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир; М.

- Березин Я.Б., Нарожный Е.И., 2019. Погребения средневековых кочевников курганного могильника «Успенский-2» на северо-западе Ставрополя (раскопки ГУП «Наследие») // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / отв. ред. Е.И. Нарожный. Вып. 17. Сборник научных статей. Армавир; Краснодар.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. Северо-Восточное Причерноморье. Глава 8. Раннесредневековые древности побережья // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века / отв. ред.: Т.И. Макарова, С.А. Плетнёва. М.
- Дмитриев А.В., 1988. К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска // Тезисы докладов конференции XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала.
- Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019. Два захоронения воинов-кочевников XIII–XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (к истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Том 2 / под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Казань; Кишинев (Серия «Археологические источники Восточной Европы»).
- Дружинина И.А., 2019. Об устойчивых историографических мифах в изучении средневековой истории народов Северо-Западного Кавказа // Кавказский сборник; Т. 11 (43) / под ред. В.В. Дегоева. М.: Издательство «Аспект Пресс».
- Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018. Предметы воинского снаряжения из культурного слоя поселения XIII–XV вв. «Железнодорожное-1» // Восьмые Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития населения Западного Кавказа в древности и средневековье: материалы международной археологической конференции (г. Анапа, 30 мая – 1 июня 2018 г.) / отв. ред.: Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: ИП Шлепнёв М.В.
- Новичихин А.М., 2008. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее / отв. ред. О.В. Двуреченский. Вып. 1. М.: Квадрига.
- Носкова Л.М., 2010. Средневековый могильник в посёлке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока. Сборник статей. Вып. 5 / науч. ред. Л.М. Носкова. М.
- Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков. САИ. Вып. Е1-19. М.
- Плетнева С.А., 1990. Печенеги и гузы на Нижнем Дону. М.
- Пьянков А.В., 1987. Отчет о раскопках девяти курганов у г. Абинска Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11616.
- Пьянков А.В., 1993. Средневековый могильник Абинский-4 // Древности Кубани и Черноморья. STUDIA PONTICAVCASICA I. Краснодар.
- Пьянков А.В., 1997. Средневековая археологическая культура адыгов // Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до октября 1917 года / автор идеи, словника, составитель, науч. ред., рук. авт. коллектива Б.А. Трёхбратов. Краснодар.
- Пьянков А.В., 1998. Раскопки могильника Бжид-1 на Черноморском побережье Краснодарского края: предварительные итоги // Древности Кубани / сост.: А.В. Пьянков, Ю.В. Зеленский, А.П. Винидиктов, Б.Е. Фролов. Вып. 8. Краснодар.
- Пьянков А.В., 2000. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Вып. 3. Абинск.
- Пьянков А.В., 2018. Погребения со створчатými браслетами из могильника Черноклён в Западном Закубанье // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея) / отв. ред. Р.М. Мунчаев. Вып. 14. Армавир; Краснодар; М.
- Пьянков А.В., Зеленский Ю.В., Схатум Р.Б., 2011. К вопросу о присутствии кочевников в Северо-Восточном Причерноморье и Западном Закубанье в XI–XV вв. // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум.
- Стрельченко М.Л., 1960. Вооружение адыгейских племен в X–XV вв. (По материалам Убинского могильника) // Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар: Краснодарское книж. изд-во.
- Тешев М.Г., 1985. Адыгские погребальные сооружения в развитом и позднем средневековье в Туапсинском районе на Черноморском побережье Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи / отв. ред. П.У. Аутлев. Майкоп: АНИИЭЯЛИ.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.
- Яцюк Д.А., 2013. Средневековое погребение воина в Западном Закубанье // Третьи Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар.

РАЗВЕДКИ НА ГОРОДИЩЕ ГУНДЕЛЕН-2 НА СРЕДНЕМ БАКСАНЕ В 2019 Г.

.....

В 2019 году археологический отряд КБГУ им. Х.М. Бербекова Объединенной Северо-Кавказской археологической экспедиции ГИМ, ИА РАН, КБГУ, КБНЦ РАН проводил разведывательные работы на городище Гунделен-2 (рис. 1–2). Несмотря на тот факт, что городище известно в литературе более 80 лет (Иессен А.А., 1941, с. 228), до сих пор не были установлены границы памятника и точное время его существования. Эти первостепенные задачи и должны были решить работы отряда.

Памятник археологии расположен на среднем течении реки Баксан (рис. 1, 7). В этом месте долина Баксана расширяется и от двух противоположных хребтов к реке отходят скальные отроги-мысы. На одном из них находится городище (рис. 2, 3). Мыс песчаной скалы размерами 220 × 70 м ориентирован по линии север-юг. С восточной стороны мыса находится резкий обрыв. Западный склон более пологий. В нижней своей части обрывы становятся более пологими, и на них растет трава и кустарник (шиповник). Южная часть мыса возвышается над долиной реки Гунделен на высоту около 200 м.

На мысу выделяется археологический комплекс Заюково-Гунделен (рис. 3), включающий в себя три памятника: городище Гунделен-2, занимающее южное окончание мыса, скальный могильник Гунделен-2 (IX–XII вв.), расположенный у западного обрыва мыса, грунтовый могильник Заюково-3 (VIII в. до н.э. – VII в. н.э.), находящийся в 30 м к северу от городища Гунделен-2.

В результате разведок на городище Гунделен-2 были выявлены (рис. 4–6) фортификационные сооружения, прямоугольные и трапециевидные следы фундаментов зданий. Также были обнаружены две котловины, находящиеся к северу от линии фортификационных сооружений.

Линия фортификационных сооружений (рис. 5) расположена на мысу по линии запад – восток. Система укреплений состоит из рва

№ 1, прорезающего мыс с запада до середины, вала № 1, на котором расположена стена из песчаных плит, рва № 2, вала № 2. Оборонительные конструкции располагаются с севера на юг в перечисленном порядке.

Важно сказать, что ров № 2 пробивает не только почву, но и песчаную скалу. Его глубина достигает 3 м. Полученный в результате сооружения рва песчаник был использован при строительстве стены, расположенной на валу № 1. Валы № 1 и № 2 насыпаны не из материалов рвов, а из известняковой крошки, которая была принесена сюда с более высокого уровня Пастбищного хребта (месторождения известняка находятся выше уровня песчаникового мыса). Скорее всего, валы сооружались не из крошки, а из целых известняковых плит, которые из-за воздействия ветра и дождя развалились на мелкие кусочки. Схожая ситуация наблюдается на могильнике Заюково-3, где известняковые перекрытия также расслаиваются и разрушаются под воздействием почвы. Источник известняка для двух памятников был, скорее всего, одинаков.

Вал № 2 имеет на сегодняшний день Г-образную форму. Восточный конец вала был срезан трактором во время сельскохозяйственных работ во второй половине XX в. Западный конец вала не поврежден позднейшими воздействиями: вал поворачивает под прямым углом и образует невысокую известняковую площадку, ориентированную по линии север – юг. Высота вала от дна большого рва достигает 6 м, от уровня дневной поверхности – 3 м.

Вал № 1 расположен к югу от рва № 1. Его высота не превышает 1,5 м. Как уже отмечалось, на его гребне располагается стена из песчаных плит. Стена эта не имеет особой кладки и больше похожа на скопление валунов по линии запад – восток. Однако прямоугольная форма плит и следы ручной обработки камня говорят о намеренной установке этих камней на валу.

Ров № 1 прорезает мыс по линии запад – восток только до середины. Его глубина дости-

гает 1,5 м. У восточного конца рва № 1 находится треугольная в плане возвышенность. Ее выступ укреплен песчаными плитами, входящими в конструкцию стены, описанную выше. Высота 0,5 м.

Остатки прямоугольных и трапециевидных объектов расположены к югу от линии укреплений на основной части городища. Всего во время разведок было выявлено 12 объектов. Их можно условно разделить на однокомнатные (3, 4, 7, 8, 9, 10, 11) и многокомнатные (2, 5, 6, 12). В некоторых конструкциях прослеживается вход (так называемые П-образные конструкции). Площадь одной «комнаты» колеблется от 30 до 60 м².

Особняком стоит пристройка ко внутренней стороне вала № 2 – объект 1, имеющий Г-образную форму. Функциональное назначение всех объектов не может быть определено до проведения земляных работ.

Две котловины расположены к северу от оборонительных конструкций. Западная котловина имеет овальную форму. Ее глубина 2 м, размеры 40 × 75 м. Котловина вытянута по оси север – юг. Периметр котловины дополнительно укреплен насыпью, ее высота достигает 2 м. Котловина примыкает к обрыву с восточной стороны мыса. На дне котловины расположены крупные песчаные валуны.

Восточная котловина также имеет овальную форму, но укреплений по периметру нет. Ее размеры 35 × 35 м, глубина менее 1 м.

Назначение котловин не может быть определено точно до проведения земляных работ, сопровождаемых специализированными исследованиями. Однако стоит отметить, что циркулярная форма котловин и крупные валуны, расположенные на их дне, пробуждают нездоровое внимание у жителей окрестностей.

По мнению научного сотрудника Института географии КБНЦ РАН Ф.Р. Древой, котловины могут быть переставшими функционировать сборниками дождевой воды. Подобные конструкции часто сопровождают кошары, которые расположены достаточно далеко от источника воды (расстояние от городища Гунделен-2 до ближайшего функционирующего источника 1,5 км). Несколько таких кошар расположены на Пастбищном хребте, недалеко от исследуемого памятника.

Однако стоит отметить, что расположение мест сбора дождевой воды за линией обороны выглядит не только не логичным, но и опасным с точки зрения военной тактики. В случае вражеского нападения вода стала бы недоступной осажденным защитникам.

Также важно отметить отсутствие аналогий подобного рода устройства водосборников среди поселенческих памятников раннесредневекового Центрального Кавказа. В Кисловодской котловине известен ряд городищ, на территории которых найдены вырубленные в скале водосборные колодцы (Коробов Д.С., 2017б, с. 127, 130, 153, 180), но мягкий песчаник, на котором стоит городище Гунделен-2, не позволяет строить подобные конструкции.

Можно предположить, что водосборные котловины появились в монгольское или постмонгольское время, когда городище Гунделен-2 перестало функционировать.

Керамика, собранная на территории городища Гунделен-2, разделяется на два периода: VIII–X вв. и X–XII вв. (рис. 7–8). Маркерами первого периода являются венчики горшков с косыми насечками на верхней площадке (рис. 8, 4), фрагменты чернолощеной керамики (рис. 7, 3–5). Аналогии этим типам находятся в материалах Хумаринского городища (Биджиев Х.Х., 1983, с. 65–77). Красноглиняные (светло-коричневые) фрагменты сосудов с елочным орнаментом и сетчатым лощением (рис. 7, 6), ребристые стенки сосудов (рис. 7, 1, 8, 2, 6, 7), фрагменты с валиками и фрагменты с двойной волной (рис. 8, 5, 8) относятся ко второму периоду. Аналогии этим типам керамики обнаружены среди материалов Нижнего Архыза (Кузнецов В.А., 1993, с. 193–194).

Однако часть керамики имеет иную датировку. Горло серолощеного кувшина с горизонтальными желобами (рис. 8, 1) по аналогиям из могильника Заюково-3 датируется II–IV вв. н.э. Венчик черноглиняной миски (рис. 7, 2) относится к IV–V вв. до н.э. Спорным является фрагмент ручки чернолощеного сосуда (рис. 7, 5), который может принадлежать сарматскому сосуду с ручкой с верхним декоративным прилепком (II–IV вв. н.э.) или салтовской кружке с В-образной ручкой (VIII–IX вв.). Большая часть керамики городища может быть отнесена к X–XII вв.

Поселение на территории городища существовало с раннего железного века. Это подтверждает датировка близлежащего могильника Заюково-3, начинающего функционировать в VIII в. до н.э. Однако, если говорить о дате появления линии укреплений на городище Гунделен-2, то они, скорее всего, связаны с аланской эпохой. Согласно исследованиям Д.С. Коробова, на территории Кисловодской котловины аланские мысовые укрепления появляются не раньше IV–V вв. н.э. (Коробов Д.С., 2017а, с. 109–113). Этот вывод можно с некоторой долей вероятности расширить на Центральный Кавказ в целом. На сегодняшний день нельзя с уверенностью датировать появление мысовых укреплений городища Гунделен-2. Время функционирования городища может колебаться от IV до XII вв. н.э. Возможно, исследования стратиграфии городища смогут дать ответ на этот вопрос.

Обращает на себя внимание небольшая плотность застройки городища Гунделен-2. При площади 1,4 га на нем обнаружено всего 12 построек.

Данные разведок в Кисловодской котловине позволяют говорить о конгломератах построек на городищах такой площади (например, на городище Уллу-Дорбунла) (Коробов Д.С., 2013, с. 122–127).

«Незаселенность» городища наводит на мысль о том, что оно выполняло функции временного укрытия. Основное селище могло располагаться южнее оборонительных конструкций, где сейчас располагаются водосборные котловины и найдены фрагменты керамики, или ниже уровня мыса.

Таким образом, городище Гунделен-2 относится к типу укреплений на скальных мысах. Основное время функционирования городища – VIII–XII вв. Однако поселение могло существовать здесь с VIII в. до н.э.

А.А. Иессен наиболее полно рассмотрел раннесредневековые памятники Среднего Баксана и пришел к выводу о существовании в этом районе «системы укрепленных городищ и поселений» (Иессен А.А., 1941б, с. 228) (рис. 1). Начинаясь эта система, по мнению исследователя, скоплением городищ на выходе Баксана в степь (Баксанские 1–4 городища, Кызбурун III

1–4 городища. Здесь и далее нумерация по (Чеченов И.М., 1969). Тесные связи с ними были прослежены у ряда городищ в долине Баксана у сел. Кызбурун II (Кызбурун II 1–2 городища). От них выше по течению располагались городища и селища района Заюково (городище Заюково 1, 3–6). Самым восточным пунктом системы укреплений А.А. Иессен называет Гунделенское городище, о котором идет речь в данной работе. Блоки городищ, выявленные А.А. Иессеном, имели между собой зрительную связь (Иессен А.А., 1941б, с. 232–233).

Контроль над долиной Баксана позволял контролировать выход к Сванетии.

О важности этого пути можно судить по материалам могильника Заюково-3, находящегося с городищем Гунделен-2 в одном археологическом комплексе (Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2019). В катакомбах Заюково-3 были обнаружены не только статусные предметы постгуннской эпохи и перещепинского времени, такие как наборный пояс, меч, золотые серьги с перевернутыми пирамидками¹, но и дипломатические дары высшего уровня. К таким предметам, безусловно, относятся золотые невесомые подвески с вставками из красных камней и украшенные зернью, а также литая золотая гривна с застежкой, украшенной в технике клуазоне (Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2019, с. 55–56).

Также стоит отметить, что на территории могильника Гунделен-2 X–XII вв. в грабительских отвалах были обнаружены золотые бубенчики, находящиеся параллели в Нижнем Архызе (Кузнецов В.А., 1993, с. 176), также еще не опубликованные.

Богатство и престижность погребального инвентаря могильников Заюково-3 и Гунделен-2 в совокупности с большой площадью городища Гунделен-2 и неординарной по мощности системой укреплений, а также наличие на его территории многокамерных построек (объект 12 (рис. 6)) позволяют рассматривать археологический комплекс Заюково – Гунделен как один из центров власти в системе укреплений.

¹ Авторы работы приносят благодарность научному сотруднику отдела археологии ГИМ А.А. Кадиевой за возможность сослаться на еще не опубликованный материал раскопок могильника Заюково-3.

ний Среднего Баксана (Коробов Д.С., 2017а, с. 295–300).

ЛИТЕРАТУРА

Биджиев Х.Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск.

Иессен А.А., 1941а. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. М.; Л.

Иессен А.А., 1941б. Отчет о работе Баксанской экспедиции 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л.

Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2019. Золотые украшения с полихромной инкрустацией из княжеского погре-

бения второй половины V – VI в. в могильнике Заюково-3 (Кабардино-Балкарская Республика) // КСИА. Вып. 256.

Коробов Д.С., 2017а. Системы расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. Т. 1. М.

Коробов Д.С., 2017б. Системы расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. Т. 2. М.

Коробов Д.С., 2013. Уллу-Дорбунла – средневековое городище в верховьях Подкумка // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова. Сб. статей. М.

Кузнецов В.А., 1993. Нижний Архыз в X–XII веках: К истории средневековых городов Северного Кавказа. Ставрополь.

Чеченов И.М., 1969. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик.

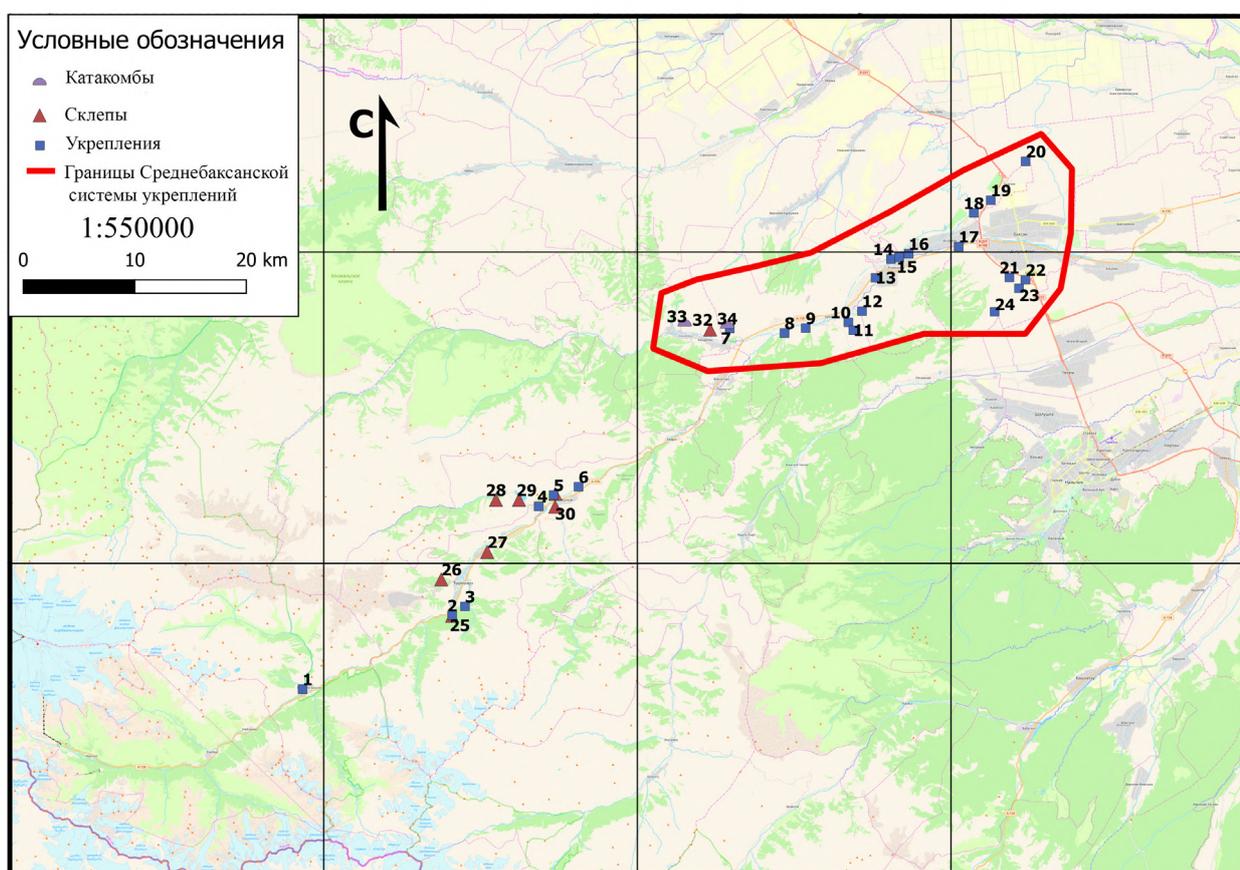

Рис. 1. Укрепления и могильники Баксанского ущелья в раннее средневековье:

1 – Верхне-Баксанское городище; 2 – Первое Тырнаузское городище; 3 – Второе Тырнаузское городище; 4 – Гижгитское городище «Кыр-Сырт»; 5 – Былымское городище «Алмалы»; 6 – Былымское городище «Гацар-Кала»; 7 – Второе Гунделеновское городище; 8 – Первое Заюковское городище; 9 – Второе Заюковское городище; 10 – Четвертое Заюковское городище; 11 – Третье Заюковское городище; 12 – Пятое Заюковское городище; 13 – Шестое Заюковское городище; 14 – Городище Кызбурун I; 15 – Городище Кызбурун II – 1; 16 – Городище Кызбурун II – 2; 17 – Городище Кызбурун II – 3; 18 – Четвертое Баксанское городище; 19 – Третье Баксанское городище; 20 – Второе Баксанское городище; 21 – Городище Кызбурун III – 1; 22 – Городище Кызбурун III – 2; 23 – Городище Кызбурун III – 3; 24 – Городище Кызбурун III – 4; 25 – Тырнаузские 2-е склепы; 26 – Тырнаузские 1-е склепы; 27 – Тырнаузские 3-е склепы; 28 – Гижгитские 1-е склепы; 29 – Гижгитские 2-е склепы; 30 – Былымские 1-е склепы; 31 – Былымские 2-е склепы; 32 – Гунделеновские склепы; 33 – Гунделеновский 1-й катакомбный могильник; 34 – Гунделеновский второй катакомбный могильник и Могильник Заюково-3

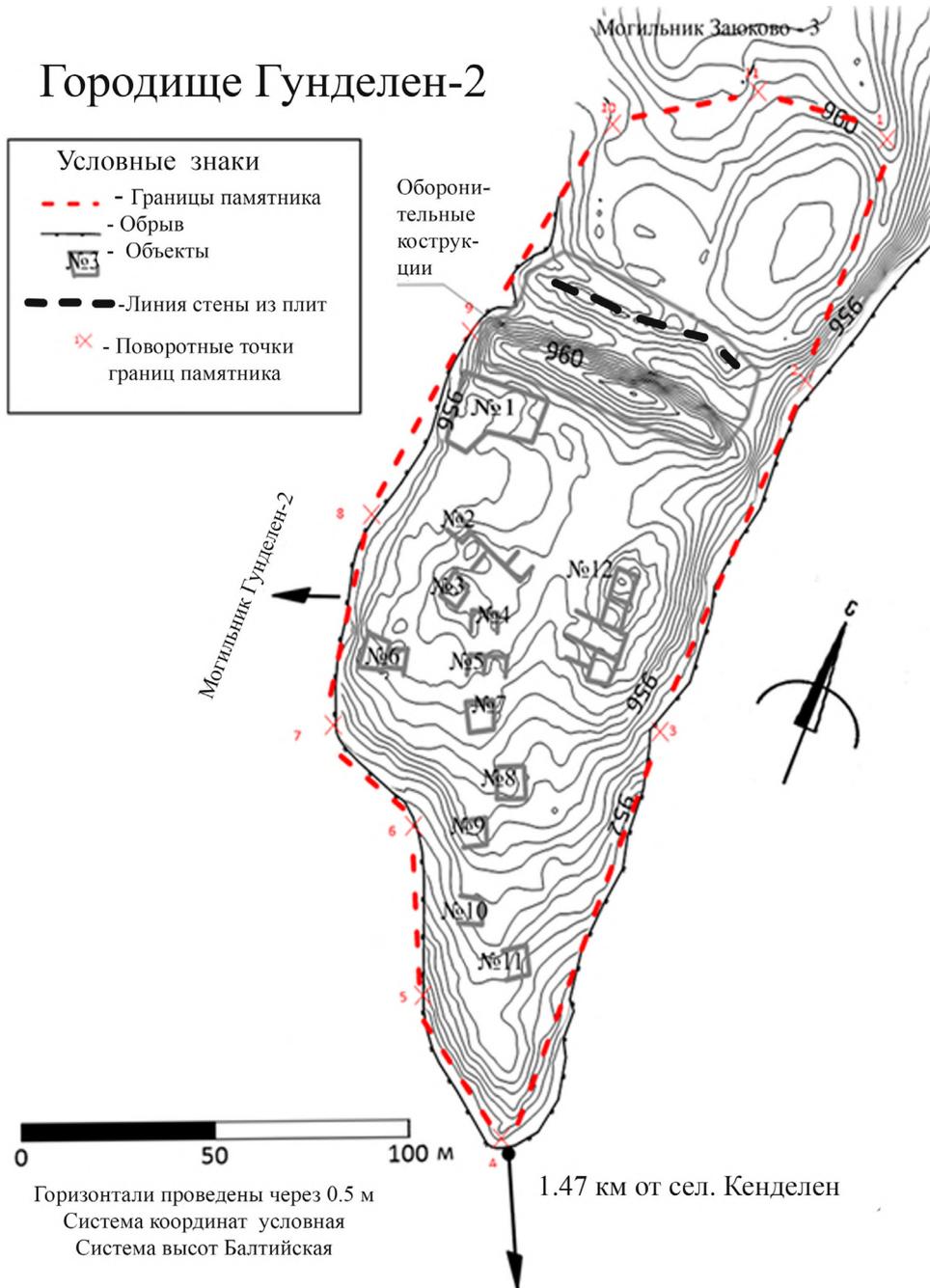

Рис. 2. Топоплан городища Гунделен-2

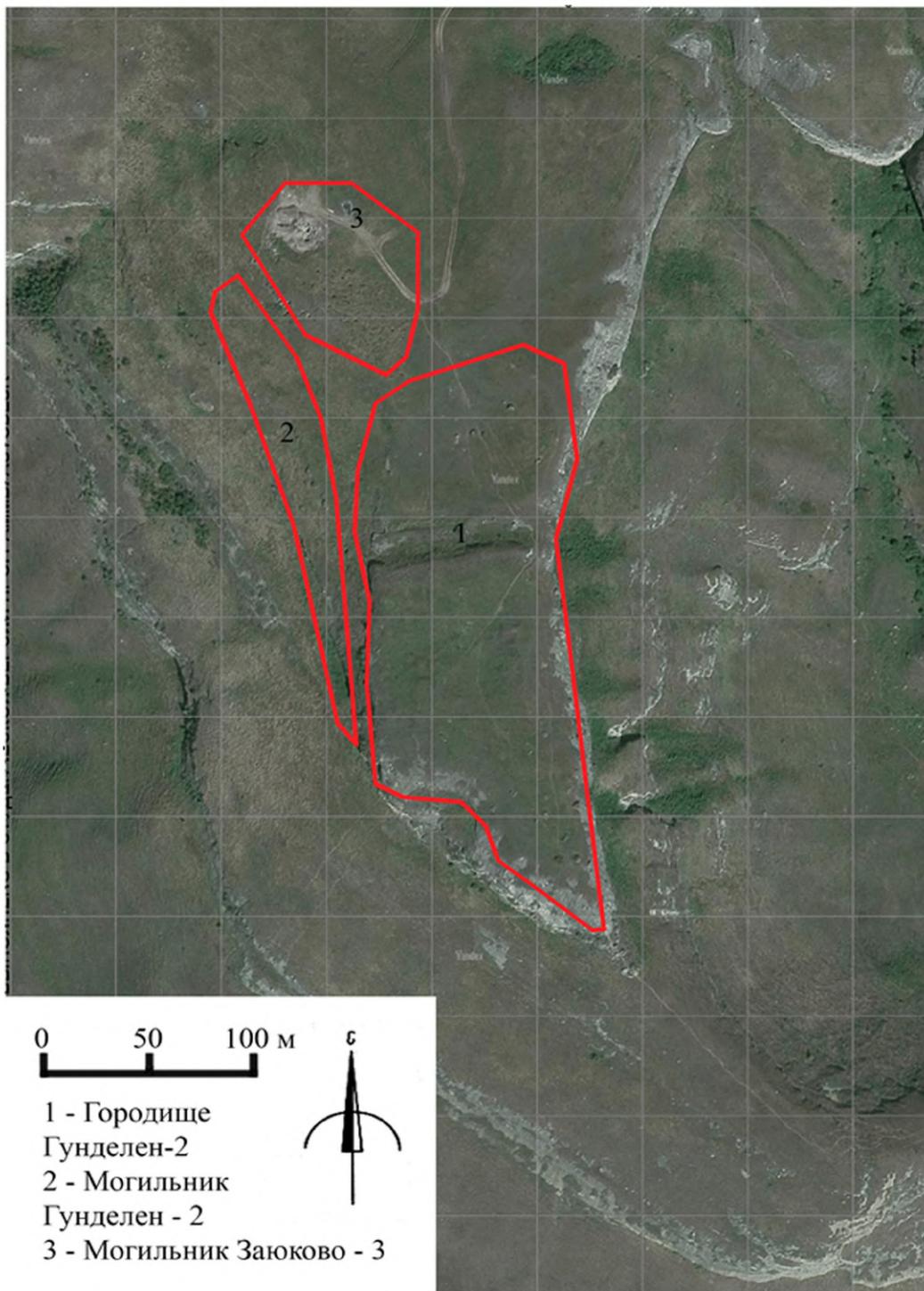

Рис. 3. Археологический комплекс Заюково-Гунделен на космоснимке

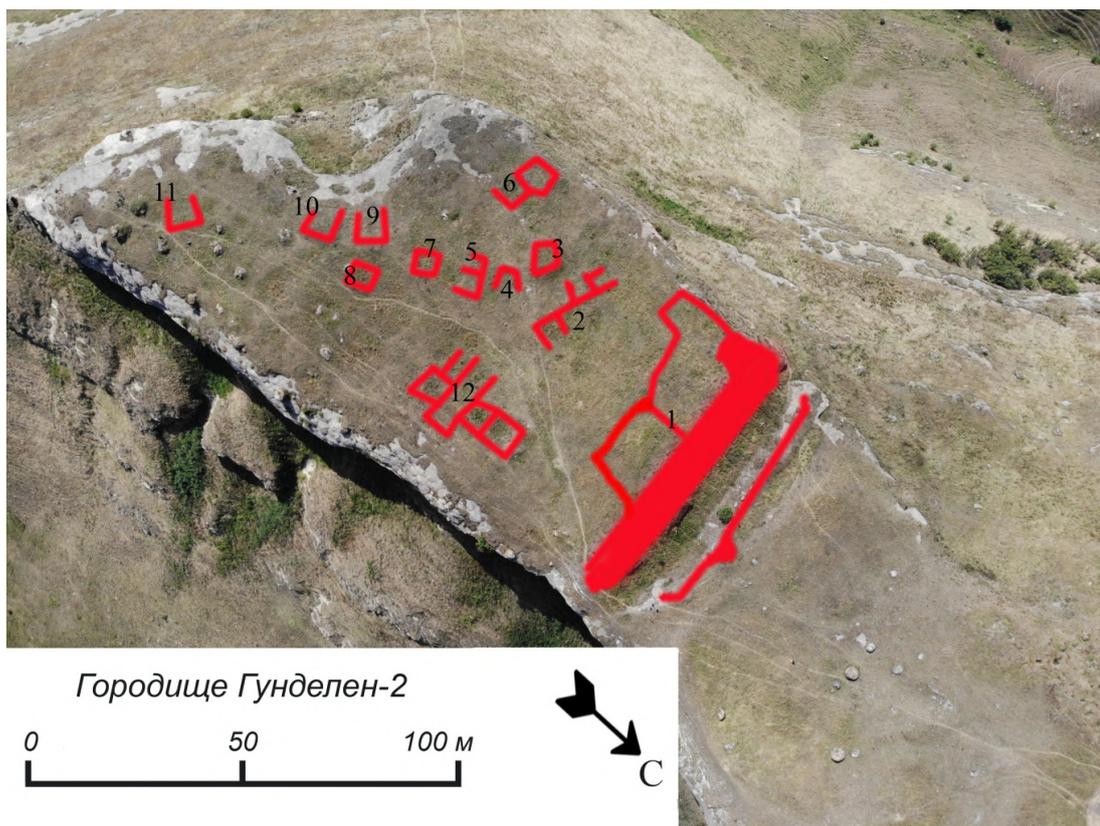

Рис. 4. Ортофотоплан городища Гунделен-2 с отмеченными объектами

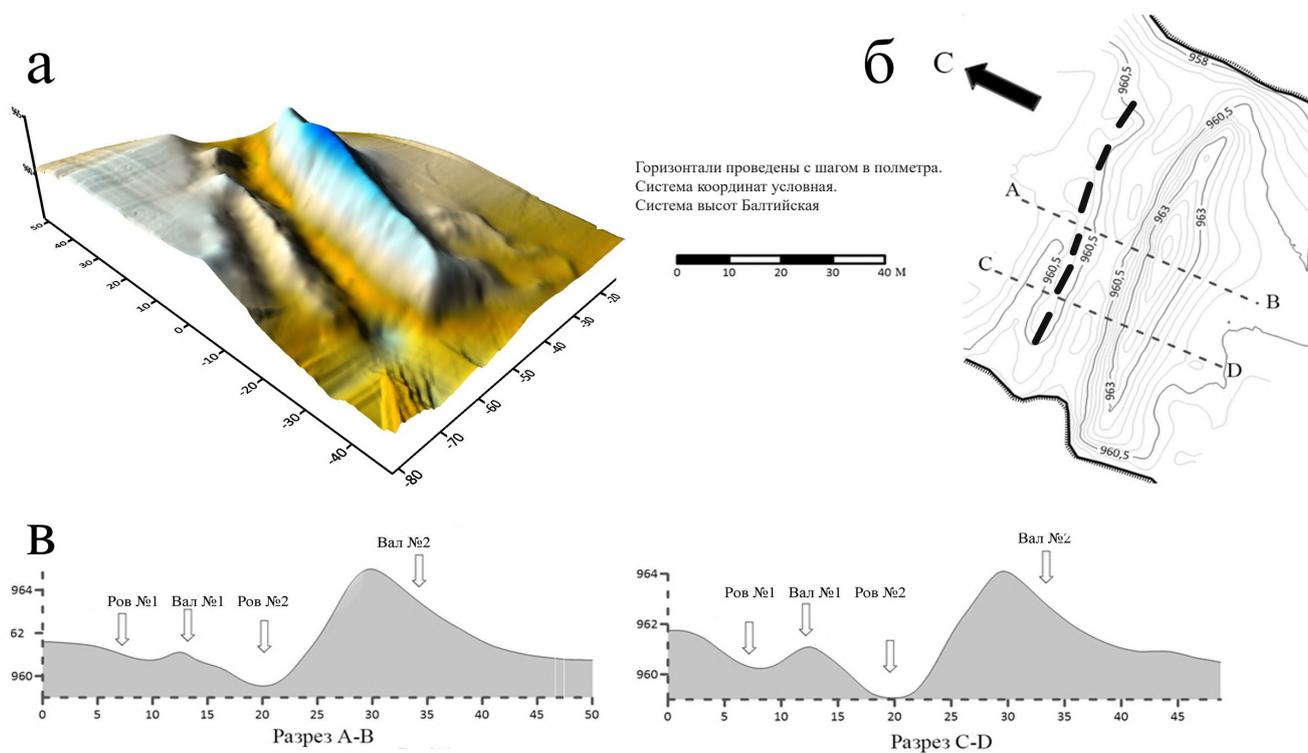

Рис. 5. Фортификационные сооружения; а) – трехмерная модель; б) – план с горизонталями; в) – разрезы с подписанными названиями валов и рвов

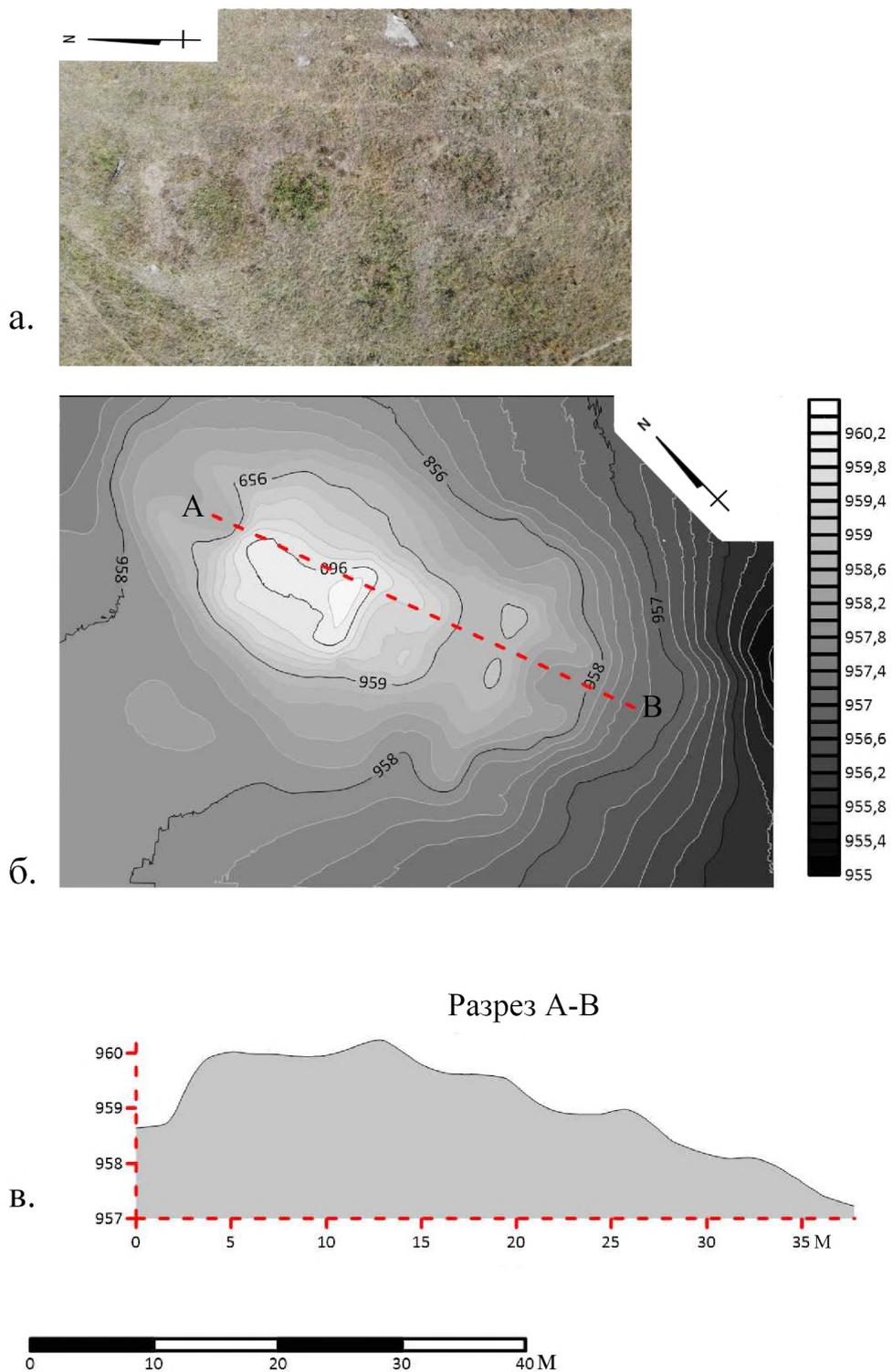

Рис. 6. Объект 12; а) – ортофотоплан; б) – план с горизонталями; в) – разрез объекта по линии С-Ю

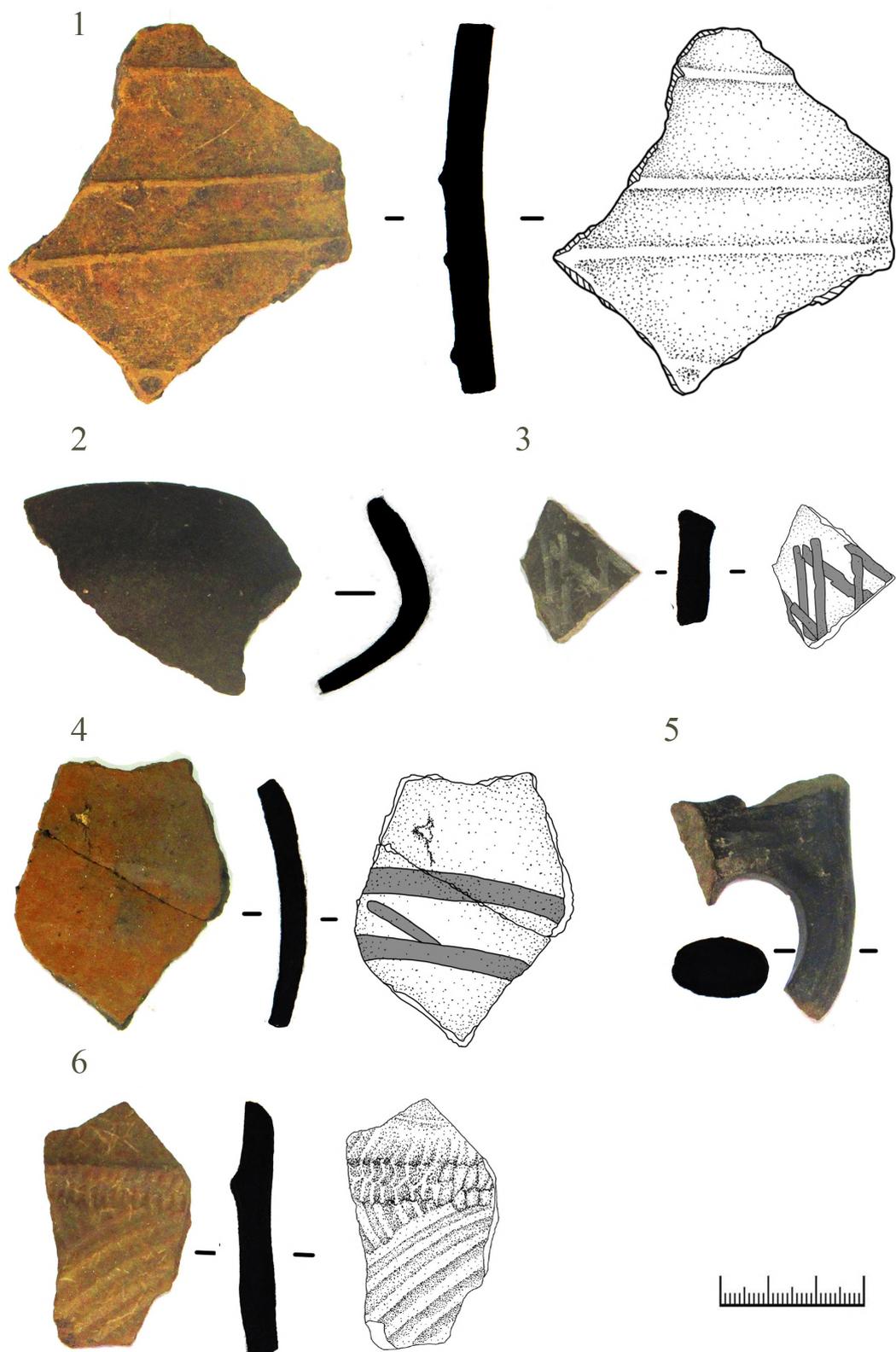

Рис. 7. Керамика, собранная на городище Гунделен-2

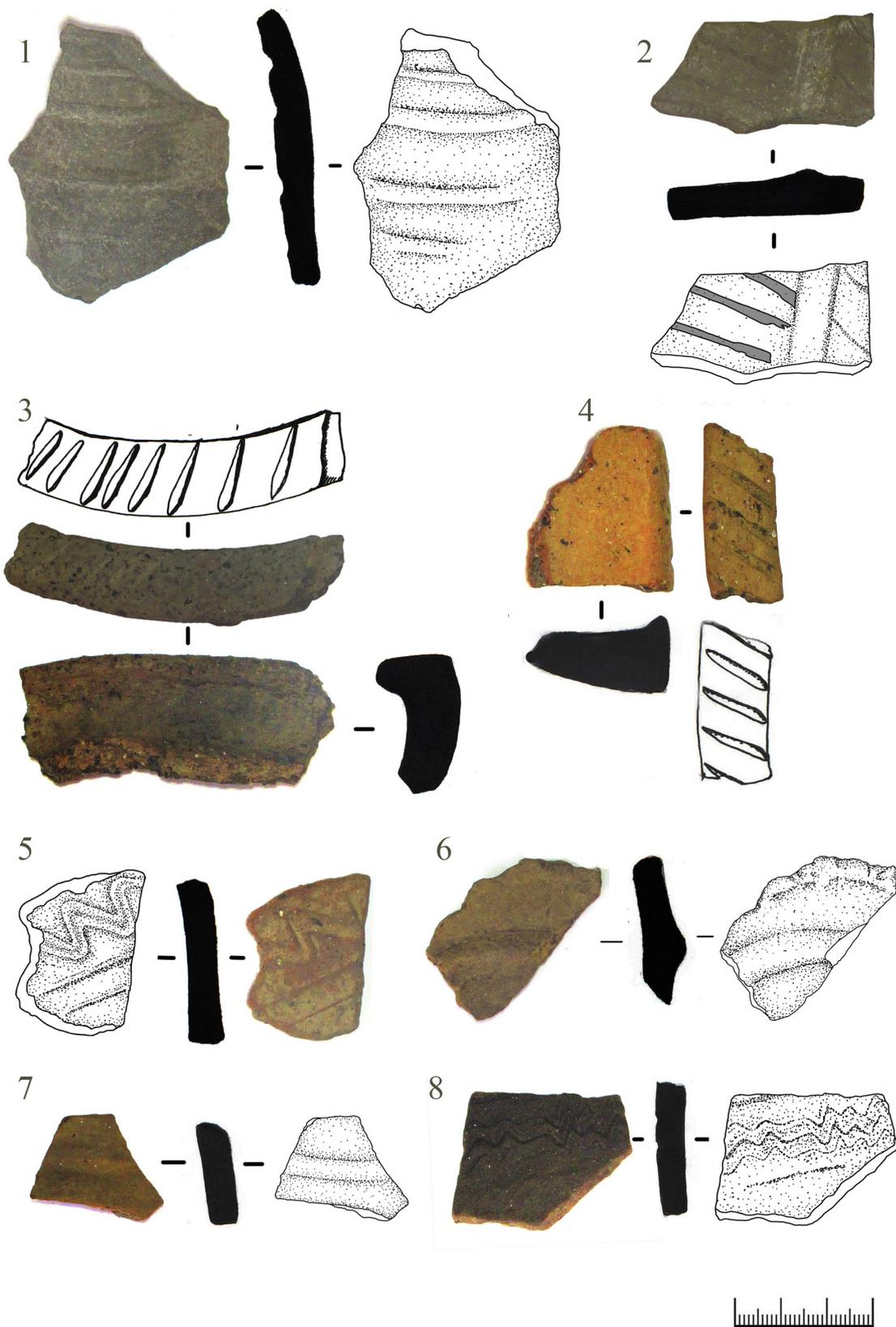

Рис. 8. Керамика, собранная на городище Гунделен-2

МАСТЕР-ЛУЧНИК
(материалы косторезной мастерской из раскопок
Золотовского городища на острове Куркин)

.....

С остатками древнего поселения в юрту станицы Золотовской в урочище «Садки» связаны легенды о кладе, которые попали на страницы местных газет: «Донская газета» № 8 за 1877 г., «Донские епархиальные ведомости» № 8–9 за 1892 г. Донской историк Е.П. Савельев в «Донских областных ведомостях» в 1911 г. в статье «Где на Дону был древний город Ахас?» (Савельев Е.П., 1911, с. 2–3), а затем и в книге «Древняя история казачества», изданной в Новочеркасске в 1915 (Савельев Е.П., 1915, с. 182–183), описал это урочище как городище с остатками широкой каменной стены с развалинами множества башен.

Остров Куркин расположен на Дону, вблизи впадения в него реки Северский Донец, между станицами Старозолотовской (на правом берегу) и Новозолотовской (на левом берегу Старого Дона). Остров вытянут в длину по течению Дона и имеет размеры 6,0 × 2,0 км. Имеет аллювиально-материковое происхождение.

В юго-восточной части острова имеется возвышенность, которая до настоящего времени у местных жителей носит название «Садки».

Эта возвышенность ромбической формы имеет размеры 1,1 × 0,85 км и вытянута с востока на запад. Длинные стороны – до 800 м, короткие – около 500 м. Южный угол холма находится примерно в 75 м от рукава Старый Дон. Средняя высота поверхности острова – 8–9 м, наивысшая точка «Садков» – 16,2 м. Большая часть возвышенности открытая, по краям заросшая лесом и непроходимым кустарником. По краям возвышенность сильно изрезана укреплениями времен ВОВ. Открытые участки занесены мощным слоем песка эолового происхождения.

Исследования памятника проводились экспедицией Новочеркасского исторического комитета под руководством автора в 1998–2001 и в 2004 годах. Предварительные итоги этих работ опубликованы в изданиях Азовского

музея-заповедника – «Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону» (Крайсветный М.И., 2000, с. 94–99; 2001, с. 100–107; 2002, с. 231–236; 2006, с. 89–92). Памятник получил рабочее название Золотовское городище.

Критический разбор этих публикаций предпринял В.С. Флеров в статье «Из историографии середины XX – начала XXI в. Семикаракорской крепости и других хазарских памятников Нижнего Дона» (Флеров В.С., 2016, с. 261–264).

За пять лет раскопок вскрыта относительно небольшая площадь. В основном исследовался верхний горизонт напластований. Полностью мощность и характер культурных отложений еще предстоит раскрыть. Отметим особенность стратиграфии – культурный слой памятника на вскрытых участках представляет сложную пачку отложений, в которой гумусированные и золистые прослойки перемежаются эоловыми наносами песка.

Коллекция из раскопок Золотовского городища готовится к публикации, и в этой заметке мы представляем одну из наиболее ярких групп находок – это изделия из кости и рога, а также многочисленные отходы косторезного производства.

Первый предмет резной кости – колчанная петля с циркульным орнаментом – был найден в шурфе 1998 г. в зольном слое на глубине 1,20 м.

В раскопе 2001/2004 гг. зафиксирована основная масса находок косторезного производства: обломки и заготовки изделий, большое количество роговой стружки концентрировались в золистой засыпи связки хозяйственных ям и в непосредственной близости от нее.

Отметим, что подобные предметы были обнаружены в шурфах 2000 г. на расстоянии до 75 м от связки хозяйственных ям раскопа 2001/2004. Видимо, обработка рога и кости велась на нескольких площадках. Подобный

феномен описан С.И. Вайнштейном, когда ремесленники-кустари, занимавшиеся одним из видов производства, т.е. специализированные, не имели каких-либо особых помещений (Вайнштейн С.И., 1972, с. 263–283).

Большинство отходов производства связано с обработкой рогов оленя для получения деталей для лука. Особенность работы с этим материалом на памятнике – использование практически одного инструмента – ножа, которым проводились операции расщепления (раскалывания), срезания и строгания. Эта особенность резко отличает разделку рога от материалов средневекового Херсона¹.

Подготовка рога к обработке на первом этапе сводилась к разделке его на части. Отростки рогов, расчленение основного стержня на заготовки подцилиндрической формы проводилось зарубками – затесами, а затем отламыванием по ним нужных частей (Флерова В.Е., 1998, с. 93). Эти приемы хорошо видны на обломке нижней части оленьего рога из раскопок на Золотовском городище в 1999 г. (профиль 1, траншея 3, квадрат 3, глубина 50 см).

Дальнейшая обработка заготовок несколько отличается от приемов второй схемы производства, описанной В.Е. Флеровой по материалам Саркела – Белой Вежи: «Следующее направление изготовления изделий – это последующая рас-

¹ Несколько иначе осуществлялась предварительная обработка рога. Его структура, более плотная даже в губчатой части, в отличие от кости, приводила к редкому использованию продольного распиливания. В основном в качестве заготовок применялись округлые поперечные спилы. Их исходная форма естественным образом приводила к использованию рога прежде всего для производства округлых изделий небольшого диаметра и высоты – пряслиц, шашек. При этом губчатое вещество часто не удалялось. Плотные, однородные части рога могли использоваться для изготовления игральных кубиков. Продольно расчлененные роговые пластины и тонкие отростки применялись для изготовления рукояток ножей. Интересна техника получения тонких – 1–2 мм, небольших по размеру пластинок из плотной части рога, вероятно, заготовок для пуговиц. Пиление осуществлялось под острым углом к поверхности, что увеличивало длину получаемой пластинки. Затем, по достижении пилы губчатого вещества, пластина отламывалась, после чего с этого же места можно было отделить еще несколько пластин. Особенно хорошо эту технику иллюстрируют два куса рога со следами такой обработки (Шаманов А.В., 1997, с. 51).

пиловка цилиндрических блоков на пластины с созданием затем плоской фигуры. В эту группу, насчитывающую 193 предмета, входит вся продукция лучников: накладки сложных луков, пластины и петли колчанов и налучий, некоторые типы черешковых стрел, щитки для запястий, струги для стрел» (Флерова В.Е., 1998, с. 93).

Пластины из роговых цилиндрических заготовок получались путем расщепления, раскалывания болванки. Возможно, эта операция проводилась двумя инструментами – ножом и колотушкой (простейшая колотушка – обрезок палки, ствола небольшого дерева подходящего диаметра под захват рукой). Клинок ножа устанавливался на торец заготовки на нужном расстоянии от ее края (предполагаемую толщину первичной пластины), а затем ударами колотушки по спинке ножа выполнялось раскалывание. При этом первоначально удары наносились непосредственно над заготовкой, а затем, по мере заглубления клинка в рог, попеременно по ее краям. Но мы не исключаем вариант, что эта операция выполнялась топором.

В итоге такого расщепления получалась пластина, которая по аналогии с обработкой дерева называется горбыль. Теоретически из одной цилиндрической болванки можно было получить 4 заготовки горбыля. Но скорее всего, получалось меньше, так как рог не дает идеальных геометрически правильных цилиндров. На этом этапе в отходы отбрасывалась середина – губчатая масса рога и внешние части рога, которые не подходили для дальнейшей обработки.

Затем обработка велась для получения пластины, большую часть которой составляла костная, а не губчатая часть рога. С внешней стороны рога строганием снималась его естественная поверхность (первичные срезы), обнажалась костная масса. По мере раскрытия костной массы в отходы попадала полупервичная стружка, на которой на параллельных краях среза находились участки естественной внешней поверхности рога. И далее строганием придавалась форма внешним широким сторонам пластины. Отметим, что часть стружки достигала в ширину более 3,0 см. Это позволяет также предполагать, что при строгании могла опять использоваться пара инструментов – нож и колотушка.

Обработка боковых сторон заготовки велась двумя приемами – простое строгание и срезка края после нанесения на него серии косых глубоких насечек-зарубок.

Возможно, что часть изделий выполнялась по уже готовому образцу. Этот процесс мог происходить так: на заготовку переносился наложением контур готовой пластины. По этому абрису прорезалось углубление и дальнейшая

срезка, и скалывание велось до этой углубленной в заготовке линии. Это одно из возможных объяснений находке обломка костяной пластины с глубокой врезной линией.

Характеристика отходов обработки оленьих рогов нами представлена в виде таблицы по материалам наиболее насыщенного участка – раскопа 2001 г.

Таблица 1. Количественная характеристика отходов обработки оленьих рогов

Тип стружки	Мелкая до 1 см и обломки стружки	Стружка длиной 1–2 см		Стружка длиной 2–3 см		Стружка длиной 3–4 см		Стружка длиной 4–5 см		Стружка длиной более 5 см		Общее количество
		С плоской стороны заготовки	С края заготовки	С плоской стороны заготовки	С края заготовки	С плоской стороны заготовки	С края заготовки	С плоской стороны заготовки	С края заготовки	С плоской стороны заготовки	С края заготовки	
Первичная стружка	–	–	–	12	6	2	–	–	–	–	–	20
	–	–	–	–	–	9	8	–	–	–	–	17
Стружка	14	12	24	21	21	7	19	7	7	1	1	134
Губчатая масса	7	7		2		2		–		3		21

Таблица 2. Заготовки и обломки изделий (детали лука)

Обломок пластины (с торцевой частью)	Обломок пластины (средняя часть)	Полная длина, с частичной утратой края
5	2	3

Накладки на лук сохранились в виде обломков пластин и бракованных заготовок.

В иллюстрациях костяные детали луков с Золотовского городища представлены вместе с саркельскими аналогиями по публикации 2000 г. В.Е. Флеровой (Флерова В.Е., 2000, с. 102, рис. 1; с. 106, рис. 3).

Вместе с остатками производства костяных деталей луков на памятнике найдены и другие изделия из кости и рога.

Роговая рукоятка ножа. Выполнена из изогнутого отростка рога оленя. Внутри рукояти

выбрана полость под черешок ножа. Нож, вероятно, был с довольно массивным лезвием, т.к. отверстие под черешок имеет размеры 1,5 × 0,8 см. С одной стороны изделие украшено циркульным орнаментом. Кружки расположены попарно: два мелких кружка нанесены ближе к лезвию, их диаметр – 0,4 см, а два – ближе к середине рукоятки, их диаметр – 0,6 см. Задний конец рукоятки немного обломан. Длина рукояти – 15,0 см, в сечении – 3,0 × 2,1 см.

Найдена серия рогов козы, срезанных с черепа животного. Назначение этих заготовок не ясно.

Астрагалы овцы. Часть их – это игральные кости, украшенные орнаментом. Отмечена подтеска поверхности.

Дальнейшего исследования требуют астрагалы с отверстиями, которые представлены двумя группами поделок.

Астрагалы со сквозным отверстием в центре кости. Можно предполагать, что это также игральные кости и отверстия предназначались для заливки свинца чтобы улучшить игровые качества кости-битка. Но возможно, что такие таранные кости являлись навершием или частью рукояти инструментов, например шильев.

Астрагалы с двумя отверстиями, выполненными через блоковидные окончания кости. Отметим астрагал-заготовку, где одно из отверстий не завершено, но оно выполнялось двусторонним сверлением. Незавершенное отверстие, судя по следу от сверла, позволяет предполагать, что использовалось сверло типа столярной перки. Возможное назначение астрагалов с двумя отверстиями – регулятор длины шнура для ношения какого-либо чехла или сумки (клевант).

Таким образом, материалы Золотовского городища, связанные с косторезным делом, вместе с коллекцией изделий из кости из раскопок Саркела – Белой Вежи позволяют говорить о Нижне-Донском центре производства луков в XI – начале XII в.

ЛИТЕРАТУРА

Вайнштейн С.И., 1972. Историческая этнография тувинцев. М.

Крайсветный М.И., 2000. Работы Новочеркасского исторического комитета // ИАИАИАНД. Вып. 16 / отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей.

Крайсветный М.И., 2001. Работы Новочеркасского исторического комитета на Золотовском городище в 1999–2000 гг. // ИАИАИАНД. Вып. 17 / отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей.

Крайсветный М.И., 2002. Работы на Золотовском городище в 2001 году // ИАИАИАНД. Вып. 18 / отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей.

Крайсветный М.И., 2006. Работы Новочеркасского исторического комитета в 2004 году // ИАИАИАНД. Вып. 21 / отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский музей.

Савельев Е.П., 1911. Где на Дону был древний город Ахас? // Донские областные ведомости. № 106.

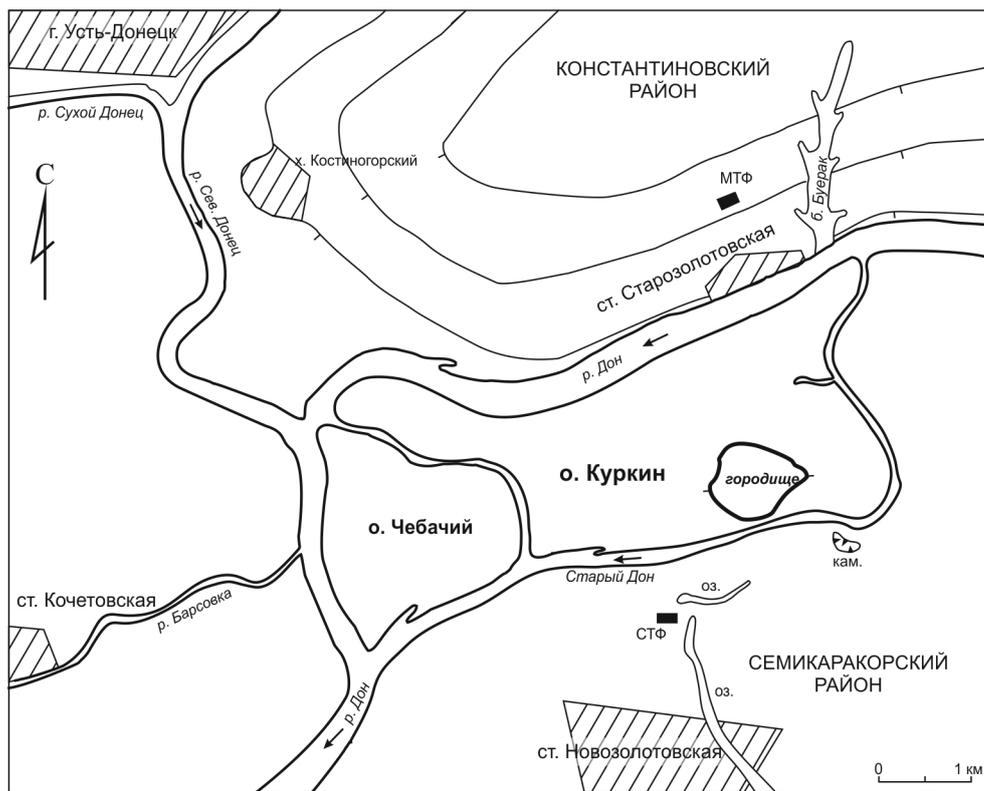
Савельев Е.П., 1915. Древняя история казачества. Новочеркасск.

Шаманаев А.В., 1997. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсоне: по материалам раскопок портового квартала 2 // Античная древность и средние века. Вып. 28. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та.

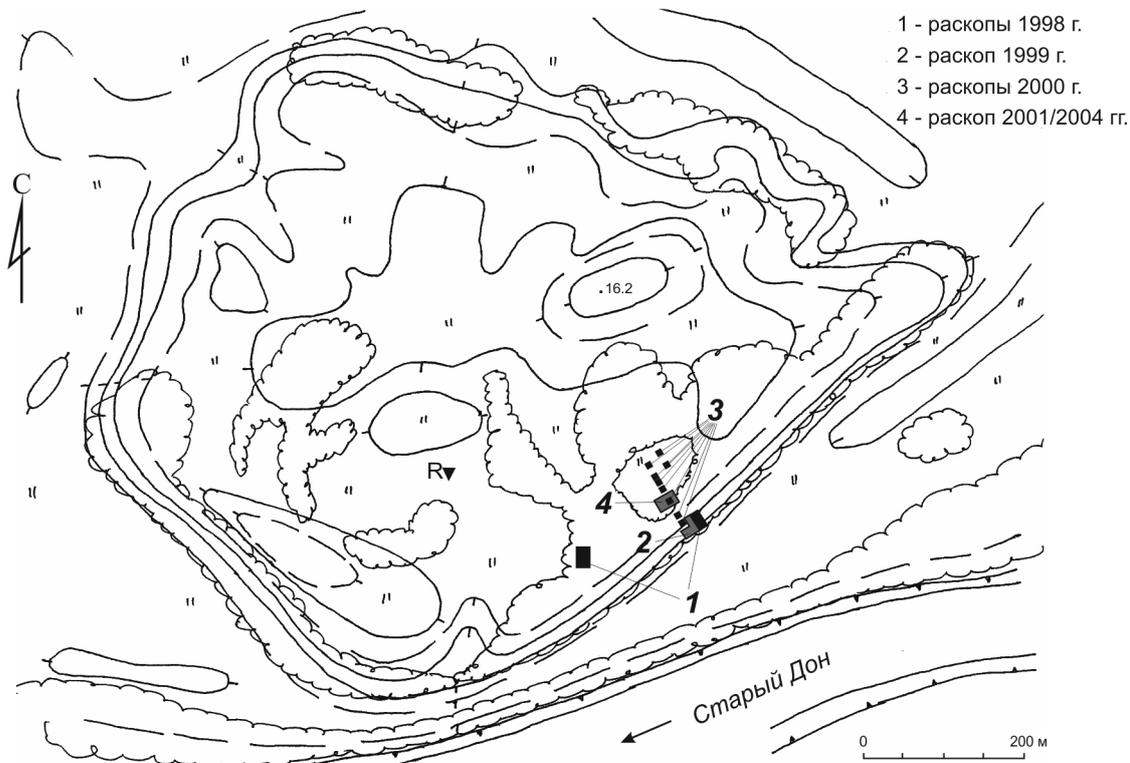
Флерова В.Е., 1998. Орнаментированные костяные изделия Саркела – Белой Вежи: проблема специализации ремесла // Российская археология. 1998. № 2.

Флерова В.Е. (Нахапетян), 2000. Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой Вежи // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1. Донецк.

Флеров В.С., 2016. Из историографии середины XX – начала XXI в. Семикаракорской крепости и других хазарских памятников Нижнего Дона // КСИА. № 245, часть 1. М.

1

2

Рис. 1. 1 – местоположение Золотовского городища в Константиновском районе Ростовской области.
2 – взаимное расположение раскопов М.И. Крайсветного на городище

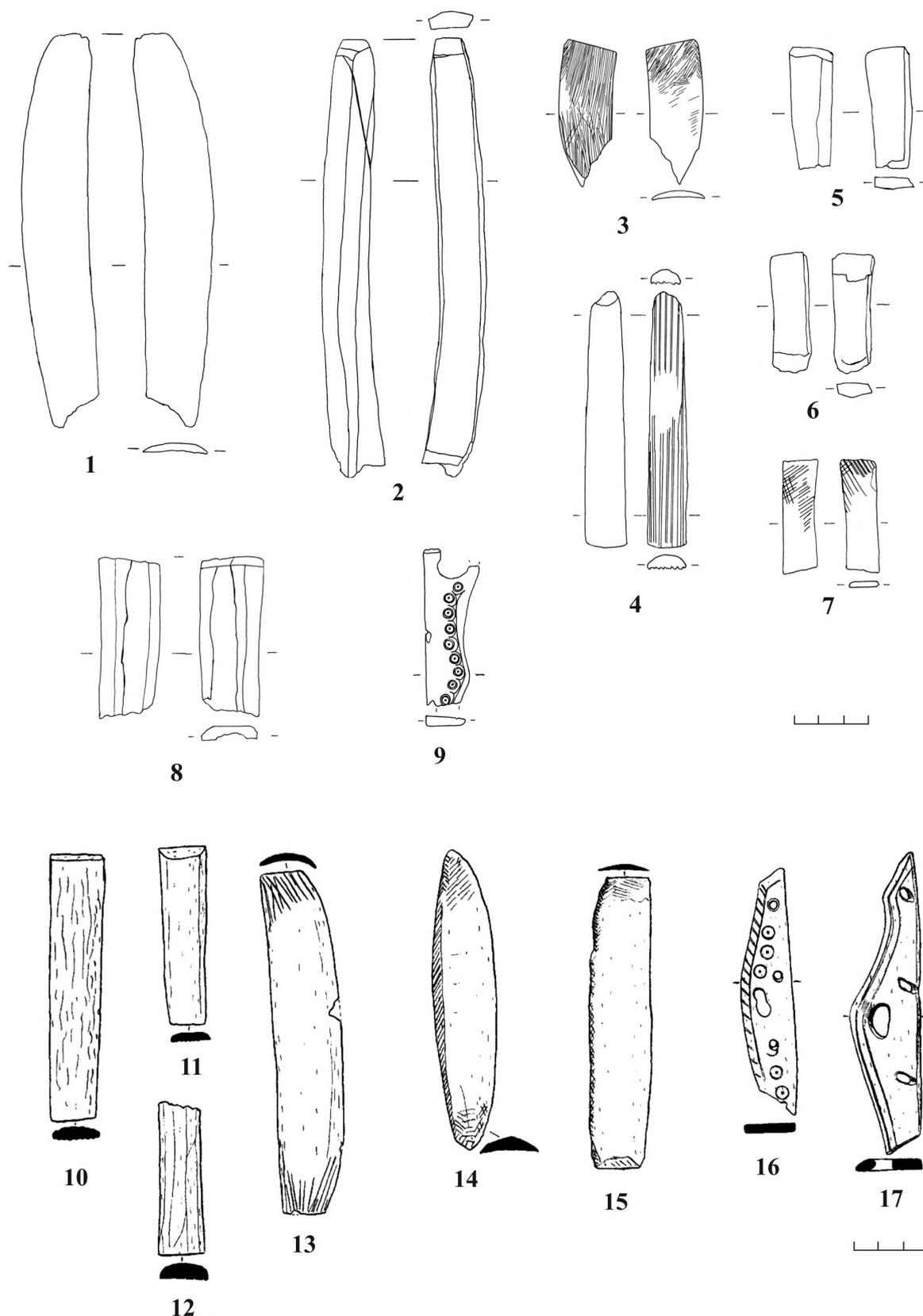

Рис. 2. 1–8 – фрагменты и заготовки костяных накладок на лук с Золотовского городища; 9 – фрагмент колчанной петли с Золотовского городища; 10–15 – фрагменты костяных накладок на лук с городища Саркел – Белая Вежа (Флерова В.Е., 2000, с. 102, рис. 1), 16–17 – колчанные петли лука с городища Саркел – Белая Вежа (Флерова В.Е., 2000, с. 106, рис. 3)

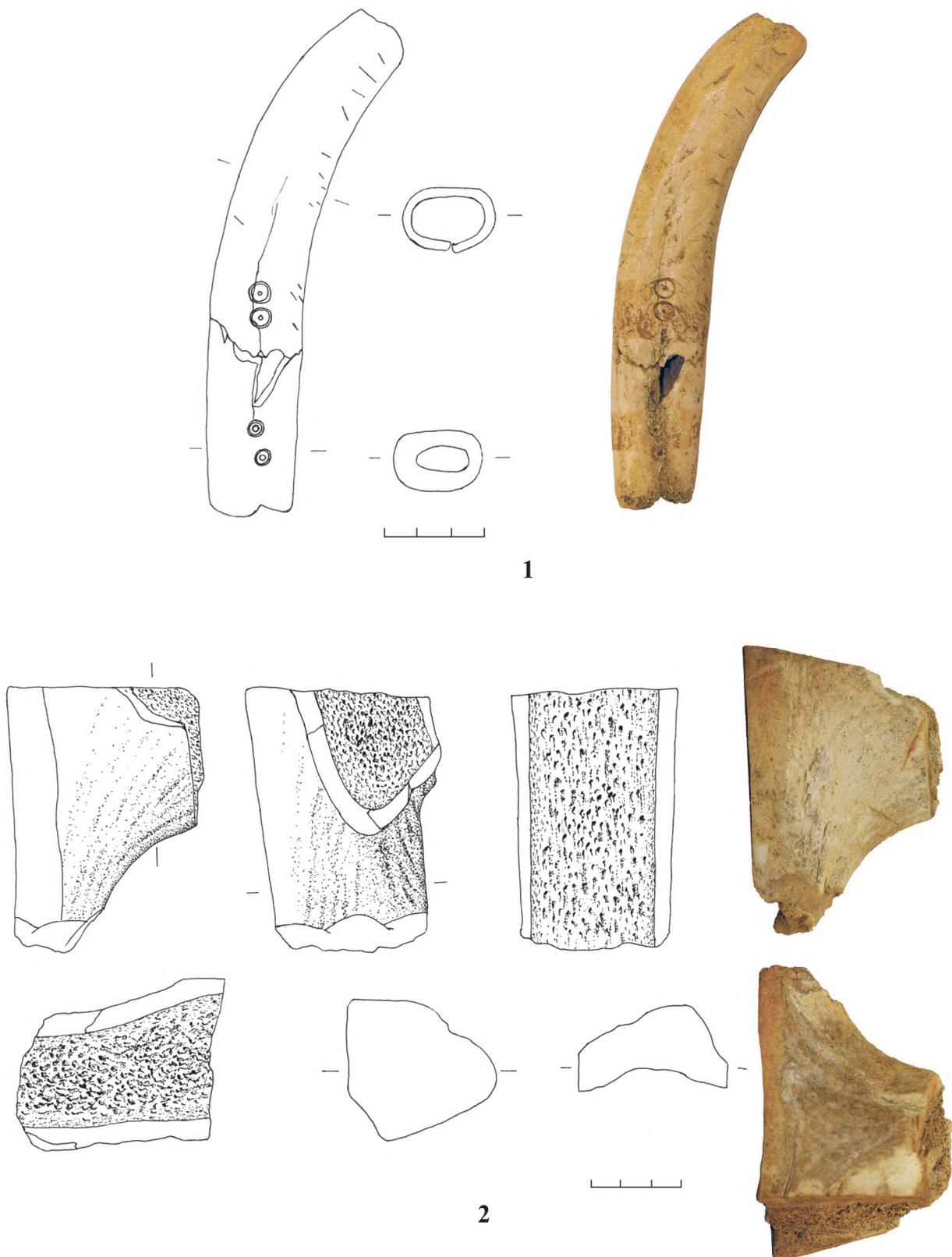

Рис. 3. 1 – рукоятка ножа; 2 – обрзок рога со следами обработки (отходы производства)

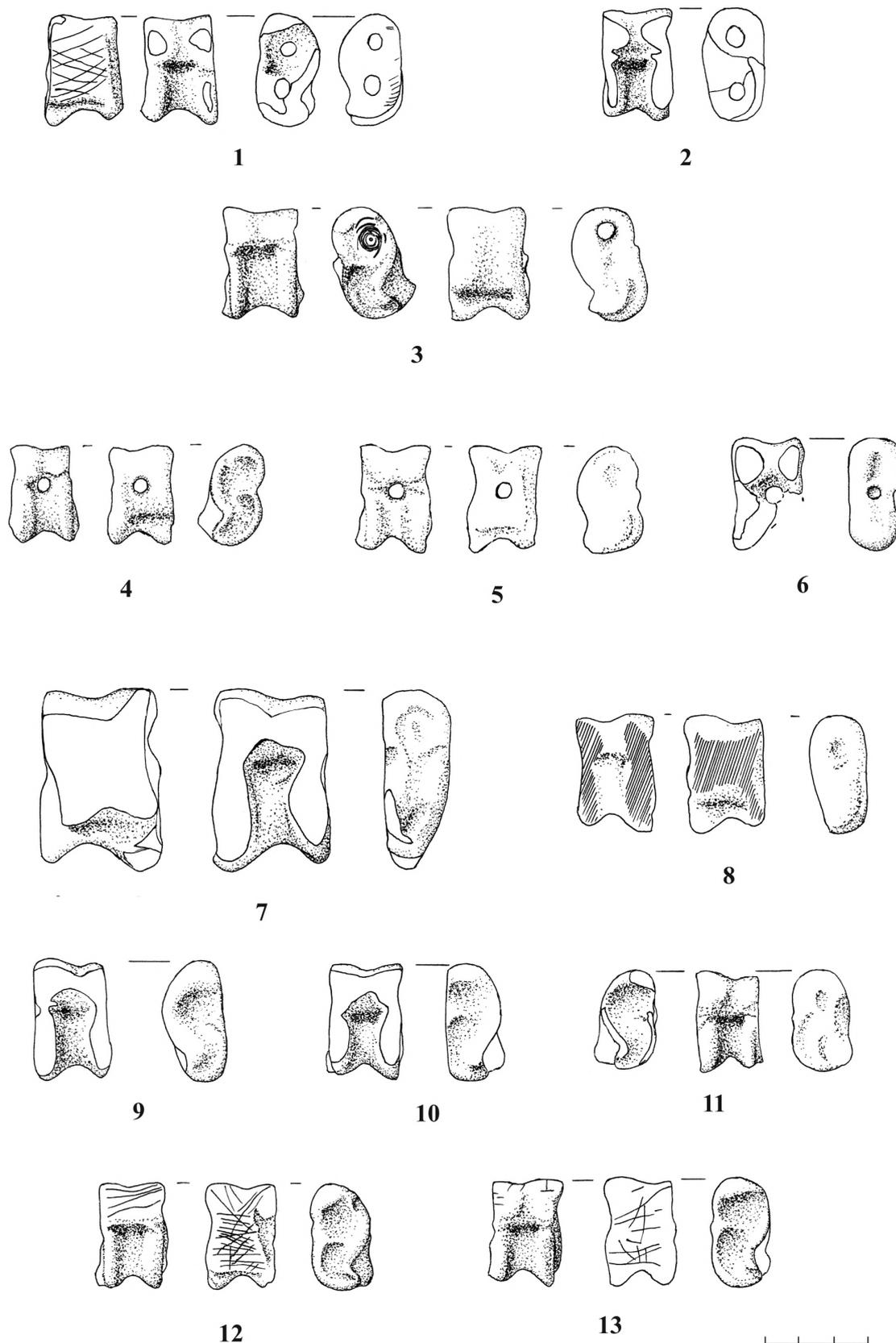

Рис. 4. 1 – астрагал с двумя отверстиями и насечками, 2 – астрагал с двумя отверстиями, 3 – астрагал с недосверленным отверстием, 4–6 – астрагалы с одним отверстием в центре, 7–11 – obtuse астрагалы, 12–13 – астрагалы с насечками

ПОЛОВЕЦКОЕ СВЯТИЛИЩЕ В САРПИНСКОМ РАЙОНЕ КАЛМЫКИИ

.....

В 2007 году на территории Сарпинского района Республики Калмыкия производились охранно-спасательные археологические раскопки двух курганов «Садовое 5» и «Садовое 6» (рис. 1). В данной публикации представлены материалы раскопок кургана «Садовое 5» (Верещагин В.В., 2008).

Памятник располагался к востоку от села Садовое, в 500 м от поворота автотрассы Волгоград – Элиста (рис. 2). Курган был возведен в эпоху средневековья на гребне водораздела между балками Зельмень на севере и Большая Суха на юге.

Высота кургана была 0,6 м, диаметр 20 м, насыпь округлая в плане и линзовидная в разрезе. Поверхность неровная – в центре и по краям были отмечены несколько оплывших ям. На поверхности насыпи было разбросано большое количество фрагментов песчаника разной величины. Под дерновым слоем мощностью 10–12 см был обнаружен мощный каменный панцирь, в плане простой невыпуклый четырехугольник (рис. 3). Он представлял собой вымостку из ломанных фрагментов песчаника разных размеров и конфигурации, положенных на небольшую насыпь округлой формы. Четырехугольник был ориентирован вершинами по сторонам света. Размеры вымостки: длина северо-западной стороны 18,20 м, северо-восточной – 20 м, юго-восточной – 16,6 м, юго-западной – 17,6 м. Стороны панциря довольно прямые, кроме юго-восточной. Она была сильно вдавлена внутрь посередине. Северная, западная и южная вершины были выложены почти под прямым углом. Часть южной вершины была разрушена. Восточная вершина была округлой. Камни панциря были уложены горизонтально в один слой. Края панциря были выложены большими плоскими плитами песчаника. Ближе к центру лежали камни поменьше, но довольно плотно пригнанные друг к другу. В центре кургана выделяется округлая площадка диаметром 10–11 м, где кладка становилась разрозненной и состояла в основном из мелких камней. В самом центре насыпи была вырыта

прямоугольная яма, ориентированная длинной осью строго по линии север – юг, размерами 2,4 × 3,0 м. Углы ямы были округлые. Край ямы был выложен камнями различной величины. В яме было обнаружено единственное погребение (№ 1). Яма была засыпана землей и камнями.

Курган не подвергался распахке, поэтому конструкция панциря осталась неповрежденной, лишь в районе южного угла отсутствовала часть камней.

Стратиграфия

Западный фас центральной бровки:

1. Слой гумуса толщиной 10–12 см накрывал всю насыпь кроме промежутка между 4 и 6 м севера. На северной периферии кургана был толщиной до 20 см.

2. Светло-серый суглинок лежал под гумусным слоем и над панцирем между 4 м севера и 4 м юга. В центральной части этот слой прорезался заполнением погребения 1.

3. Мешанное заполнение погребения 1. В нем присутствовало большое количество щебня. Прорезало всю насыпь кургана до материка. Прослежено между 0,50 м севера и 2,40 м юга.

4. Каменный панцирь. В центральной части разрушен погребением 1. Лежал на насыпи из щебневатого суглинка, на периферии кургана – предматерике (камни были вкопаны в него). Состоял из плоско лежащих плит песчаника разных размеров.

5. Щебневатый коричневый суглинок – насыпь лежала над предматерике, перекрытая сверху каменным панцирем. В центре разрушен погребением 1. Прослежен между 7,80 м севера 8,50 м юга. Толщиной до 40 см.

6. Предматерик – чуть более светлый, чем материк, темно-коричневый зернистый суглинок.

7. Материк – темно-коричневый зернистый суглинок.

Погребение № 1 было обнаружено в центре кургана на глубине 0,74 м в 0,75 м к юго-западу от центрального репера. Погребение совершенно в центре каменного панциря, в месте,

РЕСПУБЛИКА КАЛМЫКИЯ

Рис. 1. Карта Республики Калмыкия

где, вероятно, были ранее установлены каменные изваяния. Форма погребальной ямы не прослежена. Под заполнением был обнаружен костяк взрослого мужчины. Он лежал вытянуто на спине, черепом на запад-юго-запад, с небольшим разворотом на левый бок, лицевыми костями на север. Скелет частично разрушен. Кости левой руки были согнуты в локтевом суставе под прямым углом, кисть лежала к северу от таза. Кисти правой руки лежали разрозненно. Кости ног были вытянуты параллельно, по оси позвоночного столба, и чуть согнуты в коленных суставах.

Между берцовыми костями был найден фрагмент сильно коррозированного железа.

Назначение предмета и его отношение к погребению определить невозможно.

Находок керамики или других предметов, определяющих время строительства конструкции, не обнаружено.

При обследовании местности вокруг кургана в балке Зельмень в двух километрах к северу от кургана было обнаружено место, откуда, вероятно, добывался камень для строительства панциря. Балка довольно глубокая и ближе ко дну имеет обширные выходы камня.

Святилища половецкого времени распространены на огромной территории юга Украины и России. По дошедшим до нас следам

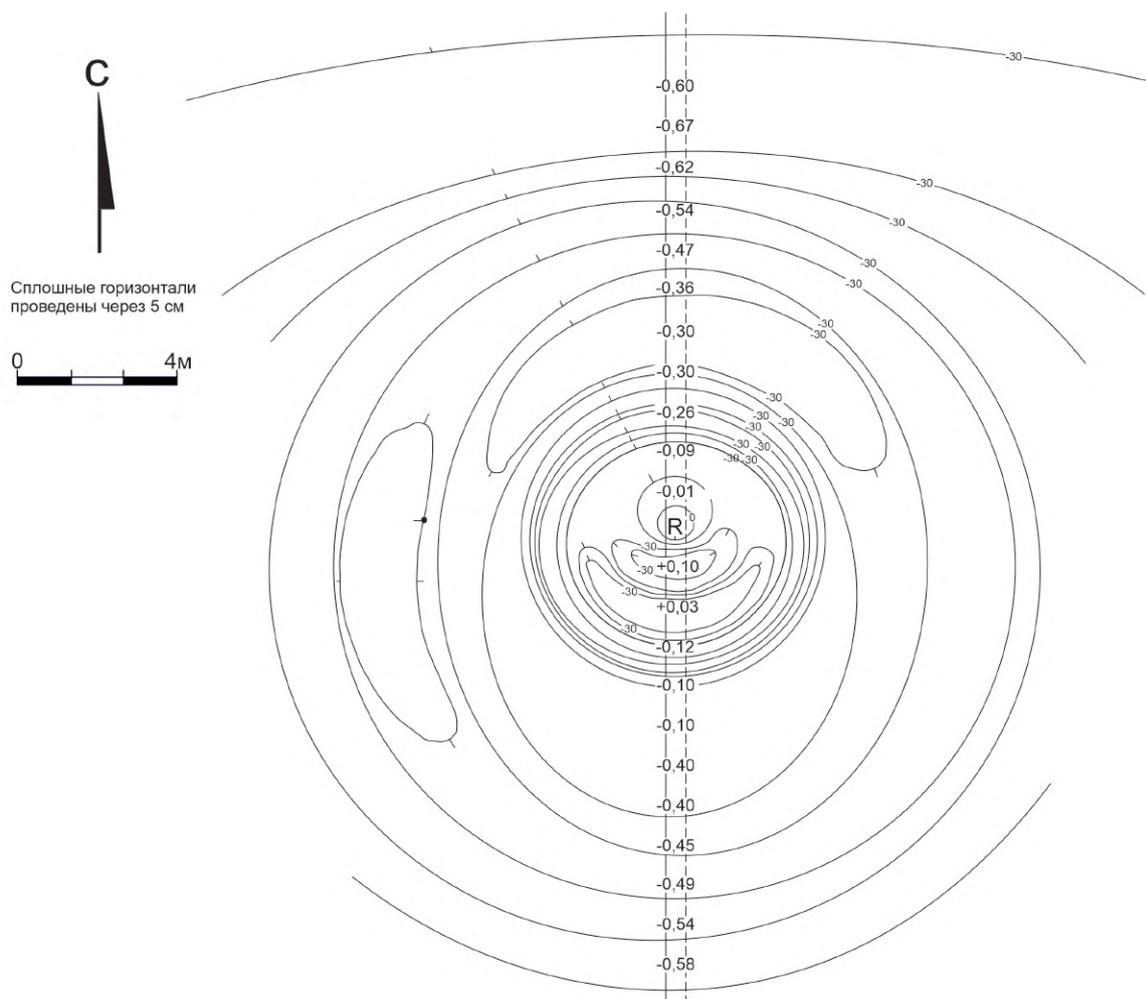

Рис. 2. План кургана «Садовое 5»

видно, что святилища были различных архитектурно-композиционных решений: просто каменные или деревянные изваяния (бабы), вкопанные в насыпь кургана; изваяния с ямами, выкопанными рядом; изваяния, вокруг которых оборудована земляная площадка, иногда с деревянными деталями; изваяния, установленные в центре каменных конструкций. Перечисленные приемы планировки могли смешиваться и дополняться. Но всегда центром святилища было каменное изваяние.

При раскопках святилища «Садовое 5» каменных или деревянных изваяний обнаружено не было. Вероятно, они разделили судьбу тысяч или десятков тысяч статуй, которые «были варварски уничтожены» (Плетнева С.А., 1974, с. 8). Но судя по контексту самого комплекса, изначально в центре была установлена одна или несколько статуй.

Подобных святилищ, состоящих из каменных конструкций, на территории Калмыкии пока больше не известно. Здесь в принципе не известны квадратные в плане каменные конструкции половецкого времени (ни у святилищ, ни у погребений).

До недавнего времени в Северо-Западном Прикаспии не было задокументировано ни одного святилища половецкого времени. Г.А. Федоров-Давыдов отмечал почти полное отсутствие «каменных изваяний к востоку от Дона» (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 188). С.А. Плетнева знает только одно каменное изваяние с территории Калмыкии (Плетнева С.А., 1974, с. 12).

По данным списка святилищ средневековых кочевников, составленного А.Г. Атавиным, в Калмыкии известно только одно святилище, открытое И.В. Синицыным в 1965 году (Атавин А.Г., 2008, с. 155). Это тоже изва-

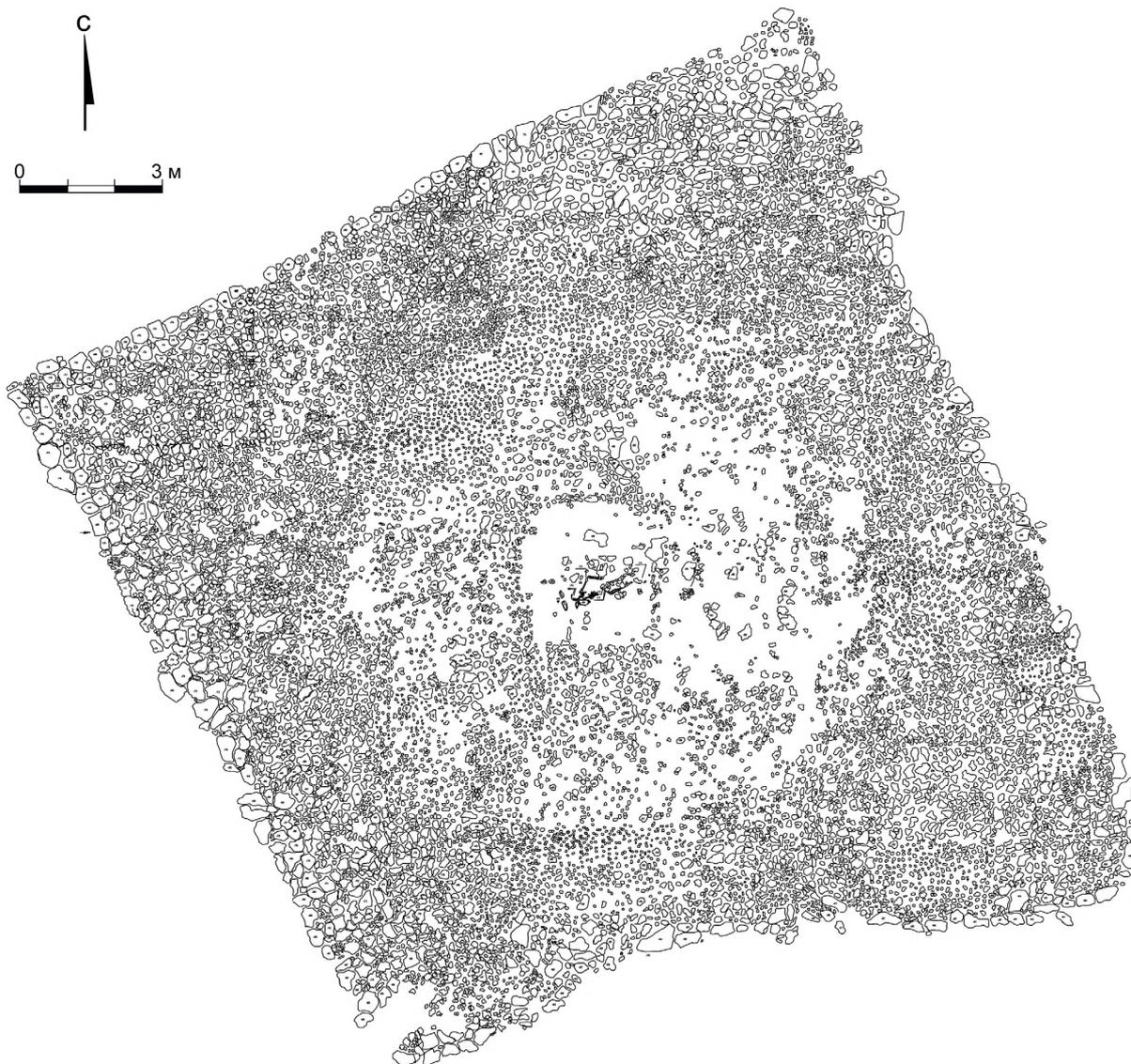

Рис. 3. План каменной вымостки кургана «Садовое 5»

яние, что упоминает С.А. Плетнева. В кургане 21 второй группы курганов на левом берегу Восточного Маныча была найдена каменная баба из известняка, установленная вертикально в насыпи кургана. Курган был высотой 3 метра и диаметром 35 м. В нем обнаружено 2 погребения ямной культуры, одно – катакомбной и одно – савроматской. Никаких конструкций, связанных с изваянием, обнаружено не было (Синицын И.В., 1978, часть 1, с. 81–82, часть 2, с. 117, таблица 110, 3).

Еще одно святилище было обнаружено в 2002 году в Яшалтинском районе. При раскопках кургана бронзового века могильника Бага

Туктун (Бага Бурул) в насыпи было обнаружено каменное изваяние, закопанное вертикально. Курган имел высоту 1,5 м и диаметр 20 м (Буратаев Е.Г., 2018, с. 11; Очир-Горяева М.А., 2008, с. 203–204). Каменных конструкций, связанных с изваянием, обнаружено не было.

В статье, посвященной истории археологического исследования Калмыкии, Е.В. Цуцкин приводит данные Н. Львовского (Казанский университет) о находке в 1893 году каменной бабы в Большедербетовском улусе (современные Городовиковский и Яшалтинский районы Республики Калмыкии, север Ставропольского края). Изваяние было выкопано в кургане,

«она представляла женщину в обнаженном виде в два аршина высотой. Статуя сделана из известкового камня» (Цуцкин Е.В., 1985, с. 4). Никаких данных о каменных конструкциях, сопровождающих находку изваяния, не приводится.

В национальном музее Республики Калмыкия хранятся еще 4 «каменные бабы». Одно изваяние происходит из окрестностей села Пушкино Городовиковского района. Происходит из разрушенного кургана у озера Цаган Нур. Изваяние поступило в музей в 1964 году (Буратаев Е.Г., 2018, с. 12–14). О месте нахождения второй статуи в книге поступлений музея данных нет (Буратаев Е.Г., 2018, с. 14–16). Третье изваяние найдено во время строительных работ в пригороде г. Элисты и передано в музей местным жителем (Буратаев Е.Г., 2018, с. 16–17). В музей поступило в 1997 году. Местонахождения четвертого изваяния неизвестно, поступило в музей в 2011 году (Буратаев Е.Г., 2018, с. 17–18).

Также на территории бывшего Большедербетовского улуса найдены скульптуры животных. Из Яшалтинского района происходит случайная находка – голова барана из песчаника (Эрдниев У.Э., 1990, с. 127, 129). Из Городовиковского района – туловище барана с отбитой головой. Скульптура была найдена случайно на поверхности восточного кургана курганной группы Егорлык-1 (Очир-Горяева М.А., 2018, с. 88–89).

Таким образом, на территории Калмыкии по прямым и косвенным данным известно 7 половецких святилищ с каменными бабами. Только по двум святилищам известны подробности и детали нахождения (Синицын И.В., 1978 и Буратаев Е.Г., 2018, с. 11). Одна находка была сделана при раскопках в 1893 году, но подробного описания раскопок у нас нет (Цуцкин Е.В., 1985). Остальные четыре находки были сделаны случайно. Для двух из них не известен даже административный район нахождения (Буратаев Е.Г., 2018). Данных о каких-либо конструкциях, сопровождающих каменные изваяния, мы не имеем.

Все каменные бабы, у которых известен хотя бы район нахождения, происходят с юга и юго-запада Калмыкии (Городовиковский, Яшалтинский, Ики-Бурульский районы и г. Элиста). Все эти памятники тяготеют к долине реки Маныч.

По типам каменные изваяния относятся к Типу II, подтип а и б по Г.А. Федорову-Давыдову,

Типу V, подтипу б и VII типу по Плетневой С.А. (Буратаев Е.Г., 2018, с. 9–25). Соответственно датируются XII–XIII вв., кроме второго изваяния из национального музея Республики Калмыкия, которое имеет время создания XIII–XIV вв.

В отличие от Калмыкии на соседних территориях известно гораздо больше святилищ половецкого времени. Наибольшая концентрация их приходится на бассейн реки Северский Донец и Нижний Дон, где С.А. Плетнева размещает Донское и Нижнедонское или Донецкое объединение половцев (Плетнева С.А., 1974, с. 19). Также Г.А. Федоров-Давыдов связывает сосредоточение здесь средневековых святилищ с существованием в этих районах хорошо известных домонгольских объединений половцев (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 188).

Несмотря на значительное количество известных святилищ на указанной территории, каменных квадратных конструкций известно немного.

На территории Ростовской области интересны следующие комплексы: курган б на ул. Вятской г. Ростова-на-Дону (Волков И.В., Ларенок П.А., 1988, с. 86–87); курган Октябрьский-I в Красносулинском районе Ростовской области (Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2012, с. 95–98); курган 2 курганного могильника Новоколоковский-IV у г. Новошахтинск Ростовской области (Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2012, с. 98–99); курган 7 курганного могильника Репный I в Каменском районе Ростовской области (Глебов В.П., 2004, с. 157–186; Гугуев Ю.К., 2001, с. 72–82; Гугуев Ю.К., 2012, с. 65–84); курган 2 курганного могильника Ливенцовка VII в западной части г. Ростов-на-Дону (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 114–143).

Эти святилища объединяет ряд общих характеристик: во всех найдены каменные изваяния, во всех обнаружены квадратные конструкции, сложенные из камней, все сделаны на курганах более ранних времен. При строительстве трех последних святилищ активно использовался камень из панцирей бронзовой эпохи. Святилища на кургане 7 к.м. Репный I и кургане Октябрьский-I имели каменную оградку, сложенную из нескольких рядов кладки. Ю.К. Гугуев предположил, что святилище на кургане 7 к.м.

Репный I представляло собой невысокий широтно ориентированный каменный дом с входом с восточной стороны. Внутри дома стояла обращенная лицом к востоку каменная статуя (Гугуев Ю.К., 2012, с. 70). Керамики или других датирующих предметов в святилищах найдено не было. По каменным изваяниям комплексы датируются авторами XII – нач. XIII вв. (Гугуев Ю.К., 2012, с. 73) к. XII – нач. XIII вв. (Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2012, с. 100). Святилище на кургане 2 к.м. Ливенцовка VII датируется развалом красноглиняной амфоры, концом XII – началом XIII вв. (И.В. Волковым) Установка первых двух изваяний и строительство каменной конструкции датируется второй половиной XII – началом XIII в. (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 127).

М.Л. Швецов в своей сводке половецких святилищ Донецкой области и Ворошиловградского района Украины описывает четыре с квадратными в плане конструкциями. Характеристики их во многом совпадают с описанными выше святилищами из Ростовской области (Швецов М.Л., 2018, с. 12–22). Из них выделяется только святилище на кургане 5 у с. Новоселовка. Здесь была обнаружена сплошная «выкладка из камней, подквадратная в плане» (Швецов М.Л., 2018, с. 17). Сведения в статье об этом комплексе очень кратки. По чертежу видно, что вымостка сильно пострадала, центральная часть практически уничтожена. Изваяний здесь обнаружено не было, автор предполагает, что они были извлечены ранее. Под камнями найдена горловина амфоры, аналогичной найденной под камнями святилища на кургане 2 к. м. Ливенцовка VII (Швецов М.Л., 2018, с. 18). Это дает основание датировать сооружение святилища на кургане 5 у с. Новоселовка концом XII – началом XIII в.

На основании опубликованных комплексов автор выделяет четыре вида половецких святилищ. Для нас интересен второй вид, который «представляет собой сооружение в виде каменного покрытия вокруг изваяний или использование существующего ранее панциря. Форма их разнообразна. В центре каменных панцирей оставались овальные или круглые площадки, предназначенные для жертвоприношений» (Швецов М.Л., 2018, с. 21). Сюда

входит описанный выше комплекс кургана 5 у с. Новоселовки, а также курган 3 у с. Новоселовки и курган 4 у с. Астахово Донецкой области (Швецов М.А., 2018, с. 21). Объединение этих трех комплексов в один вид выглядит не очень логично, т.к. на кургане 3 у с. Новоселовки под святилище использовался каменный панцирь бронзового века, а вымостка на кургане 4 у с. Астахово имеет округлую в плане форму.

Кроме территории Дона и Северского Донца аналогия святилищу на кургане «Садовое 5» обнаружена на Южном Урале. Около д. Назаркино Кугарчинского района Республики Башкортостан в 1968 г. был раскопан II Акимбетовский курган (Мажитов Н.А., 1981, с. 158, 159, рис. 76). Он представлял собой каменную кладку с поставленными в центре двумя каменными изваяниями. К сожалению, насыпь была частично уничтожена местными жителями, каменные бабы изъяты и сданы в местную школу. При раскопках была открыта оставшаяся сплошная каменная кладка диаметром 11 м и высотой около 50 см. Первоначальные размеры и форму установить не удалось. Кроме нескольких фрагментов скелета лошади находок не было. Датировочного материала в кургане не было, поэтому автор определяет время сооружения кургана по аналогии с курганом 2 Ямаши-Тауской группы курганов рубежом I–II тысячелетий.

Святилище на кургане «Садовое 5» пока единственное в своем роде на территории Северо-Западного Прикаспия. Находки каменных половецких изваяний говорит о существовании других святилищ, но об их конструкциях ничего не известно. Указаний на наличие каменных площадок в отчетных материалах нет.

Прямых аналогий в других регионах тоже найти не удалось. Все святилища Дона и Северского Донца квадратной в плане формы сооружены на более древних курганах. Часто для их создания был использован камень из более древних сооружений на том же кургане. Сплошная каменная кладка квадратной в плане формы встречена один раз в Донецкой области (курган 5 у с. Новоселовка). Объединяет все описанные святилища отсутствие в них находок. Только в двух случаях (курган 5 у с. Новоселовки и курган 2 к. м. Ливенцовка VII) под каменной кладкой были обнаружены раз-

валы амфор. Полное отсутствие археологических предметов или их маловыразительность является одним из отличительных признаков половецких святилищ (Апареева Е.К., Красильников К.И., 2016, с. 329). В нескольких случаях в камнях святилищ были найдены кости лошадей, коров, овец и в одном случае верблюда.

Святилище из II Акимбетовского кургана на Южном Урале, как и «Садовое 5», было сооружено отдельно, без использования существовавшей курганной насыпи. Но из-за сильного разрушения кладки не сохранилась его первоначальная форма.

Общей особенностью для рассматриваемых святилищ является их квадратная или прямоугольная форма в плане. На большинстве святилищ были обнаружены обломки каменных изваяний. В центре конструкции кургана «Садовое 5» имелась правильная четырехугольная область без камней. Здесь, вероятно, было установлено одно или несколько изваяний.

Как отмечали С.В. Гуркин и Ю.К. Гугуев, прямоугольник или квадрат нередко служил главным структурным элементом, организующим внутреннее пространство культовых сооружений у половцев (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 134). В погребальном ритуале также часто используется квадрат в виде каменной ограды. Такие погребения известны в Ставропольском крае (Минаева Т.М., 1964, с. 168–169), Ростовской области (Житников В.Г., 1982, с. 35–37, рис. 138–146; Ильюков Л.С., 2001, с. 18–21, 24–29, рис. 60–71, 89–112; Ильюков Л.С., 1987, с. 58–60, рис. 294–303; Казакова Л.М., 1973, с. 61, рис. 40: 4, 5).

Тюркоязычные этносы соотносили квадрат с земной твердью. Земля представлялась как плоское квадратное пространство с резиденцией тюрских каганов в центре, ограниченное четырьмя морями (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 136). Родовая территория предстает «копией мира в целом». А семантика квадратного святилища со статуей предка посередине – модель родовых (племенных) владений (Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992, с. 136).

По разработанным типологиям для половецких святилищ «Садовое 5» относится ко 2 типу по М.Л. Швецову. Это сооружение в виде каменного покрытия вокруг изваяний или использование существующего ранее панциря.

Форма их разнообразна. В центре каменных панцирей оставались овальные или круглые площадки, предназначенные для жертвоприношений (Швецов М.Л., 2018, с. 21). Особенностью конструкции «Садовое 5» является квадратная, а не овальная площадка в центре. По типологии С.В. Гуркина оно относится к 1 типу – святилища со статуей (статуями), устроенные на вершинах курганов эпохи бронзы или раннежелезного времени. Каменные изваяния установлены в них вертикально, чаще всего лицом к востоку – северо-востоку, обозреваются издали и со всех сторон легко доступны (Гуркин С.В., 1989, с. 32–33). Отличие святилища «Садовое 5» от описанных условий – святилище устроено не на древнем кургане, на специально насыпанной небольшой насыпи.

Из-за отсутствия главного хроноиндикатора – изваяния – и других находок на «Садовом 5» трудно установить точное время строительства комплекса. Поэтому время создания и функционирования святилища определяется временем между приходом на эту землю половцев и монгольским завоеванием. Для всего Северо-Западного Прикаспия и для Калмыкии, в частности это вторая половина XI – 30-е гг. XIII в. по периодизации С.М. Васюткина. Это третий этап в истории средневековых кочевников Восточной Европы, названный половецким, или кыпчакским (Васюткин С.М., 1993, с. 24–25).

Святилище «Садовое 5» находится на севере Республики Калмыкия, в районе, где концентрация средневековых древностей наиболее высока в раскопанных на данный момент памятниках (Очир-Горяева М.А., 2008, с. 147). К востоку от святилища находится единственное обнаруженное в северной части Калмыкии поселение эпохи средневековья – Заханата. Поселение было исследовано Е.В. Шнайдштейн вместе с курганным могильником Заханата, но материалы по раскопкам в отчет не вошли и опубликованы не были (Очир-Горяева М.А., 2008, с. 141). К северо-востоку был полностью исследован половецкий курганный могильник Малые Дербеты 1 (Верещагин В.В., 2008). К юго-востоку – половецкий курганный могильник Иджил (Кольцов П.М., Кольцова К.М., Верещагин В.В., 2018, с. 73–74). Половецкие погребения встречены в курганных могильниках

Заханата (Сарпинский район РК) (Шнайдштейн Е.В., 1985, с. 93), Купцын Толга (Шнайдштейн Е.В., 1981, с. 118), Гува (Малодербетовский район РК) (Шнайдштейн Е.В., 1979, с. 68), у с. Цаца (Светлоярский район Волгоградской области) (Шилов В.П., 1985, с. 154) и мн. др.

Все эти перечисленные памятники из Сарпинского, Малодербетовского, Октябрьского районов Калмыкии и Светлоярского района Волгоградской области привязаны к системе Сарпинских озер. Цепочка Сарпинских озер начинается за южной окраиной Волгограда, в Светлоярском районе Волгоградской области. Большая часть расположена в границах Республики Калмыкия в пределах Сарпинской низменности. Южная оконечность Сарпинской системы озер расположена близ поселка Сарпа в Кетченеровском районе Калмыкии. Сарпинские озера представляют собой реликт внутренней дельты пра-Волги (<http://www.fesk.ru/wetlands/148.html>).

Вполне вероятно, что памятники долины реки Маныча и долины Сарпинских озер принадлежат разным группам половецкого населения Северо-Западного Прикаспия, кочевавшим в бассейнах названных рек. Возможно, что границы кочевий манычских и сарпинских половец совпадают с границами бывших большедербетовского и малодербетовского улусов калмыков.

Аналогии святилища «Садовое 5», таким образом, можно будет обнаружить, по всей вероятности, не только в пределах Сарпинского, Малодербетовского, Октябрьского и Кетченеровского районов Республики Калмыкия, но и в прилегающих районах Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей.

Распространение манычской группы половец приходится, вероятно, на Яшалтинский, Городовиковский, Приютненский, Целинный, Ики-Бурульский районы Калмыкии и город Элисту, Ремонтненский район Ростовской области и на ставропольское левобережье Маныча. В 2005 году в Ремонтненском районе Ростовской области у балки Рассыпной были обнаружены фрагменты от трех каменных половецких статуй (Панасюк Н.В., Усачук А.Н., 2012, с. 149). Сравнение этих фрагментов изваяний с известными калмыцкими экземплярами может выявить их композиционное сходство и поможет в дальнейшем определении границ

распространения памятников половец манычской группы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) святилище «Садовое 5» – единственное святилище с каменной конструкцией на территории Калмыкии.

2) время сооружения и существования святилища – вторая половина XI – 30-е гг. XIII в.

Учитывая, что вокруг святилища «Садовое 5» концентрируется наибольшее число исследованных половецких памятников, оно могло быть сакральным центром определенной группы половец. Вполне вероятно, что это было объединение проживающих в бассейне Сарпинских озер (старица волжской протоки).

В Калмыкии известны святилища без каменных конструкций, но они, вероятно, принадлежат другой группе половец (манычской).

Подобная конструкция у половецких святилищ встречается крайне редко, в соседних регионах полной аналогии не найдено.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ЛИТЕРАТУРА

Апареева Е.К., Красильников К.И., 2016. Обрядовая практика половецкого святилища Донецкого кряжа // Степи Восточной Европы в средние века: Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой / Ин-т археологии РАН. М.: Издательство «Авторская книга». С. 327–341.

Атавин А.Г., 2008. Погребения и святилища средневековых кочевников междуречья Волги и Дона // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина / Рос. акад. наук; отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС. С. 106–171.

Буратаев Е.Г., 2018. Половецкие каменные изваяния-бабаи в коллекции Национального музея Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. № 4(8). Элиста. С. 9–25.

Васюткин С.М., 1993. О периодизации этнической истории средневековых кочевников Восточной Европы // Проблемы всемирной истории. Сборник научных трудов. Элиста: Изд-во КГУ. С. 11–27.

Верещагин В.В., 2008. Отчет об охранных археологических раскопках курганного могильника Малые Дербеты 1 на территории Малодербетовского района, курганов Садовое 5 и Садовое 6 на территории Сарпинского района Республики Калмыкия в 2007 году. Элиста, 2008 / Архив ИА РАН. Ф-1, Р-1, №№ 47005, 47006.

Волков И.В., Ларенок П.А., 1988. Половецкое святилище на Нижнем Дону // Вестник московского университета. Серия 8. История. № 1. С. 86–87.

Глебов В.П., 2004. Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Том I. Ростов н/Д. С. 157–186.

Гугуев Ю.К., 2012. Половецкое святилище на Северском Донце (проблема реконструкции первоначального вида культового комплекса) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10. Половецкое время. Сб. науч. работ / гл. ред. А.В. Евглевский; Донецкий нац. ун-т. Т. 10. Донецк: ДонНУ. С. 65–84.

Гугуев Ю.К., 2001. Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце // Донская археология №№ 3–4. Ростов-на-Дону. С. 72–82.

Гугуев Ю.К., Гуркин С.В., 1992. Половецкое святилище середины XI – начала XIII в. на правом берегу Дона (опыт исследования семантики культового комплекса) // Донские древности. Выпуск 1. Под ред. В.Я. Кияшко и В.Е. Максименко. Азов. С. 114–143.

Гуркин С.В., 1989. К вопросу о семантике половецких святилищ // ИАИАНД в 1988 (тезисы докладов к семинару). Азов. С. 31–43.

Житников В.Г., 1982. Отчет о работе Чирского отряда Ростовской экспедиции Ростовского университета, 1982 год // Архив ИА РАН. Р-1, № 9220, а.

Ильюков Л.С., 1987. Отчет об исследовании курганного могильника «Царский» в Мясниковском районе Ростовской области, 1987 год // Архив ИА РАН. Р-1, № 11889, а.

Ильюков Л.С., 2001. Исследование курганного могильника Нижнедонские Частые Курганы в Белокалитвенском районе Ростовской области в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Казакова Л.М., 1973. Отчет о спасательных работах в зоне строительства Новоростовской ТЭЦ-2 и механического завода в 1973 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 6380, а.

Кольцов П.М., Кольцова К.М., Верещагин В.В., 2018. Родовые могильники кочевников Золотой Орды на территории Калмыкии // Археология Евразийский степей. Средневековая археология (Материалы VIII Международной научной конференции «Диалог городской и степной культуры на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова). № 4. Казань. С. 73–87.

Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука. 164 с.

Минаева Т.М., 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. 11. Ставрополь. С. 168–169, рис. 1.

Очир-Горяева М.А., 2008. Археологические памятники волго-маньчжских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.) / вступ. ст. А.С. Скрипкин, Г. Парцингер. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел». 298 с.: ил.

Очир-Горяева М.А., 2018. Археологические памятники Городовиковского района Республики Калмыкия // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. № 4(8). Элиста. С. 84–100.

Панасюк Н.В., Усачук А.Н., 2012. Находки половецких каменных изваяний в северной части Ергеней // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10. Половецкое время. Сб. науч. работ / гл. ред. А.В. Евглевский; Донецкий нац. ун-т. Т. 10. Донецк: ДонНУ. С. 149–154.

Плетнёва С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е4-02. М.: Наука. 200 с.: ил., табл.

Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е., 2012. Два комплекса с половецкими статуями на реке Кундрючьей // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10. Половецкое время: сб. науч. работ / гл. ред. А.В. Евглевский; Донецкий нац. ун-т. Т. 10. Донецк: ДонНУ. С. 95–116.

Прокофьев Р.В., Хахонина Т.Е., 2009. Новое половецкое святилище на р. Кундрючьей // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 года / Учреждение Рос. акад. наук Ин-т археологии, Азовский ист.-археол. и палеонтол. музей-заповедник; отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. С. 438–444.

Синицын И.В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча. Часть 1. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 136 с.

Синицын И.В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча. Часть 2. Альбом иллюстраций. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 120 с.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Московского ун-та. 276 с.

Цуцкин Е.В., 1985. Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ. 1985. С. 3–22.

Швецов М.Л., 2018. Половецкие святилища // Евразийская Степь и Донбасс в эпоху Средневековья. Сборник избранных статей Михаила Львовича Швецова. К 75-летию со дня рождения. Донецк. С. 12–22.

Шилов В.П., 1979. Курганный могильник у села Цаца // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ. С. 94–157.

Шнайдитейн Е.В., 1979. Раскопки курганов в урочище «Гува» // Археологические памятники калмыцкой степи. Элиста: КНИИИФЭ. С. 3–24.

Шнайдитейн Е.В., 1981. Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ. С. 78–119.

Шнайдитейн Е.В., 1985. Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ. С. 79–93.

Эрдниева У.Э., 1990. Об идеологических представлениях древних племен на археологических материалах Калмыкии // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990. С. 122–132.

КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ИЗВАЯНИЕ XIII В. С ВТОРИЧНЫМ ЗНАКОМ ИЗ ГОРОДА ИЗОБИЛЬНЫЙ: СКРЫТЫЙ СМЫСЛ ИКОНОГРАФИИ

.....

На учете в историко-краеведческом музее Изобильненского района (г. Изобильный, Ставропольский край) находится мужская кочевническая скульптура XIII в., на которой значительно ниже антропологического уровня низа живота изображен вторичный знак в виде синкретической фигуры полукруга-полуквадрата. Эта фигура-знак, несомненно, содержащая в себе скрытый смысл, и стала поводом к появлению данной статьи.

Изваяние было зафиксировано в качестве опорного столба в с. Московское Изобильненского района, расположенного на северо-восточных склонах Ставропольской возвышенности, на правом берегу р. Ташла – правого притока р. Егорлык, левого притока р. Западный Маныч. Оно неоднократно публиковалось (Богачкова А.Е., 1994, с. 29; Нарожный Е.И., Соков П.В., 2016, с. 234, рис. 1, 92; Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, с. 191–205, рис. 4, 1–6; 5, 1–5), но, как проницательно подытожили Е.И. Нарожный и П.В. Соков, все изваяния из музея г. Изобильный, «вне всякого сомнения, еще не раз привлекут к себе внимание специалистов» (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, с. 196). Так ли это будет на самом деле, учитывая практически полностью утраченные нюансы иконографии на скульптурах коллекции, время покажет, но изваяние с указанной фигурой, охарактеризованной Е.И. Нарожным и П.В. Соковым как гендерный знак, мое пристальное внимание привлекло еще в июне 2012 г.

Проблемы описания и интерпретации иконографии изваяния¹

¹ Публикация Е.И. Нарожного и П.В. Сокова изобильненской коллекции (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, с. 191–205) представляет собой типичное введение в научный оборот источника, но с насыщенной подборкой фотографий разных ракурсов. Однако описание деталей иконографии изваяния с фигурой-знаком оказалось совсем удачным. В связи с этим, надеюсь, что моя крити-

Методика и опыт. Описание изваяния у Е.И. Нарожного и П.В. Сокова по одним признакам получилось излишне пространственным за счет акцентирования ими внимания на некоторых деталях иконографии, которые на самом деле то ли иной конфигурации, то ли их вообще нет, а по другим признакам – крайне скупым. В этой связи стоит отметить, что научное описание образа человека многовековой давности, запечатленного в камне, представляет собой исключительно сложную задачу, методика которой в литературе еще далека от совершенства. И если небольшие неточности видения формы отдельных элементов иконографии могут всего лишь изменить вариант в типологии, то грубые промахи способны серьезно исказить датировку памятника и даже этнокультурную принадлежность, не говоря уже о такой тонкой сфере, как семантика образа.

Описание изваяния с любой степенью реалистичности скульптурного образа человека, на мой взгляд, не идет ни в какое сравнение с описанием какой-либо археологической вещи, например сосуда, где его форма и другие составляющие элементы (размеры, цвет, орнамент, состав теста и т.д.) сами по себе не дают существенного разброса характеристик. Совсем другое дело документирование изваяния, где обычного и даже многогранного опыта исследователя, имевшего дело со многими сотнями скульптур, не всегда может оказаться достаточно. Ведь уловить все нюансы человеческого образа, особенно тонкости выражения лица (угрюмость или улыбку), величавость или смертельное спокойствие, возраст, социальный статус, этнические черты и даже пол нередко бывает чрезвычайно сложно.

Сохранность изваяния. Указанные трудности в исследовании всегда многократно возрастают, если изваяние плохой сохранности. Иконография будет ими расценена не иначе как своеобразная научная дискуссия, как совместная попытка расшифровать скрытый смысл иконографии скульптуры.

Поэтому остается только сожалеть, что интересующая нас скульптура использовалась в качестве опоры для ворот. Скорее всего, именно в новейший период жизни изваяния в значительной степени оказались повреждены все элементы иконографии, особенно лицо, не говоря уже о длинном глубоком вертикальном углублении в левой боковой стороне скульптуры, оставшимся после стыковки с воротами, а также о сильном выветривании. Хорошо еще, что к моменту моего изучения изваяния в 2012 г. отслаивание широкими пластинами, в основном, пришлось на тыльную сторону, а лицевая сторона, к счастью, оказалась подвержена разрушению не в столь катастрофической степени. Но с учетом того, что изваяние находится на открытом воздухе у проезжей дороги (рис. 1, 1), то его и без того незавидное состояние уже в самом ближайшем будущем, к сожалению, неизбежно усугубится из-за природных явлений, выхлопных газов и возможного проявления вандализма.

Издержки сохранности изваяния нередко (как свидетельствует литература) толкают исследователя на соблазн реконструировать в описании утраченные черты иконографии, не задумываясь, что даже реконструкция образа по аналогиям может привести к серьезному искажению реальности. Здесь необходима особая внимательность, многократный просмотр каждой детали, а также желательно прислушаться к мнению коллег.

Осторожно, рисунки! Многолетний опыт работы с рисунками изваяний различного уровня исполнения показывает, что к ним по меньшей мере нужно относиться очень осторожно, а при наличии фотографий хорошего качества рисунки лучше вообще не использовать. Определить степень искаженности деталей на многих рисунках при отсутствии других документов (фотографий и описаний) оказывается довольно проблематично, а часто и невозможно. На рисунках изваяний иногда изображают такие элементы иконографии, которые в соответствующей этнокультуре кочевников никогда не воспроизводились мастерами. Как следствие, рисунки создают серьезные пробле-

мы с интерпретацией иконографии изваяний, прежде всего для исследователей, непосредственно не работавших с памятником. Более того, на основании серии рисунков изваяний, предусмотрительно не отсортированных, еще не так давно в литературе выстраивались типологические и хронологические схемы и даже выделялись этнические маркеры, которые невольно в той или иной степени до сих пор вводят коллег в заблуждение¹.

Указанные проблемы с рисунками не обязательно подразумевают прямую зависимость от степени умения рисовать. Сильно исказить элементы иконографии может не только слабо рисующий археолог, но и профессиональный художник, и даже хорошо рисующий специалист по изваяниям. Дело в том, что отдельные художники проявляют чрезмерное усердие в демонстрации всего того, что «видят». Это может нанести гораздо больше вреда, чем беглые и грубые зарисовки, но в целом верно передающие основные формы. Особенно опасность исказить иконографию возрастает тогда, когда художник не умеет грамотно анализировать цветовые нюансы камня и структуру породы, определять древность или современность происхождения повреждений, отличать те и другие от природных изломов и естественных характеристик монолита. Такая слабая базовая геологическая подготовка, случайные причудливые отслоения камня, появившиеся в результате механических повреждений, воздействия всевозможных биоагентов (лишайников, грибов и т.д.) и выветренности поверхности могут привести к какой угодно иллюзии при воспроизведении отдельных деталей иконографии и образа изваяния в целом. Примеров в литературе предостаточно. Например, шлем изобильненского изваяния на рисунке Е.И. Нарожного и П.В. Сокова производит впечатление чалмы или тщательно уложенных волос с пробором (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, рис. 5, 1) и т.д.

¹ Впрочем, даже некачественные рисунки порой оказываются незаменимыми, когда, например, нет разрешения на фотосъемку изваяния или помешали другие непредвиденные обстоятельства.

Критический анализ иконографии¹

Скульптура столбовидная, изготовлена из детритового органогенного известняка² темно-бежевого цвета с оранжевыми вкраплениями³. Боковые грани, подтесанные к центру лицевой стороны, придают монолиту в сечении трапецевидную форму. Высота изваяния – 1,44 м, ширина – 0,41 м, толщина – 0,31 м.

Форма и посадка головы у Е.И. Нарожного и П.В. Сокова описана предельно скупо и неопределенно: «Голова округло-овальной формы» (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, с. 193), что дает повод для двусмысленности. Гораздо конкретнее будет описание: голова выделена из монолита, объемная, слегка опущена на грудь, овальной формы, с тяжелым подовальным подбородком, нависающим над грудью, шея короткая (рис. 1, 2–4; 2, 7–9).

Шлем. Головной убор легко можно принять за плотно облегающую шапочку простой формы, однако, исходя из многочисленных аналогий данному позднему типу мужского изваяния, шапочка практически исключается. Если смотреть на изобильненский шлем с тыльной стороны (относительно хорошо сохранившейся), то уверенно можно говорить, что он полусферический (рис. 1, б). А в профиль, с учетом утраченного верха, шлем выглядит как сфероконический (рис. 1, 4; 2, 7, 8). Дело в том, что объемность шлема (как и любого другого головного убора) на боковой стороне изваяния мастеру тем труднее было реалистично отразить, чем меньшей толщины был выбран моно-

лит. На боковой стороне шлем в таком случае выглядит как бы сжатым.

Из-за сильной выветренности шлема его гладкая поверхность, о которой пишут Е.И. Нарожный и П.В. Соков, не бесспорный факт (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, рис. 5, 2). Правильнее будет определение: шлем без видимых конструктивных деталей.

Бармица. Коллеги увидели на тыльной стороне шлема бармицу, однако даже при большом увеличении фотографии ее не видно (рис. 1, 4–6; 2, 7, 8). Якобы имеющийся, по мнению Е.И. Нарожного и П.В. Сокова, подпрямоугольный выступ под нижним краем шлема – на самом деле округлость головы, утрированно переданная художником светотенями (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, рис. 5, 2). Бармица призвана закрывать не только затылок, но и шею, которая в данном случае открыта. Кроме того, реалистично изобразить бармицу мастеру мешали косы, хотя совместить на затылке эти два иконографических элемента мастер теоретически мог, однако ни одного такого случая среди нескольких сотен средневековых изваяний кочевников не зафиксировано. Косам, как выразительному социоэтническому признаку, по-видимому, придавалось несравненно больше внимания, чем бармице⁴, которой вообще не отводилось значимого смысла в образе изваяния.

Косы. На скульптуре изображены не косички, как пишут Е.И. Нарожный и П.В. Соков (косички по определению всегда короткие и тоненькие), а три косы, соединенные на уровне плеч в одну, которая достигает уровня поясицы. Косы не просто выходят по центру нижней закраины шлема, как указывают коллеги, а расположены вплотную друг к другу (рис. 1, б). При этом боковые косы свисают с затылка, а не из-за ушей, как это характерно для косичек, в редчайших случаях показывающихся на

¹ Благодарю сотрудников археологической группы ДонНУ – Т.М. Потемкину, А.С. Онищенко и С.Л. Андросову – за многократное участие в коллективном обсуждении иконографии изваяния. Их накопившийся опыт за многие годы интенсивной работы с более чем двумя тысячами изваяний средневековых кочевников трудно переоценить. Во время обмена мнениями были высказаны разные версии по нюансам каждого элемента иконографии, в результате чего я, как мне кажется, выбрал наиболее оптимальный вариант описания и интерпретации скульптуры, который и лег в основу данной статьи.

² Термин детритовый известняк означает конгломерат спрессованных обломков известковых раковин, скелетных образований организмов, водорослевых слоевищ и т.п.

³ Определение геолога В.А. Исаева (г. Донецк, 14.03.2018).

⁴ Бармица показана лишь на одной полнофигурной скульптуре из Днепропетровского исторического музея, точнее, на рисунке С.А. Плетневой (1974, табл. 4, 18). Однако на ней нет кос, что для данной интерпретации бармицы принципиально важно. Проверить эту информацию не представляется возможным, поскольку фотографии тыльной стороны скульптуры ни в одной из публикаций не фигурируют.

Рис. 1. Изваяние XIII в. из историко-краеведческого музея Изобильненского района Ставропольского края

7

8

9

10

11

Рис. 2. Изваяние XIII в. из историко-краеведческого музея Изобильненского района Ставропольского края

12

13

14

15

16

Рис. 3. Изваяние XIII в. из историко-краеведческого музея Изобильненского района Ставропольского края

женских изваяниях средневековых кочевников. На конце косы заметно некое расширение, смещенное на рисунке Е.И. Нарожного и П.В. Сокова (2018, рис. 5, 2) влево, названное ими шаром. На самом деле это – то ли типичный концевой узел косы, то ли узел, спрятанный в футляр (рис. 1, б), который, судя по аналогиям, не бывает таким большим. Видимо, это – результат отслаивания камня.

Лицо. Его форму никак нельзя назвать уплощенно-овальной, как указали коллеги. Хорошо видно, что оно объемное (особенно в профиль), овальное, широкоскулое, с массивным округлым подбородком, нависающим над грудью (рис. 1, 3, 4; 2, 8, 9). Из-за выветренности и повреждений они не стали описывать черты лица в деталях, указав лишь: «Обе брови, соединяющиеся с рельефным изображением носа; заметен правый глаз и линия, очерчивающая верх рта» (Нарожный Е.И. и П.В. Соков, 2018, с. 193). В целом, такая осторожность оправдана, хотя отдельными штрихами лицо все же можно охарактеризовать.

Брови короткие, относительно широкие, с заметным сужением к концам, слегка изогнуты. **Глаза.** Судя по правому глазу, они большие, овальные. **Нос** короткий, широкий, слегка расширяется книзу, образует с бровями единую композицию. **Рот** необычно большой, вытянуто-овальной формы, сильно сужающийся к уголкам, широкие слаборельефные полосы верхней и нижней губ обрамляют небольшую вытянуто-овальную фигуру, демонстрирующую, что рот приоткрыт (рис. 2, 10). **Уши** показаны рельефными С-видными валиками, в них вдеты небольшие округлые серьги (рис. 2, 8, 9, 11; 3, 13, 14).

Грудь. Отмеченные Е.И. Нарожным и П.В. Соковым на груди скульптуры «два подпрямоугольника с явно незашлифованными внешними поверхностями» – это, очевидно, слабо просматривающиеся очертания мускулистых мужских грудей. А глубокая горизонтальная выемка под левой грудью, видимо, смутившая коллег, – явно современное повреждение, искажившее вместе с сильной выветренностью форму овальной груди, что устанавливается на основании едва просматривающейся пра-

вой груди (рис. 1, 2, 3; 3, 15). Поэтому фраза Е.И. Нарожного и П.В. Сокова, информирующая читателя: «Можно лишь предполагать, что изначально у статуи были две груди, что для статуй такого типа характерно», выглядит каким-то каламбуром. И, наконец, о грудях следует заключительная фраза коллег: «Впоследствии обе груди могли быть зачем-то сбиты». Но вряд ли в данном случае повреждения грудей сделаны умышленно. В результате, как пишут коллеги, «функциональное назначение и семантика указанных “подпрямоугольников” непонятны» (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, с. 193), что и не удивительно.

Руки. Коллеги указывают на будто бы угадывающуюся правую руку, согнутую в локтевом суставе, кистью придерживающую сосуд. Однако на рис. 1, 3, 4 хорошо видно, что на месте «руки» четко просматривается извилистое отслаивание значительной по площади поверхности камня, причем с боковой стороны оно переходит на тыльную (рис. 1, 5). Руки на данном типе изваяния – совершенно не характерный признак, за исключением в редчайших случаях демонстрации их рудиментов.

Плечи и живот. Е.И. Нарожный и П.В. Соков никак не описывают плечи и живот, хотя и они в известной степени могут являться информативными типологическими и хронологическими индикаторами изваяния. Плечи у скульптуры узкие, прямые, угловатые, асимметричные, правое плечо чуть выше и уже левого (рис. 1, 2, б). Живот без видимых контуров, но в профиль слегка выступает вперед. В низу живота просматривается рельефный выступ подпрямоугольной формы, который, возможно, является остатками изображения сосуда, находящегося как бы в подвешенном состоянии; или же, как вариант, это – очертания низа живота, деформированного отслаиванием (рис. 1, 2, 3).

Значительно ниже уровня живота глубоким широким желобком показана фигура-знак.

Иконография и семантика фигуры-знака

Иконография знака. Е.И. Нарожный и П.В. Соков описывают эту фигуру как заглу-

бленный в виде округлого ромба знак. Однако при внимательном рассмотрении видно, что фигура сложнее, она составная: с округлым верхним сегментом и относительно прямыми нижними сторонами, образующими практически прямой угол (рис. 1, 2, 3). В центре фигуры, как они пишут, «помещена заглубленная вертикальная полоска, своими краями не соприкасающаяся с “ромбом”» (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, с. 193). Однако эта полоска, уменьшенная на фотографии в несколько раз, создает обманчивое впечатление (рис. 1, 2, 3; 3, 16). На самом деле это не высеченная мастером вертикальная полоска-черта, а, вероятно, выветривание аморфной формы, или, как вариант, современное проявление вандализма, или и то и другое вместе. Это углубление относительно свежее, темного желтого цвета, в отличие от серо-бежевого цвета остальной поверхности фигуры. К сожалению, фотографирование изваяния коллегами при неподходящем положении солнца бросило на углубление еще и тень. В результате все это навело Е.И. Нарожного и П.В. Сокова на ассоциацию фигуры с гендерным знаком, точнее, с женским признаком пола: «Несмотря на неясность семантического смысла указанного знака, его весьма заманчиво соотносить с не очень часто встречающимися на статуях “древнетюркского”, кипчакского и половецкого времени т.н. гендерными знаками, передающими суть женской природы (Усманова и др., 2016, с. 97)»¹. И здесь же: «Однако при всей заманчивости такой трактовки “знака”, ей противоречит “мужской” характер статуи» (Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, с. 193–194). Сомнения коллег оправданы. Действительно, проникнуть в смысл нанесения женского гендерного знака на мужское изваяние, а значит, и в семантику всего образа, совсем не просто.

Семантика знака. Вторичность знака (в чем вряд ли стоит сомневаться) вовсе не означает, что между ним и остальной иконографией

¹ Мне достоверно известно всего два женских гендерных знака на средневековых изваяниях. Другое дело, изображение разного рода ромбовидных и подквадратных знаков, как возможной альтернативы женского признака пола, которые высекались на некоторых поздних типах скульптур кочевников XIII в. обоих полов. Таких изваяний мне известно 22 (включая изобильненское), из них 10 мужских, 10 женских и 2 неустановленного пола.

скульптуры нет семантической связи. Как раз наоборот, она, на мой взгляд, наверняка есть, но разобраться в этой взаимосвязи куда сложнее, чем, так сказать, в типичной семантике тех или иных групп изваяний. Я предполагаю, что таким образом мастер продемонстрировал своеобразную смысловую перекодировку скульптуры. Иными словами, он показал некий переходной мировоззренческий аспект, который, очевидно, был вызван каким-то важным жизненным толчком.

Развивая версию перекодировки изваяния, я обратился к этнографическому материалу, прежде всего тюркоязычного населения Поволжья, Урала и Сибири, точнее, к тем традиционным верованиям различных культур, которые связаны с исключительно сложным комплексом представлений о смерти и восполнении коллектива сородичей и, как следствие, с реинкарнацией души. Конечно, в этом обширном материале, применительно к интересующему нас смыслу знака надо много разбираться, что-то вынужденно механически состыковывать и мысленно достраивать, а что-то не принимать во внимание, но, в любом случае, можно высказать кое-какие рабочие соображения. Такой краткий анализ будет более продуктивен, если рассмотреть изобильненское изваяние в составе типологически родственной ему группы скульптур с развернутыми по диагонали квадратами-знаками и ромбами, изображенными на животе (за исключением двух случаев, где знаки расположены на переходе груди к животу).

Двуполюй образ. Изваяние из Изобильного заметно отличается от родственных ему скульптур с указанными знаками не только округлой верхней частью фигуры-знака, но также тем, что он расположен в самом низу утрированно вытянутого живота.

Не лишним здесь будет вспомнить о необычно приземистом шлеме на изобильненском изваянии (характерный признак для мужских скульптур данной группы), который выглядит как полусферическая шапочка. Специфику данного головного убора следует понимать как рудимент шлема, что является свидетельством вытеснения из иконографии мужских скульптур XIII в. последнего воинского атрибута. Единственной чертой, по кото-

рой можно безошибочно определить мужской пол, остаются лишь одна или три косы. Иными словами, на мужских изваяниях этого времени сначала происходит нивелировка (ослабление) мужских черт за счет добавления женских (при отсутствии обратной ситуации), а далее и полное их устранение, включая косы.

В разных сочетаниях женские черты на таких мужских изваяниях представлены гривнами, ожерельями, женскими грудями и разного рода четырехугольными знаками, тяготеющими к фигуре ромба, в результате чего мужской образ практически принял женский облик. Как интерпретировать пол этих скульптур? Они бесполое или двуполое?

Двуполое образы, следуя определению В. Тэрнера, отличаются семантической двойственностью, недифференцированным характером лиминальности. «Лиминальные существа, – пишет исследователь, – ни здесь, ни там, ни то ни се; они – в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом, обычаем, условностями и церемониалом. Поэтому их двусмысленные и неопределенные свойства выражаются большим разнообразием символов в многочисленных обществах, ритуализирующих социальные и культурные переходы. Так, лиминальность часто уподобляется смерти, утробному существованию, невидимости, темноте, двуполости (подчеркнуто мною. – А.Е.), пустыне, затмению солнца и луны» (Тэрнер В., 1983, с. 169). Проще говоря, речь идет об обрядах перехода, где человек как бы лишается прежнего статуса в обществе и какое-то время находится в пограничном состоянии, а после ритуального восстановления порядка (нужного результата) он возвращает себе прежнее место в социальной структуре.

Видимо, следует признать, что появление в иконографии мужских скульптур четырехугольных фигур-знаков, развернутых по диагонали, свидетельствуют о некоем процессе переосмысления мужского образа (заменой его прежних качеств), проходившим в тесной связи с какой-то трансформацией в мировоззрении кочевников. Но что это была за трансформация и какую конкретную задачу ритуальное перевоплощение образа было призвано

решить? Суть самого изготовления изваяния, как вместилища души, подсказывает нам, что такой задачей могло быть стремление коллектива сородичей обеспечить восполнение рода.

Если моя линия анализа верна хотя бы в целом, тогда можно предположить, что во вместилище души с практически женским обликом происходило (благодаря женской таинственной силе) созревание души нового человека. Следовательно, прием наложения на знаковый текст иконографии изваяния дополнительного (вторичного) знака мог символически означать свершившуюся реинкарнацию души. Если шаман, скульптор или кто-то другой из рода или племени, наносивший такой знак, мыслил примерно так же, тогда с помощью четырехугольных фигур-знаков, изображавшихся на животе, указывалось место выхода души (возрождающегося человека) из вместилища-изваяния. Такая знаковая визуализация на скульптуре, очевидно, происходила после завершения некоего поминально-ритуального цикла, и, как результат, функция изваяния оказывалась исчерпанной или почти исчерпанной.

О времени сложения явления и дате изобильненского изваяния. Впервые изображенные развернутых по диагонали квадратов и ромбов появились на женских скульптурах, датирующихся 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII века. Мне известны три таких изваяния – два полнофигурных и одна фигура до пояса. На двух скульптурах знак расположен практически в центре живота, а на третьем – под животом (на сосуде, ниже кистей рук). Все остальные изваяния с такими знаками более поздние – фигуры-бюсты (в равной пропорции женские и мужские), как правило, столбовидной формы. Следовательно, исследуемое явление проявилось в позднеполовецкое время, а в более ранние периоды, возможно, просто не было визуально выражено.

В любом случае, изваяния с четырехугольными фигурами-знаками на животе, очевидно, отражают лишь незначительный по времени мировоззренческий срез социокультурного состояния какого-то сообщества кочевников. Но как при отсутствии письменных свидетельств это доказать археологически? Какая обрядность их сопровождала? Одно из главных за-

труднений заключается в том, что все без исключения скульптуры с указанными знаками (случайно или нет) зафиксированы где угодно (на полях, в селах и т.д.), но только не в археологическом контексте, хотя надо полагать, они, как и все другие, более ранние восточно-европейские изваяния, после окончания своих функций были помещены в курганах.

Относительно уверенно можно констатировать, что на изобильненском изваянии, как одном из наиболее поздних в указанном ряду, основная смысловая роль женского признака пола от ромба или квадрата, развернутого по диагонали, переходит к более сложной (конструктивно и, вероятно, семантически) фигуре – полуокружности-полуквадрату, что, на мой взгляд, является более развитой формой визуализации идеи. Это подтверждается и типологически поздними чертами абриса изваяния, но прежде всего полусферической формой шле-

ма, находки подобные которому в погребениях кочевников датируются золотоордынским временем. Итак, дату изобильненской скульптуры на сегодняшний день логично ограничить XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Богачкова А.Е., 1994. История Изобильненского района. Ставрополь.

Нарожный Е.И., Соков П.В., 2016. География событий 1222 года на Северном Кавказе // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев.

Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018. Половецкие каменные изваяния из краеведческого музея города Изобильный (Ставрополье) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир; Краснодар. Вып. 16.

Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-2.

Тэрнер В., 1983. Символ и ритуал. М.

О НЕКОТОРЫХ НАХОДКАХ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ АЗОВА: К ВОПРОСУ О СУЛТАННЫХ УКРАШЕНИЯХ УЗДЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

При раскопках в Азове на улице имени газеты «Известия», 81б (сейчас улица Васильева) в августе-сентябре 1984 г. было исследовано сооружение 2, представляющее собой котлован для добычи гончарной глины, первоначально засыпавшийся золой, а затем – чистой глиной. В зольном слое благодаря просеву найдено значительное количество вещей, часть из которых относится к вооружению и конскому снаряжению (Волков И.В., 1987, с. 20). Нумизматический материал из комплекса относится к XIV в.; младшая монета – не ранее 1350-х гг.

Происходящие из этого комплекса железные арбалетные втульчатые наконечники¹ с пирамидальными головками треугольного сечения (рис. 1, 1–4), относящиеся к типу 7 по А.Ф. Медведеву (Медведев А.Ф., 1966, с. 94, табл. 31: 7), ранее уже рассматривались специально (Волков И.В., 1991, с. 175–176; Волков И.В., 2013, с. 58). Если на уровне до 1991 г. вопрос об итальянском происхождении этого типа болтов мог еще показаться спорным, хотя большая часть находок происходила из Причерноморья – мест с присутствием итальянцев (Волков И.В., 1991, с. 180, прим. 19, 20), то сейчас сомнений не вызывает. С тех пор в Азове только на одном раскопе рядом с укреплениями венецианской Таны было найдено около полусотни таких бронебойных болтов (Белинский И.В., Волков И.В., 1993, с. 11). Массово они встречались при раскопках генуэзского замка Чобан-Куле и в Чембало, где относятся преимущественно к XV в., и в Судакской крепости, а также известны и на других памятниках Крыма и Причерноморья (Кирилко В.П., Мыц В.Л., 2004; Мыц В.Л., 2009, с. 266, рис. 145: 1–3; рис. 360: 2, 3, 5; Дьячков С.В., 2011, с. 211; 2014, с. 247, рис. 1: 1; Майко В.В., 2012, с. 383, 385, рис. 9: 2–6, рис. 11: 3). Можно не сомневаться в том, что и

впредь они будут находимы в итальянских поселениях и рядом с ними. По определению понятно, что датируются они XIV–XV вв.

Также встречены два бронебойных черешковых наконечника с пирамидальной трехгранной головкой и круглой в сечении шейкой. Длина головок с шейкой составляет 33 и 35 мм; концы черешков обломаны – общая сохранившаяся длина – 50 мм и 52 мм соответственно (рис. 1, 5, 6). Формально эти изделия могли бы быть отнесены к наконечникам стрел варианта 3 типа 76 по А.Ф. Медведеву. Объединенные А.Ф. Медведевым в рамках данного варианта пирамидальные трехгранные наконечники с короткой (до 35 мм) головкой в Восточной Европе были учтены им на памятниках 2-й половины XI – XIV в. (Медведев А.Ф., 1966, с. 79). Наиболее близкую аналогию азовским находкам составляет наконечник из сборов на Куликовом поле – с уступчатым упором при переходе от короткой шейки округлого сечения к черешку (Двуреченский О.В., 2019, с. 286, № 17, рис. 7: 2(17)). Также близок к ним наконечник из Белореченских курганов (Медведев А.Ф., 1966, табл. 28: 2)².

В азовском комплексе втульчатые арбалетные «итальянские болты» с головками трехгранной пирамидальной формы, характерные для причерноморских памятников XIV–XV вв., встречены вкуче сразу с двумя редкими черешковыми пирамидальными трехгранными же наконечниками, что заставляет задуматься о происхождении последних. Аналогичная ситуация наблюдается в Чембало: здесь при раскопках крепостного арсенала в башне 5 было встречено более 1400 втульчатых болтов указанного типа и свыше 200 черешковых наконечников размерами 35–60 мм, как правило с трехгран-

¹ На втулке одного – медная пайка; во втулках трех наконечников сохранились остатки дерева (рис. 1, 2–4).

² А.Ф. Медведев отнес находку к ст. Ханской и продатировал XIV в. В действительности дата курганов, определяемая в том числе и по нумизматическому материалу, – 2-я пол. XIV – 1-я пол. XV в.

ными пирамидальными головками длиной 25–45 мм (Дьячков С.В., 2014, с. 247, рис. 1, 3). Эти черешковые бронебойные наконечники С.В. Дьячков тоже относит к арбалетным. По его наблюдениям, для этих изделий характерны слабовыраженная шейка и четырехгранное сечение черешка, что в свою очередь несколько отличает данные наконечники от рассматриваемых здесь азовских.

Также в азовском комплексе был встречен железный вток копья (рис. 1, 7). Подобные изделия узкой даты не имеют и встречаются повсеместно.

Несколько находок связано с конским снаряжением. В комплексе встречены двусоставные железные удила с раскованными петлями-цилиндрами на внешних концах грызла (рис. 2, 1): тип ГIV по Г.А. Фёдорову-Давыдову, характерный для золотоордынского периода (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 18, рис. 2, ГIV; с. 116). Сечение звеньев грызла – квадратное.

Железная ременная сбруйная обойма с круглым щитком (рис. 2, 2) – предмет, опознаваемый на персидских миниатюрах хулагуидского времени (рис. 12–14). Еще одна железная пластинка с двумя заклепками могла служить для соединения сбруйных ремней или для подвески к ремням дополнительных деталей декора (рис. 2, 3).

Найденные железные пряжки, рамки пряжек и соединительные кольца (рис. 2, 4–8) не имеют однозначной культурной и хронологической привязки в силу своей простоты. Неопределима даже их принадлежность к сбруе или костюму.

Особый интерес представляет находка железного уздечного султанодержателя с усеченно-конической втулкой на прямой прямоугольной пластине с шарнирно прикрепленными к ней наконечниками с трех заклепках (рис. 2, 9). Длина пластины – 4 см, ширина – 2,1 см; общая длина вместе с шарнирными наконечниками – около 10 см. Толщина пластины составляет около 3 мм. Втулка невысокая – над поверхностью пластины она возвышается на 1,6 см, довольно приземистая и широкая – диаметром 15/24 мм.

Находки средневековых уздечных султанодержателей в виде продолговатых пластин-накладок со втулкой в Восточной Европе пред-

ставляют значительную редкость: какая-то часть этих изделий попадает сюда непосредственно из Сибири¹, другие относятся к так называемым предметам «аскизского облика», находя более или менее отдаленные прототипы среди южносибирских древностей (Кызласов И.Л., 1983; 1997; 2010; 2018). Наиболее ранние находки железных султанодержателей в Восточной Европе происходят с некоторых волжско-булгарских памятников домонгольского времени (Казаков Е.П., 1997, рис. 7: 16–18; 2000, рис. 5: 16–18) и находят аналогии 2-й половины XI – XII в. в материалах аскизской (огластинский период) и сросткинской культур (Кызласов И.Л. 1983, с. 73, табл. VI: 5; Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009, с. 73, рис. 71)². Целая серия этих предметов представлена на Золотаревском поселении, погибшем, по мнению М.Р. Полесских и Г.Н. Белорыбкина, во время монгольского нашествия (Белорыбкин Г.Н., 2000, рис. 1; 2001, с. 160–163, рис. 98; Кызласов И.Л., 2018, рис. 2). Единичные султаны домонгольского времени известны на территории Древней Руси (Асташова Н.И., 1991, с. 46, рис. 11: 1; 1999, рис. 6: 2; 2018, с. 22, рис. 1: 8; Кызласов И.Л., 1997, с. 382, рис. 2: 5; Руденко К.А., 2001, рис. 26: 28; Гоняный М.И., 2005, табл. 1: 21), где разнообразные накладки из железа, связанные со снаряжением всадника и верхового коня, появляются, по мнению С.В. Шполянского, не ранее рубежа XII–XIII вв. (Шполянский С.В., 2019, с. 242)³.

¹ Там под воздействием среднеазиатской традиции бронзовые султанские украшения распространились еще в IX–X вв., постепенно сменяясь в начале следующего тысячелетия иными формами железных султанов (Кызласов И.Л., 1983, с. 30–32, рис. 10, табл. VI, VII; Горбунова Т.Г., 2005; Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009, с. 16–17). Находки ранних бронзовых султанодержателей в Восточной Европе единичны (Армарчук Е.А., 2006, с. 78–80).

² Еще одна изогнутая пластина-накладка с Рождественского селища XII–XIII вв., которую К.А. Руденко интерпретирует как часть наносного султана, была встречена в землянке, датированной авторами раскопок «концом домонгольского периода Волжской Булгарии» (Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А. и др., 1962, с. 53, табл. XXIX: 8; Руденко К.А., 2001, с. 41, рис. 28: 28; табл. 9: Д21).

³ Датировки находок из Смоленска и с поселения Бутырки 2 соответствуют указанному рубежу, а прочие находки, речь о которых пойдет далее, имеют более широкие датировки по контексту обнаружения.

Период после завоевания отмечен распространением от Сибири до степей Европы в среде знати Монгольского государства престижной моды на изукрашенную золотом и серебром аскизскую воинскую и верховую амуницию (Кызласов И.Л., 2010, с. 149), одним из статусных элементов которой являлись султаны, и последовавшим внедрением «аскизских мотивов» в стилистику формирующейся золотоордынской культуры, что породило новую волну производства своеобразной гарнитуры «аскизского облика», в том числе и султанов (Кызласов И.Л., 2010, с. 150–155; 158; 2018, с. 229; Руденко К.А., 2003, с. 72). При этом очевидно, что в Золотой Орде уздечные султаны не являлись атрибутом воинского ранга всадника, а скорее демонстрировали высокое социальное положение владельца лошади, независимо от пола, поскольку султанские украшения узды представлены не только в мужских, но также и в женских золотоордынских захоронениях европейской степной зоны (Мыськов Е.П., 2015, с. 61)¹.

Железные султанодержатели, которые И.Л. Кызласов относит к производным от аскизских, известны из ряда курганных комплексов степной зоны (Ковалёвка VI к. 6, разрушенное погребение у хут. Петровский, Визенмиллер III 5/1 и Овцевод 4/1), а также из подмосковного поселения Настасьино (Кызласов И.Л., 2010, с. 150–154, рис. 12; 13: 1; 15: 2; Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов Я.Ф., 1998, табл. XIV: 16; Парусимов И.Н., 1997, рис. 9: 12, 15; Двуреченский О.В., 2004) (рис. 3, 2, 4, 5, 8–10). Еще один султан происходит из относящегося к сельской периферии Солхата поселения Кринички II, где он был найден на полу жилища, строительный горизонт которого авторы раскопок относят ко времени «не ранее середины – второй пол. XIV века» (Крамаровский М.Г., Гукин В.Д., 2002, с. 14, 32, 48, табл. 6: 15) (рис. 3, 7). Султанодержатели ордынского времени также известны на Болгарском городище: с раскопа CLXXV (2012 г.) на южной окраине города – из комплекса, датируемого по монетному материалу

¹ В погребальных комплексах аскизской культуры носные султаны также встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях (Кызласов И.Л., 1983, с. 30).

1-й половиной XIV в. (БГИАМЗ² КП-2266/37) (рис. 3, 1), и с раскопа LXXIV (1980 г.), где были выявлены объекты позднезолотоордынского периода (БГИАМЗ КП 270-178/104арх; Хлебникова Т.А., 1987, с. 74).

Если для аскизских султанов XIII–XIV вв. были свойственны довольно высокие втулки-раструбы (Кызласов И.Л., 1978, рис. 10; 1980, рис. 4), то для султанов «аскизского облика» золотоордынского времени, представленных в Европе, характерны более короткие усеченно-конические втулки. По мнению И.Л. Кызласова, короткие «рюмочковидные» втулки являются одной из основных характеристик «собственно кыпчакских султанов», встреченных от Сибири до Восточной Европы (Кызласов И.Л., 2010, с. 154). Подобные втулки могут иметь ровный или отогнутый наружу край, который образует подобие валика. Форма втулок у встреченных в Европе султанов ордынского времени представлена такими вариантами перевернутого усеченного конуса, как: простой усеченный конус; конус с «узкой шейкой» – по определению И.Л. Кызласова (Кызласов И.Л., 2010, с. 151) (рис. 3, 2); конус с «перехватом» в нижней части (рис. 3, 1, 7, 9) – такая форма могла быть, например, образована за счет дополнительной полосы металла, обрамляющей в виде манжеты основание втулки³. Втулки зачастую надежно крепились к пластине, вероятно, методом кузнечной сварки⁴, благодаря чему изделия сохранялись целиком. Напротив, в период до нашествия встречаются «некомплектные» находки – пластины без втулок и отдельные свернутые из листа высокие втулки, которые неплотно скреплялись с основой путем отгибания нижнего края трубочки (Белорыбкин Г.Н., 2001, рис. 98: 1–3).

Пластины у встреченных в Европе железных султанов ордынского времени по конструкции и по конфигурации продольного профиля

² Болгарский государственный историко-архитектурный музей заповедник.

³ Что можно наблюдать у султанов с Болгарского городища (Раскоп CLXXV; Раскоп LXXIV: БГИАМЗ КП 270-178/104 арх).

⁴ Без проведения металлографического анализа приходится ориентироваться в основном на прочность соединения.

представлены несколькими видами: цельные изогнутые пластины, цельные прямые, составные шарнирные.

Большинство находок составляют железные султанодержатели на цельных изогнутых пластинах, предназначенные для украшения храповой зоны узды, в том числе встреченные в погребениях *in situ* – на носовой части конских черепов (Мыськов, 2015, с. 61). Пластины этих изделий представлены несколькими, отличающимися по форме абриса, типами. В свою очередь, от формы лопастей пластины зачастую зависит местоположение заклепок.

Султанодержатель с раскопа CLXXV на Болгарском городище (БГИАМЗ КП-2266/37) имеет изогнутую длинную пластину с фигурным раздвоенным завершением концов, характерным для изделий каменского этапа аскизской культуры (Кызласов, 1983, табл. IX: 68, 70) (рис. 3: 1). С заклепками по углам пластины, а также по длинной оси – в центре каждой лопасти. Характерными особенностями пластины данного султанодержателя являются: наличие желобка по продольной оси пластины, а также маленькие выступы-«зазубрины» на боковых гранях пластины, в месте ее перехода к округлой площадке для втулки – эта декоративная деталь известна на султанах аскизской культуры (Кызласов И.Л., 1983, табл. VI: 17, 18, 23).

Султан из могильника Визенмиллер III 5/1 (Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998, табл. XIV: 16) (рис. 3, 2) имеет дуговидно изогнутую длинную пластину с парными боковыми выступами для заклепок на каждой лопасти, которые на концах сильно сужены и вытянуты и завершаются округлыми выступами, где также располагалась заклепка. Пластины того же типа, но с более широкой площадкой по центру, имеет изогнутый наносник из Вербового Лога VIII 1/1 с центральным гнездом то ли для утраченной декоративной вставки, то ли от выломанной втулки (рис. 3, 3)¹ (Власкин М.В., Гарма-

шов А.И. и др., 2006, с. 48, рис. 3: 1). Оформление пластин этого типа находит прототипы на изделиях аскизской культуры (Кызласов И.Л., 2010, с. 151; 1983, табл. VI; VII; IX: 55, 71–74).

В определенной степени типологически схожую между собою форму пластин имеют султанодержатели из курганных могильников Ковалёвка VI к. 6, хут. Петровский, Калиновский 45/2, Бахтияровка 137/1 (Кызласов И.Л., 2010, с. 150–151, рис. 12: 11; 13: 1; Мыськов Е.П., 2015, с. 61, табл. IV: 3; Шилов В.П., 1959, рис. 66: 1; Кызласов И.Л., 1980, рис. 1: 1) (рис. 3, 4, 5, 6). Все они имеют изогнутые, округло или угловато расширенные в центре (в месте крепления втулки) пластины с суженными посередине длины лопастями, завершающимися расширенными «плавно очерченными ланцетовидными концами» (по определению И.Л. Кызласова). Заклепки расположены в один ряд по длинной оси, что, по мнению И.Л. Кызласова, характерно для пластин «кыпчакских серий» (Кызласов И.Л., 2010, с. 151). Несмотря на определенное общее сходство, все пластины этих изделий различаются деталями и пропорциями, а также количеством и местом расположения заклепок на продольной оси (по одной на концах; по одной в центре каждой лопасти; по две на лопасть – в центре и на концах). Султан из Ковалёвки отличается изяществом и богатым декором (рис. 3, 4). А султанодержатель из комплекса у хут. Петровский (рис. 3, 5) выделяется значительным сходством с аскизскими султанами XIII–XIV вв., хотя и имеет ряд отличий (Кызласов И.Л., 1980, с. 81, рис. 1: 1; 4; 2010, с. 151).

Султанодержатель с поселения Кринички II обладает очень узкой дуговой пластиной с крупной округлой площадкой для втулки по центру и с «остролистными» расширениями на концах (Крамаровский М.Г., Гукин В.Д., 2002, с. 14, 32, 48, табл. 6: 15) (рис. 3, 7). Наличие/отсутствие отверстий и крепежных элементов по рисунку из публикации не установимо. Круглая площадка для втулки на султанах из Криничек имеет неровный, фестончатый край, который, возможно, представляет собою грубо утрированную розетку. Такой элемент декора, как розетки, был характерен для изделий «аскизского круга» золотоордынского времени (Руденко К.А.,

¹ Впрочем, как совершенно справедливо отмечают авторы публикации материалов Вербового Лога VIII, для пластин султанов характерно наличие сквозного отверстия в центре, в котором закреплялась втулка (Власкин М.В., Гармашов А.И. и др., 2006, с. 48). Е.П. Мыськов также полагал, что данный наносник в древности был украшен именно вставкой (Мыськов Е.П., 2015, с. 61).

2000а, с. 74), и, возможно, «фестоны» на султানে из Криничек навеяны декором узких длинных фигурных пластин-накладок с розетками типа Д1 по К.А. Руденко, известных, например, в Волго-Камье, на поселениях XIV в. на Верхнем Дону, на памятниках Суздальского Ополя и в Твери (Руденко К.А., 2001, рис. 8: Д1; Гоняный М.И., 2005, с. 89, табл. 8: 1, 10; Шполянский С.В., 2019, с. 236, рис. 4: 1–3, 5).

Изогнутую пластину плоского сечения имел также один из султанодержателей из кургана 4 могильника Овцевод (рис. 3, 8), но степень ее фрагментированности не позволяет достоверно реконструировать форму, хотя, вероятнее всего, она представляла собою простой прямоугольник, как у другого наносника из того же комплекса, но с изгибом и парными заклепками по углам (Парусимов И.Н., 1997, рис. 9: 15). Также имеющий изогнутую пластину султанодержатель из Смоленска (рис. 4, 1), который И.Л. Кызласов охарактеризовал как «типичное древнехакасское изделие» (Кызласов И.Л., 1997, с. 382, рис. 2: 5), несколько «выпадает» за пределы рассматриваемого периода – Н.И. Асташова по стратиграфическому контексту датирует его «первым тридцатилетием XIII в.», но позднее относит «к концу XII – началу XIII в.» (Асташова, 1991, с. 46, рис. 11: 1; 2018, с. 22). Фигурно раздвоенные концы этого султана находят ближайšie аналогии на пластинах малиновского этапа аскизской культуры (Кызласов И.Л., 1983, табл. IX; X: 14). На аскизских накладках также находят прототипы характерные «рожки», завершающие концы изогнутой пластины еще одного султанодержателя, происходящего из сборов на близрасположенных селищах Вышеславские 4-5 в Суздальском Ополе, где выявлены материалы конца XI – 1-й половины XV в. (рис. 4, 2) (Макаров Н.А., Шполянский С.В. и др., 2019, с. 25, рис. 9: 10; Кызласов И.Л., 1983, табл. XI: 39). Сходным образом оформлен край подражающей аскизским изделиям железной крюковой застежки с Южного Урала (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 2: 20; Кызласов И.Л., 2010, с. 155, рис. 16: 6).

Железные султанодержатели на цельных прямых пластинах встречаются гораздо реже.

С подмосковного поселения Настасьино происходит султанодержатель с прямой ко-

роткой пластиной с многоугольным центром и с короткими многоугольными лопастями (Двуреченский О.В., 2004; Кызласов И.Л., 2010, с. 154, рис. 15: 2) (рис. 3: 9).

Короткую прямую пластину простой прямоугольной формы имел второй из железных султанодержателей, найденных в заполнении ямы разрушенного средневекового погребения в кургане 4 могильника Овцевод в Ремонтненском районе Ростовской области (Парусимов И.Н., 1997, рис. 9: 12) (рис. 3: 10).

Здесь следует также упомянуть еще две находки железных султанодержателей, имеющих более широкие датировки по контексту слоев, чьи нижние рубежи выходят за рамки рассматриваемого периода. Один из них, на квадратной прямой пластинке, происходит из Новогрудка, «из культурного слоя верхнего горизонта», который Ф.Д. Гуревич датирует периодом «с начала XII до 70-х гг. XIII в.» (рис. 4, 3) (Гуревич Ф.Д., 1981, с. 104, 107, 116, рис. 88: 1). Впрочем, невысокая перевернуто-коническая втулка этого изделия скорее указывает на более позднюю позицию: если придерживаться предложенного Ф.Д. Гуревич интервала – то ближе к его верхней границе, как минимум XIII в. Более или менее сходные подквадратные формы железных пластин-накладок (не султанодержателей) с характерными выделенными уголками (относящиеся преимущественно к XIII–XIV вв.) встречены как в Сибири, так и на памятниках Волжской Булгарии и Руси (Кызласов И.Л., 1978, рис. 8: 6; Казаков Е.П., 1988, с. 73, рис. 4: 26; Руденко К.А., 2000а, рис. 5: E2; 2000б, рис. 12: 12; 2001, с. 204, табл. XXX: 3; Тропин Н.А., 2018, рис. 4: 4; Лапшин В.А., 2009, рис. 76: 11; раскоп CLXXV на Болгарском городище¹).

Вторая находка происходит из раскопа на месте Торговых рядов Владимира, из слоя с находками XII–XIV вв. Это небольшая (42 мм) железная узкая накладка с тоненькой (около 5 мм по верху при высоте 12 мм) втулкой, которую С.В. Шполянский интерпретирует как уздечный наносный султанчик. К сожалению, по имеющейся фотографии нам сложно судить об этом предмете, но, похоже, что изделие имело

¹ Где найдены две подквадратные накладки в комплексах, датируемых 1-й пол. XIV в.

прямую пластинку (Мухина Т.Ф., 2010, рис. 8: 8; Шполянский С.В., 2019, с. 232, рис. 4: 15).

Такой вид конструкции пластины уздечно-го султана как составная шарнирная пластина представлен единственной, публикуемой здесь, находкой из Азова (рис. 2: 9). Азовский железный султанодержатель, очевидно, относится к числу собственно золотоордынских изделий, но устройство его уникально – это прямая, короткая прямоугольная пластина с шарнирно прикрепленными наконечниками, подвижность которых обеспечивает изгиб, необходимый, например, в храповой зоне оголовья. Сам принцип шарнирного соединения деталей (распределителей, подвесок и пр.) довольно широко представлен как на гарнитуре южно-сибирского производства, изредка встречаясь в том числе и на султанах (Кызласов И.Л., 1983, с. 59, рис. 11, табл. VI: 30; VII: 6), и среди волжскобулгарских находок «аскизского круга», но аналоги конструкции азовского султана, где шарнирное соединение служит обеспечением изгиба пластины и одновременно способом скрепления ее с ремнями, нам не известны.

Шарнирные наконечники азовского султанодержателя имеют предельно простую форму – с прямыми боковыми краями и с тупоугольным выступом на внешнем конце и крепились к ремням при помощи трех заклепок. Близкую форму имела встреченная в том же сооружении железная накладка на двух заклепках по продольной оси (чуть более узкая и продолговатая – 31 × 12 мм), которая, возможно, относилась к тому же комплекту гарнитуры (рис. 2, 10).

Определенным сходством с этими пластинами обладают «аскизского облика» железные накладки «геральдической формы» с ровными прямыми параллельными боковыми гранями и также прямыми внешними гранями, которые образуют угол на переднем конце, но с фигурным абрисом задней части, довольно широко известные в Доно-Волжском регионе (Шполянский С.В., 2019, с. 234, рис. 4: 6; Двуреченский О.В., 2004, с. 246: 5; Гоняный М.И., 2005, табл. 3: 13; Кызласов И.Л., 2010, рис. 15: 6, 7), которые, в свою очередь, находят прототипы среди аскизских изделий, например, тех, что известны по находкам на Часовенной Горе (Кызласов И.Л., 2010, рис. 7: 3, 4, 8, 9, 11).

И если султанодержатели из Болгара (Р. CLXXV), могильников Визенмиллер III, Ковалёвка VI, Калиновский, Бахтияровка и из комплекса у хут. Петровский наглядно демонстрируют взаимосвязи с изделиями аскизской культуры, то азовская находка, так же как некоторые другие султаны (Овцевод, Настасьино), отражают общую тенденцию к упрощению и геометризации формы золотоордынских модификаций деталей железной гарнитуры. Не исключено, что эта предельная схематичность может являться показателем более позднего характера этих изделий в ряду золотоордынских древностей, когда уже были полностью утрачены стилистические связи с аскизскими прототипами, от которых сохраняется лишь функциональное назначение предметов и сам принцип конструкции – втулка для султанчика, укрепленная на пластине с заклепками.

Значительный пласт информации о снаряжении и уборе верховых лошадей монгольского времени содержат изобразительные источники. Монгольское завоевание приблизительно такими же силами и тогда же проходило на Среднем и Ближнем Востоке, на территориях, оказавшихся затем под властью Хулагуидов. Умозрительно можно полагать, что там также получили распространение предметы конского снаряжения с востока. К сожалению, нам не доступны материалы раскопок памятников этого времени, но яркие свидетельства использования султанов дают изображения всадников на миниатюрах.

Изобразительные источники показывают, что и для сбруи хулагуидского времени, и для сбруи периода династии Юань характерны наперсные ремни, преимущественно без подгрудной лямки, а также особое строение подхвостника (потфея), ремни основы которого перекрещивались на крупе и были дополнены проходившими по бокам ремнями, что, вероятно, служило для более жесткого закрепления конструкции и способствовало перераспределению нагрузки. В большинстве случаев, похоже, что проходившие по бокам ремни представляли собою заднюю ободовую подхвостную шлейку¹.

¹ Хотя на ближневосточных миниатюрах несколько более позднего времени есть случаи, когда боковые ремни могли быть также скреплены со срединными частями скрещенных ремней (рис. 13; 14, конь левого всадника).

Передние концы этих ремней должны были крепиться к полкам седла (рис. 14, правый конь – но это более позднее изображение) – особенно хорошо это видно по глиняным статуэткам из юаньских погребений (Акматов, 2017, с. 131–132, рис. 67–69). Подпружный ремень иногда явно отсутствует (рис. 6), но на многих других изображениях видно, что подпруга выглядит из-под чепрака (рис. 5; 12; 13; 17). Остается добавить лишь, что узда чаще изображалась без налобного ремня. Султанские же украшения размещались на наносном ремне узды и на крупе – на перекрестии ремней подхвостника.

Например, изображение лошади сокольников с наносным султанчиком и наузом (рис. 5) присутствует в рукописи космологического труда Закарии ибн Мухаммада ибн Махмуда ал-Казвини «Книга чудес прошедшего и необычности существующего», созданной на рубеже XIII–XIV вв. (Ал-Казвини, f. 20v).

В «Руководстве по верховой езде, военному искусству и технике» (буквально: «Предел желанию узнать больше об упражнениях во всадничестве») Мухаммада ибн Иса ибн Исмаила аль-Шанафи аль-Аксари (умер в Дамаске в 1348 г.), завершённой 10 мухаррама 773 г.х. (25 июля 1371 г.) писцом Ахмадом ибн Умаром ибн Ахмадом аль-Мисри, есть изображение всадника (рис. 6) на лошади с наносным султанчиком и аналогичным на крупе (Ал-Аксари, f. 138v). Хорошо видно, что оба султана имеют перевернуто-конические втулки.

Значительная серия изображений всадников с подробным выписыванием сбруи представлена в рукописи «Собрания историй» Рашид ад-Дина из библиотеки Эдинбургского университета (Or. Ms. 20) (рис. 7–9). Рукопись этого же произведения из библиотеки Оксфордского университета (Коллекция Халили, MSS 727) содержит изображения того же стиля, вероятно, прежде рукописи составляли один кодекс и сбруя там изображалась аналогично (рис. 10). Здесь видно, что одним из распространенных вариантов украшения узды является султанчик на наносном (иногда двойном) ремне. Еще одной особенностью сбруи именно монгольского времени является перекрещенный на крупе подхвостный ремень, где располагался аналогичный султанчик. К особенностям ближнево-

сточной сбруи хулагуидского времени можно отнести также использование сдвоенных ремней узды (рис. 5; 7–10; 12).

Несколько сложнее с миниатюрам рукописей «Шах-наме». Часть рукописей (или отдельных миниатюр в рукописи) может быть репликами домонгольских произведений и поэтому представляет иной, более простой вариант конского снаряжения: с покрывающей весь круп попоной и без подхвостника. Но случаются и изображения сбруи монгольского времени с перекрещенными на крупе ремнями подхвостья (рис. 11–12).

Верховая сбруя с крестовидно устроенными подхвостными ремнями использовалась на территории Ирана и Анатолии и в более позднее время. Представление об этом дает альбом рисунков на шелке и бумаге («Альбом Фатих», т.е. «Альбом Завоевателя») различных авторов XIV–XVI вв. и тематики (включая два портрета Мехмеда Фатиха, что и дало название кодексу), известный также как рукопись *Hazine 2153* из Библиотеки дворца Топкапы в Стамбуле. Около полсотни рисунков принадлежит перу персидского художника XV в. Мухаммеда Сияха Калама, работавшего в китайской манере. Взятые из разных манускриптов картинки были шиты в один кодекс около 1516 г. Часть иллюстраций показывает быт туркмен Ак Кююлю XV в. (рис. 13–14), но присутствуют и миниатюры ильханского времени с соответствующим антуражем (рис. 11).

Равным образом только изобразительные источники дают нам представление о сбруе верховых лошадей монгольских всадников в Китае. В период династии Юань она ожидаемо была во многом сходной. Очень ярко это иллюстрирует картина кисти Лю Гуаньдао (настоящее имя – Чжун Сянь, 1264–1294) «Хубилай хан с женой на охоте», хранящаяся в Тайваньском национальном музее-дворце Тайбэй. Произведение было закончено около 1280 г., вскоре после того, как Хубилай назначил художника на должность смотрителя императорского гардероба (1279), поэтому есть основания рассчитывать на очень точное изображение деталей. Здесь у верховых коней перекрещенные на крупе ремни подхвостья сочетаются с охватывающими бока лошади длинными ремнями,

которые, надо полагать, представляли собою цельную заднюю подхвостную шлейку с ремешками-привесками на бедре – аналогичное устройство потфейных ремней можно видеть на статуэтках юаньского времени (Акматов, 2017, рис. 67–69). И только у лошади, на которой восседает супруга Хубилая, имеется наносное украшение (круп не виден) (рис. 15).

В китайской живописи монголов изображали на лошадях с наносными украшениями в виде «помпонов» и раньше, и позже династии Юань. Например, ко времени династии Сун (960–1279) относят картину «Конь и лучник», хранящуюся в Тайваньском национальном музее-дворце Тайбэй (рис. 16). Иногда ее приписывают Елюй Дэгуану (926–947) династии Ляо (907–1218), иногда считается, что изображен сам Елюй Бей, а художником был Ли Цзаньхуа. В любом случае здесь мы имеем дело со сбруей более ранней, чем монгольская династия Юань.

В Музее Виктории и Альберта (Лондон) хранится относимая к династии Мин (1368–1644) миниатюра с изображением монгольского всадника, где представлена сбруя с наносным и крупным султанчиками, причем пластина последнего еще и выполняет роль своеобразного распределителя, скрепляющего посредством колец ремни подхвостья на крупе (рис. 17).

К сожалению, изобразительные источники не дают достаточного представления о форме металлических сбруйных накладок, также как и материал, из которого они сделаны, невозможно установить. Ясно только, что султанодержатели имели разную форму, а сами султанчики могли быть изготовлены из различных материалов: так, на миниатюрах мусульманского Востока чаще встречаются изображения султанов, в которых, вероятно, закреплялись пучки крашеного конского волоса (или, возможно, перья), а на китайских картинах наносные украшения чаще имеют вид пышных, зачастую скрывающих крепежную обойму «помпонов», которые могли быть изготовлены, например, из шелковых или шерстяных нитей. Султаны, располагавшиеся на крупе, всегда имели круглую или квадратную основу, что объяснимо спецификой их расположения на перекрестии ремней.

Преобладающими находками султанодержателей золотоордынского времени в Восточ-

ной Европе являются наносные на изогнутых пластинах. Золотоордынские железные султаны на коротких прямых пластинках, скорее всего, также являлись наносными украшениями узды, подобно более ранним бронзовым султанам с прямыми короткими пластинами из Сибири, где отдельные их находки *in situ* известны уже на рубеже I–II тыс. н.э. (Кызласов И.Л., 1983, с. 30, табл. VI: 4; Могильников В.А., 2000, с. 22, рис. 6: 1; 7: 14). Впрочем, чисто гипотетически можно было бы допускать, что в золотоордынский период султаны на коротких прямых пластинах могли крепиться не к одному наносному ремню, а располагаться, например, между парными храповыми ремнями, как это известно по изображениям на восточных миниатюрах (рис. 12), если, конечно же, подобная узда использовалась в Улусе Джучи.

В свою очередь находка сразу двух султанодержателей в погребении кургана 4 могильника Овцевод (рис. 3, 8, 10) (Парусимов И.Н., 1997, рис. 9: 12), один из которых обладал изогнутой пластиной и, очевидно, являлся наносным, а другой имел прямую короткую пластину, казалось бы, наталкивает на мысли о том, что второй султан мог использоваться в качестве украшения налобного ремня. Однако следует принимать во внимание, что эти находки происходят из разрушенного погребения, а помимо того, среди более-менее синхронных живописных источников мусульманского Востока и Китая нам не удалось отыскать изображений с султанами на налобном ремне. Эти изображения также показывают, что значительное распространение в этот период там имели оголовья без налобного ремня. Роль своеобразного начельного «султанчика» могла выполнять собственная челка лошади, собранная в хвостик-пучок и зафиксированная (возможно, при помощи какой-то трубочки или обмотки) в стоячем положении (рис. 16). Появление налобных султанов на каменном этапе аскизской культуры (в XIII–XIV вв.) допускает И.Л. Кызласов, связывая это с появлением иного типа узды (Кызласов И.Л., 1983, с. 59), но данное предположение сделано в отношении султанодержателей с пластинами того вида, которые непосредственно в золотоордынский период на европейских памятниках нам не известны.

Как показывают рассмотренные выше изобразительные источники, еще одну группу султанов хулагуидского времени составляли крупные, располагавшиеся на перекрестии ремней потфея. Единственным известным нам в Восточной Европе султанодержателем на квадратной пластине является находка из Новогрудка, которая, на наш взгляд, как было сказано выше, должна датироваться временем не ранее XIII в. (рис. 4, 3). Этот султанодержатель имеет довольно крупную, диагонально-симметричную пластину и, в принципе, вполне пригоден для использования в качестве накрупного. Среди аскизских султанов каменского этапа представлены отдельные изделия на крестовидных пластинах (Кызласов И.Л., 1983, табл. VII: 4, 5) – предположение об использовании одного из них в качестве налобного султана также относится к области гипотез (Кызласов И.Л., 1983, с. 59, табл. VII: 4). И хотя мы склоняемся к тому, что устройство верховой сбруи в Золотой Орде должно было быть сходно с тем, что демонстрируют рассмотренные выше восточные изобразительные источники, сам вопрос о возможности существования накрупных султанских украшений XIII–XIV вв. тем не менее упирается в отсутствие как в золотоордынских, так и в аскизских материалах доподлинных сведений о строении потфейных ремней сбруи. Учитывая все это, а также достаточно условную дату султана из Новогрудка, было бы гораздо проще предполагать, что он мог являться уздечным украшением, хотя и в этом случае значительная ширина его пластины и довольно большое расстояние между заклепками нуждаются в дополнительных объяснениях.

Таким образом, объективных и однозначных подтверждений применения в Восточной Европе в конском уборе золотоордынского времени иных видов султанов, кроме уздечных наносных, пока не существует, хотя полностью исключать подобную вероятность все же не стоит. Так ли это, покажет лишь время.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Акматов К.Т., 2017. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 236 с.

Ал-Аксарай, Мухаммад ибн Иса ибн Исмаил ал-Ханафи. *Нихаят аль-суль ва-ал-умния фи тааллум а'мал аль-фурусия* (لؤسلا فينم الالو يف ملعت لامعأ في سورفلا) / British Library: Add MS 18866 / Электронная библиотека Катара. URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100030347168.0x0000c4 (дата обращения: 25 апреля 2020).

Ал-Казвини, Закария ибн Мухаммад. *Китаб 'аджа'иб аль-махлукат ва-гара'иб аль-мавджудат* (باتك ب تادو ج و مل ا) / British Library: Oriental Manuscripts. Or. 14140 / Электронная библиотека Катара. URL: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100023586788.0x000001 (Дата обращения: 25 апреля 2020 г.).

Армарчук Е.А., 2006. Конское снаряжение из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. М.: ИА РАН. 226 с.

Асташова Н.И., 1999. Предметы вооружения из раскопок Смоленска // Забелинские научные чтения – 1995–1996 г. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры / Труды ГИМ. Вып. 103 / отв. ред. В.Л. Егоров. М.: ГИМ. С. 177–186.

Асташова Н.И., 1991. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / под ред. Д.А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ. С. 21–49.

Асташова Н.И., 2018. Находки степного круга из раскопок Смоленска // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / отв. ред.-сост. В.К. Сингх. М.; Великий Новгород: Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 21–23.

Белинский И.В., Волков И.В., 1993. Раскопки у стен венецианской Таны // Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. Вып. 3–4. М.: ВАМИРНВ. С. 11.

Белорыбкин Г.Н., 2000. Аскизские следы в Сурско-Окском междуречье // Аскизские древности в средневековой истории Евразии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Государственный объединенный музей Республики Татарстан, Музейно-выставочный центр г. Заречный. С. 128–149.

Белорыбкин Г.Н., 2001. Золотаревское поселение. СПб.; Пенза: Изд-во ПГПУ. 198 с.

Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А., 2006. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI / гл. ред. Белинский А.Б. М.: Памятники исторической мысли. 232 с.

Волков И.В., 1987. Отчет об охранных раскопках на улице имени газеты «Известия» в г. Азове в 1984 году. Азов, 1987 // Архив АГИАПМЗ, КВФ – №1347, 11348, АА – № 3650, 3651.

Волков И.В., 1988. Атрибуция нескольких золотоордынских вещей из Азова // Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году. Тезисы докладов к областному семинару. Азов: АКМ. С. 11–13.

Волков И.В., 1991. Атрибуция нескольких вещей из золотоордынского Азака // Древности Северного Кавказа

за и Причерноморья. М.: Музей искусства народов Востока. С. 174–181, 4 с., илл.

Волков И.В., 2013. Тана // Археология Нижнего Дона: Учебник: Проспект / отв. ред. А.В. Кияшко. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. С. 58.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века) / отв. ред. д.и.н. В.А. Иванов. Уфа: Гилем. 336 с.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К., 1962. Археологические памятники у села Рождествено / под ред. В.Ф. Генинга и Ш.Ф. Мухамедьярова. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 127 с, 9 л. ил.

Гоняный М.И., 2005. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений к. XII – 3-й четв. XIV в. в районе Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука. С. 85–100.

Горбунова Т.Г., 2005. Султанские украшения конского снаряжения на Алтае в эпоху раннего средневековья // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия / отв. ред. к.и.н. Король Г.Г. Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева. С. 113–115.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов / науч. ред. В.В. Горбунов. Барнаул: Азбука. 144 с.

Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок: Посад – окольный город / отв. ред. А.Н. Кирпичников. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 160 с.

Двуреченский О.В., 2004. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино: Труды Подмосковской экспедиции Института археологии РАН. Т. 2. М.: ИА РАН. С. 40–48.

Двуреченский О.В., 2019. Наконечники стрел с территории предполагаемого места Куликовской битвы // КСИА. Вып. 256. С. 274–292.

Дьячков С.В., 2014. Арбалет, баллиста, требюше на вооружении гарнизона генуэзской крепости Чембало XIV–XV веков (по материалам раскопок 1999–2013 годов) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань: Отечество. С. 246–250.

Дьячков С.В., 2011. О метательном оружии гарнизона генуэзской крепости Чембало (XIV–XV вв.) // Древности–2011. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 10. Харьков: НТМТ. С. 206–226.

Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) / отв. ред. д.и.н. С.А. Плетнева. М.: Наука. 92 с.

Казаков Е.П., 1988. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: Казанский филиал АН СССР. С. 71–82.

Казаков Е.П., 1997. Об этнокультурных компонентах народов юго-восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам) // Татарская археология. № 1. С. 64–80.

Казаков Е.П., 2000. О тюркских инновациях в культуре волжских болгар (по археологическим материалам) // Аскизские древности в средневековой истории Евразии: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Государственный объединенный музей Республики Татарстан, Музейно-выставочный центр г. Заречный. С. 30–40.

Кирилко В.П., Мыц В.Л., 2004. Укрепление Чобан-куле (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кепшена / гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стило. С. 205–245.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д., 2002. Золотоордынское поселение Кринички II: Раскопки в Старом Крыму в 1998–2000 // Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Вып. 1. СПб.: ГЭ. 184 с.

Кызласов И.Л., 1978. Курганы средневековых хакасов XIII–XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) // СА. № 1. С. 122–141.

Кызласов И.Л., 1980. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII веке // СА. № 2. С. 80–93.

Кызласов И.Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Археология СССР. САИ. Вып. ЕЗ-18 / Под общ. ред. академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука. 128 с.

Кызласов И.Л., 1997. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI–XIII вв. // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого 1919–1997. Т. I. СПб.; Псков: Псковский Государственный Объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; ИИМК РАН. С. 380–386.

Кызласов И.Л., 2010. Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII–XIV вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках: Новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: Наука. С. 139–162.

Кызласов И.Л., 2018. Новое в жизни Восточной Европы в XI–XII вв. (влияние Великого Сибирского пути, открытое археологией) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева / отв. ред. д.и.н. А.В. Чернецов. М.: ИА РАН. С. 228–250.

Лопан О.В., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.) // Труды ИИМК РАН. Т. XXX. Серия «Archeologica Varia». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.

Майко В.В., 2012. Стратиграфические исследования на участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. // Судейский сборник. Вып. V. Материалы V Судакской международной научной конференции «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 23–24 сентября 2010 г.). Киев; Судак: ТОВ Горобец. С. 363–393.

Макаров Н.А., Шполянский С.В., Федорина А.Н., Угулава Н.Д., 2019. К Изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 9 / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 7–29.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36 / под ред. академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука.

Могильников В.А., 2000. Гилево VII, курган 4 – памятник кимаков на Верхнем Алее // Татарская археология. № 1–2 (6–7). С. 19–41.

Мушина Т.Ф., 2011. Проблема выделения строительного горизонта второй половины XIII–XIV вв. (на примере раскопа в Торговых рядах г. Владимира в 2004 г.) // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 3 / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; СПб.: ИА РАН; Нестор-История. С. 154–164.

Мыськов Е.П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС. 484 с.

Мыц В.Л., 2009. Каффа и Феодоро в XV веке: контакты и конфликты. Симферополь: Универсум. 526 с.

Парусимов И.Н., 1997. Археологические раскопки в Ремонтненском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1. Новочеркасск. 75 с.

Рашид ад-Дин, Фазл-Уллах Хамадани. Джамии ат-Таварих (Собрание историй) / Библиотека Эдинбургского университета: Ms. Or. 20. URL: <https://images.is.ed.ac.uk/luna/servlet/media/book/showBook/UoEsha~4~4~64742~103064> (дата обращения: 25.04.2020).

Рашид ад-Дин, Фазл-Уллах Хамадани. Джамии ат-Таварих (Собрание историй) / Библиотека Оксфордского университета: Коллекция Халили. Mss. 727. URL: <https://www.khalilicollections.org/collections/islamic-art/khalili-collection-islamic-art-the-jami-al-tawarikh-of-rashid-al-din-mss727-folio-25a> (дата обращения: 25.04.2020).

Руденко К.А., 2000а. Датировка находок «аскизского» круга из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Государственный объединенный музей Республи-

ки Татарстан, Музейно-выставочный центр г. Заречный. С. 47–127.

Руденко К.А., 2000б. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология. № 1–2 (6–7). С. 42–102.

Руденко К.А., 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье / науч. ред. д.и.н. Р.Г. Фахрутдинов, к.и.н. П.Н. Старостин. Казань: Заман. 256 с.

Руденко К.А., 2003. О верхней границе бытования вещей аскизского облика в Поволжье и Прикамье // Проблемы истории России. Вып. 5. На перекрестках эпох и традиций / отв. ред. Шашков А.Т. Екатеринбург: Волот. С. 68–79.

Тропин Н.А., 2018. О социальной атрибутике нареченных накладок с открытых торгово-ремесленных поселений конца XI – начала XV в. в Верхнем Подонье // КСИА. Вып. 253. С. 277–292.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ. 277 с.

Хлебникова Т.А., 1987. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры / отв. ред. д.и.н. Г.А. Фёдоров-Давыдов М.: Наука. С. 34–89.

Шилов В.П., 1959. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Том I / МИА. № 60 / отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 323–523.

Шполянский С.В., 2019. Накладки из черного металла со средневековых памятников Суздальского Ополя // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 15 / отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 227–244.

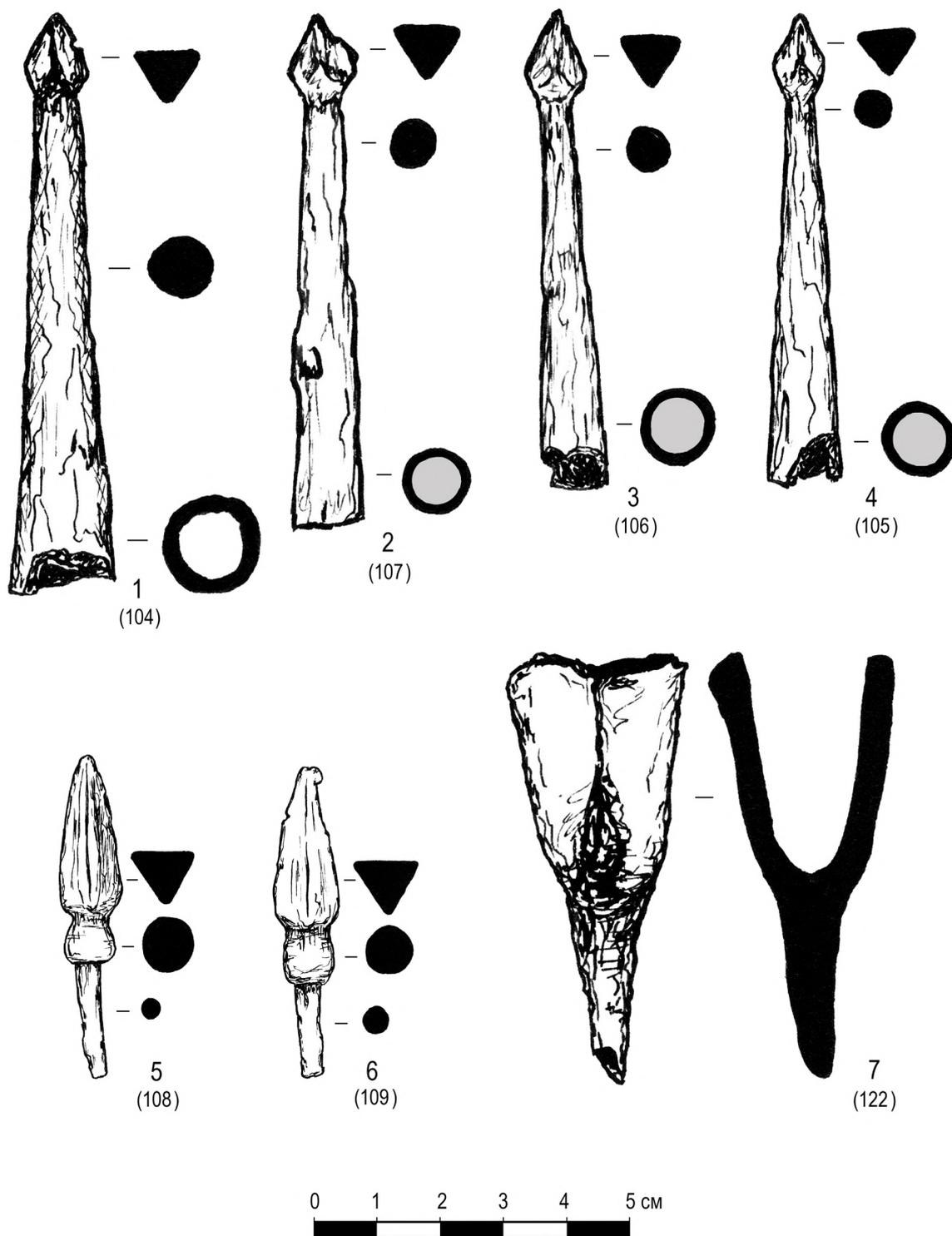

Рис. 1. Железные предметы вооружения из раскопа на улице им. газеты «Известия», 816.
Номера в скобках соответствуют коллекционной описи

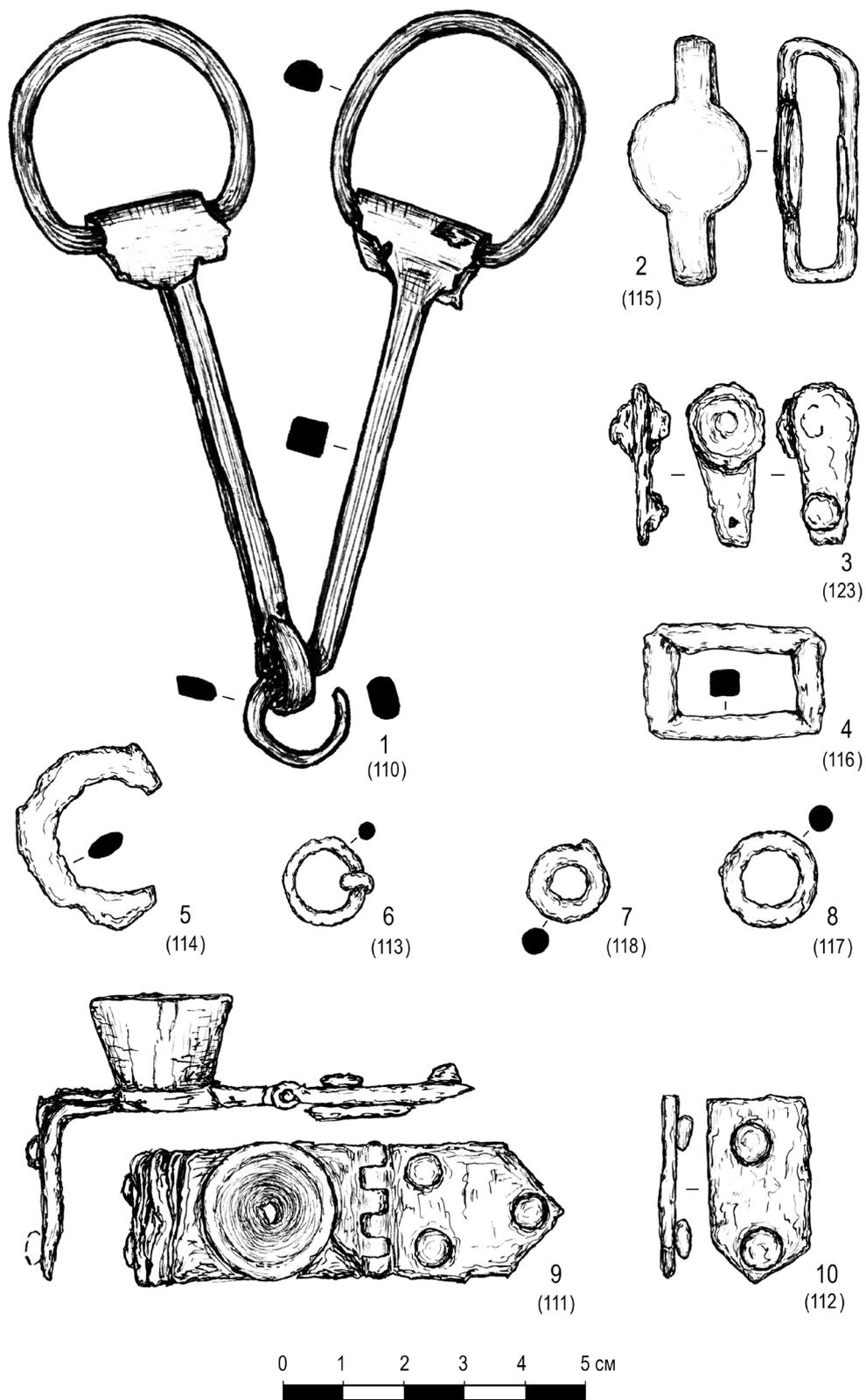

Рис. 2. Железные предметы конского снаряжения из раскопа на улице им. газеты «Известия», 816. Номера в скобках соответствуют коллекционной описи

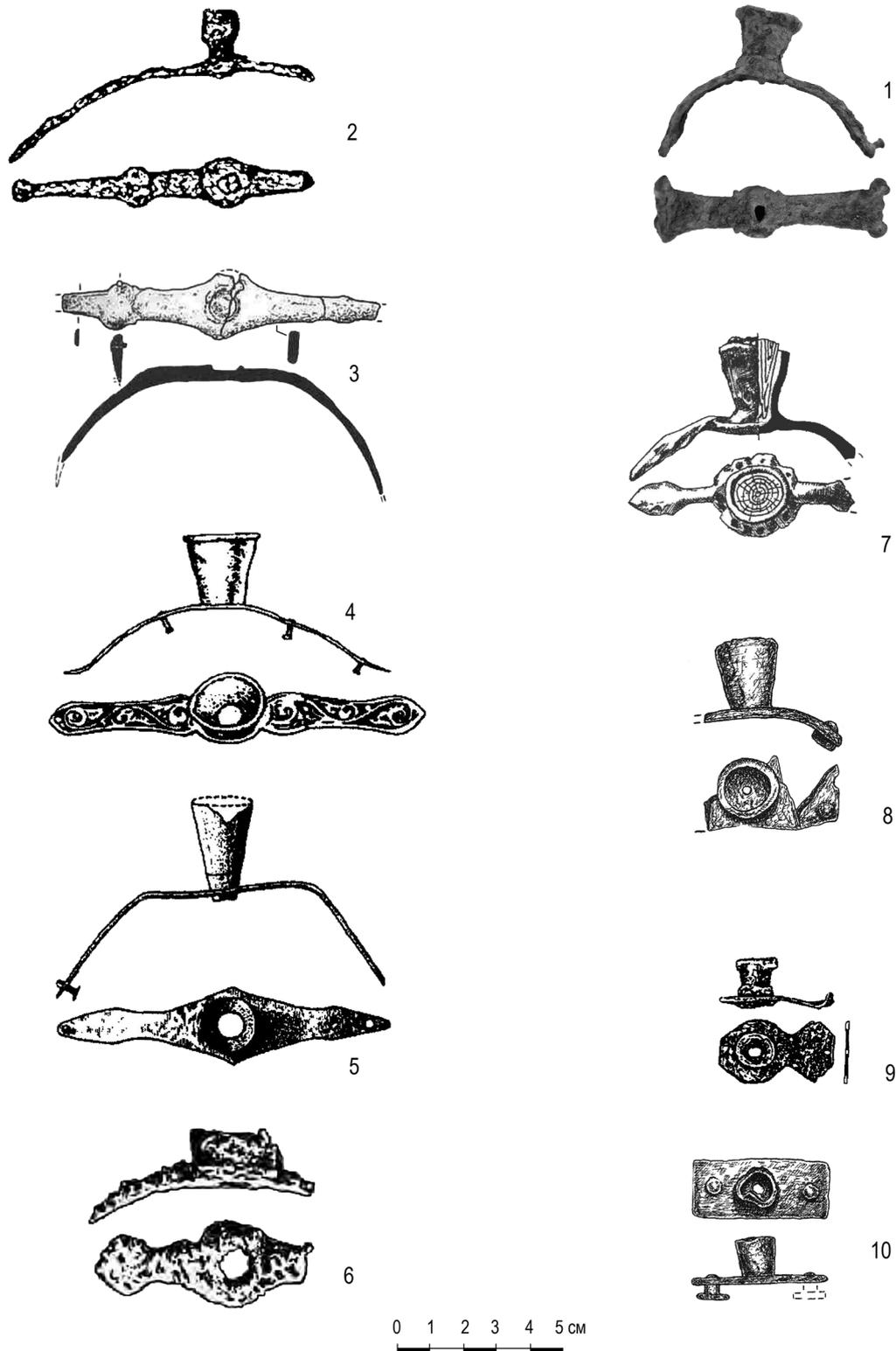

Рис. 3. Железные султанодержатели золотоордынского времени с территории Восточной Европы: 1 – Болгарское городище, раскоп CLXXV; 2 – Визенмиллер III 5/1 (по: Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998, табл. XIV: 16); 3 – наносная пластина из Вербового Лога VIII 1/1 (по: Власкин М.В., Гармашов А.И. и др., 2006, рис. 3: 1); 4 – Ковалёвка VI, к. 6 (по: Кызласов И.Л., 2010, рис. 12: 11), 5 – из вещевого комплекса разрушенного погребения у хут. Петровский (по: Кызласов И.Л., 1980, рис. 1: 1); 6 – Калиновский 45/2 (по: Шилов В.П., 1959, рис. 66: 13); 7 – с поселения Кринички II (по: Крамаровский М.Г., Гукин В.Д., 2002, табл. 6: 15); 8, 10 – из разрушенного погребения в кургане 4 могильника Овцевод (по: Парусимов И.Н., 1997, рис. 9: 12, 15); 9 – с поселения Настасьино (по: Кызласов И.Л., 2010, рис. 15: 2).

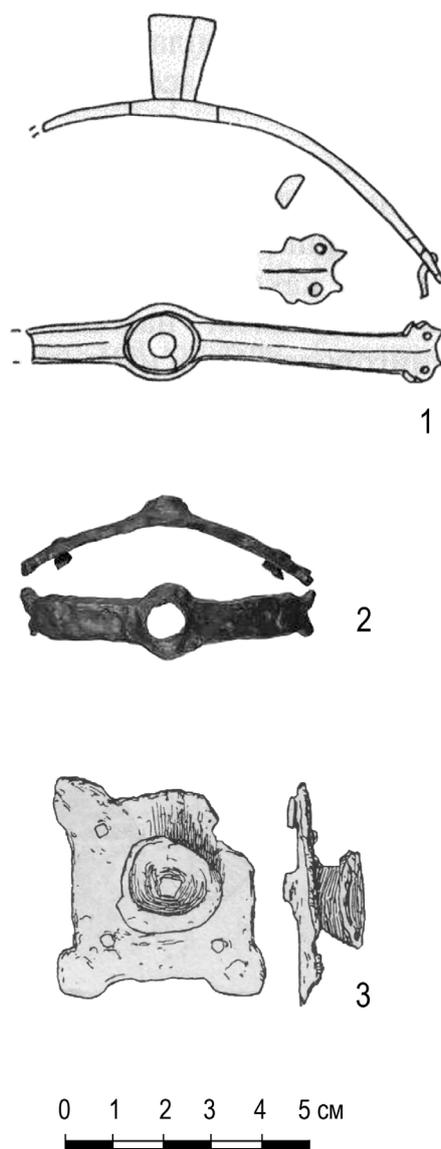

Рис. 4. Железные султанодержатели, найденные на территории Руси: 1 – из Смоленска (по: Кызласов И.Л., 1997, рис. 2: 5); 2 – селища Вышеславские 4-5 (по: Макаров Н.А., Шполянский С.В. и др., 2019, рис. 9: 10); 3 – из Новогрудка (по: Гуревич Ф.Д., 1981, рис. 88: 1)

Рис. 5. Изображение лошади сокольника с наносным султанчиком и наузом в рукописи космологического труда Закарии ибн Мухаммада ибн Махмуда ал-Казвини «Книга чудес прошедшего и необычности существующего», созданной на рубеже XIII–XIV вв. (British Library: Oriental Manuscripts. Or. 14140, f. 20v / Электронная библиотека Катара). URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100023630151.0x000029 (дата обращения: 25.04.2020)

Рис. 6. Всадник с копьем и щитом в труде Мухаммада ибн Иса ибн Исмаила ал-Шанафи ал-Аксарай «Предел желанию узнать больше об упражнениях во всадничестве» (British Library. Add MS 18866, f. 138v / Электронная библиотека Катара). URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100030347167.0x000055 (дата обращения: 25.04.2020)

Рис. 7. Искандер занимает царство мраков, постоянно окутанное туманом. Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, ок. 1307 г. Рукопись Библиотеки Эдинбургского университета (Ms Or 20, f. 19r.). URL: <https://images.is.ed.ac.uk/luna/servlet/media/book/showBook/UoEsha~4~4~64742~103064> (дата обращения: 25.04.2020)

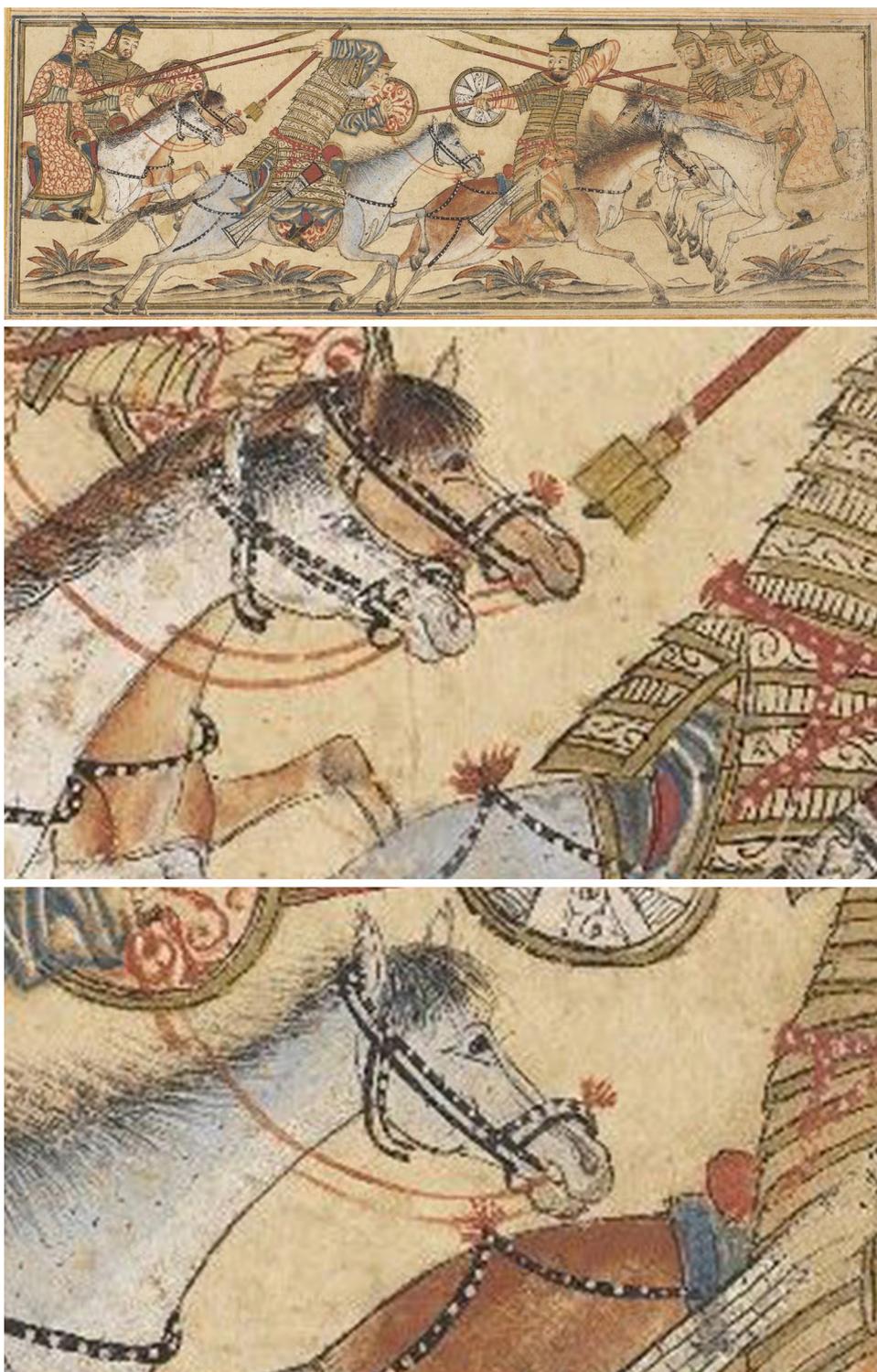

Рис. 8. Битва братьев династии Буйидов Адула, Муайда Ад-Даула и Рукна Ад-Даула за престол. Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, ок. 1307 г., Тебриз, 1314/15 г. Рукопись Библиотеки Эдинбургского университета (Ms. Or. 20, f. 110v). URL: <https://images.is.ed.ac.uk/luna/servlet/media/book/showBook/UoEsha~4~4~64742~103064> (дата обращения: 25.04.2020)

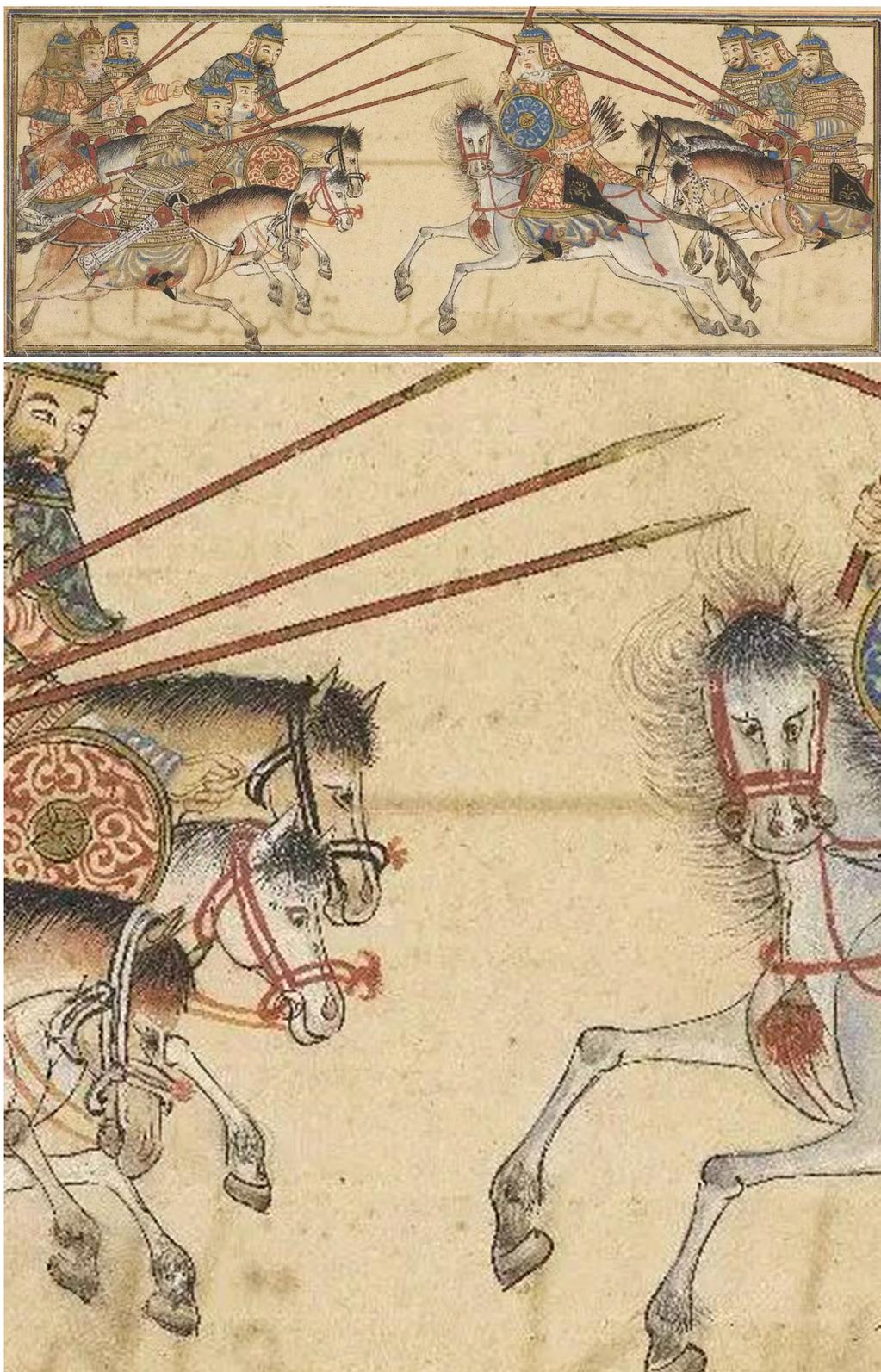

Рис. 9. Махмуд ибн Себуктегин, правитель династии Газневидов восточного Афганистана, побеждающий противника при Бактузуне в 999 г. Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, ок. 1307 г., Тебриз, 1314/15 г. Рукопись Библиотеки Эдинбургского университета (Ms. Or. 20, f. 120r). URL: <https://images.is.ed.ac.uk/luna/servlet/media/book/showBook/UoEsha~4~4~64742~103064> (дата обращения: 25.04.2020)

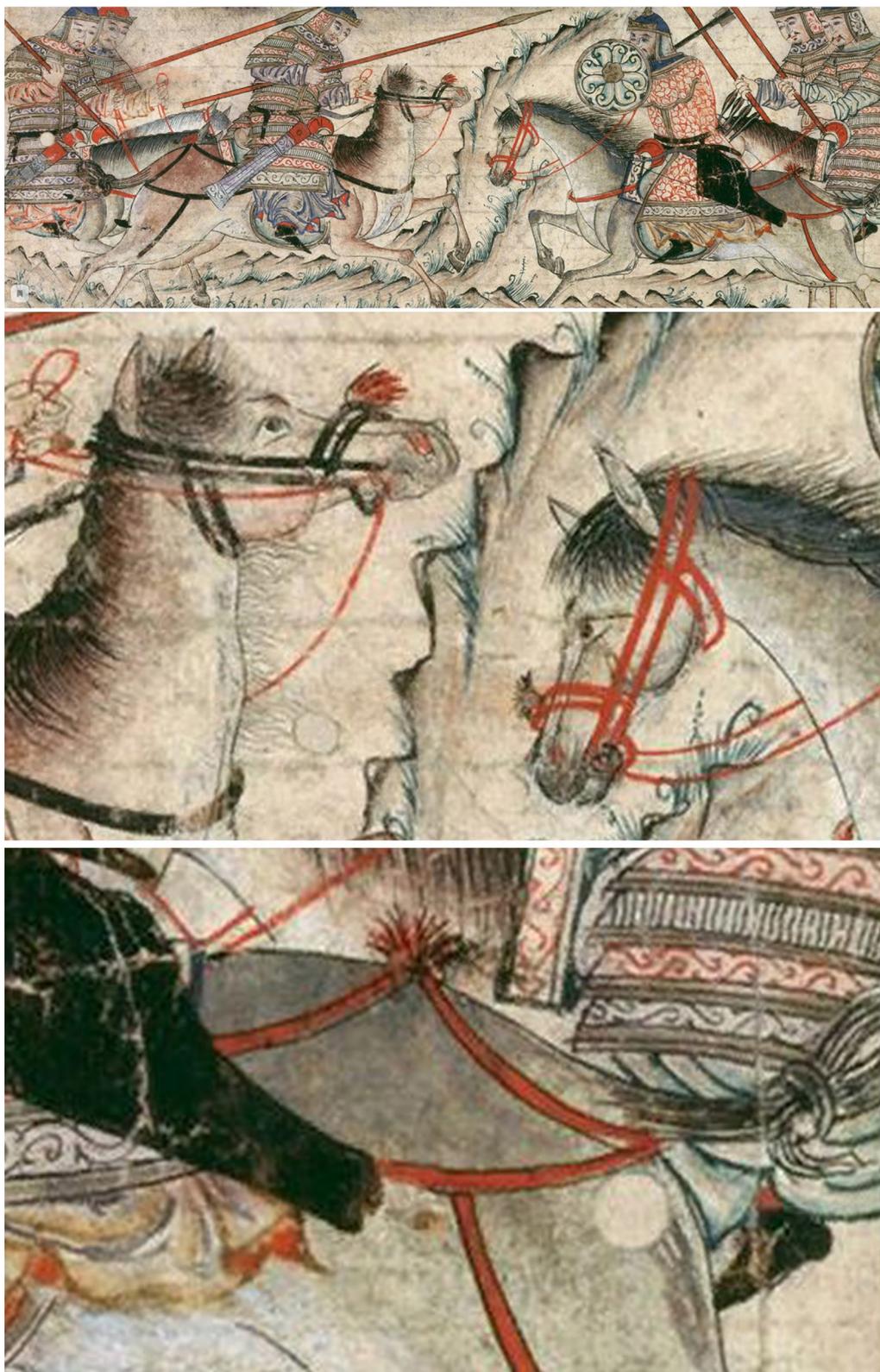

Рис. 10. Битва Пандавов и Кауравов, сцена из индийского эпоса, Махабхарата. Миниатюра из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, ок. 1307 г. Тебриз, 1314/15 г. Рукопись Библиотеки Оксфордского университета, Коллекция Халили (MSS 727, f. 25r). URL: <https://www.khalilicollections.org/collections/islamic-art/khalili-collection-islamic-art-the-jami-al-tawarikh-of-rashid-al-din-mss727-folio-25a> (дата обращения: 25.04.2020)

Рис. 11. Исфандияр сражается с рогатыми волками (иллюстрация к «Шах-наме»). «Альбом Фатих», т.е. рукопись Nazine 2153 из Библиотеки дворца Топкапы в Стамбуле. URL: <https://i.pinimg.com/originals/67/8f/a8/678fa8c31b0486a140c9de5de8a566f0.jpg> (дата обращения: 25.04.2020)

Рис. 12. Бахрам Гур сражается с каргом (рогатым волком), 41,5 × 30 см. Рукопись «Шах-наме», 1330–1340-е гг., Иран. Бумага, чернила, золото и серебро (Harvard Art Museums / Arthur M. Sackler Museum. URL: <https://hvard.art/o/169542> (дата обращения: 25.04.2020). Видны характерные двойные ремни узды. Держатель султанчика, вероятно, с бронзовой втулкой, скрепленный сразу с двумя храповыми ремнями

Рис. 13. Сокольничий туркмен Ак Коюнлу. «Альбом Фатих», т.е. рукопись *Nazine 2153* из Библиотеки дворца Топкапы в Стамбуле, XIV или XV в. URL: <http://warfare.ga/Turk/Turkmen-Haz2153-Falconer.htm> (дата обращения: 25.04.2020). Хорошо видны обоймы нагрудного ремня, которые можно сопоставить с публикуемой находкой из Азова (рис. 2, 2)

Рис. 14. Всадники туркмен Ак Коюнлу. «Альбом Фатих», т.е. рукопись *Hazine* 2153 из Библиотеки дворца Топкапы в Стамбуле, XIV или XV в. URL: <http://warfare.ga/Turk/Turkmen-Haz2153-f138v.htm> (дата обращения: 25.04.2020). На крупе изображенного справа коня хорошо видно расположение ремней

Рис. 15а. «Хубилай хан на охоте с женой». Художник Лю Гуаньдао, 1280. Тушь и краски по шёлку. 182,9 x 104,1 см. Тайваньский национальный музей-дворец Тайбэй. URL: http://realhistoryww.com/world_history/ancient/China_scroll_big.htm (дата обращения: 25.04.2020)

Рис. 156. «Хубилай хан на охоте с женой». Художник Лю Гуаньдао, 1280. Деталь изображения: лошадь супруги Хубилая с наносным украшением

Рис. 16. «Лошадь и лучник». Ли Цзаньхуа, период династии Сунн (960–1279). Тайваньский национальный музей-дворец Тайбэй. URL: http://g.udn.com.tw/upfiles/B_OR/OrientExpress/PSN_PHOTO/279/f_17679279_1.jpg (дата обращения: 25.04.2020). В отличие от сбруи, чаще встречающейся на изображениях монгольского времени, здесь изображено одноревенное подхвостье простого устройства (без перекрещивания), украшенное подвешенными кистями. Узда – без налобного ремня, а роль своеобразного начального султанчика выполняет челка лошади. О статусе владельца лошади свидетельствуют два науза – на шее (под оголовьем) и на нагрудном ремне

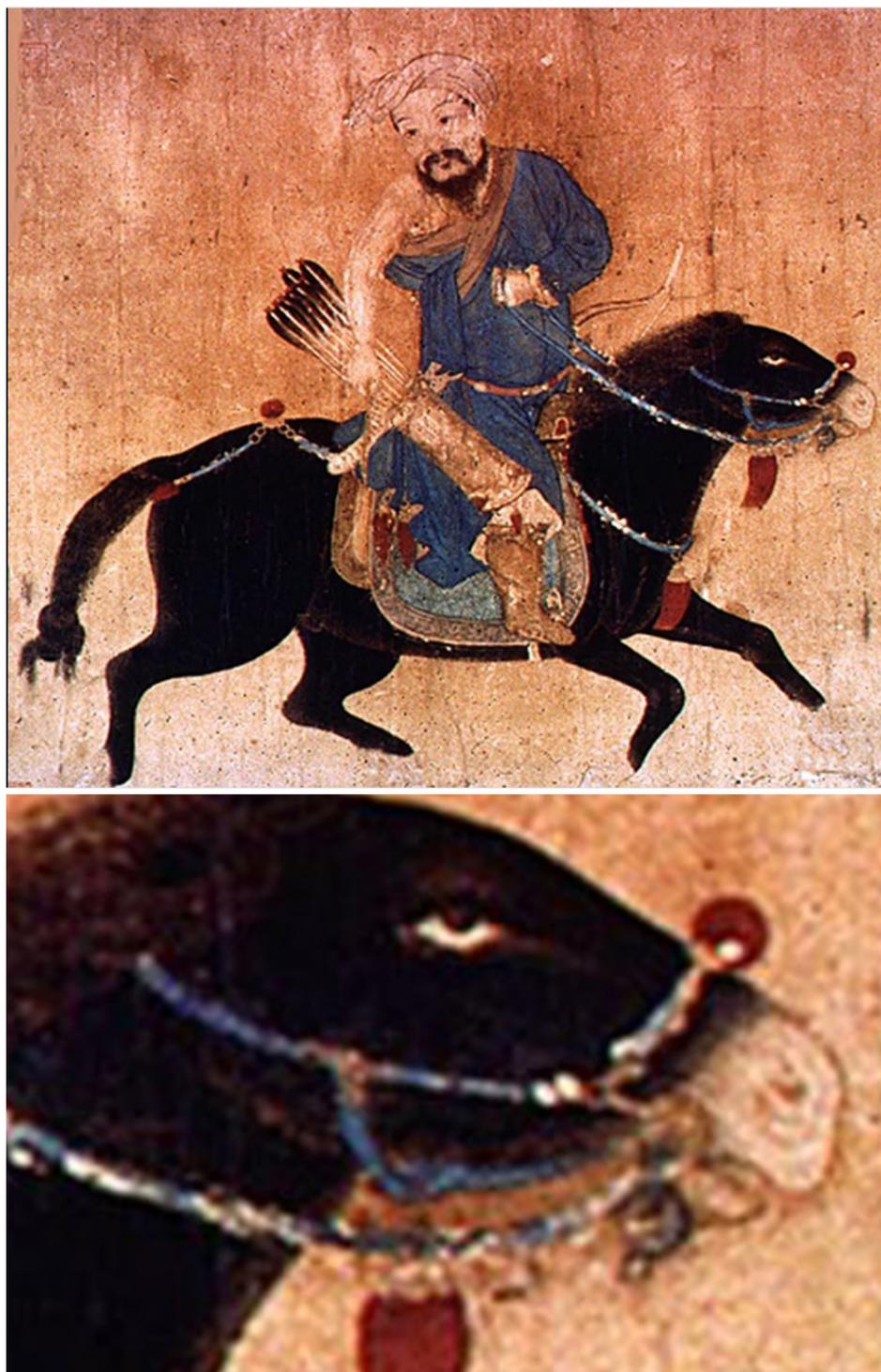

Рис. 17. Монгольский всадник периода династии Мин (1368–1644). Бумага, тушь, краски. XV–XVI вв. Музей Виктории и Альберта, Лондон. URL: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:MongolArcher.jpg> (дата обращения: 25.04.2020)

КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ У СЕЛ. КАМЕНКА НА ДОНБАССЕ: ЕГО ДАТИРОВКА, АНАЛОГИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ

.....

Данная статья планировалась для публикации в г. Донецке, в сборнике материалов одной из научных конференций. Однако по техническим причинам она «выпала» из сборника материалов. Поскольку она, как представляется, будет полезной и представляющей определенный интерес и для северокавказских специалистов, мы предприняли вторую попытку ее публикации, но уже в данном сборнике.

Еще в 1985 г. в научный оборот были введены материалы раскопок погр. 1 кург. № 1, исследованных в 1976 г. в «зоне строительства оросительной системы на землях колхоза “Заря” (Старобешевский р-н Донецкой области)». Курган находился у «сел. Каменка» и содержал в себе парное кочевническое захоронение, сопровождаемое скелетом лошади, лежащей на приступке вдоль ямы (рис. 1) (Косиков В.А., Гриб В.К., 1985, с. 257–261). Проанализировав специфику погребального обряда, это захоронение и сопровождающий его погребальный инвентарь, авторы публикации справедливо указали на его принадлежность к достаточно редкому типу таких кочевнических захоронений. В конечном итоге они предложили его датировку в пределах «половецкого времени», отнеся к «концу XI – началу XII в.». Но при этом оба автора справедливо указали и на сохраняющуюся открытость проблемы, особенно с неясностью генезиса и этнокультурной атрибуцией подобных парных захоронений (Косиков В.А., Гриб В.К., 1985, с. 257–261). Предложенную ими историко-культурную интерпретацию данного погребального комплекса позднее разделили не только отечественные авторы, но и некоторые из зарубежных коллег (Gołębiowska-Tobiasz A., 2014, s. 33), неоднократно учитывавших или же использовавших данные материалы в своих собственных характеристиках «половецкого периода» в истории как Донбасса, так и всей Восточной Европы. Между тем сегодня появились новые археологические материалы,

которые позволяют нам не только вернуться к опубликованному парному кочевническому захоронению у сел. Каменка, но и высказать некоторые наблюдения на этот счет. Не останавливаясь на повторении детального описания всего погребения (рис. 1) и его вещевого набора (рис. 2, 1–23; рис. 3, 1–8), остановимся лишь на некоторых его категориях.

Прежде всего укажем на часть инвентаря из захоронения у сел. Каменка и его сильную схожесть с некоторыми предметами, например, из разрушенного кочевнического захоронения из-под ст. Староминской на Кубани. Он, напомним, был представлен височными кольцами (рис. 4, 1–2) (Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002, с. 146, рис. 1, 1–2) – тип IV по Г.А. Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов Г.А. 1966, с. 38, рис. 6, тип IV). Вместе с ними были фрагменты (верхние части) четырех мелких бронзовых пуговиц-«бубенчиков» (рис. 4, 3–6) (Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002, с. 146, рис. 1, с. 147, рис. 1, 3–6) и набор лазуритовых подвесок (рис. 4, 12–20), а также – украшения в виде коралловых веточек (рис. 4, 7–11) (Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002, с. 146, рис. 1, 7–20). Их сопоставление (рис. 2, 6 и ср.: рис. 4, 7–11) с идентичными предметами, сопровождавшими женский скелет в парном захоронении у сел. Каменка (рис. 2, 6), позволяет утверждать, что в комплексе из-под ст. Староминской сохранились точно такие же шейные украшения. Идентичность сравниваемых наборов к тому же заставляет «переносить» и на каменский комплекс чуть более позднюю датировку «половецкого» староминского набора предметов, определенную его публикаторами в пределах «XII–XIII вв.» (Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002, с. 147), без каких-либо оговорок принятую отдельными современными исследователями. Однако и это уточнение в датировке, на что мы уже обращали внимание коллег-специалистов (Нарожный Е.И., 2003, с. 222–233), по-прежнему не учитывает наличия, например, в обоих

сравниваемых между собой комплексах совершенно тождественных украшений в виде коралловых веточек, которые, к примеру, присутствовали и в еще одном элитном раннедзучидском захоронении курганного могильника «Джухта-2» на Ставрополье (Доде З.В., 2001, с. 133, рис. 2, 10–11). К золотоордынскому времени можно отнести и лазуритовые привески не только из староминского, но и каменского комплексов, на что указывают другие северокавказские их аналогии – из кочевнического погребения могильника Николаевского-II в Восточном Приазовье (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 54, с. 149–150, рис. 17),¹ в которых датировка таких находок

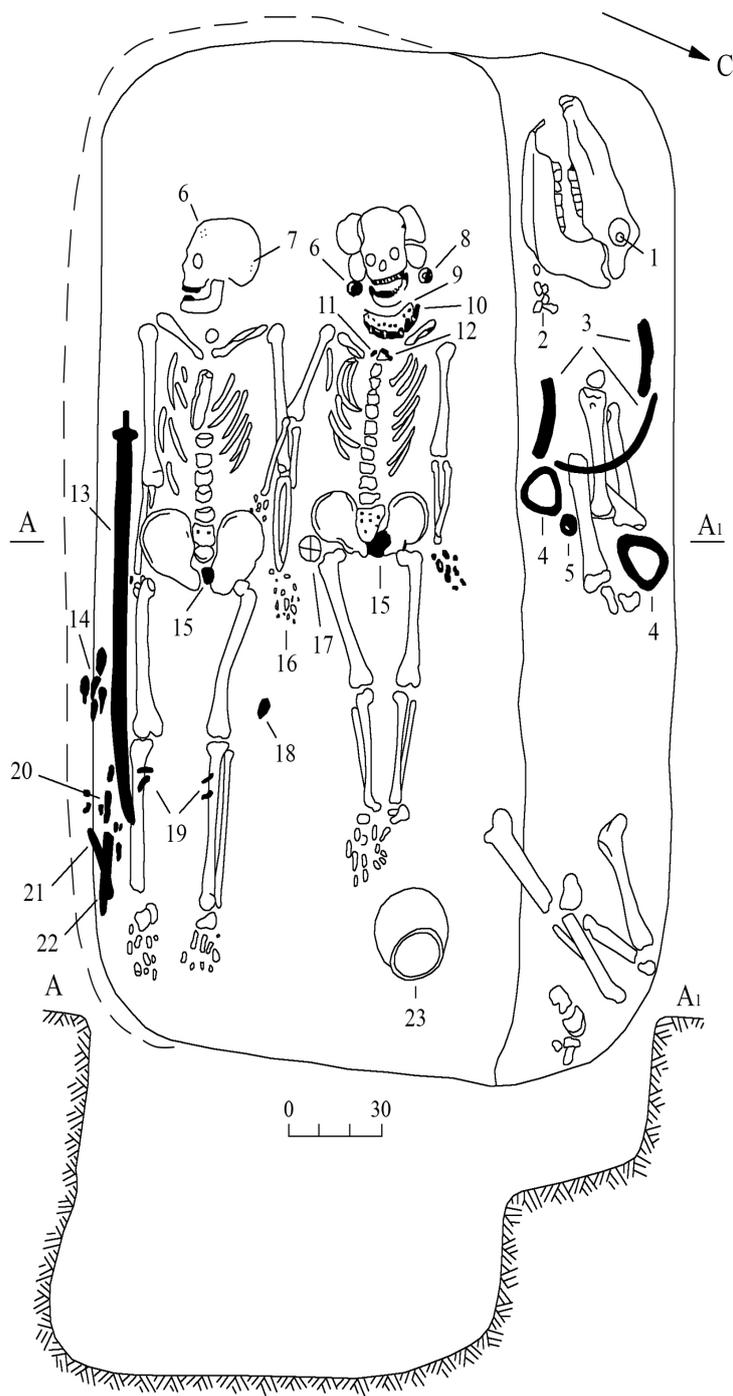
¹ С этой датировкой лазуритовых украшений из данного захоронения не согласен д.и.н. К.А. Руденко (г. Казань). В частности он пишет: «Захоронение курганного могильника Николаевский II» (Руденко К.А., 2014, с. 229) содержит в своем инвентаре «украшения из лазурита», из-за которых это погребение «вряд ли может быть датировано золотоордынским временем и, судя по инвентарю, относится к XII – первой трети XIII в.» (Руденко К.А., 2014, с. 229). Признавая такую возможность, особенно в контексте того, что появление значительной части опубликованных в нашей коллективной монографии погребений, включая и то, о котором идет речь, в Восточном Приазовье я связываю с миграциями из Поросья. Различные «привнесения» оттуда вполне могут являться несколько ранними. Тем не менее, датируя процесс такой миграции временем, не раньше 1260-х гг. (Нарожный Е.И., 2000, с. 138–150 и др.), полагаю, что погребальный комплекс золотоордынского времени вполне мог содержать в себе и более ранние предметы. К тому же такие же украшения из лазурита, например из Северо-Восточного Причерноморья (Крым... 2003, с. 134, табл. 48, 21), как, впрочем, и такие же украшения, фиксируемые гораздо восточнее (Нарожный Е.И., 2002, с. 99–104), на что также уже обращалось внимание (Нарожный Е.И., 2003, с. 216–217). К тому же, в захоронении наряду с лазуритовыми подвесками были, хотя и фрагментированные, височные подвески типа IV (с биконической гладкой бусиной) (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 54, рис. 17, 4–5, 14, с. 131, рис. 55, 1) и которые, как считает В.Н. Чхаидзе, я, например, необоснованно «омолаживаю» (Чхаидзе В.Н., 2017, с. 218–234). Не соглашаясь с ним, в очередной раз укажу на ранее уже приводившиеся находки таких украшений из слоя золотоордынского г. Маджара и из одного погребения Келийского могильника; которые не противоречат и точке зрения Г.А. Федорова-Давыдова, также относившего основную массу таких украшений к золотоордынскому времени. В том же захоронении из Восточного Приазовья вместе с лазуритовыми украшениями были и две тонкие пластины от головного убора (Дружинина И.А.,

определяется с «XIII по XIV в.» (Крым... 2003, с. 134, табл. 48, 21).

Ныне лазуритовые подвески и их дериваты из золотоордынского кашина известны и среди материалов XIII–XV вв. в высокогорной Ингушетии, куда они, бесспорно, попадали через золотоордынский Татартуп – «Верхний Джулат» (Нарожный Е.И., 2002, с. 99–104). Эти аналогии дают некоторые основания для того чтобы и оба сравниваемых нами погребальных комплекса – у сел. Каменка на Донбассе и у ст. Староминской на Кубани, характеризовать, как минимум, в раннедзучидское время и, по всей вероятности, демонстрирующие единую (?) этнокультурную принадлежность. При этом нельзя исключать и «миграционного» фактора, обусловившего относительно синхронное появление двух, хотя территориально удаленных друг от друга (Донбасс и Кубань) погребальных кочевнических комплексов, которые, однако, вряд ли могли быть единственными в своем роде.

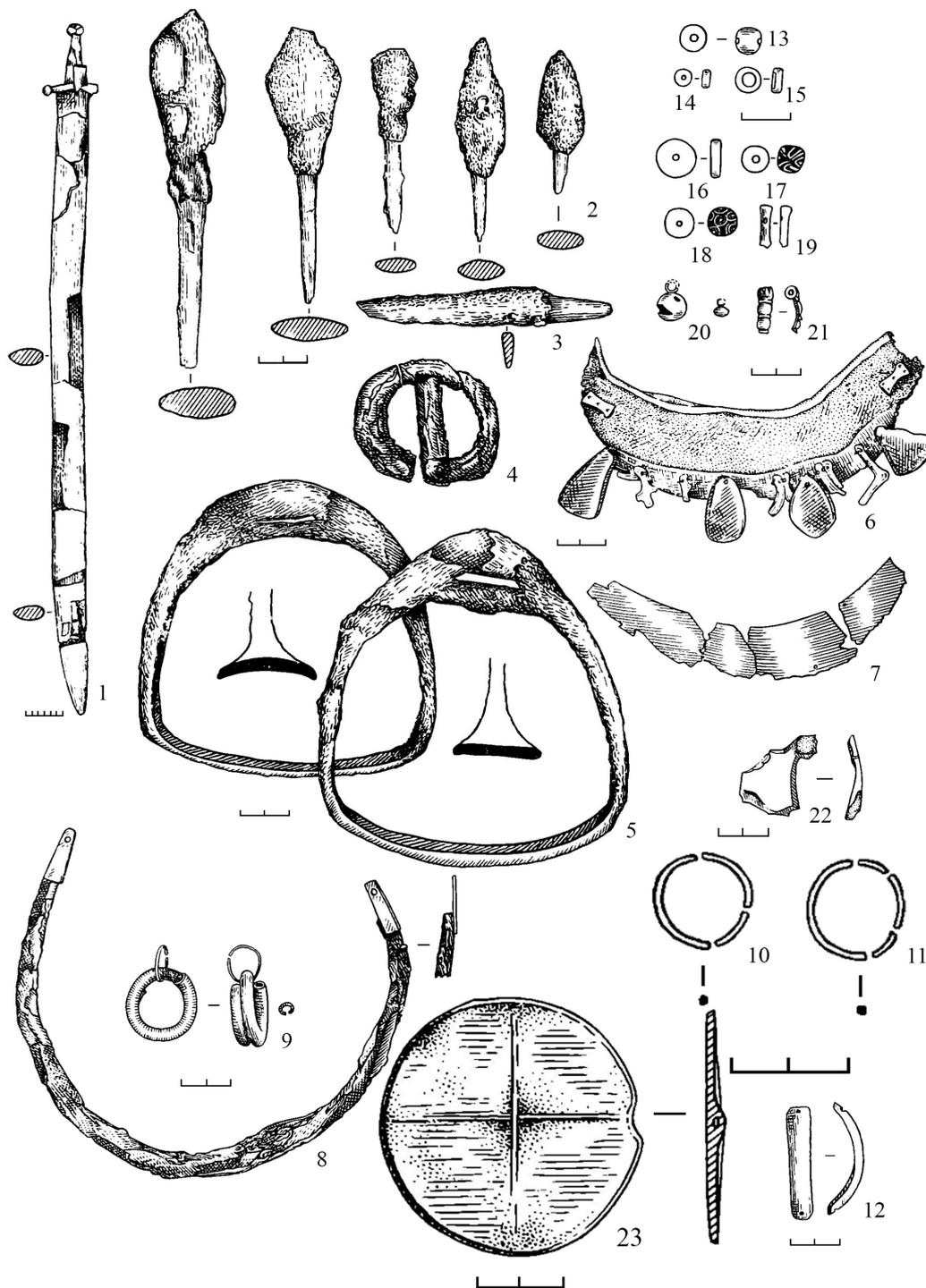
На предложенную возможность отнесения к более позднему времени захоронения у сел. Каменка указывают и другие предметы из его инвентаря, сопровождавшего скелеты как мужчины, так и женщины. Среди них можно указывать на полые, из бронзы, «несомкнутые трубочки» – «серьги в полтора оборота (рис. 2, 9), находившиеся по обе стороны от черепа погребенной» (Косиков В.А., Гриб В.К., 1875, с. 261–262, с. 261, рис. 4, 9). Помимо них, это же демонстрирует и бронзовое зеркало с крестовидным орнаментом и петлей (рис. 2, 23), но без «бортика» (Косиков В.А., Гриб В.К., 1985, с. 262, с. 261, рис. 4, 23). Если сравнивать указанные предметы с аналогиями, то «трубчатые серьги»

Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011 с. 54, рис. 17), тождественные таким же пластинам – т.н. «рогам» из нескольких кочевнических погребений не только Прикубанья (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 114, рис. 64, 5–12), но и из других территорий (Чхаидзе В.Н., 2017, с. 218–234). При различной их датировке, наиболее поздние погребения с такими предметами датированы XIII–XIV вв. (Голубев Л.Э., 2004, с. 249–253; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 114, рис. 64, 5–12; Чхаидзе В.Н., 2017, с. 218–234; Нарожный Е.И., 2019, с. 156–169). В совокупности это позволило отнести погребение вместе с его инвентарем к золотоордынскому времени.

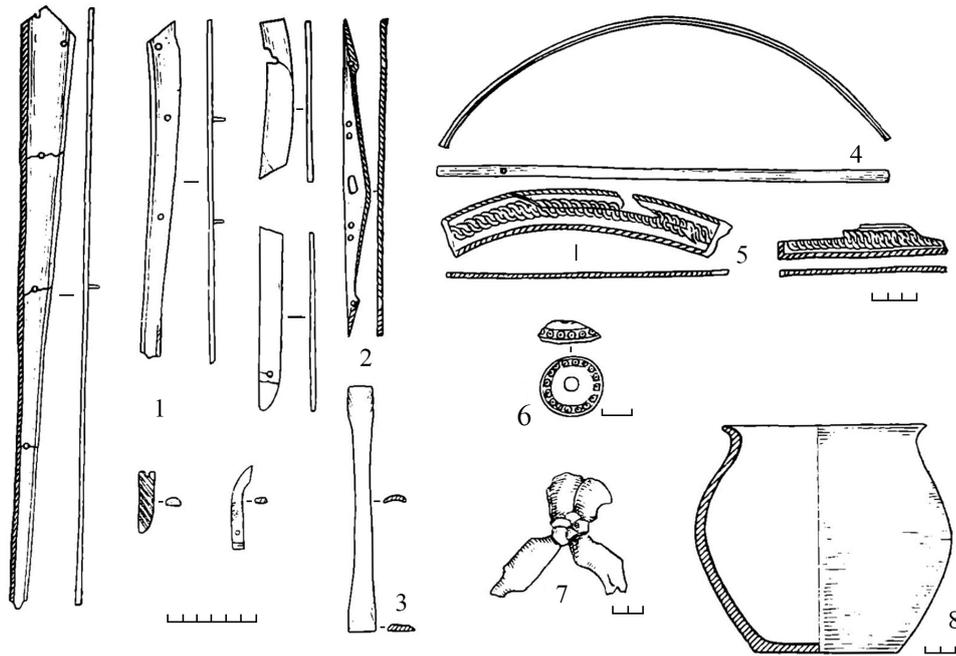
- 1 - костяная пуговица; 2 - кожаный узел упряжи; 3 - костяные накладки седла; 4 - стремена;
 5 - железная пряжка; 6 - бронзовое височное кольцо; 7 - серебряное височное кольцо;
 8 - бронзовые серьги; 9 - тамакса; 10 - железная гривна; 11 - бронзовый язычок пряжки;
 12 - бронзовые пуговицы; 13 - сабля; 14 - железные наконечники стрел; 15 - куски мела;
 16 - железный нож; 17 - бронзовое зеркало; 18 - кресало; 19 - бронзовые украшения сапог;
 20 - срединная накладка лука; 21 - костяная петля колчана; 22 - костяные накладки колчана;
 23 - горшок.

Рис. 1. План погребения № 1 кургана 1 из-под сел. Каменка на Донбассе
 (по: Косиков В.А., Гриб В.К., 1985)

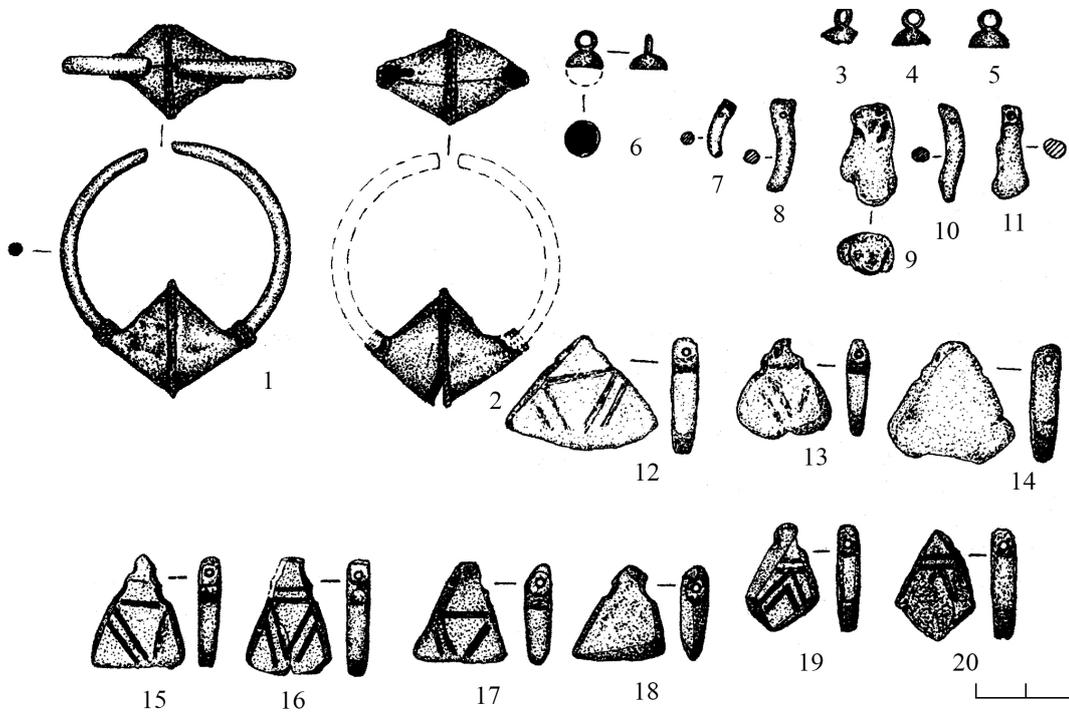
1 - сабля; 2 - наконечники стрел, 3 - железный нож; 4 - железная пряжка; 5 - стремена, 6 - тамакса, 7 - бронзовая основа тамаксы; 8 - железная гривна; 9 - серьга; 10-11 - височные кольца; 12 - бронзовые украшения сапог; 13-19 - бусы; 20 - бронзовые пуговицы; 21 - бронзовый язычок пряжки; 22 - кремень; 23 - бронзовое зеркало.

Рис. 2. Инвентарь из погребения № 1 кургана 1 из-под сел. Каменка на Донбассе (по: Косиков В.А., Гриб В.К., 1985)

1 - обкладки колчана; 2 - петля колчана; 3 - срединная накладка лука; 4-5 - накладка лука седла; 6 - пуговица; 7 - узел упряжи; 8 - горшок (1-6 - кость; 7 - кожа; 8 - глина).

Рис. 3. Инвентарь из погребения № 1 кургана 1 из-под сел. Каменка на Донбассе (по: Косиков В.А., Гриб В.К., 1985)

1-2 - височные кольца; 3-6 - пугови; 7-20 - бусы подвески (1-2 - серебро, позолота; 3-6 - бронза; 7-11 - коралл; 12-20 - лазурит).

Рис. 4. Инвентарь из разрушенного женского кочевнического захоронения у ст. Староминской Краснодарского края (по: Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002)

хорошо известны, например, на Северном Кавказе – среди инвентаря женского захоронения (погр. 3) в кургане № 6 у ст. Новотитаровской (Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1995, с. 155, рис. 1, 3). Бронзовое височное украшение из него было отнесено к «XII – первой пол. XIII в.», а аналогии им указанные авторы приводят из «пока неопубликованных адыгских» погребальных комплексов – Убинского могильника и «Бжид-1» (Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1995, с. 155–156), а также из «касожского» могильника «Кедровая роща» под Геленджиком¹. К этому же отрезку времени были отнесены и точно такие же украшения из еще одного захоронения кочевницы-«половчанки» на Кубани (Зеленский Ю.В., Цокур И.В., 2003, с. 209–212). В то же время тождественные украшения из кочевнического захоронения «половецкого времени» из курганного могильника «Пластунский-54» были датированы более реально – XIII–XIV вв. (Голубев Л.Э., 2004, с. 249–253, рис. 1, 4)². На наш взгляд, к золотоордынскому времени относятся и другие находки аналогичных трубчатых украшений, изготавливавшиеся не только из бронзы, но и серебра, и из золота, выявленные в других археологических памятниках Северного Кавказа (Маркоин В.И., 1996, с. 190, рис. 11, 11–12; Жилина Е.В., Нарожный Е.И., 2004, с. 355–357 и др.). Эта точка зрения вполне согласуется и с наблюдениями других исследователей. Подобные височные украшения, вне зависимости от того, были ли они свернуты в одно несомкнутое кольцо или же «в один с четвертью оборот», имеют аналогии в погребальных комплексах Северо-Восточного Причерноморья «XIII–XIV вв.» (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с. 106, «второй тип»).

Что касается находки зеркала в парном погребении (женский скелет) у сел. Каменка, то и оно показательно. Зеркала, как известно, не только характеризуют характер ремесленного производства, но используются и как показа-

тели развития внешней и внутренней торговли (Валеев Р.М., 2009, с. 47–53), а также и в системе погребальной обрядности (Хасенова Б.М., Хабдулина М.К., 2017, с. 297–309) и пр. Нередко они используются и как маркер в относительной датировке. Мы опираемся на аналогии интересующего нас типа зеркал, их можно привести, например, из женского погребения Цемдолинского курганно-грунтового могильника под г. Новороссийском, а также из «адыго-причерноморских памятников X–XII вв.» и «половецких «X–XIII вв.» (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с. 104, рис. 13, 11, с. 107), хотя такая датировка для зеркал данного типа представляется несколько заниженной. В.А. Косиков и В.К. Гриб справедливо ссылаются на Г.А. Федорова-Давыдова, включившего такие же зеркала в тип ЕII (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 79, рис. 13, тип ЕII, с. 81). Такие зеркала известны на территории Болгарского городища; где они отнесены к типу ЕI – с крестовидным орнаментом и утолщением по краю (как и у зеркал, учтенных Г.А. Федоровым-Давыдовым) «XI–XII вв.» (Руденко К.А., 2004, с. 136, рис. 1, 19-Е), хотя на опубликованном рисунке, судя по разрезу зеркала, оно такое же, как и зеркало из каменского захоронения. Однако указанные аналогии отличаются от каменского зеркала наличием на них утолщения-валика вдоль края диска. На зеркале в каменском захоронении у зеркала бортик отсутствует, что позволяет, например, дополнить типологию Г.А. Федорова-Давыдова, отнеся зеркало к новому типу – ЕIII, образцы зеркал которого сегодня известны и в материалах эпохи Золотой Орды. Среди них – находка зеркала интересующего нас типа (по типологии их публикаторов – тип ДI) с территории золотоордынского Укека; обнаружено оно там в «богатом женском погребении, интерпретированном как монгольское, XIV в.» (Недашковский Л., Ракушкин А., 1998, с. 37–38, с. 51, рис. 3, 12; Недашковский Л.Ф., 2000, с. 58, рис. 11, 12). Подобный тип зеркал известен не только археологически (Нарожный Е.И., 2003а, с. 256, рис. 4), но встречается и среди изображений на половецких каменных изваяниях, в т.ч. и на изваяниях с территории Кубани (Нарожный Е.И., 2003а, с. 256, рис. 4; Схатум Р.Б.,

¹ Пользуясь случаем, выражаю признательность А.В. Шишлоу за любезно предоставленную информацию (апрель 2019 г., XXX Крупновские чтения).

² Но при такой датировке (XIII–XIV вв.) данного погребального комплекса трудно согласиться с Л.Э. Голубевым в том, что оно – «половецкого времени», как указано в заглавии его статьи.

Зеленский Ю.В., 2018, с. 273, рис. 3, 2), вполне справедливо датированных золотоордынским временем.

Указанные аналогии, как представляется, позволяют относить интересующее нас парное захоронение из-под сел. Каменка на Донбассе все-таки к золотоордынской эпохе¹.

Вслед за авторами публикации парного захоронения у сел. Каменка остается соглашаться с ними в том, что опубликованное ими захоронение достаточно редко встречающееся, хотя к настоящему времени известно несколько, в т.ч., например, на территории Северного Кавказа. Как уже отмечалось выше, Е.А. Армарчук и А.В. Дмитриев указывают на пока, к сожалению, неопубликованное парное захоронение, сопровождавшееся скелетом лошади. Погребение это, вероятнее всего, синхронное донбасскому, происходит из одного из курганов могильника «Кедровая роща» под Геленджиком (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с. 13). В одном ряду с ним, вероятно, стоят и другие, немного более поздние парные захоронения золотоордынского времени, но в местных (Северный Кавказ) условиях уже утративших обязательность их сопровождения скелетом лошади. Это не только уже отмечавшееся парное захоронение из «межкурганного пространства» Цемдолинского курганно-грунтового могильника под Новороссийском (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с. 13). Заманчиво в один ряд с ними ставить и другие парные грунтовые погребения без коня (Нарожный Е.И., 2018, с. 718; 2019а. С. 154–158; 2019б, с. 156–159). Любопытно, что подобные и близкие парные кочевнические захоронения XIII–XIV вв. ныне хорошо известны и на других территориях, например, на Одессчине, в Побужье и Поднестровье, где их распространение рассматривают как результат или следствие смешения местных кочевников с пришлыми черными клобуками, вытесненными сюда из Поросья монгольским

завоеванием (Добролюбский А.О., 1990, с. 153–159; Корецкий А.В., 2008, с. 178–185). Однако нельзя исключать и того, что подобные парные захоронения, в т.ч. и сопровождаемые скелетом лошади, – не только одно из свидетельств миграций черных клобуков и один из маркеров, иллюстрирующих примеры такого перемещения. Наряду, например, с распространением в нашем регионе такого типа погребального обряда, как тип Б XIII (Нарожный Е.И., 2000, с. 139–150; 2003, с. 212–223; 2012, с. 138–143; 2017, с. 208–215; 2018, с. 718; 2019, с. 15–158; и ср.: Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 133, 153 и др.), наряду с распространением здесь уже упоминавшихся типичных женских украшений типов IV и V, впрочем, как и их более поздних вариантов-дериватов (Нарожный Е.И., 2003, с. 212–223 и ср.: Армарчук Е.А., 2006, с. 207–216). Украшения эти бытовали в условиях Северо-Восточного Причерноморья, где, вероятно и сформировались все необходимые условия для процессов этнокультурной адаптации и смешений, и получили свое дальнейшее развитие. Полая бусина таких украшений становится асимметричной. Судя по их находкам, ареал распространения подобных дериватов охватывает территорию примерно от Геленджика до г. Крымска (Нарожный Е.И., 2003, с. 217; Армарчук Е.А., 2006, с. 210, с. 214). Однако отдельные их образцы известны и на значительном удалении от указанного ареала, вплоть до болгарского Тырново (Владимиров Г., 2013, с. 141, обр. 5).

Указанные материалы в совокупности с другими позволяют рассматривать их в едином историческом контексте, связанном с отрезком времени, последовавшем после подчинения черных клобуков в южнорусских степях монгольскими завоевателями. Специфика ситуации, вероятно, вынудила значительную часть черных клобуков к далеким перемещениям. По всей вероятности, уже в нач. 1260-х гг., ведомые Ногаем (Нарожный Е.И. 2000, с. 138–150)², отправленным на Северный Кавказ, под Дербент, черные клобуки, вместе с половцами и др. подчиненными ему войсками перемести-

¹ Среди погребального инвентаря женского захоронения из Донбасса были и фрагментированные несомкнутые височные кольца (Косиков В.А., Гриб В.К., 1985, с. 261, рис. 4, 10–11), которые сильно напоминают подобные кольца, использовавшиеся при изготовлении украшений с дутыми биконическими бусинами из металла (тип IV по Г.А. Федорову-Давыдову), вероятно, в интересующем нас случае несохранившимися на них.

² Эта версия, правда, ныне вызывает возражения у некоторых коллег (их обзор см.: Нарожный, 2019а, с. 154–158), однако веских и серьезных доводов ими так и не было приведено.

лись в новые регионы и, вероятно, не только под Дербент, но и в Северо-Восточное Причерноморье. Здесь, скорее всего, они не только использовались ханами Золотой Орды в их попытках завладеть т.н. «дорогой Запада», со стороны средневековой Абхазии контролировавшейся закавказскими союзниками и вассалами ильханов (Нарожный Е.И. 2017, с. 219–223). Районы, прилегающие к округам современных городов Геленджик-Новороссийск, где наиболее сконцентрированы ныне известные «следы» пребывания здесь черных клобуков и связанных с ними археологических материалов, документируют примеры их активной интеграции в местную этнокультурную среду (Нарожный Е.И., 2000, с. 138–150; 2003, с. 22–233; Нарожный Е.И., 2017а, с. 208–215; 2018, с. 713–715 и сл.).

Потомки черных клобуков, смешавшихся с представителями иных групп тюркоязычного кочевого населения Северо-Восточного Причерноморья, со временем мигрируют в Западное и Нижнее Закубанье, где в зоне их кочевий возникает целая серия крупных сельских поселений открытого типа (Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В., 201, с. 283–287; Нарожный Е.И. 2019б, с. 22–32). Сегодня существуют разные по своему характеру оценки данной «схемы» (реконструкции) северокавказского этапа истории черных клобуков. Среди них, напомним, точка зрения И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского, лишь отчасти поддержавших версию о возможном перемещении черных клобуков к Дербенту. Но эту миграцию они определяют в качестве перемещения только «ограниченного воинского контингента» (Анфимов Т.Н., Зеленский Ю.В., 2002, с. 146). С этим вариантом трактовки событий соглашаться сложно, т.к. в этом случае рассматриваемое переселение должно было быть осуществлено лишь «мужчинами-воинами». Но на Северном Кавказе известны и находки сугубо женских украшений черноклобуцкого круга, в т.ч. и с явными признаками их местного эволюционного развития и модернизации, а также известны и женские захоронения с такими предметами. На этом фоне речь можно вести, наверное, о массовом характере предполагаемой миграции, в рамках хорошо известного

прежде всего этнографам т.н. процесса традиционного как для тюрков, так и монголов – «освоения новых территорий» (Нарожный Е.И., 2000, с. 138–150; 2003, с. 222–233; 2017а, с. 208–215 и др.). Есть ныне возражения и даже откровенное неприятие версии в целом и составляющих ее компонентов. В.Н. Чхаидзе утверждает, что с интересующими нас украшениями типов IV и V (по типологии Г.А. Федорова-Давыдова) и этнокультурным их генезисом и хронологией «разобралась» Е.А. Армарчук (Чхаидзе В.Н., 2017, с. 218–234). Однако Е.А. Армарчук, приведя целый ряд совершенно новых находок таких украшений, по-прежнему связывает их только с «половцами» (Армарчук Е.А., 2006, с. 207–216), с чем соглашаться сложно (Нарожный Е.И., 2018, с. 718). Более ранняя их атрибуция Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1966) продолжает оставаться актуальной и более предпочтительной и пока никем не опровергнутой, в т.ч. указанным исследованиями Е.А. Армарчук и В.Н. Чхаидзе.

Опубликована ныне и точка зрения, прямо сомневающаяся в реальности версии Г.А. Федорова-Давыдова и поддержанная нами, о переселении черных клобуков в Поволжье и на Северный Кавказ (Блохин В.Г., Петров П.А., 2013, с. 37–50; Блохин В.Г., 2014, с. 77–80; Чхаидзе В.Н., 2017, с. 218–234 и др.). Не вдаваясь в детали точки зрения этой группы авторов, вне всякого сомнения, имеющей право на существование, сошлюсь лишь на некоторые выводы д.и.н. проф. В.А. Иванова (г. Уфа), статистически обработавшего восточно-приазовские кочевнические захоронения в одной выборке с позднекочевническими захоронениями других, в т.ч. и смежных регионов. В результате, как подчеркнул исследователь, они «хорошо согласуются с концепцией», повторенной в коллективной монографии И.А. Дружининой, В.Н. Чхаидзе и Е.И. Нарожного (Дружинин И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011), – версией «о переселении кочевников... южнорусского пограничья – черных клобуков – на Северный Кавказ. Их потомки и через сто лет продолжали составлять основную часть кочевого населения этого региона» (Иванов В.А., 2015, с. 61). Эту точку зрения подтверждают и новые погребальные комплексы, указанные нами выше.

Рассмотренный выше погребальный комплекс из сел. Каменка на Донбассе – еще один «промежуточный» черноглобуцкой, оставленный на маршруте переселения этих кочевых групп из Поросья на Северный Кавказ. Оказавшись здесь в эпицентре политических событий, переселенцы довольно быстро становятся участниками бурных этномиксационных процессов и, пережив вторжение войск эмира Тимура в пределы золотоордынских владений, в т.ч. и на Северном Кавказе, потомки этого смешанного населения, вероятно, вкупе с иным постзолотоордынским населением Северо-Западного Кавказа, «вливаются» в состав формирующейся протоадыгской основы. Именно по этой причине здесь как раз в XV–XVI вв. наблюдается не только резкий рост курганных могильников (Дружинина, 2018), но и формируется та самая антропологическая близость, зафиксированная антропологами как у постзолотоордынского населения региона (Нарожный Е.И., 2019б, с. 22–32), так и у погребенных в «адыгских» курганах XV–XVI вв. (Батиева Е.Ф., 2011, с. 161–168; 2013, с. 324–331).

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов И.Н., Зеленский Ю.В., 2002. К вопросу о датировке предметов из разрушенного позднекочевнического захоронения у станицы Староминская // МИА Кубани. Вып. 2 / под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ. С. 14–147.
- Армарчук Е.А., 2006. «Половецкие серги» // Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетнёвой. (МИА Поволжья – Вып. 3) / отв. ред. И.Л. Кызласов. Москва; Йошкар-Ола: Изд-во МариГУ. С. 207–216.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.; СПб.: Нестор-История. 132 с.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА – Вып. 3 / отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М. С. 92–114.
- Батиева Е.Ф., 2011. Антропологические материалы из могильника XIII–XIV вв. средневекового поселения «Жукова» (Краснодарский край, хут. Кубанская колонка) // Вестник антропологии. Вып. 19. М. С. 161–168.
- Батиева Е.Ф., 2013. Антропологические материалы из могильника XIII–XIV вв. поселения «Жукова» (Краснодарский край) // Третья археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Мат-лы. Сухум: РУП «Дом печати». С. 324–331.
- Блохин В.Г., 2014. Несколько этюдов об этнокультурной идентификации золотоордынских погребальных памятников Нижней Волги // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: политология и социология. Волгоград: Изд-во ВФ РАНХиГС. № 1. С. 77–80.
- Блохин В.Г., Петров П.А., 2013. Средневековые комплексы с височными подвескам из Волгоградского Поволжья // РА. 2013. № 3. С. 37–50.
- Валеев Р.М., 2009. Металлические зеркала как предмет внешней и внутренней торговли в Золотой Орде // Вестник ЧГУ. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 47–53.
- Владимиров Г., 2013. Археологически находки от западната пристройка на църквата «Св. Четиредесет мъченици» в Търново. Волжкобългарски аристократ, кумански войн, или златоордынски посланик е погребан в гроб 47? // Приноси към българската археология. Т. VII: 145 години Българска академия на науките (1869–2014). Сборник памяти профессор Рашо Рашев (1943–2008 гг.). София. С. 138–154.
- Голубев Л.Э., 2004. Новые погребения половцев. Вып. 4 / под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ. С. 249–253.
- Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019. Генуэзская Газария и Золотая Орда – Т. 2 / отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдииков. Казань; Кишинев. С. 599–641.
- Добролюбовский А.О., 1990. Черные клубуки в Побужье и Поднестровье // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. 1 / отв. ред. Г.Н. Тоцев. Запорожье: ЗГУ. С. 153–159.
- Доде З.В., 2001. Костюм кочевников Золотой Орды из могильника «Джухта-2» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II: Археология, антропология, палеолиматология / под ред. А.Б. Белинского. М.: Памятники исторической мысли. С. 117–137.
- Дружинина И.А., 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов: автореф. ... к.и.н.: 07.00.06. М.: ИА РАН. 26 с.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье / под ред. М.В. Горелика. Армавир; М. С. 266 с.
- Жилина Е.В., Нарожный Е.И., 2004. О датировке половцевких погребальных памятников Северного Кавказа // МИА Северного Кавказа. Вып. 4 / под ред. Е.И. Нарожного. Армавир: РИЦ АГПИ. С. 355–357.
- Зеленский Ю.В., Цокур И.В., 2003. Погребение половчанки из Прикубанья // МИА Кубани. Вып. 3 / под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ. С. 209–212.
- Иванов В.А., 2015. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. Уфа: Изд-во БГПУ. 208 с.
- Корецкий А.В., 2008. Позднекочевнические погребения на могильнике у сел. Глинное // Древнее Причерноморье. Вып. VIII / под ред. И.В. Немченко и др. Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2008. С. 178–185.
- Косиков В.А., Гриб В.К., 1985. Парное кочевническое погребение из кургана у села Каменка в Донецкой области // СА. 1985. № 2. С. 257–261.

Крым... 2003. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Серия: Археология. М.: Наука. 532 с.

Мокрушин В.П., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2016. О внутренней топографии поселения XIII–XV вв. «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края): предварительные наблюдения // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова / под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum. С. 221–224.

Маркоин В.И., 1996. Исследование Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкесии // ИАА. Вып. 2 / под ред. Р.М. Мунчаева. Армавир; М. С. 180–202.

Нарожный Е.И., 2000. Черные клубуки на Северном Кавказе: о времени и условиях перемещения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14 / отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во ВГУ. С. 138–150.

Нарожный Е.И., 2002. О северокавказских находках подражаний украшениям раннесредневековой Белой Вежи // Сб. РИО. Т. 4 (152): От Тмуторокана до Тамани / науч. ред. и сост. В.А. Захаров, отв. ред. И.А. Настенко. М.: Русская панорама. С. 99–104.

Нарожный Е.И., 2003. Половцы или черные клубуки? (По поводу полемических замечек И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИА Северного Кавказа. Вып. 2 / под ред. Е.И. Нарожного. Армавир: РИЦ АГПИ. С. 212–223.

Нарожный Е.И., 2003а. О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья: сб. научн. тр. Т. 3. С. 245–274.

Нарожный Е.И., 2012. Средневековые кочевники Восточного Причерноморья // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы. Материалы III международной научно-практической конференции. Касноярск-Кызыл: Красноярский госуд. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, Красноярск-Кызыл. С. 138–143.

Нарожный Е.И., 2017а. Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимовоздействие (XIII–XV вв.) // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй. Доклады III международного Конгресса средневековой археологии евразийских степей / отв. ред. Н.Н. Ерадин и А.Г. Ситдиков. Владивосток: Дальнаука. С. 208–215.

Нарожный Е.И., 2017б. Основные торгово-стратегические коммуникации в северокавказских пределах Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Казань. С. 219–223.

Нарожный Е.И., 2018. Об «этнокультурных», «этномиксационных» и «этноформирующих» процессах XIII–XV вв. в Северо-Восточном Причерноморье (дискуссионные аспекты проблемы) // Этногенез и этническая история народов Кавказа. Материалы I-го международ-

ного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.). Грозный: АН ЧР, 2018. С. 712–730.

Нарожный Е.И., 2019а. Парные кочевнические захоронения XIII–XIV вв. на Северном Кавказе: аналогии и этнокультурный контекст // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. IV международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, посвященный 100-летию российской академической археологии. (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред.: акад. РАН Б.В. Базаров, чл.-кор. РАН Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 154–158.

Нарожный Е.И., 2019б. Археологические памятники XIII–XV вв. на Кубани (некоторые актуальные направления в их изучении) // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Краснодар. С. 22–32.

Нарожный Е.И., 2019в. Два погребальных комплекса из золотоордынского Азака и их северокавказские аналогии // Донские древности. Вып. 12: Азак и мир вокруг него. Материалы международной научной конференции (Азов, 14–18 октября 2019 г.). Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. С. 165–169.

Нарожный Е.И., Соков П.В., 2017. Предметы вооружения из культурного слоя поселений Железнодорожное-1 и 2 (XIII–XV вв.) (Крымский район Краснодарского края) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле и Белокурихе. Сборник научных статей. Т. 2 / отв. ред.: акад. РАН А.П. Деревянко; д.и.н., проф. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ. С. 283–287.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Уек и его округа. М.: Восточная литература РАН. 224 с.

Недашковский Л., Ракушкин А., 1998. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // Татарская археология. Казань. №1(2). С. 31–52.

Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 1995. Погребение половецки из степного Прикубанья // ИАА. Вып. 1 / отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М. С. 154–157.

Руденко К.А., 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. № 1–2(12–13): Золотая Орда: Археология, нумизматика, искусство. Золотоордынский город и Дешт-и-Кипчак. Казань. С. 111–156.

Руденко К.А., 2014. Украшения из лазурита XI–XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.И. Соёнова. Горно-Алтайск: ГАГУ. № 7(19). С. 224–245.

Схатум Р.Б., Зеленский Ю.В., 2018. Новые поступления половецких каменных изваяний в Краснодарский музей-заповедник из степной части Прикубанья в 2016 году (предварительное сообщение) // Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова. Сухум. С. 269–273.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ. 276 с.

Хасенова Б.М., Хабдулина М.К., 2017. Зеркала в погребальной обрядности населения Сарыарки в эпоху Золотой Орды // Поволжская археология. Казань. № 4 (22). С. 297–309.

Чхаидзе В.Н., 2017. Детали женского головного убора из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины XII–XIV веков // Памятники средневековой архе-

логии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой. М. С. 218–234.

Gołębiewska-Tobiasz A., 2014. Precious and decorative stones and other raw minerals in Polovtsian burial inventories (11th – beginning of 13th century) // Rossica AnItQua. № 1. S. 15–43.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ КОЧЕВНИКА У СТАНИЦЫ КУРЧАНСКАЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

.....

В 2017 г. охранно-спасательные археологические работы производились на памятник, названном «Курганная группа в 0,7 км юго-востоку от ст. Курчанской». Группа расположена на южной окраине станицы Курчанской и на северном краю склона горы Кандаур (рис. 1).

Сильно распаханные насыпи были основаны в эпоху бронзы, исследовано 4 кургана (рис. 2). В курганной насыпи 2 было исследовано два погребения «половецкого времени». Погребение 4, принадлежащее мужчине, было вытянуто по оси ЮЮЗ – ССВ головой на ССВ, с вытянутыми конечностями. В захоронении были обнаружены: у позвоночника найдена железная прямоугольная пряжка; около левого крыла таза с внутренней стороны лежала округлая железная пряжка; у левой ноги лежал фрагмент ножа; под правым крылом таза был найден целый железный нож (Баринов Д.Г., 2018, с. 58, илл. 53, 101–105).

Однако особый интерес вызывает впускное погребение 3 кургана 2 (Курчанская – 2/3) которое представляло собой комплекс захоронения человека и лошади (рис. 3). Погребение располагалось в центральной части насыпи кургана в 2 м к востоку от Ro, в слое плантажной распахки на глубине –43–60 от Ro, и попало в стратиграфическую бровку. Могильная яма не прослеживалась, в том числе в разрезе. Первоначально был обнаружен потревоженный плугом скелет лошади, уложенный на правый бок головой на запад, конечности подогнуты под брюхо животного.

Во рту лошади находились фрагментированные железные удила с кольцами, размерами 6,7×6,5×0,8 см (рис. 3, 1; 4, 1).

В районе живота найдена железная подпружная пряжка, овальная, с подвижным язычком, размерами 5,3×4,5×0,8 см (рис. 3, 2; 4, 2).

В районе тазовых костей лошади обнаружено железное стремя размерами 12,6×12,3 см, дужки квадратные в сечении 0,9 см, подножка

изнутри вогнута, размерами 5,1×0,8 см, петля для ремня шириной 2,5 см, высота прорези не восстанавливается (обломана) (рис. 3, 3; 4, 3). В ходе исследования погребения было установлено, что туша лошади была уложена на ступеньку ямы, возможно речь может идти и о подбое, не выявленном при раскопках.

К югу от лошади на большей глубине (–97–114 от Ro) располагался скелет мужчины 30–40 лет, уложенного на спине, головой на ЗСЗ (лицевыми костями на юг) с вытянутыми вдоль туловища руками и ногами, плотно сведенными в коленях и лодыжках (пеленание?)¹.

Погребенный был облачен в железную кольчугу (рис. 3, 4; 4, 4), представляющую собой рубашку длиной 69,2 см, шириной в плечах 52 см, в поясе (в талии) 42 см, в бедрах 50,4 см. Рукава рубашки короткие, длина левого, наиболее сохранившегося рукава 28 см. Защита шеи у кольчуги едва намечена (высота ворота 2,1 см). Диаметр ворота 16 см, его разрез сдвинут влево. Низ рубашки представлен фигурным вырезом.

Около левого предплечья погребенного располагалась железная сабля (рис. 3, 5; 4, 5) общей длиной 92,6 см, длина рукоятки до перекрестия 10 см, ширина полосы у перекрестия 3,6 см. Клинок некогда находился в деревянных ножнах, от которых сохранился длинный наконечник размерами 13,2×3,4 см, сужающийся в устье к концу, длиной 2,6 см, обойма плохой сохранности располагалась в центре полосы.

Между рукоятью сабли и черепом выявлены пять листовидных наконечников стрел (длина вместе с черешком около 8,5 см, длина пера 4,5 см, ширина пера 2 см). Наконечники силь-

¹ Осмотрены кости нижней конечности, кроме таза, достаточно плохой сохранности. Череп полный, сильно фрагментированный, явных травм или патологий, включая зубную систему, не отмечено. Насколько можно судить по сохранившимся частям лицевой части черепа, индивид, по всей вероятности, имел монголоидную примесь (определение – с.н.с. НИИ и Музея антропологии МГУ, к.б.н. А.А. Евтева).

но корродированы, частью прикипели друг к другу (рис. 3, 6; 4, 6а-д).

На сгибе левой руки обнаружена колчанная петля размерами 5,7×0,7 см (рис. 3, 7; 4, 7), ближе к левому плечу находился, вероятно, колчаный крюк (рис. 3, 8; 4, 8).

По погребальному обряду комплекс относится к одному из редких типов погребений средневековых кочевников, представляя собой захоронение человека в яме с уступом вдоль северной стены, вытянуто на спине, головой на запад, на ступеньке костяк лошади, обращенный головой на запад – тип БХІV (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 125, 145, 150–153, 160–161, табл. 17). Этот тип погребений относится к непосредственно предмонгольскому – золотоордынскому времени (конец XII–XIV вв.).

В Прикубанье и более широко – в Предкавказье – подобные кочевнические комплексы не известны. Можно отметить лишь одно мужское погребение близкого типа БХІІІ (без ступеньки слева от погребенного) – Калининская – 29/1 (Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1979, л. 146–148, рис. 86, 1–2; 88, 2; 89, 4).

Близкие комплексы с захоронениями человека и лошади зафиксированы и в Закубанье поблизости от г. Анапы в средневековых курганных могильниках Гостагаевская 1 (Голубев Л.Э., 2015, с. 36–39, рис. 99) и «Гос. № 258» (Верещагин В.В., Верещагина Е.Л., 2017, с. 328–352), отнесенные авторами раскопок к памятникам предков современных адыгов и датированных концом XII – первой половиной XIII в.

Удила из погребения фрагментированы, поэтому их типологизация затруднена. Можно полагать, что они двусоставные, однокольчатые.

Сбруйная пряжка круглая, отдел А тип III (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 46, рис. 7, 3), тип АІб (Мыськов Е.П., 2015, с. 221, табл. XLIII, 1). Датировка таких пряжек широкая (Армарчук Е.А., 2006, с. 38, рис. 21, 6).

Стремя арочное, с широким отверстием для путалища и прямой подножкой заостренно-овальной формы, по классификации Г.А. Федорова-Давыдова относится к отделу В типу I, II и датируется домонгольским временем XII – первой половиной XIII в., хотя и отмечается, что подобные стремяна встречались в слоях

XIII–XIV вв. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 12, 15 рис. 1). А.Н. Кирпичников относит схожие стремяна к типу VIIa и считает, что они были широко распространены в домонгольское время (Кирпичников А.Н., 1973, с. 77, рис. 29, с. 86). Подобные стремяна по Е.А. Армарчук относятся к типу III-1 и датируются XII – первой половиной XIII в. (Армарчук Е.А., 2006, с. 20, рис. 6, 3, с. 34 табл. II). Схожие стремяна по классификации Е.П. Мыськова близки к типам БІІб, БІІІб и датируются широко XII–XIV вв. (Мыськов Е.П., 2015, с. 57, табл. III). Таким образом, подобные стремяна относятся к XII – началу XIII в., будучи широко бытовавшими в Восточной Европе и на Северном Кавказе.

Следует указать на наличие в погребении только одного стремени. Это можно связывать с проявлением в кочевом обществе мировоззренческих пережитков, когда преднамеренное сопровождение останков лошади только одним стремнем могло указывать на способ или возможность посадки на нее, так как лошадь должна будет доставить погребенного всадника в «страну мертвых». Одиночное стремя в захоронении могло выполнять и некую охранительную функцию, например, препятствуя возврату умершего (см.: Евглевский А.В., 1992, с. 112–113; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 196).

Кольчуга надета на погребенного – это 58-й комплекс из учтенных на сегодня 92 погребений с кольчугами, что составляет 63 % (см.: Потемкина Т.М., 2015, с. 69, рис. 4, табл. 3). Кольчуга относится к типу длинной рубашки, достигающей бедер и с рукавами до локтей (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 95). Следует отметить, что именно в степном Предкавказье, в частности в Восточном Приазовье, отмечена концентрация мужских кочевнических погребений с кольчугами (29 комплексов; ср. всего 8 погребений на территории Волго-Донского междуречья: Мыськов Е.П., 2015, с. 158).

Сабля слабоизогнутая, с клинком средней длины и средней ширины; относится к типу К₁У₂П₁Д₂Ш₂. Перекрестие арочное с треугольным выступом на рукоять и шаровидными увенчаниями на концах. Согласно разработанным классификациям, перекрестия с шаровидными окончаниями относятся к ранним

типам. Так, согласно А.Н. Кирпичникову, такие перекрестия относятся к типу I, датируемому X–XI вв., хотя шаровидные окончания допускаются и для ряда перекрестий ромбических с шаровидными окончаниями для типа IIБ, датируемыми XII–XIII вв. (Кирпичников А.Н., 1966, с. 61–70). Согласно типологии А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, такие перекрестия относятся к типу I, к вариантам 2 и 3 и в большей степени датируются XII – первой половиной XIII в. (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с. 129–130, рис. 4, 2–3). У.Ю. Кочкаров относит перекрестия данных сабель к типу IIа X–XII вв. и к типу IIб X–XI вв. (Кочкаров У.Ю., 2008, с. 32), сами же сабли, снабженные такими перекрестиями, датирует соответственно X–XIII вв. и XI–XIII вв. (Кочкаров У.Ю., 2008, с. 64, табл. XVIII, 4, XIX, 6).

Навершие овальное с двумя боковыми выступами, согласно классификации А.В. Евглевского, Т.М. Потемкиной, подобные навершия относятся к типу II, в своем большинстве к XII в. – первой половине XIII в., хотя и встречаются в XIV в. (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с. 132, рис. 5, 7–9, табл. приложения на с. 172–176). По У.Ю. Кочкарову, такие навершия относятся к типу III и имеют широкую датировку XII–XIII вв. (Кочкаров У.Ю., 2008, с. 38, табл. XVI).

Наконечник ножен высокий, с треугольным вырезами в устье, овальный в сечении, с тыльной стороны по центру вдоль располагался запаянный технологический шов. Нижняя торцевая часть наконечника тупая и завальцованная. В типологиях, разработанных А.Н. Кирпичниковым, А.В. Евглевским и Т.М. Потемкиной, эти детали фурнитуры сабельных ножен не вошли, хотя аналогии таких наконечников имеют хождение на Северо-Западном Кавказе и Северо-Восточном Причерноморье. По У.Ю. Кочкарову, они относятся к типу III и широко датируются XII–XIV вв. (Кочкаров У.Ю., 2008, с. 34).

Сабля может быть датирована концом XII – началом XIV в.

Положение сабли в погребении – слева, рукоятью в зоне плеча – достаточно распространено в кочевой степи (учтено 30 комплексов) (Евглевский А.В., 2002, с. 295, рис. 2, 15).

Колчан в погребении не сохранился. Колчаны достаточно часто встречаются в средневе-

ковых кочевнических погребениях на всей территории Евразии с VII по XIV в. В большинстве случаев это удлинённой формы берестяные цилиндрические колчаны, слегка расширенные книзу или кверху; нередки и футляры, сделанные из дерева и режы – из кожи (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 29, рис. 4, 4–6; Мыськов Е.П., 2015, с. 131–133, 155, табл. XXIII, 1–5). Зачастую на месте и возле колчанов в погребениях находят его металлический убор – железные и медные пряжки от ремней, бляшки, накладки, дуговидные стержни от оковки днищ и многочисленные мелкие металлические детали (Малиновская Н.В., 1974, с. 134):

Железные скобы для крепления колчана имеют широкую датировку и широкое распространение (Медведев А.Ф., 1966, с. 21, табл. 7, 7; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 104, рис. 42; Братченко С.Н., Квитницкий М.В., Швецов М.Л., 2012, с. 96–97, рис. 94, 3).

Колчанный крючок служил застежкой стрелкового саадачного пояса. Крюки достаточно часто встречаются в кочевнических погребениях и отличаются многообразием форм (Мыськов Е.П., 2015, с. 128, 131, табл. XXIII, 7–12).

Лук, наверняка находившийся в погребении, не сохранился – судя по всему, он был простым, без роговых накладок.

Наконечники стрел находились в колчане остриями кверху, они в большинстве сильно коррозированы, описанию подлежат лишь два.

Ромбический наконечник с упором (рис. 4, 6а) типа 48 (Медведев А.Ф., 1966, с. 68–69, табл. 30Б, 44) или типа Б41 (Руденко К.А., 2003, с. 98, табл. 44) датируется XI–XIII вв.

Лавролистный наконечник (рис. 4, 6б) типа 63 (Медведев А.Ф., 1966, с. 74, табл. 30В, 60) или типа Б43б (Руденко К.А., 2003, с. 99–100, табл. 45) датируется XI–XIII вв.

Таким образом, по особенностям погребального обряда и характеру вещевого комплекса, погребение Курчанская – 2/3 возможно датировать в пределах конца XII – начала XIV в.¹

¹ Авторы настоящей работы расходятся во мнениях относительно датировки погребения: согласно Л.Э. Голубеву, оно было совершено в конце XII – в первой половине XIII в., по мнению Д.Г. Барина, В.Н. Чхаидзе – в пределах XIII – начала XIV в.

Обращаясь к этнической интерпретации погребенного, следует отметить, что обряд захоронения целой туши коня с погребенным вместо чучела, связывается с появлением в Восточно-Европейской степи половецкого объединения. Вместе с этим Г.А. Федоровым-Давыдовым было отмечено, что погребения типа БХIII и БХIV в конце XII – начале XIII в. первоначально появляются в Поросье и характерны для черных клобуков, а в XIII–XIV вв. эти обряды распространяются на Поволжье.

Это связывается с переселением в золотоордынский период части черноклобуцких племен из Поросья в Поволжье (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 145, 147, 150, 152, 160–161, табл. 16–17). Можно полагать, что появление погребений Калининская – 29/1 и Курчанская – 2/3 в Восточном Приазовье связано с этим передвижением племен, входивших в черноклобуцкий племенной союз¹. Однако нельзя забывать, что кочевые орды обычно полиэтничны.

Помимо этого необходимо подчеркнуть, что в 1880 г. близ ст. Курчанской Н.П. Кондаковым уже было раскопано погребение тяжелооруженного кочевника XII–XIII вв. (Чхаидзе В.Н., 2009, с. 116, 122). Это и рассматриваемое здесь погребение – два самых западных захоронения средневековых кочевников в Прикубанье (Чхаидзе В.Н., 2018, с. 503, рис. 1, 1–2). Еще раз подчеркнем, что на Таманском полуострове (в то время – островах) подобные погребения не известны (Чхаидзе В.Н., 2007, с. 66–67). Также необходимо указать, что оба погребения у ст. Курчанской, наряду с 31 комплексом в степном Предкавказье, относятся к первой из четырех групп воинских погребений – тяжелооруженной коннице с металлическим защитным вооружением и полным набором ближнего и дальнего боя (см.: Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2011, с. 128–129).

Следует отметить, что целый ряд кочевнических погребений развитого средневековья, имеющих явное сходство в погребальном обряде и инвентаре, расположены на близлежащих к Курчанской территориях (см.: Чхаидзе В.Н., 2018, с. 503, рис. 1, 3–45). Эти погребальные

комплексы, входящие в компактный район Восточного Приазовья – между современным руслом р. Кубань побережьем Азовского моря и р. Кирпили, следует рассматривать в неразрывном единстве. Памятники можно связывать с направлением сезонных передвижений кочевой общности (орды) (см.: Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010, с. 122–123; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 240–243). По всей видимости, все эти погребенные в XIII–XIV вв. принадлежали к одному племенному (половецкому) объединению.

ЛИТЕРАТУРА

- Армарчук Е.А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII ввек. М.
- Баринов Д.Г., 2018. Отчет о раскопках в Темрюкском районе Краснодарского края в 2017 г. Саратов.
- Братченко С.Н., Квитницкий М.В., Швецов М.Л., 2012. Кочевники развитого средневековья на Северском Донце. Киев.
- Верецагин В.В., Верецагина Е.Л., 2017. Средневековые курганы с каменными оградками под Новороссийском // Археологические записки. Вып. 9. Ростов-на-Дону.
- Голубев Л.Э., 2015. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Гостагаевская 1» в МО городе-курорте Анапа Краснодарского края в 2014 год. Краснодар.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М.
- Евглевский А.В., 1992. Стремена в погребальном обряде поздних кочевников Северо-Восточного Причерноморья // История и археология Слободской Украины. Харьков.
- Евглевский А.В., 2002. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы 2-й пол. IX–XIV в.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 1. Донецк.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1. Донецк.
- Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л.
- Кочкаров У.Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Кавказа VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.
- Малиновская Н.В., 1974. Колчаны XIII–XIV вв. с косяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.
- Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1979. Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции в Краснодарском крае в 1979 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 7863-7865.

¹ По мнению Л.Э. Голубева, погребенный в кургане у ст. Курчанской принадлежал к одному из племен «печенежско-огузского круга», не входивших в черноклобуцкий союз.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Е 1-36. М.

Мыськов Е.П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград.

Потемкина Т.М., 2015. Этнокультурный контекст восточноевропейских позднекочевнических погребений с защитным доспехом // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 6. М.

Руденко К.А., 2003. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии (Исследование и каталог). Казань.

Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Чхаидзе В.Н., 2007. К вопросу о появлении половцев на Таманском полуострове // Археологический журнал. № 1. Армавир.

Чхаидзе В.Н., 2009. Средневековые кочевнические погребения в степном Прикубанье из раскопок конца XIX – начала XX в. // МИАСК. Вып. 10. Армавир.

Чхаидзе В.Н., 2018. Погребальный обряд кочевников Предкавказья XI–XIV вв. // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Карачаевск.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2010. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А., 2011. Военная организация кочевников степей Предкавказья в XII–XIV веках // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Астрахань.

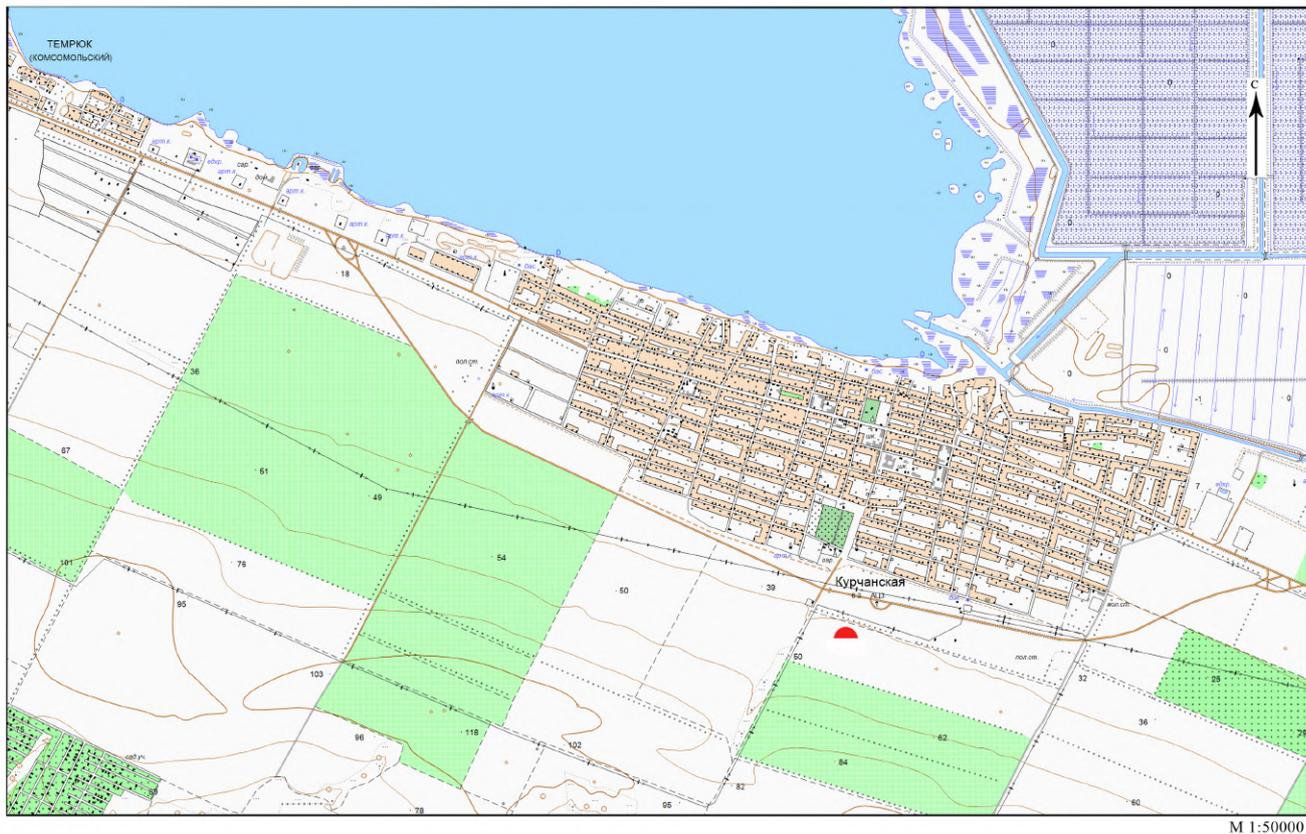

Рис. 1. Местоположение курганной группы Курчанская

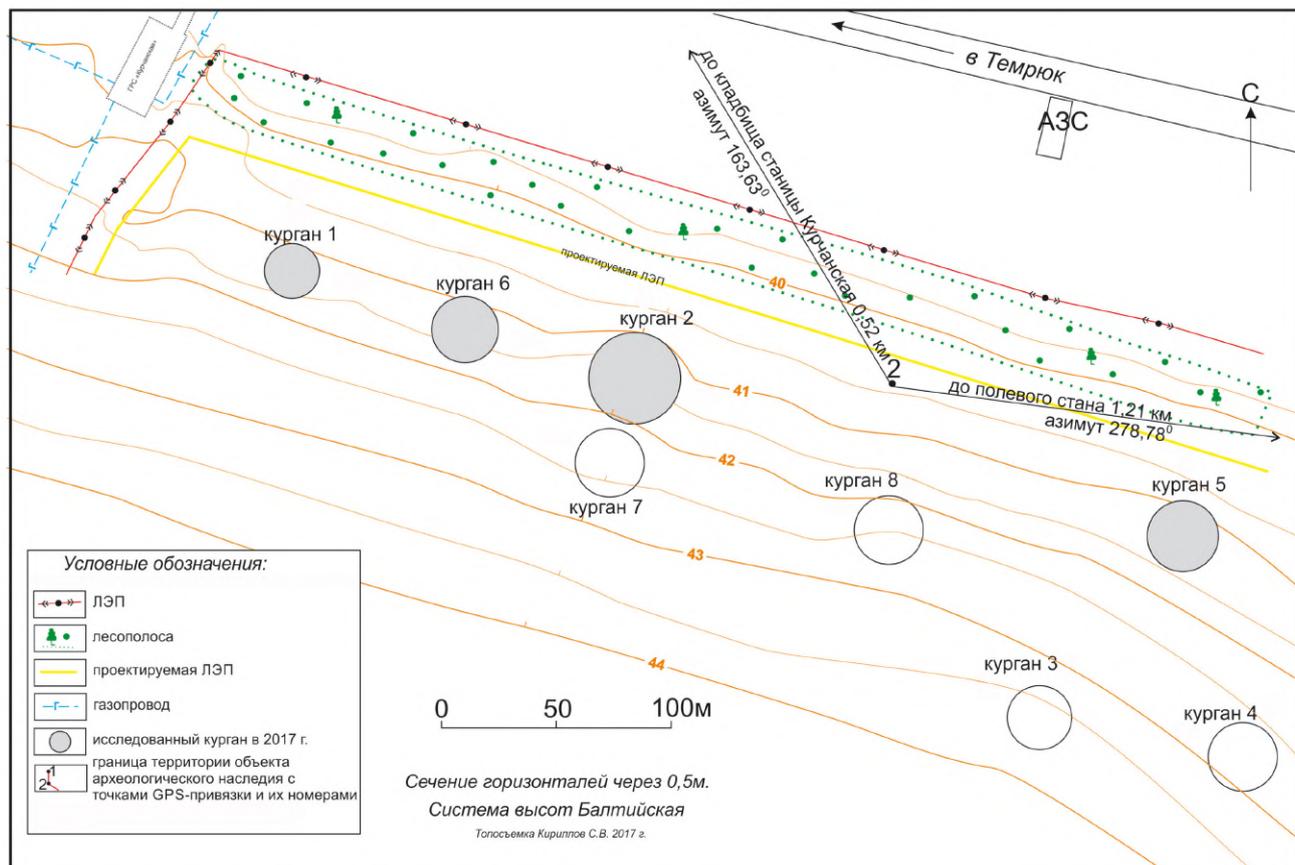

Рис. 2. Курчанская. Курганная группа. Топоплан

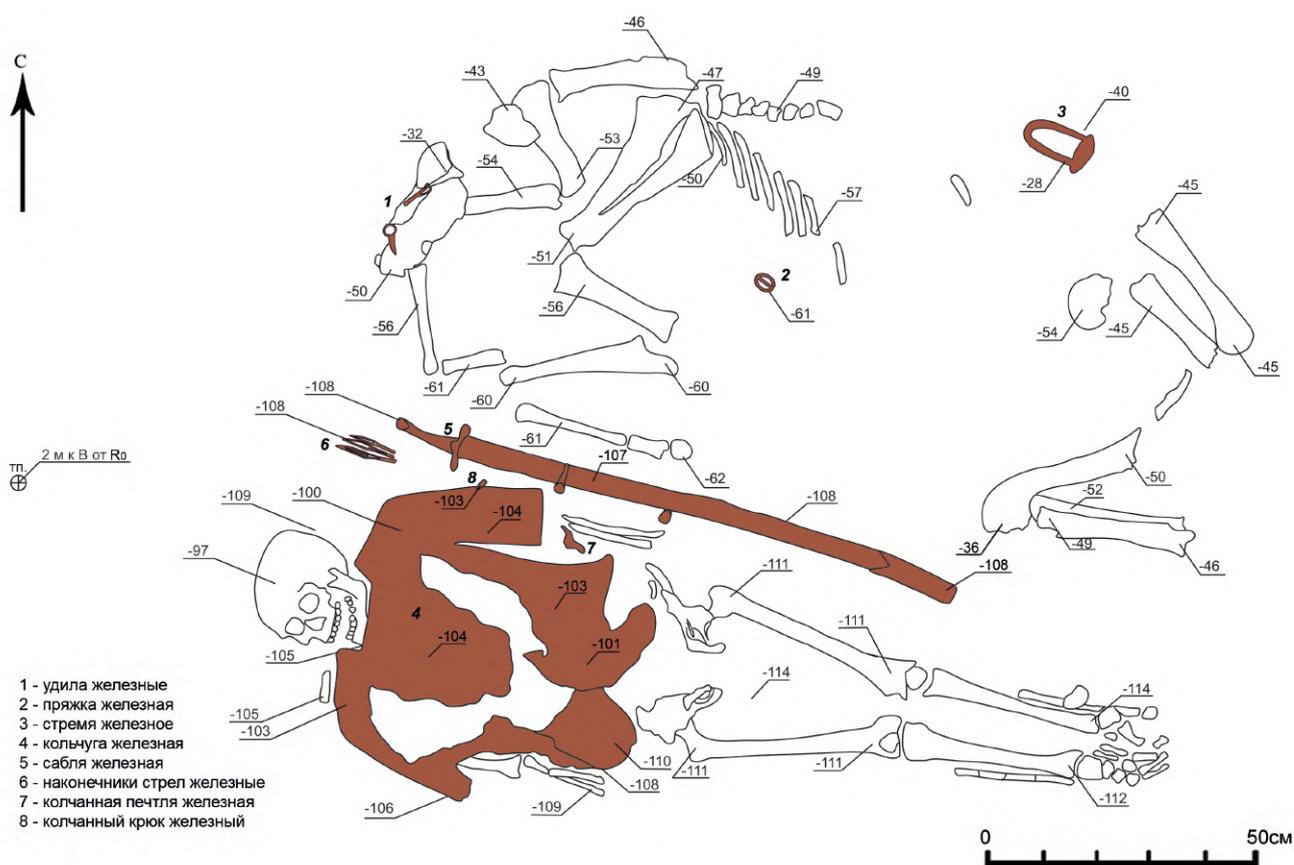

Рис. 3. Курчанская – 2/3. План. Фото, вид с севера

Рис. 4. Курчанская – 2/3. Инвентарь. 1 – Удила. 2 – Пряжка. 3 – Стремя. 4 – Кольчуга. 5 – Сабля. 6 – Наконечники стрел. 7 – Колчанная петля. 8 – Колчанный крючок

**О ВЛИЯНИИ КОЧЕВНИКОВ «ПОЛОВЕЦКОГО ВРЕМЕНИ»
НА ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПЛЕМЕН
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

.....

Вопрос о тюрко-кочевническом присутствии и его влиянии на протоадыгские племена Северо-Восточного Причерноморья был поставлен в конце XIX века первыми исследователями региона В.И. Сизовым (Сизов В.И., 1889, с. 148–150) и Н.И. Веселовским (Веселовский Н.И., 1896, с. 85). Развитие эта концепция получила в середине прошлого века, когда ряд погребений, содержащих конскую упряжь или тушу целого коня, из средневековых протоадыгских могильников Северо-Западного Кавказа стали увязывать с кочевниками «половецкого времени», оказавшими культурное влияние на развитие местных племен региона (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 250; Алексеева Е.И., 1964, с. 183; Плетнева С.А., 1981, с. 2194; Армарчук Е.А., 2001, с. 37–41). В дальнейшем погребения, содержащие туши коня и конской упряжи, рядом исследователей, таких как А.В. Дмитриев (Дмитриев 1988, с. 78), Е.А. Армарчук (Армарчук Е.А., 2017, с. 31), А.М. Новичихин (Новичихин А.М., 2010, с. 10), Е.И. Нарожный (Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 234), И.А. Дружинина (Дружинина Е.А., 2018, с. 401) считаются оставленными кочевниками, которые инфильтрировались в адыгскую среду в результате монгольского нашествия¹. Е.И. Нарожный считает, что всаднические погребения Северо-Восточного Причерноморья принадлежат «черным клобукам», переселенным в этот регион во второй половине XIII в. золотоордынским темником Ногаем из Поросья (Нарожный Е.И., 2000, с. 141; 2017, с. 210; Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019, с. 628–631).

При некотором внешнем сходстве погребений кочевников с насельниками предгорий

¹ Арабский автор XIII в. Ибн аль-Асир писал, что после разгрома алан 1222 г. монголы приступили к погрому живших на Северном Кавказе половцев: «Услышав эту весть, жившие в дали кипчаки бежали без всякого боя и удалились: одни укрылись в болотах, другие в горах а иные ушли в сторону русских» (СМОИЗО, 1884, с. 26).

Северо-Западного Кавказа и Северо-Западного Причерноморья имеются заметные отличия. В 2011 г. выходит критическая статья группы авторов из Краснодара – Ю.В. Зеленского, А.В. Пьянкова и Р.Б. Схатума, которые аргументированно рассмотрели наиболее спорные положения, связанные с увязкой погребального обряда средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья и инвентаря, таких как детали конской упряжи и взнузданной туши верхового коня как исключительно кочевнический маркер «половецкого времени», и пришли к выводу, что обряд захоронения с конем у средневековых предков современных адыгов встречался задолго до появления на Северо-Западном Кавказе указанных выше степняков, хотя и имеет общие черты (Зеленский Ю.В., Пьянков А.В., Схатум Р.Б., 2011, с. 187). Я разделяю мнение краснодарских коллег, в данной публикации попытаюсь дополнить их замечания, связанные с отличительными деталями в погребальном обряде кочевников и оседлых племен Северо-Западного Кавказа и Северо-Восточного Причерноморья. Необходимо отметить, что известный кабардинский археолог А.Х. Нагоев в восьмидесятые годы прошлого столетия проводил анализ сходства и различий средневековых особенностей в погребальном обряде адыгов и кочевников половецкого времени (Нагоев А.Х., 1987, с. 207–209). На сегодняшний день в силу накопленного нового археологического материала ряд положений, обозначенных А.Х. Нагоевым, устарело.

Средневековые предки современных адыгов с эпохи Великого переселения народов постоянно имели военно-политические и культурно-экономические сношения с соседствующими кочевниками. Частая смена одних номадов другими в Северо-Кавказском регионе преимущественно тюркоговорящими племенами не могла не привести к инфильтрации и дальней-

шей ассимиляции степняков в местной этнической среде. Попутно пришельцы приносили инновации в материальную и духовную культуры автохтонных племен, что выразилось в синкретизме погребального обряда.

Ранние тюрки на Северном Кавказе появляются в эпоху Великого переселения народов вместе с гунами. В VII в. в Восточном Приазовье формируется тюркское государство болгар «Великая Болгария» с политическим центром в Фанагории (Тарабанов В.А., 1993). Но в результате экспансии другого, более мощного кочевого объединения Хазарского каганата, первое болгарское государство прекращает свое существование. Остатки болгар были инкорпорированы в состав этого объединения, полиэтнического по своему содержанию, но с преобладанием тюркских племен и тюркской элитой во главе государства (Гадло А.В., 1979, с. 127). Тюркское население осталось в регионе и после падения Хазарского каганата. Каждая смена одного кочевого объединения другим сопровождалась жестокой борьбой за лучшие кочевые угодья, «выбор» побежденных часто сводился к гибели или подчиненному включению в состав пришельцев, близких по языку, культуре и этнической принадлежности, которые по праву победителей занимали более выгодное жизненное пространство. Одним из вариантов спасения для проигравших кочевников могло стать бегство к соседям, с которыми уже были налажены отношения от дружеских до родственных. Еще во время Хазарского каганата значительный тюркский контингент «касогов» влился в протоадыгское общество «зихов» под предводительством Кеса, а затем его внука Инала, принесших с собой обряд кремации на стороне и погребения в неглубоких ямках без урн и распространивших свое название на часть протоадыгского населения, обитавшего по соседству со «степью». В дальнейшем эти тюркские пришельцы были ассимилированы автохтонными зихами (Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003, с. 199; Армарчук Е.А., 2003, с. 225; Пьянков А.В., 2015; 2016а; 2016б).

После падения Хазарской державы в середине X в. в степях Нижнего Прикубанья и Западного Предкавказья остаются разрозненные кочевые племена «огузо-печенежского» круга

(ИНСК, 1988, с. 148), к которым можно отнести остатки булгар. С середины XI в. и до монгольского завоевания в Восточно-Европейской степи и Предкавказской равнине начинают доминировать половецкие орды (или «кочевники половецкого времени»), подчиняя и выдавливая из этого пространства остатки предыдущих кочевых объединений. Какие именно кочевники «половецкого времени» обитали в Северо-Восточном Причерноморье и Среднем и Нижнем Прикубанье до прихода монголов – вопрос открытый (Чхаидзе В.Н., 2009, с. 419). Предгорья, холмистый ландшафт, во многом покрытый лесами, мало подходили для экстенсивного скотоводства и перекочёвок (Чхаидзе В.Н., 2009, с. 421). Основная масса известных погребений кочевников «половецкого времени» сконцентрирована в степном Прикубанье, там же были совершены большинство находок каменных «половецких изваяний» (Чхаидзе В.Н., 2009, с. 419; Зеленский Ю.В., 2016, с. 219). В Нижнем Прикубанье, ближе к Тамани и современной округе Анапы, кочевнических памятников практически нет. Можно выделить два погребения, найденных у ст. Курчанской (Чхаидзе В.Н., 2007) и (Баринов Д.Г., 2018; Баринов Д.Г., Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н.¹). Не так уж и много известных на территории Нижней и Средней Кубани кочевнических погребений, содержащих туши верхового коня (Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., 2003, с. 184–208; Атавин А.Г., 2008, с. 91; Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011, с. 189–195; Баринов Д.Г., 2018, с. 57, 158, илл. 84), по сравнению с курганными могильниками, находящимися как в предгорной контактной зоне – «Гостагаевский-1» (Голубев Л.Э., 2015), «Курганная группа № 258» (Верещагина Е.Л., 2015), «Цемдолинский» (Амарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014), «Натухаевский-4» (Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2016) и др., так и в горной и прибрежных зонах, которые никак не подходят для ведения кочевого хозяйства, таких как «Борисовский» могильник (Саханев В.В., 1914), «Потомствен-

¹ Статья Баринова Д.Г., Голубева Л.Э., Чхаидзе В.Н. «Средневековое погребение кочевника у станицы Курчанская Краснодарского края», опубликована в настоящем сборнике на страницах 205–212.

ный» близ Геленджика, «Молоканова щель» (Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018), «Мухортова Поляна 2» в устье реки Аше, Сочи (Нечипорук А.А., 2019) и др. Если исходить из идеи, что «половецкие» мотивы или сами кочевники «половецкого времени» появились из степей Предкавказья в предгорьях Северо-Восточного Причерноморья в результате монгольских походов, то тогда возникает вопрос, а где аналогичные памятники в степном Предкавказье «домонгольского» времени? Или даже на просторах «великой степи»? – Их там нет или пока не найдено, но для утверждения этой концепции нужно представить целую серию таких степных памятников. Даже те, которые известны, схожие по обряду, все равно имеют заметные различия: 1. В степном Предкавказье нет компактных средневековых курганных групп до нескольких десятков и более насыпей, которые мы можем без колебаний отнести к кочевническим¹. Кочевнические погребения, найденные в степном Предкавказье, в большинстве случаев впущены в курганы эпохи бронзы. Вполне возможно, что курганная группа «Бойкопонура-1» является первым выявленным кочевническим курганными могильником «половецкого времени» в Прикубанье, где покойники не впускались в насыпь предыдущего времени (Чхаидзе В.Н., Иванов А.В., Шереметьев А.Г., 2019, с. 119–140)², в то время как средневековые погребения адыгов из Северо-Восточного Причерноморья не впускались в курганы предыдущих культур. 2. В степных кочевнических погребениях встречаются как целые туши верхового коня, так и чучела. В предгорной и горных зонах погребения всадников содержат только целые туши верхового коня. 3. В кочевнических погребениях половецкого времени, сопровождаемых тушей коня, в большинстве случаев животные уложены в могилу на грудь с поджатыми под себя ногами. В погребениях из Северо-Восточного Причер-

номорья в большинстве случаев лошади лежат на правом боку, реже – на левом. Также в причерноморских погребениях не всегда лошадь лежит в яме на приступке, есть случаи, когда туша уложена на погребенную почву рядом с погребальной ямой или даже на расстоянии до 1,5 м. 4. Ориентировка покойника в степных погребениях неустойчивая, в то время как в предгорных погребениях покойники с верховым конем в подавляющем большинстве лежат головой на запад с небольшими сезонными отклонениями; 5. Согласно мнению, которое предложил А.В. Дмитриев, урновые подкурганые погребения, содержащие в комплексе тушу верхового коня, относятся к неким «новым» кочевникам, которые «по непонятным причинам» переселись из степного Прикубанья в предгорья (Дмитриев А.В., 1978, с. 49; 2019, с. 4; Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018, с. 40; Армарчук Е.А., 2017, с. 31). Однако такой обряд «урновых» кремаций известен только в Северо-Восточном Причерноморье и в предгорном Закубанье (Пьянков А.В., 2001, с. 202–205; Успенский П.С., 2015, с. 99; 2016, с. 44). 6. Сабля в кочевнических погребениях, как правило, лежит острием к стопам покойного, в то время как в подавляющем большинстве случаев, когда сабля обращена острием к голове, зафиксировано на Северо-Западном Кавказе в погребениях предков современных адыгов (Евглевский А.В., 2002, с. 305; Схатум Р.Б., 2016, с. 215–218). 7. Сабли кочевников в интересующее нас время, как правило, имеют прямые или ромбовидные перекрестия, иногда асимметричные, в то время как в «предгорных» курганных группах больше разнообразия этой детали, но для второй половины XII – первой половины XIII в. характерны перекрестия арочные с согнутыми к клинку концами и грибовидными, чаще шаровидными окончаниями с одним мысом на рукоять. 8. В предгорных и горных зонах в воинских погребениях частыми находками являются четырехчастные шлемы «черкесского» типа без каких-либо наверхий и круглые умбоны щитов с крестовыми накладками креплений, находки которых уже исчисляются несколькими десятками (Схатум Р.Б., 2003; 2005; 2011), в то время как в степи эти

¹ Курганные группы: «МТФ-3», «Красный лес», «Черный лес», «Ачувский мыс» XIV–XVI вв. расположены в Прикубанье и являются памятниками адыгского наследия.

² На сегодняшний день в курганной группе «Бойкопонура-1» исследована всего одна насыпь, относящаяся к золотоордынскому времени. Погребенные под насыпью были вытянуто ориентированы головой на восток.

типы защитного снаряжения не прослежены, за исключением погребения второй половины XIII в. в Поросье, содержащего умбон щита, которое М.В. Горелик отнес к «черкесскому» памятнику (Горелик М.В., 2010, с. 262–263; 2014, с. 73). Т.М. Потемкина и Ю.А. Кулешов в качестве рабочей версии предложили считать, что помещение доспеха в могилу у половцев появилось в результате контактов с касогами Северо-Восточного Причерноморья, где этот обряд прослеживается раньше (Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А., 2010, с. 288). 9. В кочевнических элитных погребениях встречаются медные клепаные казаны (котлы), в Причерноморье мне случаи таких находок в погребениях не известны. 10. В адыгских погребениях наездников встречаются как черешковые, так и серпы-складни (Верещагина Е.Л., 2015, с. 110, 118; Голубев Л.Э., 2015, с. 34, 39, 101). В кочевнических воинских погребениях «половецкого времени» мне такие находки не известны. Находки серпов в кочевнических элитных погребениях известны в «хазарское» время (Михеев В.К., 1985, с. 47). Практика класть серп в воинские погребения у предков современных адыгов могла появиться вместе с касогами «хазарского» времени (Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013, с. 22). 11. В женских погребениях Северо-Восточного Причерноморья пока не зафиксированы находки гривен и наконечников, которые являются не редкой находкой в элитных женских комплексах кочевниц. 12. В женских погребениях предков современных адыгов частой находкой являются пружинные ножницы, а в кочевых они практически не фиксируются, здесь преобладают шарнирные инструменты. 13. В «рядовых» погребениях северокавказского оседлого населения часто встречаются тесла – мотыжки, не характерные для степняков. 14. Заупокойная пища в виде костей рогатого скота не встречается в погребениях протоадыгов, а в погребения кочевников этого времени имеет место. 15. В Северо-Восточном Причерноморье и в Нижнем Закубанье не зафиксированы находки каменных «половецких изваяний».

Для сравнения обратимся к кочевническим памятникам интересующего нас времени из Поросья, этот регион в домонгольское вре-

мя был местом обитания подвластных киевским князьям «черных клобуков», состоящих из нескольких тюркских племен, в том числе торков и печенегов, которые были выдавлены из Дикого Поля пришедшими в XI в. половцами. Погребальный обряд этих кочевников действительно имеет общие черты с погребениями, содержащими туши верхового коня, с погребениями из Северо-Восточного Причерноморья (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 142, 153; Плетнева С.А., 1973, с. 12–14, рис. 4; 1981, с. 219; 2003, с. 136–145, рис. 47; Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001 с. 117)¹. На основании этого мы можем предположить, в противоположность концепции Е.И. Нарожного, что эти кочевнические мотивы в погребальном обряде в средневековых курганах Северо-Восточного Причерноморья могли появиться в результате половецкой экспансии на степные племена «огузо-печенежского» круга, обитавшие в причерноморских степях, которые инфильтрировались в протоадыгскую этническую среду². К этим племенам, на мой взгляд, можно отнести ряд погребений, исследованных в степном Нижнем Прикубанье (Атавин А.Г., 2001; Армарчук Е.А., Сорокина И.А., 2001; Чхаидзе В.Н., 2007; Пилипчук А.В., 2012, с. 75; Яцук Д.А., 2013; 2017; Баринов Д.Г., 2018).

Заметное кочевническое присутствие в Северо-Восточном Причерноморье в Предкавказских степях не могло не сказаться на культуре автохтонных племен. Частая смена степного населения сопровождалась ожесточённой борьбой за степные территории и приводила к тому, что побежденные часто покидали степь и находили убежище у адыгов, а затем инкорпорировались в местную оседлую среду, привнося как материальные, так и культовые инновации. Ча-

¹ Е.В. Круглов отмечает, что захоронения целой туши коня были не характерны для погребений огузов и печенегов IX – начала XI в. и связывает их предположительно с берендеями (баяндурами) (Круглов, 2003, с. 20).

² Грузинский автор конца XI в. Джуаншер в своем труде «Жизнь царя Вахтанга Горгасала» отмечал, что половцы вели агрессивную политику по отношению к племенам, обитавшим в Западном Предкавказье: «...В последнее время печенеги и джики (адыги) во множестве бежали от тюрков и ушли печенеги на Запад, а джики укрепились в конце Абхазии» (Анчабадзе З.В., 1960, с. 116).

сто это были черты погребального обряда, которые постепенно утрачивались. В результате чего могли появляться новые синкретические обряды. П.С. Успенский отметил, что погребение человека, сопровождаемое захоронением лошади, не может быть этническим признаком, а также является исключительно результатом кочевнического влияния, не исключая конвергентного развития обряда (Успенский П.С., 2016, с. 44). Е.А. Армарчук уже предлагала выделить «Северопричерноморский» вариант культуры населения Северо-Западного Кавказа эпохи развитого средневековья, начавшей формироваться задолго до появления половцев и имевшей своеобразную кочевническую окраску (Армарчук Е.А., 2001, с. 40). В современных адыгских языках прослеживаются тюркизмы, об этом свидетельствуют данные ономастики (Бетров Р.Ж., 1991, с. 149). Я предполагаю, что племена, обитавшие в степях Прикубанья в «половецкое время», оказывали культурное влияние на своих оседлых соседей. Вне всякого сомнения, между этими группами населения в «половецкое время» имели место сношения разного характера – от торгового обмена до военных столкновений и т.д. Необходимо согласиться с мнением В.Н. Чхаидзе и Е.А. Армарчук, что появление погребальных памятников, содержащих кочевнические «мотивы», нельзя связывать с монгольским завоеванием (Чхаидзе В.Н., 2009, с. 420, 421; Армарчук Е.А., 2017, с. 31). Ингумационные и кремационные погребения в урнах, сопровождаемые тушами верхового коня, бытовали в регионе и до прихода татаро-монгол, погребения, совершённые по этим двум обрядам, могут фиксироваться в одном могильнике и даже под одной курганной насыпью (Голубев Л.Э., 2015, с. 29, 65, 89, 94; Верещагина Е.Л., 2015, с. 26, 72). Инвентарь, найденный в погребениях, совершённых по этим двум обрядам, в сопровождении лошадей и без них идентичен. Взвезданные туши коней в большинстве случаев, как в ингумациях, так и кремациях, расположены к северу от человека на правом боку, головой в западном направлении говорят о том, что этот обряд принадлежал одной или нескольким родственным этническим группам, внутри

которых исповедовали одновременно сразу два религиозных культа, или биритуальность погребального обряда регламентировалась особыми, неизвестными нам случаями.

Конечно, нельзя отказываться от мысли, что Северо-Западный Кавказ и Северо-Восточное Причерноморье не перенесли потрясения, связанного с монгольским нашествием. Смена племенных границ, возможно в ряде мест, изменилась, выделилась «новая» племенная элита, порядок ведения хозяйства, инфильтрация «домонгольского» степного населения в протоадыгскую среду. Автохтонное население региона в общих чертах сохранило обычный уклад жизни, культурные традиции и язык – так называемый культурный код. Чего не скажешь о Верхней Кубани и Северо-Восточном Кавказе, где в результате бегства тюркско-половецкого кочевого населения из предкавказских степей в горы под ударами татаро-монголов начинается процесс смешивания с местными кавказскими племенами (вероятно, аланами) и формируется карачево-балкарская народность, говорящая на половецко-кыпчакском диалекте тюркского языка.

Подводя итог сказанному, отмечу, что племена предков современных адыгов, обитавшие в Северо-Восточном Причерноморье, в меньшей степени были подвержены кочевническому влиянию, чем население Закубанья. Автохтонные племена региона Северо-Западного Кавказа выстояли в «борьбе» с кочевыми пришельцами и сами оказывали культурное влияние на них, подвергая соседей ассимиляции. При множестве племенных названий и локальных традиций адыги сохранили язык и общее самоназвание.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.И., 1964. Материальная культура черкесов в средние века // ТКЧИНИИ. Серия историческая. Вып. IV. Ставрополь.

Анчабадзе З.В., 1960. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV веков // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.). Нальчик.

Армарчук Е.А., 2001. О половцах на Северо-Западном Кавказе // Поволжье в средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Нижний Новгород.

- Армарчук Е.А., 2003. Памятники Северо-Восточного Причерноморья. Некоторые вопросы этнической истории // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.
- Армарчук Е.А., 2017. Северо-Восточное Причерноморье XI–XIV веков: традиционные черты и привнесенные «степные» элементы культуры // От Руси до Китая: из новых археологических исследований. Сборник статей к юбилею Ю.Ю. Моргунова. М.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.; СПб.
- Армарчук Е.А., Сорокина И.А., 2001. Богатое средневековое погребение воина всадника в Западном Закубанье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Средневековые древности евразийских степей. Вып. 15. Воронеж.
- Атавин А.Г., 2001. Средневековые кочевнические погребения с чучелом коней на Таманском полуострове // Археология Восточноевропейской лесостепи. Средневековые древности евразийских степей. Вып. 15. Воронеж.
- Атавин А.Г., 2008. Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны Юга России в конце IX – первой половине XIII в. (печенеги, торки, половцы) // Древности Юга России. Памяти А.Г. Атавина. М.
- Баринков Д.Г., 2018. Отчет о раскопках курганов в Темрюкском районе Краснодарского края 2017 г. Саратов.
- Бетров Р.Ж., 1991. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик.
- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С., 2003. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар.
- Василиненко Д.Э., Пьянков А.В., 2013. Складные серпы из средневекового курганного могильника «Тешебс-1» (г. Геленджик, Краснодарский край) // Вторые Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар.
- Верещагина Е.Л., 2015. Отчет об археологическом исследовании курганного могильника «Гос. № 258» в МО городе-герое Новороссийске Краснодарского края в 2015 году. М.
- Верещагин В.А., Верещагина Е.Л., 2017. Средневековые курганы с каменными оградками под Новороссийском // Археологические записки. Вып. 9. Ростов-на-Дону.
- Веселовский Н.И., 1896. Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. старшим членом Императорской Археологической Комиссии Н.И. Веселовским // ОАК за 1894. СПб.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. Древности и памятники VIII–IX веков // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.
- Гадло А.В., 1978. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Л.
- Гадло А.В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 2001. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа.
- Горелик М.В., 2010. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных коллекций // Погребения восточноевропейских кочевников с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Донецк.
- Горелик М.В., 2014. Погребение черкесского воина 2 пол. XIII в. – 1 пол. XIV в. в Поросье // Історія давньої зброї. Дослідження 2014. Київ.
- Голубев Л.Э., 2015. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Гостагаевская-1» в МО городе-курорте Анапа Краснодарского края в 2014 год. Краснодар.
- Дмитриев А.В., 1978. К вопросу об этнической принадлежности трупосожжений VIII–IX века в районе Новороссийска // VIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик.
- Дмитриев А.В., 1988. К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе Новороссийска // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала.
- Дмитриев А.В., 2018. Отзыв на автореферат диссертации Дружининой Инги Александровны «Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 археология. http://www.archaeolog.ru/media/dissotvet/Druzhinina_Dmitriev.pdf
- Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., Соков П.В., 2018. Средневековые курганы урочища «Молоканова щель» (Геленджик – сел. Прасковеевка) // Археология Евразийских степей. Средневековая археология. Материалы международной научной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федора-Давыдова. № 4. Казань.
- Дмитриев А.В., Нарожный Е.И., 2019. Два захоронения воинов-кочевников XIII–XIV вв. из Северо-Восточного Причерноморья (из истории формирования комплекса вооружения Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Кишинев.
- Дружинина И.А., 2016. Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев.
- Дружинина И.А., 2018. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов: дис. ... кандидата исторических наук. М.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М.
- Евлевский А.В., 2002. Семиотические аспекты функционирования сабли в погребальном обряде (по материалам кочевников Восточной Европы 2-й пол. IX – XIV вв.) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 1. Донецк.
- Зеленский Ю.В., 2016. Находки половецких каменных изваяний как источник по изучению географии половецких кочевий степного Прикубанья // Диалог городской

и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев.

Зеленский Ю.В., Пьянков А.В., Схатум Р.Б., 2011. К вопросу о присутствии кочевников в Северо-Восточном Причерноморье и Западном Закубанье в XI–XV вв. // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). Сухум.

ИНСК, 1988. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до XVIII в. М.

Круглов Е.В., 2003. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников. Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Донецк.

Михеев В.К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.

Нагоев А.Х., 1987. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 3. Нальчик.

Нарожный Е.И., 2000. Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условия переселения // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейских лесостепей. Вып. 14. Воронеж.

Нарожный Е.И., 2017. Кочевники Северного Кавказа: этнокультурное представительство и взаимодействие (XIII–XV вв.) // III международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей. Между востоком и западом: движение культур, технологий и империй. Владивосток.

Нечипорук А.А., 2019. Средневековые курганы на селище Мухортова Поляна-2 // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Владикавказ.

Новичихин А.М., 2010. О половцах в Северно-Восточном Причерноморье // БГ. № 3 (17).

Пилипчук Я.В., 2012. Межэтнические отношения на Кавказе (кыпчакский фактор) // МИАСК. Вып. 13. Армавир; Краснодар.

Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков. САИ. Вып. Е1-19. М., 1973.

Плетнева С.А., 1981. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Плетнев С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV–XIII века. Воронеж.

Потемкина Т.М., Кулешов Ю.А., 2010. Погребения восточноевропейских номадов с защитным вооружением: этнокультурный и социальный аспекты // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 8. Донецк.

Пьянков А.В., 2001. Касоги – касахи – кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // МИАК. Вып. 1. Краснодар.

Пьянков А.В., 2015. Народ касоги и страна Каса (к этнической ситуации на Северо-Западном Кавказе в VIII–X вв.) // Вестник Краснодарского государственного института культуры (электронный научный журнал) № 1. URL: <http://vestnikkguki.esrae.ru/2-1>

Пьянков А.В., 2016а. Князь Инал и предки адыгов // VIII Твердовские чтения. Сборник международной

практической конференции (туризм, краеведение, рекреация, экология, образование). Краснодар.

Пьянков А.В., 2016б. Роль княжеского рода Инал для предков адыгов // Курорты, сервис, туризм. № 1(30).

Саханев В.В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИИАК. Вып. 56. Пг.

СМОИЗО. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечения из арабских источников) / под ред. В.Г. Тизенгаузена. Том I. СПб.

Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Чёрного моря. Археологические экскурсии // МАК. Том II. М.

Схатум Р.Б., 2003. Щит в комплексе вооружения племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // МИАК. Вып. 3. Краснодар.

Схатум Р.Б., 2005. Шлемы из Убинского могильника // МИАК. Вып. 5. Краснодар.

Схатум Р.Б., 2011. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII–XIV вв.) // Военная археология. Вып. 2. М.

Схатум Р.Б., 2016. К вопросу о расположении сабель в воинских погребениях средневековых адыгов // VI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар.

Тарабанов В.А., 1993. Болгарские племена на территории края. Хазарский каганат // По страницам истории Кубани (краеведческие очерки). Краснодар.

Успенский П.С., 2015. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

Успенский П.С., 2016. Погребения всадников на территории Северо-Западного Кавказа (по материалам cremaционных некрополей VIII–XIII вв.) // РА. № 4.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.

Федоров О.В., Армарчук Е.А., 2006. Половцы в Северо-Восточном Причерноморье: археологические свидетельства // Первая абхазская международная археологическая конференция. Сухум.

Чхаидзе В.Н., 2007. К вопросу о появлении половцев на Таманском полуострове // Археологический журнал. № 1. Армавир.

Чхаидзе В.Н., 2009. Кочевники XI–XIV вв. в степном Предкавказье: вопросы терминологии и этнической принадлежности // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Чхаидзе В.Н., Иванов А.В., Шереметьев А.Г., 2019. Погребение средневековых кочевников близ хут. Бойкопонура в Краснодарском крае // МИАСК. Вып. 17.

Шишилов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2016. Средневековые погребения курганно-грунтового могильника Натухаевский-4 под Новороссийском (предварительное сообщение) // VI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар.

Яцюк Д.А., 2013. Средневековое погребение воина в Западном Закубанье // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар.

Яцюк Д.А., 2017. Об одном кочевническом комплексе из раскопок кургана у ст. Старокорсунской на Тамани // VII Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БГ – Былые годы.

ИИАК – Известия императорской археологической комиссии.

МАК – Материалы по археологии Кавказа.

МИАСК – Материалы и исследования археологии Северного Кавказа.

МИАК – Материалы исследования археологии Кубани.

ОАК – Отчет императорской археологической комиссии.

САИ – Свод археологических источников.

РА – Российская археология.

К ЭТНИЧЕСКОЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТТРИБУЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА «ПОТОМСТВЕННЫЙ»

.....

На участке «Потомственный» на берегу р. Пшады, в месте впадения в нее р. Догуаб, был обнаружен и исследован в 1987 г. средневековый могильник. Участок относился к землям совхоза «Михайловский перевал» 1-го отделения. Захоронения были разрушены в ходе плантажных работ (закладки сада), поэтому их раскопки в полевом дневнике руководителя экспедиции М.Г. Минеева названы исследованием (рис. 1, 2). В этом документе сообщается следующее: «Могильник располагается в долине р. Пшада (при впадении в нее р. Догуаб, на небольшой пологой возвышенности). Осенью 1987 г. совхозом без согласования с государственными органами охраны памятников была произведена распашка данной территории на глубину 50–60 см, в результате чего на поверхности оказалось множество предметов погребального инвентаря... Общая площадь, на которой выявлены находки, составляет около 6 га». Могильник получил название «Потомственный».

Далее автор указывает на то, что большая часть захоронений оказалась полностью уничтожена и характеризуется только находками, найденными в непосредственной близости от них. Обнаруженные предметы погребального инвентаря и фрагменты костей позволяют предположить, что на памятнике присутствовало два типа захоронения:

- 1) урновые трупосожжения, в том числе с конскими захоронениями;
- 2) трупоположения.

По поводу ингумаций в полевом дневнике записано: «Находки отдельных костей, принадлежавших человеческим костякам, позволяют сделать вывод о наличии захоронений по обряду трупоположения».

Кроме того, в начале дневника упоминается другое исследование, проводившееся неподалеку от «Потомственного» в 1983 году. Это было частично разрушенное ингумационное захоронение воина-адыга, которое было да-

тировано XIV–XV вв. (рис. 3). Ориентировка погребенного юго-западная. Погребальный инвентарь представлен следующими вещами: сабля, наконечники стрел, железные детали щита, оселок, кремь, железное кресало, бритва, нож, пряжка, небольшие бронзовые и стеклянные пуговицы, бронзовые серьги, кольца и другие предметы. Михаил Георгиевич Минеев отметил следующее: «Возможно, что данное захоронение относится к могильнику, исследованному в 1987 г.».

Возвращаясь к исследованию «Потомственного» в 1987 г., остановимся подробнее на описании погребений, представленном в полевом дневнике М.Г. Минеева.

Погребение № 1 (рис. 4). Разрушено полностью. Находки оказались на поверхности в радиусе 10 м. Их количество и качество изготовления позволили определить данное захоронение как принадлежавшее знатной женщине. Обряд погребения – трупосожжение в погребальной урне (фрагментирована), конского костяка не было. Несмотря на это, в дневнике указано, что, исходя из погребального инвентаря, наличие костяка лошади было вполне вероятным.

К этому погребению отнесено 308 предметов: 49 бронзовых грушевидных позолоченных бубенчиков и 7 их фрагментов, 6 бронзовых бубенчиков, 52 шарообразных бронзовых пуговицы и еще 7 их фрагментов, 1 биконическая бронзовая пуговица, 24 раковины каури (очевидно, составлявшие ожерелье), 12 штук стеклянного бисера, 6 круглых стеклянных бус, 15 круглых хрустальных бус и 25 их фрагментов, 9 гагатовых бус, 2 бусы из красного сердолика, 1 сердоликовая подвеска, 11 стеклопастовых бус, 1 янтарная подвеска, 31 янтарная бусина. Также были обнаружены бронзовые треугольные бляшки-подвески, позолоченные бляшки-подвески в форме совмещенных треугольников с присоединенным овалом и орнаментированные, бляшка поясная позолоченная, кольца височные в $\frac{3}{4}$ оборота,

Рис. 1. Производство плантажных работ на участке «Потомственный»

Рис. 2. Разработка склона Маркотхского хребта, прилегающего к участку «Потомственный»

Рис. 3. Погребение № 1 (1983 г.). Захоронение воина-адыга со щитом

Рис. 4. Погребение № 1 (1987 г.). Разрушенная красноглиняная урна с инвентарем

серьги из бронзовой проволоки, браслеты из толстой бронзовой проволоки; бронзовые, позолоченные бляшки-накладки; позолоченная бляшка-подвеска; бронзовое сбруйное кольцо, бронзовые позолоченные миндалевидной формы бубенчики-подвески на бляшке-накладке, бронзовые позолоченные бубенчики грушевидной формы на бляшках-накладках, бронзовые бубенчики-подвески, позолоченные, в форме плода бересклета; бронзовое зеркало; бронзовый наконечник пояса, пластина из тонкой листовой бронзы; серьга из тонкой проволоки, фрагменты бронзовых цепочек, известняковое и глиняное пряслица, железное стремя, «овечьи» ножницы, двусоставные, кольчатые, биметаллические (железо-бронза) удила, железный нож, 8 фрагментов стеклянного с позолотой сосуда, перламутровая раковина-амулет, фрагмент погребальной урны и тонкостенного сосуда, а также бронзовые позолоченные начельник и налобник в виде фигурки лани и т.д.

Погребение № 2. Разрушено полностью. Обряд погребения определен по инвентарю как трупосожжение.

Инвентарь: согнутая в три раза железная однолезвийная сабля, железный наконечник копья, 3 железных черешковых наконечника стрел, бронзовые поясные бляшки, бусины гагатовой цилиндрической формы, кувшин с орнаментированным туловом (2 фрагмента).

Погребение № 3. Разрушено полностью. Обряд не установлен.

Инвентарь: фрагменты «обода щита» (железо) и ножен «кинжалов» (железо), клык кабана (амулет), бронзовые бубенчики, пифос (венчик орнаментирован).

Погребение № 4 (рис. 5). Разрушено полностью. Обряд не установлен.

Инвентарь: бронзовые двусоставные бубенчики, фрагмент пифоса.

Погребение № 5 (рис. 6). Разрушено полностью. В полевом дневнике нет записей. Судя по фото, зафиксированы фрагменты костей.

Погребение № 6. Разрушено полностью. Обряд захоронения определен по инвентарю как трупосожжение с «конским захоронением».

Инвентарь: удила кольчатые, биметаллические (грызла железные, кольца-псалии из брон-

зы), кольца сбруйные бронзовые, сшивка бронзовая, гвоздь железный, стержень железный с кольцом, бронзовый шаровидный бубенчик, пуговица костяная орнаментированная, бусина бипирамидальная 6-гранная (сердолик) и 7-мигранная; 13 фрагментов сосудов (стекло), кувшин (фрагменты).

Погребение № 7 (рис. 7). Разрушено полностью. Обряд захоронения – трупосожжение в погребальной урне, с «конским захоронением».

Инвентарь: перстень бронзовый с крестообразным щитком, нож черешковый (железо), накладки, фрагменты красноглиняного столового кувшина, фрагменты погребальной урны с орнаментом.

Погребение № 8 (рис. 8). Разрушено частично. На поверхности было обнаружено несколько фрагментов погребальной урны. После вскрытия слоя земли на глубине 73–78 см было найдено погребение по обряду трупосожжения с конским захоронением. Никаких следов, указывающих на то, что захоронение было курганным, обнаружено не было.

Описание захоронения в урне в погребении 8 (рис. 9, 10). Урна раздавлена, в ней сохранились следы кремации. Внутри находились: железный нож, кресало, оселок, 5 черешковых наконечников стрел, 2 бронзовых колечка, 6 бронзовых пуговиц-бубенчиков и небольшой железный нож. Урна располагалась к западу от головы коня на одном уровне с ним.

Описание конского погребения (рис. 9–11). Конь лежал на правом боку, «головой на север, ногами на юг», однако, судя по фото, ноги направлены скорее на запад. Положение вытянутое, кости ног слегка подогнуты. Между передних ног коня, почти параллельно костяку, под небольшим углом, была обнаружена сабля, рукоять которой направлена в сторону урны. Конец сабли был заключен в железный наконечник деревянных ножен, которые не сохранились. С наружной стороны морды коня, вплотную к ней, располагались 2 стремена: одно у ее нижней части, второе – на уровне глаз, у зубов лошади находились удила. Вплотную к конскому черепу стоял одноручный красноглиняный кувшин с ойноховидным венчиком со сливом «на себя». От уздечки остались 2 круглые же-

Рис. 5. Погребение № 4 (1987 г.). Фрагменты красноглиняной урны и бубенчики

Рис. 6. Погребение № 5 (1987 г.). На поверхности фрагменты костяка, трубчатые кости

Рис. 7. Погребение № 7 (1987 г.). Трупосожжение в погребальной урне, с конским захоронением

Рис. 8. Погребение № 8 (1987 г.). Остатки погребальной урны с инвентарем

Рис. 9. Погребение № 8. Трупосожжение в погребальной урне, с конским захоронением и инвентарем.
Вид с запада

Рис. 10. Погребение № 8. Трупосожжение в погребальной урне, с конским захоронением и инвентарем. Вид с востока

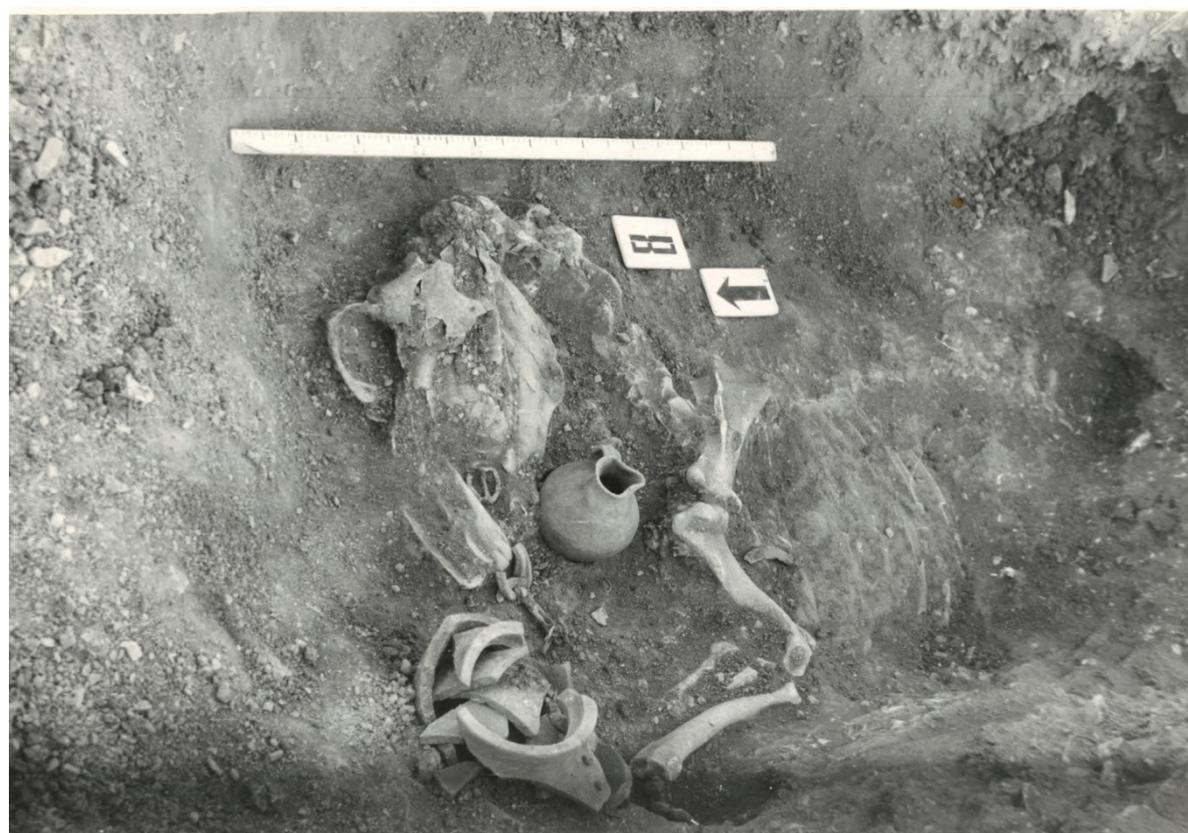

Рис. 11. Погребение № 8. Скелет лошади с кувшином и фрагментами погребальной урны. Вид с севера

лезные пряжки, найденные у кувшина. На морде лошади располагался железный скобель.

Погребение № 9 (рис. 12). Разрушено полностью. Обряд не установлен.

Инвентарь: двуручный светлоглиняный орнаментированный кувшин.

Погребение № 10. Разрушено полностью. Обряд – трупосожжение с конским захоронением.

Инвентарь: кресало, пряжка поясная железная, удила двусоставные, кольчатые, штырь железный с кольцом, стремя, кольцо височное бронзовое, пуговица бронзовая, крышка погребальной урны (глиняная), фрагменты красноглиняного столового кувшина.

Предметы, не привязанные к захоронениям: фрагменты красноглиняных столовых кувшинов и пифосов, двуручный биконический красноглиняный и орнаментированный кувшин; одноручный красноглиняный кувшин, изогнутая железная сабля.

Определенный интерес представляет этническая и хронологическая атрибуция указанных комплексов.

В полевом дневнике экспедиции М.Г. Минеев не относит захоронения к какому-либо этносу, правда, погребение № 1 1983 г., со щитом и саблей, он сразу определил как адыгское XIV–XV вв. («воин-адыг»). Позднее, в 1992 г., в своей справке «Погребальный обряд и инвентарь захоронений V–XVI вв. на территории курорта Геленджик», он отмечает то, что погребальный инвентарь из захоронения воина-адыга «позволяет датировать его по аналогии с вещами из кабардинских и белореченских курганов, а также с материалами Убинского могильника в рамках XIV–XV вв.» (Минеев М.Г., 1992).

Погребение воина со щитом¹ и саблей (1983 г.), безусловно, входит в круг памятников средневековых адыгов золотоордынского времени. Захоронения воинов со щитами встречаются в таких памятниках Северо-Западного Кавказа, как Вардане, Убинский, Казазово-1, Медовеевка-1, Джубга-1, Самурские озера-1, Иль 2 (Воронов Ю.Н., 1979, рис. 61, 3; Сха-

тум Р.Б., 2003, с. 223, рис. 1–5; Василенко Д.Э., 2008, рис. 7, 10–12; Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012, с. 160, рис. 8, 1–4; Голубев Л.Э., 2013, с. 34, рис. 1; Яцюк Д.А., 2013, рис. 1, 2, 11;), и в ряде других. На сегодняшний день известно уже более 30 находок данного вида защитного вооружения. Современные исследования позволяют уточнить датировку этого комплекса в пределах последней трети XIII – середины XIV в. (Схатум, 2012, с. 60, 64), во всяком случае, обнаруженный в нем инвентарь не противоречит этому.

Относительно «Потомственного» 1987 года раскопок были сделаны следующие заключения: «Значительная часть погребального инвентаря (погребение № 1) имеет близкие аналогии в погребальных аланских комплексах Змейского могильника (Северная Осетия) и могильника Колосовка 1 на р. Фарс и может быть датирована второй половиной XI – началом XIII в. Начальник в виде фигурки лани, принадлежащий к тому же кругу аланских памятников, является уникальной находкой и не имеет аналогий». Далее автор отмечает: «Погребение (№ 8) по аналогии с обрядом и инвентарем других подобных захоронений на территории Геленджика может быть датировано XII–XIII вв.» (Минеев М.Г., 1992).

Комплексный анализ погребального обряда и инвентаря позволяет уверенно отнести захоронения из «Потомственного», исследованные в 1987 г., к кругу так называемых поздних кремаций второй половины X – XIII вв., связываемых с предками современных адыгов, или с так называемым «зихо-касожским объединением» (Пьянков А.В., 1993, с. 136–137; 2000, с. 22; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с. 59).

Значительное разрушение погребений могильника «Потомственный» 1987 г. не позволяет сделать однозначный вывод о некоторых деталях погребального обряда. Например, до конца не ясно, были ли захоронения грунтовыми или курганными. Хотя, как указывает в своем дневнике М.Г. Минеев, следов курганных насыпей обнаружено не было. Отсутствие деталей каких-либо каменных конструкций дает основания предполагать, что это был все же грунтовой могильник.

¹ Именно этот щит я упоминаю как выставленный в экспозиции Геленджикского музея в статье 2003 года (Схатум Р.Б., 2003, с. 223). Тогда у меня не было необходимой информации о нем.

Рис. 12. Погребение № 9. Кувшин и костные останки

Как видно из краткого описания, некоторые погребения фактически разрушены полностью, такие как № 4, 5 и 9, при этом описание второго из них не нашло своего отражения даже в полевом дневнике и известно нам, по сути дела, только по фотографии. Два погребения (№ 2 и 8), а также, возможно, еще погребение № 3, содержали предметы вооружения, что позволяет отнести их к мужским захоронениям. При этом погребение 2 характеризуется полным набором наступательного вооружения (сабля, копье, стрелы) и бронзовыми деталями пояса, что может свидетельствовать об определенном статусе воина. Однако своим богатством и наличием коня значительно выделяется захоронение № 8 воина с лошадью. Погребения № 6, 7 и 10 с конским снаряжением предварительно могут определяться и как мужские, и как женские.

В то же время по основной части исследованного в 1987 г. могильника предварительно можно отметить следующее. Несмотря на силь-

ные разрушения комплексов, на могильнике «Потомственный» обращает на себя внимание большое количество погребений с лошадьми и конским снаряжением – 5 из 10.

Несмотря на сильное разрушение захоронений, среди них можно выделить богатое погребение № 1 с большим количеством инвентаря и № 8, также, вероятно, относящееся к представителям знати. Однако данные выводы несколько условны, так как практически все комплексы сильно разрушены, а выборка очень незначительна для статистических выводов. Тем не менее большое количество и характер инвентаря этих двух комплексов все же свидетельствуют о том, что перед нами захоронения знати.

В захоронении № 1 было обнаружено большое разнообразие украшений и в частности бусин из стекла, сердолика, гагата, янтаря, стеклопасты. Есть орнаментированные экземпляры, украшенные вставками-глазками. Это позволило сделать вывод автору раскопок о том, что погребение № 1 принадлежало «представитель-

нице знати». От себя отметим, что, судя по количеству некоторых категорий предметов (например, позолоченных пуговиц, наборов бус) в этом комплексе, возможно, был захоронен не один, а не менее двух человек. «Женские» предметы – это бусы, зеркало, пружинные ножницы для стрижки овец, раковина-амулет, фрагменты бронзовых цепочек, пряслице, височные кольца и т.д. К «мужским» вещам можно отнести конское снаряжение, поясной набор, однако в данном случае лишь условно. В этом нет ничего удивительного, так как нам хорошо известны женские погребения с лошадьми на Черноморском побережье и в более позднее время и также весьма насыщенные инвентарем (см. например: Нечипорук А.А., 2014, с. 144, 145, рис. 10).

Значительная часть предметов, связанных с конским убором и снаряжением, из погребения 1 уже публиковалась ранее. При этом из-за многочисленного инвентаря было отмечено следующее: «Однако ввиду их обилия трудно сказать, один или два конских убора представляют предметы» (Армарчук Е.А., 2006, с. 95, 96, рис. 17, 1, 24, 2, 25, 1, 27, 1, 29, 5–7, 30, 1–2, 31, 8–9, 35, 3–4, 37, 1–6, 43, 44, 1, 48, 58, 1). Здесь следует отметить, что обилие предметов действительно значительное. Однако все же в погребении найдены лишь одни удила и одно стремя (второе, возможно, утрачено из-за распашки), конский начальник также в единственном экземпляре. Данное обстоятельство предполагает, что в погребении все же было захоронение одного конского убора и снаряжения.

В отношении пола погребенного человека Е.А. Армарчук отмечает следующее: «Добавлю, что трудно по погребальному инвентарю определить пол кремнированной особы: с одной стороны, здесь отсутствует оружие, но обилие не мужских предметов (зеркало, большое число янтарных и гагатовых бус, украшения, ножницы пряслица) можно трактовать и как женские дары, а не как гендерный признак женского погребения. Наконец, нужно учитывать, что, возможно, из комплекса что-то утрачено и не все вещи дошли до археологов, хотя в данном случае это маловероятно» (Армарчук Е.А., 2006, с. 95). Погребение № 1 действительно, судя по

обилию вещей, пострадало, по-видимому, меньше, чем остальные комплексы, однако, вероятность потери ряда предметов все же остается реальной. С другой стороны, вполне очевидно, что даже в случае утраты каких-то «мужских» предметов вооружения, что-то все равно могло бы остаться, например, мелкие вещи, наподобие наконечников стрел и других предметов, которые маркировали бы комплекс как мужской. В данном случае мы наблюдаем сутобо женский инвентарь, что не оставляет особых сомнений в половой принадлежности погребенного.

Наиболее яркий читаемый обряд захоронения прослежен в другом погребении – № 8 с конем, который, судя по инвентарю, принадлежал мужчине-воину. Аналогии ему известны в других памятниках Черноморского побережья, например, в погребении коня 1 кургана 4 могильника Сапун, в п. 20 могильника Цемдолинского «на пашне». В обоих комплексах сабля находилась практически аналогично – между ног вдоль костяка лошади и рукоятью (черном) к ее голове (Армарчук Е.А., 2006, рис. 55, 2; Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, рис. 10).

В целом погребения с боевыми конями, похороненными с саблями их хозяев, на Северо-Западном Кавказе встречаются нередко. Например, в кургане 4 Цемдолинского могильника было захоронено две лошади с саблями. Последние, правда, расположены уже не между ног, а за спиной коней, но также вдоль тела, а стремяна – в районе спины и живота их костяков, удила – во рту (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с. 13, рис. 11, 1, 2), а также в п. 18 могильника Цемдолинского «на пашне», только сабля была согнута на огне (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, рис. 9).

Погребения 18 и 20 Цемдолинского могильника отнесены к концу XII – XIII в. (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с. 109), а курган 4 Цемдолинского курганного – к концу XI – XII вв. (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, табл. 6). Предварительно погребение № 8 можно отнести к XIII в., возможно, к середине – второй половине этого столетия. Судя по известному инвентарю, остальные погребения предварительно также можно отнести примерно к этому времени.

Таким образом, десять погребальных комплексов могильника «Потомственный», исследованные в 1987 г., входят в круг так называемых поздних кремаций второй половины X – XIII в. и связаны со средневековыми предками современных адыгов.

ЛИТЕРАТУРА

- Армарчук Е.А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Армавир; М. Вып. 3.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовой могильник. М.
- Василиненко Д.Э., 2008. Средневековый курганный могильник «Медовеевка-1» в долине реки Мзымта // Наследие Кубани. Краснодар. Вып. 1.
- Воронов Ю.Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.
- Голубев Л.Э., 2013. Умбон щита из разрушенного погребения средневекового курганного могильника «Самурские озера-1» // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию Крещения Руси: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар.
- Голубев Л.Э., Федосов М.Ю., Федосова Ю.Н., 2012. Раскопки двух средневековых курганов группы «Джубга-1» // ИАА. Армавир; Краснодар; М. Вып. 11.
- Минеев М.Г., 1987. Материалы исследования могильника X–XII вв. на участок «Потомственного» с. Пшада, полевой дневник и опись // Архив ГКМ. Ф. 2. Д. 24.
- Минеев М.Г., 1992. Погребальный обряд и инвентарь захоронений V–XVI вв. на территории курорта Геленджик (научно-справочный материал к выставке «Адыгейские древности») // Архив ГКМ. Ф. 6. Д. 194.
- Нечипорук А.А., 2014. Исследования селища «Мухортова Поляна 2» // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар.
- Пьянков А.В., 1993. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.
- Пьянков А.В., 2000. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Вып. 3. Абинск.
- Схатум Р.Б., 2003. Щит в комплексе вооружения племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // МИАК. Вып. 3. Краснодар.
- Схатум Р.Б., 2012. Предметы вооружения Убинского могильника: общая характеристика и датировка // Первые Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. К 70-летию исследования Убинского могильника. Материалы межрегионального круглого стола (г. Краснодар, 9 июня 2011 г.). Краснодар.
- Яцюк Д.А., 2013. Средневековое погребение воина в Западном Закубанье // III Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию Крещения Руси: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар.

ВСАДНИК С ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ Р. ИЛЬ (ЗАПАДНОЕ ЗАКУБАНЬЕ)

.....

На левом берегу р. Иль, на второй террасе, южнее поселка Ильский был обнаружен могильник, находящийся на залесенной территории, через которую с северо-запада на юго-восток проходит трасса нефтепровода. Площадь памятника с юга ограничена балкой, с востока и запада – склонами террас, с севера – заложенными шурфами, его ориентировочная площадь – 21 752 кв. м.

Во время исследования одного из шурфов, на глубине 62 см от современного дневного горизонта был зафиксирован красноглиняный гончарный кувшин (рис. 3, 3, 23). Также на пласте 2 были обнаружены точильный камень (рис. 3, 2, 22) и бронзовое шаровидное изделие, как оказалось, боевая часть от кистеня (рис. 3, 1, 21), и 15 фрагментов керамики. При снятии пласта 4 были обнаружены кости человека и лошади. В связи с этим было принято решение увеличить площадь шурфа до 5,95 кв. м при помощи прирезок в северном, восточном и южном направлениях.

Погребение 1 (рис. 1) было обнаружено на глубине –78...–92 см от дневной поверхности. Первоначально форма и размеры могильной ямы не прослеживались, вероятно, из-за того, что погребение было расположено на уровне материка. Дальнейшая зачистка позволила определить форму ямы как вытянутую, подпрямоугольную, ориентированную по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток.

Погребение представляло собой захоронение взрослого мужчины (*maturus I* – 35–45 лет), черепом и позвоночным столбом ориентированного на восток-северо-восток, кости плохой сохранности. Скелет лежит на спине, ноги вытянуты и сведены в ступнях и коленях, руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук расположены рядом с тазом погребенного. Череп лежит на затылке и немного завален на левую сторону – к левому плечу.

С левой стороны от погребенного, на одном уровне с ним, располагался скелет лошади

(рис. 2). Она лежит на правом боку и так же, как и человек, черепом и позвоночным столбом ориентирована на восток-северо-восток, а мордой обращена в сторону погребенного. Передние ноги лошади слегка согнуты и расположены сверху левой плечевой кости погребенного, одновременно на них расположен череп человека. Задние ноги лошади также слегка согнуты и расположены под костями стоп человека. Таким образом, человек лежал между передними и задними ногами лошади, на которых соответственно покоились его голова и ступни. Правда, последние, скорее, упираются в место сгиба задних ног лошади, чем лежат на них.

Рядом с мужским скелетом находился следующий инвентарь. В районе шеи, позвоночного столба и таза были обнаружены 11 бронзовых позолоченных полых пуговиц-бубенчиков грушевидной формы с петельками (рис. 10, 1–6). Сохранность некоторых из них плохая, поэтому количество пуговиц определено по числу петелек. На правой плечевой кости, ближе к черепу, была обнаружена бусина из красного минерала (сердолик?) (рис. 10, 9). На правом крыле таза лежал железный двухлопастной черешковый наконечник стрелы (рис. 9, 2), а в области лобковой кости – двурогий черешковый срезень (рис. 9, 3). Слева от него – 4 спекшихся железных двухлопастных черешковых наконечника (рис. 8, 1–4). Рядом с ними находился камень, похожий на «кисть руки» с выставленным «указательным пальцем» (рис. 14, 1). Под стрелами, на тазовых костях, были обнаружены фрагменты железного предмета с креплениями, возможно, детали колчана (рис. 11, 1–10, 13, 3–6), колчанная скоба (рис. 9, 4), наконечник стрелы (рис. 9, 1) и 2 бронзовых кольца (рис. 10, 7, 8).

С левой стороны погребенного, вдоль левой ноги, обухом наружу и череном в сторону головы находилась сабля с прямым перекрестьем и деревянными остатками ножен (рис. 4–7). Дли-

на сабли более 1 м, рукоятка начинается в районе левого подреберья, ножны расположены у костей левой стопы, на костях задних ног лошади. Перекрестье сохранилось не полностью, две крайние половины имеют характерные раструбные окончания (рис. 5, 6). Слева от сабли, чуть выше левого колена, был зафиксирован железный нож (рис. 12, 1). На пальцах левой руки были зафиксированы фрагменты бронзового кольца либо перстня (рис. 10, 10).

На правой бедренной кости были зафиксированы фрагменты железного предмета неизвестного назначения (рис. 14, 2–4). Чуть ниже, в районе метафиза правой бедренной кости, располагалась железная мотыжка (рис. 15, 1). С правой стороны от правого коленного сустава находился белый минерал (мел?) (рис. 14, 10). Между коленными суставами были обнаружены фрагменты железного предмета (крепления) (рис. 14, 5–9). Между бедренных костей погребенного, ближе к метафизу левой бедренной кости зафиксирован железный стержень (черешок стрелы?) (рис. 8, 6). Рядом, с правой стороны от правой малой берцовой кости, лежал железный прямой нож или, вероятно, кинжал (рис. 12, 2). Чуть ниже его, также с правой стороны, в районе правой стопы погребенного были зафиксированы фрагменты железного предмета (рис. 14, 12–15).

На голове лошади были обнаружены биметаллические удила (рис. 16), а также три бронзовых накладки (рис. 19, 1–3) и 11 бронзовых гвоздиков (рис. 19, 4–11), вероятно, элемент конской сбруи. В районе шеи лошади с двух сторон от нее находились железные стремяна (рис. 17, 1–2), на спине – простая железная язычковая пряжка (рис. 18). В районе затылочной кости черепа было обнаружено бронзовое украшение (?) в виде фрагментов пластин (рис. 20, 1–4) и двух бронзовых спиралей (рис. 20, 5, 6). Под черепом лошади также были обнаружены 3 бронзовых кольца, одно из которых сохранило фрагмент железного крепления (рис. 20, 7–9). У задних ног лежал камень, а под ребрами был зафиксирован белый минерал (мел?) (рис. 14, 11).

После зачистки и снятия человеческих костей под головой погребенного было зафиксиро-

вано пятно округлой формы с фрагментами угля. Также на данном уровне были обнаружены 4 фрагмента керамики – венчик под проксимальным эпифизом правой плечевой кости (рис. 24, 1) (размеры: 12,6 × 7,4 см, толщина стенки и венчика – 0,8 см, реконструируемый диаметр – 14 см); 2 фрагмента под стремением (рис. 24, 2, 3) (размеры: 5,2 × 3,5 × 0,8 см и 4,1 × 2,4 × 1 см), 1 фрагмент на углях (рис. 24, 4) (размеры: 5,3 × 3,4 × 1 см). После зачистки яма приобрела ступенчатую подтреугольную форму размерами 1 × 1 м. В подтреугольный в плане первый уровень вписан второй уровень овальной формы. Овал, ориентированный по основанию треугольника, имеет размеры 37 × 70 см (рис. 3). Глубина ямы – 147 см от R0. Заполнение ямы представляло собой фрагменты керамики (рис. 24, 5, 6), уголь и кости животных.

В погребении был найден следующий инвентарь.

1. Сабля железная с узким плавно изогнутым клинком, имеющим обоюдоострое ромбическое в сечении острие (рис. 4). В основании клинка остатки накладной пластины. На черене зафиксированы следы от креплений рукояти в виде округлых в плане вдавлений и выступа от двух заклепок. Клинок в сечении пятигранный. Размеры сабли: длина общая – 101,7 см, черена – 9,5 см, ширина и толщина клинка – 2,7 и 0,8 см.

2. Перекрестие железное сохранилось в двух фрагментах (рис. 5, 6). Каждый из них представляет собой плечо гарды в виде конуса – раструбного окончания, который через сужение переходит во фрагмент скобы, которая образовывала овальную в плане центральную часть перекрестия. Размеры: 3,3 × 1,4 см, 4,5 × 1,2 см. Общая длина была не менее 8 см.

3. Навершие рукояти сабли, состоящее из двух железных плоских в сечении и слегка изогнутых фрагментов (рис. 5, 3–4). Размеры: 2 × 2 × 0,3 см, 2,2 × 1,7 × 0,3 см.

4. Три железных фрагмента пластины от сабли, в сечении плоские (рис. 5, 1, 2, 5). Возможно, принадлежали элементу крепления ножен сабли. Размеры: 2,8 × 1 × 0,3 см, 2,1 × 0,8 × 0,5 см, 5,5 × 1 × 0,3 см.

5. Железный наконечник (?) ножен, состоящий из восьми фрагментов (рис. 6, 1–4, 7, 1–4).

В поперечном сечении дугообразные, внутри читаются остатки дерева. Размеры: $6,1 \times 2,4 \times 0,5$ см, $4,4 \times 2,3 \times 0,5$ см, $11,2 \times 2,2 \times 0,6$ см, $3,2 \times 2,6 \times 0,2$ см, $1,9 \times 1,5 \times 0,2$ см, $1,9 \times 1,2 \times 0,3$ см, $4,2 \times 2,2 \times 0,5$ см, $4,7 \times 2,4 \times 0,8$ см.

6. Железный черешковый наконечник стрелы (рис. 8, 1). Перо листовидной формы, уплощенно-ромбическое в сечении. Черешок в сечении округлый, в значительной степени утрачен. Размеры: $6,2 \times 1,7$ см, диаметр черешка в основании – 0,6 см, толщина пера – 0,3 см.

7. Железный черешковый наконечник стрелы (рис. 8, 2). Перо листовидной формы, уплощенно-ромбическое в сечении. Из-за не полной сохранности оно имеет асимметричную форму – с одной стороны более плавно переходит в округлый в сечении черешок. Размеры: $6,9 \times 1,5$ см, диаметр черешка – 0,5 см, толщина пера – 0,3 см.

8. Железный черешковый наконечник стрелы (рис. 8, 3). Перо листовидной формы, в сечении уплощенно-ромбическое. Черешок в сечении округлый, часть его утрачена, возможно, фрагмент черешка на этом же рисунке (рис. 8, 5) принадлежит этому наконечнику. Размеры: $8,3 \times 2,4$ см. Диаметр черешка – 0,4 см, толщина пера – 0,2 см.

9. Железный черешковый наконечник стрелы (рис. 8, 4). Перо небольшое, ромбовидной формы, в сечении уплощенно-ромбическое. На одной из поверхностей, в месте соединения пера и черешка, имеется углубление трапециевидной формы размерами $0,6 \times 0,4$ см и глубиной 0,1 см. Перо в сечении линзовидной формы. Черешок в сечении округлый. Размеры: $6,7 \times 1,3 \times 0,2$ см, диаметр черешка – 0,6 см.

10. Фрагмент железного предмета (рис. 8, 5), предположительно черешок наконечника стрелы, в сечении подовальный. Размеры: $2 \times 0,4 \times 0,25$ см.

11. Фрагмент железного предмета, предположительно, черешок стрелы. В поперечном сечении линзовидный, один конец заострен (рис. 8, 6). Размеры: $5,1 \times 0,7 \times 0,4$ см.

12. Железный черешковый наконечник стрелы (рис. 9, 1). Перо листовидной формы, в сечении – близкое к уплощенно-ромбическому. Черешок в сечении округлый. Размеры: $8,5 \times 1,5 \times 0,4$ см.

13. Железный черешковый наконечник стрелы (рис. 9, 2). Перо листовидной формы, плоское, линзовидное, близкое к уплощен-

но-ромбическому, в сечении. Черешок в сечении округлый. Длина и ширина $7,2 \times 1,4$ см, диаметр черешка – 0,3 см, толщина пера – 0,4 см.

14. Железный черешковый двурогий наконечник стрелы (срезень) (рис. 9, 3). Зубцы уплощенные в сечении сужаются к внутренним краям имеющим лезвия. Черешок в сечении округлой формы. Зубцы плоские, в сечении линзовидные. Длина наконечника – 11,2 см, расстояние между зубцами – 3,2 см, толщина зубцов – 0,4 см, диаметр черешка – 0,4 см.

15. Колчанная железная скоба (рис. 9, 4), по центру имеет изгиб-петлю, переходящую в частично утраченные лопасти. В одной из них читаются остатки крепления к деревянной основе. Размеры: $3,9 \times 1,1 \times 0,5$ см.

16. Пуговица-бубенчик бронзовая, с остатками позолоты (рис. 10, 1). Форма грушевидная, с круглой проволочной петлей. Верхняя часть состоит из двух вертикальных конусообразных половин. Нижняя – полусфера, соединена с верхней частью горизонтальным круговым швом. В нижней части располагается прямая щель. Поверхность гладкая. Внутри обнаружен бронзовый шарик. Длина – 1,8 см, диаметр – 1 см, толщина петли – 0,1 см, внутренний диаметр петли – 0,3 см.

17. Пуговица-бубенчик бронзовая, с остатками позолоты (рис. 10, 2). Форма грушевидная. Верхняя часть состоит из двух вертикальных конусообразных половин. Нижняя – полусфера, соединена с верхней частью горизонтальным круговым швом. Поверхность гладкая. Петля и частично нижняя часть утрачены. Длина – 1,8 см, диаметр – 1 см, толщина петли – 0,1 см, внутренний диаметр петли – 0,3 см.

18. Пуговица-бубенчик бронзовая, с остатками позолоты (рис. 10, 3). Форма грушевидная, с круглой проволочной петлей. Верхняя часть состоит из двух вертикальных конусообразных половин. Нижняя – полусфера, соединена с верхней частью горизонтальным круговым швом. Поверхность гладкая. Внутри обнаружен бронзовый шарик. Длина – 1,8 см, диаметр – 1 см, толщина петли – 0,1 см, внутренний диаметр петли – 0,3 см.

19. Пуговица-бубенчик бронзовая, с остатками позолоты (рис. 10, 4). Форма грушевид-

ная, с круглой проволочной петлей. Верхняя часть состоит из двух вертикальных конусообразных половин. Нижняя – полусфера, соединена с верхней частью горизонтальным круговым швом. Поверхность гладкая. Внутри обнаружен бронзовый шарик. Длина – 1,8 см, диаметр – 1 см, толщина петли – 0,1 см, внутренний диаметр петли – 0,3 см.

20. Пуговица-бубенчик бронзовая, с остатками позолоты (рис. 10, 5). Форма грушевидная, с круглой проволочной петлей. Верхняя часть состоит из двух вертикальных конусообразных половин. Нижняя – полусфера, соединена с верхней частью горизонтальным круговым швом. Поверхность гладкая. Длина – 1,8 см, диаметр – 1 см, толщина петли – 0,1 см, внутренний диаметр петли – 0,3 см.

21. Пуговица-бубенчик бронзовая, с остатками позолоты (рис. 10, 6). Форма грушевидная, с круглой проволочной петлей. Верхняя часть состоит из двух вертикальных конусообразных половин. Нижняя – полусфера, соединена с верхней частью горизонтальным круговым швом. В нижней части располагается прямая щель. Поверхность гладкая. Внутри обнаружен бронзовый шарик. Длина – 1,8 см, диаметр – 1 см, толщина петли – 0,1 см, внутренний диаметр петли – 0,3 см.

22. Кольцо бронзовое, в сечении овальное (рис. 10, 7). На поверхности имеются небольшие сколы и окислы. Внешний и внутренний диаметры – 3 и 2,3 см соответственно. Толщина проволоки – 0,3 × 0,35 см.

23. Кольцо бронзовое, в сечении овальное (рис. 10, 8). Поверхность гладкая. Внешний и внутренний диаметры – 3 и 2,4 см соответственно. Толщина проволоки 0,3 × 0,35 см, в одной из точек сужается до 0,25 × 0,25 см.

24. Бусина каменная, неправильной шаровидной формы, темно-красная (рис. 10, 9). С одной стороны немного приплюснута. Поверхность гладкая, полупрозрачная. Материал содержит множество прожилок, которые образуют чешуйчатую структуру. Длина канала – 0,8 см, диаметр отверстия – 0,25 см, диаметр бусины – 0,9 см.

25. Фрагмент бронзовой накладки (от перстня?) (рис. 10, 10). Представляет собой три полусферы, диаметром по 0,35 см каждая, соеди-

ненные тонкой плоской основой. С внутренней стороны они заполнены металлом. В центральной полусфере наблюдается отверстие диаметром 0,05 см. Боковые полусферы имеют более шероховатую поверхность. Размеры: 1,4 × 0,5 см. Высота полусфер – 0,2 см.

26. Железные пластины неправильной формы в виде 10 фрагментов (рис. 11, 1–10). Размеры: 1,7 × 1,2 × 0,2 см, 3,3 × 0,7 × 0,3 см, 1,9 × 1,4 × 0,2 см, 2,6 × 2 × 0,3 см, 2 × 0,9 × 0,5 см, 2,5 × 1,2 × 0,3 см, 1,4 × 1,3 × 0,2 см, 1,2 × 1,1 × 0,2 см, 1,4 × 0,9 × 0,1 см, 3,5 × 2 × 0,3 см.

27. Нож железный, прямой, черешковый (рис. 12, 1). Клинок в сечении треугольной формы, а черешок – подпрямоугольной формы. Размеры: 14,5 × 1,5 × 0,4 см. Длина черенка – 3,9 см, ширина и толщина соответственно – 0,8 и 0,3 см.

28. Кинжал железный черешковый (рис. 12, 2), с прямым узким, возможно, ромбическим в сечении клинком. Черен прямой, в сечении подпрямоугольной формы. Общие размеры: 17,6 × 1,4 × 0,5 см. Размеры черенка: длина – 3,1 см, ширина – 0,8 см, толщина – 0,4 см.

29. Два фрагмента железного предмета, в сечении плоские (рис. 13, 1, 2). Возможно, черешок от наконечника стрелы или стрел. Размеры: 2,9 × 0,8 × 0,2 см; 4,4 × 0,9 × 0,3 см.

30. Фрагмент железного предмета с остатками дерева (рис. 13, 3). Одна из поверхностей плоская, другая – сильно сколота. Размеры: 6,2 × 1,6 × 0,3 см.

31. Железная накладка (?), состоящая из двух фрагментов (рис. 13, 4, 5). У каждого фрагмента на одной из сторон имеется круглый в сечении выступ высотой 0,3 см. Размеры: 2 × 1,2 × 0,3 см; 2,4 × 1,3 × 0,3 см.

32. Фрагмент железной накладки (рис. 13, 6). В поперечном сечении дугообразно выгнут. С одной из сторон имеется выступ, круглый в сечении и расширяющийся к основанию. Его высота – 0,4 см. Размеры: 2 × 1 × 0,5 см.

33. Камень из мелкозернистого абразивного материала серого цвета (рис. 14, 1). На одной из сторон имеются два закругленных гребня размером 1,3 см и 0,4 см, возможно часть поверхности сколота. Камень гладко заполирован, за исключением одной из поверхностей, предпо-

жительно отколотой. Размеры: $7,4 \times 2,4 \times 1,6$ см.

34. Фрагмент железного предмета (рис. 14, 2). Представляет собой подпрямоугольную пластину, с одной из сторон которой имеется круглый в сечении выступ высотой 0,2 см. Размеры: $2,4 \times 1,1 \times 0,25$ см.

35. Фрагмент железного предмета (рис. 14, 3). Представляет собой пластину в форме неправильного многоугольника. Размеры: $1,6 \times 1 \times 0,2$ см.

36. Фрагмент железного предмета (рис. 14, 4). Представляет собой плоский неправильный прямоугольник, одна из длинных сторон которого сгибается под прямым углом, переходя в треугольник. Размеры: $1,8 \times 1,5 \times 0,5$ см.

37. Четыре железных фрагмента предмета неопределенного назначения (рис. 14, 5, 6, 8, 9). В сечении плоские, форма не восстанавливается. Размеры: $1,6 \times 1,1 \times 0,2$ см, $1,3 \times 0,8 \times 0,3$ см, $1,9 \times 0,5 \times 0,15$ см, $1,3 \times 1,3 \times 0,2$ см.

38. Фрагмент железного предмета неопределенной формы (рис. 14, 7). Представляет собой овальное в сечении кольцо, на двух противоположных сторонах которого имеются остатки металла в виде петель размером $2,4 \times 1,2$ см, толщина – 0,3 см. Толщина кольца – 0,2 см. Возможно, распределитель ремней от колчана.

39. Известняк (мел?) ассиметричной продолговатой формы (рис. 14, 10). Две смежные поверхности сколоты, образуя прямую грань. Размеры: $4,6 \times 2,9 \times 2,4$ см.

40. Известняк (мел?) (рис. 14, 11), ассиметричной, продолговатой формы, края скруглены. Один конец сколот. Размеры: $2,9 \times 1,5 \times 1,2$ см

41. Четыре фрагмента железного предмета неопределенного назначения (рис. 14, 12–15), дуговидной формы. Размеры: $1,3 \times 0,5 \times 0,2$ см, $1,8 \times 0,5 \times 0,4$ см, $1,7 \times 0,5 \times 0,2$ см, $1,4 \times 0,5 \times 0,3$ см.

42. Железное втульчатое тесло с вертикальной разомкнутой втулкой округлой в сечении формы (рис. 15, 1). Рабочая поверхность прямая, приострена, вытянутой трапециевидной формы, в сечении подпрямоугольная. Размеры: 9×4 см. Толщина рабочей поверхности – 0,6 см. Толщина стенок втулки – 0,5 см.

43. Два фрагмента железного предмета, который представляет собой половину полой, продольно срезанной трубки (рис. 15, 2–3). Внутри

она частично заполнена металлом. Форма сечения – неправильный полукруг. Размеры: $3,8 \times 0,7 \times 0,5$ см, $2,4 \times 0,8 \times 0,6$ см.

44. Удила биметаллические (рис. 16). Железные грызла, двусоставные однокольчатые, с внешними бронзовыми подвижными кольцами. Сустав грызел неподвижен из-за окиси. Грызла в сечении неправильной подпрямоугольной формы. Кольца в сечении круглые. Длина грызел 8,5 и 7,7 см, толщина грызел – 0,7 см, толщина ушек грызел – 0,5–0,7 см. Диаметр бронзовых колец – 3,8 см, толщина – 0,5 см.

45. Стремя железное, округлой формы (рис. 17, 2). Дужки уплощенные, образующие вверху заостренный (?) абрис, возможно, клиновидной формы, который частично утрачен; подножки плоские, выгнутые наружу, утолщенные по центру в виде продольного «валика». Размеры прорези для путлища в верхней части дужки: $2,5 \times 0,7$ см. Размеры: $14 \times 13,3$ см. Толщина подножки от 0,2 см до 0,4 см.

46. Стремя железное, округлой формы (рис. 17, 1). Дужки уплощенные, образующие вверху заостренный (?) абрис, возможно, клиновидной формы, который частично утрачен; подножки плоские, выгнутые наружу, утолщенные по центру в виде продольного «валика». Размеры прорези для путлища в верхней части дужки: $2,5 \times 0,7$ см. Размеры: $13,7 \times 13,3$ см. Толщина подножки – от 0,1 см до 0,2 см.

47. Пряжка железная, подквадратной формы, изготовлена из подовального в сечении прута (рис. 18). Передний край рамки несколько шире остальных трех сторон и слегка выступает вперед. Язычок плавно сужается к концу. Размеры: $4 \times 3,9 \times 0,4$ см.

48. Бронзовое украшение узды коня, вероятно, сбруйная бляшка (рис. 19, 1). Форма подквадратная, в сечении подтреугольная. На лицевой части находится объемный узор в виде 5 полусфер, самая большая находится в центре, четыре остальных одинакового размера – в углах квадрата. Центральная сфера выше остальных и расположена на ромбообразной возвышенности. Каждая из четырех остальных полусфер окружена неглубокой бороздой. Пространство между ними заполняют каплевидные складки. С обратной стороны украшения имеют слег-

ка вдавленную поверхность, по углам которой располагаются «ножки», в сечении округлой формы (0,6 × 0,4 см). Длина их, варьируется от 0,35 до 0,65 см, а толщина – 0,2 см. Размеры без ножек: 1,5 × 1,4 × 0,6 см.

49. Бронзовое украшение узды коня, вероятно, сбруйная бляшка (рис. 19, 2). Форма подквадратная, в сечении подтреугольная. На лицевой части находится объемный узор в виде 5 полусфер, самая большая – в центре, четыре остальных одинакового размера – по углам квадрата. Центральная сфера выше остальных и расположена на ромбообразной возвышенности. Каждая из четырех остальных полусфер окружена неглубокой бороздой. Пространство между ними заполняют каплевидные складки. С обратной стороны украшения имеют слегка вдавленную поверхность, по углам которой располагаются «ножки», в сечении округлой формы (0,6 × 0,4 см). Длина их, варьируется от 0,35 до 0,65 см, а толщина – 0,2 см. Размеры без ножек: 1,5 × 1,5 × 0,8 см.

50. Бронзовое украшение узды коня, вероятно, сбруйная бляшка (рис. 19, 3). Форма подквадратная, в сечении подтреугольная. На лицевой части находится объемный узор в виде 5 полусфер, самая большая находится в центре, четыре остальных одинакового размера – в углах квадрата. Центральная сфера выше остальных и расположена на ромбообразной возвышенности. Каждая из четырех остальных полусфер окружена неглубокой бороздой. Пространство между ними заполняют каплевидные складки. С обратной стороны украшения имеют слегка вдавленную поверхность, по углам которой располагаются «ножки», в сечении округлой формы (0,6 × 0,4 см). Длина их, варьируется от 0,35 до 0,65 см, а толщина – 0,2 см. Размеры без ножек: 1,6 × 1,6 × 0,8 см.

51–56. 6 бронзовых гвоздиков, у которых отсутствуют шляпки (рис. 19, 4–9). Размеры: 0,6 × 0,5 × 0,1 см.

57. Бронзовый гвоздик (рис. 19, 10). Шляпка неправильной подовальной формы. Размеры: 0,6 × 0,5 × 0,1 см.

58. Бронзовый гвоздик (рис. 19, 11). Шляпка неправильной подовальной формы. Размеры: 0,6 × 0,5 × 0,1 см.

59. Четыре бронзовых пластины-фрагмента от конского украшения (плюмажа?). Три из них дуговидно-изогнутые, трапециевидной или подтрапециевидной формы, четвертая – плоская, неправильной вытянутой подпрямоугольной формы (рис. 20, 1–4). Размеры: 3,3 × 2,5 × 0,2 см, 2,3 × 0,7 × 0,02 см, 3,9 × 2,4 × 0,02 см, 2,8 × 2,7 × 0,02 см.

60. Спираль бронзовая, изготовлена из проволоки с круглым сечением 0,25 см, в 2 витка, один из концов сильно отогнут наружу (рис. 20, 5). Внутренний диаметр – 2,3 см.

61. Спираль бронзовая, изготовлена из проволоки с круглым сечением 0,25 см, в 2 витка (рис. 20, 6). Внутренний диаметр 2,3 см.

62. Бронзовое кольцо, изготовленное из проволоки сечением 0,25 см (рис. 20, 7). Концы проволоки заходят друг за друга на 1 см. Внутренний диаметр – 1,6 см, толщина – 0,25 см.

63. Бронзовое кольцо, в сечении круглое (рис. 20, 8). С внешней стороны имеется остаток железного крепления размером 0,4 × 0,4 см. Поверхность кольца гладкая. Внутренний диаметр – 1,45 см, толщина – 0,25 см.

64. Бронзовое кольцо, в сечении круглое, поверхность гладкая (рис. 20, 9). Поверхность кольца гладкая. Внутренний диаметр – 1,9 см, толщина проволоки – 0,4 см.

65. Бронзовый кистень шаровидной формы, слегка приплюснут с двух сторон (рис. 21, 1–3). С одной стороны (сверху) имеет небольшую борозду по окружности на расстоянии 0,7 см от отверстия. Поверхность гладкая, с неглубокими выщерблинами. В стенке канала имеется небольшое углубление. Размеры: диаметр – 3,8 см, высота – 2,7 см, диаметр отверстия – 1,1 см.

66. Железный «штапик» (рис. 21, 4). В поперечном сечении представляет собой вытянутый полукруг. Имеется небольшое углубление, возможно, указывающее на изначальное наличие отверстия. Размеры: 1,9 × 0,5 × 0,6 см.

67. Точильный камень оселок (рис. 22). Представляет собой брус из мелкозернистого абразивного материала серого цвета. Форма подпрямоугольная. Верх, низ и одна из длинных сторон прямые. Вторая длинная сторона слегка выгнута наружу. В верхней части просверлено сквозное отверстие диаметром 0,5 см.

На длинной прямой стороне имеется современный скол, образовавшийся при зачистке борта шурфа. Поверхность камня гладко заполирована. В продольном сечении камень имеет неправильную подпрямоугольную форму, слегка зауженную в средней и нижней частях. Поперечное сечение подпрямоугольной формы. Размеры: $15,8 \times 3,7 \times 1,4$ см.

68. Кувшин красноглиняный (рис. 23). Венчик сколот, шейка венчика слегка расширяется по направлению к тулову, на ней имеются два выступа: в месте сочленения с ручкой и в месте перехода шейки в плечико. Ручка вертикальная, в сечении подпрямоугольная. Внутренняя и внешняя поверхности светло-коричневые. На внешней поверхности встречается налет серого цвета. В тесте примесь песка и шамота. Размеры: диаметр дна – 12,2 см, диаметр тулова – 25,3 см, диаметр шейки – 4,5 см, сечение ручки: $2,2 \times 2,1$ см. Толщина стенки тулова и шейки – 0,6 см.

Для датировки погребения значение имеет обряд захоронения, а также некоторые предметы инвентаря: сабля, конское снаряжение, детали одежды.

Реконструируемый обряд захоронения выглядит следующим образом. Сначала уложили и, вероятно, после этого убили коня, завалив его на правый бок перед этим. Затем между его ног, головой на передние ноги лошади уложили его хозяина – воина. Последний перед этим, судя по положению костяка, возможно, был завернут во что-то (в покрывало или бурку?). При этом сам покойный был в одежде, о чем свидетельствуют пуговицы от верхнего кафтана (?) и бронзовые кольца от штанов. Вероятно, вместе с воином была завернута и сабля. Между тем, колчан со стрелами был положен уже сверху, как, возможно, и остальные предметы (тесло, ножи и т.д.) – рядом, справа и слева.

Обращает на себя внимание также наличие обугленного столбика (?) в виде фрагментов угля (рис. 2, В) – коновязи для коня (?), следы прослеживаются под грудью лошади и ниже морды.

Погребальный обряд и инвентарь находят аналогии в синхронных памятниках Севе-

ро-Западного Кавказа, таких как Циплиевский, Черноклен, Абинский 4, Цемдолинский.

Наиболее близкий обряд захоронения можно отметить в п. 73 Циплиевского могильника, порой в деталях совпадающего с публикуемым комплексом. В нем был погребен воин с находящейся слева от него саблей, а между ними находились наконечники стрел. Вдоль грудной клетки и в других местах найдены пуговицы (бубенчики) грушевидной формы с позолотой. С левой стороны от воина на правом боку лежал конь ногами к человеку, ориентированный в том же направлении и на одном уровне с ним. В пасти жеребца находились железные удила с бронзовыми кольцами, продетыми во внешние петли грызел, а также бронзовые пластинчатые псалии (Пьянков А.В., 2000, с. 18, рис. 3). Безусловно, есть и отличия, например: наличие бронзовых псалий в циплиевском погребении, одно стремя вместо двух, расположение человека ниже ног коня, а не между ними. Однако эти нюансы не дают оснований для сомнений о принадлежности обоих всадников к одной культуре, существующей в определенное время.

Для датировки погребения имеет значение ряд предметов вооружения, одежды, конского снаряжения.

Сабля и детали ее гарнитуры находят многочисленные аналогии в кремационных и ингумационных погребениях могильников Северо-Западного Кавказа второй половины – конца XI – первой половины XIII в. Гарда относится к так называемому «челночному» типу. Аналогичные или близкие по форме перекрестия содержит целый ряд других могильников, датированных в пределах конца XI – середины XIII в.: Цемдолинский «на пашне» (ранняя группа) и курганный, Абинский 4, Циплиевский, Ахтырский лиман, Убинский (ранняя группа), Псекупский 4, Ленинохальский (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, рис. 9, 12; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с. 17, рис. 54, 12, 55, 15, 60, 24; Пьянков А.В., 1993, рис. 4, 22, 6, 7, 7, 13, 10, 26; 2000, рис. 5, 15, 21; Сорокина И.А., 2001, с. 31, рис. 58, 5; Схатум Р.Б., 2012, рис. 1, 1; Ловпаче Н.Г., 1985, с. 27, табл. XXX, 9–10; Носкова Л.М., 1999, с. 198, рис. 6, 5, 11, 4).

Наконечники стрел. Все стрелы, кроме, возможно, одного двухлопастного с правого крыла таза (рис. 9, 2), вероятно, находились в футляре, о чем свидетельствует их скученность в одном месте, а также металлические фрагменты от колчана (?) и колчанная скоба. Наконечник стрелы с правого крыла таза мог быть снесен грызунами либо является свидетельством ранения воина в бою, попав в нижнюю правую часть живота, но не повредив кость. Правда, вероятен все же первый вариант. На это может указывать то, что и рядом находившиеся пуговицы также смещены в район пояса и шеи костяка, хотя должны были находиться вдоль позвоночного столба.

Двурогий срезень находит определенные аналогии в других памятниках Северо-Западного Кавказа, например, в п.п. 18 и 33, датированных концом XII – XIII в. Цемдолинского грунтового («на пашне») и в погребениях лошадей из курганов 3 и 4 курганно-грунтового могильника, отнесенного авторами к концу XI – XII в., в погребении 2 близ урочища Боханова Поляна, датированного второй половиной XIII в. (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с. 109, рис. 9, 1, 12, 15; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, табл. 6, рис. 49, 21, 22, 52, 3; Бацанюк И.С., Схатум Р.Б., 2015, с. 11, 14, рис. 7, 6, 7). Некоторое сходство рассматриваемый экземпляр имеет с находками в Новгороде XII–XIII вв. (Медведев А.Ф., 1966, табл. 23, 35), правда, там наконечники имеют выпуклые внешние стороны, в отличие от рассматриваемого экземпляра.

Редким и одним из наиболее ярких предметов в погребении является бронзовый кистень. Для конца XI – середины XIII в. это единственная в своем роде находка, по крайней мере из известного нам материала (см. например: Схатум Р.Б., 2008, с. 39–42). Кистени встречаются более часто в погребениях салтовского времени в IX–X вв. на Северо-Западном Кавказе (см. напр.: Дмитриев А.В., 1979, рис. 2, 18; Ловпаче Н.Г., 1985, табл. XXIX, 1), а также на Нижнем Дону (Крыганов А.В., 1989, с. 104, рис. 2, 8–14). В целом, кавказские кистени однотипны – шарообразной или округлой, слегка приплюснутой с полюсов формы. Их диаметр колеблется от 3,5 до 4,5 см (Схатум Р.Б., 2008, с. 37). Они имеют

отверстие, куда вставлялся железный стержень. Для фиксации последнего в шаре другой его конец расплющивали. Сам стержень имел петлю, за которую крепилась цепь (Дмитриев А.В., 1979, рис. 2, 18). Другой вариант, где стержень, возможно, вставлялся в отверстие и зажимал там, по-видимому, кожаный узкий ремешок, продетый в отверстие (Ловпаче Н.Г., 1985, табл. XXIX, 1, б). Вероятно, аналогичный способ крепления применялся и на рассматриваемом экземпляре из погребения 1 могильника Иль 6.

В золотоордынское время также иногда встречаются кистени в адыгских средневековых погребениях. Например, он найден в погребении 49 Ленинохабльского могильника. Этот экземпляр имеет шарообразную, несколько приплюснутую с полюсов форму. Диаметр – 4,5 см, высота – 3,3 см, вес – 200 гр. Отверстие, в которое продевался ремень, сжатый металлическим стержнем, суживается наподобие вытянутого усеченного конуса, что не давало железному шару съезжать вниз. Сверху имелся железный гвоздь, шляпка которого перекрывала верхний диаметр отверстия, что не позволяло боевой части соскочить с ремня¹ (см. напр.: Тарабанов В.А., 1984, с. 167, табл. II, 7).

К одежде, безусловно, относится группа бронзовых предметов: обнаруженные позолоченные пуговицы, по форме, близкой к грушевидным, и два бронзовых кольца, находившихся на тазовых костях, под наконечниками стрел.

Расположение пуговиц частично нарушено, но в целом определяется то, что они находились вдоль позвоночного столба. В ходе разложения тела и тканей одежды они провалились вниз к позвоночным костям и ребрам.

Близкие по форме и материалу пуговицы встречены в ряде могильников Закубанья и Черноморского побережья: Колосовка 1 (курган 2), Ленинохабльский, Абинский 4, Ахтырский лиман, Цемдолинский и др. (Дитлер П.А., 1961, табл. XVIII, 7, XIX, 6; Носкова Л.М., 1999, рис. 6, 2; Пьянков А.В., 1993, с. 131, рис. 5, 9, 11, 13–15, 24; 4, 20, 7, 6, 8, 9–11, 10, 2, 3²; 2000, рис. 4, 8;

¹ В.А. Тарабанов, отнес это изделие к боевому напершию булавы.

² Правда, автор, кроме п. 8, отнес остальные к бубенчикам.

Сорокина И.А., 2001, с. 131, рис. 58, 7; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, рис. 47, 26, 55, 3, 56, 13). П.А. Дитлер датировал могильник Колосовка 1 X–XI вв., а по уточненным данным он отнесен ко второй половине X – первой половине XI в. (Пьянков А.В., Цокур И.В., 2011, с. 160). Наиболее вероятная датировка могильников Абинский 4 и Циплиевский – XII в. (Пьянков А.В., 1993, с. 136; 2000, с. 21), а Ленинохабльского некрополя – конец XI в. (Носкова Л.М., 1999, с. 207–208). Авторы публикации Цемдолинского курганного могильника отнесли погребения из курганов 3, 9 и 10, где были обнаружены похожие пуговицы-бубенчики, соответственно к концу XI – XII в., к концу XI – первой половине XII вв. и середине – второй половине XII в. (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, табл. 6), то есть в целом к XII в.

Бронзовые кольца, вероятно, служили для скрепления концов ремня штанов, о чем свидетельствует место их находок на тазовых костях, а также аналогии в археологическом материале Северо-Западного Кавказа. Вероятно, в них продевался ремешок, концы которого стягивались ниже живота и завязывались. Подобные кольца, в том числе и из железа, нередко встречаются в золотоордынское время в ингумациях, например, в п.п. 1 и 3 кургана 1 Цемдолинского курганного, п. 3 кургана 6 «Гостагаевская 1» (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с. 38, табл. 6, рис. 4, 1, 44, 15, 45, 8, 10; Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., 2016, с. 70, рис. 11, 1, 2) и в целом ряде других могильников этого времени, а также, возможно, кремациях XII века, таких как, например, Абинский 4 (Пьянков А.В., 1993, с. 132, рис. 4, 1, 2, 9, 10, 20, 6, 19, 21, 7, 19, 10, 31).

Единственному обнаруженному в погребении красноглиняному кувшину с отбитым горлышком, точной аналогии найти не удалось. Однако, судя по тесту и его качеству, не вызывает сомнений, что он изготовлен не позднее чем в конце XII – первой половине XIII в. Близкий по форме «водонос», только с несколько иной ручкой и с украшенным туловом и горлом, обнаружен на Казазовском могильнике (?), отнесенном к первой половине XIII в. (Ловпаче Н.Г., 1982, табл. 11, 1, 14, 127).

Биметаллические удила представляют собой железные грызла с бронзовыми кольцами-пса-

лиями. Они относятся ко Второй градации (по типологии Е.А. Армарчук), это наиболее часто встречаемая группа (Армарчук Е.А., 2006, с. 46). Близкие по форме и размерам аналогии таких удил с бронзовыми кольцами-псалями происходят из погребений 1 и 6 могильника Потомственный, курганов 3 и 9 Цемдолинского курганного могильника и относятся к типу Б I-26 (Армарчук Е.А., 2006, рис. 25, 1, 27, 1; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с. 26, рис. 49, 2, 3, 55, 20, 22, 23). Подобные типы бронзовых кольчатых псалиев известны также в Центральном Предкавказье, в аланских катакомбах XI–XII вв. могильников Кольцо-Гора и Змейский (Савенко С.Н., 1983, рис. 1; Ростунов В.В., 1983, рис. 215). По мнению некоторых исследователей, такие удила являются сугубо местной разновидностью для Северо-Восточного Причерноморья и характерны для населения Северного Кавказа XI–XII вв. (Армарчук Е.А., 2006, с. 47–48).

Представленный тип стремян, относится к типу 2а или, возможно, типу 3 Отдела IV (по типологии Е.А. Армарчук) (Армарчук Е.А., 2006, с. 22–24, рис. 8, 9). К сожалению, из-за сохранности верхнего края стремян сложно точнее определить, был ли у них абрис заостренным, клиновидной формы или нет. Однако узкие прорезы для путлища и общая конфигурация сближают их с типом 2а Отдела IV.

Аналогии подобному типу стремян известны как в Закубанье, так и на Черноморском побережье: п. 28 Абинского 4, п. 5 Циплиевского могильников, случайные находки на разрушенном некрополе Ленинский путь, а также в курганах 4, 6, 9 и 14 курганного и п. 31 грунтового Цемдолинских могильников (Пьянков А.В., 1993, рис. 10, 29; 2000, рис. 4, 3; Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, рис. 11; Армарчук Е.А., 2006, с. 22–24, рис. 7, 4, 5, 8, 16, 3, 4; Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, рис. 50, 4, 6; 53, 26; 55, 18, 25; 61, 1). Похожие на данный тип стремяна встречены в п. 12 Ленинохабльского могильника (Носкова Л.М., 1999, рис. 8, 18).

Стремяна типа IV-2 и IV-3 датированы в пределах соответственно XI–XII вв. и XII – первой половины XIII в. (Армарчук Е.А., 2006, табл. II). Стремяна типа IV-2 отнесены автором к XI–XII вв., хотя приведенные аналогии тяготеют в

основном к XII в. и позднее. Например, такие могильники, как Абинский 4 и Циплиевский отнесены к XII в. (Пьянков А.В., 1993, с. 136–137; 2000, с. 21), а Ленинохабльский – лишь к концу XI в. (Носкова Л.М., 1999, с. 208). Кроме того, приведенные аналогии из кургана 9 (Армарчук Е.А., 2006, с. 23, рис. 7, 4, 5) и из кургана 4 Цемдолинского курганного могильника датированы соответственно концом XI – первой половиной XII в. и концом XI – XII в. (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, табл. 6, рис. 50, 4, 6, 55, 18, 25). Наконец, п. 31 Цемдолинского могильника «на пашне», где были найдены такого же типа стремяна, отнесено к концу XII – XIII в. (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с. 109, рис. 11, 1). Эти данные позволяют отнести основное время бытования подобных стремян в основном к XII – первой половине, возможно, середине XIII в.

Могильники Абинский 4, Черноклен, Циплиевский оставлены населением, принадлежащим к средневековой культуре адыгов (Пьянков А.В., 1993, с. 136–137; 2000, с. 22; Схатум Р.Б., 2008, с. 72, 73). Цемдолинский могильник, где известны аналогии материалам рассматриваемого комплекса, исследователи в целом связывают с «зихо-касожским объединением» X–XIII вв. (Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014, с. 59), то есть также с предками современных адыгов.

Таким образом, совокупность представленных аналогий ряда предметов и их датировок позволяет отнести погребение 1 могильника Иль 6 ко второй половине XII – первой половине XIII вв. и включить его в круг комплексов, оставленных средневековыми предками современных адыгов.

ЛИТЕРАТУРА

Армарчук Е.А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.
 Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Армавир; М. Вып. 3.
 Армарчук Е.А., Дмитриев А.В., 2014. Цемдолинский курганно-грунтовой могильник. М.
 Бацанюк И.С., Схатум Р.Б., 2015. Средневековые погребения близ урочища Боханова Поляна (Крымский район Краснодарского края) // V Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и в средневековье: Материалы международной археологи-

ческой конференции (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.). Краснодар.

Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., 2016. Воинское средневековое захоронение из могильника «Гостагаевская 1» (Краснодарский край) // VI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и в средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2016 г.). Краснодар.

Дитлер П.А., 1961. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // СМАА. Майкоп. Т. II.

Дмитриев А.В., 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. Вып. 158.

Крыганов А.В., 1989. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Ловначев Н.Г., 1985. Могильники в устье реки Псекупс // ВАА. Майкоп.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. (лук, стрелы, самострел) // САИ. М. Вып. E1–36.

Носкова Л.М., 1999. Кремационный урновый могильник близ бывшего а. Ленинохабль в Адыгее // Материальная культура Востока. М.

Пьянков А.В., 1993. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар.

Пьянков А.В., 2000. Биритуальный средневековый могильник Циплиевский из Западного Закубанья: предварительное сообщение // Вестник Абинского народного музея. Абинск. Вып. 3.

Пьянков А.В., Цокур И.В., 2011. О реконструкциях сабли из могильника Колосовка-1 (Адыгея) // Военная археология. М. Вып. 2.

Ростунов В.В., 1983. Отчет о раскопках Змейского катакомбного могильника в Кировском районе СО АССР в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11371.

Савенко С.Н., 1983. Конские захоронения на могильнике X–XII вв. Кольцо-Гора // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе.

Сорокина И.А., 2001. Курганные могильники Закубанья. Краснодар.

Схатум Р.Б., 2008. Военное дело адыгов в средние века (вторая половина VIII – XVII вв.): дис. ... канд. ист. наук. Майкоп.

Схатум Р.Б., 2012. Предметы вооружения Убинского могильника: общая характеристика и датировка // Первые Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. К 70-летию исследования Убинского могильника. Материалы межрегионального круглого стола (г. Краснодар, 9 июня 2011 г.). Краснодар.

Тарабанов В.А., 1984. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // ВАА. Майкоп.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАА – Вопросы археологии Адыгее

САИ – Свод археологических источников

Рис. 1. Погребение 1 грунтового могильника Иль 6. Вид с юга

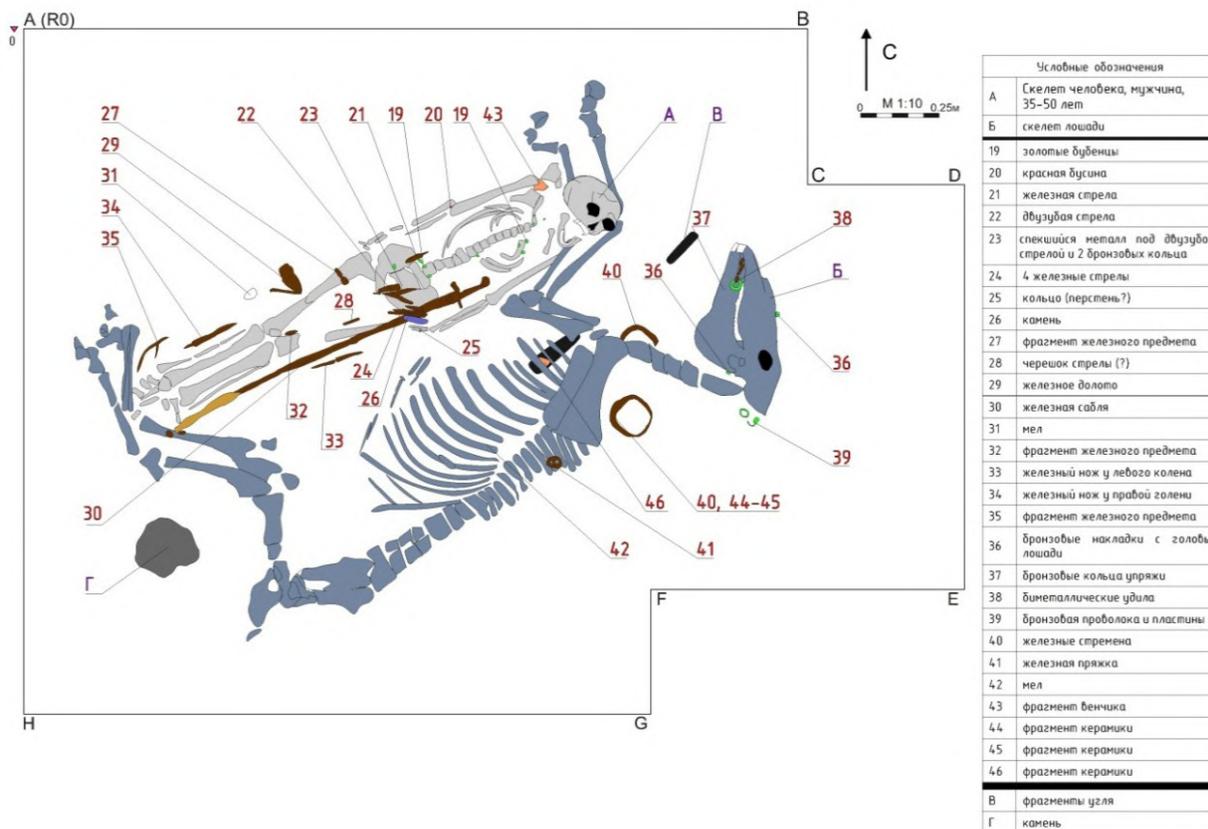

Рис. 2. План погребения 1 могильника Иль 6

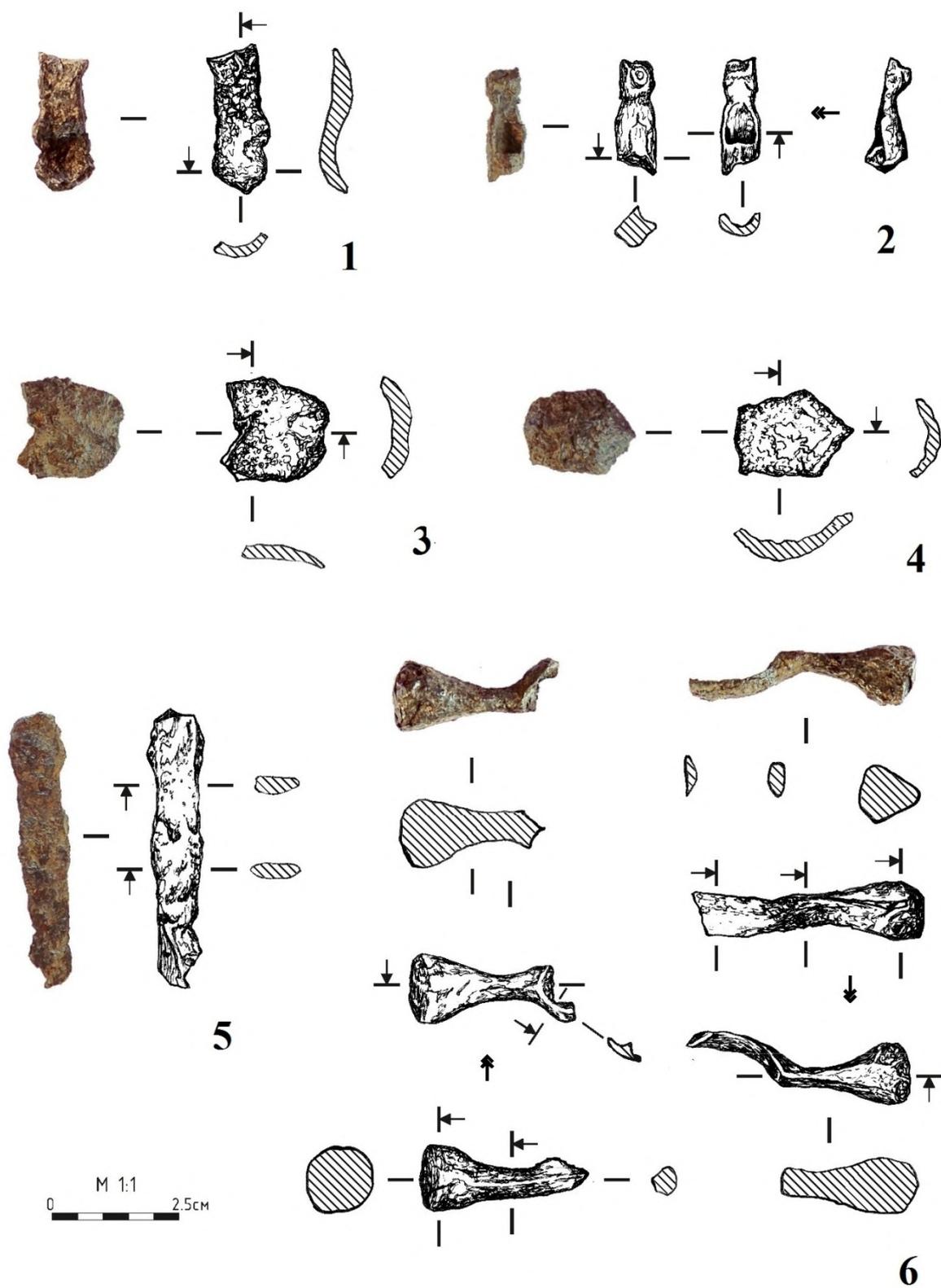

Рис. 5. Погребение 1 могильника Иль 6: 1-5 – детали сабельной гарнитуры, 6 – перекрестие; 1-6 – железо

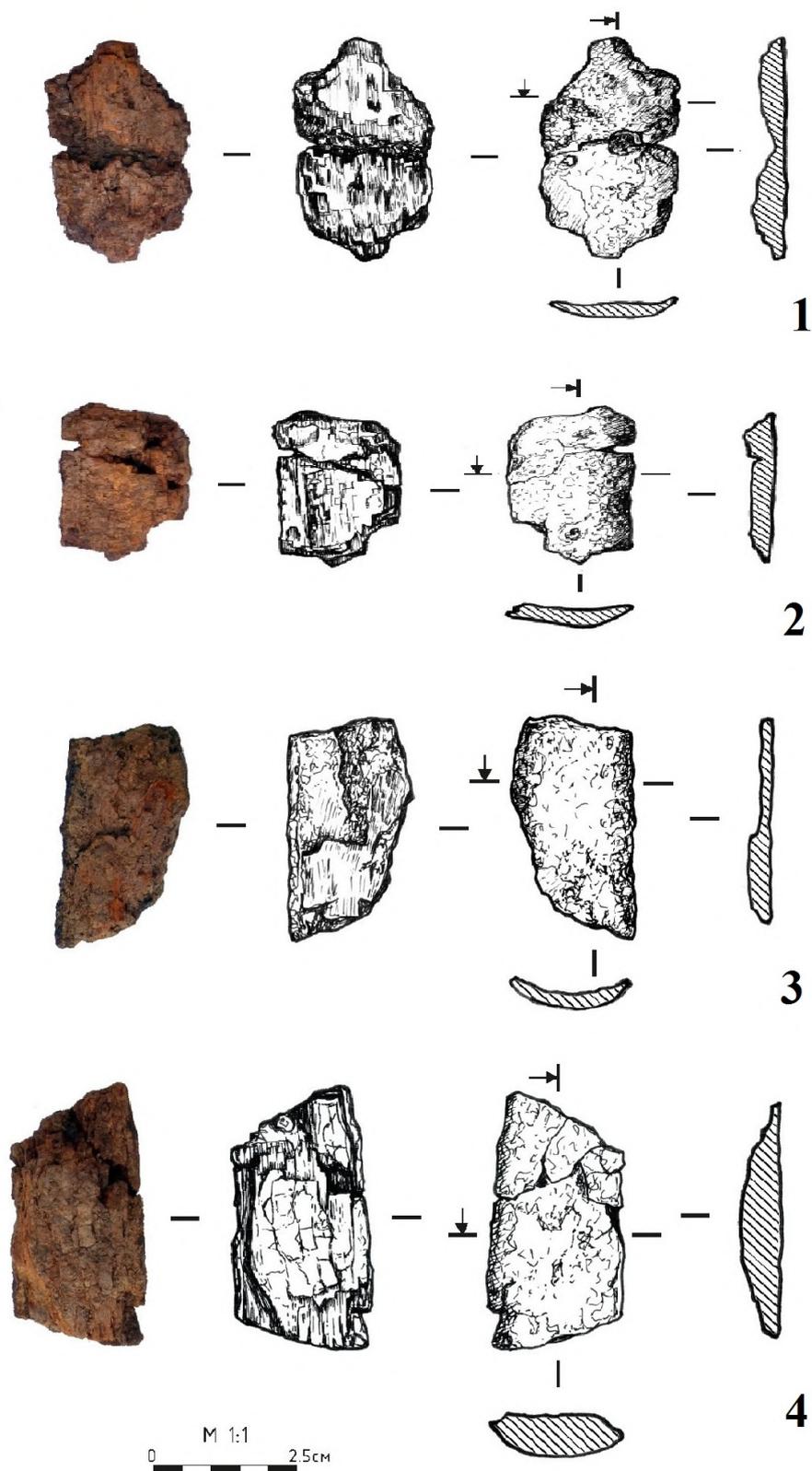

Рис. 6. Погребение 1 могильника Иль 6: 1-4 – фрагменты ножен сабли; 1-4 – дерево

Рис. 7. Погребение 1 могильника Иль 6: 1-4 – фрагменты ножен сабли; 1-4 – дерево

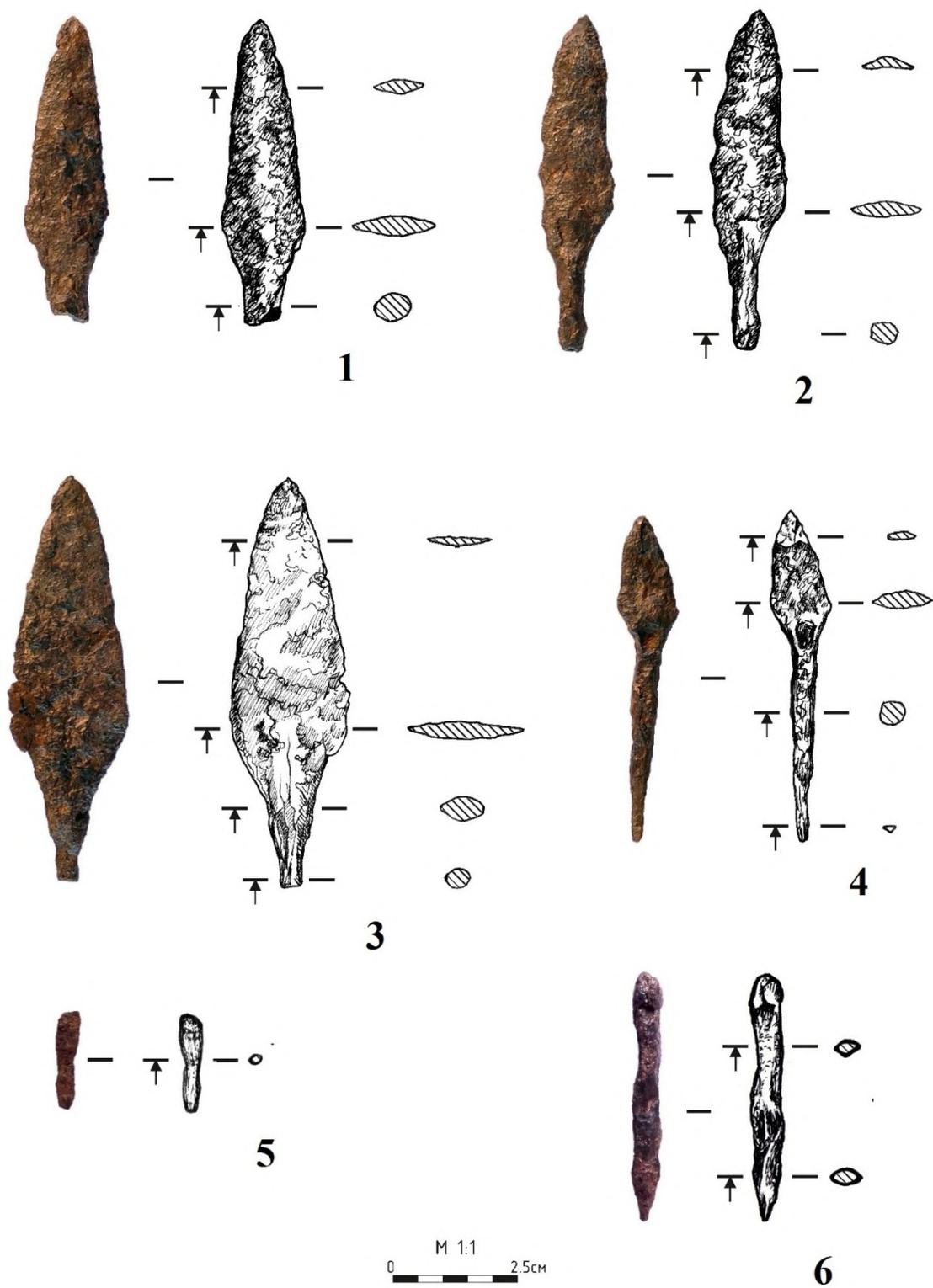

Рис. 8. Погребение 1 могильника Иль 6. На тазовых костях: 1-4 – наконечники стрел, 5-6 – черешки от наконечников стрел (?); 1-6 – железо

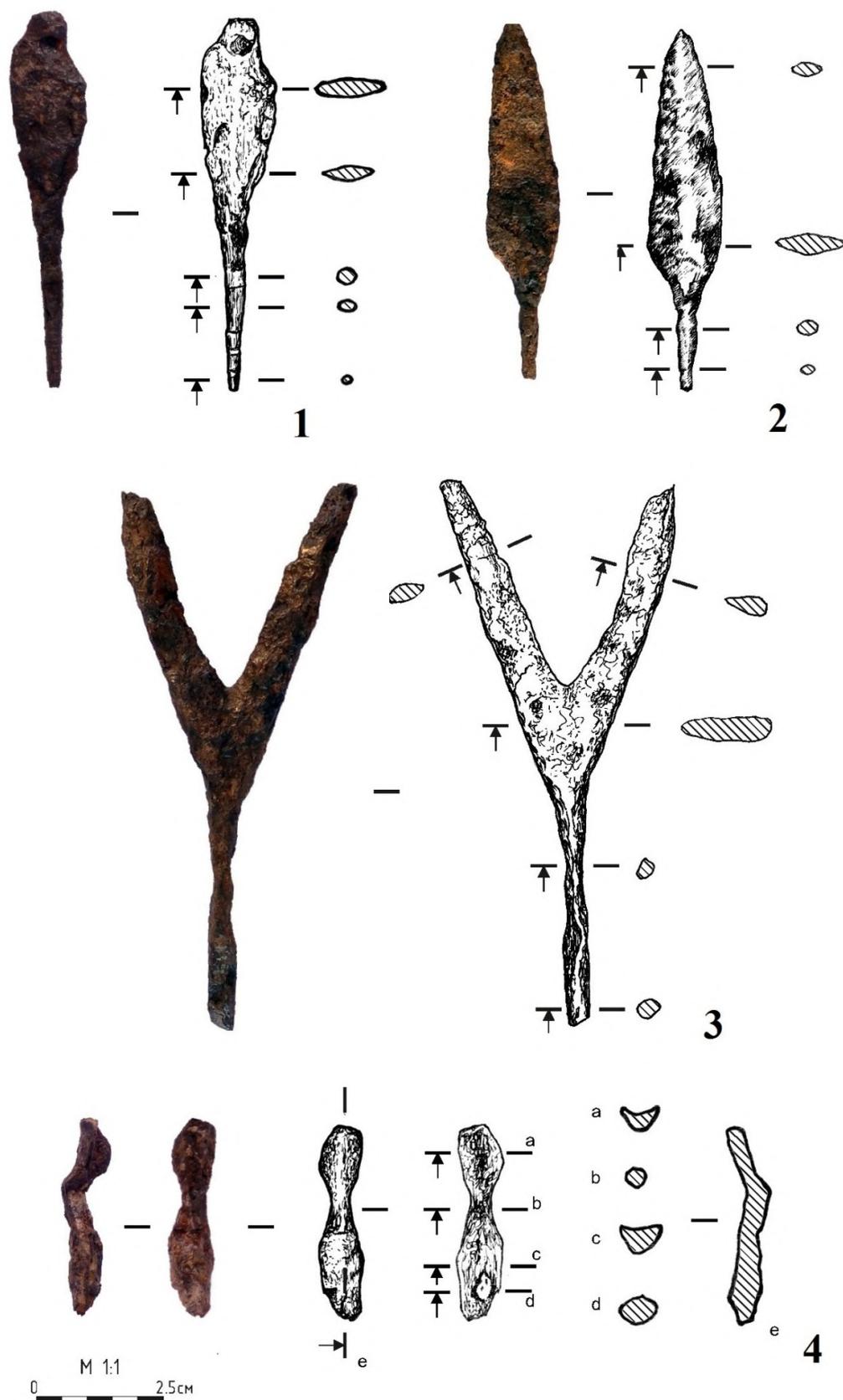

Рис. 9. Погребение 1 могильника Иль 6. На тазовых костях: 1–2 – черешковые двухлопастные наконечники стрел (2 – с правого бедра), 3 – черешковый двурогий наконечник стрелы, 4 – колчанная скоба; 1–4 – железо

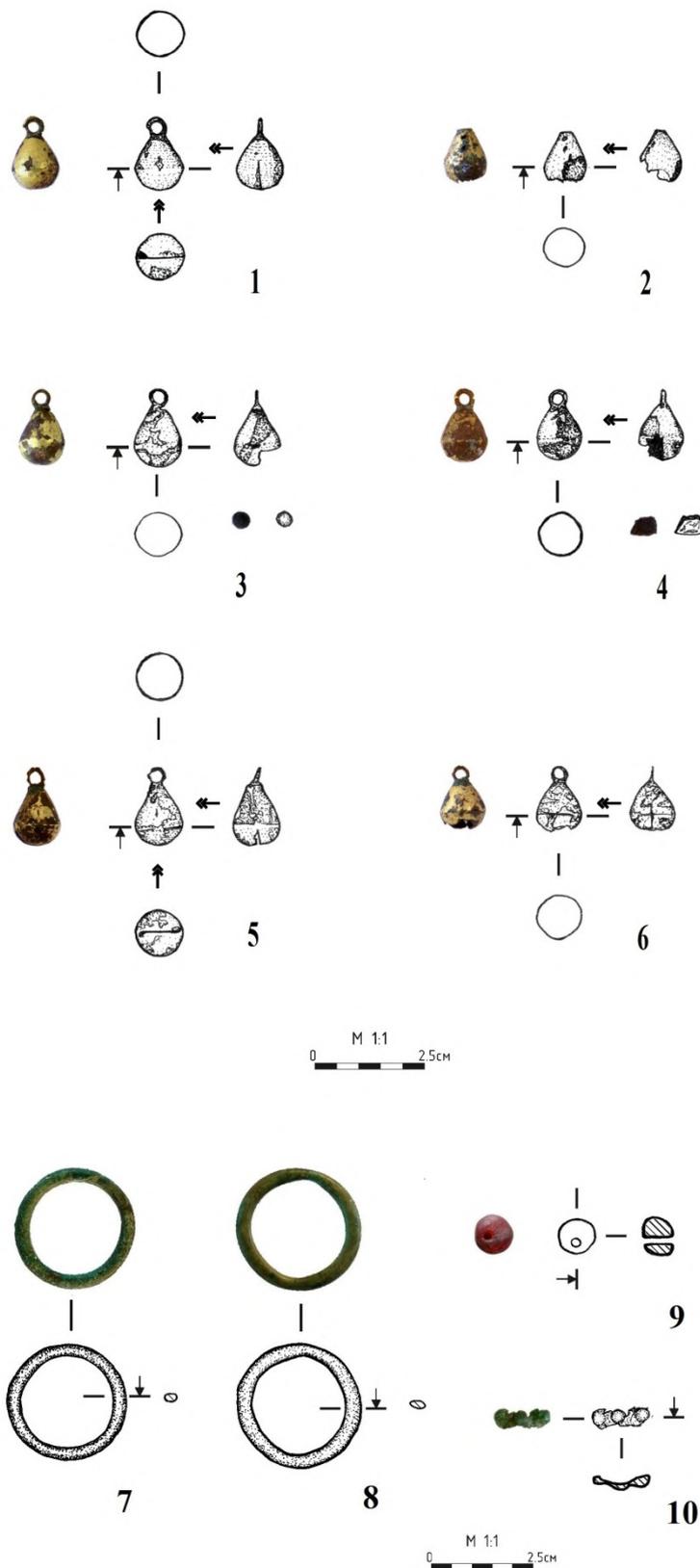

Рис. 10. Погребение 1 могильника Иль 6. Детали одежды: 1–6 – пуговицы с тазовых костей, позвонков, грудной клетки, 7–8 – кольца от поясного ремня, штанов с тазовых костей, 9 – бусина, 10 – фрагмент перстня с левой руки; 1–6 – бронза, позолота, 7–8, 10 – бронза, 9 – красный минерал, агат (?)

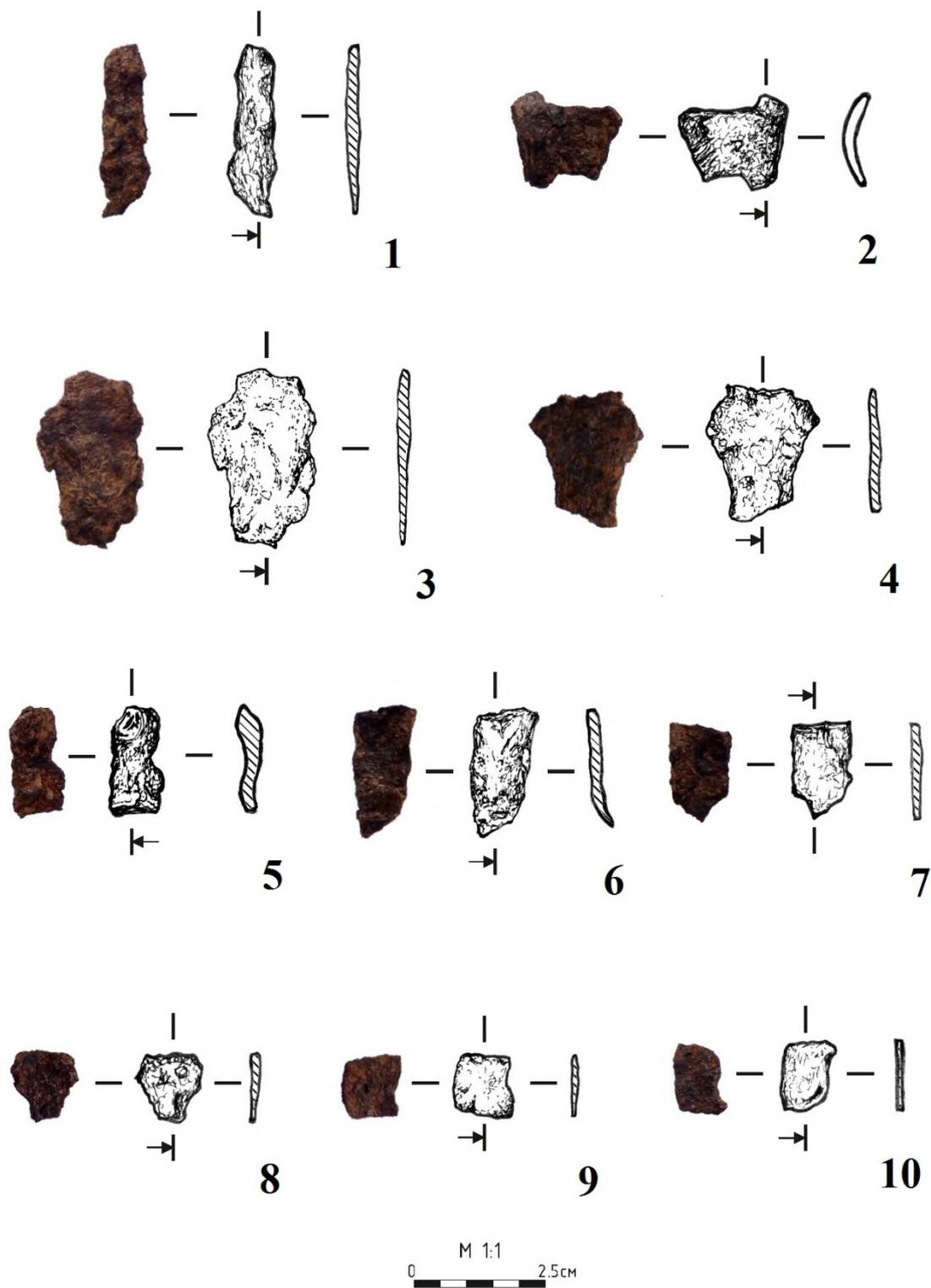

Рис. 11. Погребение 1 могильника Иль 6: Железные предметы, обнаруженные под наконечниками стрел на тазовых костях: 1-10 – фрагменты пластин; железо

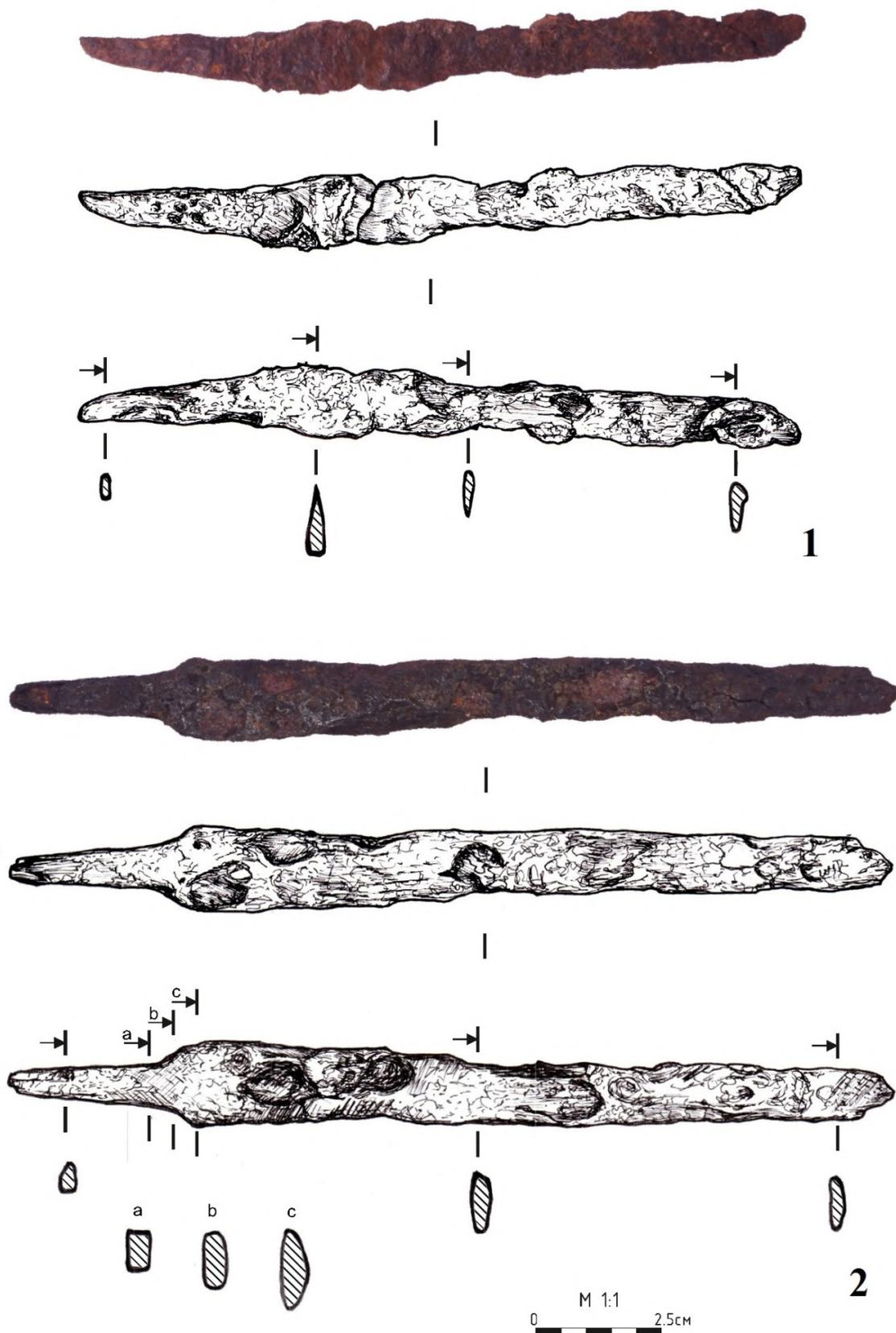

Рис. 12. Погребение 1 могильника Иль 6: 1-2 – ножи; 1-2 – железо

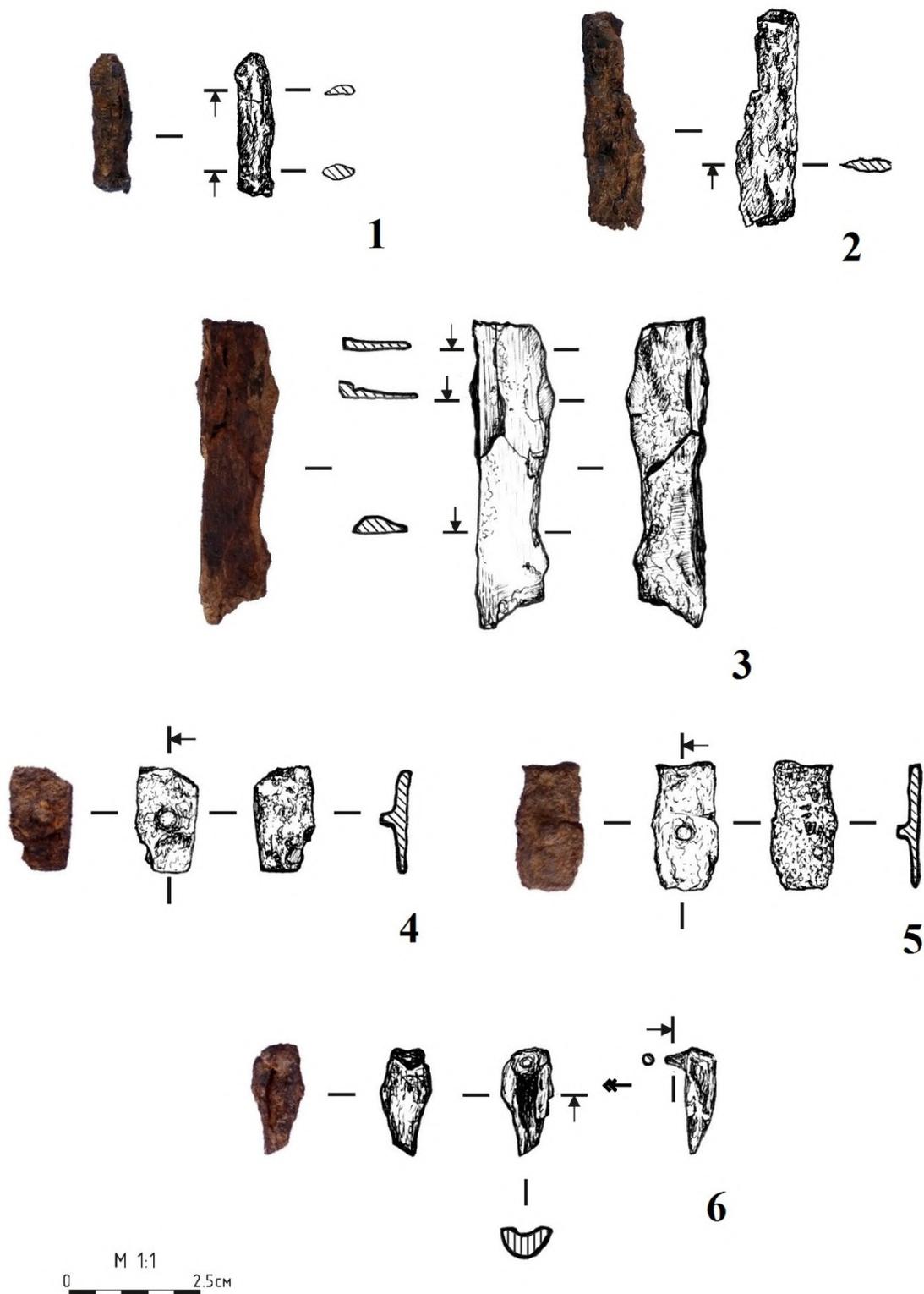

Рис. 13. Погребение 1 могильника Иль 6: 1–2 – фрагменты предметов под двурогим наконечником стрелы на тазовых костях, 3 – фрагмент предмета с остатками дерева (клинок ножа (?)), 4–6 – фрагменты накладки с заклепками; 1–6 – железо

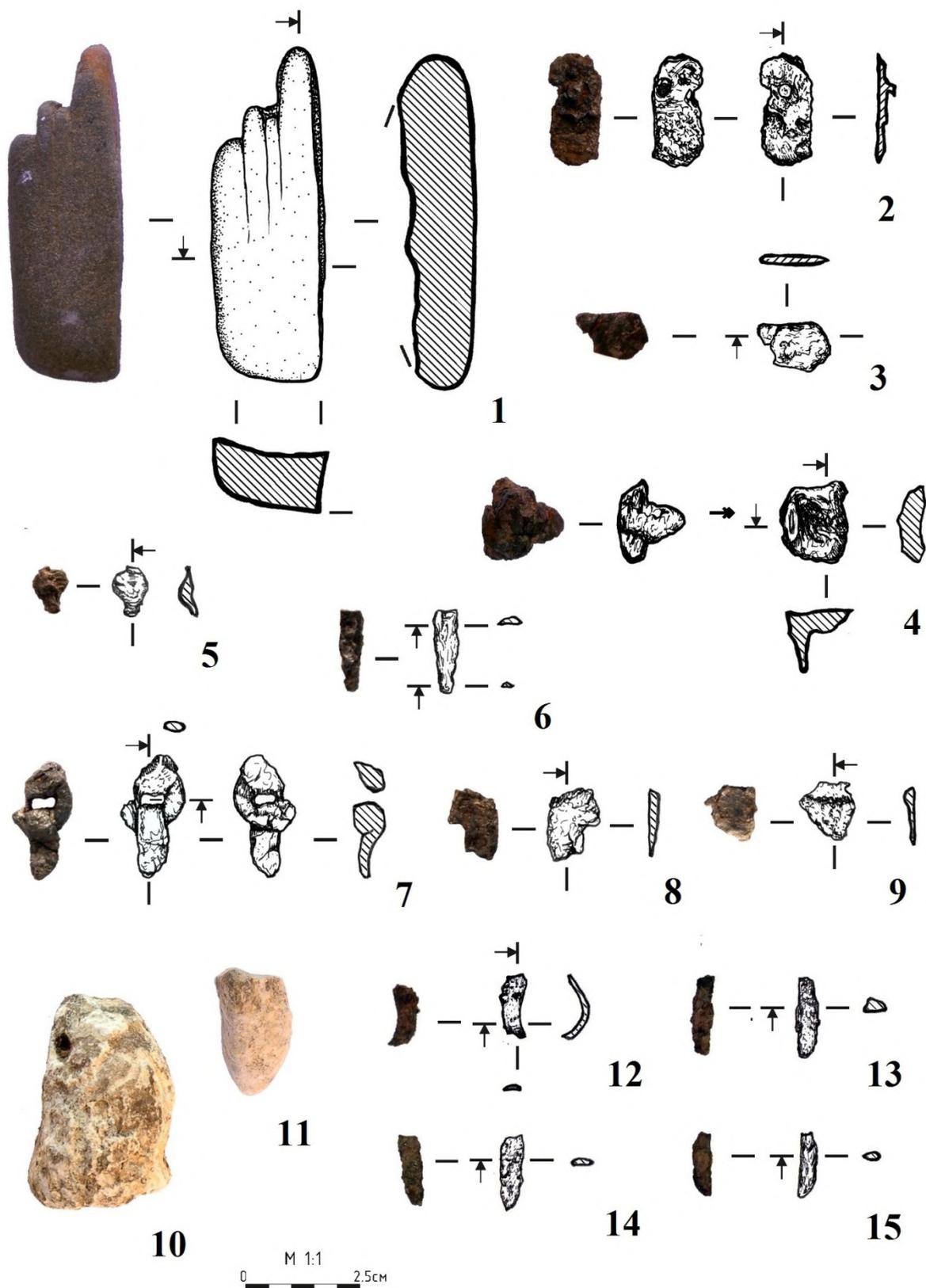

Рис. 14. Погребение 1 могильника Иль 6. Инвентарь в районе ног и таза: 1 – камень в виде «кисти руки» (?) вместе с наконечниками стрел на тазу, 2–4 – фрагменты предмета с верхней части правого бедра, 5–9 – фрагменты предмета между колен, 10, 11 – мел, у правой голени человека и под ребрами лошади, 12–15 – фрагменты предмета с внешней стороны у правой ступни; 1 – камень, 2–9, 12–15 – железо, 10–11 – мел

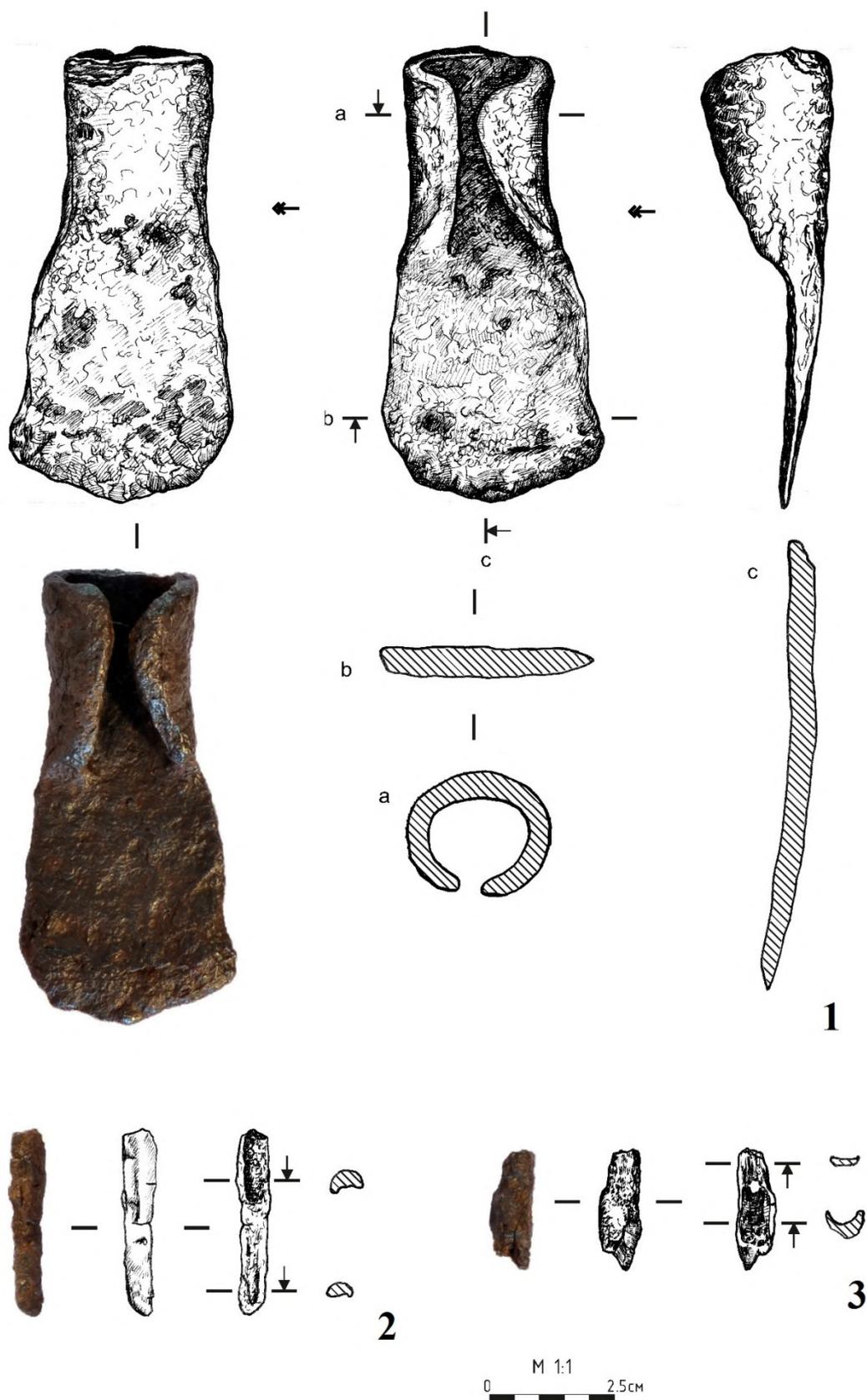

Рис. 15. Погребение 1 могильника Иль 6. Снаружи правого бедра: 1 – тесло, 2 – фрагменты пластины; 1-2 – железо

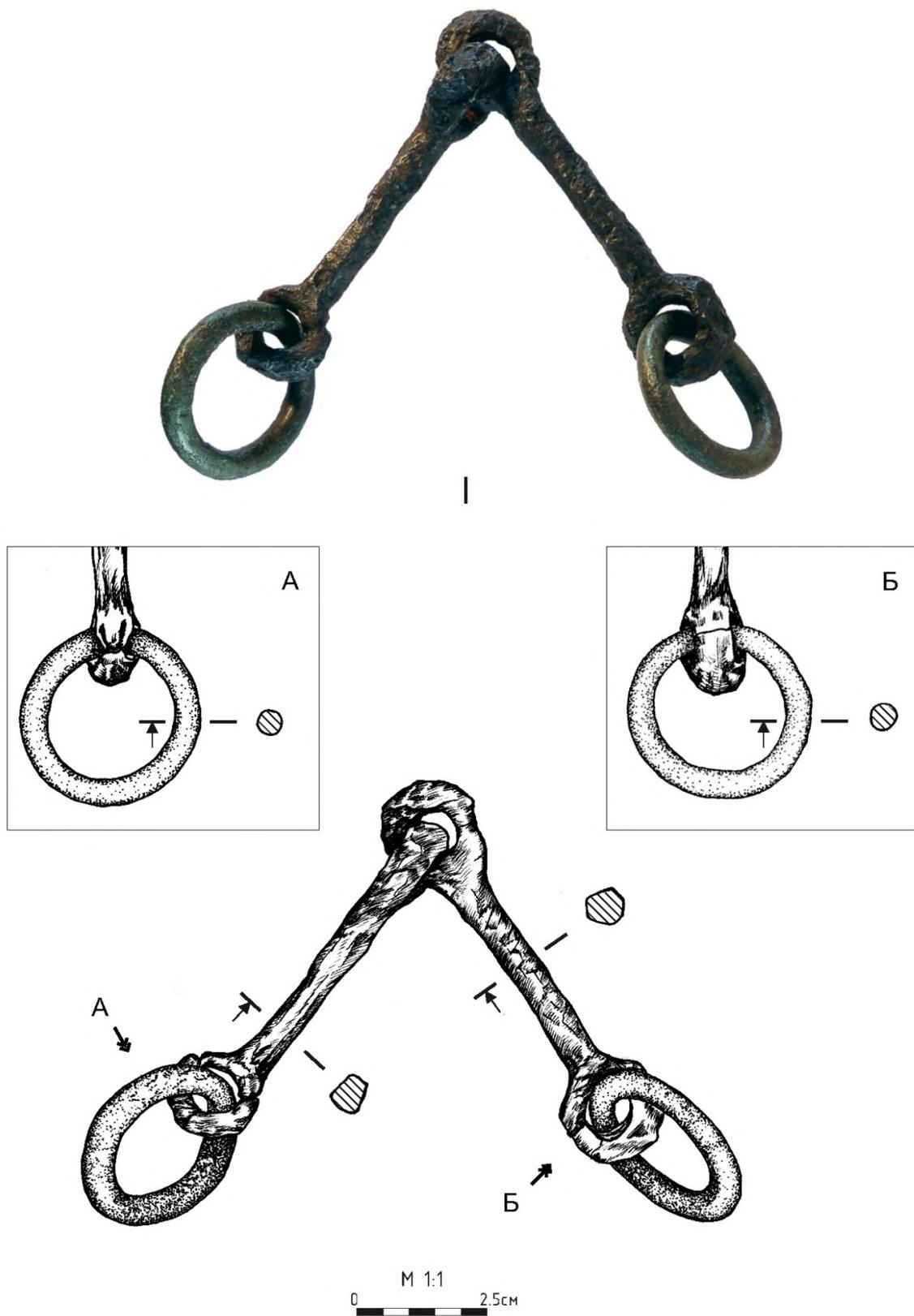

Рис. 16. Погребение 1 могильника Иль 6. Конское снаряжение: биметаллические двусоставные однокольчатые удила; железо, бронза

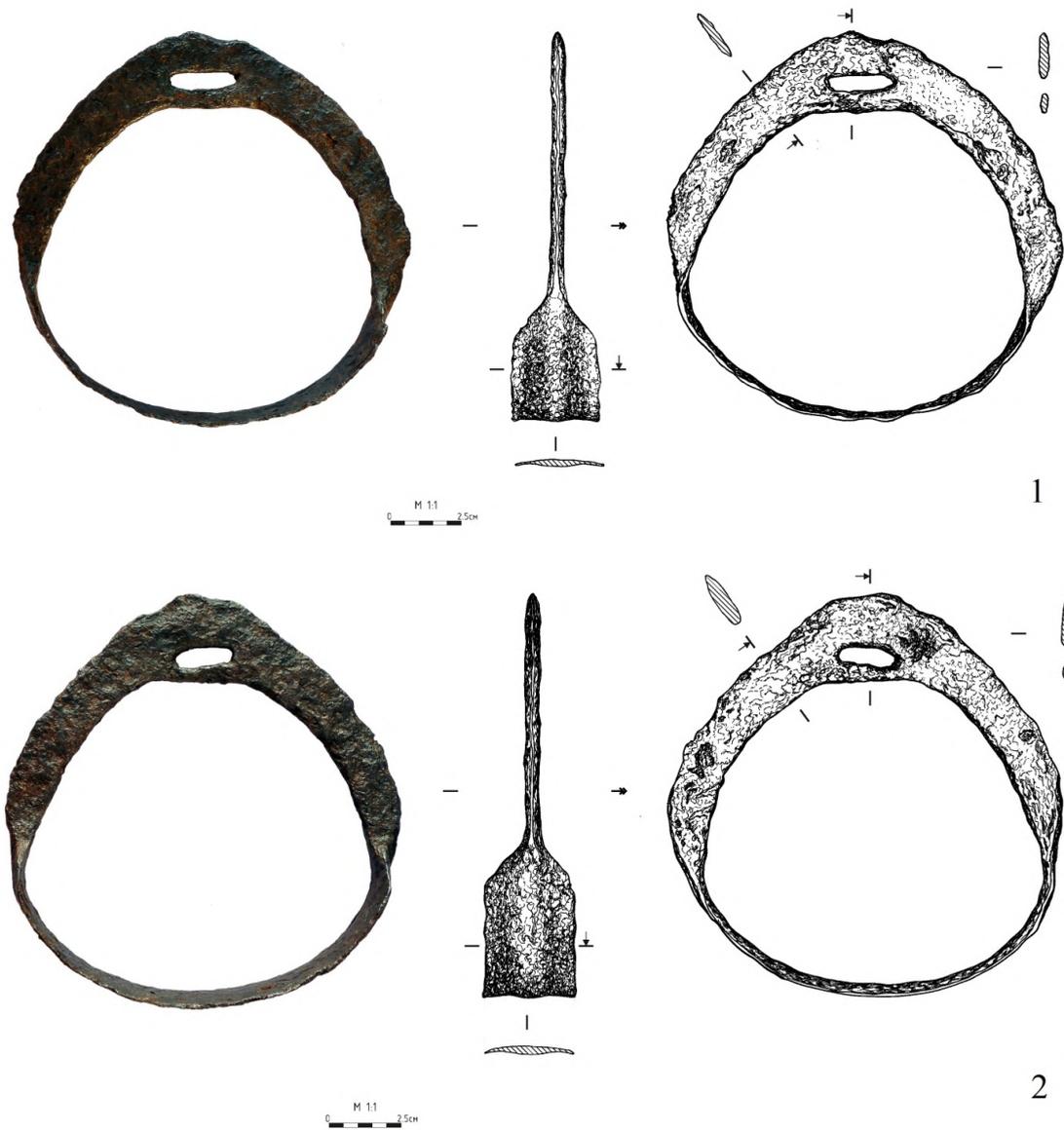

Рис. 17. Погребение 1 могильника Иль 6. Конское снаряжение: 1-2 – округлые стремена; 1-2 – железо

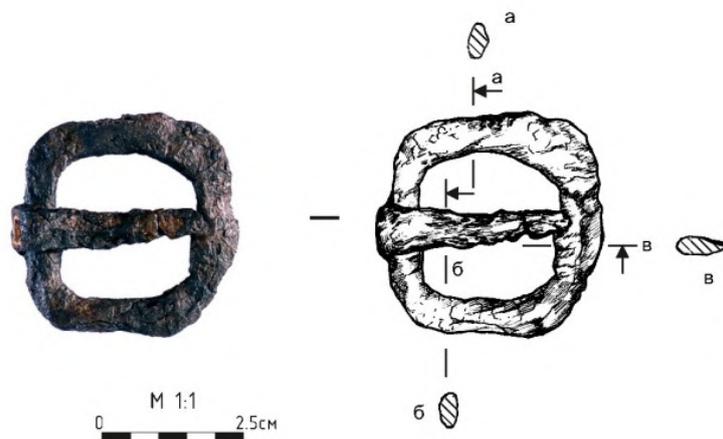

Рис. 18. Погребение 1 могильника Иль 6. Подпружная пряжка. Железо

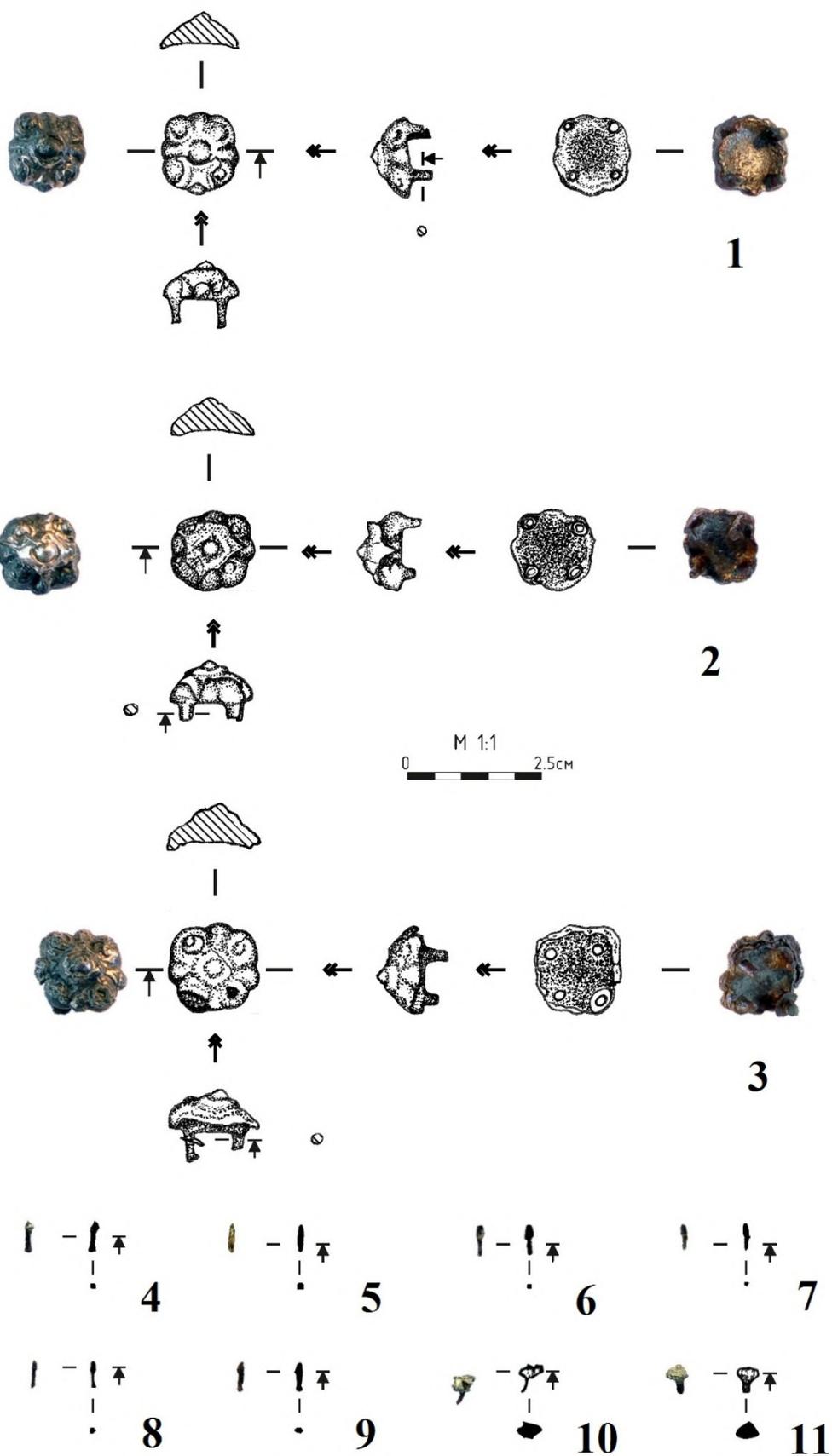

Рис. 19. Погребение 1 могильника Иль 6. Конское снаряжение, обнаруженное на голове лошади, украшение уздечки: 1-3 – накладки с орнаментом с уздечных ремней, с головы лошади; 4-11 – гвоздики; 1-11 – бронза

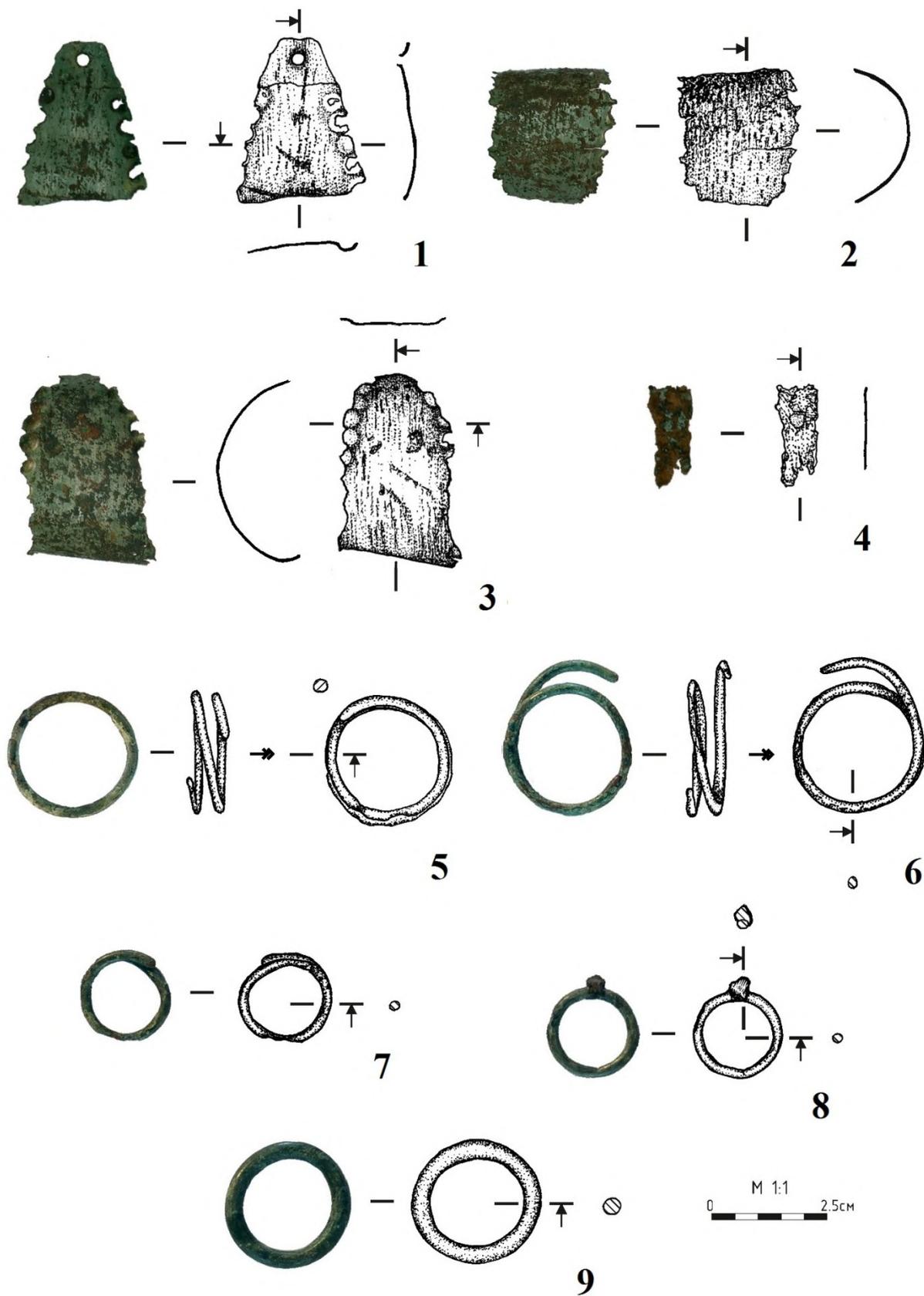

Рис. 20. Погребение 1 могильника Иль 6. Конское снаряжение: 1-4 – фрагменты пластин, 5-6 – спиралевидные кольца, 7-9 – кольца упряжи; 1-9 – бронза

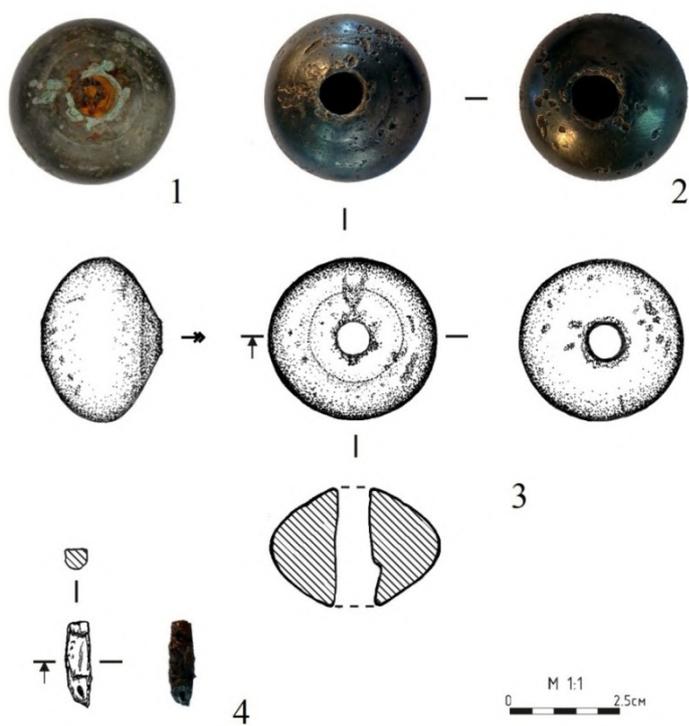

Рис. 21. Погребение 1 могильника Иль 6. Слой 2, над погребением. Кистень:
 1 – до реставрации, 2 – после реставрации (верх и низ), 3 – прорисовка,
 4 – штапик от кистеня; 1-3 – бронза, 4 – железо

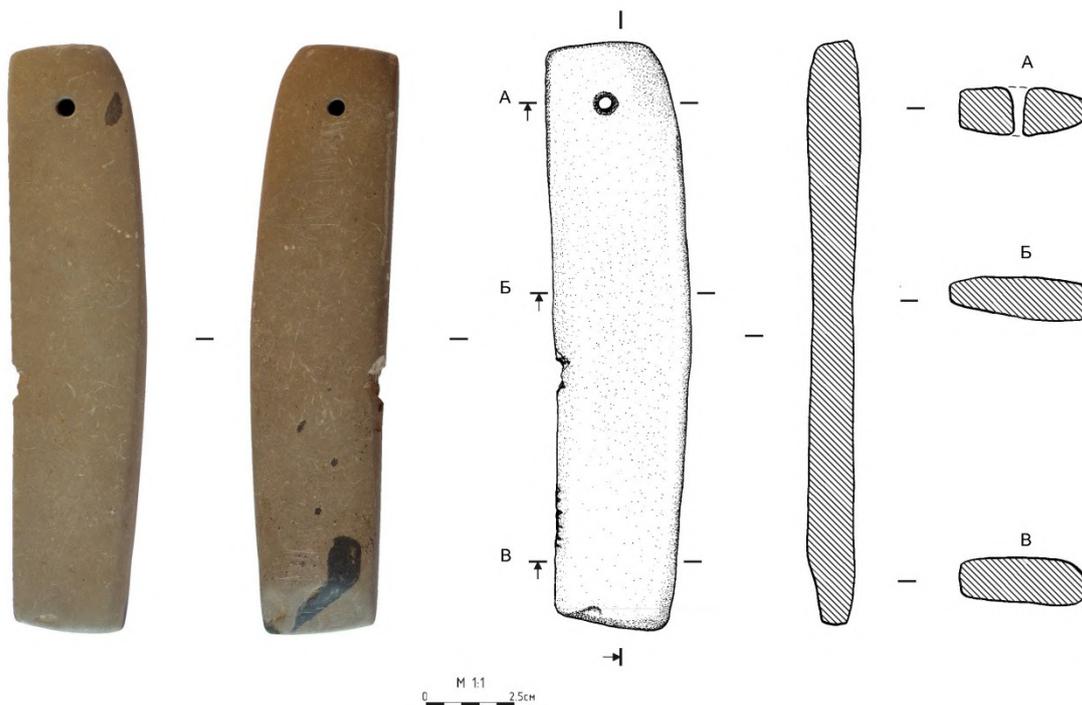

Рис. 22. Погребение 1 могильника Иль 6. Слой 2, над погребением. Оселок; камень

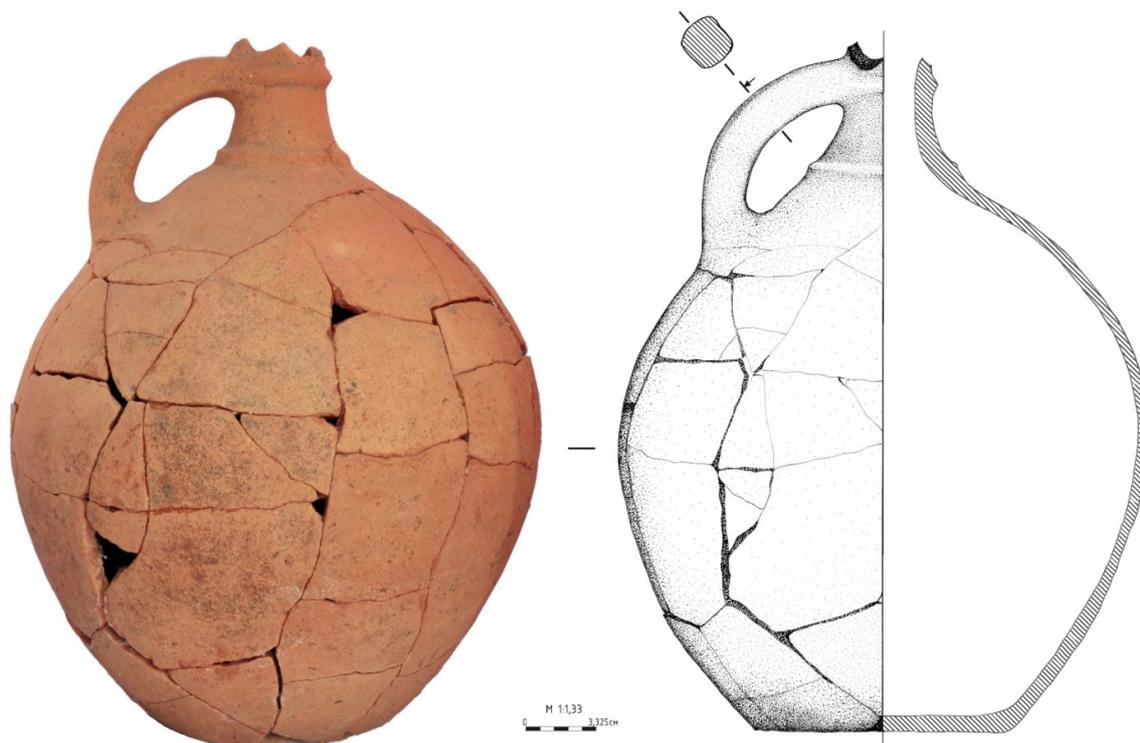

Рис. 23. Погребение 1 могильника Иль 6. Слой 2, над погребением. Красноглиняный кувшин

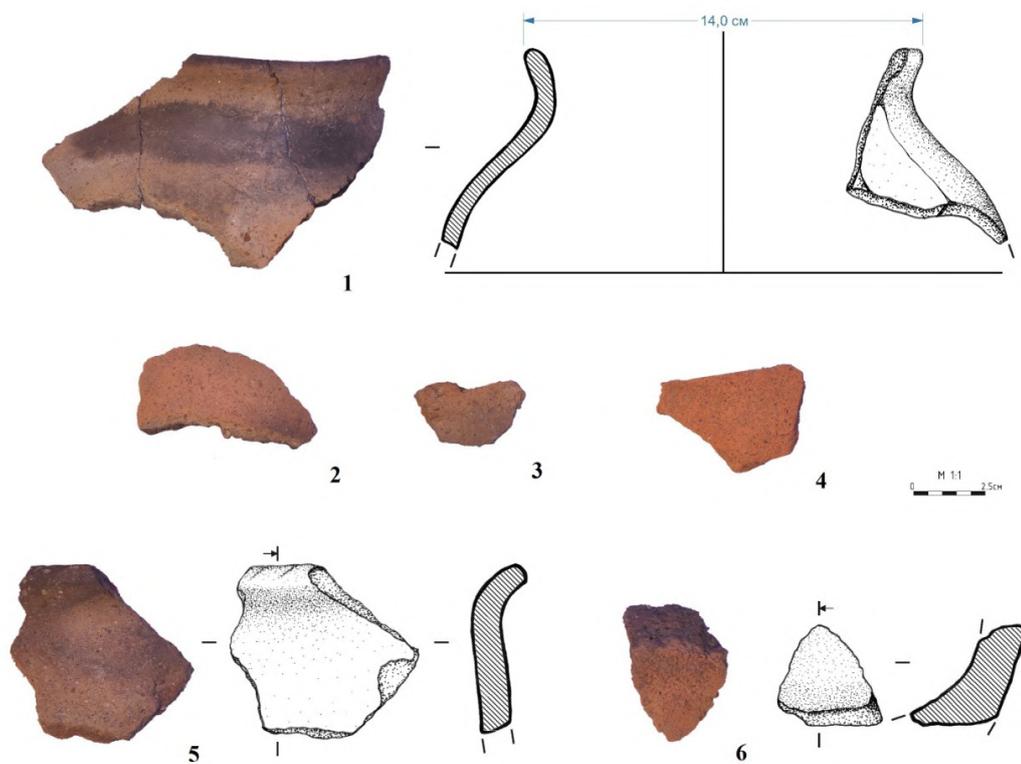

Рис. 24. Погребение 1 могильника Иль 6. Фрагменты керамики: 1 – от венчика, с правого плеча погребенного, 2–3 – под правым стременем, 4 – с углей, 5–6 – из заполнения ямы

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК КУРГАНА В АНАПСКОМ РАЙОНЕ

.....

В сезон 2011 года Краснодарским археологическим отрядом «Южно-Российского центра археологических исследований» был исследован небольшой, высотой до 0,8 м курган, который находился у античного поселения «Гостагаевское-Западное» на левом берегу р. Гостагайка, в 700 м к востоку от устья балки Акимчишина (Глубокая), в 2,4 км к востоку от хутора Красная Скала (рис. 1). Курган был насыпан в эпоху бронзы. В его пределах нами было исследовано 2 объекта и 13 погребений (рис. 2). Курган был насыпан над погребением № 10, которое предположительно было совершенно в эпоху средней бронзы. К этому времени, может, немного позже, относится и погребение № 1. Затем в пределах кургана начал функционировать могильник, девять погребений которого (№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 11, 12, 13) датируются XV–XVI вв. н.э. Погребениям № 8 и № 9 дать историко-культурную атрибуцию затруднительно, между тем их расположение среди позднесредневековых комплексов, возможно, говорит о том, что они также являются частью могильника.

Погребения и объекты, исследованные в результате раскопок кургана

Объект № 1 (рис. 4, 1)

Объект был обнаружен в северном секторе кургана, в слое суглинка бурого цвета. Объект состоял из беспорядочного скопления камней известняка белого цвета и фрагментов коричневоглиняного лепного сосуда. Крупный камень размерами 35×30 см лежал в северном краю скопления, к югу от него находились фрагменты лепного горшка вперемешку с мелкими камнями. Также несколько камней располагалось к западу и один к северу от основного скопления.

Объект № 2 (рис. 4, 2)

Объект обнаружен в центральной части кургана по пятну древесного тлена перекры-

тия ямы в суглинке светло-серого цвета. Пятно округлой формы, по краям пятна находился светлый грунт. Древесный тлен коричневого цвета располагался по всему периметру пятна. В центральной части на древесном тлене лежала тонкая камышовая прослойка пепельно-белого цвета. Яма прослежена в придонной части, глубина ямы от прослеженного края – от 0,24 до 0,35 м. Стенки ямы неровные, сужаются к дну. Дно неровное, плавно понижается к юго-восточному краю. Размеры ямы составили 1,83 × 1,86 м. В заполнении ямы археологический материал отсутствовал.

Погребение № 1 (рис. 5, 1). Впускное.

Погребение было выявлено в северном секторе кургана по фрагментам костей человека. Могильная яма не прослеживалась. Погребенный лежал на правом боку, сильно скорченно, головой на Восток. Сохранность костяка неполная, скелет сохранился фрагментарно. Руки погребенного прижаты локтями к туловищу, сведены вместе, кисти подтянуты к лицу. Ноги также сведены вместе и подтянуты коленями к груди. Перед лицевыми костями черепа и коленями, на небольшом удалении, был зафиксирован необработанный плоский камень бело-желтого цвета (известняк). К северу от берцовых костей находились фрагменты коленной чашечки. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха бронзы.

Погребение № 2 (рис. 5, 2). Впускное.

Погребение было обнаружено в юго-восточном секторе кургана. Могильная яма не прослеживалась. В погребении находились два костяка человека, лежащих друг на друге на спине, головами на юго-запад. Череп верхнего костяка (скелет № 1) слегка развернут влево, плечи сильно сведены, руки также сведены, проходили диагонально общей оси скелета, кистями между крыльев таза. Ноги немного согнуты в коленях таким образом, что коленные чашечки находятся немного выше по отношению к тазу

и ступням. Ступни сведены вместе. Судя по положению костей, погребенный был связан.

Нижний костяк (скелет № 2) лежал вытянуто на спине. Череп покоился на затылке. Руки вытянуто вдоль тела, ноги лежали прямо. У нижней челюсти, в районе шеи, были обнаружены бронзовая серьга № 1 и бронзовая бусина-подвеска № 2. На фалангах пальцев правой руки находился бронзовый перстень № 3. Вдоль правой берцовой кости лежали железные ножницы № 4.

Культурно-историческая атрибуция: XV–XVI вв. н.э.

Инвентарь:

– Серьга бронзовая № 1. Представлена согнутой в округлую форму бронзовой проволокой, один конец отогнут вниз и на нем располагается надета маленькая белая округлая бусинка.

– Бусина-подвеска № 2, бронзовая, округлая, с отверстием, в которое вставлено небольшое крепление с ушком для подвешивания.

– Перстень бронзовый № 3. Шинка округлой формы, с внешней стороны орнаментирована по всей окружности по центру пунктирной выпуклой линией, по краям с обеих сторон по окружности находится невысокий бортик. Щиток квадратной формы, высокий, глухой каст обрамляет квадратный камень полупрозрачного красного цвета (сердолик?). Рант прямоугольной формы, выделен, волнообразный.

– Ножницы железные № 4, шарнирного типа. Состоят из двух частей, скрепленных клепкой. Кольца округлой формы, ручка (рычаг) тонкая, округлая в сечении.

Погребение № 3 (рис. 6). Впускное.

Погребение было обнаружено в юго-западном секторе кургана. Погребение было сильно разрушено грызунами, следов могильной ямы не прослеживалось. В погребении находились три человеческих костяка, два взрослых и один детский, головами на юго-запад. Костяк № 1 лежит вытянуто на спине. Руки вытянуты вдоль тела, у левой кисти, вдоль лучевых костей предплечья, находился железный нож № 1. От ножа сохранились остатки деревянной ручки с бронзовой заклепкой. У таза, на левой бедренной кости, находилась железная пряжка № 2.

Костяк № 2 находился слева от костяка № 1. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. Нижняя челюсть смещена и лежит на правом боку. Руки были сложены на груди. Левая нога лежит прямо, правая слегка развернута в сторону костяка № 1 и согнута в колене. Стопы ног сведены вместе. На левом крыле таза находились железные ножницы № 3.

Костяк № 3 принадлежал ребенку, находился между левой берцовой костью костяка № 1 и правой берцовой костью костяка № 2 и ориентирован головой на юго-запад. Сохранность костяка неполная, сохранилась лишь верхняя часть черепа и кости ноги. Судя по расположению костей, ноги были согнуты в коленях под прямым углом и немного подтянуты коленями вверх. В области шеи были обнаружены бронзовая и стеклянная бусины № 4, бронзовая серповидная подвеска № 5, бронзовая ромбическая пластинка № 6 и бронзовая серьга № 7. При разборке погребения под черепом костяка № 1 была найдена монета № 8, под кистью левой руки бронзовый перстень № 9.

Культурно-историческая атрибуция: XV–XVI вв. н.э.

Инвентарь:

– Нож железный № 1, однолезвийный, черенок плоский, по ширине уже клинка. Клинок ровный. Черенок частично фрагментирован, сохранились остатки деревянной ручки с бронзовой полый заклепкой цилиндрической формы.

– Пряжка железная № 2 прямоугольной формы, представлена в виде сомкнутой железной полоски, отверстие прямоугольное, с лицевой стороны имеет форму треугольника.

– Ножницы железные № 3, шарнирного типа, фрагментированы. Состоят из двух частей, скрепленных клепкой. Кольца округлой формы, ручка (рычаг) тонкая, округлая в сечении.

– Стеклянные бусины № 4 (в количестве 2 штук).

а) бусина стеклянная, зеленого цвета, округлая, с небольшими шиповидными литниками с обеих сторон. Со сквозным ровным отверстием для пронизи.

б) бусина стеклянная, желто-зеленого цвета, брусковидная, квадратная в сечении, со сквозным ровным отверстием по центру для пронизи.

– Подвеска серповидная № 5, плоская, со сквозным округлым отверстием с широкого края для подвешивания.

– Бронзовая пластинка № 6, ромбовидная, со сквозным округлым отверстием с одного края.

– Бронзовая серьга № 7, в один оборот с одним загнутым концом.

– Монета бронзовая № 8 подовальной формы, сильно потертая, на одной из сторон плохо различимая тамга ханов династии Гиреев.

– Перстень бронзовый № 9 с небольшим округлым щитком с камнем. Шинка с внешней стороны орнаментирована по окружности вертикально расположенными серповидными вдавленными насечками. Глухой каст обрамляет округлый камень белого цвета.

Погребение № 4 (рис. 7, 1). Впускное.

Погребение было обнаружено в южном секторе. Следов могильной ямы не прослежено. В погребении находилось два костяка, взрослый и детский. Костяк № 1 (взрослый) лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ, череп слегка завален вправо (к черепу костяка № 2). Левая рука вытянута вдоль тела. Правая рука пропущена под костяк № 2, вытянута и соединяется кистью с кистями костяка № 2.

Костяк № 2 (ребенок) находился справа от костяка № 1. Погребенный лежал вытянуто на правом боку, головой на ЮЗЗ, перекрывая левое плечо костяка № 1. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте практически под прямым углом. Кисти сближены вместе между собой и с правой кистью костяка № 1, ноги сведены и слегка согнуты в коленях. Таким образом, ребенок лежал на плече взрослого, спиной к нему и обнимал правую кисть костяка № 1. На костях правой руки, в районе локтя, были обнаружены две стеклянные бусины № 1 и 2, агатовая бусина № 3 и два бронзовых наперстка один в одном № 4, 5. При разборке погребения возле наперстков № 4, 5, под ребрами костяка № 2, были найдены бронзовый наперсток № 6, сердоликовая бусина № 7 и гагатова бусина № 8.

Культурно-историческая атрибуция: XV–XVI вв. н.э.

Инвентарь:

– Бусина стеклянная № 1, округлая, синего цвета с белыми волнообразными полосами,

расположенными хаотично по всей поверхности, со сквозным коническим отверстием по центру для пронизи.

– Бусина стеклянная глазчатая № 2, округлой формы, со сквозным коническим отверстием по центру для пронизи, бежевого цвета, с тремя бежевыми глазками по окружности, в центре глазков расположен небольшой белый глазок с коричневым контуром и маленьким кружком бежевого цвета по центру.

– Бусина агатовая № 3. Бусина крупная, поперечно сжатая, с выточенными гранями по поверхности, по центру сквозное отверстие для пронизи. Серо-черного цвета, с одной стороны частично прозрачно-белая, местами красно-коричневая.

– Наперсток бронзовый № 4, пулевидный, с чеканным пунсоном по окружности, на рабочей поверхности вдавления в виде округлостей.

– Наперсток бронзовый № 5, пулевидный, с чеканным пунсоном по окружности и рабочей поверхности, на рабочей поверхности вдавления в виде креста с расширяющимися концами.

– Фрагмент наперстка бронзового № 6, нижняя часть. Пулевидный с чеканным пунсоном по окружности.

– Бусина сердоликовая № 7, прозрачно-оранжевая, поперечно сжатая, со сквозным отверстием по центру для пронизи.

– Бусина гагатова № 8, округлая, с большим сквозным отверстием по центру для пронизи, матово-черная.

Погребение № 5 (рис. 7, 2). Впускное.

Погребение было выявлено в юго-восточном секторе кургана. Погребение ограблено в древности, в захоронении находились кости трех человек, в большей степени не в анатомическом порядке. Погребение ориентировано своей длинной осью по линии Запад – Восток. Костяк №1 был положен вытянуто. Сохранность неполная, череп находился ниже позвоночника и южнее должного местоположения, теменной частью на Запад. Ребра сохранились фрагментарно, не ясно, к какому из костяков они относятся. Нижняя челюсть находилась на ребрах в удалении от черепа. Бедренная кость левой ноги вывернута перпендикулярно остальному костяку. Кости ног лежат друг на

друге. У черепа № 1 была обнаружена бронзовая серьга № 1.

Костяк № 2 находился вплотную к костяку № 1, к югу от него. Судя по расположению костей, он также был ориентирован на запад. Сохранность костяка плохая, кости перемешаны. Череп № 2 сохранился фрагментарно, лежал теменной частью на Запад, к югу от него, в районе челюсти, была обнаружена бронзовая серьга из витой бронзовой проволоки № 2.

Череп № 3 лежал на отдельных костях ребер, фрагментах челюстей (возможно, черепа № 1) над костями позвоночника и таза костяка № 1. Череп № 3 повернут лицевой частью к черепу № 1.

Культурно-историческая атрибуция: XV–XVI вв. н.э.

Инвентарь:

– Бронзовая серьга № 1, в один оборот с одним загнутым концом.

– Серьга бронзовая № 2, представлена в виде скрученных цепью нескольких тонких бронзовых проволочек, согнутых в полукольцо. Нижняя часть серьги в виде проволочки, на которую накручена пружинкой проволочка с небольшой бронзовой округлой бусинкой на конце.

Погребение № 6 (рис. 8, 1). Впускное.

Погребение было выявлено в южном секторе кургана. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Сохранность костяка неполная, отсутствуют кости левой кисти, левой стопы и большая часть больших и малых берцовых костей. Череп был разрушен грызунами, верхняя челюсть смещена в область теменной части черепа. Судя по положению, голова погребенного была повернута вправо (на юг) и завалена к правому плечу. Руки были вытянуты вдоль костяка, ноги также лежат прямо, слегка сведены в коленях. При разборке погребения под черепом были найдены фрагменты железного ножа № 1.

Культурно-историческая атрибуция: XV–XVI вв. н.э.

Инвентарь:

– Фрагменты железного однолезвийного ножа № 1, с бронзовой полый цилиндрической заклепкой на черенке.

Погребение № 7 (рис. 8, 2). Впускное.

Погребение было выявлено в южном секторе кургана. Следов могильной ямы не прослеживалось. Захоронение парное и включало в себя костяк взрослого и ребенка.

Костяк № 1 (взрослый) лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Сохранность скелета полная. Часть ребер перемещена грызунами, череп завален вправо (на юг). Руки вытянуты вдоль костяка, ноги также вытянуты, ступни сведены вместе. На фалангах левой руки найден бронзовый перстень с камнем светло-зеленого цвета № 1. У правого плеча, к югу от плечевой кости на расстоянии 5 см находился красноглиняный кувшин № 2. У правого локтя, к востоку от сосуда № 2, на пятне тлена черного цвета находился бронзовый наперсток № 3 и две бронзовые серьги с ромбическими бронзовыми подвесками № 4.

Справа от костяка № 1, в области костей таза и ног находился костяк ребенка № 2. Погребенный лежал на левом боку и был развернут в сторону костяка № 1. Сохранность костяка неполная, отсутствовали кости позвоночника, левой руки и стоп ног. Череп лицевой частью прижат к костям предплечья правой руки костяка № 1. Судя по сохранившимся фрагментам плечевых костей, руки были вытянуты вдоль туловища. Ноги согнуты в коленях.

Культурно-историческая атрибуция: XV–XVI вв. н.э.

Инвентарь:

– Перстень бронзовый № 1 с небольшим квадратным щитком со стеклянной квадратной вставкой. Шинка округлой формы, с внешней стороны орнаментирована треугольными фигурами с обеих сторон возле щитка. Стеклянная вставка прозрачно-перламутрового цвета, обрамлена глухим кастом. От верхней части щитка до ранта щиток плавно расширяется, со всех сторон щитка имеются небольшие вдавления полуовальной формы.

– Красноглиняный кувшин № 2, кружальный, толстостенный с плоским дном. Орнаментирован по окружности средней части тулова тремя прорезанными полосами. В основании ручки находится пальцевое вдавление округлой формы. Тесто плотное, мелкопористое, с примесью известняка.

– Наперсток бронзовый № 3, пулевидный, с чеканным пунсоном по окружности, на рабочей поверхности вдавления в виде четырехлистного цветка.

– Серьги-подвески бронзовые № 4 в количестве 2 штук, наборные. Ушное крепление выполнено в виде дугообразной петли, представлено в виде согнутой кольцом бронзовой проволоки (замок – петля). Края не сомкнуты, один край выгнут книзу, второй закручен в ушко, к которому крепится тонкая проволочка, на которую набраны по порядку с верха небольшие бронзовые пластинки, закрученная пружинкой бронзовая проволочка, разделяющая бронзовые бочковидные бусинки.

Погребение № 8 (рис. 9, 1). Впускное.

Погребение было выявлено в юго-восточном секторе кургана. Представляло собой ориентированный лицевой частью на Запад фрагментированный череп человека. Погребение безынвентарное.

Погребение № 9 (рис. 9, 2). Впускное.

Описание: Погребение было выявлено в юго-восточном секторе кургана. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Судя по сохранившимся фрагментам, руки были вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты прямо, слегка разведены. Погребение безынвентарное.

Погребение № 10 (рис. 9, 3). Основное.

Погребение было выявлено в центральном секторе кургана в слое суглинка светло-серого цвета. Глубина от R0 до дна у черепа человека – 1,9 м. Следов могильной ямы не прослеживалось. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал в скорченном положении на правом боку, головой на СЗС. Сохранность костей неполная, сохранились лишь череп, фаланги пальцев, правая бедренная кость, фрагменты костей левой ноги и кости стопы. Череп погребенного лежал на правом боку, развернут лицевой частью на Запад. Фаланги пальцев находились перед тазом, ноги согнуты под острым углом и слегка поджаты. Под областью рёбер и таза, а так же в области стоп прослежены пятна подстилки коричневого и зеленого цветов. У берцовых костей (к югу от них) находилось пятно охры темно-красного цвета. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: эпоха бронзы.

Погребение № 11 (рис. 10, 1). Впускное.

Погребение было выявлено в восточном секторе кургана по костям человека. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на СЗС. Сохранность костяка неполная, отсутствуют череп, большая часть грудной клетки, левая рука. Ноги также сохранились фрагментарно. Судя по сохранившимся костям, руки погребенного были вытянуты вдоль тела, ноги лежали прямо, разведены. Между ног, острием к ступням, лежал железный клинок № 1.

Культурно-историческая атрибуция: XV–XVI вв. н.э.

Инвентарь:

– Клинок железный № 1, однолезвийный, прямой, с легким наклоном в сторону лезвия, без перекрестия и навершия, рукоять была прикреплена к черенку железными клепками (на черенке имеются отверстия для клепок, расположенные парно, вертикально). Рукоять не выделена. На рукояти сохранилась обоймица.

Размеры: длина – 42,7 см, ширина – 2,5 см, ширина спинки – 0,5 см, диаметр отверстий для клепок – 0,4 см, длина лезвия – 30 см.

Погребение № 12 (рис. 10/2). Впускное.

Погребение было выявлено в восточном секторе кургана по костям человека. Костяк человека лежал на спине с поджатыми ногами, головой на Запад. Сохранность костяка неполная. В костяке отсутствуют части бедренных и берцовых костей, также отсутствует одна стопа. Череп лежит на затылке и завален на правый бок к югу. Руки расположены вдоль тела, в локтях согнуты таким образом, что фаланги пальцев находятся в районе плеч. Ноги, судя по сохранившимся фрагментам, были сведены в коленях и слегка поджаты к тазу с левой стороны. Погребение безынвентарное.

Культурно-историческая атрибуция: XV–XVI вв. н.э.

Погребение № 13 (рис. 10, 3). Впускное.

Погребение было выявлено в восточном секторе кургана. Следов погребальной ямы не прослеживалось. Костяк человека лежал вытя-

нуто на спине, головой на Запад. Сохранность скелета практически полная, отсутствуют кости кисти левой руки и фаланги ступни правой ноги. Руки вытянуты вдоль костяка, ноги разведены в коленях и сведены в стопах. Между костями левой руки и ребрами, острием на эпифизе левой плечевой кости находился железный нож №1.

Культурно-историческая атрибуция: XV–XVI вв. н.э.

Инвентарь:

– Нож железный № 1, однолезвийный, черенок плоский, по ширине клинка. Клинок ровный. Черенок частично фрагментирован, сохранились остатки деревянной ручки с бронзовой полый заклепкой цилиндрической формы.

Материал из насыпи кургана (рис. 10, 4).

– Монета серебряная, округлая, хана Менгли Гирея, II вариант, чекан периода первого правления (1468–1472 гг. н.э.)

– Бусина бронзовая, округлая, поперечно сжатая, со сквозным широким отверстием для пронизи по центру.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют погребения эпохи позднего средневековья. На Северо-Западном Кавказе они характеризуются общими признаками: положением погребенных вытянуто на спине, ориентировкой головы на Запад, что нашло отображение и на могильнике кургана у поселения «Гостагаевское-Западное». Четыре захоронения были ориентированы на юго-запад, но, по нашему мнению, здесь возможно имело место сезонное отклонение западной ориентировки.

Хронологию могильника определяют две монеты ханов династии Гиреев: серебряная монета хана Менгли Гирея, относящаяся ко II варианту, который был отчеканен в период первого правления (1468–1472 гг. н.э.) (Ретовский О., 1905, табл. 5), и медная монета, которая по ряду признаков может быть отнесена к периоду не позднее 1588 г. н.э. (Ретовский О., 1905, табл. 1–8).

Инвентарь, встреченный вместе с погребенными, довольно скромный и представлен украшениями и предметами быта: бронзовыми

перстнями, серьгами, подвесками, различными бусами, бронзовыми наперстками, железными ножами, шарнирными ножницами современного типа. Также встречен один плоскодонный кружальный красноглиняный кувшинчик.

Особый интерес вызывает железный клинок из погребения № 11 длиной 42,7 см, который можно отнести к боевым ножам необычно большого размера «ятагановидного» облика. Находки ножей являются одними из самых массовых для адыгских древностей XV–XVI вв., однако обычно размеры их не превышают 25 см (Тарабанов В.А., 1984, с. 169). Описываемый экземпляр по некоторым морфологическим признакам схож с ранними ятаганами, из которых самый известный принадлежал Сулейману Великолепному, датировался 933 годом хиджры (1526/27 г.) и был связан своим происхождением с Ираном (Аствацатурян Э.Г., 2002, с. 134). Между тем ятаганы в среднем имели длину от 50 см и ширину клинка от 2,5 см (Аствацатурян Э.Г., 2002, с. 136), что несколько отличается от размерных характеристик ножа из погребения № 11. Данный боевой нож вряд ли имеет импортное малоазийское или иранское происхождение, и в целом допустимо предположить, что этот клинок может являться отражением местной традиции изготовления боевых ножей. Схожий длинный нож (длиной 33,5 см), а также нож с изогнутой спинкой (длина 23 см) были найдены в могильнике на р. Пшиш в Адыгее, датируемые второй половиной XIV–XV вв. (Носкова Л.М., 2005, с. 200, рис. 4, 1, 2). Однако они уступают в размерах данному экземпляру. Расположение оружия относительно останков владельца напоминает способ ношения кавказских кинжалов, но, конечно, это не говорит нам о том, что изготовили его местные оружейники, и вопрос региона происхождения остается открытым. В дополнение к этому вопросу также стало известно, что крупный клинок ятаганного типа общей длиной 92,4 см, происходивший из грабительских раскопок, был недавно передан сотрудниками ФСБ в Новороссийский краеведческий музей (Голубев Л.Э. готовится к печати).

В связи со слабой изученностью памятников данного периода на Северо-Западном Кавка-

зе, аналогий найденным предметам не много. Серьга из парного мужского погребения № 2 находит аналогии среди женских украшений кабардинских курганов (Милорадович О.В., 1954, с. 348, рис. 3, 13). Обычай положения ножиц в ногах (погребение № 2) зафиксирован в белореченских курганах (Левашова В.П., 1953). Как показала антропологическая экспертиза, положение ножиц в погребение как сопутствующего инвентаря не является гендерным признаком погребенного. Так, в погребении № 3 ножицы лежали на тазу у молодой женщины, а в погребении № 2 – в ногах у подростка мужского пола. Следовательно, бытовавшее ранее утверждение, что у адыгов изготовление одежды и обуви, начиная от выделки сырья и до последних его стадий полностью ложилось на плечи исключительно женщины (Тарабанов В.А., 1984., с. 168), является не совсем верным. Находки наперстков нередки в позднесредневековых адыгских памятниках. Как предметы рукоделия наперстки встречаются лишь в женских захоронениях, что также подтверждают данные антропологии.

Следует отметить некоторые особенности могильника и его отличия от основной массы позднесредневековых адыгских некрополей, известных в Закубанье и черноморском побережье. Большинство могильников данного времени, за редким исключением, являются курганными (неподалеку от ст. Гостагаевской в 1979 году раскапывался позднесредневековый грунтовый могильник X–XIV вв., однако его материалы остаются неопубликованными). К грунтовым могильникам, вероятно, можно отнести могильник МТФ-3, близ ст. Старокорсунской. Хотя, по мнению Голубева Л.Э., возможно, погребения ранее имели несохранившиеся грунтовые курганные насыпи, со временем распаханые (Голубев Л.Э., 1997). Могильник на р. Пшиш в Адыгее первоначально был определен как грунтовый, однако при более тщательном анализе планиграфии могильника удалось выяснить, что все погребения находились под размытыми курганными насыпями небольших размеров (Носкова Л.М., 2005, с. 196). Ленинохавльский могильник находился в зоне подтопления и, по мнению Та-

рабанова В.А., возможно, имел ранее надмогильные сооружения (Тарабанов В.А., 1984, с. 165). Могильник кургана у поселения «Гостагаевское-Западное», в отличие от вышеупомянутых, располагался на возвышенности, на поле кургана эпохи бронзы, и не затапливался. Ни на топографической съемке, ни в стратиграфическом разрезе кургана досыпок выявлено не было. Могила расположена не отдельными скоплениями, что могло бы косвенно свидетельствовать о существовании распаханых насыпей, а вытянуты в линию, что более характерно для грунтовых могильников, чем для подкурганных. Также в погребениях отсутствует угольная подсыпка – практически обязательный, за редким исключением (могильник МТФ-3, Ленинохавльский могильник), элемент погребального обряда. Так же следует отметить редкое использование посуды при совершении захоронения и ее практически полное отсутствие в погребениях, что более характерно для Пятигорско-Кабардинских курганов (Милорадович О.В., 1954, с. 348), а также для Прикубанья (Тарабанов В.А., 1984; Голубев Л.Э., 1997).

Среди исследованных погребений можно выделить групповые захоронения. Из девяти позднесредневековых комплексов три были парными и два тройным. Из пяти коллективных одно (п. № 2) следует выделить как захоронение пожилого (старше 40 лет) раба и молодого господина (около 18 лет). Костяк раба представлял собой связанный скелет, лежавший поверх скелета молодого человека. Семейные погребения (п. № 3, 4, 5, 7) представлены двумя и тремя захороненными в одной яме. Так, в п. № 3 лежит семья из трех человек (мужчина менее 22 лет, женщина менее 22 и ребенок 4 года). Тут примечателен мужской костяк – на правой теменной кости есть вмятина (радиус вмятины – 27 мм), травма была получена в результате попадания в голову округлого предмета, скорее всего, в результате нападения противника сзади (при условии, что нападавший нанес удар правой рукой). В погребении № 4 найдены два костяка (мать и дочка), возрастом около 22 и 9 лет. В погребении № 5 выявлены костяки трех человек (мужчина менее 22 лет, женщина менее 22 лет и девочка 5 лет).

В погребении № 7 лежали скелеты мужчины возрастом более 42 лет и девочки возрастом 4 года. Наличие семейных погребений, а также травмы черепа у костяка 1, п. 3, могут свидетельствовать о набеге на поселение враждебных жителям сил.

В итоге данные антропологического анализа¹ позволяют сделать определенные выводы. Итак, опираясь на данные лицевого скелета, обследованную группу можно охарактеризовать как европеоидную, что согласуется с высокой частотой встречаемости одонтологических маркеров западного ствола.

Зафиксировано относительно много детских погребений. Четыре костяка принадлежали детям, не достигшим 13 лет, что может свидетельствовать о высокой детской смертности. На детских костяках не было найдено следов насильственных действий или инфекций. Вероятно, причиной высокой детской смертности явились болезни, не нашедшие выражения на костной ткани, или неблагоприятные условия существования. Также дети могли быть убиты.

У троих индивидов были найдены узлы Шморля, маркирующие физическую нагрузку в детском возрасте. Было найдено пять индивидов со следами физических нагрузок во взрослом возрасте, причем в двух случаях нагрузка была асимметричной. Все это свидетельствует о присутствии тяжелого физического труда в жизни данной группы. Был зафиксирован только один случай гипоплазии эмали – маркера стресса в детском возрасте. Патологий зубной системы (кариеса, зубного камня, пародонтоза) в ходе исследования материала из данного кургана найдено не было. *Cribra orbitale* также найдено не было, что говорит об разнообразном и сбалансированном питании, с достаточным количеством железа в рационе. У двоих индивидов мужского пола были зафиксированы травмы: перелом ключицы (погребение № 2) и травма головы (погребение № 3). Причем травма головы явно была получена насильственным образом. Был зафиксирован один случай патологического изменения формы слухового канала (у женщины из погре-

бления № 4), что могло быть как следствием специфической деятельности (ныряльщица?), так и врожденной патологией. Следов специфических инфекций выявлено не было. «Комплекс всадничества» и «комплекс положения на короточках» отсутствовал.

В целом можно охарактеризовать исследованную группу как европеоидную, оседлую, занятую тяжелым физическим трудом (с детских лет), с высокой детской смертностью. Также два зафиксированных случая травм (в том числе травмы головы).

Территория черноморского побережья Северо-Западного Кавказа во второй половине XV–XVI вв. н.э., как писал путешественник эпохи итальянского возрождения, генуэзец Джорджио Интериано, была заселена племенами зихов-черкесов, называющих себя «ади-га», исповедовавших христианскую религию по греческому образцу (АБиК... 1974, с. 74). По нашему мнению, могильник, который был нами исследован, с большой долей вероятности может быть соотнесен с местным адыгским населением. Косвенным доказательством этого могут являться: вытянутое положение костяка на спине, западная ориентировка погребенных, аналогии найденного материала среди адыгских и кабардинских древностей, социальная дифференциация, выраженная положением в погребение раба (Джорджио Интериано: «Есть среди них знатные и вассалы, и сервы, или рабы» (АБиК... 1974, с. 74)). Также генуэзец упоминает об активной торговле приморского населения с соседями, а также о военных походах черкесов по льду в Крым, что, возможно, и связано с присутствием гиреевских монет на исследованном нами могильнике.

Вывод о возможной профессиональной патологии у женщины из погребения № 4 вполне соответствует свидетельствам Эвлии Челеби о давнем жемчужном промысле в анапской бухте как местными жителями – шегаками, так и «русами», имея в виду казаков (Эвлия Челеби, 1979, с. 26).

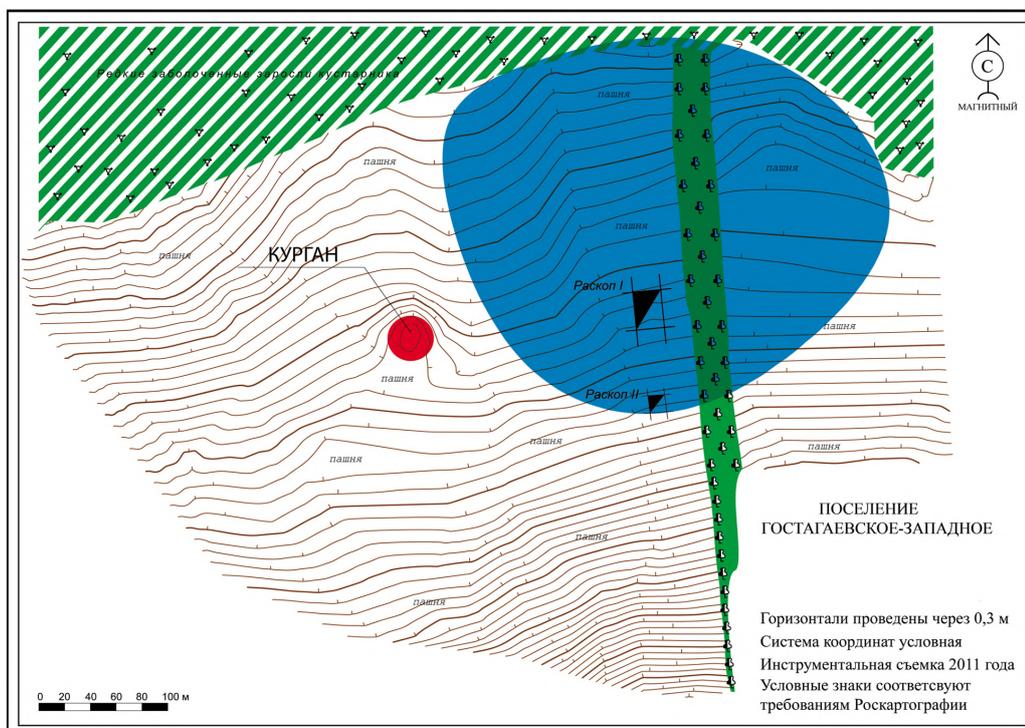
Тот же автор в анапских землях локализует черкесское племя шегаков, о котором говорит: «Нет ни акче, ни пулов», – т. е. черкесы шегаке не употребляли денег (Эвлия Челеби, 1979,

¹ Авторы выражают глубокую признательность аспиранту МГУ им. Ломоносова Кожиной Екатерине Анатольевне за антропологическое определение.

с. 56). Однако данные Челеби относятся к XVII веку, в XV же веке, как мы наблюдаем, монеты вполне не редки, встречены в рядовых погребениях и имели хождение на данной территории.

ЛИТЕРАТУРА

- Тарабанов В.А., 1984.* Средневековые погребения Ленинохабльского могильника (по раскопкам 1975 г.) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Ретовский О., 1905.* Монеты ханов династии Гиреев (Крымское ханство) 1440–1783 гг. По материалам работ О. Ретовского, М.
- Милорадович О.В., 1954.* Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. Вып. XX.
- Левашова В.П., 1953.* Белореченские курганы // Археологический сборник Труды Государственного исторического музея, Вып. XXII. М.
- Носкова Л.М., 2005.* Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 годов // Государственный музей Востока. Материальная культура Востока. Вып. 4. М.
- Голубев Л.Э., 1997.* Группа позднесредневековых погребений из могильника МТФ-3 близ станицы Старокорсунской // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир; М.
- АБиК... 1974.* Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. Нальчик.
- Аствацатурян Э.Г., 2002.* Турецкое оружие в собрании Государственного исторического музея. СПб.
- Эвлия Челеби, 1979.* Книга путешествия (извлеченная из сочинений турецкого путешественника XVII века). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.

- поселение Гостагаевское-Западное
- курган
- местоположение раскопа и его номер

Рис. 1. Местоположение исследованного кургана

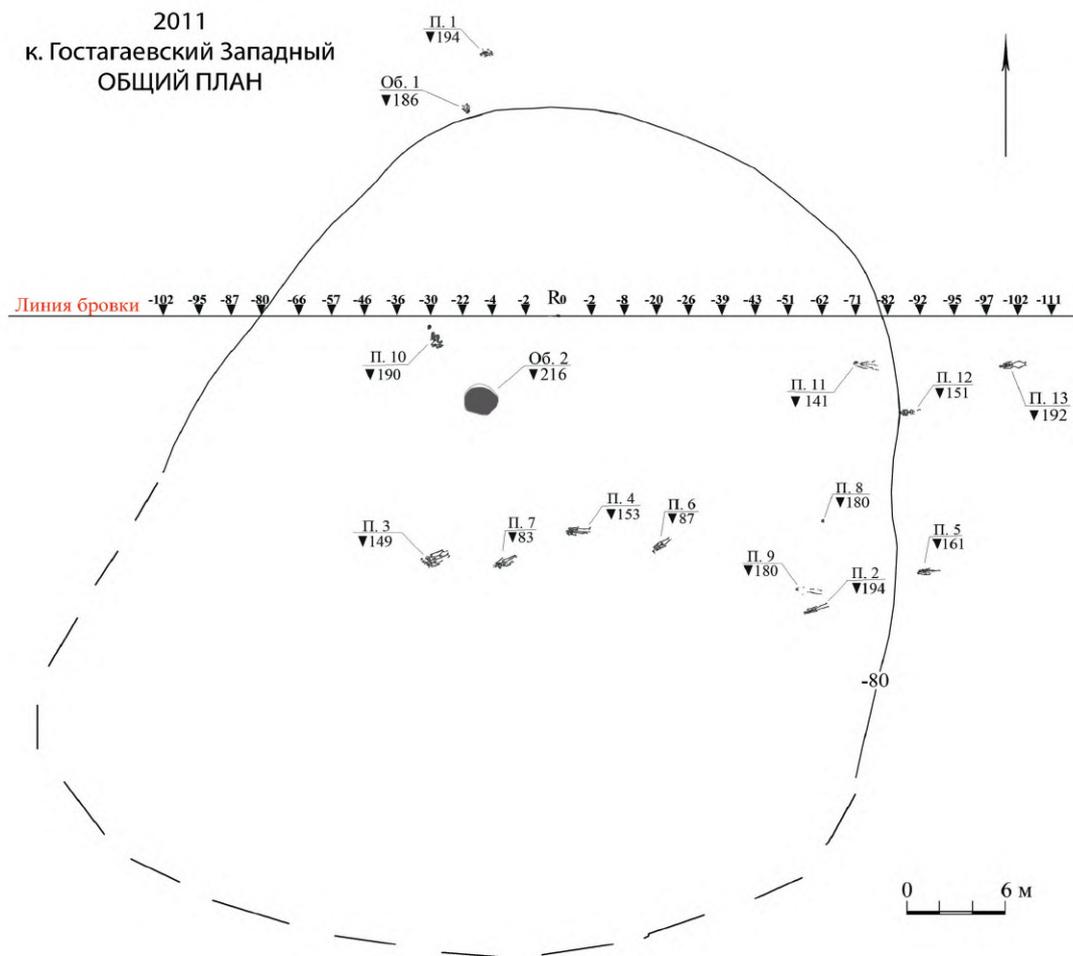

Рис. 2. Общий план исследованного кургана

2011
к. Гостагаевский Западный
центральная бровка

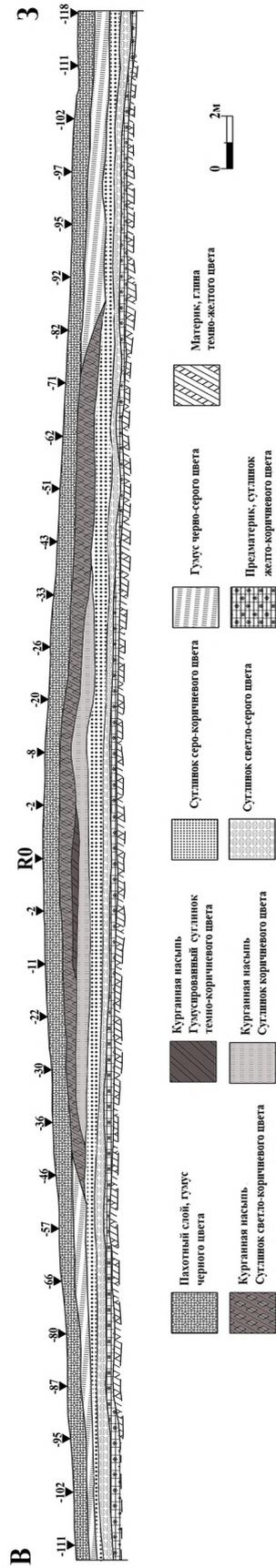

Рис. 3. Стратиграфия центральной бровки кургана

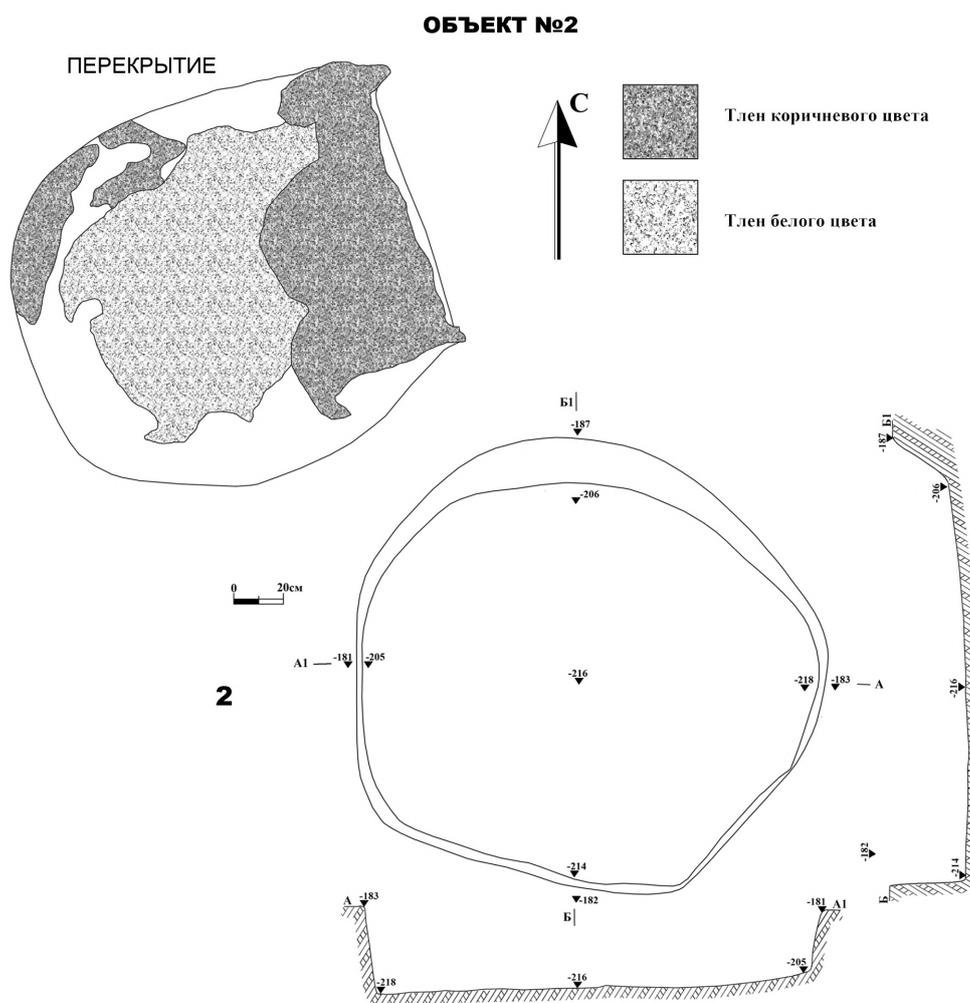
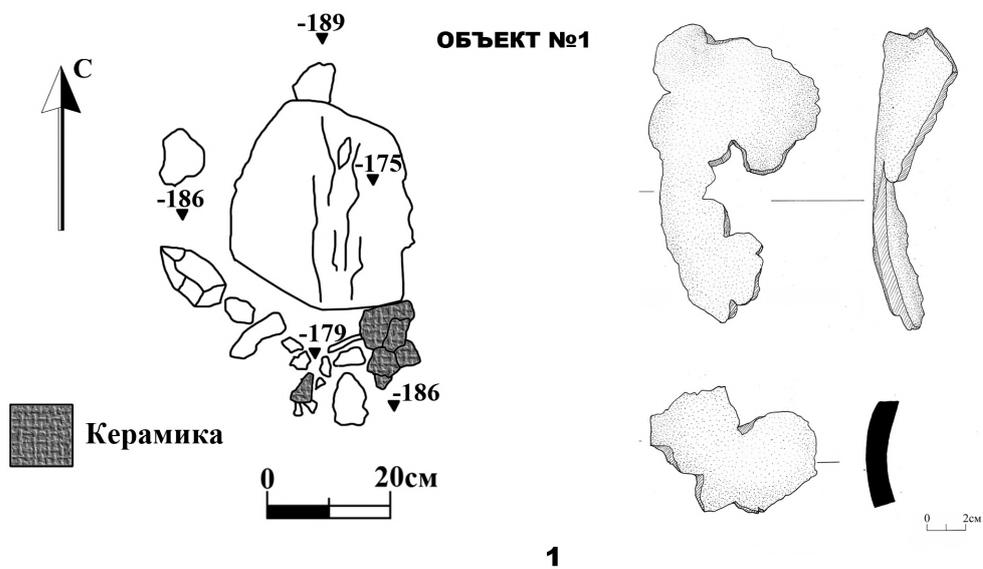

Рис. 4. Объекты, исследованные на кургане. 1 – объект № 1; 2 – объект № 2

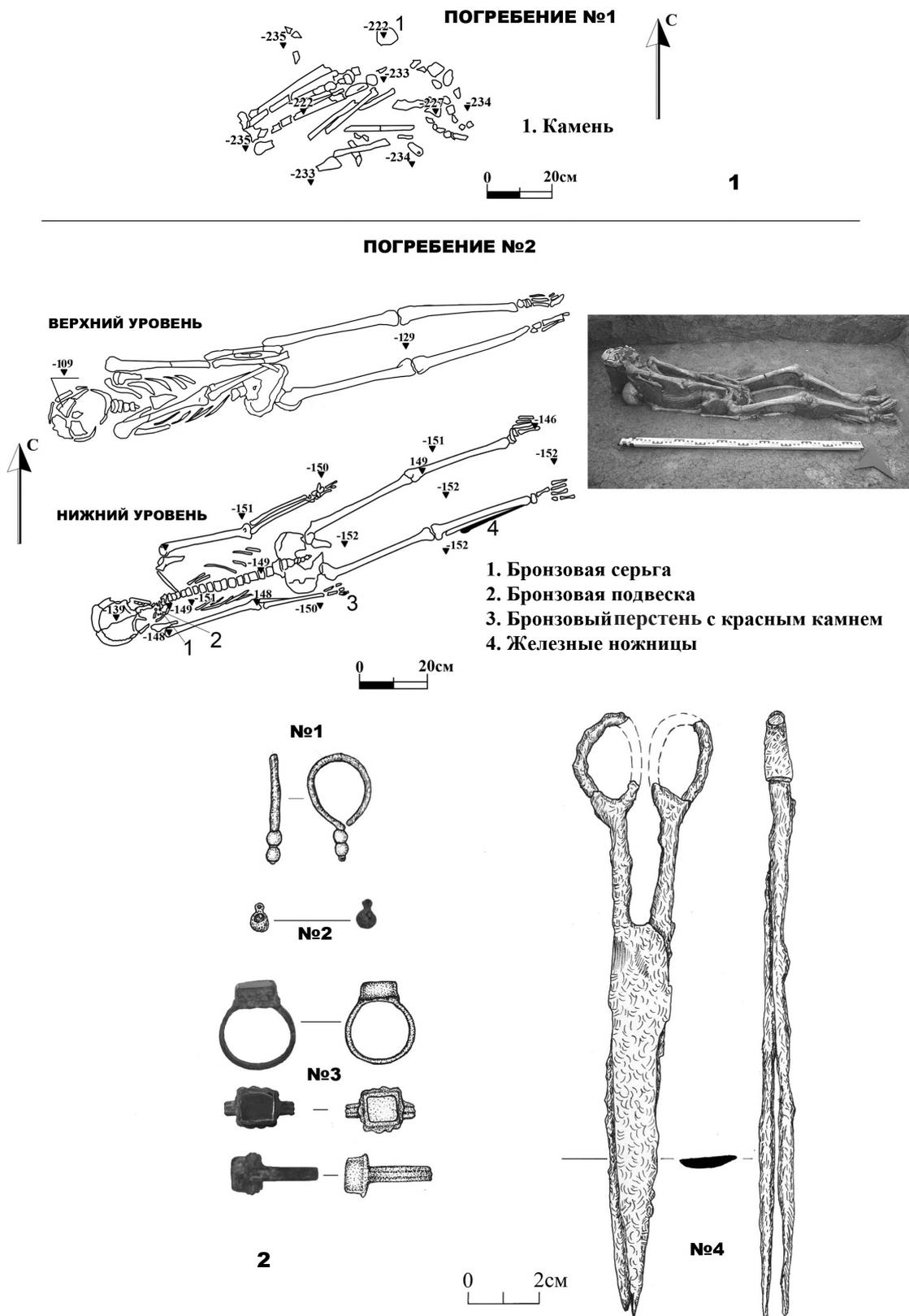
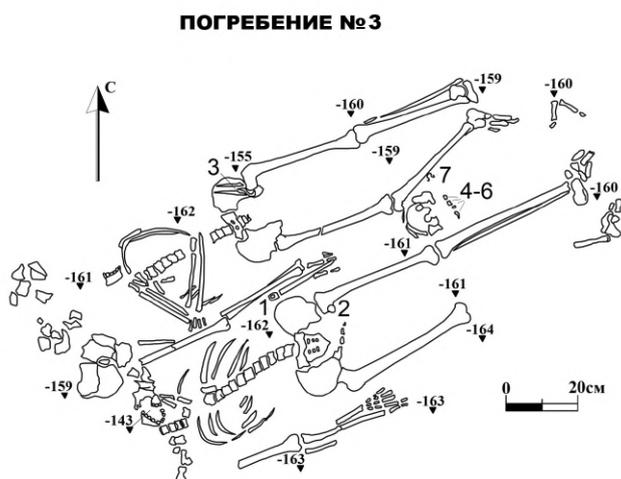

Рис. 5. 1 – погребение № 1; 2 – погребение № 2 и его погребальный инвентарь

1. Нож железный	5. Подвеска бронзовая серповидная
2. Пряжка железная	6. Подвеска бронзовая ромбовидная
3. Ножницы железные	7. Серьга бронзовая
4. Бусы	

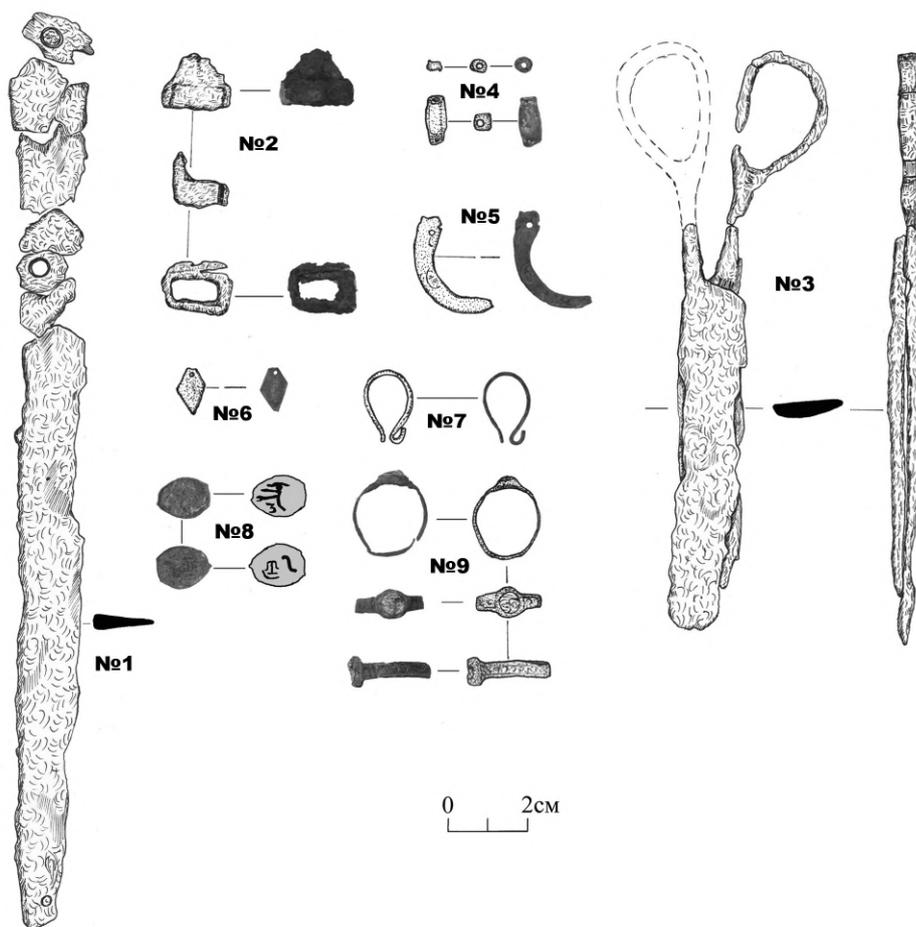
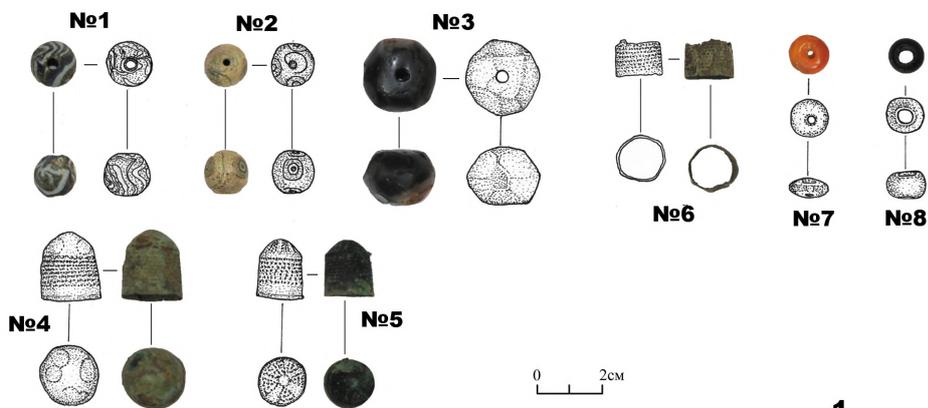
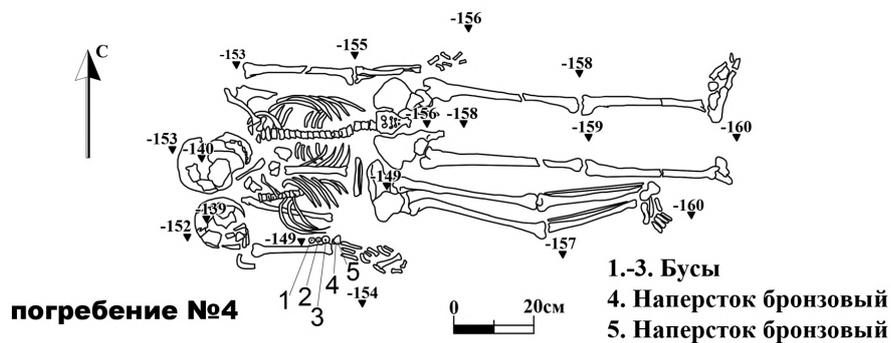
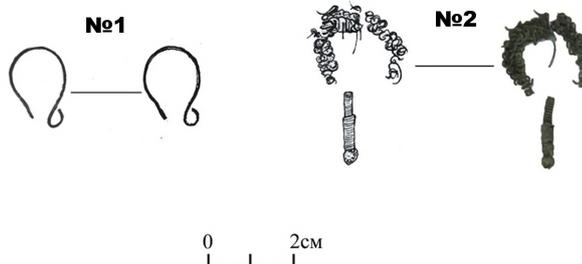
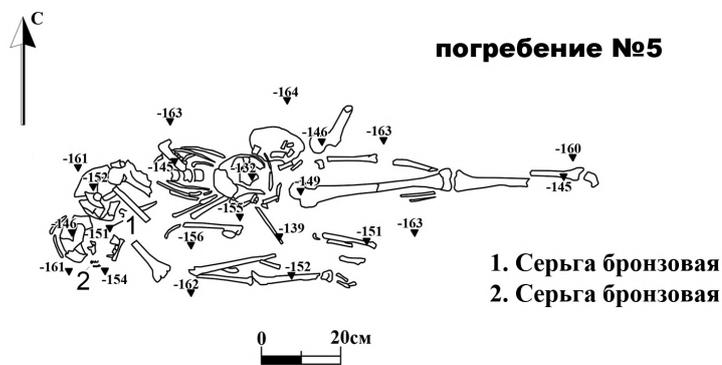

Рис. 6. Погребение № 3 и его материал

1

2

Рис. 7. 1 – погребение № 4 и его материал; погребение № 5 и его погребальный инвентарь

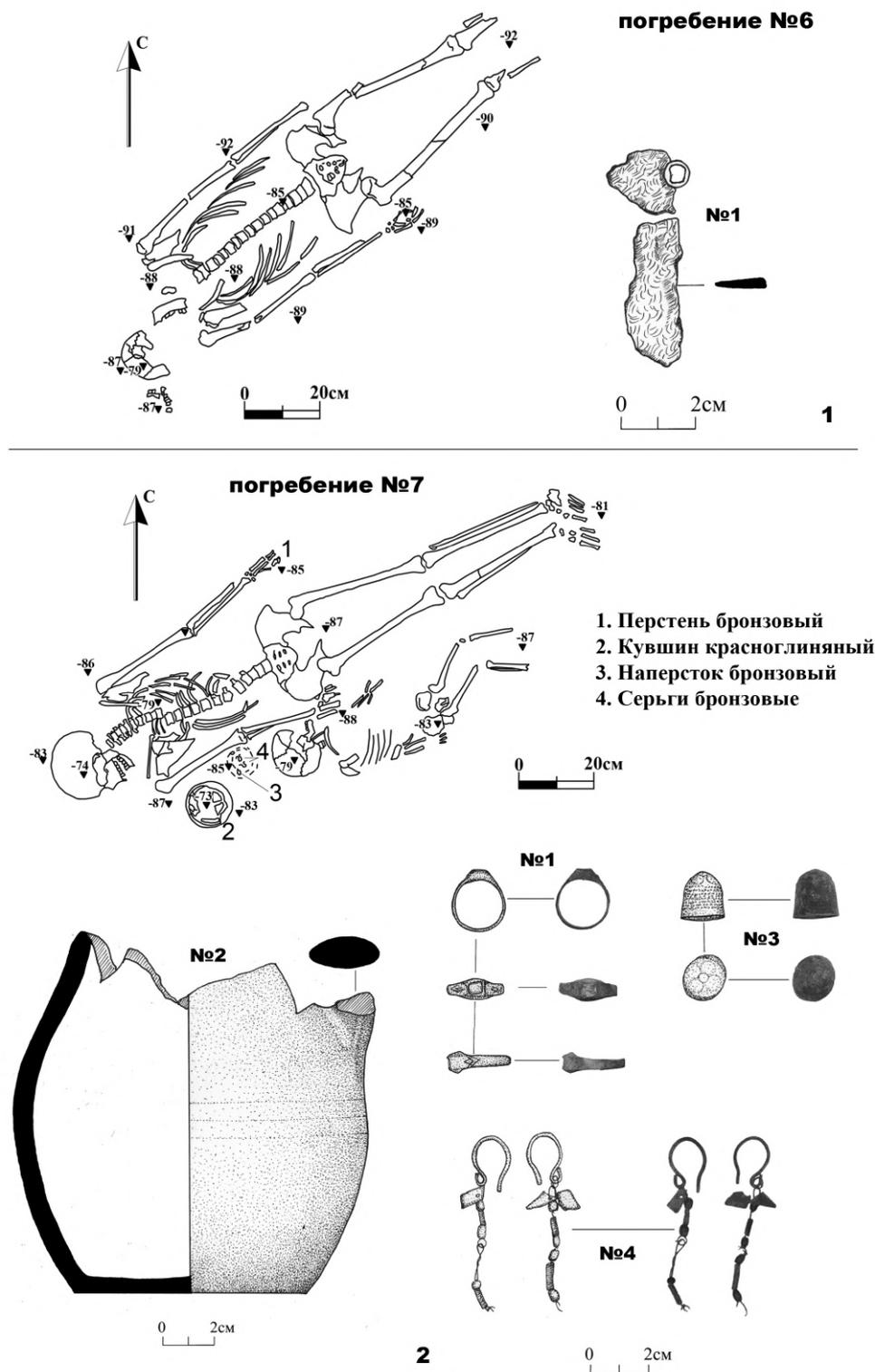

Рис. 8. 1 – погребение № 6 и погребальный инвентарь; погребение № 7 и его материал

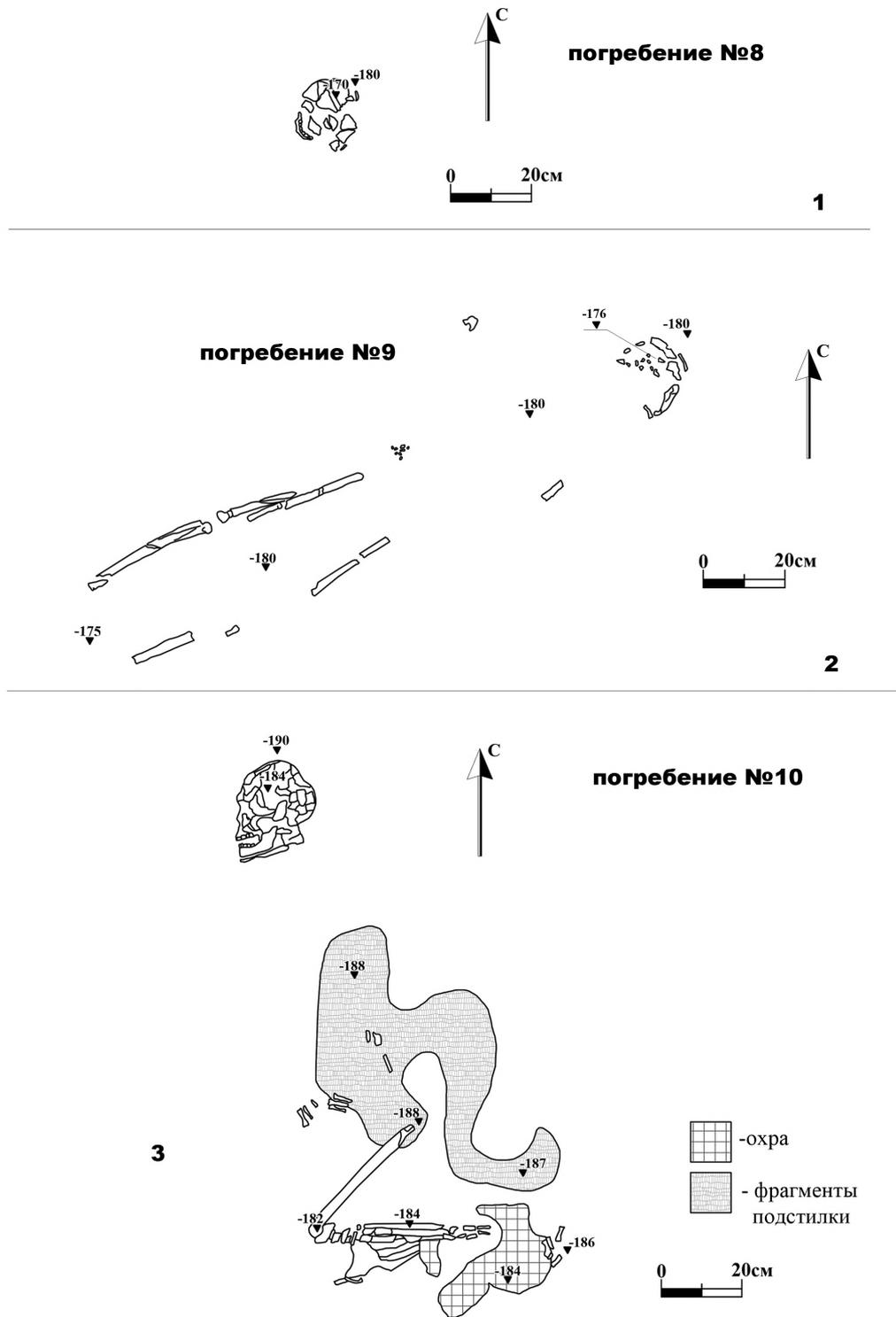

Рис. 9. 1 – погребение № 8; 2 – погребение № 9; 3 – погребение № 10

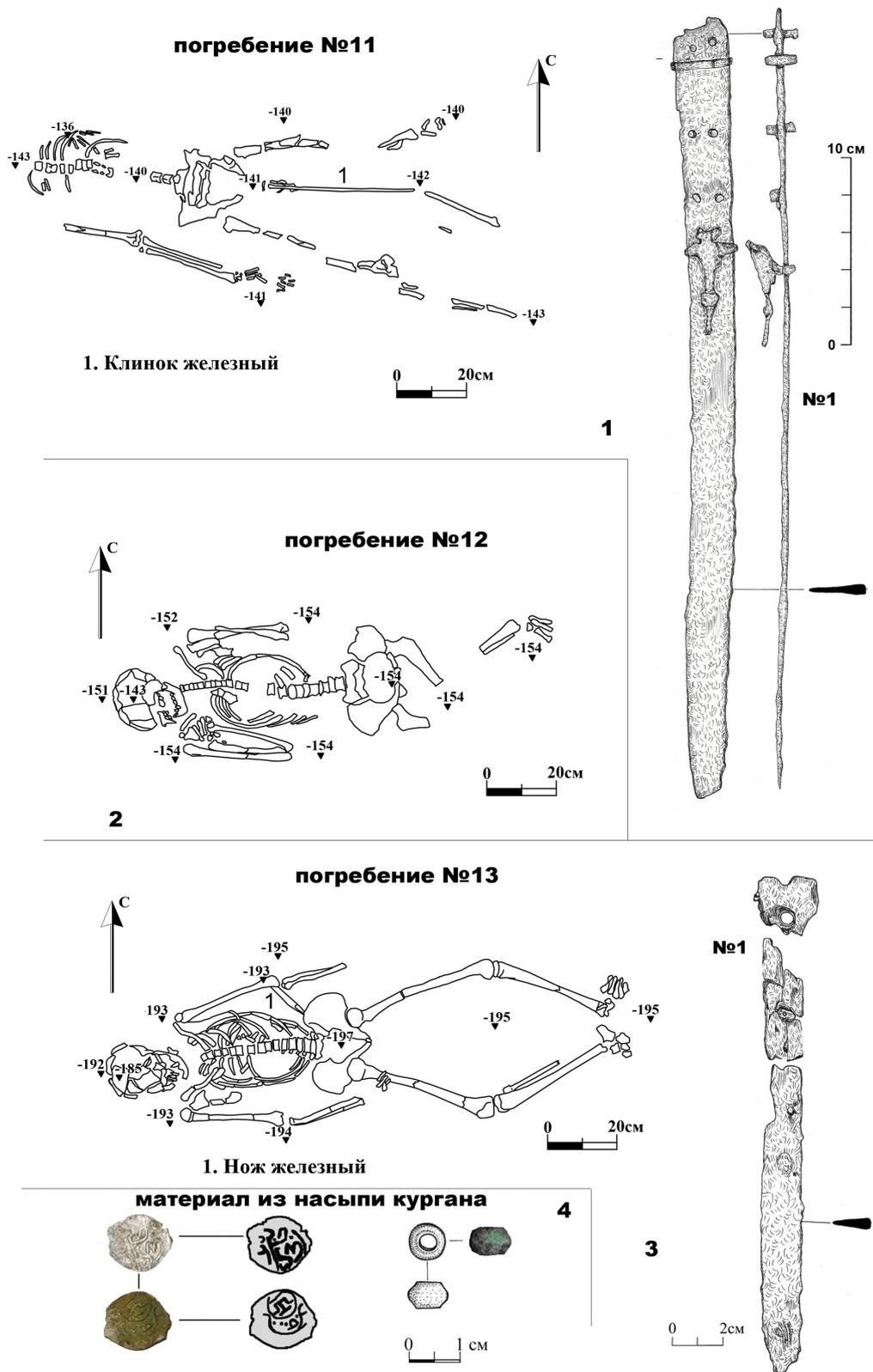

Рис. 10. 1 – погребение № 11 и его погребальный инвентарь; 2 – погребение № 12; 3 – погребение № 13 и его материал; 4 – находки из насыпи кургана

«НОВОЕ» КАК НАПРОЧЬ ЗАБЫТОЕ «СТАРОЕ»?

Памяти к.и.н. П.У. Аутлева

.....

Затрагиваемая нами небольшая по объему и состоящая фактически из 2,5 страниц публикация двух кандидатов исторических наук из Армавирского государственного педагогического университета (Басов И.И., Орловский В.Г., 2019, с. 15–17), восходит к давней и, как теперь выясняется, преданной полному забвению небольшой истории или даже эпизоду из научной жизни, связанному с серьезным и уважаемым специалистом из Адыгеи – кандидатом исторических наук П.У. Аутлевым (1927–1991 гг.). И историю эту мы вынуждены напомнить.

Но прежде замечу, что внимание к этой истории привлекла уже упомянутая выше статья И.И. Басова и В.Г. Орловского. Заинтригованный не только названием их статьи, но и преследуемой ими целью, однозначно и определенно анонсированной ими уже в аннотации, я внимательно прочел статью несколько раз и в результате заинтересовался еще больше: И.И. Басов и В.Г. Орловский цель своей публикации презентовали как стремление *«описать деятельность по выявлению археологических объектов г. Армавира и постановки на учет как памятников археологии и истории»* (Басов И.И., Орловский В.Г., 2019, с. 15). Подчеркну сразу: ничего о такой «деятельности» в этой статье я так и не нашел. Но внимание привлекло сообщение И.И. Басова и В.Г. Орловского, например, об их *личном участии в выявлении, обследовании и картографировании»* только на территории Армавира «в 2012 и 2013 гг.» не больше и не меньше – **«123 археологических объектов»**. Впечатляющая цифра, признаться, вызывает целый ряд вопросов, поскольку данной проблемой ранее, т.е. до И.И. Басова и В.Г. Орловского, занимались некоторые научные сотрудники Армавирского городского краеведческого музея (Н.И. Навротский, А.П. и Т.Е. Лопатины), о которых в статье не упоминается. Такая же работа, напомним, как минимум с 1992 по 2012 годы включительно, являлась одной из обязательных научных тем во время

моей работы в стенах АГПИ (АГПУ-АГПА), в т.ч. и тогда, когда один из авторов рассматриваемой статьи – И.И. Басов – был еще студентом истфака этого же вуза, специализировавшимся по кафедре всеобщей истории, но тогда, по разным причинам досрочно покинув свою учебно-полевую археологическую практику, стал заниматься отнюдь не археологической проблематикой. Продолжалась такая работа нами и позже, когда тот же автор обучался уже в аспирантуре АГПУ, изучая европейское средневековое рыцарство. Еще позднее, став преподавателем этого же вуза, он, вероятно, не обращал внимание на разрабатывавшиеся на той же кафедре студенческие дипломные работы, связанные с археологическими памятниками Амавира и его округи, историей их изучения и составлением соответствующей «Археологической карты». Работы эти обсуждались на той же кафедре, в т.ч. и в присутствии аспиранта, а затем преподавателя кафедры всеобщей истории И.И. Басова, к слову, сегодня эту же кафедру, но с немного иным названием – кафедра отечественной и всеобщей истории, возглавляющего. Сегодня же И.И. Басов одновременно позиционирует себя и в качестве «действующего археолога», которому «забывать» своих пединститутских предшественников, да и не только их, просто непозволительно. Тем более, что в отличие от указанных армавирских преподавателей, эти предшественники разрабатывали проблему во многом с нуля, публикуя свои первые статьи и участвуя в конференциях различного уровня. Параллельно, но уже на профессиональном уровне, такая же работа проводилась и силами археологической лаборатории АГПИ (1992–2002 гг.), вскоре переросшей в Центр археологических исследований (ЦАИ) АГПИ (2002–2012 гг.), в котором действительно работал и И.И. Басов, о чем он каждый раз (на сайте вуза, в рекламе себя как многопрофильного репетитора и в нескольких публикациях) не забывает упомянуть. Однако при

этом И.И. Басов каждый раз вновь «забывает» уточнять: эта его работа в ЦАИ «старого» со- зыва всегда регламентировалась техническим заданием, входившим в комплект документов заключавшегося индивидуального договора, и характер его работы предусматривал только техническую работу (набивка подписей, нивелировок на чертежи и под фото, форматирование, создание оригинал-макетов отдельных изданий, не больше). Все это надежно документируют архивные договора-контракты, хранящиеся и сегодня в т.н. Архиве ЦАИ АГПИ.

Я совсем не случайно затронул данную и, на мой взгляд, непростую тему, поскольку в условиях постепенной и естественно протекающей в Краснодарском крае «смены поколений» археологов и в условиях известного упрощения процесса получения открытых листов (разрешений), наверное, далеко не всем становится безразлично то, кто уже пришел и кто еще придет на смену, кто и как уже сегодня ведет археологические разведки и раскопки на Кубани (и не только на Кубани) и пр. Выбранный нами «армавирский пример» представляется не просто показательным, но и во многом поучительным.

Сегодня один из представителей нынешнего, «нового», состава ЦАИ, реанимированного в 2012 г., занимая должность директора одного из техникумов города и имея 0,5 ставки нагрузки в АГПУ, вместе с уже упоминавшимся зав. кафедрой и деканом факультета – «действующие археологи» «нового» ЦАИ. Сегодня же они являются авторами и «правообладателями...» авторских прав с соответствующим патентом «Базы данных “Реестр учета археологических памятников Средней Кубани”» (Приймак Ю.В. и др., 2016). Ее создание в принципе – дело хорошее, хотя закономерно встает вопрос о географических рамках «Средней Кубани», подразумеваемых авторами той «Базы...». Также закономерен и вопрос о степени сходства и отличий сведений в этой «Базе...» данных от уже существующих современных «Реестров...» и устаревших «Каталогов» (Каталог, 1986), о соблюдении ими авторских прав первооткрывателей тех или иных археологических объектов, что, если судить по некоторым публи-

кациям разных армавирских авторов, может создать в перспективе серьезные проблемы. Да и сущностные задачи, которые сотрудники «нового» ЦАИ АГПУ ставят перед собой, во многом удивляют. А задачи эти, по их же признанию, сводятся к следующему: «Изменился и сам характер работ – если раньше основным показателем («старого». – Е.Н.) ЦАИ была научная деятельность, то теперь на первое место становится финансово-экономическая», подчеркивают они. И не без определенной доли лукавства продолжают – это связано, дескать, «не с банальным желанием гнаться за длинным рублем, а с тем, что наш вуз поставлен в жесткие условия конкурентной борьбы с другими учебными заведениями¹, где одним из главных критериев эффективности и стала способность вуза и его сотрудников зарабатывать средства из внешних источников финансирования»², называя данные «откровения» – «государственным заказом» (Басов И.И., Приймак Ю.В., 2015, с. 58).

Высказываемые нами сомнения – не беспочвенные, и по этим причинам вновь вернемся к выше уже отмечавшейся статье И.И. Басова и В.Г. Орловского.

И.И. Басов и В.Г. Орловский, позиционируя себя «преемниками» «старого» ЦАИ АГПИ, в 2012 г. ушедшего из института, сегодня представляющего собой часть «нового» состава «нового» ЦАИ, фактически, пытаюсь перехватить инициативу, «сев», якобы, за составление «Археологической карты Армавира» и Средней Кубани. Но в исходных материалах для нее пока нет тех «армавирских» «123 объектов». Судить об их реальности и достоверности по

¹ Было бы интересным посмотреть на реалии такой «эффективности» за все 8 лет существования «нового ЦАИ».

² Утверждение звучит несколько лукаво: с 1986 г. по 2012 г., длилась моя «вузовская практика». И это условие всегда предполагало только увеличение возможности «внешних заработков» вузами. Но при этом никогда вузы не освобождались ни от НИР, ни от НИРС, которые наряду с заработанными средствами являлись одним из главных показателей достижений любого вуза. Вряд ли АГПУ из-за финансовых устремлений ее ЦАИ является исключением и за участие в х/д деятельности, наряду с очевидными успехами в КВН, «освобожден» от необходимости публикаций в Scopus, в ВАК-изданиях или же хотя бы в РИНЦ?

рассматриваемой статье И.И. Басова и В.Г. Орловского не представляется возможным, т.к. публикуемый ими «Список...» интересующих нас памятников дается без каких-либо привязок к местности, к тому же он далеко не полон и пр. Трудно с ним работать и по той причине, что указанные авторы не посчитали необходимым даже в общих чертах отразить ход накопления интересующих сведений (истории изучения проблемы), совсем не упомянув, например, о роли кубанского исследователя Е.Д. Фелицына и о его «Археологической карте Кубанской области»; нет даже краткого обобщения роли и вклада проф. Н.И. Веселовского (Нарожный Е.И., 2010, с. 19–21) в изучении курганов Армавира и его окрестностей (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989, с. 71–141). Нет ни слова и о Н.В. Анфимове, Н.И. Навротском, И.С. Каменецком, П.У. Аутлевым и др. исследователях археологических памятников Армавира (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1993, с. 15–17). Но особый интерес вызывает другое: предлагая читателю некий перечень, как уже подчеркивалось выше, лично осмотренных, обследованных и картографированных ими «наиболее значимых объектов» – археологических памятников Армавира, И.И. Басов и В.Г. Орловский называют «**палеолитическую стоянку (г. Армавир)**» отнесенной к «**верхнему палеолиту (50–10 тыс. лет назад)**» (Басов И.И., Орловский В.Г., 2019, с. 16). Из чего следует, что и указанный археологический объект тоже входит в число лично ими выявленных (?), обследованных и картографированных? Однако ни соответствующих фото, ни картографической ситуации, как и подъемного материала ими не приводится, как не сообщается о площади памятника и его местоположении.

Я совсем не случайно акцентирую внимание на данном и весьма примечательном примере двух армавирских авторов, поскольку впервые о существовании такого уникального для округа Армавира археологического объекта я услышал еще в 1992 г. от ныне уже покойного армавирского краеведа-исследователя Н.И. Навротского. Во время одного из моих первых посещений Армавирского городского краеведческого музея Николай Иванович

Навротский, в то время работавший одним из музейных смотрителей, указал мне на несколько обработанных кремней, выставленных в одной из музейных (сугубо археологической) экспозиции. «Они, – пояснил краевед, – со стоянки эпохи палеолита, случайно и частично были перевезены в наш музейный дворик» вместе с привезенным сюда гравием. Продолжая свой рассказ, он спросил: «Знаете ли вы П.У. Аутлева?», который мне был больше известен по публикациям. «Так вот, – продолжил Н.И. Навротский, – в окрестностях Армавира в разные годы я поднял несколько индивидуальных предметов, в основном отщепов кремня, о которых потом написал П.У. Аутлеву, прося его консультации. П.У. Аутлев ответил почти сразу, пообещав через некоторое время приехать в Армавир и лично посмотреть все эти находки, а также места их обнаружения. И действительно, через некоторое время он приехал к нам, в музей, и я его повел через музейный дворик в другое здание (“фонды”), где хранились все не выставленные в музейных залах вещи. Пройдя во дворике мимо небольшой кучи гравия, буквально за несколько дней до этого привезенного для ремонта в музей, Аутлев вдруг остановился, резко развернулся к этой куче и стал в ней выбирать какие-то камни и кремни, внимательно рассматривая каждый их них. “Откуда был привезен сюда гравий?” – спросил он у меня. Но установить точное место загрузки этого гравия из русла р. Уруп так и не удалось, но П.У. Аутлев все равно полагал, что где-то на Урупе могла быть палеолитическая стоянка, откуда находки и попали прямо по назначению – в Армавирский музей», – с удовольствием свидетельствовал Н.И. Навротский. А потом он еще долго рассказывал о том, какое важное историческое значение имеет это научное открытие П.У. Аутлева.

Почти сразу же эту историю Н.И. Навротский пересказал и проф. В.Б. Виноградову, который в это время, почти сразу после своего переезда в Армавир из г. Грозного, вместе с то время студентом-первокурсником за полгода до этого открытого в АГПИ исторического факультета С.Н. Ктиторовым, готовил к изданию небольшое учебное пособие, посвящен-

ное уточнению некоторых спорных аспектов истории г. Армавира досоветского периода. И пособие это вскоре было издано (Виноградов В.Б., Ктиторов С.Н., 1992), хотя в отличие от исследователя из Майкопа, авторы из Армавира предположили, что интересующие нас палеолитические предметы, скорее всего, в силу своей, как малочисленности, так и сильной окатанности из-за пребывания в воде были смыты где-то в верховьях Урупа и занесены в район Армавира паводковыми водами.

Во времена студенчества И.И. Басова это учебное пособие входило в список литературы, рекомендованной для обязательного чтения по «Истории Кубани», но, вероятно, И.И. Басовым было пропущено.

Вот такая «старая» и забытая история связана с одним из эпизодов не только личной жизни, но и научно-творческой деятельности адыгского исследователя П.У. Аутлева, в прямом смысле этого слова, не прошедшего мимо интересных артефактов, что стало его личным вкладом в изучение археологии Армавира. Но эта же история в конечном итоге сыграла и злую шутку с к.и.н. И.И. Басовым и его соавтором В.Г. Орловским. А сам факт подобного личного позиционирования и своего якобы непосредственного «участия» анонсированной в аннотации своей статьи «деятельности по выявлению археологических объектов г. Армавира и постановки на учет как памятников археологии» в любом случае не совсем соответствует действительности. По большому счету, подобная позиция сильно напоминает нам еще один также уже подзабывшийся эпизод «прославления Армавира» посредством других археологических предметов. Тогда (нач. XX в.) житель Армавира – некий Г. Агжитов, предложил ИАК приобрести у него довольно выразительные артефакты, в конечном итоге оказавшиеся фикцией – искусными подделками (Раев Б.А., 2002, с. 248–256), и на длительное время привлекшие внимание многих исследователей к этим «древностям» из Армавира. «История» И.И. Басова и В.Н. Орловского 2019 г. не станет такой же резонансной. Как мне кажется, она во многом поучительная, поскольку авторы данной «истории» даже не

задумываются над тем, что кто-то может элементарно проверить приводимые ими доводы и аргументы, что еще живы люди, которые достаточно хорошо ориентируются в тех или иных проблемах истории и археологии этих же микрорегионов края, которые данных армавирских авторов знают и ориентируются в соответствующей научной литературе, остающейся неведомой для других, в т.ч. и берущихся за перо в области археологии, вероятно, даже не подозревая о том, что археология – это тоже наука со всеми характерными и присущими для научной отрасли методиками, правилами, принципами. А любая археологическая публикация, как и публикации в системе других научных знаний, что общеизвестно, требует прежде всего историографического знания. В вышеизложенной же «истории» есть повод для осознания и другого очевидного факта – являясь зав. кафедрой, наверное, надо хотя бы ориентироваться в изданиях своей «родной кафедры», в т.ч. и предшествующего периода. Хотелось бы надеяться, что и в упомянутой выше «Базе данных» подобных казусов удалось избежать.

ЛИТЕРАТУРА

Басов И.И., Орловский В.Г., 2019. О некоторых аспектах выявления и постановки на учет объектов археологического наследия Армавира и его окрестностей // История и обществознание. Научный и учебно-методический ежегодник. Вып. XVI / отв. ред. С.Н. Малахов. Армавир: АГПУ. С. 15–17.

Басов И.И., Приймак Ю.В., 2015. О деятельности Центра археологических исследований АГПА в 2012–2014 гг. // Виноградовские чтения. Материалы международной научно-практической конференции (11 апреля 2015 г., г. Армавир). Армавир. С. 57–60.

Виноградов В.Б., Ктиторов С.Н., 1992. Новое прочтение некоторых страниц истории Армавира и его окрестностей. Армавир: ИУУ. 16 с.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., 1993. К истории археологического изучения Армавира и его округа // Вторая Кубанская археологическая конференция (г. Краснодар, 15–18 марта 1993 г.). Тезисы докладов. Краснодар. С. 15–17.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. – II в. н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМа. Вып. 70. М. С. 71–141.

Каталог... 1986. Каталог памятников истории и культуры Краснодарского края. Краснодар.

Нарожный Е.И., 2010. Профессор Н.И. Веселовский // Чтения по истории Курганинска и Курганинского района. Вып. 1 / отв. ред. Е.И. Нарожный. Курганинск: КГКМ. С. 19–21.

Приймак Ю.В., Басов И.И., Басов В.И., 2016. Приймак Ю.В., Басов И.И., Басов В.И. База данных «Реестр уче-

та археологических памятников Средней Кубани» (Свидетельство о регистрации базы данных RU 2016620462, 12.04.2016. Заявка № 2016620065 от 27.01.2016.

Раев Б.А., 2002. О «древностях», приобретенных в 1912 г. в Кубанской области // МИА Кубани. Вып. 2 / под ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ. С. 248–256.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

ПАМЯТИ ИГОРЯ НИКИТОВИЧА АНФИМОВА

.....

23 марта 2020 года после длительной болезни не стало Игоря Никитовича Анфимова, археолога, старшего научного сотрудника отдела археологии Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

Игорь Анфимов родился 28 мая 1955 г. в семье известного археолога, профессора Кубанского госуниверситета Никиты Владимировича Анфимова и Клавдии Емельяновны Волковой, заведующей отделом Краснодарского музея. Рождение в семье профессора-археолога не означало, что сын пойдёт по стопам отца. Но это случилось, и Игорь Никитович стал археологом. Я помню его тринадцатилетним подростком. Он приходил на заседания археологического кружка исторического факультета тогда Краснодарского пединститута, был высоким, слегка сутулящимся, немного неловким мальчиком с ломающимся голосом. Летом он ездил с отцом и его студентами на археологические раскопки. Студенты моего курса, где Н.В. Анфимов был любимым преподавателем и бессменным куратором, хорошо его знали, звали Гарькой (как звали дома) и помнят по сию пору.

По окончании школы Игорь поступил на исторический факультет КГУ, закончил его и был принят научным сотрудником-археологом в Краснодарский музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, где проработал многие годы. Игорь Никитович стал музейщиком-профессионалом, как его мать и отец. Он вёл самостоятельные археологические исследования курганных могильников в Краснодарском и Динском районах, исследовал Елизаветинский могильник № 2 и др. памятники. Несмотря на то, что его научной темой были культуры меотов и сарматов Краснодарского края, он исследовал и памятники эпохи бронзы. Интересной находкой в одном из курганных погребений, которое раскапывал И.Н. Анфимов, было открытие неких пустот, которые были замечены

археологами. В них был залит гипс и перед исследователями предстали почти все детали древнейшей повозки пятитысячелетней давности. Археологи нередко находят отпечатки повозок эпохи бронзы, но в таком состоянии они были найдены впервые. Отливки хранятся в Краснодарском музее и позволяют реконструировать первый колёсный транспорт нашего региона. Игорь Никитович участвовал в работе над музейными выставками, стационарными и передвижными, над реэкспозицией зала археологии музея-заповедника. Он выступал с докладами на российских и международных конференциях. Им было опубликовано более пятидесяти научных статей. Игорь был ярким, умным человеком, высоким, сильным, громкоголосым и очень похожим на своего отца – внешне, походкой и даже почерком. Был любим коллегам, друзьями, близкими.

Светлая ему память, Игорю Никитовичу Анфимову, Игорю, Гарику.

Е.А. Хачатурова

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ НАУЧНЫХ РАБОТ И.Н. АНФИМОВА

1. Новый памятник протомеотской культуры в Прикубанье // Тезисы докладов конференции, посвященной 175-летию Одесского археологического музея. Киев, 1975.
2. Об этнической принадлежности впускных погребений в курганах бронзового века правобережья р. Кубани // VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978.
3. Исследование меотского могильника близ г. Краснодара // IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979.
4. Соляные знаки в памятниках меото-сарматской культуры Прикубанья // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980.
5. Древнемеотский могильник близ г. Абинска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.
6. Раскопки Елизаветинского второго могильника // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.
7. Елизаветинское городище – эмпорий Боспора в Среднем Прикубанье // XI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Новороссийск, 1981.
8. Новые находки античных бронзовых шлемов IV–III вв. до н. э. на Северо-Западном Кавказе // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
9. Амулеты из египетского фаянса первых веков н. э. из Прикубанья // Конференция по археологии Северного Кавказа XII Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 1982.
10. Скифские прорезные навершия из Прикубанья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1983. Вып. 23.
12. Основные этапы развития керамического производства у меотских племен Прикубанья // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984.
13. Итоги работы Красноармейской археологической экспедиции 1983 г. // Материалы к научно-практическому семинару археологов «Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982–1983 гг. и задачи на 1984–1985 гг.». Краснодар, 1984.
14. Меотский могильник I–II вв. н. э. близ станицы Елизаветинской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.
15. Об этнических процессах на Средней Кубани в I в. до н. э. – III в. н. э. // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Л., 1985. Вып. III.
16. Меотские гончарные печи I–III вв. н. э. Старокорсунского городища // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
17. Новые археологические исследования по р. Лабе в 1984 г. // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. Баку, 1985.
18. Камерные погребения в грунтовых могильниках правобережья Кубани // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Орджоникидзе, 1986.
19. Погребальный комплекс II в. до н. э. у хут. Элитного Краснодарского края // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
20. Работы Новолабинской экспедиции // Археологические открытия 1984 года. М., 1986.
21. Повозки эпохи бронзы из раскопок курганов у станицы Старонижестеблиевской // Древности Кубани (Материалы семинара). Краснодар, 1987.
22. Меото-сарматский период // Каталог выставки «Шедевры древнего искусства Кубани». М., 1987 (в соавт.).
23. Раскопки близ ст. Старонижестеблиевская // Археологические открытия 1986 года. М., 1988.
24. Могильник протомеотской культуры хут. Казазово // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.
25. Курганы эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1988.

26. Раскопки курганов в Восточном Приазовье (итоги работы Калининской экспедиции 1988 г.) // Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1989.
27. Клад византийских монет VIII в. из г. Славянска-на-Кубани // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь, 1990.
28. Клад золотых монет VIII в. из г. Славянска-на-Кубани // Кубанский краевед. Краснодар, 1990. Вып. 2.
29. Клад пантикапейских монет начала III в. до н. э. из Восточного Приазовья (ст. Старонижестеблиевская) // Вестник Древней истории. 1991. № 1.
30. Новые материалы из раскопок Елизаветинского могильника (итоги работы Елизаветинской экспедиции в 1989 г.) // Древности Кубани. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 1991. С. 20–21.
31. Текст каталога выставки «Кочевники на юге России». Токио, 1991 (в соавт.). На японском языке.
32. Дольменная группа в верховьях р. Небуг (итоги обследования дольменов Туапсинского района в 1991 г.) // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1992.
33. Археологические памятники г. Краснодара // Кубанский краевед. Краснодар, 1992. Вып. 3 (в соавт. с Н.В. Анфимовым).
34. Бусы из Елизаветинского могильника (по раскопкам 1989 г.) // Древности Кубани и Черноморья. *Studia Pontocausasica I* / отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар, 1993. 1,25 п. л.
35. Меотские племена Прикубанья. VIII в. до н. э. – III в. н. э. // По страницам истории Кубани. Краеведческие очерки / отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар: Советская Кубань, 1993. 208 с.
36. Археологическая карта Калининского района Краснодарского края // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1993.
37. Меотский могильник III–II вв. до н. э. Елизаветинского городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Кисловодск, 1994.
38. Новые находки погребений кочевников XII–XIII вв. в Восточном Приазовье (материалы из коллекций Краснодарского историко-археологического музея-заповедника; поступления 1988, 1990 гг.) // Тезисы докладов юбилейной конференции «Проблемы археологии и истории Боспора». К 170-летию Керченского музея древностей. Керчь, 1996.
39. Половецкие погребения из Восточного Приазовья // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир; М., 2002 (в соавт. с Ю.В. Зеленским).
40. К вопросу о датировке предметов из разрушенного поздnekочевнического погребения из станицы Староминской // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002 (в соавт. с Ю.В. Зеленским).
41. Дневники М.В. Покровского и Н.В. Анфимова 1927–1928 гг. (материалы по истории археологии Кубани) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3 (в соавт. с Е.А. Хачатуровой).
42. Дневники М.В. Покровского и Н.В. Анфимова 1927–28 гг. (материалы к истории археологии Кубани) Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. М., 2004 (в соавт. с Е.А. Хачатуровой).
43. Систематизация и обработка научного архива профессора Н.В. Анфимова // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере. Краснодар, 2004. Вып. 2. (в соавт. с Н.Е. Берлизовым, Ю.В. Зеленским, А.В. Пьянковым и Е.А. Хачатуровой).
44. Могильники Среднего Прикубанья эпохи позднего эллинизма и римского времени (по материалам рукописного архива Н.В. Анфимова) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 113–125 (в соавт. с Н.Е. Берлизовым).
45. Обследование археологических памятников Усть-Лабинского района. Из дневников Н.В. Анфимова 1927–1930 // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар, 2005 (в соавт. с Е.А. Хачатуровой).

46. Могильник Прочноокопского городища № 3: качество публикации археологических материалов // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Нальчик, 2006. 0,12 п. л. (в соавт. с А.В. Пьянковым).

47. Половецкое погребение из Восточного Приазовья // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 5–6 (в соавт. с Ю.В. Зеленским).

48. Материалы об исследовании Семибратнего городища из архива Н.В. Анфимова // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 185–187 (в соавт. с Е.А. Хачатуровой).

49. Могильник Прочноокопского городища № 3 по материалам архива Н.В. Анфимова // МИАК. Краснодар, 2006. Вып. 6. 1,25 п. л. (в соавт. с А.В. Пьянковым).

50. Елизаветинский могильник № 1 по материалам архива Н.В. Анфимова // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2006. Вып. 6. С. 121–138 (в соавт. с Н.Е. Берлизовым).

51. Дневники Н.В. Анфимова 1928–1934 гг. Экскурсии в Закубанье // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2006. Вып. 6 (в соавт. с Е.А. Хачатуровой).

52. Материалы об исследовании Семибратнего городища из архива Н.В. Анфимова // Информационно-аналитический вестник. История, этнология, археология. Майкоп, 2006 (в соавт. с Е.А. Хачатуровой).

53. Раскопки Усть-Лабинского могильника №2 в 1936 г. (по материалам рукописного архива Н.В. Анфимова) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 7. Армавир, 2007. С. 100–107 (в соавт. с Н.Е. Берлизовым).

54. О погребениях позднесарматского времени на могильниках меотских городищ правого берега р. Кубань // «Фелицынские чтения» (X). Материалы межрегиональной научной конференции (г. Краснодар, 8–9 октября 2008 г.). Краснодар, 2008. 0,35 п.л. (в соавт. с В.А. Тарабановым, А.В. Пьянковым) (С. 8–13).

55. О поздней группе погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.) // Е.И. Крупнов и развитие археологии

Северного Кавказа. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. М., 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014. (С. 263–266). (в соавт. с А.В. Пьянковым).

56. Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2014. № 4. (С. 84–101). (в соавт. с А.В. Пьянковым).

Переизданные работы

57. Об этнической принадлежности впускных погребений в курганах бронзового века правобережья р. Кубани // VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

58. Исследование меотского могильника близ г. Краснодара // IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

59. Солярные знаки в памятниках меото-сарматской культуры Прикубанья // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980. // В кн. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

60. Елизаветинское городище – эмпорий Боспора в Среднем Прикубанье (XI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. г. Новороссийск, 1981) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

61. Амулеты из египетского фаянса первых веков н. э. из Прикубанья // Конференция по археологии Северного Кавказа XII Крупновские

чтения. Тезисы докладов. М., 1982 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

62. Основные этапы развития керамического производства у меотских племен Прикубанья. XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

63. Камерные погребения в грунтовых могильниках правобережья Кубани. XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Орджоникидзе, 1986 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

64. Курганы эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье. XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1988 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

65. Клад византийских монет VIII в. из г. Славянска-на-Кубани // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь, 1990 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

66. Дольменная группа в верховьях р. Небут (итоги обследования дольменов Туапсинского района в 1991 г.). XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1992 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

67. Меотский могильник III–II вв. до н. э. Елизаветинского городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Кисловодск, 1994 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

68. Дневники М.В. Покровского и Н.В. Анфимова 1927–28 гг. (материалы к истории археологии Кубани). Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. М., 2004 (в соавт. Е.А. Хачатуровой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

69. Могильник Прочноокопского городища №3: качество публикации археологических материалов. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Нальчик, 2006 (в соавт. с А.В. Пьянковым) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

70. Половецкое погребение из Восточного Приазовья. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006 (в соавт. с Ю.В. Зеленским) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

71. Материалы об исследовании Семибратнего городища из архива Н.В. Анфимова. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006 (в соавт. Е.А. Хачатуровой) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения, 1971–2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008.

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БЕСПАЛОЙ

Вот уже больше года, как с нами нет Натальи Евгеньевны Беспалой.

Евгения Ивановича Беспалого, что называется, знали все. При его сложном характере Наталья была женой, тенью, главной помощницей, но, самое главное, – лучшим профессионалом археологического чертежа и рисунка.

Путь к этому профессионализму начался в 1979 году, когда Наташа устроилась на работу в Азовский краеведческий музей в качестве лаборанта (кто только в этом качестве не был). Далее – экспедиция, руководитель – Е.И. Беспалый, большая любовь, начало работы. Я видел эти первые неумелые чертежи и эти первые рисунки.

Наталья не имела специального художественного образования, но Женя, не владея рисованием сам, сумел объяснить Наташе, как точен должен быть чертёж и как должны выглядеть вещи в рисунке, чтобы хотелось их «потрогать» (его тезис). Кропотливость и трудолюбие сделали своё дело. Уже к середине 80-х в той технике, какая была тогда принята, у Натальи были лучшие изображения археологических предметов. Беспалый был, как известно, удачлив на находки красивых вещей. Тем самым усложнялась задача для Натальи – красивые вещи требуют качественного рисунка.

Могильники «Высочино», «Дачи», «Валовый» – это была великая школа мастерства. Было еще много всего. Появилась компьютерная графика, которой Наталья овладела в совершенстве. Н.Е. Беспалой отрисованы коллекции

скифо-сарматских древностей от Сибири до Европы. И лучше её никто бы этого не сделал.

В личной жизни у Наташи была ЭКСПЕДИЦИЯ. Это от Евгения Ивановича. Мы все тогда принимали экспедицию как семью. Для меня Наташа была старшей сестрой до самого конца. Трагедия с потерей Жени, дальше – трагедия с гибелью единственного сына подкосили здоровье. Но мало таких стойких, она больше 10 лет справлялась со смертельным недугом. И работала, работала, работала.

Представьте – торт «Наполеон», приготовленный на костре в поле. Это наша Наташа. И никто её не заменит. Ни в личном, ни в профессиональном. Никто.

Е.В. Козюменко

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КОНОНЕНКО

27 ноября 2020 года ушел из жизни наш коллега, замечательный человек, бывший научный сотрудник отдела археологии Новороссийского исторического музея-заповедника, отдавший музею и науке более 25 лет, Александр Павлович Кононенко. Ему было 63 года...

Родился 19.11.1957 в г. Новороссийске. В 1985 г. окончил исторический факультет Кубанского госуниверситета. С 1978 по 1988 г. работал научным сотрудником отдела археологии Новороссийского государственного исторического музея-заповедника (в наст. время ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник»). В 1993–1995 гг. – директор «Черноморского археологического центра». С 2003 по 2019 г. – научный сотрудник отдела археологии, с.н.с. отдела археологии ГБУК КК «Новороссийский исторический музей-заповедник». С 2012 г. – директор ООО «Новороссийская археологическая экспедиция».

Научные интересы: энеолит – бронза.

В 1974–1975 гг. работал рабочим в экспедициях Новороссийского музея под рук. А.В. Дмитриева на раскопках могильников «Дюрсо», «Дюрсо-1», «Верхний Аул», «Махновая щель» и поселения «Дюрсо-1». В 1976 г. работал в экспедиции А.М. Ждановского на исследовании курганов в районе а. Начерзий. В 1977–1978 гг. принимал участие в работе совместных экспедиций Новороссийского музея и ИА СССР под рук. Н.А. Онайко по исследованию античных башен в с. Владимировка и с. Цемдолина. В качестве научного сотрудника в 1979 г. работал под рук. А.В. Дмитриева на раскопках двух поселений и могильников в пос. Мысхако, некрополя в Широкой Балке и средневекового поселения на территории автобазы № 8. В 1980 г. был прикомандирован к Краснодарской экспедиции у хут. Ленина. В 1980–1982 гг. под рук. Н.А. Онайко и А.А. Масленникова участвовал в исследовании некрополя в Широкой Балке. В 1984–1986 гг. под рук. А.В. Дмитриева при-

нимал участие в исследованиях археологических памятников в зоне строительства оросительных систем у ст-цы Раевской, Раевского городища, средневекового поселения в п. Малый Утриш, могильника в Лобановой Щели, средневековых памятников на трассе ЛЭП к заводу «Прибой» и в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» близ Новороссийска. С 2004 по 2016 г. в качестве научного сотрудника принимал участие в раскопках Шишлова А.В., Федоренко Н.В. и Колпаковой А.В.

В 1982 г. провел исследование могильника эпохи бронзы в устье реки Дюрсо 1. В 1986–1987 гг. исследовал дольменный комплекс в верховьях реки Озерейки. В 1994 г. исследовал могильник 8-я Щель в п. Цемдолина г. Новороссийска. С 2007 по 2020 г. проводил разведки в Новороссийском, Крымском, Красноармейском и Славянском районах.

ОТЧЕТЫ

1. Отчет о исследовании могильника эпохи бронзы в устье реки Дюрсо в Краснодарском крае в 1982 г.

2. Отчет. Раскопки мегалитических сооружений в верховьях р. Озерейки на территории дачного кооператива «Бриз» близ г. Новороссийска Краснодарского края в 1986 г.

3. Отчет. Раскопки дольменного комплекса в верховьях р. Озерейка на территории дачного кооператива «Бриз» близ города Новороссийска Краснодарского края в 1987 г.

4. Отчет о разведках в зоне строительства индивидуальных домов в пос. Цемдолина (8-я щель) г. Новороссийска в 1994 г.

5. Отчет о доследовании могильника в зоне строительства жилых домов в пос. Цемдолина (8-я щель) г. Новороссийска в 1994 г.

6. Отчет об археологических разведках на территории Адагумского сельского поселения в Крымском районе Краснодарского края в 2007 г.

7. Отчет об археологических разведках в охранной зоне памятника археологии «Селище Барабашева Щель-2» в 2009 г. в Крымском р-не Краснодарского края. В составе проекта «Подключение Верхнебаканского цементного завода к газораспределительной системе ОАО «Газпром» и подаче газа на ГГРП цементного завода».

8. Отчет об археологических разведках на территории Красноармейского района Краснодарского края в 2012 году.

9. Отчет об археологических разведках на территории Красноармейского района Краснодарского края в 2013 году.

10. Отчет об археологических разведках на территории г. Новороссийска Краснодарского края в 2015 году.

11. Отчет об археологических разведках на территории г. Новороссийска, Краснодарского края в 2017 году.

ОСНОВНЫЕ СТАТЬИ

1. Полированные «топоры-тесла» и их использование на поселении «Мысхако» // Древности Кубани. Материалы семинара. Краснодар, 1987.

2. Дольменный комплекс близ г. Новороссийска // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988.

3. Дольмены в окрестностях Новороссийска (в соавт. с А.В. Дмитриевым) // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь, 1990.

4. Поселение Майкопской культуры Дюрсо // Исторические записки (исследования и материалы). Вып. 4. Новороссийск, 2003. С. 40–56.

5. Лепная керамика скифского времени из Владимирского могильника // Четвертая Ку-

банская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 134–135.

6. Владимирский могильник – новый памятник скифского времени в Цемесской бухте (в соавт. с А.В. Шишловым, Н.В. Федоренко, А.В. Колпаковой) // На юго-восточных рубежах азиатского Боспора. Москва; Новороссийск, 2005.

7. Яма № 82 п. «Мысхако» – экстракт третьей культуры РБ? (к постановке проблемы) // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Нальчик, 2006. С. 209–210.

8. Грунтовый могильник эпохи средней бронзы в устье реки Дюрсо в районе Новороссийска // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Материалы конференции. Сухум, 2006. С. 202–205.

9. На заре цивилизации (в соавт. с А.В. Шишловым) // Новороссийск – город-герой. Краснодар, 2006. С. 7–16.

10. Работы по подготовке государственного реестра памятников археологии Крымского района // Археологические открытия на Кубани в 2005–2006 гг. Краснодар, 2007.

11. Материальная культура Владимирского могильника (в соавт. с А.В. Шишловым, Н.В. Федоренко, А.В. Колпаковой) // Исторические записки (исследования и материалы). Вып. 5. Новороссийск, 2007. С. 4–19.

12. Дольменный комплекс на р. Серегай близ Новороссийска // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Владикавказ, 2008.

13. Предварительные итоги разведки в Барабашевой щели у пос. Нижнебаканский Крымского района Краснодарского края // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 74–75.

14. Терминология и атрибуция глиняных конусов и аналогичных им предметов с поселений майкопской культуры // Третья Абхазская международная археологическая конференция. Проблемы древней и средневековой

археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум, 2013. С. 98–102.

15. Погребения периода ранней бронзы в курганах у хут. Рассвет, исследованные Ю.С. Круш-кол (по материалам Анапского музея) // Исторические записки (исследования и материалы). Вып. 8. Новороссийск, 2013. С. 45–49.

16. Два античных погребения в каменных ящиках из некрополя у с. Мысхако г. Новороссийска (разведки 2017 г.) // IX Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2019. С. 177–182.

*Составители: А.В. Колпакова,
Н.В. Федоренко, А.В. Шишлов, И.И. Кузин*

ПАМЯТИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА КРАЙСВЕТНОГО

16 июня 2020 г. скончался историк, археолог, член Фонда Новочеркасской трагедии Михаил Иванович Крайсветный.

При известной «похожести» донских археологов, которая проявляется в предприимчивости, коммуникабельности и квасном патриотизме, есть и определенные различия. Они проявляются не только возрастной, поколенческой характеристикой, но скорее особенностью мировоззренческого восприятия того, чему служит археология.

Это во многом было результатом первого полевого опыта, того влияния, которое оказывала на неофитов личность наставников и более зрелых коллег. Всегда можно определить тех, кто начинал работу в вузовских лабораториях, экспедициях различных краеведческих музеев, не говоря уже о современных коммерческих организациях.

И на этом фоне достаточно рельефно выделялась фигура недавно ушедшего от нас М.И. Крайсветного (1952–2020). Он относился к тому поколению местных археологов, обучение которых в стенах университета совпало с переломным моментом вузовской археологии – формированием, начиная с 1966 г. первых многочисленных экспедиций, исследующих самые различные памятники.

Уже первый полевой опыт скромного паренька из Краснодарского края относился к числу тех работ, которые получили название новостроечных. Речь шла о масштабных работах «Донской объединенной археологической экспедиции», которая с 1968 г. начала раскопки при строительстве рыбопродуктивных прудов на донском правом берегу. Этот проект объединял Институт археологии и Новочеркасский музей истории донского казачества. Работы 1970–1971 гг. велись силами специалистов, которые были приняты на работу в музей. Это были Е.И. Савченко, В.С. Флеров и А.И. Семенов. Среди этого коллектива исследователей М.И. Крайсветный получил фундаментальные навыки исследований памятников от эпохи бронзы до позднего средневековья. Многолетняя дружба и совместная работа позднее

связала его с Б.А. Раевым. Вместе с ним были проведены масштабные разведочные работы и паспортизация археологических памятников нескольких районов Ростовской области.

Михаил Иванович стал квалифицированным специалистом-полевиком, для которого написание публикаций или выступление на научных конференциях не было самоцелью. При этом список его научных исследований представительен, в нем соседствуют традиционные сведения о полевых работах и публикации наиболее интересных материалов. В течение продолжительного времени местом его работы был музей Всероссийского научно-исследовательского института виноградарства и виноделия им Потапенко И.Я. и тема истории донского виноделия разрабатывались им не один десяток лет.

Важным направлением полевых исследований М.И. Крайсветного были памятники ранней истории донского казачества. Масштабные разведки соседствовали с раскопками, материалы которых еще предстоит ввести в научный оборот. В первую очередь это материалы Кагальницкого городка, связанного с жизнью атамана донской вольницы Степана Разина.

Отмена идеологических запретов и демократизация общественной жизни в конце 80-х гг. XX в. стали временем, многое изменившим в судьбе Михаила Ивановича. Он принял самое активное участие в работе инициативной группы, расследовавшей события 2 июня 1962 г. и их последствия. Новочеркасская трагедия имела

много «белых пятен», в первую очередь – истинное количество жертв расстрела мирной демонстрации рабочих. Полевой опыт М.И. Крайсветного позволил обнаружить места захоронений первых жертв трагических событий 1962 г.

Активная общественная деятельность не прервала полевую археологическую деятельность М.И. Крайсветного. В последние годы он активно работал не только на Дону, но и в Предкавказье. Изучение менталитета горских народов, их традиций и обычаев стало темой последних по времени работ ученого. Многим замыслам, увы, уже не суждено сбыться. Но есть многочисленные материалы полевых работ М.И. Крайсветного, изучение которых позволит осветить еще многие проблемы древней истории и археологии, решению которых посвятил свою жизнь исследователь.

А.Л. Бойко

ПУБЛИКАЦИИ М.И. КРАЙСВЕТНОГО

1. Могильник у х. Крымский. Археологические открытия 1975 года (в соавторстве с Савченко Е.И.). М., 1976.
2. О времени появления виноградной культуры на Дону // Тезисы докладов Всесоюзной конференции молодых ученых по виноградарству и виноделию. Новочеркасск.
3. Каталог археологических коллекций (Сokolовский курганный могильник) – в соавторстве. Новочеркасск, 1985. 84 с.
4. Защитный доспех из Грушевского могильника // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье: тезисы докладов семинара. Новочеркасск, 1987. 66 с.
5. Происхождение донских формировок виноградного куста // Краеведческие записки: Сборник научных трудов / Музей истории донского казачества. Новочеркасск, 1994. Вып. 1. 86 с.
6. Казаки Ригельмана и исторические реалии // Цивилизация и человек: проблемы развития: материалы науч.-теорет. конф. ФГ ИСЭО НГТУ, 18–19 апреля 1995 г., Новочеркасск / Новочерк. гос. тех. ун-т. Ростов н/Д: Пегас, 1995. 63 с.
7. Еще раз о термине «казак» // Межвузовская науч.-теорет. конф.: Россия: общество, народы, личность. Материалы науч.-теорет. конф. ФГО НИМИ, 25 мая 1995 г. / Новочерк. инж.-мелиоративный инс-т. Новочеркасск, 1995. 82 с.
8. О терминах «казак», «атаман», «чиркас-черкес» // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Материалы VII Донской археологической конференции. Ростов н/Д, 22–26 ноября 1998 г.). Ростов н/Д: Логос, 1998. 194 с.
9. Исследования на острове Куркин // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Материалы VII Донской археологической конференции (Ростов н/Д, 22–26 ноября 1998 г.). Ростов н/Д: Логос, 2000. 98 с.
10. Работы Новочеркасского исторического комитета в 1998 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов: Азовский краеведческий музей. 2000. 350 с.
11. К вопросу о времени появления христианства на Дону // 2000 лет от Рождества Христова: Проблемы, итоги и перспективы развития мировой цивилизации: материалы науч.-теорет. конф. ЮРГТУ. Ростов н/Д, 2000. 96 с.
12. Работы Новочеркасского исторического комитета на Золотовском городище в 1999–2000 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Вып. 17. Азов: Азовский краеведческий музей, 2001. 400 с.
13. Работы на Золотовском городище в 2001 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов: Азовский краеведческий музей, 2002. 432 с.
14. Раннесредневековые христианские погребения на Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов: Азовский краеведческий музей, 2002. 432 с.
15. Раскопки кургана эпохи бронзы в низовьях р. Ясени (в соавторстве с Раевым Б.А.) // Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Вып. 2. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2001. 119 с.
16. Работы на Золотовском городище в 2001 году // Нижний Дон – этнические контакты.

Сборник науч. док. IV Донских археологических чтений, посвященных памяти Е.И. Беспалого. Ростов н/Д: Изд. РРО ВООПИК, 2002. 56 с.

17. Раннесредневековые христианские погребения на Дону // Нижний Дон – этнические контакты. Сборник науч. док-в IV Донских археологических чтений, посвященных памяти Е.И. Беспалого. Ростов н/Д: Изд. РРО ВООПИИК, 2002. 56 с.

18. «Ефремовский» – грунтовый катакомбный могильник эпохи бронзы в г. Новочеркасске // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. С. 56–62.

19. Работы Новочеркасского исторического комитета в 2004 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. 544 с.

20. О роли народов Кавказа в раннем этногенезе донского казачества // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: материалы. Сухум, 2006. 448 с.

21. Элементы культуры северокавказских народов в культуре донского казачества // «Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе»: сб. тезисов (г. Ростов-на-Дону, г. Азов, октябрь 2006 года) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: ООО «ЦВВР», 2006. 127 с.

22. Адыгский этимон термина «казак» // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности: тезисы региональной научно-практической конференции, г. Урюпинск, 26–29 апреля 2007 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 57–60.

23. Казак – означает демократ // Историко-культурные и природные исследования на территории Раздорского этнографического музея-заповедника: Сборник статей. Вып. 3. Новочеркасск: Изд-во «НОК», 2007. С. 27–36.

24. К вопросу об этимологии термина «казак» // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 69–82.

25. Начальный этап становления казачества // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: тезисы докл.

Всероссийской научной конференции (9–10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 153–157.

26. Константин Багрянородный и народы Западного Кавказа // Нижний Дон в древности: этногенез, природа, человек: тезисы XII Донских археологических чтений, г. Ростов-на-Дону, 15 марта 2010 г. Ростов н/Д: Изд. «НП «Южархеология», 2010. С. 65–77.

27. Музей одного события // Научно-практическая конференция в г. Майкопе 25–30 мая 2008 г. Майкоп, 2008.

28. «Новая Бахмутовка II» // Освещающая прошлое: науч.-поп. издание. Ростов н/Д: Изд. «НП «Южархеология», 2009. С. 128–130.

29. «Глубокая III» // Освещающая прошлое: науч.-поп. издание. Ростов н/Д: Изд. «НП «Южархеология», 2009. С. 182–184.

30. Сарматское погребение в г. Новочеркасске (совместно с Дедюлькиным А.В.) // Археологические записки. Вып. 7. Ростов н/Д: Изд-во РРОО «Донское археологическое общество», 2011. 383 с.

31. Факты адыгского участия в формировании донского казачества. Вопросы казачьей истории и культуры: Вып. 8 / М.Е. Галецкий, Н.Н. Денисова, Г.Б. Луганская; Кубанская ассоциация «Региональный фестиваль казачьей культуры»; отдел славяно-адыгских культурных связей АРИГИ им. Т. Керашева. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2012. 220 с.

32. Время сделать следующий шаг // Черкесский вопрос: история, проблемы, пути решения / сост. Ж.А. Калмыков. Нальчик: ООО ТЕТРАГАФ, 2012.

33. Ритуальный комплекс кургана 18 Грушевского могильника (совм. с Дедюлькиным А.В.) // Археология Нижнего Дона: учебник. Ростов н/Д: ЮФУ, 2013.

34. Культ груши-дички в мировоззрении донского казачества // Рубикон: сб. науч. трудов молодых ученых / под ред. А.Л. Бойко. Вып. 64. Ростов н/Д, 2014.

35. Фигурка кабана из городища «Казанское I» // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всерос. науч. конф. с международным уча-

стием, посвящ. 70-летнему юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20–21 октября 2016 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 131–137.

36. Б.А. Раев: новочеркасский период // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всерос. науч. конф. с международным участием, посвящ. 70-летнему юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20–21 октября 2016 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С. 11–19.

37. Дендросимволы Созереша и «День черкесской груши» // Археологические записки. Вып. 9. [Сб. ст.], Донское археологическое общество. Ростов н/Д: ООО «Альтаир», 2017. С. 361–175.

38. Нартский эпос и донское виноделие // Межконфессиональный диалог и культура общения в поликультурном пространстве Республики Адыгея: сб. ст. XI региональных науч. чтений, посвященных Дню славянской

письменности и культуры (Майкоп, 18 мая 2018 г.) Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2018. С. 107–123.

39. Нартский эпос и донское виноделие // Русский виноград. Сб. науч. ст. ФГБНУ ВНИИВиВ им. Я.И. Потапенко. Вып. 18. Новочеркасск, 2019.

Публикации в СМИ

1. Черненко М.Ю., Крайсветный М.И. Исторические регионы демократии в России // Представитель власти. М., 2004. № 4 (108) январь.

2. Они от неких вольных людей... // Ковчег Кавказа. Ростов н/Д, 2006. № 3, 4-5.

3. Летят утки..., жареные // Частная лавочка. Новочеркасск, 2006.. № 24 (395).

4. Кадамовский дворцовый комплекс или ... склад? // Частная лавочка. Новочеркасск, 2006. № 44 (395).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

.....

Абрамова Александра Николаевна – научный сотрудник отдела археологических фондов КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар)

Баринов Дмитрий Геннадьевич – кандидат исторических наук, АННИО «Центр краеведения», зам. директора по научной работе (г. Саратов)

Бацанюк Ирина Сергеевна – заведующая лабораторией полевых исследований КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар)

Бойко Андрей Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории Древнего мира, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Верещагин Владислав Викторович – генеральный директор ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция» (г. Ростов-на-Дону)

Волков Игорь Викторович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра археологического наследия, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Институт Наследия) (г. Москва)

Голубев Лазарь Эрвандович – кандидат исторических наук, ведущий сотрудник сектора археологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (г. Майкоп)

Гончаров Серафим Анатольевич – студент 2-го курса исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Горошников Андрей Алексеевич – старший научный сотрудник ООО «Кубаньархеология»

Горошникова Зоя Викторовна – старший научный сотрудник ООО «Кубаньархеология»

Дедюлькин Антон Владимирович – археолог, старший научный сотрудник ГБУК РО «Новочеркасский музей истории донского казачества» (г. Новочеркасск)

Евглевский Александр Викторович – старший научный сотрудник Донецкого национального университета, археологическая научно-исследовательская группа (г. Донецк)

Зеленский Юрий Викторович – заведующий отделом археологических фондов КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар)

Иванов Алексей Владимирович – начальник археологической экспедиции ООО «Южный региональный центр археологических исследований» (г. Краснодар)

Исайкин Виктор Михайлович – ведущий консультант, Управление государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края (г. Краснодар)

Колпакова Алиса Вадимовна – старший научный сотрудник отдела археологии ГБУК КК НИМЗ (г. Новороссийск)

Козюменко Евгений Владимирович – археолог (г. Ростов-на-Дону)

Крайсветный Михаил Иванович – научный сотрудник РРОО «Донское археологическое общество» (г. Новочеркасск)

Круглов Евгений Викторович – секретарь ВРО «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВОО ВООПИиК) (г. Волгоград)

Королева Ирина Андреевна – научный сотрудник отдела истории, Геленджикский историко-краеведческий музей (г. Геленджик)

Кузин Игорь Иванович – художник-реставратор отдела археологии ГБУК КК НИМЗ (г. Новороссийск)

Ларенок Вера Алексеевна – научный сотрудник ООО «Южархеология» (г. Ростов-на-Дону)

Ларенок Павел Анатольевич – научный сотрудник ООО «Южархеология» (г. Ростов-на-Дону)

Лопан Оксана Витальевна – старший научный сотрудник Центра археологического наследия, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Институт Наследия) (г. Москва)

Нарожный Евгений Иванович – Заслуженный работник культуры Кубани, доктор исторических наук, главный специалист НАО «Наследие Кубани» (г. Краснодар)

Нечипорук Александр Александрович – археолог, сотрудник ГАУК РО «Донское наследие» (г. Ростов-на-Дону)

Попов Александр Романович – специалист археолог ООО «Кубаньохранкультура», г. Краснодар

Пьянков Алексей Васильевич – ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» (г. Краснодар)

Сазонов Александр Алексеевич – директор ООО «Кубаньархеология» (г. Краснодар)

Скаков Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела бронзового века, Институт археологии РАН (г. Москва)

Схатум Руслан Баричевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических фондов КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар)

Федоренко Наталья Валентиновна – старший научный сотрудник отдела археологии ГБУК КК НИМЗ (г. Новороссийск)

Хачатурова Евангелина Анатольевна – Заслуженный работник культуры Кубани (г. Краснодар)

Черкасов Андрей Николаевич – старший научный сотрудник АНО «Научно-просветительский Центр палеоэтнологических исследований» (г. Москва)

Чхаидзе Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела средневековой археологии, Институт археологии РАН (г. Москва)

Шаов Азамат Русланович – аспирант кафедры культурологии, этнологии и истории народов КБР КБГУ им. Бербекова (г. Нальчик)

Шевченко Николай Федорович – начальник археологической экспедиции, Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия (АНО «НИЦ») (г. Саратов)

Шишлов Александр Владимирович – заведующий отделом археологии ГБУК КК НИМЗ (г. Новороссийск)

Яцюк Денис Анатольевич – начальник археологической экспедиции ООО «Южный региональный центр археологических исследований» (г. Краснодар)

Научное издание

ДРЕВНОСТИ КУБАНИ

Выпуск 24

Сборник научных трудов

Корректор С.А. Шестак
Оригинал-макет А.В. Стахеева
Дизайн обложки А.В. Киреев

Подписано в печать 25.12.2020
Бумага офсетная. Формат 60 × 84 1/8. Усл. печ. л. 16,39
Уч.-изд. л. 12,58. Заказ № 7880. Тираж 300 экз.

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса
КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66

